

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

8

ДБ

Санкт-Петербург
2001

ББК 83.3Р 1
8 Р 1
Л-659

Редактор-составитель О.Р.Демидова
Ответственный редактор Б.Л.Бессонов

Л-659 **Лица: Биографический альманах. 8 – СПб., 2001.**

ISBN 5-86007-246-5

В альманахе собраны не публиковавшиеся прежде материалы из архива Майковых; воспоминания Майкла де Щербинина, видного деятеля одной из первых российских сект – «пашковцев»; публикуются письма Л.Н.Модзалевского; Е.А.Салиаса-де-Турнемир; воспоминания московской старушки о жизни в Москве в конце прошлого века. Все материалы откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Портреты

А.Г.Гродецкая
ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ И ХОЛОДНЫЙ
(В.А.Солоницын и семья Майковых)

Нет скорбнее и грустнее чувства, как несчастно верный взгляд на вещи, снимающий с них наружный покров <...>. Это особое положение, неверие в то, чему верят другие, неразрывная с ними горькая ирония и досада давят душу, живую и раскрытую. Взгляд этот от общего переходит к лицам, и тут еще хуже, он безжалостно вскрывает их, указывает неподложные точки помешательства их, к которым они приросли, – и становится больно за современного человека. Как мало целых, трезвых натур!

А.И.Герцен. Дневник. Июль 1843 г.

О Владимире Андреевиче Солоницыне вспоминают только тогда, когда речь заходит о литературной жизни в доме Майковых в конце 1830-х – начале 1840-х и об их «домашней» литературе – рукописном журнале «Подснежник» и альманахе «Лунные ночи», вдохновителем и редактором которых он был. Зато ни биографы Аполлона и Валериана Майковых, ни исследователи раннего творчества И.А.Гончарова, домашнего учителя в семье Майковых и сотрудника рукописных изданий, не обойдут этого имени. «Питомец Московского университета и тогдашний соредактор О.И.Сенковского по изданию “Библиотеки для чтения”, весьма образованный человек и любитель русской литературы, – писал о Солоницыне Д.Д.Языков, – владел богатым собранием книг на русском, французском, немецком и английском языках; благодаря этой библиотеке и тщательному выбору произведений самим просвещенным владельцем, юный Аполлон Николаевич был ознакомлен со всеми образцовыми сочинениями родной и иностранной литератур...»¹ Солоницыну, по признанию самого Ап. Майкова, и он и Валериан были обязаны «обширным знакомством с науками и развитием вкуса и страстью к литературе»². Владимир Андреевич остался в благодарных и почти легендарных семейных преданиях, в бережно сохраненной в семейном архиве переписке. Но и не более того.

¹ Языков Д.Д. Жизнь и труды А.Н.Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности. М., 1898. С.7; см. также: [Семевский М.И.] Аполлон Николаевич Майков в 1836–1839. Рукописный альманах 1839 года // Русская старина. 1888. Т.58. №5. С.531–534.

² Автобиографические сведения за 1821–1856 с сопроводительным письмом И.С.Ремезову [1857–1858] (РНБ. Ф.453. Оп.1. Ед.хр. 1. Л.2об.).

В истории русской беллетристики и журналистики Солоницын – фигура анонимная. Какое-то время он действительно был помощником О.И.Сенковского по редакции «Библиотеки для чтения»³. Когда в конце 1830-х Сенковский отошел от редакции журнала, занимаясь только «Критикой» и «Литературной летописью», основную работу, как вспоминала его жена, он передал «человеку признанного достоинства, в усердии и деятельности которого он был совершенно уверен»⁴. Солоницын редактировал журнал до конца 1842 (в этой роли выступали также Э.И.Губер, В.В.Дерикер, затем А.В.Старчевский)⁵ и, вероятно, имел основания писать: «Сенковский должен бы чувствовать, что у него никогда еще не бывало такого редактора, каким был я»⁶. Однако в середине 1850-х составители указателя к «Сыну отечества» и «Библиотеке», перечисляя ближайших сотрудников Сенковского, уже не вспомнили о его «усердном и деятельном» помощнике⁷. Сотрудничать в «Библиотеке» Солоницын начал, скорее всего, в первый год издания журнала⁸, но о его многотрудной и многообразной деятельности рецензента, фельетониста, переводчика, компилятора и автора статей для «Смеси» можно лишь догадываться по ряду глухих упоминаний в письмах.

Не заслужил признания Солоницын и как один из первых в России переводчиков Диккенса. Лишь тот же Сенковский, рецензируя в 1850-х годах очередное издание «Посмертных записок Пиквикского клуба», самого, по его словам, «неудобоваримого» из всех сочине-

³ См.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати: 1703–1900. Пг., 1915. С.82.

⁴ Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены. СПб., 1858. С.156–157; ср. также с.140.

⁵ См.: Старчевский А.В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1891. №8. С.324.

⁶ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1), л.8 (письмо Н.А. и А.Н.Майковым в Италию от 6/18 янв. 1843). Сведения о сотрудничестве Солоницына в «Библиотеке» и «Сыне отечества» см. также в его письмах 1841–1842 гг. Е.Ф.Коршу (РГБ. Ф.465. Карт.2. Ед.93. Л.4–8об.). Архивный источник здесь и ниже указан только при цитатах из писем, не включенных в публикуемую подборку.

⁷ См.: Указатель к статьям серьезного содержания, помещенным в русских журналах прежних лет. Изд. Н.Бернадаки и Ю.Богушевича. Вып.1: Сын отечества. 1812–1852; Вып.2: Библиотека для чтения. 1834–1854. СПб., 1858. Вып.1. С.XVII.

⁸ Более чем вероятно, что ему принадлежит подписанная инициалами «В.С.» статья «Мнение известного английского журнала «Edinburgh Review» о нынешней французской словесности» (Б-ка для чтения. 1834. Т.1. Отд.III. С.52–78). Резко негативная оценка О.Бальзака, Э.Сю, В.Гюго выражала в данном случае не только позицию «Библиотеки» и Сенковского, но самого Солоницына. В №2 рукописного журнала Майковых «Подснежник» за 1835 г. он поместит созвучную опубликованной в «Библиотеке» статью «Виктор Гюго» (ИРЛИ. №16493. Л.77–78об.; подпись «Р.П.», т.е. «Редактор Подснежника»); ср. оценки Э.Сю в публикуемых ниже письмах.

ний Диккенса, напомнил о забытой публикации в «Библиотеке для чтения» сокращенного перевода этого романа, «сделанного искусною рукою покойного В.А.Солоницына» и «очень понравившегося русским читателям»⁹. Сенковский имел в виду анонимный перевод, помещенный в «Библиотеке для чтения» в 1840¹⁰. Ранее там же и также без подписи был опубликован и солоницыновский перевод «Николаса Никкльби»¹¹. Что касается печатного «наследия» Солоницына-беллетриста, то оно исчерпывается двумя повестями: в 1840 в «Библиотеке для чтения» (Т.40) за подписью «С.» была опубликована повесть «Медовый месяц» и в 1841 в «Москвитяине» (Ч.IV. №7) – «Царь – рука Божья. Быль времен Петра Великого», подписанная «Солоницын. 1838».

Русская пресса не только не удостоила Солоницына некролога, но и вообще не отреагировала на неожиданную смерть сорокалетнего литератора. Его имя мелькнуло в списке умерших в 1846, опубликованном в «Северной пчеле» (1847. №105; 13 мая). Даровав покойному два лишние года жизни, газета сообщила только о факте его смерти за границей. Солоницын скончался 12 (24) августа 1844¹² по дороге в Россию, куда возвращался после года странствий в чужих краях, в вагоне на брюссельской железной дороге (по данным А.В.Старчевского)¹³.

Биографию друга дома и «литературного человека», точнее, «рассказ о его жизни» предполагал написать академик Леонид Ни-

⁹ Б-ка для чтения. 1853. Т.118. Март. Отд. VI. С.17.

¹⁰ См.: Записки бывшего Пиквикского клуба, или обстоятельное и достоверное изображение странствований, путешествий, приключений, опасностей и потешных действий членов учрежденного при оном ученого комитета, составленное по подлинным их донесениям (Б-ка для чтения. 1840. Т.40, 41). Первый вольный перевод «Посмертных записок...» и первый известный перевод Диккенса в России – «Похождения Пиквика и друзей его» – был напечатан в «Сыне отечества» (1838. Т.VI); см.: Чарльз Диккенс: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1838–1960. М., 1962. С.6, 7, 59, 294.

¹¹ См.: Жизнь и приключения английского джентльмена мистер Николая Никльби, с правдивым и достоверным описанием успехов и неудач, возвышений и падений, словом, полного поприща жены, детей, родственников и всего вообще семейства означенного джентльмена (Б-ка для чтения. 1840. Т.38, 39). Сведения об авторстве Солоницына содержит письмо сотрудничавшего в «Библиотеке» Иринарха Введенского, который в конце февраля 1841 сообщал своему соученику по Московской духовной академии П.С.Биллярскому: «Единственные знатоки из его [Сенковского] сотрудников – Солоницын (он перевел Николая Никльби) и я. Несмотря что каждый раз говорю я Сенковскому, что прескверно знаю английский язык и навру пропасть, он просто насильно мне навязывает, и я должен был перетащить кое-как две-три статьи <...> с этого языка» (*Истрип В.М.* Письма к академику Петру Спиридоновичу Биллярскому. Одесса, 1906. С.127; упоминается: Чарльз Диккенс: Библиография... С.257).

¹² См. в публикуемой переписке примеч. к письму от 10 авг. 1844 (№ 17).

¹³ *Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. №2. С.374.

колаевич Майков, историк литературы, четвертый сын в семье Николая Аполлоновича и Евгении Петровны Майковых, младший в «фамилии талантов». А.Мазон по полученной от В.И.Саитова рукописи опубликовал в 1914 сохранившееся начало этой биографии¹⁴. В 1830-е годы, как вспоминал Майков, когда «окончательно определилось художественное призвание» его отца (живописца, с 1835 – академика живописи)¹⁵, а старшие братья получали образование, Солоницын «принимал живое и горячее участие во всех этих событиях нашей семейной жизни. Он любил и уважал моих родителей как людей редких по своим нравственным достоинствам. Он ценил талант моего отца и прекрасно понимал, как мало совместимы были с его увлекающеюся художественною натурой неизбежные заботы о материальном обеспечении семьи; в так называемых практических делах В.А. являлся для моего отца добрым и разумным советником; он принял участие в разделе и устройстве значительно, но крайне запутанного состояния, оставшегося после моего деда со стороны матери¹⁶, и если была спасена некоторая часть этого наследства и моя матушка получила из него свою долю, то, без сомнения, благодаря дельным указаниям и усердным хлопотам В.А-ча. Из дружбы к моим родителям он принял на себя руководство образованием двух моих старших братьев, и под его наблюдением они были приготовлены дома к поступлению в Университет. Еще в пору их отрочества он угадал их дарования и старался приохотить их к литературным занятиям.

Есть особенная привлекательность в характерах, соединяющих чуткую нежность чувства с непреклонною твердостью воли. Таков был В.А.Солоницын. Одиноким холостяком, он сосредоточил на нашем семействе все привязанности своей любящей души, и, как чело-

¹⁴ Mazon André. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P.422–424.

¹⁵ О нем см.: Гайтцева Э.Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (из круга общения И.А.Гончарова) // Русская литература. 1997. №1. С.123–149.

¹⁶ Отец Евгении Петровны Майковой, московский купец-золотопромышленник Петр Михайлович Гусятников (1752–1816), учившийся не только в Московском, но и в Геттингенском университете (см.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855. С.345), владел Преображенским медеплавильным заводом и золотыми приисками в Оренбургской области. После его смерти дело о разделе наследства между вдовой, Натальей Ивановной Гусятниковой, сыновьями – Михаилом (от первого брака), Владимиром, Петром, Дмитрием и дочерьми Евгенией (Майковой) и Юлией (в замужестве Кашкаровой) решалось крайне долго и трудно, пока в 1838 завод не был продан горнозаводчику М.В.Пашкову. И Гусятниковы, и Майковы остались владельцами золотосных земель, сдававшихся ими в аренду. См.: ГИМ. Ф.387 (Пашковых); Гос. архив Оренбургской области. Ф.6. Оп.4. Д.7917, 9042; Оп.5. Д.11405, 11479; Ф.95. Оп.1. Д.13; за сообщенные сведения приношу глубокую благодарность Светлане Емельяновне Сорокиной. См. также ниже, примеч. 1 к письму от 4 мая 1844 (№13).

век умный, образованный и любивший труд до самозабвения, он придал своим дружеским отношениям характер деловитости: дружба его была поистине деятельная и потому полезная для тех, на кого она обращалась. Позволю себе прибавить, что со стороны нашего семейства привязанность его встречала полное сочувствие и доверие; его мнения имели в нашем доме значение высокого авторитета. Но авторитетность своего суждения он никогда не обращал в деспотизм; в этом в высшей степени скромном человеке вовсе не было желания господствовать, играть первую роль, и влияние его проявлялось чисто нравственной силой. Отношение между ним и нашим семейством всего вернее можно определить, сказав, что с обеих сторон существовало полное внутреннее согласие, основанное на взаимном нравственном уважении». «В личности С[олоницына] и в его писаниях, – замечал Майков, – выражается умственный и нравственный склад известного поколения, и с этой точки зрения знакомство с ним может представить небесполезные данные для истории нашего общества и его умственных движений».

Памятником «положительному» человеку, привязанному к семейству «мечтателей», стала «Обыкновенная история»: Солоницын был, по свидетельству А.В.Старчевского, прототипом старшего Адуева. И его же, считал Старчевский, посвятившего жизнь служению чужим заботам и нуждам, Гончаров изобразил в образе Антона Ивановича¹⁷. Если первое бесспорно, и чтение писем Солоницына убеждает, насколько психологически верен гончаровский «снимок», то второе сближение кажется излишне прямолинейным. Антон Иванович в «Обыкновенной истории» – персонаж не только иной судьбы и иной социальной среды, но и иной исторической эпохи. И тем не менее, быть может, случаются характеры и обстоятельства (не литературные), действительно сочетающие трезвый прагматизм с безграничной и безотчетной самоотверженностью.

Владимир Андреевич Солоницын родился 4(16) июля 1804 в Москве в дворянской семье¹⁸. От отца унаследовал деревеньку Заха-

¹⁷ «Героем для повести Гончарова послужил его покойный начальник Вл. Андр. Солоницын и Андр. Парф. Заблоцкий-Десятовский <...> Из двух героев, положительных и черствых, притом не последних эгоистов, мечтавших только о том, как бы выйти в люди, составить капиталец и сделать хорошую партию, Ив[ан] Ал[ександрович] выкроил своего главного героя. <...> Антон Иванович – это тоже лицо, мне хорошо знакомое; для этого господина материалом послужил, во-первых, Вл. Андр. Солоницын, а во-вторых, действительный Антон Иванович, знакомый Дудышкина...» (*Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов. С.378).

¹⁸ Здесь и ниже данные по: РГИА. Ф.1343. Оп.29. №5530 (дело о дворянстве А.В.Солоницына); Ф.19. Оп.2. №№ 2013, 2014, 2015 (аттестаты, форм. сп. В.А.Солоницына 1835 г. и др.).

рово Владимирской губернии, Суздальского уезда в 16 душ – с более чем скромным доходом. В 1821 окончил отделение нравственных и политических наук Московского университета со степенью действительного студента¹⁹ и тогда же вступил в службу в канцелярию главного директора Межевой канцелярии (Министерства юстиции). В 1827 был перемещен в Департамент того же Министерства в Петербурге, где исполнял должность регистратора, затем секретаря. В марте 1828 Солоницын по прошению увольняется из Министерства юстиции, и с июля того же года он – помощник столоначальника в Департаменте внешней торговли Министерства финансов. С 1830 он исправляет должность столоначальника в 3-м (Судном) отделении Департамента, в 1832 – утвержден в этой должности; тогда же «за отличные труды и усердие к службе» пожалован чином коллежского асессора. Однако создается впечатление, что молодой преуспевающий чиновник, аттестованный в исполнении «своей должности и всех возложенных на него поручений с отличным усердием, деятельностью и с полным успехом, всегда к совершенному удовольствию начальства»²⁰, не столь уж дорожит «карьерой и фортуной». 1 мая 1835 Солоницын подает прошение об увольнении от дел и просьбу о ссуде ввиду предпринимаемого им «далекого пути» (сначала в Москве, потом на Урале он занимается делом о наследстве Гусятниковых) и возвращается к службе в Департаменте только в апреле 1836. При этом, несмотря на личное ходатайство перед директором Департамента Д.С.Языковым А.Х.Бенкендорфа (он пишет Языкову дважды – 1 и 29 февраля 1836, подчеркивая желание «сделать удобное г-ну Майкову, который принимает в судьбе Солоницына живейшее участие»)²¹, возвращается к службе в качестве всего-навсего исправляющего должность переводчика (по 1-му отделению) – одну из малозначащих департаментских должностей, на которую принимаемы были, как правило, нечиновные молодые люди. Так, переводчиком Таможенного отделения того же Департамента служил с 1835 недавний выпускник Московского университета И.А.Гончаров. Однако в отличие от незавидной служебной «фортуны» Гончарова, лишь спустя 20 лет, в 1855, получившего должность столоначальника (с чином надворного советника), положение «любившего труд до самозабвения» Владимира Андреевича меняется очень скоро. К концу 1836 он – помощник правителя канцелярии гр. А.П.Голенищева-Кутузова, в 1839 – надворный советник, в 1840 – прави-

¹⁹ См.: Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета. Краткая история Московского университета с 6 июля 1820 года по 5 июля 1821 года. М., 1821. С.10 (2-й пагинации).

²⁰ РГИА. Ф.19. Оп.2. №2015. Л.6об.

²¹ Там же. Л.1–2об.

тель канцелярии Департамента²². В 1843 Солоницын в очередной раз уходит от дел: подав в отставку, вместе с Майковыми он уезжает за границу, уезжает на неопределенный срок с выношенной, как кажется, мыслью более к службе не возвращаться. Трудно судить о его отдаленных планах, одно очевидно: с департаментом Солоницын расстался так же решительно, как и с «Библиотекой».

Собираясь за границу, он намеревался завершить работу в журнале, но едва ли имел в виду полный разрыв с Сенковским. Однако, с его слов в письме А.Н. и Н.А.Майковым от 6/18 января 1843, «все сделалось очень просто, вот каким образом. Сенковский с нынешнего года передал Библиотеку новому книгопродавцу, Ольхину, с тем чтобы тот производил все нужные на нее расходы и брал за это часть барышей. Надо сказать вам, что это за Ольхин. Помнится, я говорил как-то, толкуя о безалаберности несчастного Смирдина, что раз, пришед к нему в магазин, я застал там одного курьера министерства финансов, родом из жидов, который был мне известен прежде, по делам департамента, как доноситель о контрабанде, ростовщик и мошенник. Смирдин шептался с ним в углу, и когда тот вышел, то на вопрос мой, что за дела имеет он с этим негодяем, отвечал, что занимал у него на пять дней семьсот рублей и теперь не знает, чем расплатиться, потому что нет ни копейки. Ростовщичеством и другими оборотами этот жид составил себе порядочный капитал и пустился в книжное дело, стал скупать рукописи и издавать книги. <...> В прошлом году этот плут ссудил Смирдина какою-то суммой под залог книг, которые стоили несравненно дороже, а как Смирдин не заплатил долга, то книги остались у Ольхина. Теперь Ольхин, вооруженный этим товаром, решил сам завести книжную лавку, вышел из курьеров, записался в купцы и открыл против Аничкова дворца магазин. Сенковский, падкий на новости и наслышавшись, что у Ольхина много денег, вздумал поручить ему материальную часть Библиотеки. Расчет его заключается в том, что Ольхин обеспечивает нужды годового издания и, по связям своим со всем пишущим людом, может добывать статьи для отделения русской словесности. Меня просили они остаться редактором. Я, разумеется, согласился. Что мне за дело, что Ольхин мошенник! черт его возьми! ведь ко мне не пристанет. Все пошло очень хорошо, но вдруг, в половине прошлого месяца, получаю я записку от Сенковского, в которой эта скотина, ни с того ни с сего, вздумала делать мне выговоры, что я давно у него не был и не беру заготовленных им статей, что ему, дескать, не носиться же с этими статьями, не са-

²² См.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1837 год. СПб., 1836. Ч.1. С.794; Месяцеслов ... на 1841 год. СПб., 1840. Ч.1. Прибавления. С.ХХVIII.

мому же искать переводчиков. Это меня взбесило. Я написал короткий ответ, что Сенковскому не следует посылать ко мне подобных записок, и прибавил, что <...> отказываюсь от редакторства и теперь же отдаю Ольхину все находящиеся у меня библиотечные материалы. В самом деле я сложил в кучу все бумаги и книги, какие у меня были по Библиотеке, и отвез все Ольхину»²³.

В последний отпущенный ему год Солоницын особенно скор в решениях и в суждениях резок. Он живет торопясь, с ощущением только-только открывающегося ему независимого, творческого бытия.

Ни обстоятельства, ни время знакомства Солоницына с Майковыми неизвестны. Но к 1824 году молодой канцелярский чиновник уже определенно дружен с отставным майором, начинающим живописцем Николаем Майковым и его женой, с поручиком артиллерии Валерианом Майковым (1805–1837) и особенно почтительно-внимателен в отношении со старшим из братьев, также артиллеристом (в отставке), Александром Майковым (1792–1886). «Мне приятно сказать, – признается он последнему в одном из уже в эти годы «отменно длинных», многоречивых писем, – что я знаком с Александром Аполлоновичем, но могу ли я осмелиться сказать: я приятель, я друг Александра Аполлоновича? – Подумайте: ни лета, ни достоинства внешние, ни достоинства внутренние, ничто не равняет меня с вами»²⁴. Как развивались эти отношения, за отсутствием сведений сказать трудно, но такое впечатление, что со времени переезда Николая Аполлоновича и Евгении Петровны из Москвы в Петербург в 1834 году жизнь Солоницына уже целиком принадлежит их семье.

В редких по единодушию воспоминаниях современников, разнящихся только степенью признательности – от благодарности до благоговения, Н.А. и Е.П.Майковы предстают воплощением душевной открытости и щедрой заботы. Такими их запомнили А.В.Старчевский, Д.В.Григорович, И.И.Панаев, Е.А.Штакеншнейдер, С.Д.Яновский, таковы они и в письмах Гончарова, однажды попавшего в их дом и оставшегося «греться у чужой печки и самовара» на многие годы. Дом этот, хотя и именовался подчас литературным салоном, привлекал посетителей именно несалонной, незкетной, домашней непринужденностью, не петербургской – московской атмосферой родственной близости. В тридцатые и сороковые годы, как вспоминал Гончаров, дом Майковых «кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли,

²³ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.7об.

²⁴ РНБ. Ф.452. Оп.1. №441. Л.4 (письмо от 16 авг. 1824).

науки, искусств», здесь «все, вместе с хозяевами составляли какую-то братскую семью или школу...»²⁵ «В этом кругу, – вторил ему А.В.Старчевский, – никогда не происходило ни пошлых разговоров, не сообщалось двусмысленных анекдотов, никто не осуждался, никто не осмеивался; а между тем всем было весело, привольно, занято, и постоянные посетители неохотно брались за шляпы в три часа ночи, чтобы отправиться восвояси»²⁶. «Тут читались иными подготовленные статьи, тут высказывалось об них мнение, тут излагались проекты и планы задуманных работ, – свидетельствует самый благоговейно-восторженный из мемуаристов, – и все это происходило до того серьезно, дружелюбно и без малейшего чувства зависти или недоброжелательства, что поистине можно сказать, что тут именно формировались и развивались те дорогие для России люди, которые написали для нее «Фрегат “Палладу”» и «Обломова», «Записки из мертвого дома» и «Дневник писателя» и многое другое, что составляет не хлам и балласт, но драгоценную суть русской литературы»²⁷. Со второй половины 1840-х двери дома Майковых широко открыты для лучших сил «Отечественных записок» и «Современника», где в это время сотрудничает Валериан; здесь охотно бывают И.И.Панаев, Н.А.Некрасов, И.С.Тургенев, А.Н.Плещеев, М.М. и Ф.М.Достоевские и многие другие²⁸. В пору сближения с Валерианом бывал у Майковых и М.В.Петрашевский²⁹. Позднее, уже из ссылки, Ф.М.Достоевский писал Аполлону Майкову о том, что «знакомство и ласку» его родителей «вспоминал и вспоминает с наслаждением»³⁰. По словам Г.П.Данилевского, частого гостя дома в 1850-х и начале 1860-х, майковский «уголок с поэзией живописи и живописью поэзии, с пением и красотой сердец обитающих в нем» всегда казался ему «каким-то волшебством, каким-то ясным и успокояющим исключением из общего нашей жизни»³¹. С умилением

²⁵ Н.А.Майков [Некролог]// Голос. 1873. №238. 29 авг.

²⁶ *Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов. С.376.

²⁷ Из письма С.Д.Яновского к А.Г.Достоевской от 8/20 янв. 1882 (Ф.М.Достоевский: Статьи и материалы. Сб. второй / Под ред. А.С.Долинина. Л.; М., 1924. С.384).

²⁸ Подробнее см.: *Деркач С.С.* И.А.Гончаров и кружок Майковых // Учен. зап. ЛГУ. 1971. №355. Сер. филол. наук. Вып.76. С.31–33.

²⁹ Там же. С.32.

³⁰ См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т.28. Кн.1. С.206 (письмо из Семипалатинска от 18 янв. 1856); ср. также его письмо к Е.П.Майковой от 14 мая 1848 с выражением «сыновнего уважения» и теплый отзыв о ней в письме М.М.Достоевскому из Петропавловской крепости от 22 дек. того же года (Там же. С.146, 163).

³¹ ИРЛИ. №8879 (письмо Е.П.Майковой от 30 апр. 1853); см. также письма Евгении Петровны Данилевскому 1862–1863 (РНБ. Ф.236. Оп.1. №95).

вспоминал о том, как в 1862 Аполлон Николаевич ввел его, «бесприютного и никому не известного тамбовца», в «благословенный Родительский дом», и Н.П.Барсуков³².

Постоянный приток молодежи – друзей всех четверых сыновей – действительно не давал остыть «кипению жизни» в доме Майковых. В конце 1830 – начале 1840-х на правах членов семьи здесь приняты сокурсники Аполлона – будущие литераторы Степан Дудышкин и Альберт Старчевский, будущий статистик Михаил Заблоцкий-Десятовский, и близость с ними сохранилась на десятилетия. Старший брат Заблоцкого, Андрей Парфенович, известный экономист уже в пору студенчества Михаила, также стал в доме Майковых совершенно своим. Привычные посетители дома и сокурсники Валериана: с конца тридцатых – начинающий поэт Я.А.Щеткин³³, позднее – П.М.Цейдлер, будущий педагог, и А.У.Порецкий, впоследствии публицист, близкий друг Достоевского. Редкая душевная привязанность соединила всю семью, включая и Гончарова, с И.И.Льховским, университетским товарищем третьего сына Майковых, Владимира. Во второй половине 1850-х в доме собираются члены университетского кружка младшего Майкова, Леонида, – Д.И.Писарев, А.М.Скабичевский, В.В.Макушев, будущий славист, Е.Е.Замысловский, будущий историк, Ф.Ф.Ордин, впоследствии адвокат, и др.³⁴

Из этого-то последнего кружка вышел едва ли не единственный среди мемуаристов «недоброжелатель» – А.М.Скабичевский, усмотревший в характере старших Майковых «эгоистическое себе на уме», «бюрократизм», «крайнюю умеренность и аккуратность во всех суждениях и поступках»³⁵. Однако он же свидетельствовал и об ином: «Семья Майковых производила на меня самое светлое и отрадное впечатление чего-то поистине идеального своим радушным гостеприимством, просвещенной гуманностью и проникновением всеми высшими и умственными, и нравственными интересами»³⁶.

Среди многочисленных посетителей и друзей дома был и еще один «недоброжелатель», по его словам, недоброжелатель «а von

³² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1901. Т.XV. С.С.V.

³³ О нем см. ниже.

³⁴ О кружке см.: Скабичевский А.М. Письмо к Л.Н.Майкову / Публ. И.Г.Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.188–190.

³⁵ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.:Л., 1928. С.113.

³⁶ Там же. С.169. Саркастически отозвался о «старающемся походить на Ван Дика» Николае Аполлоновиче и «довольно стервозной по виду» Евгении Петровне А.В.Дружинин: Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б.Ф.Егоров, В.А.Жданов. М., 1986. С.277 (дневниковая запись 14 февр. 1854).

motif», домашний Катон – Владимир Андреевич Солоницын, безуспешно призывавший к порядку и спокойствию беспорядочное, беспокойное и чрезмерно гостеприимное семейство. «Спокойствие возможно только тогда, – наставлял Солоницын Евгению Петровну, – когда вы заведете у себя известный порядок, о котором я вам уже несколько лет проповедую <...> Ведь это только у нас на Руси, и то в одном клане, или лучше сказать, не в одном клане, а в одном доме, если речь идет о петербургских домах, – именно в вашем доме, – водилось до сих пор жить нараспашку, растворя двери с утра до вечера, “для званных и незванных”, как говорит Фамусов». Чувствуя в Гончарове единомышленника, Солоницын и ему писал о том же: «Ваша картина той суматохи, которую произвел приезд Майковых [из-за границы. – А.Г.], очень жива. Я как будто вижу все своими глазами, и то, что я вижу, так меня трогает, что я не могу не сказать со вздохом: “Бедные, бедные Майковы!” А впрочем – tu l’as voulu, Georges Dandin»³⁷. И развивал любимую тему: «Евгения Петровна целый век жаловалась на посетителей и посетительниц, которые, забираясь к ней с девяти часов утра, мешают ей и думать, и заниматься хозяйством, и отдохнуть. Как же, после этого, было не вскрикнуть – “Бедные Майковы!”»³⁸

Гончаров и Солоницын оставили о семье Майковых два ценнейших «документальных» свидетельства – очень сходные по духу домашние шаржи в рукописном «Подснежнике» за 1838 год и «Лунных ночах». Гончаровская «Лихая болеть» публиковалась неоднократно, солоницыновский же шарж «Так они наняли дачу!» читателю предлагается впервые³⁹. «Доброе, милое, образованное» семейство Зуровых в гончаровской повести страдает общим недугом – неумной «охотой к перемене мест», к загородным прогулкам, при этом Алексей Петрович Зуров одержим рыболовной страстью (Николай Аполлонович действительно был заядлым удильщиком, а рыболовная тема – одной из «вечных» тем в семье, начиная с бесчисленных обращений к ней в письмах, «домашних» стихах и прозе и до известной идиллии Ап. Майкова 1855 года «Рыбная ловля»), а Мария Александровна – страстью к поэтическим пейзажам и романти-

³⁷ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №152. Л.60б. (письмо от 6 марта 1844). Сохранилось 5 писем Солоницына, посланных Гончарову из Рима и Парижа осенью 1843, зимой и весной 1844 (письма Гончарова неизвестны). Два из них – от 6 марта и 25 апр. 1844 – опубликованы; см.: *Груздев А.И.* В.А.Солоницын о неизвестном романе И.А.Гончарова // Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та. Л., 1948. Т.67. С.108–114; *его же.* К вопросу о замысле романа И.А.Гончарова «Старики»: (письмо В.А.Солоницына к И.А.Гончарову) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С.332–335.

³⁸ Там же. Л.9 (письмо от 25 апр. 1844).

³⁹ См. С.483–500 наст. изд.

ческим приключениям. «Болезью», комически утрированной в глазах домоседа Никона Устиновича Тяжеленко (предшественника Обломова), Гончаров представляет здесь обытовленный, сниженный, наивный вариант романтического Sehnsucht, томления по небывалому. Будущему автору «Обыкновенной истории» в семье Майковых действительно открылась редкая возможность наблюдать и оценивать с точки зрения собственных жизненных и художественных критериев характернейшие проявления «бытового» романтизма.

Если гончаровская «Лихая болезнь» в значительной мере беллетризована, то Солоницын в своем шарже только умело и изящно фотографичен. Тем дороже его портретная зарисовка, полная дружелюбной, щадящей, «диккенсовской» иронии (и самоиронии), не без примеси, правда, характерного для автора морализма, у Гончарова напрочь отсутствующего, зарисовка, в которой нанимающий дачу Павел Иванович (Николай Аполлонович) озабочен ловлей ершей, «чувствительная» Надежда Федоровна (Евгения Петровна) – тем, растут ли в роще «фиалки», а трое их рассеянных сыновей постоянно погружены в состояние глубокой задумчивости. Лука Тихонович (сам Солоницын), имеющий репутацию человека делового и «аккуратного», озабочен устройством практических дел своих непрактичных друзей.

Портрет по-диккенсовски благодушного «приятеля семейства» мог бы быть на этом и завершен, не опубликуй Солоницын в им же редактируемом журнале через год после «дачного» другого шарж – повесть «Медовый месяц», в которой семейство Майковых более чем узнаваемо, а герой-повествователь подчеркнута автобиографичен: его зовут Владимиром Андреевичем, и едет он из Петербурга в Оренбург. По дороге он навещает своего приятеля – моряка и путешественника Аполлона Вернова, который только что, пережив жестокую ностальгию, вернулся в Россию и после бурной романтической влюбленности обрел покой и счастье с женой в деревне. Но медовый месяц, точнее, его первый же день (и ночь – этот нюанс навязчиво акцентируется) нарушен вторжением чрезмерно «простых в обращении» родственников – семейства Задвинских, поспешивших поздравить молодых. В результате чуть живые после 5-недельного испытания «родственной нежностью» молодожены вынуждены бежать не только из деревни, но и из России. Крайне бесцеремонное и вообще склонное к крайностям семейство Задвинских в этой повести наделено фамильными майковскими чертами: Федор Петрович одержим маниакальной страстью к рыбалке (и охоте – отчуждающая деталь), а Анна Васильевна – к чистосердечным «дружеским разговорам», в которых предстает «самой злополучной женщиной на свете». «Душа Анны Васильевны, – замечает повествователь, –

была именно одна из тех чувствительных душ, которые сильно страдают и при неважных огорчениях»⁴⁰. Главная черта, определяющая «нравственное лицо» семейства Задвинских, – «необыкновенная нежность к родным и готовность служить им при всяком случае». «Трудно вообразить, – иронизирует Солоницын, – что это было, когда Федор Петрович и Анна Васильевна жили в Москве, в своем родном городе, в центре всех ближних и дальних своих родственников. <...> Ежедневно, с утра до вечера, в доме их толпилось множество лиц обоего пола и всякого возраста, годы эти были «одним огромным подвигом на поприще любви к ближнему»⁴¹. (Избыток «родственной нежности» отличает и героев солоницыновской «дачной» истории). И еще одной, интимнейшей, черты не пощадил Солоницын, резко шаржируя и ее. Евгения Петровна, судя по письмам, была религиозна, причем религиозна не без аффектации. Чтение матерью «урока из Библии» осталось святым воспоминанием для ее сына-поэта («Как вижу – предо мной та Муза, что слетала / Ко мне в те дни, как мать нам Библию читала...» – «Сны», 1856–1858⁴²). В «Медовом месяце» Анна Васильевна изображена сидящей вечерами «в огромном чепце с Библиею в руках», с «монашеским выражением» на лице. «Ей в то время было не более тридцати пяти лет, – замечает автор, – но чепец и Библия придавали ей вид настоящей святоши...»⁴³

Свой «дагерротип» Солоницын искусно ретушировал, поместив на нем не сыновей, а двух дочерей Задвинских – гигантского роста романтическую Полину и крошечную, «как глобус», толстую прозаическую Надину, помогающих, каждая по-своему, любви и дружбы Верновых.

В повести этой, довольно неловко, надо признаться, стилизованной «под Сенковского» – с нагромождением гипербол, вызывающе резких метафор, нарочитых контрастов, с длиннейшими цепочками синонимических перечислений и «брамбеусовской» функцией автора-повествователя, – все натянуто и карикатурно. Подлинна, пожалуй, только авторская несимпатия к полудокументальным персонажам.

Черты «друга дома» в цитированном выше наброске мемуарного очерка Леонида Майкова, безусловно, смягчило время и тепло семейственных преданий. Как все максималисты, Владимир Андреевич был человеком нетерпимым, неуживчивым и в общении трудным. Сошлемся еще раз на Гончарова: к кому как не к нему обра-

⁴⁰ Б-ка для чтения. 1840. Т.40. С.40, 41.

⁴¹ Там же. С.20–21, 22.

⁴² См.: Майков А.Н. Избр. произведения / Вступ. ст. Ф.Я.Приимы. Сост., подгот. текста и примеч. Л.С.Гейро. Л., 1977. С.763, 780.

⁴³ Б-ка для чтения. 1840. Т.40. С.28.

щаться за объективными показаниями. Иван Степанович Вереницын в его «Лихой болести», «искренний друг Зуровых с самого детства», вне всякого сомнения, – Солоницын. «Он был обыкновенно задумчив и угрюм, – читаем у Гончарова, – редко принимал участие в общем разговоре, сидел всегда поодаль от прочих или молча ходил взад и вперед по комнате. Многие сердились за его нелюдимость, холодное обращение...»⁴⁴ Обладателем «угрюмого чела», «сурового взора» и «саркастической улыбки» представлен и безымянный, но легко узнаваемый персонаж – «питомец *дела и труда*» – в гончаровском эссе о Екатерининском институте «Хорошо или дурно жить на свете?» ([1841–1842])⁴⁵.

Как уже отмечалось, с именем Солоницына связана одна из ярких страниц в литературной биографии дома Майковых. Во второй половине 1830-х в домашнем «кружке» начинает выходить рукописный журнал «Подснежник», три выпуска которого – за 1835, 1836 и 1838 годы – сохранились в семейном архиве⁴⁶. Владимир Андреевич был не только его учредителем, редактором и деятельным сотрудником, но и усердным «писателем» (так именовали труд переписчика в Древней Руси): его безукоризненно четким почерком от первого до последнего листа переписаны тексты в «Подснежнике» за 1835 и 1838 гг., а затем и в заменившем журнал в 1839 альманахе «Лунные ночи»⁴⁷. Солоницын недаром слыл человеком «положительным»: позиция его как редактора сводилась главным образом к изобличению расхожего, тривиального для середины 1830-х романтизма. С «положительной» же точки зрения, издание регулярного журнала должно было воспитать у его сотрудников навык «делаения» литературы и отношения к творчеству не как к «feu sacré», но как к ремеслу. Открывая редакционным вступлением «первую тетрадь», Солоницын писал: «Редакция “Подснежника” просит читателей принять благосклонно эту первую тетрадь ее журнала. По пла-

⁴⁴ См.: Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т.1. С.31.

⁴⁵ Там же. С.510.

⁴⁶ См.: ИРЛИ. №16493, 16494, 16495. Исключая «Прибавления к №№ 2 и 3 за 1836 год» (с указанием года на обложке), все три выпуска «Подснежника» имеют только архивную датировку, подтверждаемую немногими датами, проставленными под посвящениями, редакционными и – в редких случаях – стихотворными текстами. И проза и стихи в журнале большей частью не датированы и, по всему судя, писались непосредственно в год его «издания». В мемуарной и научной литературе первый выпуск журнала обычно датируется не 1835-м, а 1836-м, второй, соответственно, – не 1836-м, а 1837 годом; обоснование предлагаемой здесь датировки (совпадающей с архивной) см. в наших комментариях к т.1 Полного академического собрания сочинений и писем И.А.Гончарова (Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем Т.1. С.613–616).

⁴⁷ См.: ИРЛИ. №16496.

ну, который она предначертала себе, в “Подснежник” будут входить статьи не только литературные, но и относящиеся до наук и художеств; будут помещены рисунки, чертежи, карты. Редакция “Подснежника” надеется в этом случае на трудолюбие, познания и искусство своих “юных” сотрудников и, по мере их помощи, предоставляет себе впоследствии право сделать многие улучшения как в сущности, так и в расположении своего журнала⁴⁸. Программа редактора, как видим, была сугубо «деловой». В «сущности и расположении» материалов «Подснежник» ориентировался прежде всего на «Библиотеку для чтения» (переняв от нее и дух эмпиризма, так возмущавший «энтузиастов» 1830-х годов), и на популярные тогда английские и французские ежеквартальники⁴⁹. «Юные» сотрудники получили возможность упражняться не только в изящной словесности, но и в переводе, поставляя в журнал беллетристику – предпочтение отдавалось французской «новой школе» – Ж.Жанену, В.Гюго, г-же Дюдеван (Жорж Санд) и др. – и критические и познавательные статьи из западной периодики. Как и подобает «толстому» журналу, в «Подснежнике» имелся отдел «Смесь», а в №4 за 1835 «по требованию читательниц» появился и отдел мод.

Вместе с тем майковский журнал нес на себе отпечаток культурной традиции 1820-х годов, эпохи интимно-домашней, «альманашной» и «альбомной» литературы, создававшейся в замкнутых кружках дилетантов, «любителей изящного». С этой традицией связаны разнообразные литературные игры (загадки, синонимы и омонимы, «секретари»), шутливые мистификации, нотные и художественные приложения. Традиции альманахов и домашних альбомов соответствовало и оформление «Подснежника»: многочисленные иллюстрации, заставки, виньетки, рамки, буквицы выполнены здесь Николаем Аполлоновичем и Аполлоном Майковыми, в «Лунных ночах» в качестве оформителя выступил Солоницын (все рисунки подписаны). К «альманашной» тяготела, наконец, и сама литературная продукция «Подснежника». От выпуска к выпуску изящная словесность все заметнее теснила журнальные материалы, разрушая «предначертанный» издателем план. Все короче становился отдел «Смесь», все труднее набиралось необходимое количество перево-

⁴⁸ ИРЛИ. №16493. Л.2 (на цветной вклейке, пагинация здесь и далее архивная); дата под текстом: «31 декабря 1835 года».

⁴⁹ Ср., например, просьбу Пушкина о разрешении журнала в его письме А.Х. Бенкендорфу от 31 дек. 1835: «Я желал бы в следующем, 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных *Reviews*» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. XVI. С. 69*). Подробнее см.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С. 216–219.*

дов. В 1838 году «Подснежник» закончил свое существование⁵⁰. «Лунные ночи» – уже типичный альманах, полностью утративший журнальные черты.

Редакторский «утилитаризм», таким образом, поддержки у его сотрудников не нашел. Юных (да и не очень юных) «мечтателей» по вполне понятным причинам (ситуация эта отразилась в «Обыкновенной истории») едва ли могли воодушевлять упражнения в переводе, составлении чертежей и карт⁵¹, разыскания в «Revue de Paris», «L'Echo Britanique», «Revue Germanique» и прочих revues «полезной» информации для «Смеси». Преднамерениям редактора сопротивлялись молодость и литературная одаренность его сотрудников. Для «Подснежника» писалось поразительно много (в каждом томе более 400 страниц), писалось легко, шутя, и мастерство юных авторов росло буквально на глазах. Разумеется, только «эмпириком» Владимир Андреевич не был, и не без его участия «Подснежник» оказался во власти игровой стихии – мистификаций, пародий и дружеских шаржей, необходимого домашнего пересмешничества. Солоницын вел партию «от редакции», сопровождая публикации просто информирующими, шутивными (и нешутивными) наставительными комментариями, ироническими репликами, причем с особой готовностью реагировал на звучавшее всегда серьезно, с вызовом всем остальным, главное женское соло «Подснежника» – Евгении Майковой. Что же до упражнений в переводе, то и они, безусловно, наряду со многим другим, «вырабатывали перо» у его воспитанни-

⁵⁰ Последний его том открывался обложкой Ап. Майкова с изображением надгробной урны на могиле издания и прощальным словом Солоницына: «Редакция "Подснежника", представляя читателям последнюю тетрадь своего журнала, долгом считает изъять им чувствительнейшую благодарность за внимание, которого они удостоивали ее труды, а еще более за то снисхождение, с каким они смотрели на недостатки этого журнала и непростительную медленность в выпуске тетрадей. Редакция "Подснежника" льстит себя надеждою, что представленная ныне тетрадь заглядит хоть несколько все прежние грехи, и заключая ею свое издание, с удовольствием видит, что цель, с которою был начат этот журнал, вполне достигнута» (ИРЛИ. №16495. Л.2; вклейка). На титуле последнего «Подснежника» посвящение: «Евгении Петровне. 2 апреля 1838, накануне Светлого праздника» – и надпись: «Тетрадь XII». Можно предположить, что этот том журнала (внутреннего деления он уже не имеет), как и предшествующие два, условно объединял четыре рукописные «тетради»; только таким образом решается вопрос об их общем числе (в сумме 12) и о полной или неполной сохранности в семейном архиве Майковых.

⁵¹ В результате единственная карта и единственная схема («Генеалогическое древо Наполеона Бонапарта», приложение к статье «Родословная Наполеона») были помещены в журнале за 1835, причем исполнено «древо» было самим Солоницыным. Им же, скорее всего, были составлены для «Подснежника» за 1838 «Карта России 1742 года» и «Чертеж родословной дома Романовых» – «самая полная, подробная и – смеем надеяться – верная (по крайней мере, со времен Михаила) родословная таблица дома Романовых» (ИРЛИ. №16493. Л.84; №16495. Л.196, 209–212).

ков. Убеденным сторонником действенности подобной «методы» до конца дней оставался Гончаров, в пору сотрудничества в «Подснежнике» переводивший «массы» и «кипами исписанной бумаги» топивший печки.

При своем начале журнал объединял ближайших родственников и друзей. Стихи и прозу в «первую тетрадь» пишут Евгения Петровна, 14-летний Аполлон, 12-летний Валериан Майковы, со стихами выступил и 9-летний Владимир (большинство произведений подписано). Владимир Аполлонович Солоницын⁵², Солик, племянник редактора, только пробующий перо юный автор, «опубликовал» здесь басни и лирические стихотворения. Переводы с французского и французские же «варварские», «дьявольские», «фривольные» вальсы и мазурки с посвящениями китайскому императору, Мефистофелю и т.п. «прислал» в журнал прапорщик Измайловского полка Константин Майков⁵³, младший брат Николая Аполлоновича. Это основные сотрудники и всех последующих выпусков журнала. Немногочисленные стихотворения в «первой тетради» принадлежали другому брату Н.А.Майкова, также измайловцу, Леониду⁵⁴, его отцу Аполлону Александровичу, в прошлом стихотворцу, директору императорских театров⁵⁵, и невестке – Наталье Александровне Майковой⁵⁶. Ноты к романсам (на слова Евгении Петровны) присланы были в журнал из Москвы Клеопатрой Аполлоновной

⁵² О В.Ап.Солоницыне (1820–1865) см. ниже в публикуемой переписке, также: *Кийко Е.И.* Об авторе стихотворений, ошибочно приписывавшихся Салтыкову-Щедрину // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С.313–316.

⁵³ «Брат Костя», К.А.Майков (1811–1891), холостяк и «вечный ветреник» (по определению Гончарова) на протяжении десятилетий был одним из самых близких людей в семье Майковых.

⁵⁴ Как и Константин, Л.А.Майков (1812–1838) имел в 1835 чин прапорщика; оба брата участвовали в польских событиях 1830–1831, награждены медалью за взятие Варшавы (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836 г. СПб., [1835]. Ч.1. С.256).

⁵⁵ Перу директора московских (1810–1814) и петербургских (1821–1825) театров Ап. Ал. Майкова (1761–1838) принадлежали несколько написанных в 1790-х на разные случаи од и комедия «Неудачный сговор, или Помолвил, да не женился» (СПб., 1794).

⁵⁶ Н.А.Майкова (1809–1871), дочь баснописца и издателя «Благонамеренного» А.Е.Измайлова, была замужем за Вал. Ап. Майковым. С 1839 она состояла старшей классной дамой, затем инспектрисой при пепиньерском классе в Екатерининском институте, где в начале 1840-х Майковы всем семейством вместе с ближайшими друзьями бывали регулярно, отдавая дань литературе не только на домашних «воскресеньях», но и на институтских «пятницах». Подробнее см.: *Балакин А.Ю., Гродецкий А.Г.* Неизвестный очерк И.А.Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. 1997. №3. С.114–136; *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т.1. С.805–806. Второй раз Н.А.Майкова вышла замуж за Ал. Ап. Азаревича (1805–1870), по ряду данных, сына Ап. Ал. Майкова и «фигурантки» Азаревич(ево)й (его гражданской жены), т.е. за сводного брата своего первого мужа.

Майковой (1800–1884). Кроме того, в «Подснежнике» за 1835 помещает стихи И.Г.Карелин, безвестный поэт, уроженец Оренбурга, постоянный автор майковского журнала⁵⁷.

Из литераторов с именем в первом томе представлены П.П.Ершов, недавний студент, к этому времени уже успевший опубликовать «Конька-Горбунка» и стать сотрудником журнала Сенковского⁵⁸, и А.П.Крюков. Солоницын, близко знавший Крюкова по Департаменту внешней торговли, где тот служил с 1827, унаследовал бумаги умершего в 1833 поэта и последовательно, из номера в номер, помещал его стихи в «Подснежнике», «опубликовав» в общей сложности 18 стихотворений. Первое из них, «Отъезд» (1832), сопровождало следующее назидательное примечание: «Александр Павлович Крюков – молодой человек с весьма сильным талантом, рано похитенный смертью у русской литературы, в которой он мог бы занимать очень видное место. Его сочинения, в стихах и в прозе, рассеяны по разным журналам и альманахам; многие остались непечатанными. Редактор “Подснежника”, быв с ним очень дружен, наследовал все его бумаги. Жизнь Крюкова может служить резким примером того, до чего страсти могут довести человека пылкого и чувствительного. Мы постараемся сообщить когда-нибудь нашим читателям его биографию и тогда же поместим несколько выписок из его любопытного дневника»⁵⁹. По предположению В.Э.Вацура, Солоницын был автором некролога Крюкова в «Северной пчеле», в котором за покойным признавался «талант необыкновенный»⁶⁰, и

⁵⁷ Иван Григорьевич Карелин (ок. 1800–1848) в 1827–1830 был управляющим на Преображенском медеплавильном заводе Гусятниковых (см. выше), позднее – их уполномоченным в деле о семейном наследстве (ГАОО. Ф.6. Оп.5. Д.11479; РГИА. Ф.1343. Оп.23. №1488). Стихотворения Карелина см. в сб. «Венера» (М., 1831. Ч.2), «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1839. Ч.2). Сведения о нем сообщены Н.В.Гавриловой. Живя с середины 1830-х годов в Петербурге, он часто бывал у Майковых; в трех томах «Подснежника» ему принадлежат 11 стихотворений, в «Лунных ночах» он уже не участвовал. В ряде исследований поэт И.Г.Карелин был ошибочно отождествлен с известным путешественником и естествоиспытателем Г.С.Карелиным (см.: *Деркач С.С. И.А.Гончаров и кружок Майковых.* С.24 и др.).

⁵⁸ См. его стихотворение «Сцена в лагере» в №2 (ИРЛИ. №16493. Л.52об.–55). По всей видимости, еще до своего отъезда в Тобольск летом 1836 Ершов поместит в «Подснежнике» за этот год два стихотворения – «Русский штык» и «Двадцать пятое декабря», которыми и завершится его участие в журнале.

⁵⁹ ИРЛИ. №16493. Л.45; обещанная публикация биографии поэта и дневниковых отрывков не состоялась.

⁶⁰ См.: Вацура В.Э. Крюков А.П. // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т.3. С.186. «Любители отечественной словесности, – говорилось о Крюкове в некрологе, – помнят его статью, напечатанную под названием “Киргизский набег” в “Северных цветах” на 1830 год, помнят и многие прелестные его стихотворения, печатанные в некоторых повременных изданиях; сверх того, как чиновник он соединял в себе все нужные для сего качества и мог бы при своих способно-

он же опубликовал посмертно несколько его стихотворений в «Библиотеке для чтения» (1841. Т.49; 1842. Т.54). Сам факт введения в узкий родственно-дружеский круг произведений достаточно известного автора (стихи и проза Крюкова с середины 1820-х годов появлялись в «Сыне отечества», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Северных цветах», «Литературной газете» и других изданиях) много говорит в пользу воспитательной «методы» Солоницына-редактора. Поэзия «небесталанного подражателя Пушкина», как отозвался о Крюкове В.К.Кюхельбекер⁶¹, призвана была служить ориентиром для «юных» сотрудников в их довольно беспомощных на первых порах поэтических опытах, не исключая и Ап. Майкова, уже публиковавшегося вне домашнего круга⁶², и Гончарова, поместившего в 1835 в «Подснежнике» свои первые и единственные романтические стихотворения, знаменитые тем, что позднее были включены в «Обыкновенную историю». Ориентир этот, впрочем, был весьма специфического свойства: Солоницыну несомненно импонировало ясно выраженное в поэзии Крюкова ироническое и сатирическое начало (нетрудно догадаться, что сближало двух департаментских чиновников-литераторов). На страницах «Подснежника» находится место и для крюковской «Кокетки», иронически смещающей акцент в привычной для романтиков теме (стихотворение – о нежной любви героя к светской кокетке), и для шутливой «Довольного» (здесь «перевернут» основной мотив «унылой» элегии). При этом традиционные эмоции поэту также не были чужды.

И еще один сотрудник, никогда, кстати говоря, не упоминавшийся в числе авторов журнала, был привлечен Солоницыным к участию в издании. Это Евгений Федорович Корш, в 1834–1835 годах один из ближайших помощников О.И.Сенковского по «Библиотеке», где занимался как разного рода компиляциями, так и переводами, преимущественно с английского. Имя Корша будет раскрыто только в «Подснежнике» за 1838 год, где появляется за полной подписью два его стихотворения⁶³, но, вероятно, именно он скрывался под маской Ефима Феокистовича Куролопатина, сотрудника всех четырех выпусков «Подснежника» за 1835 (имя это вынесено на об-

стях принести ощутительную пользу службе, – но ранняя смерть положила конец всему» (Сев. пчела. 1833. №41. 22 февр.; вместо подписи: «Сообщено от одного из сослуживцев покойного»).

⁶¹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н.В.Королева, В.Д.Рак. Л., 1979. С.290.

⁶² Он дебютировал в печати стихотворением «Орел» (Б-ка для чтения. 1835. Т.9; ценз. разр. – 27 февр. 1835); см.: Баевский В.С. Майков А.Н. // Русские писатели: 1800–1917. Т.3. С.454.

⁶³ Перевод «Решительность и независимость, из Вордсворта» и «К чуме, в Одессу» – ИРЛИ. №16495. Л.65–67об., 83–83об.

ложку)⁶⁴. Солоницын был знаком с семьей Корша, дружен с его сестрой Марией Федоровной, с самим же Евгением Федоровичем после его переезда в Москву в 1836 состоял в деятельной переписке⁶⁵. Сохранилось его брошенное мимоходом замечание о Коршах, чрезвычайно для Солоницына характерное: «Корши жалки; но что ж с ними делать? как им помочь? Нет ни малейшей возможности. Ленивые и безрассудные бедняки всегда жалки; а делать с ними нечего»⁶⁶.

Среди сотрудников «первой тетради» необходимо упомянуть и двух переводчиц для «Смеси» – Наталию Шафонскую и Юнию Азарьеву, чье участие в издании 1835-м годом и ограничилось⁶⁷.

Самому редактору в первом томе журнала, возможно, принадлежало около десятка анонимных, но в отличие от всех остальных тщательно датированных (1826–1834 гг.) стихотворений, формально на редкость «правильных».

Неясной остается судьба «Подснежника» за 1836 год. В этом томе нет и намека на художественное оформление, тексты переписаны разной рукой, неустойчивым почерком, с большим количеством пропусков, исправлений, подчисток и орфографических ошибок. Вероятно, журнал создавался «юными» сотрудниками без участия главного редактора; рукой Солоницына переписана только помещенная в «Прибавлениях» в конце тома анонимная повесть «Нимфодора Ивановна», атрибутированная Гончарову⁶⁸. Какие-либо

⁶⁴ Е. Ф. Куролопатин «прислал» в журнал ответ на предложенный редакцией вопрос: «О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?» – написанный в духе Сенковского «Рассказ Евы. Перевод с одного из вавилонских наречий» (ИРЛИ. №16493. Л.81–83об.). Текст этот был, на наш взгляд, не очень убедительно, атрибутирован Солоницыну попутно с атрибуцией Гончарову, также вызывающей сомнения, другого ответа на тот же вопрос (см.: *Слов В.П.* «Редакция “Подснежника” имеет честь предложить...»: (о неизвестной пародии И.А.Гончарова) // *Русская литература*. 1970. №3. С.92–99.

⁶⁵ См. его письма 1841–1843: РГБ. Ф.465. Карт.2. Ед.93.

⁶⁶ См. одну из его записок Е.П.Майковой (без даты; вероятно, второй половины 1830-х): ИРЛИ. Р. I. Оп.17. №138 (1). Л.38–38об.

⁶⁷ С Наталией Филипповной и Андреем Афанасьевичем (1777–1843) Шафонскими в 1830-е годы Майковы были дружны домами, как и с семьей Азарьевых (те и другие неоднократно упоминаются в письмах Евгении Петровны); о последних сведения разыскать не удалось.

⁶⁸ Вопрос о принадлежности повести Гончарову остается дискуссионным. См.: *Демиховская О.А.* Неизвестная повесть И.А.Гончарова «Нимфодора Ивановна» // *Русская литература*. 1960. №1. С.139–144; *она же*. Раннее творчество И.А.Гончарова // *Материалы юбилейной Гончаровской конф.* Ульяновск, 1963. С.73–78; *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна. Повесть / Публ. О.А.Демиховской // *Неделя*. 1968. №1–4. Полемику см.: *Челени О.А.* Об одной спорной атрибуции // *Русская литература*. 1975. №4. С.159–162. Ср. также: *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна: Повесть; *Избранные письма* / Сост., подгот. текста и комментарий О.А.Марфиной-Демиховской. Псков, 1992; *Гончаров И.А.* Нимфодора Ивановна. Повесть / Публ. О.А.Марфиной-Демиховской // *Москва*. 1993. №5. С.42–67.

комментарии «от редакции» по поводу ее автора в данном случае отсутствуют, как и вообще отсутствуют здесь редакторские реплики. В том же «Подснежнике» за 1836 «опубликован» и анонимный рассказ «Красный человек», попытка атрибуции которого Гончарову также имела место⁶⁹.

В 1836 году в журнале заметно снижается процент «родственной» поэзии, и именно в этом году на его страницах впервые появляется имя В.Г.Бенедиктова. Это еще один, и весьма преуспевающий, чиновник Департамента внешней торговли (Департамент не мог не быть литературным при вице-директоре П.А.Вяземским, при министре финансов, литераторе Е.Ф.Канкрине⁷⁰, высоко ценившем умение писать «официальную прозу»⁷¹). В «Подснежнике» за 1836 год Бенедиктову принадлежат стихотворения «Бивак», «Улетевшим мечтам» и «Обновление». В 1838 он поместит в «Подснежнике» четыре стихотворения и пять – в 1839 в «Лунных ночах», подчинив своему мощному стихотворному ритму, яркой образности поэтической лиру «юных» авторов (за исключением, пожалуй, вполне к этому времени самостоятельного Аполлона Майкова). В 1836 единственный раз в журнале участвует поэт Иван Бороздна со стихотворением «Она», посланиями «А.И.Б.» и «А.С.Ш.» и двумя сочинениями для нотных приложений («Романс» и «Не горюй, душа-девица...») на музыку Любови Ивановны Бороздны, жены его брата Василия⁷², одной из немногих задушевных подруг Евгении Петровны. Дважды в этом году – Ап. Майковым и младшим Солоницыным – стихи посвящаются Владимиру Ивановичу Панаеву, однако,

⁶⁹ См.: Сомов В.П. Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых // И.А.Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С.99–116.

⁷⁰ Е.Ф.Канкрин (1774–1845) – министр финансов в 1823–1844. Библиографические сведения о его беллетристике, путевых очерках и трактате по эстетике, написанных по-немецки и по причине «сильного писательского самолюбия» автора публиковавшихся анонимно, см.: Лебедев В.А. Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С.12–13.

⁷¹ См. письмо А.И.Тургенева П.А.Вяземскому от 1 нояб. 1844 (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т.IV. С.302).

⁷² Любовь Ивановна (урожд. Угрюмова) была замужем за Василием Петровичем Бороздной (1793–1850-е); Бороздны – старинный дворянский род Черниговской губернии (см.: Записки Черниговского губернского статистического комитета. Чернигов, 1868. Кн.2. С.95). В прошлом чиновник посольской канцелярии, автор «Краткого описания путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году» (СПб., 1821), В.П.Бороздна в конце 1830 – начале 1840-х состоял директором I-го отделения Экспедиции гос. кредитных билетов (Ассигнационный банк) Министерства финансов. С Бороздниками Николай Аполлонович и Евгения Петровна поддерживали дружбу и в 1840–1850-х годах (см. упоминания о них в письмах Гончарова Майковым с фрегата «Паллада»), бывая в их доме на углу Фурштатской (д. 44) и Таврической улиц, против любимого Евгенией Петровной Таврического сада.

что сближало с журналом и семейством Майковых поэта-идиллика и директора канцелярии Министерства Императорского двора, осталось неизвестным.

Новые лица в журнале в 1838 году – П.П.Свиньин⁷³, женатый на сестре Н.А.Майкова Надежде Аполлоновне (1803–1857), и Василий Алябьев (брат знаменитого композитора, доброго знакомого Майковых⁷⁴), обратившийся со стихотворным посланием к молодым сотрудникам «Подснежника»⁷⁵. И наконец, в 1839 году в «Лунных ночах» в уже сложившемся ансамбле звучит единственный новый голос – начинающего поэта, тогда же дебютировавшего в печати, сокурсника Вал. Майкова Якова Щеткина⁷⁶. Он и позднее будет участвовать в домашнем творчестве, в частности, в рукописной газете, выпускавшей «публикой» – молодыми Майковыми и их ближайшими друзьями – в 1842 уже без Солоницына⁷⁷.

Литераторы «со стороны» мало влияли на характер майковско-го журнала, его активно пишущее ядро оставалось семейным и домашним. При этом домашние лирики – а лирика преобладала и в «Подснежнике» и в «Лунных ночах» – юношески и дилетантски непосредственны, благодаря чему не столь монотонно звучат в их исполнении ходовые элегические и романтические мотивы. Об одиночестве, разочаровании, непонятости, несовпадении мечты и «существенности», об обреченности души страданиям пишут и Аполлон Майков в самых ранних стихах 1835–1836 годов («Разочарование», «Сирота» и др.), и Валериан («Счастливей несчастливцев», «Надежда», «Обман», «Было время»), и младший Солоницын («Мечте», «Тайна счастья», «Я люблю», «Сонет»). Исключительно императивны и безвариантны те же темы у Евгении Петровны Майковой («Вопль несчастливца», «Нет места чувствам на земле...», «Тайна», «Когда с надеждой легкокрылой...» и др.). Одна из типичнейших ее элегий – «Обманчивость» в «Подснежнике» за 1838 год:

⁷³ Он «публикует» драматическую сцену (об А.Д.Меншикове) «Пирожник, вельможа и изгнанник» (ИРЛИ. №16495. Л.61–63об.).

⁷⁴ См.: *Штейнпресс Б.С.* Страницы из жизни А.А.Алябьева. М., 1956. С.135; два романа (1842) на слова Ап. Майкова композитор посвятил Николаю Аполлоновичу. Майковы были знакомы и с семьей Н.А.Шатилова, зятя А.А.Алябьева.

⁷⁵ ИРЛИ. №16495. Л.44–44об.; упоминается Штейнпрессом (*Штейнпресс Б.С.* Страницы из жизни А.А.Алябьева). О В.А.Алябьеве см.: *Ходже Т.* «Где ты, мой брат?». Поэт и чиновник Василий Алябьев // *Лица: Биогр. альманах.* 2. М.; СПб., 1993. С.39–58.

⁷⁶ Первые публикации Я.А.Щеткина (1817/1818 – не ранее 1855) см.: Б-ка для чтения. 1839. Т.34; Сын отечества. 1839. Т.9; в начале 1840-х помещал стихи как в журнале Сенковского, так и в «Сыне Отечества», «Маяке», «Одесском альманахе на 1840 год» (сведения о нем сообщены А.Ю.Балакиным).

⁷⁷ См.: *Балакин А.Ю., Гродецкий А.Г.* Неизвестный очерк И.А.Гончарова «Пепиньерка». С.118–119.

Душа доверчива весною;
За светлой гонится мечтой;
Но ранней, утренней порою
Уже встречается с тоской.
Взгляните: звездочки блистают
И вдруг померкли в облаках;
Зефиры розу лобызают,
Она завяла – пыль и прах! <...>
Так это жребий наш: весною
Всех благ от жизни ожидать,
Любить всей пламенной душою
И вечно счастья не знать!⁷⁸

Автору на редкость продуктивному, Е.П.Майковой принадлежит в «Подснежнике» и «Лунных ночах» более двух десятков самых разных стихотворений – от меланхолических романсов и элегий до гневных инвектив «мишурному» свету («Пустыня людная, где я с толпой блуждаю, / Но где душе моей приюта нет...»⁷⁹).

Количественно и эмоционально не уступает стихам и ее проза: Евгения Петровна автор пяти «ультра-романтических» повестей («Мария», «Сила души», «Что она такое?», «Листок из журнала», «Рассказ из частной жизни») и многочисленных «мелочей» – пасторальных картинок («Деревня»), сентениозных «отрывков» («Терпение», «Дружба», «Отрывок из жизни мечтательной»), «мыслей» на французском («*ransées détachées*») и на родном языке, кроме того – нескольких переводов с французского.

К жанровому и стилевому клише у Евгении Петровны был особый вкус: трудно подобрать более полный и более пестрый репертуар сентиментально-чувствительных и бурно-романтических «общих мест», чем тот, что представлен ее стихами и прозой.

Одна из любимейших ее тем – «ламартиновская», «деревенская», воспеваящая «счастливых поселян», «папушков», уединенную жизнь в тиши идиллического «уголка» в беседах с Богом и «Матерью-природой» («уголок» конкретен – либо это подмосковное имение Майковых Никольское, либо летняя дача под Ораниенбаумом, обыкновенно в конце 1830-х семьей нанимаемая)⁸⁰. Типич-

⁷⁸ ИРЛИ. №16495. Л.7–7об.; в 1838 году в том же, ей посвященном, каждое стихотворение Е.П.Майковой помещается на отдельном листе цветной бумаги в художественной рамке.

⁷⁹ Там же. Л.84об. («Что для меня свет?»).

⁸⁰ Никольскому посвящены и стихотворения Е.П.Майковой 1833–1835 гг. «К моей деревушке», «К родине моей», «Моя деревня», «Все то же», «Там», сохранившиеся в ее альбоме «Часы досуга, или Мои бредни» (ИРЛИ. №17398). О даче Майковых см.: Мельгунов Б.В. Майковы в Ораниенбауме // Балтийский луч. 1984. 27 нояб.

на, к примеру, «Деревня. Отрывок из дневных записок Е.П.Майковой»⁸¹.

Судя по бесчисленным эпиграфам в ее повестях (практически к каждой главе), кумирами Евгении Петровны были Шатобриан, Гете, Байрон, Гюго, мадам де Сталь, мадам Бернар, Марлинский, Н.Полевой, Кукольник... Дважды в этот ряд попадает имя Пушкина, но и Пушкина своеобразно воспринятого – автора буквально, вне иронии, прочитанных онегинских строк: «Он верил, что душа родная / Соединиться с ним должна...» и «Но грустно думать, что напрасно...». О существовании культа Жуковского, не столько романтика, сколько «поэта-христианина», говорит анонимный прозаический отрывок «Поэт», принадлежащий, скорее всего, перу Майковой⁸². В не меньшей степени был почитаем ею и Бенедиктов, восторженно встречались «преумные и презабавные» фельетоны Сенковского, да и сочинения других авторов «Библиотеки» – повести А.П.Степанова, например, того самого, у которого, по словам Белинского, «нет ни рассказа, ни слога, ни языка, а только одни скучные и вялые длинноты»⁸³.

Поразительнее всего легко уживающийся с «карамзинизмом» «байронизм» Евгении Петровны, до такой степени бурный, что не вызывать иронической реакции он просто не мог. «Пылкая», «преданная увлекательному романтизму восторженных поэтов» Мария, героиня одноименной повести («...она упитывалась ядом чувствительности <...> Она вся существовала в мечтании, творила себе миры по воле фантастического своего воображения <...> она желала чего-то нового, таинственного, безумного, невещественного»), встречает в «поэтических Альпах» не кого-нибудь, а Байрона. Завязывается роман. «Обожаемое чудовище» бесчеловечными терзаниями доводит Марию до гибели – Евгения Петровна любила мелодраму. «Лучше страдать и любить свое страдание, нежели обладать холодной душою и ничего не любить. Это состояние ужасно: оно мертвит все предметы в глазах наших»⁸⁴. Таков авторский манифест.

Первая часть повести в №1 «Подснежника» за 1835 обрывалась на фразе: «Кто я? – сказал незнакомец. – Я не скрываю имя мое. Ты видишь у ног своих – Байрона». Солоницын (под строкой) с живостью подхватывал: «Редакция “Подснежника” очень жалеет, что не может объявить имени той особы, которая доставила ей эту повесть. Особа эта, как видно, гораздо скромнее Байрона. Но мы полагаем, что читатели узнают ее по слогу и мыслям»⁸⁵.

⁸¹ ИРЛИ. №16493. Л.26–26об.

⁸² Там же. Л.129об.–132.

⁸³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1953. Т.2. С.576.

⁸⁴ ИРЛИ. №16493. Л.8, 9, 44.

⁸⁵ Там же. Л.14.

Соответствующая редакторская реплика сопровождала и характернейший для Евгении Петровны «Отрывок из жизни мечтательной»: «Нам запрещено объявить имя автора этой статьи. Скажите, было ли запрещение когда-нибудь так бесполезно?»

Но никакая ирония, по-видимому, не задевала и не охлаждала поэта «мечтательной» жизни, своё понимание «высокого и прекрасного» Евгения Петровна отстаивала воинствующе и непреклонно. Годами страданий покупается счастье «пламенной» Софии («Листок из журнала», 1835), одной из тех женщин, «которых не скоро можно постичь»; любовь «чистых душ» Лидии и Ипполита («Сила души», 1836) разрушает коварство светского волокиты Мишурского; «злополучная тайна» Маши Вельской, страдающей сомнамбулизмом («Что она такое?», 1838), препятствует ее счастью с Томским, чья «вулканическая душа» кипит страстью; обманута людьми и светом «мечтательная» Зинаида Р., не умеющая любить «умеренно, покойно, как любят сердца ограниченные» («Рассказ из частной жизни», 1839).

Романтическому кредо Евгения Петровна не изменит и позднее. В ее «бальзаковских» повестях «Женщина» и «Женщина в тридцать лет», опубликованных в 1850 году в «Библиотеке для чтения» (Т.99, 101), по-прежнему будет страдать неразгаданное или коварно обманутое женское сердце и будет звучать дорогая автору мысль об избранности мечтателей в мире положительности и пошлости: «Эти люди составляют особенную касту в человечестве: они живут более внутреннею, нежели внешнею жизнью; у них свой образ мыслей, свои понятия о вещах. Всего этого нисколько не понимают люди положительные: они только умеют обвинять несчастных мечтателей, смеяться над ними, давать им на каждом шагу толчки и не чувствуют, как жестоко оскорбляют их самосознание, как унижают восторженные их чувства... Увы! эти бедные сердца скитаются как парии в мире вещественном и скоро делаются жертвами пошлой жизни... К такой касте людей принадлежат большею частью женщины, одаренные от природы большим запасом чувствительности и раздражимости; многие из них увлекаются идеализмом, составляют себе высокое понятие о людях и бывают совершенно несчастливы, когда неминуемое разочарование открывает им панораму действительности во всей нагоде ее»⁸⁶.

В дело воспитания «юных» авторов Евгения Петровна внесла свой вклад. Не случайно, наверное, канонизированные романтиками страдания в критических статьях Валериана Майкова будут названы «женственными»⁸⁷. Что же до Солоницына, то критиком ро-

⁸⁶ Б-ка для чтения. 1850. Т.99. С.152.

⁸⁷ См.: Майков В.Н. Критические опыты: (1845–1847). СПб., 1891. С.394, 396.

мантического канона он выступил задолго до своего воспитанника. Разными средствами, главным образом пародийными, Солоницын добивался одной цели: предостеречь «юных» от романтических «прикрас», от романтической позы, которой нелегко было избежать в их возрасте, тем более в эпоху всеобщего увлечения «ложновеличавой» школой.

Позиция Солоницына определеннее всего заявлена в сатирическом, высмеивающем наигранный романтизм «Сказании о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи» (в «Лунных ночах»⁸⁸), а также и в другой его резко антиромантической вещи (в «Подснежнике» за 1838) – «Похождениях рыцаря дон Родриго Родригеса-и-Химены и сподвижника его Михаила Тетдора» с подзаголовком: «Повесть времен XII столетия»⁸⁹. У этой немислимо затянутой, перегруженной «сенковщиной» повести, на первый взгляд, мало общего с фельетонно-острым «Сказанием...», не считая свободного владения автором специфической (опять-таки в духе Сенковского) пародийной формой. Однако есть между ними и сходство. Предметом пародирования в обоих случаях служат жанры, утратившие злободневность к концу 1830-х: в «Сказании...» это романтическая (в частности, «восточная») поэма, в «Похождениях...» – романтический же рыцарский роман (в частности, романы о Сиде). К чему, казалось бы, ополчаться на то, что уже сошло с литературной сцены? Между тем пародийная задача Солоницына по-своему педантически выверена, хотя, быть может, отчасти и надуманна (что для него характерно): в том и другом случае не только и не столько пародируются эпигонские приемы, сколько окарικатурируется сам феномен эпигонства, так что равнение на «ветхие» жанры выглядит смешно и нелепо.

Как на страницах «Подснежника», так и позднее, не оставляя роли учителя и наставника, Солоницын выступал за простоту и естественность, против выпренности и украшенности «слога и мысли». «Пишите же, почтеннейший Иван Александрович, просто, не вдаваясь ни в какие теоретические мечтания, – убеждал в 1844 году бывшего сотрудника «Подснежника» его бывший редактор, – пишите просто, под влиянием своего светлого ума, своего благородного сердца: уверяю Вас, что напишете вещь прекрасную». И пояснял

⁸⁸ См. С.501–513 наст. изд. «Сказание...» предваряет целый ряд произведений, пародирующих романтический тип поведения, таких как «Без вести пропавший пиита» (1840) Н.А. Некрасова, «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841) А.Ф. Вельтмана и др. Обратившись к теме «утраченных иллюзий», Солоницын почти на десятилетие опередил и автора «Обыкновенной истории», на которого, как полагал А.Мазон, его повесть «могла оказать некоторое влияние» (см.: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov*. P.424–425).

⁸⁹ См.: ИРЛИ. №16495. Л.85–144.

свою мысль: «Все правила для писанья хороших романов, мне кажется, заключаются в том, что так как роман есть картина человеческой жизни, то в нем должна быть представлена жизнь как она есть, характеры должны быть не эксцентрические, приключения не чудесные, а главное, автор должен со всею возможною верностью представить развитие и факты простых и всем знакомых страстей, так чтобы роман его был понятен всякому и казался читателю как бы воспоминанием, поверкою или истолкованием его собственной жизни, его собственных чувств и мыслей»⁹⁰.

Трезвый взгляд Солоницына, однако, и в простоте видел соблазн, точнее, предостерегал от крайностей и издержек «низкого» предмета и жанра, в частности и от иронического снижения «высокого». Пародийную «Решительность и независимость» Вордсворта (в переводе Корша) редактор «Подснежника» предварил таким игровым и вместе морализующим комментарием: «Это стихотворение доставлено нам при следующем письме: “Господин редактор, – позвольте напомнить Вашим читателям, что Вордсворт большой чудак. Он хочет поэзии без фразеологии поэтической, хочет поэзии предмета, поэзии чувств и дум, им возбуждаемых, отменяя всякую прикрасу выражений, как белила и румяна. Мысль хороша, но не должно увлекаться ею. Бесприкрасие, конечно, имеет ту выгоду, что избавило бы нас от толпы стихотворцев, которых весь дар – в низании фраз; но не слишком ли хитро тускнить золото только для того, чтоб не сочли его позолотой? Такая лукавая простота хуже воровства. Не введи нас во искушение фразами, но избави и от лукавого просторечия”»⁹¹.

Будучи помощником Сенковского по «Библиотеке», Владимир Андреевич не мог не быть и его единоверцем. Неприятие опошленных романтических понятий, преследование «бранящих толпу» «русских Байронов», требование «естественности и простоты» слога соответствовали программным положениям эстетической «теории» его патрона. Другое дело, что «теория» Сенковского, и прежде всего декларированная им языковая простота, парадоксальным образом противоречила его же художественной практике – усложненности, вычурности фразы, экзотичности и эксцентричности сюжетов, в чем он и был постоянно изобличаем современниками⁹². Того же рода

⁹⁰ Письмо И.А.Гончарову от 25 апр. 1844 (См.: *Груздев А.И.* К вопросу о замысле романа И.А.Гончарова «Старики». С.334; ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №152. Л.8об.).

⁹¹ ИРЛИ. №16495. Л.65.

⁹² См., например, один из манифестов Сенковского – «Обвинительные пункты против Барона Брамбеуса» (Б-ка для чтения. 1839. Т.33. Лит. летопись. С.44–46). См. подробнее: *Зильбер В.* [Каверин В.А.] Сенковский (Барон Брамбеус) // *Русская проза / Под ред. Б.М.Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова.* Л., 1926. С.179–188; *Морозов В.Д.*

противоречивость свойственна и Солоницыну, в своей фельетонной прозе копирующему, подчас излишне механистично, «хватскую» манеру Брамбеуса (главным образом, в «Медовом месяце» и рыцарских «Похождениях...»).

Хотя Солоницын как будто и воздерживался от участия в известном преследовании Сенковским местоимений «сей» и «оный» (в майковских журналах эта «кампания» не оставила следов; а кто только в эти годы не обыгрывал «криминальные» местоимения!⁹³), однако нелюбовь редактора «Библиотеки» к «славянщине» он определенно разделял. «Сделай милость, – писал Солоницын Ап. Майкову в Италию 28 апреля 1843, – избегай славянских оборотов и слов. Они иногда прекрасны, но не всегда: с ними надо обходиться, как с горчицею, которая очень приятно щекочет вкус в маленьких дозах, а если переложить, так обдерет рот. Напротив, у тебя беспрестанно *длань, власы, вия*, и прочая. Это не хорошо. Ты пишешь не для прошлого века и даже не для одного настоящего: твои стихи должны пережить нас и наших детей и внуков; а когда будут жить наши правнуки, тогда эти формы совершенно истлеют, потому что от них и теперь уж воняет тухлятиной»⁹⁴.

Домашнее зеркало «Подснежника» отразило многие реалии общелитературной ситуации рубежа 1830–1840-х годов, в том числе и характернейшую коллизию переходного времени – конфликт «чувствительных» и «холодных», «идеалистов» и «позитивистов». На страницах журнала это противостояние, обусловленное полярными, но равно авторитетными для «юных» позициями «старших» – Евгении Петровны и Солоницына – самоочевидно. Добросовестные попытки «юных» примирить «лед и пламень», стихи (пламенные) и прозу (сатирическую и пародийную) невольно создавали эффект двойственности. Это заметил в своем единственном словесном выступлении на страницах журнала Н.А.Майков, указав на «двух настоящих литературных хамелеонов, А.Н.М* и В.Н.М*, которые, по прихоти своего разнообразного таланта, то представляют нам пламенные поэтические картины, то преследуют нас своею строгою и

О.И.Сенковский и его «Библиотека для чтения» // Художественное творчество и литературный процесс. Вып.2. Томск, 1979. С.17–38; и др.

⁹³ По словам Гоголя, Сенковский «завязал целое дело о двух местоимениях: *сей* и *оный*, которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском слоге. Об этих местоимениях писаны им были целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения *сей* и *оный* совершенно неприличны» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л., 1952. Т.8. С.160–161). См. подробнее: Каверин В.А. Барон Брамбеус. М., 1966. С.93–105.

⁹⁴ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №155. Л.1–1об. (в архивном описании ошибочно значится как письмо В.Андр. Солоницына к В.Ап. Солоницыну).

поучительною критикою»⁹⁵. Элегики и мечтатели действительно бойко писали сатирическую прозу: Аполлон Майков в 1835 году «опубликовал» в «Подснежнике» сразу четыре фельетона, к слову, живых и остроумных («Охота за повестями и анекдотами», «Дамы крысиного рода», «Сцены бальной атмосферы» и «Путешествие на Луну»), и два – Валериан («Часовое дружество» и «Записки повыхчика провинциальной уголовной палаты»). При этом черты эпигонства – та же гротескность в духе Сенковского наряду с у него же заимствованными стилистическими фигурами – присутствуют у обоих «хамелеонов», а сам Брамбеус упоминается и в «Дамах крысиного рода», и в «Путешествии на Луну» – ученически восхищенной реплике на его «Фантастические путешествия». В дальнейшем фельетонная проза «юных», заняв в «Подснежнике» и «Лунных ночах» значительное место, будет неизменно отзываться остроумием известного образца. Аполлон Майков напишет изящно стилизованные (и не утратившие юмора) повести: «Рождение XIX столетия» (1838), где автору во сне являюся ожившие и заговорившие фигуры и тропы риторики и пиитики, и «Покорение страны Семи Пагод европейцами» (1839) – рассказ о гибели браминского монастыря, а затем и всей восточной цивилизации от эпидемии рыбной ловли, начавшейся с «бедственной страсти» одного из монахов. Валериан создаст сатирическую повесть «Жизнь и наука» (1839) с подзаголовком «Бессмертное произведение» о характерных философских крайностях – субъективном идеализме и физиологизме. Через искус Сенковского прошел и начинающий Гончаров, что редко отмечают исследователи его раннего творчества.

Но вернемся к редактору журнала. Еще одна красноречивая деталь к его портрету – доверенные страницам «Подснежника» исследования и документы (возможно, из его личной коллекции), свидетельства серьезных исторических и археографических интересов Солоницына, сблизивших его позднее, в Париже, с А.И.Тургеневым. Он «публикует», к примеру, в 1835 «без всяких отступлений от подлинника» отрывок из записок графа Ростопчина («Кончина императрицы Екатерины Второй»), официальное издание которых, «по разным причинам», как осторожно намекает Солоницын, едва ли скоро состоится. Показательны и анонимные (судя по всему, редакторские) материалы в «Смеси» в 1838 году: статьи-исследования «Административное разделение России во времена императрицы Елизаветы Петровны» и «Первые календари в России».

Наконец, в формуляре человека «положительного» и «холодного» необходимо сделать еще несколько записей. Владимир Анд-

⁹⁵ ИРЛИ. №16493. Л.30об.–31.

реевич не был чужд пафоса, патриотического и монархического по преимуществу, с резко иной раз звучащими охранительными интонациями. Достаточно знакомства с его повестью «Царь – рука Божья», проникнутой идеей провиденциальности монаршей воли и власти (не случайно она попала в «Москвитянин»), чтобы в этом убедиться. Во славу тех же идей явились в домашнем журнале и панегирическое родословие Романовых, где полубогом назван Петр, и дискредитирующая французскую «державу» наполеоновская генеалогия (см. выше). В чем Солоницын безусловно охранителен, так это в своей критической «публицистике» – тенденциозных статьях о французской литературе, французской квазинравственности и религиозности (см. анонимную статью «Ум и совесть» в «Смеси» в 1838) и о французской революции (см. там же статью «Еще воспоминания о временах терроризма»); весь коллаж для «Смеси» в 1838 году, по всей видимости, был составлен редактором «Подснежника» единолично).

Утвердившееся представление о Солоницыне как прогрессисте и либерале-западнике⁹⁶ (не результат ли это обратной проекции на прототип образа Петра Адуева?) не вполне соответствует действительности. И если семью Майковых отличал пылкий «русизм», горячий патриотический и монархический настрой – драгоценная семейная составляющая духовной биографии Аполлона Майкова, по собственным его признаниям⁹⁷, – то Владимир Андреевич в этом семейству не уступал, что не мешало ему не по-герценовски, конечно, но по-своему трезво и жестко судить о России и русских.

С поощрения редактора, надо думать, и страницы «Подснежника» одушевил домашний русский, московский (последнее тоже важно) патриотический энтузиазм. Особенно выразителен он в славящем императора «Гимне», коллективном сочинении «юных» – младшего Солоницына, Аполлона и Валериана Майковых:

<...> Примерный истины блюститель,
Блаженства нашего творец,
Он кроткий, Ангел наш Хранитель,

⁹⁶ См., например: Пиксинов Н.К. Белинский в борьбе за Гончарова // Уч. зап. ЛГУ. №76. Сер. филол. наук. Вып.11. Л., 1941. С.59, 63; Мельник В.И., Мельник Т.В. И.А.Гончаров в контексте европейской литературы. Ульяновск, 1995. С.5.

⁹⁷ См. в его известном письме П.А.Висковатову (Златковский М.Л. Аполлон Николаевич Майков: 1821–1897. Биогр. очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898. С.43; то же: Ф.М.Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С.Долинина. Пг., 1922. С.270). Ср. также письмо О.Ф.Миллеру от 3 нояб. 1871 с изложением семейного предания о том, как покидал Москву в 1812 дед Гусятников, «весьма образованный человек, одевался по-английски, знал несколько языков, но религиозный и горячий патриот» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.178–179; публ. И.Г.Ямпольского).

Наш друг, защитник и отец.
Мы с Ним узнали счастье рая,
В Нем Петр Великий ожил вновь...
О! сохрани ж нам Николая!
Он наша радость и любовь!⁹⁸

Всесловное, массовое «обожание» императора Николая Павловича (ср. в «Отце Сергии» Л.Н.Толстого)⁹⁹ – вообще характерная черта времени, тем более в семье живописца, императором обласканного, в доме, удостоившемся его личного посещения¹⁰⁰.

Наконец, «суровый» Владимир Андреевич бывал и чувствителен, и сентиментален. Таков он в бесконечно длинных торжественно-грустных гекзаметрах «Эпилога», завершающего «Лунные ночи» и подводящего итог его домашней редакторской деятельности – в самом широком, учительном, смысле этого слова:

Труд мой окончен! – Бросаю перо, утомленное тихой,
Долгой работой, – и молча – один – как ревнивец, люблюсь
Вами, листки для меня драгоценные! – Много вам мыслей
Отдал я, много на вас положил я досуга златого:
Утренни зори не раз находили меня уже бодро,
Ложе оставив, сидящего; солнце вечернее также,
Пышный свой путь направляя в Балтийские волны, вседневно
Видело, как неусыпно тружусь я над вами; а ночью –
Ночью опять все про вас же я думал, очей не смыкая.

Солоницын и здесь не упускает случая выступить с апологией труда:

Труд уже сам по себе наслажденье, но он еще втрое
Слаще, когда мы трудились из дружбы, надеясь в награду
Видеть улыбку на дружных устах.

«Эпилог» обращен прежде всего к Евгении Петровне и рисует ее «доброй старушкой и бабушкой», показывающей внукам альманах, созданный трудами «старинного друга», до семейной презентации не дожившего:

⁹⁸ ИРЛИ. №16493. Л.91.

⁹⁹ Ср. также: *Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С.165–166; *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С.419; и др.

¹⁰⁰ Подробнее об участии Николая I в судьбе Н.А.Майкова см.: *Гайтцева Э.Г.* Николай Аполлонович Майков и его воспоминания (особенно с.145–146). О визите императора в мастерскую художника (возможно, не единственном) см. в письме от 6 апр. 1836 его отца Аполлона Александровича в Москву старшему сыну Александру Аполлоновичу (РНБ. Ф.452. №423. Л.20–21об.).

Странный

Был человек: как захочет, бывало, и твердо решится
Что-нибудь сделать, так ежели дело то прямо зависит
Только от сил и трудов его, – делает! Трудно ль, легко ли, –
Все пустяки! одолеет, дойдет, на своем уж поставит!
Вот, например, хоть бы эта красивая книжка: смотрите,
Милые дети, какими узорами эти странички
Он изукрасил, каких он наделал затейных каемок,
Надпись над каждой статьей написал, как печатную, чисто,
Буквы заглавные вывел, фигур вокруг каждой особых
Нарисовал, а в конце и в середине у всякой статейки
Вставил еще и другие рисунки приличные; если
Сам он чего не сумел, так других упросил себе в помощь.
Тут потрудился и дедушка ваш; и отцы ваши к делу
Общему руки свои приложили; знакомые также,
Кто нас любил, те ему помогли; а он уж последний,
Все завершил, на порядок навел, и составивши книжку,
В день своего мне рожденья ее подарил (тогда мы на даче
Жили). Итак, мои дети, смотрите же смирно на эти картинки;
Вот прочитайте стихи; вот и проза: все это творенья
Нашего дружного круга тогдашнего времени <...>
Что ж до того чудака, что составил прекрасную эту
Книжку, так он, мои дети, хоть был и чудака, только вряд ли
Кто-нибудь наше семейство так нежно любил. Не застали
Вы его живые; а если бы Бог ему веку прибавил,
Он бы вас нянчил, добру научил... Но судьба не судила!¹⁰¹

После 1839 года домашние литераторы выходят на страницы открытой печати. И Солоницын этому активно содействует. В «Библиотеке» в пору его редакторства публикуются Ап. Майков (регулярно), Яков Щеткин, Солоницын-младший¹⁰². Е.П.Майкова выносит на суд читателей «Библиотеки» стихотворения «Поэт», «Две жизни», «Тайна»¹⁰³. Кроме того, в «Сыне отечества» печатается ее ответ на послание Бенедиктова «К женщине» – «От женщины В.Г.Бенедиктову»¹⁰⁴. Какие-то «компиляции и переводы», анонимные и по сю пору остающиеся неизвестными, с помощью того же Солоницына публикует в «Библиотеке» в начале 1840-х далеко не самый

¹⁰¹ ИРЛИ. №16496. Л.177–179об.; дата под текстом: 4 июля 1839 года – день рождения Солоницына.

¹⁰² Вл.Ап.Солоницыну принадлежат 9 стихотворений под криптонимом «С.», опубликованных в «Библиотеке для чтения» в 1841–1843 гг.; атрибуцию см.: Кийко Е.И. Об авторе стихотворений, ошибочно приписывавшихся Салтыкову-Щедрину. С.313–315.

¹⁰³ Б-ка для чтения. 1841. Т.48, 49; 1842. Т.50; подписаны: «Е. М...ва».

¹⁰⁴ Сын отечества. 1840. Май, Кн.1. С.5–10; подпись: «Е.М.» Первоначально два отрывка из бенедиктовского послания и ответ Майковой появились в «Лунных ногах» (см.: ИРЛИ. №16495. Л.99об., 101).

«юный», но самый неуверенный в своем литературном призвании сотрудник «Подснежника» и «Лунных ночей» – Иван Александрович Гончаров¹⁰⁵.

* * *

В домашнем многоголосье диалог Солоницына и Евгении Петровны не мог не звучать самостоятельной темой. Он существовал и помимо «Подснежника».

Когда в доме Майковых в середине 1830-х создается «секретарское общество» – и детей, и знакомых, и родственников увлекает игра в «секретари»¹⁰⁶, инициатором которой был Владимир Андреевич, – для Евгении Петровны «секретарские» вопросы и ответы становятся желанной формой «искренних излияний». Свои письма Солоницыну во время его деловых отлучек в Москву и Оренбург она наполняет просьбами о присылке вопросов и ответами на прежде заданные. Владимир Андреевич в «секретарском» диалоге с нею не столько излиятелен, сколько наставителен и с готовностью демонстрирует превосходство знания и жизненного опыта. Неизменно отзывчивый на голос женского сердца, он не забывает и об отточенности и афористичности собственной фразы. «Насчет чего женщины бывают чистосердечнее: насчет своей грусти или насчет своих радостей?» – задает он, к примеру, вопрос Евгении Петровне. Та отвечает:

«Для женщины иной
Милее грусти вид печальной;
Она сдружается с слезой,
Как с радостью венчальной <...>, –

прибавляя: – И на другие вопросы давно готовы ответы, и *в стихах*, подобных этим»¹⁰⁷. «В секретарских наших обществах вы привыкли понимать все галиматии женского пера», – пишет Майкова Солоницыну в другой раз и цитирует его же: «...помните, один раз мы игра-

¹⁰⁵ Единственное упоминание о факте публикации «нескольких компиляций и переводов» содержит черновой автограф гончаровских мемуаров «В университете» (РНБ. Ф.209. №4. Л.23об.).

¹⁰⁶ Об этом увлечении см. в монографии Е.А.Ляцкого, который опубликовал и выдержки из находящихся в его архиве (ИРЛИ. Ф.163. Оп.1. №155) 128 листов, точнее, обрывков бумаги, с вопросами и ответами Майковых и их друзей при игре в «секретари» (Ляцкий Е.А. Роман и жизнь. Развитие творческой личности И.А.Гончарова. 1812–1857. Прага, 1925. С.126–140). Без убедительного обоснования Ляцкий датирует тексты 1843–1844; опираясь на ряд косвенных свидетельств и данные переписки Е.П.Майковой, «манускрипты секретарского общества» (это ее выражение) можно отнести ко времени не позднее 1835–1836.

¹⁰⁷ ИРЛИ. Ф.163. Оп.1. №155. Л.15–15об. (письмо Солоницыну от 23 сент. 1835).

ли в секретари и кто-то спросил вас: “Что такое благодарность?” – вы отвечали: “Память сердца”»¹⁰⁸.

Архив Майковых сохранил, кроме того, и не зависевшую ни от «секретарского общества», ни от почты «свою игру» Евгении Петровны и Солоницына – три страницы ее вопросов и его ответов¹⁰⁹. «Зачем я буду сочинять повести? Выводя на сцену чувства, я буду говорить о себе: зачем же мне делать выставку из моей души?» – спрашивала Евгения Петровна. Солоницын отвечал: «В повестях выводятся лица разные, следовательно, вы будете говорить в них не о себе и не о своих чувствах; душа ваша не выйдет на выставку». «Мне кажется, – размышляла Евгения Петровна, – что душа моя, до сих пор сохранившая свою свежесть, очерствеет вдруг, внезапно, потому что на нее ужасно несправедливо ропщут и обвиняют в том, чем я всегда гордилась в тайнике моего сердца». «Не знаю, что вы разумеете под тем, в чем вас обвиняют, – отзывался Солоницын. – Но свежесть души есть великая милость Божья, и чем долее она сохраняется, тем способнее человек наслаждаться, хотя в то же время он и огорчается скорее других». «Глубокая моя привязанность до того горяча, что она отравляет существование тех, к кому относится. Почему же это так?» – сетовала Майкова. «Никогда! Привязанность огорчать не может, – возражал Солоницын. – Огорчают другие чувства, которые с ней сливаются». И еще сокровенная мысль Евгении Петровны: «Странное созданье женщина! ей приятно не быть понятой толпою, только бы – в замену того – поняло ее одно существо, ею любимое!» Солоницын уклончив: «Это дело женское: не смею судить». Вновь Евгения Петровна: «Тяжело сгрустнется, когда подумаешь, как недостаточно жизни человеческой на то, чтобы доказать привязанность тому, кому сказало сердце “люблю”». И возражение Солоницына: «Неправда. Привязанность доказывается иногда одним словом, одним взглядом, а для этого не нужно целой жизни».

Любопытны многочисленные «секретарские» заготовки Владимира Андреевича – вопросы и им же составленные ответы, своеобразная гимнастика ума и пера. «Правду ли говорят, что с умом, как с скучным гостем, бывает очень скучно?» – спрашивал Солоницын и отвечал:

Полуумье, а не ум
Есть причина нашей скуки,
Наших неприятных дум
И душевной нашей муки.
Ум для счастья не враг:
С ним пройдешь весь мир крещеный –

¹⁰⁸ Там же. Л.17, 22об.

¹⁰⁹ Там же. Л.102–103.

И не попадешь в овраг,
Как Хемницеров ученый.
Он хотя убьет мечты
Нашего воображенья,
Но – в замену суеты –
Даст прямые наслажденья.

Или другой пример изящных солоницыновских «безделок». Вопрос: «В каком обстоятельстве верите вы слезе женщины?» Ответ:

Увы! алмазная слеза
Туманит женские глаза
По прихотям капризной воли,
И той слезе не верю я,
Теки она хоть в три ручья,
Коль не течет *от боли*¹¹⁰.

Странно созвучие двух этих столь несхожих голосов в многолетней переписке, начавшейся по меньшей мере в 1831-м и оборвавшейся в 1844-м. Владимира Андреевича нет рядом – и Евгения Петровна пишет ему письмо за письмом (домашняя переписка почти целиком велась ею, Николай Аполлонович охотником до писем не был) – в Москву, в Оренбург или в Петербург в дом на Офицерской¹¹¹ с дачи под Ораниенбаумом, где Майковы регулярно проводят лето и куда Солоницын, судя по письмам, ездит еженедельно. Наконец и в Петербурге они обмениваются записками в те редкие дни, когда Владимир Андреевич по какой-либо причине не находит возможности побывать у Майковых.

Воскрешая семейные предания о друге дома, Леонид Майков умолчал об одном: Солоницына привязывала к семье глубокая и, судя по всему, взаимная нежность в отношениях с Евгенией Петровной. Для нее он готов был стать «Антоном Ивановичем», выполняя не просьбы даже, а прихоти, и письма его Евгении Петровне середины – конца тридцатых годов, несмотря на привычную иронию, трогательно лиричны.

«Мне грустно, – пишет он Майковой во время одной из поездок в Москву. – Несмотря на веселость моих дилижансных товарищей и на свидание с родиной, которую я очень люблю, все мне думалось и думается о Петербурге.

¹¹⁰ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №153 (1). Л.3–3об. Сохранились и другие заготовки – листы с 20 «секретарскими» вопросами (Там же. Л.34–34об.), например: «Что приятнее в собеседнике: хорошая память или здравый рассудок?»; «Кто теплее верует в Бога: счастливый или несчастливый?»; «В чем состоит та свобода, которой так домогаются женщины?» и т.п.

¹¹¹ Адрес Солоницына см.: ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.40об.

Я забыл взять у вас башмак и потому не купил вам в Торжке теплых ботинок; сверх того, там и не было голубых с золотом. Пришлите мне выкройку с подошвы. Этого будет довольно для мерки»¹¹². «Я уговорил вас не покупать тафты на домашний теплый шлафрок, предоставив мне удовольствие выслать ее вам из Москвы, и вот уж третья неделя, как я живу в кривобокой, а тафта все не выслана. Причина – те же недосуги. Но завтра я решительно еду в ряды, покупаю и отправляю по почте». Это писалось две недели спустя¹¹³. Евгения же Петровна на разного рода комиссии была неистощима. «Прошу вас на десять рублей привезти мне мелкой монеты, это здесь необходимо нужно, – пишет она Солоницыну с дачи. – Еще прошу вас, когда пойдете мимо лавки Поскочина, купить мне масленицу самую простую, только чтобы была с крышкой, это также мне очень нужно, и я не намерена извиняться, что вас беспокою. <...> Еще прошу вас посмотреть и, если найдете, привезти или, по крайней мере, уведомить, отыщите ли путешествие Дюмона-Дервиля, также “L’esprit de Rousseau”, книги, которые были отложены, чтобы взять сюда, а куда они девались, неизвестно, только здесь их нет»¹¹⁴. И через две недели снова: «Я, может быть, потому пишу вам этот раз, чтоб наградить вас некоторыми поручениями; впрочем, не делая справок о причине моего частого писанья к вам, – исполняйте беспрекословно мои комиссии, и я вас буду называть *славным человеком!* Купите два карандаша, один для меня, другой для Н.А.: у меня был запас им, но здесь не отыскался, а живописцу без карандаша мудрено рисовать. Также купите тетради из почтовой тонкой бумаги, только без глянца; пишу не много, а уже бумага на исходе...»¹¹⁵

Впрочем, в письмах Майковой преобладают иные, отнюдь не бытовые, мотивы. Отстаивавшая собственную «мечтательность» как жизненное кредо, Евгения Петровна искала и нашла в Солоницыне пусть в суждениях излишне «сурового» и в поведении излишне «аккуратного» (над этим качеством и сам Владимир Андреевич готов был постоянно иронизировать), но все же почти идеального Друга и почти идеального Поэта, едва ли не Байрона, мечтой о встрече с которым она жила¹¹⁶. Свою поэтическую тоску о «слиянии душ» она обратила к нему. Обоими – по-разному, но в равной степени – владела литература, потребность существования внутри литературы и постоянного самовыражения через слово.

¹¹² ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. №153 (1). Л.9об. (письмо от 30 нояб. 1837).

¹¹³ Там же. Л.10об.

¹¹⁴ ИРЛИ. Р. I. №138. Л.31 (письмо от 25 мая [1838]).

¹¹⁵ Там же. Л.38 (письмо от 9 июня [1838]).

¹¹⁶ См. ниже, в ее письме от середины авг. 1843 (№2).

Письма Майковой – свидетельства долгой жизни карамзинистской эпистолярной традиции, когда, по формуле Ю.М.Лотмана, «интимные письма пропитываются литературностью, а литературные – интимностью»¹¹⁷, хотя ее эпистолярная «чувствительная» проза с избытком расцвечена и позднейшими, также книжными, наслоениями. Литературность Евгении Петровны вообще очень навязчива и вместе наивна, порой комична; в письмах ее, как и в беллетристике, соседствуют пастораль и мелодрама. Так, в адресованных Солоницыну рассказах о «горьком» детстве реальным фактом остается раннее сиротство, одиночество же лирической героини приобретает характер типичного конфликта романтической личности с окружающим миром, романтического отчуждения. Интонационно выстраивается и самая фраза: «Я помню колыбель мою, куда с побоями клала меня нянька моя; помню мое юношество – оно отправлено было очень рано ядом горестей; помню молодость, проведенную в борьбе с томительной болезнью, лишённую всех удобностей и приятностей жизни...»¹¹⁸ Или в другом письме: «...вспомните, что я росла и жила очень, очень долго одна с моим сердцем и с пламенным воображением, что я не имела друзей опытных и что самое здоровье мое способствовало раздражить чувства. Не ищите во мне совершенства; женщина, которая всегда жила сердцем, должна иметь много недостатков; она недоверчива, боязлива, неблагоразумна, глупа, может быть, для тех, кто ее не понимает. Будьте снисходительнее и даже осторожнее с таким несчастным существом, если не хотите погубить его, поверьте – оно из благодарности одной готово на все, что нужно для счастья такого друга!»¹¹⁹

Москвичей в Петербурге, Солоницына и Майкову связывало общее прошлое, ностальгическая любовь к родине–Москве. Дружеской переписке в соответствии с жанровым каноном Евгения Петровна вверяет перипетии своего романа с Москвой, а отношения с «родиной» переживались ею именно как роман. «Мне досадно, что я менее стала любить Москву, – признается она Солоницыну, – безотчетная привязанность к моей родине меня очень занимала; с каким удовольствием, с каким жаром я защищала, когда несправедливо на нее нападали, когда мне скучно, то я думала о Москве, а теперь, когда мне скучно, то ни о чем не думаю. Москва потеряла в глазах моих тот талисман, которым она меня очаровывала»¹²⁰. Культ Москвы в противоположность всему петербургскому Евгения Петровна под-

¹¹⁷ См.: Лотман Ю.М. Аутсайдер пушкинской эпохи // Новое литературное обозрение. 1994. №7. С.105.

¹¹⁸ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.8 (май-июнь 1835).

¹¹⁹ Там же. Л.99 (лето 1838).

¹²⁰ Там же. Л.5–5об. (14 июня 1835 года).

держивала и в семье¹²¹, отдавая в этом дань той же литературе – традиционной и для сентименталистов, и для романтиков оппозиции «естественного – искусственного», «душевного – рассудочного».

Особое место в письмах Майковой заняла и «деревенская» тема с обязательной антитезой «город – деревня». «Прекрасен Петербург, – пишет она Солоницыну в 1835 году, – но не для меня; чтобы быть счастливой, мне нужен уголок дикой природы; клочок земли неискusstvenной; воздух свободы. Здесь, чтоб подышать чистым воздухом, уговариваются прежде с извозчиком; платят ему 30 рублей и более, собирают компанию часто не по душе – надевают модную шляпку, шелковые перчатки, башмачки á l'Esmeralda и едут искать чистого воздуха. Боже! и это называю наслаждением жизни – нет! не по душе мне удовольствия по заказу, я, неблагодарная дочь мишурного света, не умею ими пользоваться; я помню мою деревушку и ищу ее всюду; наконец, утомясь искать невозвратимого, беру перо – черчу, мараю, но, к сожалению, эскизы мои не похожи на подлинник...»¹²²

Прощание с дачей в конце лета 1838 года – самое, наверное, яркое эпистолярно-поэтическое творение Евгении Петровны: «Я несколько раз выходила любоваться и прощаться с любимыми местами! Погода не слишком хороша сегодня, солнце то покажется, то прячется от глаз наших; иногда так ярко освещает долины, рощи, моря, что вдруг вся окрестность кажется золотою, но скоро набегит тучка и спрячет всю роскошь природы; однако хорошо на даче и сегодня, погода не мешает гулять и беседовать с природою; мне кажется, она чувствует, что я ее оставляю, и, как нежная мать, прощается с своей дочерью; право, кажется, птички поют так уныло сегодня и все, на что я смотрю, отвечает мне горестною улыбкою. Грибы сами ложатся в мою корзинку, так много их попадается. Прощай, прощай, прекрасная дача! уж не последнее ли лето провожу я в деревне, – не последний ли год живу на свете? Кто может знать свое будущее, когда и где ляжем мы в могилу! Только не желала бы я умереть в городе – там душно, и тесно, там торгуют могилами!...»¹²³

Благодаря «аккуратности» Солоницына, действительно имевшего привычку сшивать полученные письма, датируя их и нумеруя (ср. в «Так они наняли дачу!» упрек Надежды Федоровны Луке Тихоновичу в том, что тот «сшивает в одну тетрадь все письма»), пре-

¹²¹ Ср. «московскую» тему в воспоминаниях Ап. Майкова (*Златковский М.Л. Аполлон Николаевич Майков. С.43*). Тема эта не могла не отразиться и в «Подснежнике», где певцом ее стал тот же Аполлон (см. его патетический очерк-сновидение «Москва» – ИРЛИ. №16494. Л.66–69).

¹²² ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.3–4об. (14 июня 1835); далее в письме – стихотворение «Моя деревня».

¹²³ Там же. Л.43–43об.

красно сохранились разрозненные листы эпистолярных сочинений Е.П.Майковой, тогда как часть московских и полностью оренбургские корреспонденции самого Солоницына 1835–1838 годов, по всей видимости, утрачены¹²⁴. Диалог этих лет остался фактически односторонним. Немногие солоницыновские фрагменты переписки представляют нам все того же деятельного «положительного» героя, дорожащего позитивной информацией и ничего общего с карамзинистской традицией не имеющего.

В сороковые годы, когда «чувствительность» вызывает иронию не только Солоницына, но и повзрослевших сыновей, голос Евгении Петровны меняется, слог ее становится человечнее. Она по-прежнему отстаивает право женщины на исключительность душевных переживаний, однако «интимность», литературную рефлексию отесняют на второй план вполне «существенные» заботы. В письмах ее начала сороковых много неподдельной горечи. Это уже не элегические сентенции о преждевременной старости души, хотя и эта нота не перестает звучать, но ненадуманные и без аффектации переживаемые реальные утраты – молодости, сил и здоровья, наконец и сентиментально-книжных представлений о дружбе. Исповедуя идею «насушного и полезного» (по слову Баратынского), Солоницын сознательно, порой жестко понуждает свою корреспондентку к переоценке этих представлений.

Заграничное путешествие Майковых и Солоницына 1843–1844 гг. долго вынашивалось и тщательно планировалось. Майковы намеревались ехать всем домом, с тремя сыновьями, в Германию, откуда Солоницын с Валерианом должны были отправиться в Италию, чтобы там соединиться с Аполлоном и затем провести всем вместе конец года в Париже. Из Парижа к зиме Майковы предполагали вернуться в Россию. Владимир же Андреевич, помышляя начать поездку с ними и племянником, думал покинуть Россию надолго, работать в библиотеках Парижа и Лондона, посетить Швейцарию и Австрию, не только наблюдать жизнь, ему доселе неизвестную, но и собирать материал для очень широких, по всему судя, литературных замыслов. «Италия – страна чувственности – не может совершенно занять меня, – писал он Аполлону в Италию 28 апреля 1843 – <...> Мне нужна жизнь настоящая, действительная, кипучая, где бы я мог, отойдя к сторонке, смотреть и наблюдать современного человека. Задачею моего путешествия будет именно вопрос: как применяется западная европейская жизнь к русской го-

¹²⁴ М.Л.Златковский еще упоминал хранящиеся в семье Майковых его «чрезвычайно интересные» письма с Урала (*Златковский М.Л.* Аполлон Николаевич Майков. С.15).

лове, к русским плечам и к русскому брюху? И для этого, сев в дилижанс, я с той же минуты оставляю все русское»¹²⁵. А несколько ранее он делился с Николаем Аполлоновичем и Аполлоном совершенно иными, но очень для него характерными соображениями: «Знаю, что если я скажу вам, что определяю на свое странствие от десяти до четырнадцати тысяч рублей, то вы будете отвечать: “Этого довольно”. Но мне, человеку мнительному и аккуратному, мало такого ответа: я хотел бы вникнуть в подробности, хотел бы из вашего примера узнать, чему может подвергаться неопытный путешественник, заранее расчесть все удачи и неудачи, аккуратно исчислить приблизительную сумму моих издержек, сообразить, много ли и что именно могу я увидеть с своими средствами, долго ли эти средства могут поддерживать меня за границей с переездами из одного места в другое, и не сущую ли, может статься, безделицу нужно прикинуть в мою дорожную кошелек, чтобы побывать еще где-нибудь, увидеть еще что-нибудь. Заметьте между прочим, друзья мои, что это первая в моей жизни поездка в Европу будет, по всем вероятностям, и последнею: следовательно, я имею очень основательную причину желать воспользоваться ею как можно лучше, расстанув свои средства как можно на дольше время»¹²⁶.

Озабоченные финансовой стороной поездки не меньше Солоныцына, «из копейки в копейку» высчитывающего издержки, Майковы ждут высочайшего подтверждения обещанному Николаю Аполлоновичу заказу на картоны для алтаря строящегося Исаакиевского собора и аванса¹²⁷; Солоницын дожидается окончания университета племянником. Отъезд переносится с мая на июнь. В результате старшие Майковы с Валерианом и Леонидом, но по неясным причинам без Владимира, оставленного в Петербурге под присмотром Гончарова, и старший Солоницын, также отложивший заграничное путешествие племянника до поздней осени, выезжают в Германию 15 июня 1843¹²⁸. К Евгении Петровне с прощальными посланиями обращаются Гончаров и Бенедиктов; под обоими посланиями дата: 14 июня¹²⁹.

¹²⁵ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №155. Л.1об.

¹²⁶ Там же. №156 (1). Л.7 (письмо от 6/18 янв. 1843).

¹²⁷ «Дело теперь у Государя, – сообщал Николай Аполлонович «секретно» старшему сыну 5 апр. 1843, – сижу у моря и жду погоды, надеюсь, что чрез несколько дней узнаю наверное, утверждена ли мне работа...» (ИРЛИ. №17376. Л.5об.). См. также ниже примеч. к письму от 25 дек. 1843 (№4).

¹²⁸ Точную дату отъезда Майковых из Петербурга находим в письме Солоницына из Лондона от 27 июня (н.ст., т.е. 15-го по-старому) 1844, в котором он напоминает о годовщине со дня отъезда (см. №14).

¹²⁹ Речь идет о послании Гончарова «Упрек. Объяснение. Прощание» (ИРЛИ. Ф.134. Оп.8. №2; опублик.: *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем. Т.1. С.532–533) и стихотворении Бенедиктова «Е.П.Майковой», которое опубликовано с очевидной

Добравшись вместе до Дрездена, Солоницын и Майковы расстаются: Евгения Петровна остается здесь с Николаем Аполлоновичем и младшим сыном принимать ванны от «расстройства нерв», а Владимир Андреевич с Валерианом продолжают путешествие сначала по Баварии и Нормандии, затем через Инсбрук (Австрия) переезжают в Ломбардию. Из Вероны Валериан отправляется в Венецию, где встречается с Аполлоном, а Владимир Андреевич совершает одинокое путешествие по северной Италии. Наконец объединившись в Венеции, все трое переезжают в Рим. Весь маршрут в дотошнейших подробностях запечатлен в «журнале» Солоницына – многостраничных, «долговязых», как любя определяет их автор, письмах и к Евгении Петровне, и к обоим Майковым. «Вы, Евгения Петровна, – писал он в одном из них, – лечитесь и занимайтесь, пишите, читайте, особенно пишите. На меня не сердитесь, что я пишу к вам так подробно, мелко и однообразно. Это потому, что я не веду никаких записок, и письма к вам заключают весь мой журнал. Сберегите их для меня. Впрочем, замечая и описывая мелочи, я не упускал из виду и важного. В голове моей составляются полные мысли, которые надеюсь со временем также написать для себя и для вас»¹³⁰.

В «журнале», особенно в его немецкой и итальянской части, Солоницын прежде всего литератор. Он пишет со знанием дела, со знанием литературы путешествий, как ее русских, так и европейских образцов, легко переходя от жанрового и пейзажного очерка к широким историко-культурным обобщениям. Опытный стилист, он пишет свободно, несмотря на длинноты и «мелочность» подробностей (уж здесь-то он педант), пишет, мастерски владея ясным, легким, почти невесомым, похожим на его почерк, прозаическим словом, прозаическим в буквальном смысле – чуждым какой бы то ни было метафорики, поэтических «прикрас».

Парижские его корреспонденции создаются в ином жанре, близком газетно-журнальному «стенографическому» фельетону. Здесь сама собой напрашивается параллель и с «Парижскими письмами» Н.И.Греча, и с «Хроникой русского» А.И.Тургенева, созданными в то же время, в конце 1843 – первой половине 1844¹³¹, хотя

ошибкой в авторской дате – «14 июня 1840» вместо «1843» (см.: *Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Вступ. ст. Ф.Я.Приимы. Сост., подгот. текстов и примеч. Б.В.Мельгунова. Л., 1973. С.211*); в напутственных строках Бенедиктова Майковой ее «светлый первенец, слугитель юный муз» упоминается уже поющим «под итальянским небом», а Ап. Майков уехал в Италию летом 1842.

¹³⁰ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.25об.

¹³¹ «Парижские письма» Греча печатались в «Северной пчеле» с сентября 1843 (№218–291) по март 1844 (№2–65). Последняя часть известных тургеневских «ко-

Солоницын равно далек и от «полицейского» взгляда (по определению С.П.Шевырева, повторенному Герценом¹³²) первого, и от бурлящих живыми новостями «гейзеров» второго. Как знать, солоницыновские «хроники» могли бы иметь и литературную биографию, если бы не судьба лишнего человека, их автора.

Уехавший за границу для того, чтобы забыть все русское, Солоницын твердо держится этой установки. Русские имена в его письмах – редкость. Он не вхож в блестящие парижские русские дома и салоны, сознательно избегает контактов с соотечественниками, демонстративно предпочитая им безвестных Monier, Lacroix, Martin, и не упускает случая отметить, как оскорблен его вкус русской неевропейскостью. Среди русских парижан нет ни одного, о ком бы он не отозвался уничижительно, насмешливо-недоброжелательно, исключая, может быть, А.И.Тургенева, вместе с которым петербургский «руссофоб» недолгое время занимается археографическими разысканиями в *Bibliothique Royale*. Впрочем, достается и Тургеневу – за его старческие недуги, вялость и усталость от дел.

В Париж Солоницын едет как частный человек и остается в вихре парижской жизни частным человеком, подчеркнута дорожа своей независимостью. Бывая везде, жадно следя за журнальной, газетной, театральной, художественной, светской жизнью столицы, он не ищет знакомств и с французскими знаменитостями. В галломании Солоницына заподозрить трудно. «Если бы я умел писать по-французски, – признается он Майковой, – то написал бы целую книгу о политическом значении Франции, и эта книга, особенно при нынешних обстоятельствах, произвела бы здесь страшный гвалт, не говоря уж о том, что она послужила бы довольно звонким ответом на книгу маркиза Кюстина и сочинения других наглых невежд, которые, не зная дела, осмеливаются судить о России и взпуски один перед другим взводят на нее разные нелепые клеветы». Своими замыслами Солоницын делится и с Гончаровым: «...я, как осел, работаю над историей Парижа и его окрестностей: читаю, хожу по городу, смотрю, взлезая на башни, спускаюсь в погреба, даже роюсь в различных библиотеках и архивах. История Парижа – история целой Франции. Боже мой, что за народ! Какие гнусности я открыл в их прошедшем! Можно написать очень интересную вещь, сравнив французов с русскими: сравнение было бы блистательно в нашу пользу. Но не пришло время»¹³³. Последняя фраза красноречива.

меражей» («Хроника русского в Париже») опубликована в «Москвитянине» (1845. Ч.1. №1–2; Ч.2. №3–4).

¹³² См.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т.2. С.117.

¹³³ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №152. Л.9 (письмо от 25 апр. 1844).

Изоляция неизвестного беллетриста, анонимного переводчика, чернорабочего отдела «Смесь» была и сознательной и вынужденной. Драма Солоницына не в том, что, чуждый искательства, он не вписывается в русское общество Парижа и не имеет в Париже собеседника, драма в том, что у него нет собеседника и в России. По своему независимая и резкая в суждениях, Евгения Петровна в письмах в Париж редко оспаривает авторитетные солоницыновские суждения, а в дискуссию о Кюстине, например, вообще не вступает. Владимир Андреевич нуждался не просто в другой корреспондентке – в другой аудитории, к которой могли быть обращены его ненаписанные всевропейского масштаба произведения. Но «не пришло время».

В конце 1843-го или начале 1844 года в Париже, уже после отъезда Майковых¹³⁴, Солоницын разбирает только что законченную поэму Аполлона «Две судьбы». Черновая рукопись поэмы сохранила его многочисленные пометы¹³⁵. Первый читатель «Двух судеб» привычно ироничен и требователен. Не прощая автору романтических штампов, банальных поэтизмов, «темных» перифраз, он настаивает на том, чтобы поэтическое слово было содержательно и точно. Не однажды на полях рукописи появляется: «Неясно», «Не понимаю», «Темно». Выражение «амбра роз» получает, к примеру, такой комментарий: «Розы пахнут розами, а не амброю. Если которая роза пахнет амброю (особенный род смолы), так это скверная роза»; об одной из фраз Нины, героини поэмы: «Владимир! О! ты тот же зверь кровавый!..» – Солоницын замечает: «Зверь кровавый – в этом нет смысла»; против слов «хладная змея» – пишет: «Лучше бы, если б не было этой славянщины; да и эпитет этот нехорош», и т.д. В портрете главного героя, составленном из очевидных как романтических, так и фольклорных клише (поэма первоначально называлась «Русский»), Солоницын не находит «ничего характерного», в его монологах видит лишь общие места, «которые повторяются всеми нынешними стихотворцами, когда они выводят на сцену истасканный манкен Чайльд-Гарольда и сами прикидываются ма-

¹³⁴ Майковы уезжают из Парижа должниками Солоницына. «Аккуратный» Владимир Андреевич составляет долговое обязательство. Оно сохранилось: «Николай Аполлонович и Евгения Петровна должны мне 5900 франков. Из этих денег 2900 франков я прошу выслать мне тотчас по приезде в Петербург, а остальные в марте...» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №156 (1). Л.53). Из письма в письмо Солоницын будет дocusливо напоминать о долге, чередуя проникновенные описания парижских окрестностей с мелочной арифметикой, подсчетом сантимов и копеек, стараясь взыскать с Майковых все, вплоть до компенсации расходов за банковские операции.

¹³⁵ См.: ИРЛИ. №16517. Л.37–49об. В рукописи ошибка в авторской дате: «Париж. 1834. Дек[абрь]. 16/28» (Л.40об.). О творческой истории поэмы см.: Ямпольский И.Г. Из архива А.Н.Майкова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С.28–33.

ленькими Байронами». Не ускользают от него и невольные отступления от истины в угоду условной «поэтичности». «Это роскошь неслыханная», – отзывается Солоницын, обнаружив «избушки тесовые» в крестьянском пейзаже последней главы поэмы. Заключительная, русская часть «Двух судеб» представляется ему в целом слабой.

Следуя замечаниям, Майков внес в текст поэмы значительную правку, а на рукописи много лет спустя написал: «Остатки экземпляра “Двух судеб” с драгоценными заметками Вл. Андр. Солоницына. Мало я ими воспользовался; поздно оценил справедливость. Все это сочинение – ложь, на меня не похожее. Никогда я не был Владимиром, брал черты из текущей литературы. Пленной мысли раздраженье. Оттого и ненавижу эту поэму»¹³⁶.

Комментарии Солоницына к итальянской теме «Двух судеб» звучат мрачным итогом его собственных итальянских впечатлений, не высказанных вполне в письмах. «В этих двух строфах, – замечает Солоницын на полях IV–V строф 2-й главы, – ты хотел, кажется, выразить, что нынешние итальянцы пируют и наслаждаются так же, как прежде пировали и наслаждались в этих же самых местах питомцы Эпикура. Вышло неясно. Сверх того, я сомневаюсь, справедливо ли это. Пируют и наслаждаются в Италии иностранцы, а итальянцы только подают кушанья и своих дочерей. Нынешняя Италия живет чужим карманом и весела чужим весельем. Сама же она представляет картину самую грустную». «Мне кажется, – продолжает он в примечаниях к 5-й главе, – ты не схватил настоящей поэтической стороны Италии. Ты все толкуешь о памятниках, об искусствах. Но настоящая поэзия тут не в том: настоящая поэзия в том, что Италия – страна могил, страна воспоминаний, злополучная красавица во власти диких и гнусных невежд. Это понятие у тебя выразилось однажды – в *stroquis*¹³⁷ нищего мальчика; и этот *stroquis* лучше всего, что ты написал об Италии»¹³⁸.

¹³⁶ Там же. Л.37; запись эта цитировалась, см.: Ямпольский И.Г. Из архива А.Н.Майкова. С.29; *Гейро Л.С.* Примечания // *Майков А.Н.* Избр. произведения. С.870. Опубликованная в 1845, поэма была высоко оценена Белинским, Герценом и др.

¹³⁷ кроки, эскиз (*фр.*).

¹³⁸ ИРЛИ. №16517. Л.38об., 42. Речь здесь, несомненно, идет о стихотворении Майкова «*Capraigna di Roma*» (1844), где образ «Италии святой», представленной именно страной воспоминаний («виденный» на руинах), по существу полемичен по отношению к «Двум судьбам» и где в финале возникает этот самый *stroquis* нищего мальчика:

Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниєю взгляда,
С чернокудрявой, смуглой головой,
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул,
«Я голоден, – со злобою зывая. –

Солоницын – скептик, он вообще расположен видеть вокруг «злополучие», воодушевляться открытием в любом явлении его прозаической изнанки, особенно в опошленном романтиками «возвышенном». И в оценке современной литературы Солоницын – скептик. О «настоящей поэзии» в его письмах нет ни слова, как будто писались они не современником Пушкина и Лермонтова, не разборчивым читателем посмертных публикаций их произведений. Решительно не принял Солоницын и «Мертвые души» (в чем, впрочем, не был одинок). Как «Отечественные записки», так и «Современник» принадлежали к враждебному лагерю, а отставной редактор «Библиотеки», хотя и разошелся с Сенковским, остался литератором партийным. Весной 1844 года Солоницын писал Валериану Майкову, будущему критику не признанного им журнала: «Le progres, которого побудительною причиной были “Мертвые души”, а органом служат “Отечественные записки”, не внушает мне ни малейшей доверенности. Будем ждать головы умнее и других обстоятельств»¹³⁹. В середине 1840-х для него по-прежнему в поэзии авторитетен Н.В.Кукольник, правда не без оговорки: «...если бы он не спешил работать из денег». Ревниво следя за текущей литературой, Владимир Андреевич не мог не сознавать, что вооружен давно отслужившим оружием, но и своей антипатии к литературному «progres» изменить не мог.

Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обзревая,
Промолвил: «Вот она – Италия святая!»

(Майков А.Н. Избр. произведения. С.87).

¹³⁹ ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №154. Л.3–3об. (письмо от 11 апр. 1844). Ср. также его резкий отзыв о журнале А.А.Краевского в письме Е.Ф.Коршу от 20 мая 1841 (РГБ. Ф.465. Карт.2. Ед.93. Л.2–2об.; опубли.: В.Г.Белинский и его корреспонденты / Под ред. проф. Н.Л.Бродского. М., 1948. С.102).

Лисьма

ИЗ ПЕРЕПИСКИ
В.А.СОЛОНИЦЫНА и Е.П.МАЙКОВОЙ
1843—1844 гг.

Подготовка текста и примечания А.Г.Гродецкой

Все письма публикуются по подлинникам из Рукописного отдела Пушкинского Дома (ИРЛИ) в восстановленной хронологической последовательности с незначительными купюрами и сохранением существенных особенностей орфографии и пунктуации авторов. Тексты подготовлены при участии Н.В.Гавриловой.

1

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну, Аполлону и Валериану Майковым

Дрезден, 28 июля [1843]

Я вам очень благодарна за письмо, посланное из Нюрнберга¹: хорошо сделали, что дали о себе весточку, а что весточка приятная, это всего лучше. Радуюсь за вас, друзья мои, что вы видите так много любопытного и что глаза ваши наслаждаются созерцанием таких прелестей, о которых в России мы не имели никакого понятия; теперь вы, вероятно, в Италии: может быть, уже сумасшествуете, смотря на Миланский собор²! Воображаю ваше бешенство, суровый Владимир Андреевич, и желаю, чтобы ничто не охлаждало его, таким образом *сумасшествовать* значит жить, а не *прозябать* в департаменте, где люди обращаются в жалких амфибий, несчастные, как не пожалеть об них.

Как хороша должна быть Бавария по вашему описанию, зачем я не могла с вами ехать, друзья, я бы не была лишняя: мое невежество выполировалось бы намного, а воображение обогатилось бы множеством воспоминаний; я любопытна, а здесь так мало пищи моему любопытству, потому что некому удовлетворить его; Н[иколай] А[поллонович], преданный душой и телом рыбной ловле, не может мне быть товарищем, и хотя бы он не отказал исполнить мою просьбу и идти куда-нибудь, но это была бы жертва с его стороны, я в этом совершенно уверена, и потому не могу часто этого требовать. Однако прошедшее воскресенье мы были в Пильнице³, видели с высоты гор эти прекрасные места, часть которых проезжали вместе, дорога приятна до крайности, но Пильниц сам по себе ничего не представляет особенного. Мы нанимали коляску за три талера, но как ничего не оставалось смотреть в Пильнице (мы виде-

ли там королевскую фамилию, когда они обедали, с галереи во дворце), то мы поехали оттуда в Grossen Garten⁴, где нашли около ресторации Grosse Wirtschaft⁵, огромное общество немцев, заметно, что туда собирается beau monde, но, несмотря на это, все та же свобода царствует между ними, те же чулки в руках, те же фляжки с пивом. Нас угостили за два гроша славным концертом – увертюрой из Фрейшюца...⁶ Счастливые немцы! они постигли настоящее образование, потому что остались неподвластны этому нестерпимому этикету, который ввели французы и которому так усердно мы, русские, поклоняемся. Здесь вы не замечаете этого разочарования, которое видите в Петербурге на всех лицах, даже у Володи Кашкарова⁷. Знаете, что я еще вам скажу? после вашего отъезда мы имели только три дня порядочных, а потом дождь, холод, туман: это меня очень огорчало, потому что я не могла купаться. Я познакомилась с доктором этих купален, о которых я писала, он велел мне взять шесть зодовых ванн и 12 соленых, притом я должна на ночь пить по стакану битер васер⁸, это, кажется, делает мне пользу.

Я прочла Екатерину: все отвратительные вещи, которые там написаны, возмущают душу, Екатерина представлена злодеем, деспотом и проч. Теперь я читаю роман: Алексей Петрович, сын нашего императора, это очень любопытно, хотя есть много вздору и потом г-н Арноу⁹ не понял Петра, да еще смеет говорить, что русских никогда не следовало *просвещать*, это испортило много моей крови, как же не сказать: «бестия француз», однако прочтите в Париже эту книгу. Прощайте, друзья, зовут в ванну. Жду с нетерпением ваших писем, пойду на почту сегодня. Как нашли Аполлона? Я боюсь, что он сделается совершенным космополитом, это было бы непростительно, его Бог наградил талантом, который он должен образовать в полном смысле и сохранить для отечества. Обнимаю детей моих, благодарю Валерьяна за письмо. Будьте здоровы и счастливы. Из Пет[ербурга] нет писем. Е.М.

ИРЛИ. №17370. Л.17–18об.

¹ Письмо Майковым от 8/20 июля (почтовый штемпель – 21 июля 1843), отправленное в Дрезден, в отель «Stadt Coburg» – ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №156 (1). Л.11–12. Солоницын, вместе с Валерианом уехавший из Дрездена 18 июля (н.ст.), сообщал в нем об изменении маршрута (в Нюрнберг они направились вместо Мюнхена) и в подробностях описывал дорогу из Саксонии в Баварию, о самом Нюрнберге обещая рассказать в другой раз. «Я очень рад, что мы попали в Нюрнберг, – писал он. – Это одно из гнезд старой Германии, бывший имперский город. Какое чертовство, так вы и представить себе не можете! На углах некоторых домов куколка Богородицы; на других домах снаружи нарисованы картины; почти все дома с башенками;

крытые балконы увенчаны разными фигурами, где аист, где звезда, где луна, где конь. А что за соборная церковь!..» (Там же. Л.12). В шуточной приписке к этому письму Валериан извещает родителей о своем «изучении рейнских вин в историческом, статистическом и философическом отношении», а татап просит заметить особо, что «Нюрнберг известен своим пивом» (Там же. Л.12об.).

² Кафедральный собор в Милане – третий по величине в мире (после собора Св.Петра в Риме и Севильского собора), строился с 1386 по 1805; сочетает готику с элементами романского стиля.

³ Пильниц (Pillnitz) – летняя резиденция саксонского королевского дома в 13 км от Дрездена.

⁴ Большой сад (нем.).

⁵ Большой ресторан (нем.).

⁶ «Фрейшюц» – пользовавшаяся большим успехом романтическая опера К.Вебера «Вольный стрелок» (или «Волшебный стрелок»; «Der Freischütz», 1817–1820) на либретто Ф.Кинда по одноименной новелле И.А.Апеля. После петербургской премьеры 12 мая 1824 более двух десятилетий не сходила со сцены.

⁷ Кашкаров Владимир Сергеевич – племянник Е.П.Майковой, сын ее рано овдовевшей сестры Юлии, жившей безвыездно в деревне Степановка под Пензой, и подполковника С.И.Кашкарова (1796–1834). Учась с 1842 в Петербурге, Владимир часто, как и прочие родственники, бывал в доме Майковых. Его сестра Наталья (1836–1858) позднее вышла замуж за С.С.Дудышкина.

⁸ Биттер вассер (bitter Wasser – нем.) – английская соль.

⁹ Огюст-Жан-Франсуа Арну (Arnould, 1803–1854) – драматург, романист, фельетонист, известный русскому читателю с конца 1830-х по переводам в «толстых» журналах. Речь идет о написанной им совместно с актером и драматургом М.Локруа (Lokroy) трехактной комедии «Catherine II» (Paris, 1831) и романе «Alexis Pétrowitch: histoire russe de 1715 a 1718» (2 vol.; Paris, 1835), написанном совместно с романистом и драматургом М.Фурнье (Fourmier).

2

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну, Аполлону и Валериану Майковым

[Середина августа 1843 г., Дрезден]¹

Уповаю, что вы теперь вместе, любезные друзья, Аполлон и Валерьян, уповаю и поздравляю вас с новым наслаждением! не испы-

тав разлуки, не испытали бы удовольствия свиданья, а в ваши лета всякое испытанье есть шаг к новой, полнейшей жизни.

Я получила, Аполлон, твое первое письмо из Венеции² и наперед знала, что ты будешь пленен этим *чудным городом*; *туда*³ летало мое пламенное воображение, когда я была молода и могла жить мечтами, там я каталась в гондолах, прислушиваясь к песни гондольеров, там я хотела встретить какого-то Байрона⁴; вот, друзья, как мы бываем смешны, когда природа, наградив пылким сердцем, бросит нас на произвол судьбы, когда с этим-то сердцем, без опытности и без друга, мы блуждаем между людьми, нас не понимающими. Но вы, вы счастливы! вам Бог, люди, обстоятельства, вам все способствовало, чтобы развить свои способности и уметь выбирать изо всего то, что полезно и нужно для счастья образованного человека. Не будьте *exaltés*⁵, как я и, может быть, папинька, но не черствите, ради Бога, души своей, не разочаровывайтесь на заре своей счастливой жизни; поверьте, мир и люди гораздо лучше, нежели мы представляем их себе по книгам; люди часто кажутся нам дурны, потому что мы сами далеки совершенства: мы скупы и думаем, что все скупы, мы горды и воображаем, что это общий недостаток людей... совсем нет! в этом-то и ошибаемся. Не судите всегда по себе, менее наделаете ошибок в жизни. Я хотела бы продолжить об этом предмете, но ко мне набежало столько народу в комнату, что мысли растерялись совершенно в разговорах с молочницами и тому подобными людьми; вы не можете вообразить, что за плутовки здесь бабы, которые продают свое синее молоко за сливки. Посылаю письмо Ивана Алекс[андровича]⁶; очень бы я была довольна, если б ты послушался его совета и вел бы аккуратно свои записки, ты славно пишешь; вместе с наблюдательным и полным взглядом Владимира Ан[дreeвича] вы бы могли составить чудесную книгу вашего путешествия. Как он подробно и славно описывает все, ты другим образом, но также хорошо, любопытно будет прочесть в Петербурге твои письма⁷.

А ты, мой поэт, что подделываешь, не подаришь ли нас при свидании какой-нибудь поэмой или хотя *маленькими*, но сильными пьесками, где бы выразились разные ощущения *человеческого, беспокойного* сердца? Что касается до меня с папинькою, мы *ничего не делаем*, он – потому что все ловит рыбу, а я – потому что, будучи ужасно расстроена нервами, я избегаю всех сильных впечатлений; иногда я плачу при взгляде на хорошее место, плачу, когда пишу вам, и беспрестанно плачу, когда одна, а чтобы не плакать, я занимаю себя вздором. Леля здоров, он шалит много и начинает болтать по-немецки; вчера он был с нами в театре, смотрел Фра Диаволо⁸, но в третьем акте крепко заснул на перилах ложи и не видал сраженья, о

чем очень сожалел, когда проснулся уже дома. Едучи однажды в омнибусе, мы познакомились с одним бароном, [он] оказался очень приятным человеком и навещает нас, притом он дагерротипист, сделал наши портреты, славная группа, мы сидим, Леля обнимает нас, у меня в руках Онегин и цветы. Наш барон уже пожилой немец, но ехал до крайности, часто со слезами наигрывает мотив Моцарта и Мейербера⁹; мы за то угощаем его русским чаем¹⁰. Но прощайте, друзья, писать более нечего, жду ваших писем с нетерпением; обнимаю вас *от полноты души* и как всегда остаюсь ваш друг

Евгения.

Папинька велел сказать, что он делает удочки, его страсть к рыбе превосходит границы.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 95–96 об.

¹ Этому письму предшествовали два письма Евгении Петровны сыновьям и Солоницыну от 3 и 14 августа (см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 79–80 об., 83 об.–83, 49–50 об.). В обоих она уведомляла между прочим и о получении писем Солоницына из Инсбрука и Милана. Первое, как всегда многостраничное, писано им в Аугсбурге и Инсбруке (почтовый штемпель – 1 авг. 1843 года), второе – в Инсбруке и Милане (миланский почтовый штемпель – 5 авг.; см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 156(1). Л. 13–13 об., 19; 14–18).

² См. единственное сохранившееся письмо Аполлона матери из Венеции в Дрезден (ИРЛИ. № 16994. Л. 22–23 об.; без даты).

³ Туда (Dahin!) – вероятно, намек на рефрен исключительно популярного у русских романтиков стихотворения И.-В. Гете «Миньона» из его романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796).

⁴ О Байроне как персонаже романтической прозы Е. П. Майковой см. вступит. статью.

⁵ восторженными, экзальтированными (*фр.*).

⁶ Письмо Гончарова не сохранилось.

⁷ Евгения Петровна обращается к Валериану, который, как говорилось выше, большую часть пути из Дрездена в Венецию проделал вместе с Солоницыным. Лишь в немногих письмах из Германии и Италии щедрого на рассказы Солоницына после его обстоятельных эпистолярных отчетов Майковым имеются короткие приписки Валериана (см. примеч. к письмам 1, 3). Сохранились, кроме того, два самостоятельных письма Валериана родителям из Милана от 4 августа и из Рима от 3/15 сентября 1843, уже более подробные, написанные тяжеловато, но не без отдельных живых зарисовок. – ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 153 (а).

⁸ «Фра-Дьяволо» – популярная комическая опера Д. Ф. Э. Обера (1782–1871), написанная им в 1830 для театра «Опера комик» в Париже (преьера 28 января 1830; либретто Э. Скриба). Петербургская преьера в Большом

театре состоялась 14 января 1831 (рус. пер. Р.М.Зотова и А.Г.Ротчева); постановка возобновлялась в 1846 и 1850.

⁹ Мейербер Джакомо (наст. имя и фамилия – Якоб Либман Бер; 1791–1864) – немецкий композитор-романтик, автор опер «Роберт-Дьявол» (1830), «Гугеноты» (1835) и др., имевших огромный успех как в Европе, так и в России. О сценической судьбе «Гугенотов» см. примеч. 36 к письму 7 от 27 февраля.

¹⁰ В письме матери из Дрездена (по дороге из Парижа в Петербург) от 25 января 1844 Ап. Майков рассказывал и о встрече с бароном-дагерротипистом: «Он уверял меня, что вы, т.е. вы, тапан, и вы, рара, лучшие люди, каких он когда-либо знал» (ИРЛИ. №16994. Л.16 об.–17).

3

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

25 августа, Дрезден.

Я получила последнее ваше письмо из Венеции¹, прочла его с жадностью, следя за вами и мыслями и душою; но мне кажется, вы смеетесь надо мною, прося у меня извинения в том, что вы подробно описываете ваше путешествие, конечно смеетесь, потому что вы лучше меня знаете, как мне приятно читать ваш журнал. Я не могу требовать, чтобы вы писали мне письма, какие я вам пишу, – такого рода письма пишут тогда, когда лучше ничего не знаешь и не умеешь сказать: положим, что моя жизнь в Дрездене очень приятна, но она очень однообразна в сравнении с вашей жизнью, полною, разнообразною до крайности. Теперь буду ожидать описание Милана. Но я рада, что наконец Аполлон присоединился к вам, следственно, с большим вниманием будем смотреть на все, что еще остается видеть ему; имея такого путеводителя, как вы, мудрено прозевать что-нибудь замечательное.

Однако я вижу из ваших записок, что вы довольно часто прихварываете: мне кажется, вы, путешествуя, упускаете из виду самый главный пункт, *это здоровье*; да, сударь, вы забыли, что надо будет возвратиться опять в суровый наш климат, терпеть стужу, сырость и протчи приятности севера, вы забываете это и не занимаетесь здоровьем на будущее время, доказательством этого служат ваши спазмы и другие болезни, известные Василию Петровичу², отчего же они приключаются с вами? Оттого что вы лишнее, верно, кушаете и пьете много вина, один раз сказав мне, что в Германии надо пить пиво, а в Италии и Франции вино; мне кажется напротив; вино надо пить на севере, а не там, где сама природа, климат горячит человека; но вы рассердитесь, может быть, подумав, что я *морализирую*, пусть так!

но я делаю это, имея в виду поправление вашего здоровья, имея в виду вашу будущую сидячую петербургскую жизнь.

О себе могу вам сообщить этот раз приятные вести; здоровье мое начинает поправляться, я бросила ванны, которые вместо пользы более потрясли мои нервы, бросив их, лучше себя чувствую и начинаю иначе смотреть на Дрезден и все предметы, меня окружающие, начинаю кой-чем заниматься, тогда как до сих пор я не могла ничего делать, не могла покойно оставаться ни одной минуты, боялась оставаться одной и столько плакала, что вы представить не можете, притом мысль, что я не пользуюсь моим пребыванием за границей, сводила меня с ума! Но уповаю, что это несчастное состояние не возвратится; с этой мыслью я бодро и весело надеюсь провести здесь остальное время.

Мы были в Майсене, смотрели там знаменитую фарфоровую фабрику и собор³, чудесная архитектура! Купила на память картинку Ангела Рафаэля, любовались видом в Вистбад [?], высочайшая гора в трех милях от Майсена, что за великолепный вид, чудо! Гуляем по Дрездену, видя жизнь до крайности беззаботную и покойную; хозяйкой и квартирой своей очень довольны, познакомилась я с моими соседями двумя берлинками и одним бароном⁴, который нас иногда навещает. Однако около 10 будущего месяца думаем пуститься в путь⁵, будем ехать не спеша, куда хороша погода. Отчего вы не пишете, куда нам адресовать к вам письма? теперь полагаем вас уже в Риме, где вы должны найти еще письмо от меня. Прощайте, любезнейший друг, продолжайте счастливо путешествие свое и вспоминайте подчас

преданную

вам Евгению.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 51–52 об.

¹ Свое очередное бесконечное послание (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 156 (1). Л. 21–25 об.) Солоницын начал 24 июля/5 августа в Пьяченце, продолжил 6 августа в Парме, 8 августа в Сан-Бенедетто, 10 августа в Виченце, 11 августа в Падуе и закончил его 13 августа в Венеции (почтовый штемпель – 13 авг. 1843) сообщением о благополучной встрече с Аполлоном и Валерианом и получении трех писем Евгении Петровны. В конце письма, как обычно, несерьезную приписку сделал Валериан: «<...> Описывать радость своего свидания с Аполлоном и описывать красоты Венеции так, чтобы Вы могли живо представить себе и то и другое, решительно невозможно. Довольно сказать, что я совершенно счастлив. Аполлон совершенно здоров. Он написал несколько стихотворений совсем в новом роде, которые приво-

дят меня в бешенство. Кроме того, он пополнил, похорошел и вообще очень мил и занимателен. Мы живем совершенно по-итальянски, т.е. приходим домой только спать, а остальное время бродим, смотрим, хохочем, читаем журналы, плаваем в гондолах, отдыхаем в церквях, бегаем за итальянками и т.д...» (Там же. Л.26). Закончил же коллективное послание Аполлон: «Владимир Андреич так неистово *смотрит* на все, что встречает интересного, что дважды ругал себя и проклинал за то, что и бедного Валериана заморил: но я ожидаю очень много пользы от путешествия вместе с ним, потому что на этот счет лучшего товарища не может быть. Одно худо, они оба крепко *запили*. Надеюсь, что и я не отстану...» (Там же).

² Речь идет о Василии Петровиче Бороздне (о нем и его семье см. выше, с. 25) и его неудобоназываемой болезни – геморрое (она называется и просто «Василием Петровичем»).

³ Т.е. старейшую в Европе (основана в 1710) королевскую фарфоровую фабрику в Мейсене (Саксония) и, вероятно, готический (Домский) собор XIV в. со склепом курфюрстов.

⁴ См. выше в письме 2 от середины августа.

⁵ Накануне отъезда из Дрездена в Париж Евгения Петровна писала детям и Солоницыну 8 сентября 1843: «...мы думаем ускорить возвращение наше в Петербург, пробыв не более трех или четырех недель в Париже: мы располагаем выехать отсюда 13 сентября, полагаем пробыть в дороге не более 10 дней, следственно, около 24 числа этого месяца мы можем быть в Париже; но увижу ли я вас, друзья? <...> не получая от вас писем, мы не можем знать, где вы находитесь и когда будете в Париже, не зная этих обстоятельств, мы едем наудачу, но мне будет чрезвычайно грустно, если мы не вместе погуляем в Париже, нельзя ли хотя которому-нибудь из детей поехать в Париж в то время, когда мы там будем?» (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.60).

4

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

Тильзит, 25 декабря.

Я писала вам, Владимир Андреич, из Берлина, до этого города путешествие наше шло обыкновенным порядком (исключая болезни Валерьяна)¹; переезд же наш из Берлина до Кенигсберга был самый неприятный, скучный и продолжался трое суток; дилижансы тесны, а табачный дым лишал меня человеческой возможности и думать и дышать... <...>

Как медленно идет день, вы не можете представить! вот уже скоро три недели, как мы едем, испытывая всевозможные неприятности – весь ужас дурной пищи и сквернейшей погоды, а дым от не-

мецких трубок? это ужас. Здесь по крайней мере мы порядочно обедали и любовались розовыми щечками Мины, помните ли вы эту красавицу? ах, какая тоска, книг нет, спать не можем. <...>

Путешествовать зимою невыразимо как скучно: представьте себе восемь часов света и шестнадцать часов тьмы в дороге, потом совершенное бездействие на станциях и то нетерпение, которое овладевает невольно человеком, находящимся в таком положении. Но полно о нас, что вы делаете, и получим ли известие о вас по приезде в Петербург? Сегодня Рождество в Париже, как и везде за границею, как-то вы проводите это шумное время в шумнейшей из Столиц? Я радуюсь, что вы довольны парижской жизнью, дай Бог, чтоб это так было до конца вашего путешествия. Что касается до нас, мудро было бы нам довольствоваться всем, наше положение совсем другое: Ник[олая] Ап[оллоновича] ничего не занимало потому, что он озабочен предстоящей работою и по мнительному своему характеру боится ее потерять по случаю своей отлучки², притом он должен заботиться о нас и исполнять службу слуг; я, видя его положение и недовольство, скучала и раскаивалась, что поехали; бедный Валерьян также не мог соединить полезное с приятным; все это отражается в моей душе очень мрачно; дай Бог, чтобы Н[иколай] А[поллонович] не потерял работу и с охотою бы ею занялся; в противном случае наши обстоятельства будут очень плохи.

Счастлива *молодость*, у которой всякое настоящее обеспечивается будущим, которого так много у ней впереди; а мечты, а надежды, ожиданья? о! можно жить, когда молод, несмотря на все неприятности, случающиеся в жизни с нами... Что касается до нас, переживших свою молодость, что остается нам? неужели одна могила и более ничего! В заключение этого постараемся не скучать нашу старостию и находить в себе самом то, что должны тщательно скрывать от других, дабы не казаться им смешным. Прощайте, не сердитесь, что я так грустно философствую; в моей натуре более грусти, нежели веселья, это не моя вина... Будьте здоровы! Евгения.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. №138. Л. 55–56 об.

¹ После отъезда из Парижа 7 декабря (н.ст.) и переезда через Франкфурт и Лейпциг, где из-за простуды Валериана семье пришлось задержаться на три дня, Евгения Петровна писала Солоницыну из Берлина 19 декабря (см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. №138. Л. 53–54 об.).

² Имеется в виду еще не утвержденный к тому времени заказ Н.А. Майкову на исполнение образов для части иконостаса строившегося в Петербурге (с 1818 по 1858) по проекту О. Монферрана Исаакиевского собора.

Заказ был за Майковым высочайше утвержден в январе 1844 (см. примеч. 12 к письму 5 от 6 февраля). Перечень исполненных им 14 образов в иконостасе левого алтаря придела кн. Александра Невского и 4 плафонных росписей см.: История и достопримечательности Исаакиевского собора. СПб., 1858. С.44, 46; Описание С.-Петербургского кафедрального собора во имя св. Исаакия Далматского. СПб., 1858. С.185, 189; *Серафимов В., Фомин М.* Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб., 1865. С.74, 78–79.

5

В.А.Солоницын – Е.П. и Н.А.Майковым

Париж, 6 февраля 1844.

Я получил два письма ваши из Петербурга¹. Благодарю за присылку 2000 франков и повторяю просьбу об остальных². Мне очень досадно просить вас о них в такую минуту, когда вы сами нуждаетесь³; но вам известно, что эти деньги взяты из суммы, ангажированной мною на путешествие, и что кроме них у меня нет других средств путешествовать: следственно, и распространяться не о чем.

Я, слава Богу, здоров, Солик тоже. Перед отъездом Аполлона⁴ он захворал было опять той же болезнью, которая с ним случилась на другой день после отъезда вашего; но все прошло скоро и благополучно. Madame de la Croix⁵ тотчас смастерила ему припарку из льняного семени, а monsieur сам побежал вместе со мною ее прикладывать, потому что я не надеялся сделать это как должно. Жалею, что Солик не упомянул о том в своем прошлом письме к вам. Это не делает ему чести. Неблагодарность – гнусная вещь. Зато он и был наказан, с неделю назад, новым приступом своей болезни, и приступом уже столь серьезным, что надо было прибегнуть к пособию доктора. Хозяева опять отличились: старушка сама принесла ему бульону, а на другой день, когда я пришел обедать, послала ему со мною яиц, винных ягод, изюму и хотела еще навязать хлеба и разных кушаньев. Не знаю, как благодарить судьбу за таких добрых людей. Именно *добрые* люди! Рассуждая по совести, нельзя не сказать, что им от нас, право, немного толку, а они поступают с нами так, как дай Бог, чтобы поступали со мной и друзья мои.

Время мое проходит очень спокойно и тихо. Прежде всего надо сказать, что у меня завелась досадная привычка засыпать не ранее четырех часов: таким образом день мой начинается с одиннадцати. Встав, я растапливаю камин, спрашиваю свой завтрак; после завтрака начинаю писать; во втором или в два часа иду в ближний cabinet de lecture⁶ и просиживаю там до самого того времени, как

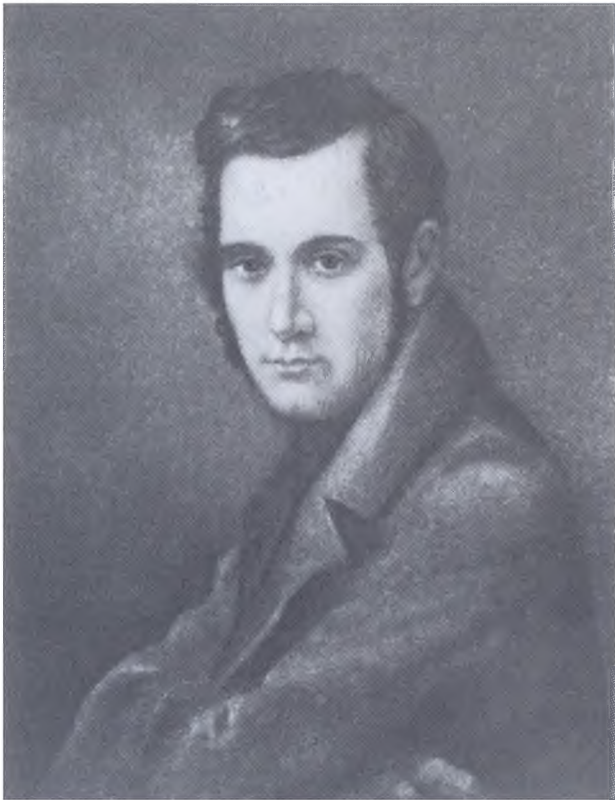
надо идти обедать; после обеда остаюсь с полчаса или с час у хозяев, потом возвращаюсь домой, опять раздуваю огонь в камине и, сидя подле, принимаюсь сперва за чтение, а потом за писанье. В театр хожу редко по причинам, о которых говорил в прошлом письме⁷. В *Bibliothique Royale*⁸ совсем не хожу и с Тургеневым кончил. Мне кажется, что ему уже надоели труды; к тому же он постоянно болен, чуть двигается: от этого занятия наши⁹ шли очень вяло, а я не люблю вялости. Правда, что в *Bibliothique Royale* много любопытного и полезного, но то, что я делаю дома, при моих обстоятельствах будет для меня еще полезнее. Мне только досадно, что не удалось воспользоваться материалами, которые собрал Тургенев¹⁰ и в которых, просматривая их, я заметил много отличных вещей; но что ж вы хотите, если старик беспрестанно обложен подушками, стонет, чуть дышит и не может говорить¹¹! Ну его к черту!

Мне очень больно, что ваше обратное путешествие было сопряжено с такими неприятностями; еще больнее, что вы не нашли покоя и по приезде в Петербург. Впрочем, известие, будто в Комиссии думали, что Николай Аполлонович не воротится, и хотели передать его работу другому, кажется мне очень сомнительным; тут что-нибудь да не так. Но оставим это: последнее Государево утверждение работ за Николаем Аполлоновичем прекращает все беспокойства¹²; теперь остается только хорошенько устроить ваш образ жизни, и дай Бог, чтобы это удалось вам сделать не по-трактирному, а хозяйственно, как следует семейству, состоящему не из одних беспечных мужчин, а управляемому женщиною. Что же касается до жалоб ваших, Евгения Петровна, на пустоту, которую вы нашли в петербургских людях, на это волокитство, на сплетни и на прочие глупости¹³, то для меня, право, странно, что вы на это жалуетесь, как будто в том обществе, о котором мы говорим, можно было найти что-нибудь другое. Плюньте же на все это! Пусть молодость волочится, пусть старость сплетничает; только бы они не перебивали одна другую. Вот если молодость начнет тоже сплетничать, как старость, а старость ударится в волокитство, как молодость, так уж это худо! Потому-то женщина, лет, например, Натальи Александровны¹⁴, занимающаяся сплетнями волокитства, мне и кажется отвратительною. Насчет этой дамы принято за правило говорить, что она умна; но я недавно прочел в одном романе друга моего Поль де Кока¹⁵ слова какого-то автора: «L'esprit chez les femmes sort plutôt de fortifier leur folie, que leur raison»¹⁶, и мне кажется, что в этом парадоксе очень много правды.

Верю, что петербургская италиянская опера хороша: в этом нет ничего чрезвычайного. Только если публика ваша кричит, будто такой оперы нет нигде, так позвольте сказать, что одна половина вашей публики кричит это по невежеству, а другая из так называе-

мого квасного патриотизма. Я буду иметь удовольствие доказать вам это впоследствии, а теперь только замечу, что мне очень не нравится веночек из драгоценных камней, который приготовили (и может быть, поднесли) синьоре Гарчия¹⁷. Надо знать меру! Иначе невольно приходит на память тот деревенский мальчишка, который, увидев в первый раз колокольню в ближнем селе, простоял перед нею целый день разинувши рот. Воображаю, как будут смеяться над этим венком в иностранных журналах. Американцы не глупее нас, а и те были смешны с почестями, которые воздавали Фанни Эльслер¹⁸.

Напрасно вы, Евгения Петровна, обвиняете Северную Пчелу за сообщение парижских новостей, говоря, что как вы сами побывали в Париже, так видите, что она врет¹⁹. В Париже в самом деле каждый день есть что-нибудь новое, и между этими новостями много занимательного. Вы ничего не видали и не слышали, потому что не имели ни времени, ни возможности видеть и слышать. Я в прошлом письме тоже сообщил вам несколько новостей, которые кажутся мне занимательными²⁰, и теперь прибавляю к ним следующие: 1., Charles Nodier умер²¹; 2., еще умер друг Наполеона и добровольный товарищ его изгнания генерал Бертран; предлагают похоронить его в ногах у Наполеона²²; 3., на днях дают две новые оперы и aux Français²³ новую драму, взятую из русской истории²⁴; 4., на днях же будут гильотинировать одного знаменитого мошенника и убийцу, по имени Пульманн²⁵; 5., в Police Correctionnelle²⁶ начинается любопытная тяжба между Jules Janin и Felix Piat по случаю статьи, которую последний из них написал на первого²⁷; говорят, что при этом процессе в чине свидетелей будут многие известные литераторы; 6., по случаю адреса королю, в ответ на речь, которую он открыл Палату Депутатов, в Палате было множество шуму; тут обнаружена вся политика Франции и до позорной степени политика целой Европы; заседания в высшей степени любопытные²⁸; Гизо²⁹ оплеван, обруган, Сальванди принужден был выйти в отставку³⁰, а к Шатобриану студенты Сорбонны сделали депутацию, чтобы засвидетельствовать ему свое неудовольствие против того поношения, которым нынешнее министерство покрыло в адресе королю всех приверженцев старшего Бурбонского дома³¹; 7., теперь дело идет о новом законе насчет второклассных училищ; разбирают вопрос, кому должно быть предоставлено воспитание юношества – религии или государству; министр просвещения Villemain³² произнес по этому случаю в Палате Пэров речь, в которой превосходно изложил вкратце позицию французского университета. Не знаю, догадаются ли наши журналисты ею воспользоваться. – Видите, я написал немного, а уже сколько имен! и каких имен! Гизо, Сальванди, Шатобриан, Бертран, Jules Janin, все люди, известные целому свету! не то, что Булгарин и

Владимир Андреевич Солоницын

Андрей Елизарыч Лейченко³³. Как же в Париже нет никаких новостей? <...>

Скажите, пожалуйста, Дудышкину, что на днях здесь случилась точно такая же история, какая была недавно с редактором Инвалида³⁴. Объявили о бенефисе Гризи³⁵, и один журнал тотчас прозвонил, что спектакль шел отлично, что бенефициантка пела восхитительно, что публика была самая избранная, а между тем в этот самый день у *mademoiselle* Гризи умерла дочь, бенефис был отменен и о сю пору еще не состоялся.

Дудышкин пишет к нам очень мало и коротко. Самая важная новость, заключающаяся в его письме, состоит в том, что Валерьян, с помощью своей бороды, слывет на паркетe Теплякова³⁶ за европейца. Очень этому радуюсь; но мне любопытно бы было знать, как думают о Валерьяновой бороде те люди, которые в самом деле немножко смыслят, что такое Европа, – если только Валерьян видит подобных людей. Что касается до меня, то, не входя в новые бесполезные и странные толки о том, можно ли в Париже чему-нибудь выучиться или вся мудрость человеческая сидит в Петербурге, я очень жалею, что Валерьян не вывез из-за границы ничего, кроме бороды. Если тут входят в расчет обстоятельства денежные, то конечно и говорить нечего. Но меня начинает удивлять огромность ваших издержек. Перед отъездом из Парижа *вы рассчитывали*, что у вас недостает 1000 или 1500 франков; Николай Аполлонович занял 3000; он сказал, что занимает лишние 1500 франков для того, чтобы не быть на первый случай без денег в Петербурге: и что ж! вы доехали только до Риги, как у вас уже не было ни копейки³⁷! Этого я просто понять не могу.

На вопрос ваш, Николай Аполлонович, куда и сколько надо выслать денег к Аполлону³⁸, я не в состоянии дать никакого ответа. Вы с ним об этом условились лично в день вашего отъезда отсюда, и после того Аполлон мне ничего не говорил. Он отправился 4/16 января на Брюссель. Последние слова его были, что проживет в Праге, может быть, не более двух недель.

В прошлом письме к вам я вложил маленькую записочку к Гончарову о сообщении мне кой-каких таможенных сведений³⁹. Между тем здесь разнесся между русскими слух, будто у нас вышло новое постановление насчет книг: запрещаемые книги разделены на три разряда, и за привоз их положен штраф, за первый разряд столько-то, за второй столько-то, за третий столько-то. Пожалуйста, попросите Ивана Александровича, чтобы он уведомил меня, правда ли это, и буде правда, так сообщил бы подробности нового постановления.

Прощайте! Пожалуй, написал бы еще кой-что, да уж и то много.

Если увидите Николая Карцова⁴⁰, поклонитесь ему от меня. Поклонитесь также Константину Аполлоновичу.

Вы, Евгения Петровна, пишете, что исполнили или исполняете все мои комиссии: мне хотелось бы знать подробно, как и что вы сделали. Спасена ли от пропажи моя енотовая шуба? отправлено ли письмо к Коршу⁴¹ в Москву? какую гримасу сделал Бильбасов⁴², получив только половину рубашек⁴³?

Когда наймете квартиру, не забудьте прислать мне свой адрес. Что Кашкаров? и какие вести имеете от Юлии Петровны⁴⁴?

Не афраншировывайте⁴⁵ сполна своих писем ко мне, а платите только до границы. Таким образом они вернее будут доходить⁴⁶.

ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.34–35об.

¹ Евгения Петровна писала Солоницыну сразу по возвращении в Петербург 27 декабря 1843 и еще раз – 30 декабря; во втором письме есть приписка Н.А.Майкова (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.57–58об. и 88–89об.).

² О долге Майковых Солоницыну см. выше. Сохранилось отправленное Солоницыну 7 января 1844 вместе с векселем короткое письмо Н.А. и Е.П.Майковых (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.81–82). См. также примеч. 12 к этому же письму.

³ «Дела наши по денежной части очень запутаны, – признавалась Евгения Петровна в одном из писем, – <...> мы теперь задолжали около десяти тысяч, и все требуют уплаты. Вам вышлем на днях деньги непременно» (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.58об.).

⁴ Об отъезде Аполлона 15 января из Парижа в Прагу Солоницын общал Майковым на следующий день, 16 числа (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.31); ср. дату ниже в этом же письме.

⁵ Квартирная хозяйка Солоницына; неоднократно упоминается им впоследствии.

⁶ читальный зал (*фр.*).

⁷ Солоницын жаловался на лень и скуку, не оставлявшие его со дня отъезда Майковых, ходить же в театры, по его словам, ему попросту «не хочется»: «Обед оканчивается в седьмом часу: можно идти только aux Français или aux Italiens, а в маленькие театры, которые близко, уж поздно <...> возвращаюсь домой, раскладываю огонь и беру книгу или пишу» – ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.30; письмо от 29 нояб./11 дек.

⁸ в Королевскую библиотеку (*фр.*).

⁹ О своих занятиях с жившим в Париже с осени 1843 Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1845) Солоницын упоминает здесь впервые. Очевидно, их совместные разыскания начались еще до отъезда Майковых

из Парижа. В «Дневнике» Тургенева имя Солоницына появляется впервые 26 ноября 1843: «Солоницын. Разговор о манускриптах, желает заняться русской историей». Запись от 28 ноября: «У меня Солон[ицын]. Долго о Вронченк[о], о Канкр[ине], о Биби[кове]» (ИРЛИ. Ф.309. №320. Л.19об., 20) Вронченко Ф.П. (1779–1852) – товарищ министра финансов в 1839–1844, позднее и до смерти – министр финансов; Канкрин Е.Ф. (1774–1845) – министр финансов в 1823–1844; Бибииков Д.Г. (1792–1870) – директор Департамента внешней торговли в 1825–1835. В течение декабря 1843 нечастые визиты Солоницына только фиксируются Тургеневым и никак не комментируются.

¹⁰ Об археографической работе Тургенева и его богатейшей коллекции копий документов по политической истории России, найденных в русских и иностранных архивах и лишь частично опубликованных в начале 1840-х, см.: *Сабуров А.А.* Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и комм. А.А.Сабурова. М., 1939. С.21–22; *Гиллельсон М.И.* А.И.Тургенев и его литературное наследство // *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники: (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М.И.Гиллельсон. М.; Л., 1964. С.480–482. Материалами Тургенева пользовались М.П.Погодин, Н.А.Полевой, Ю.И.Венелин и другие русские писатели и историки.

¹¹ А.И.Тургенев скончался 3 декабря 1845 в Москве, но уже двумя годами ранее ощущал себя «кандидатом смерти», о чем в январе 1844 писал А.Я.Булгакову (см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым. С.272). Ср. его признание в январском письме того же года П.А.Вяземскому: «Я продолжаю страдать, грустить, сидеть или лежать дома, проезживаться, когда в силах, в коляске с час и отчаяваясь в выздоровлении, переменяю уже трех докторов». Весной он писал ему же: «Грустно подумать о себе, а еще грустнее видеть себя в зеркале и ходить с помощью костыля и камердинера в саду, где ноги бегали из аллеи в аллею, а теперь перестановляю со стула на стул; уверяют, что хандра – одна из главных причин моей болезни <...> боли усилились и распространились и не дают отдыха во весь день...» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т.IV. С.273, 276; далее – ОА).

¹² Речь идет об учрежденной в 1818 особой «Комиссии о построении Исаакиевского собора», возглавлял которую министр императорского двора кн. П.М.Волконский; членом «по искусственной части» в 1843, по смерти А.Н.Оленина, вошел сменивший его на посту президента Академии художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский; главным архитектором при строительстве числился Август Монферран (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1844 год. СПб., 1843. Ч.1. С.351). Н.А.Майков (в приписке к письму Евгении Петровны от 30 декабря) сообщал Солоницыну: «По приезде в Питер нашел я дела свои по Исакию в весьма сомнительном положении – комиссия вздумала вложить себе в голову что я не буду и приготовила двух других, за которых и лейхтенбергской хлопотал, но волхонской зделал им нос; и так теперь все исправилось и третьего дня Государь утвердил мои эскизы с некоторыми поправками – до задатку еще нельзя приступить по многим причинам а главная та чтоб не быть первому (еще никто не просил) и монферран тоже советовал погодить, вот почему и посылаю только кое как

набранных две тысячи, надеюсь что чрез несколько времени вышло и остальные 900, а последние в марте так как значится у меня в моей от тебе инструкции...» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л.89об.). Об «инструкции» Солоницына см. выше, с. 47.

¹³ В письме от 27 декабря 1843 Евгения Петровна сетовала на свое петербургское окружение, на мелочность женщин, безразличных к рассказам о чужих краях и занятых только «волокиством, сплетнями и нарядами» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л.58).

¹⁴ Солоницын имеет в виду Н.А.Майкову, инспектрису Екатерининского института (о ней см. выше, с. 21).

¹⁵ Поль де Кок (Paul de Kock, 1793–1871) – французский романист, либреттист и автор водевилей, чье имя сделалось символом легкой, фривольной беллетристики.

¹⁶ Ум у женщин скорее находит подкрепление в страсти, нежели в рассудке (*фр.*).

¹⁷ 30 декабря Евгения Петровна писала Солоницыну: «Здесь Итальянский театр производит такой фурор, о котором не имеют понятия за границею, и решительно все журналы говорят, что наша опера лучше всех Европейских опер в мире. Viardo Garcia, говорят, выше и Гризи и Персиани; а Петров, Петров, говорят, на удивление поет, он один из русских участвует. Эти знаменитости бывают закиданы венками; на днях будет бенефис примадонны, и ей готовится венок из камней и бриллиантов в 30 тысяч р.: в этом участвует царская фамилия и публика. Я не имею надежды услышать оперу, все абонировано; но наши дамы решаются ходить в кресла, а я готова отправиться в раек, только бы услышать Гарцию» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л.88.) Виардо-Гарсиа Мишель Полина (1821–1910), солистка (меццо-сопрано) «Театр Итальян» в Париже. С октября 1843 по февраль 1844 в составе итальянской труппы (вместе с оперными знаменитостями – тенором Дж.Рубини, баритоном А.Тамбурини и другими итальянскими артистами) впервые выступала на сцене Большого (Каменного) театра и «решительно свела с ума весь Петербург. <...> Два абонемента, один на 30 представлений по понедельникам и пятницам, а другой на 15 по средам, были мгновенно расхвачены. На представления, в которых участвовали Виардо и Рубини, забирались в верхние ярусы и раек лица, никогда не бывавшие выше бельэтажа» (*Вольф А.И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч.І. С.106–107; также: *Яхонтов А.Н.* Петербургская итальянская опера в 1840-х годах // *Русская старина.* 1886. №12. С.740–745; там же – С.743–744 – о начале «цветобесия» и о подарках артистам, которые, впрочем, по словам мемуариста, «подносились очень редко»; ср.: «Ныне ввелся обычай в Итальянском театре бросать на сцену букеты цветов и цветочные гирлянды несравненной нашей Виардо-Гарции». – Сев. пчела. 1843. №268; 27 нояб.). Виардо приехала в Россию в 1844–1846 и 1852–1853. О ней см.: *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. Л., 1982. Помимо «любимца петербургской публики» баса О.А.Петрова (1806–1878) с итальянской труппой выступал бас-баритон С.С.Артемовский (наст. фамилия – Гулак; 1813–1873) (см.: *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров... Ч.І. С.107; *Яхон-*

тов А.Н. Петербургская итальянская опера... С.788; Пружанский А.М. Отечественные певцы: 1750–1917. М., 1991. С.128–130, 396–397). О «дамах, решавшихся ходить в кресла», «пионерках» (поскольку в России женщинам не полагалось находиться в партере, они занимали только ложи; в парижском же «Театр Итальян» кресла партера дамы посещали наравне с мужчинами) вспоминала и А.Я.Панаева: Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. С.113. О первом сезоне Итальянской оперы в Петербурге (1843–1844) см. цикл рецензий Р.М.Зотова «Большой театр. Итальянские спектакли» (Сев. пчела. 1843. №246, 247, 261, 262, 292, 293; 1844. №18, 20).

¹⁸ Эльслер Фанни (наст. имя Франциска; 1810–1884) – австрийская балерина; гастролировала на всех сценах мира, с большим успехом – в США в 1840–1841, в России – в 1848–1851.

¹⁹ «Пчела неутомимо жужжит о новостях Парижа, – писала Евгения Петровна Солонищину 30 декабря, – а кто сам побывал там, тот видит, что она врет ужасно» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л.88).

²⁰ В письме от 16 января 1844. – ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №156 (1). Л.31об.–32.

²¹ Шарль Нодье (1780–1844) – автор путешествий, фантастических сказок, повестей и романов (большой успех в 1820–1830-х имел роман «Жан Сбогар», 1818), трудов по библиографии и лингвистике. Чувствительный рассказ об отпевании и похоронах Нодье Н.И.Греч включил в одно из своих «парижских писем» (Сев. пчела. 1844. №29. 8 февр.); кроме того, газета опубликовала некрологическую статью Ж.Жанена «Карл Нодье» (1844. №36, 37; 16, 17 февр.). Ср. очерк «Шарль Нодье» в «Отечественных записках» (1844. Т.33. №3. Отд. VIII. С.6–10).

²² Бертран Анри Грасьен (1773 – 31 янв. 1844) после Аустерлица стал генерал-адъютантом Наполеона, с 1813 – гофмаршалом императорского двора. Бертран последовал с семьей на остров Св. Елены и находился там до смерти Наполеона в 1821. Участвовал в 1840 в перенесении его праха в Париж и захоронении его в Доме Инвалидов.

²³ во Французском (*фр.*), т.е. в «Театр-Франсэ» («Théâtre-Français»), как официально назывался театр «Комеди-Франсез».

²⁴ Вероятно, речь идет о трагедии Ипполита Романа (Romand) «Cathérine II», которая готовилась к постановке в «Театр-Франсэ». Роль Екатерины в ней должна была играть Рашель, но из-за болезни актрисы премьера состоялась только в мае 1844 (см.: ОА. Т.IV. С.279; Письма Александра Тургенева Булгаковым. С.276). Текст трагедии был издан в Париже в 1844.

²⁵ Подробности о суде над «извергом Пульманом» и о казни «злодея и фанфарона» регулярно сообщал в «Парижских письмах» Н.И.Греч (Сев. пчела. 1844. №25, 29, 34; 1, 8, 14 февр.).

²⁶ в Исправительной полиции (*фр.*).

²⁷ Жанен Жюль (1804–1874) – беллетрист-романтик, публицист, литературный и театральный критик, сотрудничавший в виднейших литературных и политических газетах и журналах («Revue de Paris», «Journal des

Débats» и др.). Пиа (Pyat) Феликс (1810–1873) – драматург, публицист, писавший для «Figaro», «Revue de Paris», «l'Artiste», «Revue démocratique», «l'Europe littéraire» и др. Речь идет о памфлете Ф.Пиа «J.-M.Chénier et le prince des critiques» («Ж.-М.Шенье и князь критики»), опубликованном в журнале «La Réforme» 4 января 1844. «Но как этот журнал расходуется не в большом числе экземпляров, – комментировал ситуацию Греч, – он напечатал ее особо: ее продают на улицах по три су. Пиат не удовольствовался опровержением мнений и суждений Жанена [по поводу постановки трагедии Ж.-М.Шенье «Тиберий». – А.Г.]: он напал на личный его характер и раскрыл всю литературную и частную жизнь его <...> Жанен подал на него жалобу в Суд Исправительной Полиции за оскорбление личной его чести. Посмотрим, позабудемся и опишем. Впрочем, это дело не литературное <...> Жанен пишет фельетоны журнала министерского, а Пиат принадлежит к оппозиции. Жанен дерзнул явно восстать на поэта революции...» (Сев. пчела. 1844. №19; 25 янв.). О состоявшемся суде Греч сообщал: «Феликс Пиат, оскорбивший Жюль-Жанена бранною статьею, приговорен к шестимесячному заключению в тюрьме и к уплате тысячи франков бесчестья <...> Кроме того, подсудимые обязаны заплатить судебные издержки. Вот вам и свобода тиснения!» (Там же. №34). Об этой литературной тяжбе вскользь упоминал и А.И.Тургенев (Письма Александра Тургенева Булгаковым. С.270). См. о ней также: Лит. газета. 1844. №5; 29 янв. С.105; №7; 17 февр. С.138; Отеч. записки. 1844. №2. Отд. VIII. С. 123–124; и др.

²⁸ После открывшей заседание обеих Палат речи Луи Филиппа 27 декабря 1843 (см.: Сев. пчела. 1843. №292. 29 дек.) в Палате депутатов больше месяца продолжались прения о содержании ответного адреса королю. Краткие сообщения о них «Северная пчела» давала из номера в номер в течение всего января 1844. «Все журналы наполнены этими делами, – отмечал парижский корреспондент газеты. – <...> Все беседы вращаются теперь вокруг прений Палаты...» (Сев. пчела. 1844. №25. 1 февр.).

²⁹ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – историк, государственный деятель; глава французского кабинета министров (1840–1847).

³⁰ Сальванди Нарсисс Ахилл де (1795–1856) – граф, государственный деятель, публицист, историк; член Палаты депутатов с 1837 и к началу 1844 ее вице-президент; одновременно занимал должность французского посла в Турине. В результате разногласий в Палате подал в отставку, что, по словам Н.Греча, «изумило публику»: «Отказаться от ста тысяч франков ежегодного жалованья, от блистательного звания французского посла, единственно для сохранения своей независимости в звании депутата – дело неслыханное!» (Сев. пчела. 1844. №34. 14 февр.).

³¹ Знаменитый писатель и деятельный политик Ф.-Р. Шатобриан (1768–1848) придерживался легитимистских взглядов, выступая наряду с легитимистами в Палате депутатов за восстановление у власти свергнутой Июльской революцией старшей ветви Бурбонов. Ее представляли жившие с 1830 в изгнании граф де Шамбор (1820–1883), провозглашенный королем Генрихом V, и подписавшие в 1830 отречение в его пользу его дед Карл X (1757–1836), французский король в 1824–1830, и дядя герцог Ангулемский

(1785–1844). Король Франции в 1830–1848 Луи Филипп (1773–1850) принадлежал к младшей (Орлеанской) ветви династии Бурбонов.

³² Вильмен Абель Франсуа (1790–1870) – историк и государственный деятель, министр народного просвещения в 1839–1844.

³³ Сведений об А.Е.Лейченко разыскать не удалось.

³⁴ Солоницын имеет в виду историю с публикацией в №234 «Русского инвалида» за 1843 статьи М.М.Сорокина. Этот эпизод зафиксирован в «Дневнике» А.В.Никитенко 23 октября 1843: «В прошедшую среду объявлено было на афишах, что Гарсия в первый раз явится на сцену в “Севильском цирюльнике”. Краевский, редактор литературного отдела в “Русском инвалиде”, заказал Сорокину статью для фельетона, попросив его написать ее заранее <...> Сорокин написал статью, в которой превознес до небес пение и игру знаменитой артистки. Публика, по его словам, была в неистовом восторге, на сцену было брошено два венка и т.д. Между тем спектакль в среду не состоялся по болезни Рубини. Можно вообразить себе всеобщее удивление и смех, когда в четверг прочли в “Инвалиде” восторженные похвалы блестящему спектаклю, которого не было, – и особенно царице его, Гарсии. Государь велел автора статьи Сорокина немедленно посадить на гауптвахту, а “Инвалиду” запретил писать статьи о театре» (*Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т.1. С.269–270; см. также: Зотов В. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. №1. С.511*). «Небольшое объяснение» по поводу ошибки появилось в №235 «Русского инвалида».

³⁵ Гризи Джулия (1811–1869) – итальянская певица (сопрано и меццо-сопрано); с 1834 солистка «Театр Итальян» в Париже; в эти же годы пела в Лондоне. В Петербурге гастролировала в 1850–1852.

³⁶ Тепляков Алексей Григорьевич (1805–1872) – путешественник, дипломат, издатель сочинений брата – поэта В.Г.Теплякова. Знакомый Майковых (однако он, по словам Евгении Петровны, «и скучноват, и не по нас»), при финансовых затруднениях их неоднократно кредитор. Вечера с танцами у А.Г.Теплякова посещали петербургские литераторы. Так, в декабре 1840 в числе его гостей были П.А.Плетнев и А.А.Краевский (см.: Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т.1. С.176). И сам Тепляков, «презадорный оригинал», как его аттестовал Плетнев, в начале 1840-х был принят в литературных гостиных (Там же. Т.1. С.133; Т.2. С.48).

³⁷ «Когда мы приехали в Ригу, – писала Евгения Петровна 27 декабря, – у нас не оставалось ни копейки денег, но, к счастью, в конторе дилижансов согласились нас записать с тем, чтоб получить деньги в Петербурге...» (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.57об.).

³⁸ Сообщить, «куда и сколько надобно выслать» денег Аполлону «для окончания вояжа», Николай Аполлонович просил в приписке к письму жене от 30 декабря (ИРЛИ Р.1. Оп.17. №138. Л.89об.).

³⁹ Скорее всего, «записочка» эта не сохранилась. Об адресованных Гончарову письмах Солоницына см. выше, с. 15.

⁴⁰ По всей видимости, речь идет о Николае Александровиче Карцове (1801–1866) – авторе нескольких стихотворений, опубликованных в «Вест-

нике Европы», «Атенеи», «Дамском журнале» в 1828–1829 и «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» в 1830-х, а также перевода «Паризины» Д.-Г. Байрона (М., 1829) и романа «Семейство Комариных» (СПб., 1834). В 1843 – надворный советник, чиновник особых поручений при министре государственных имуществ (т.е. был связан по службе с близким Майковым А.П. Заблоцким-Десятовским, членом Ученого комитета и чиновником при Канцелярии того же министерства). Карцовы – родственники Солоницына по материнской линии.

⁴¹ О знакомстве и переписке Солоницына с Евгением Федоровичем Коршем (1809–1897) и его семьей см. выше (с. 23–24).

⁴² Бильбасов Алексей Алексеевич (1791–1857) – петербургский знакомый Майковых и Солоницына; в 1843–1844 служил мл. контролером Контрольного департамента Главного управления ревизии государственных счетов.

⁴³ Об исполнении своих «комиссий» Солоницын беспокоится не первый раз. Еще в письме от 11 декабря он поручал Евгении Петровне заботу о его «имуществе, находящемся в заведении громоздких вещей»: «Посмотрите, не пропущен ли срок: там есть вещи для меня драгоценные, бумаги и книги <...> Также потрудитесь ради Бога распорядиться и насчет моей шубы, бобрового воротника, и проч., отданных на сбережение скорняку Людвигу <...> велите ему хранить все до следующей зимы...» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. №156 (1). Л. 29об.). Ту же просьбу он повторял в письме от 16 января (Там же. Л. 31). 25 января Евгения Петровна сообщила, что комиссии исполнены (Там же. №138. Л. 61).

⁴⁴ О Вл. и Ю.П. Кашкаровых см. примеч. 7 к письму 1.

⁴⁵ В №238 от 23 окт. 1843 «Северная пчела» сообщала об отмене афраншировки писем: «...до сего времени за письма в Париж надлежало платить здесь, на месте, до 5 руб. 50 коп. асс. С ноября цена уменьшается почти в половину, а кроме того, если вам не угодно *афраншировать письма* (т.е. заплатить за него вперед), вы можете платить только до границы, т.е. гривенник!»

⁴⁶ Ниже идет короткая приписка Вл. Ап. Солоницына. На обороте письма адрес:

St. Petersburg
Monsieur Constantin Maikoff
Его Высокоблагородию
Константину Аполлоновичу Майкову
В Военной Академии
в Санкт-Петербурге
Для передачи Николаю Аполлоновичу
или Евгении Петровне Майковым

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

18 февраля по-нашему [1844 г.]

Последнее письмо ваше, преисполненное мрачной хандрою, мы получили, любезнейший Владимир Андреич, тому уже две недели. Грустно думать, что вы в таком неприятном расположении находитесь за границею: мудрено было бы негодовать за несправедливое мнение, которое вы питаете к отсутствующим друзьям вашим, по всему видно, что вы находились в кризисе хандры, когда писали письмо; будучи сама склонна к подобным выходкам, я очень понимаю вас и не хочу очень крепко принимать к сердцу многое, что вы нам наговорили! Более всех нападаете вы на Валерьяна, соболезнуй, что он, кроме бороды, ничего не вывез из-за границы; вы знаете, как Валерьян дорожит вашим мнением, и заключение ваше его крепко озадачило и огорчило. *Почему же он, кроме бороды, ничего не вывез?* Катаясь несколько месяцев за границею, не было возможности приобрести новых сведений по части ученой, оставаться в Париже также не было средств, вы это знаете... Если Валерьян решился оставить Париж, он сделал очень основательно, вы и сами это находили. Судьба Валерьяна более достойна сожаленья, нежели порицанья; ему не было и нет нигде удачи: вот и до сих пор он бьется как рыба об лед, и нигде нет ему места. Уваров решительно отказал в месте помощника при Румянцовской библиотеке¹, он выражался так, что эти места нужны для инвалидов, а не для молодых кандидатов университета². Хлопочет за Валерьяна В.И.Панаев³ и другие, и все понапрасну – нет местов, и Бог знает, чем кончится его судьба. Его молодость, вступление в свет ничто не ободряет; ему более нежели когда-нибудь нужны советы опытного друга, дабы он не упал духом и с большою твердостью принялся бы готовиться к экзамену на магистра. Ждем Аполлона⁴, по расчету ему бы уже следовало быть здесь, но его нет, – здоров ли он при таких жестоких морозах!

Вот третья неделя, как мы переехали на новую квартиру⁵, у меня столько было хлопот, что пересказать невозможно, и теперь еще не устроились надлежащим образом, всякий день должна делать покупки, необходимые для порядка дома и хозяйства. У нас почти все было продано до отъезда за границу, а многое потеряно в отсутствии нашем. Квартира наша довольно хороша и поместительна, только моя комната совершенно проходная. Вообразите, что в Петербурге в продолжение трех недель и более стоят постоянные морозы, которые доходят до 30 градусов, а менее 15 не было ни одного дня. Этот холод лишает возможности быть в деятельности, а мы должны были переезжать и устроиваться в эти жестокие холода.

Ужасный климат!.. я предпочитаю грязь и слякоть морозу, превышающему 15 градусов.

Благодарю вас за описание парижских новостей, напрасно вы думаете, что они меня мало интересуют; видно, вы еще не узнали мои склонности и мое желание приблизиться сколько-нибудь к образованному миру. Если обстоятельства не сближают меня с людьми истинно просвещенными, это не мешает мне любить просвещение и сколько-нибудь принимать участия в общих интересах. Также душевно радуюсь, что хозяйева ваши такие добрые люди и так вас любят, это самое важное обстоятельство на чужбине... Вы говорите, что *они так поступают с вами, как вы бы желали, чтобы друзья поступали с вами.* Что похвально и удивительно в новых знакомых или друзьях, это самое должно быть очень обыкновенно в старых; от старых друзей можно ожидать более, несравненно более; внимание, ласка, услужливость – суть прекрасные качества в знакомых наших, но от друзей мы вправе требовать более этого. Так мне кажется, может быть, я ошибаюсь. Меня очень радует, что Солик успевает в практике французского языка; отсутствие его русских друзей много способствует к тому; может быть, справедливо упрекали его в предпочтении бесед с Аполлоном и Валерьяном. Впрочем, мы часто от юности требуем невозможного, хотя и сами еще не так состарелись, чтобы не находить наслажденья в беседе людей, нам преданных. Вы называете Солика неблагодарным к семейству Lacroix, вы ошибаетесь. Я Солика всегда понимала за человека, умеющего быть благодарным. Солик по характеру своему и по молодости и рассеян и ветрен, но у него доброе и благодарное сердце, за это я ручаюсь. <...>

Вы удивляетесь, что у нас на дороге недостало денег! Мы из Парижа вывезли около двух тысяч с половиною, ехали 32 дня, жили в гостиницах, лечили в Лейпциге Валерьяна, заплатили пошлину за часы и лампу и проч. Впрочем, мы очень сэкономили, следовательно, деньги вышли на необходимое. Мое здоровье расстроено более, нежели когда-нибудь, и я решаюсь полечиться и думаю ехать на лето в Ревель, пользоваться морским купаньем. Расстройство нерв, головная боль, геморроические припадки усиливаются, и я часто не знаю, что мне делать с собою. У нас служит ваш Сергей, он очень желал поступить к нам, не находя выгоды оставаться долее в трактире. Прощайте, будьте здоровы и, если можно, веселы. Я совершенно уверена, что весна за границую много потешит вас, вспомните, что у вас нет теперь никаких забот, пользуйтесь этим, чтобы восстановить совершенно здоровье. Все наши кланяются и желают, чтобы вы менее хандрили.

Душою преданная вам Евгения.

ИРЛИ. Р.1. Он.17. №138. Л.67–68об., 94–94об.

¹ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – граф, министр народного просвещения (1833–1849). В ведении его министерства находилась Румянцевская библиотека – общедоступная, открытая ежедневно библиотека (часть созданного в Петербурге в 1831 Румянцевского музея; переведен в Москву в 1861), основу которой составила богатейшая коллекция рукописных и печатных книг государственного канцлера, графа Н.П.Румянцева (1754–1826); превышала собрание бедной в то время Императорской Публичной библиотеки. Размещалась в завещанном музее доме Н.П.Румянцева на Английской наб. (ныне – Музей истории С.-Петербурга; Английская наб., 44). По утвержденному в 1832 Уставу и Штату Румянцевской библиотеки персонал ее состоял из ст. библиотекаря (исполнявшего функции директора; с основания музея до марта 1844 им был А.Х.Востоков), двух мл. библиотекарей, помощника библиотекаря и смотрителя. Все служащие обеспечивались квартирой при музее; каждая должность являлась почетной и пожизненной (см.: Сб. материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып.1. С.117–171).

² Вал.Майков окончил юридический факультет Петербургского университета в 1842 со степенью кандидата (7-м в списке кандидатов) – см.: *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. Прил.V. С.LXXIX. Кандидатская – ученая степень, присваивавшаяся за письменную работу на заданную тему; давала право на чин 10-го класса (коллежского секретаря) при зачислении на государственную службу.

³ О В.И.Панаеве (1792–1859) см. выше, с. 26.

⁴ Ап. Майков вернулся в Петербург из Праги 8 марта 1844; см. в письме 8 от 10 марта.

⁵ Новый адрес Майковых – Галерная, д.17. Вернувшись из Парижа, Майковы жили короткое время на казенной квартире в доме Военной академии (Галерная, д. 32) у Конст. Ап. Майкова, состоявшего адъютантом при правителе дел академии М.М.Силиче (Месяцеслов ... на 1844 г. СПб., 1843. Ч.1. С.52; *Нустрем К.* Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Ч.2. С.159).

7

В.А.Солоницын – Е.П. и Н.А.Майковым

Париж, 27 февраля [6 марта] 1844.

Я получил из Петербурга вдруг три пакета: в одном из них было письмо Евгении Петровны от 25 января (старого стиля) с припискою Константина Аполлоновича¹, письмо Валериана с припискою Николая Аполлоновича² и письмо Гончарова³; в другом ма-

ленькое письмо Евгении Петровны с написанною Николаем Аполлоновичем копиею с письма от Бильбасова и с векселем на 1203 франка⁴; в третьем письмо Гончарова с приложением⁵. Уведомляю вас обо всем этом так подробно для того, чтобы вы могли сообразить, все ли до меня дошло и нет ли чего пропавшего на почте.

Прежде всего благодарю Евгению Петровну за точное исполнение моих комиссий⁶ и обстоятельное об этом уведомление. Что делать! может быть, это глупо, но если я кому даю какую-нибудь комиссию, то не могу быть покоен до тех пор, пока меня не уведомят, что и как именно сделано, не довольствуясь темной фразой, что *комиссия исполнена*.

Вы, Евгения Петровна, в письмах ко мне, пожалуйста, не будьте чересчур susceptible⁷ насчет своего эгоизма, оставьте без внимания мои труды и забавы, не тратьте времени и бумаги на изъявление мне своих добрых желаний, а пишите просто об одной себе, о том, что вы делаете, что вы думаете и какие производит на вас впечатления то, что делается около вас. Это будет для меня гораздо интереснее. Радуюсь, что вы нашли наконец квартиру, и от всего сердца желаю, чтобы водворение в ней было началом вашего спокойствия. Но не забудьте: это спокойствие возможно только тогда, когда вы заведете у себя известный порядок, о котором я вам уже несколько лет проповедую и который, в одной из бесед наших в Париже, вы, кажется, решились наконец завести. Дай Бог, чтоб у вас достало воли на это. Что касается до Николая Аполлоновича, то он, как говорит дядя в «*Bohémiens de Paris*»⁸, *n'aura qu' à Vous applaudir*⁹: следственно, новый порядок будет основой не только вашего личного спокойствия, но и общего спокойствия всего вашего семейства. На посторонних же (под которыми я разумею без исключения всех, кроме вас, Николая Аполлоновича и ваших детей) смотреть, право, нечего: похмурятся да и перестанут! Ведь это только у нас на Руси, и то в одном клане, или лучше сказать, не в одном клане, а в одном доме, если речь идет о петербургских домах, – именно в вашем доме, – водилось до сих пор жить нараспашку, растворя двери с утра до вечера, “для званных и незванных”, как говорит Фамусов¹⁰. Хозяева мои, de la Croû – неважные люди; по ограниченному их состоянию уж и очень неважные; но когда мы сидим за столом, то колокольчик хоть целый час звони, никто не поднимется с места, и M. de la Craû начинает ворчать, что это верх невежества – приходиться в дом тогда, когда там обедают. Время, посвящаемое здесь домашним делам, или отдохновению, не приносится в жертву никому в мире. <...> Вы скажете: «То – французы, а мы русские». Да что за дело, что то – французы! Если что умно, хорошо, так перенимайте хоть у француза, хоть у татарина.

Сборы ваши в Ревель мне кажутся несколько преждевременными. В вашей жизни, как я заметил, многое имело для вас неприятный конец именно оттого, что вы слишком рано начинали собираться.

Не знаю, теряете ли вы что-нибудь, не слышав петербургской италийской оперы, когда уже слышали Гарчию и Рубини¹¹, также Гризи, Персиани, Сальви, Ронкони¹² и других парижских певцов. Говорят, что Греч пишет в Северной Пчеле, что италийская опера нынче в упадке¹³. Это справедливо: она теперь в самом деле не такова, какова должна была быть в прошлые годы; и надо согласиться, заведение оперы в Петербурге нанесло ей рану чувствительную. <...>¹⁴ Если вы любите музыку, если хотите насладиться ею, то ступайте в парижский Италийский театр. Нигде в целом мире – я уверен – вы не будете восхищены до такой степени. Достоинство здешней оперы происходит частью от давности, так сказать, оседлости ее существования¹⁵. В Петербурге опера построена на лучинках, на скорую руку, на короткое время¹⁶; здесь, напротив, она существует Бог весть с которых пор и будет существовать тоже Бог весть как долго, потому что уж сделалась необходимостью для известной части парижской публики. Только еще в Италии она столько ж необходима, как в Париже. Но в Италии бедность одной и скупость другой половины народонаселения не позволяют импрессариям (содержателям театров) доводить свои труппы и оркестры до значительной степени совершенства <...> ни у одного италийского импрессария нет средств содержать долго хорошего, следовательно, дорогого артиста. Они случаются преимущественно в Неаполе и Милане, на тамошних главных театрах San Carlo и Della Scala¹⁷, потому что эти театры казенные, следовательно, более обеспеченные в финансовом отношении; но и тут поприще важных талантов никогда не бывает и не может быть продолжительно, потому что в Неаполе, по бедности королевской казны, а в Милане, потому что Милан – не столица Австрийской Империи, правительства не делают больших денежных пожертвований в пользу театров. Напротив того, в Париже, как в одной из многолюднейших и богатейших столиц Европы, как в столице народа, зараженного ненасытною страстью к зрелищам, как в местопребывании множества иностранцев, которые не щадят ничего на удовольствия и удовлетворение своего любопытства, италийская опера находит себе самый лучший приют. Здесь дирекция ее не стеснена в средствах: публика платит дорого за места, театр всегда полон, да сверх того правительство еще отпускает ежегодно значительную сумму в пособие. Оттого-то все, что имеет талант, стремится в Париж; оттого-то нет ни одного славного певца, ни одной славной певицы, которых бы слава была сделана не в Париже; оттого-то, наконец, и все композиторы, которые восхищают дилетантов

настоящего поколения, – Россини, Беллини, Донидзетти, Галеви, Мейербер¹⁸ – избрали своим постоянным местопребыванием тоже Париж. Судите после этого о возможности существования где бы то ни было такой италийской оперы, как в Париже! <...>

В последнее время я немножко нарушил обыкновенный порядок своей жизни тем, что совсем бросил писать и только читал. Меня занял роман Евгения Сю «Les Mystères de Paris» – десять томов¹⁹! Если в Петербурге есть эта книга, то непременно прочтите ее и для этого запрячьтесь, читайте без отдыха и без расстановок, чтобы не потерять интереса и не запутаться в этом лабиринте приключений, лиц, характеров и подробностей. Книга весьма примечательная. Она здесь наделала много шума, и недаром. Ее можно рассматривать с двух сторон: как произведение искусства и как манифест против некоторых статей во французском законодательстве и общественном устройстве. Автор принимает на себя роль ходатая за бедный рабочий класс и домогается, чтобы законодатель приискал способы *предупредить преступления* улучшением нравственности бедных людей и доставлением им средств к честному пропитанию. Это подало повод к тому, что о книге Сю толковали даже в Палате, что его засыпали письмами и что некоторые из его предположений, исполнение которых зависело от воли частных людей, нашли себе исполнителей. Что касается до журналов, то они, особенно министерские, большею частию ругали новое произведение Сю, называя вредными отвратительные картины порока, которые он рисует. Один только лионский журнал (я забыл его имя) в длинной статье, состоящей из четырнадцати или пятнадцати отделений, превознес книгу, хваля в ней *б tort et б travers*²⁰ каждое выражение и каждую мысль. Не зная французских законов и не имея полных сведений в статистике французского криминализма, я не могу сказать, до какой степени манифест Сю заслуживает внимания; но иногда довольно и одного здравого смысла, чтобы видеть неисполнимость некоторых его мечтаний, которые он и сам имеет благоразумие называть *impraticables*²¹. Как произведение искусства «Les Mystères de Paris» заключают в себе все достоинства и все недостатки прочих романов Евгения Сю²². Это мыльный пузырь, ярко освещенный солнцем и испещренный блестящими радужными цветами, но все-таки мыльный пузырь, который лопнет при малейшем прикосновении критики! Меня не раз поражала мысль, что надо быть именно французом, то есть обладать всею наглостью новых французских писателей²³, чтобы выдавать за дело такие нелепые и невероятные вещи, чтобы пускаться в такие мелочные подробности при описаниях, чтобы мучить читателя такими бесконечными повторениями одного и того же. Между тем книга исполнена интереса, и, за исключением некоторых сцен,

неприятных по своей отвратительности или скучных по неловкой карикатуре, все возбудит ваше внимание. Что касается до степени верности описываемых в ней гнусных нравов, то одни находят их преувеличенными, другие утверждают, будто это точный портрет с натуры. Я более соглашаюсь с первыми. Пожалуй, все эти гадости действительно существуют, но в природе они рассеяны по разным местам и по разным эпохам, а в книге сведены в одну кучу и в одно время. Как же можно назвать это верностью? Представьте себе, что какой-нибудь живописец, рисуя портрет, напишет глаза Любови Ивановны, шею Юнии Дмитриевны, цвет лица Лизаветы Ивановны²⁴ и пр., и пр.: будет ли это похоже хоть на одну из них? А между тем в портрете написано то, что существует в природе. – Недели две назад в театре Porte St. Martin²⁵ начали играть мелодраму «Les Mystères de Paris», составленную самим Евгением Сю с каким-то товарищем²⁶. В день первого представления хвост был с девяти часов утра, за место в stalles d'orchestre²⁷ платили по сорок франков, и с тех пор пьеса играет всякой день, и театр всякой день полон, касса получает 4800 франков в вечер. Я тоже ходил посмотреть. Роман несравненно лучше. В пьесе многое переименовано и стало еще неестественнее, чем в книге. Говорят, будто эти переименования сделаны театральной цензурой, в которой мелодрама была *тринадцать раз*. Боялись, что она произведет волнения. Директор театра, даже и после всех ценсурных урезок, еще опасался тревоги, которая грозила ему закрытием театра²⁸. Однако ж все прошло благополучно. Пьеса разыгрывается удивительно хорошо; только некоторые актеры неверны сюжету своими летами или своею внешностью. Но эти недостатки забываешь, глядя на чудесную игру Фредерика²⁹, представляющего главное лицо в пьесе: это – актер, может быть, не хуже нашего Каратыгина³⁰, и есть в «Mystères de Paris» одна сцена, которой Каратыгину никогда не разыграть так, как разыгрывает ее Фредерик.

Масленицу я провел ни скучно ни весело, как провожу все свое время. Здесь были каждый день балы, маскарады, концерты. Видя, что все вокруг меня бесится, в четверг на масленице и я решил отправиться в маскарад. Чтобы составить себе понятие об этом дьявольском удовольствии парижан, я выбрал маскарад Большой Оперы, пробыл там около двух часов и не могу сказать, чтобы мне было скучно. <...>³¹

Наконец, я видел *Рашель*³². «Баязет»³³ – пьеса несносная: действующие лица приходят, разговаривают и уходят, потом опять приходят, опять разговаривают и опять уходят; ни малейшего действия; бедное приключение, на котором основана драма, происходит за сценой, а вы слышите только рассказ: не стоило и идти в театр <...>.

Но Рашель действительно играет чудесно: я никогда не видывал актрисы в этом роде с таким дарованием. Хотелось бы мне посмотреть на нее в роли леди Макбет: думаю, что это было бы превосходно! Но к несчастью, народное самолюбие дирекции Французского театра не позволяет давать на нем никаких пьес, кроме французских³⁴. Вместе с Рашелью играл еще один прекрасный актер, Guyon³⁵; прочие не заслуживают внимания.

Опера «Гугеноты», о которой так много у нас говорят³⁶ и которую я счел нужным увидеть, чтобы поверить эту молву, не произвела на меня выгодного впечатления. Есть места очень хорошие, но в целом, как в отношении к музыке, так и в отношении к содержанию и к спектаклю, это настоящая русская масленичная кулебяка, в которой напицкано всего чего хочешь. Ясно, что Мейербер и Скриб³⁷ писали для французов и гонялись за одними эффектами. Поэзии нет ни капли. Познакомившись теперь с произведениями всех композиторов, которые восхищают Европу в наше время, я нахожу, что старик Россини все-таки умнее и талантливее прочих. У него музыка всегда согласна с сюжетом. Послушайте серенаду в «Севильском цирюльнике»; разве это не Испания, не любовь, не роман? Вслушайтесь хорошенько в «Семирамиду»³⁸: это что-то библейское, величественное, так и веющее на вас глубокой древностью. Притом сколько всегда гармонии, сколько вкусу, сколько разнообразия! Ни одна опера не похожа на другую, каждая отличается своим собственным, более или менее оригинальным характером. Мне кажется, что господа, превозносящие Доницетти с братиею, не понимают, в чем дело. Одни, не смыслящие ни в чем любители музыки, увлекаются каким-нибудь красивым мотивцем, не замечая, что этот мотив повторяется у всех их возлюбленных композиторов; другие, записные музыканты, видят достоинство в трудностях, забывая об изящном, которое в музыке, как в изящном искусстве, кажется, должно играть не последнюю роль; а прочие повторяют, что говорит толпа. Относительно «Гугенотов» надо еще заметить, что эта штука и разыгрывается здесь очень дурно, потому что разыгрывается не италианцами, а в Большой Опере, где нет хороших певцов и певиц. Прославленный Дюпре³⁹ мне несносен. Пусть он будет 5 марта петь в Лондоне на английском языке: по-моему, это все-таки не что иное, как боченок, которому во втулку поставили мех и надувают его изо всей мочи. Кажется, что и сами французы не очень жалуют своего первого тенора: в театре, когда он поет, бывает очень тихо, совсем не так, как *aux stalles*⁴⁰, когда поет Сальви или Марио⁴¹. Между тем он получает 100 000 франков. Недавно прочел я в одном журнале шутку, будто бы в Rue Neuve Vivienne продают какую-то удивительную

gazette, но она так дорога, что ее могут покупать только les princes russes et les premiers ténors français⁴².

У итальянцев в последнее время я видел еще две оперы – «Отелло» Россини⁴³ и «Коррадо д'Альтамура» Риччи⁴⁴. Об «Отелло» нечего говорить: прелесть! «Ивушка»⁴⁵ привела меня почти в бешенство: Россини удивительно постиг и выразил положение Дездемоны; это более нежели музыка; это – слезы. Марио, который занимает роль Отелло, является в этой опере не только прекрасным певцом, но и превосходным трагическим актером. Можно сказать, что «Отелло» – его триумф. Гризи играет тоже отлично и в сцене «Ивушки» была трогательна как нельзя более. Но «Коррадо д'Альтамура»... так себе, пустячки, общие места, без характера, без малейшей оригинальности. Ее давали здесь в первый раз, и, кажется, она не пойдет. Итальянец, с которым я беседовал во время спектакля, сказывал мне, что в Милане эта пиеса понравилась, но в Венеции упала. Мне было очень приятно, что мнение мое о новейшей музыке и новейших композиторах оказалось совершенно согласным с мнением этого итальянца, который, как свои десять пальцев, знает все новейшие оперы, видел все новейшие французские и итальянские оперные театры и слышал всех знаменитых певцов и певиц.

Здесьняя погода становится гораздо теплее, дни дольше; солнце смотрит на Париж по-весеннему; я сижу с открытым окошком. Но две недели назад случился вечером такой страшный туман, какого мы с вами не видывали и в Петербурге. Вообразите, что с моего балкона, даром что я живу в первом этаже, не было видно ничего, что делается на тротуаре; огни в фонарях на моей стороне улицы чуть мерцали красными пятнами в белом облаке; блестящие газом магазины противоположной стороны были совсем неприметны. Я не понимаю, откуда здесь берется такой туман. Французы приписывают его испарениям Сены; но Сена, кажется, не довольно для этого многоводна и широка. Впрочем, надо сказать, что это река чрезвычайно капризная и непостоянная, настоящая французенка: иногда она едва ползет в своих каменных берегах, а чуть в Нормандии выпал снег, она вздулась, наполнилась, заревела.

Романсы, посылаемые мною Любви Ивановне, должны, как мне казалось, вам не понравиться⁴⁶ оттого, что они вышли из Франции, которую вы ненавидите, и из дома моих хозяев, которых вам угодно подозревать в каких-то страшных на меня умыслах, тогда как это – le brevis du bon Dieu⁴⁷, видящие немного далее своего носу, и как я, право, совсем не такой простак, чтобы меня можно было взять за нос.

Не знаю, что вы нашли *молодого* и *веселого* в письмах моих из Италии, находящихся у Константина Аполлоновича⁴⁸. Не знаю да-

же, что это и за письма, к кому они писаны и как к нему попали. Из Италии я писал в Петербург мало и коротко, только тогда, когда нужно было писать, и только о том, что было нужно. Последнее письмо, отправленное мною туда по необходимости, было, помнится, из Милана. Оно было написано в самом деле не совсем в скучном расположении духа, потому что я писал его под влиянием приятного впечатления, произведенного во мне приездом в опрятный Милан из грязной Вероны, и еще потому, что в это время я имел в виду одинокое путешествие по Ломбардии, от которого ожидал много удовольствия и которое действительно составляет самый поучительный и веселый эпизод моих италийских поездок. Но когда я приехал в Венецию, когда углубился дальше в Италию, все изменилось. Путешествие мое сделалось цепью завтраков, обедов, полдников, ужинов, переходов из одной кофейни в другую. Тут я ужасно скучал, и когда дошло до меня ваше письмо, в котором вы грозили уехать из Парижа, не дождавшись нашего прибытия, то я с жадностью ухватился за этот случай, чтобы как можно скорее убраться из Рима. На человека мыслящего и чувствующего, не преданного одним наслаждениям маммона, Италия, при всех своих красотах, в настоящее время и не может произвести другого впечатления, кроме грустного. Я был особенно грустен по стечению обстоятельств. Если вам угодно знать, где мне всего веселее, где мне всего *лучше*, так откровенно скажу вам, что это там, где я теперь. Здесь меня ничто не тревожит, ничто не надоедает мне своими глупостями; я веду жизнь тихую, спокойную, совершенно согласную с моим характером; работаю, читаю, пишу, наблюдаю, слежу за всем, что творится на свете, и счастлив!.. то есть, как могу быть счастлив при ограничениях, наложенных на меня судьбою.

Солик понемножку двигается вперед; но вы напрасно требуете от него таких огромных успехов, чтобы он мог уже писать французские письма. Заметьте, что он учится французскому языку не письменно, а изустно, почти так же, как ваш Бурька⁴⁹ учится языку русскому. Это совсем не то. Письменное ученье я доставлю Солику по возвращении в Петербург. Только надобно, чтобы он этого стоил. По несчастью, я замечаю, что общество, которому он жертвовал слишком много своего времени в Петербурге, сделало ему большой вред. Он имеет доброе сердце, но в голове его есть некоторые заблуждения, происходящие именно от этой доброты, от отсутствия всякого самолюбия и чрезвычайной шаткости нрава. Надобно, чтобы он немножко переменился. Иначе я должен буду отказаться от дальнейшего об нем попечения, потому что понятия мои о чести и совести требуют, чтобы я отвечал за судьбу молодого человека, о котором пекусь: а как мне отвечать за того, кто живет ни своим, ни

моим умом и не слушается моих советов? Я сделал для него все, что обязан был сделать, даже несколько более, и имею полное право сказать: «Вот твое наследство после отца: ступай куда хочешь!»

Что касается до вашего Валерьяна, то вы, право, несправедливо пишете, будто ему ни в чем нет удачи. Вы пишете это, сравнивая судьбу его с судьбой Аполлона. Так! Аполлон начал счастливо; но разберем без пристрастия его успехи. В чем они состоят? Кандидатство⁵⁰, перстень за картину⁵¹, журнальные похвалы за стихи⁵² и тысяча рублей серебром на путешествие⁵³. Но в кандидатстве и Валерьян не отстал от него⁵⁴, а все прочее, позвольте сказать, пустяки: перстень за картину не открывает Аполлону никакой дороги, потому что он не живописец⁵⁵; деньги на путешествие издержаны, как будто их не бывало; журнальные похвалы легко могут превратиться в журнальную брань. Словом, во всем этом нет ничего прочного, основательного, что бы ручалось за Аполлонову будущность. Вы как мать имеете полное право гордиться этими улыбками счастья вашему сыну; мы как друзья его можем им радоваться; но он, с своей стороны, должен еще многое, очень многое сделать, чтобы проложить себе дорогу к какой-нибудь цели и обеспечить свою будущность. Валерьян, по моему мнению, не потерпел никаких неудач. Разве он предпринимал что-нибудь? Ничего. Он только собирался держать экзамен на магистра, но не держал его и даже не готовился, не рассудив учиться латинскому языку. Он вступил в службу, но не занимался ею, имея в виду выйти в отставку, чтобы ехать за границу⁵⁶. Какие же тут неудачи? Нельзя же, чтобы его сделали магистром, когда он не держит экзамена, чтобы его сделали столоначальником, когда он не занимается службой, чтобы ему давали перстни, когда он не пишет картин, чтобы его хвалили в журналах, когда он не сочиняет стихов, ни прозы. Удачу или неудачу человек может встретить только тогда, когда он что-нибудь делает. Аполлону удавалось, потому что он делал; а Валерьян до сих пор еще ничего не начинал, следственно, не мог встретить ни удач, ни неудач. Теперь он хлопочет о месте помощника библиотекаря; но если ему не удастся, то вы не должны приписывать этого несчастной звезде Валерьяна. По моему мнению, так и должно быть: место помощника библиотекаря в Румянцовском музее – вещь драгоценная, на которую, я думаю, пропасть охотников, имеющих право искать ее, и ежели Валерьян, который не имеет этого права ни по летам, ни по службе, ни по каким-нибудь заслугам в литературе и науках, – если Валерьян, паче чаянья, успеет получить такое славное место⁵⁷, так это будет счастье неслыханное, перед которым все успехи Аполлона – ничто. На требование ваше, чтобы я не оставлял Валерьяна своими дружескими советами, скажу, что советы мои ему теперь бесполезны, да и

нечего советовать: он избрал дорогу; остается идти. В прилагаемом письме к нему я делаю кой-какие замечания на то, что он ко мне пишет⁵⁸.

Кстати о письмах. Не могу выразить, как я благодарен Гончарову за два письма, которые он ко мне написал. Справедливо говорят, что человек иногда лучше узнается в разлуке. Эти письма показали мне, как Гончаров расположен быть полезным тем, кто его о чем-нибудь просит, и как искусно, как аккуратно умеет он удовлетворять просьбы⁵⁹. Жалкое сравнение для Дудышкина, который на два письма мои⁶⁰, наполненные также разными просьбами и вопросами, отвечал (не знаю кому) осмышковой почтовой бумаги, где речь идет об институте и Теплякове⁶¹. <...>

В Париже, по обыкновению, много новостей, но на этот раз я не пишу об них, потому что мое письмо и без того так длинно, что вы будете читать его целую неделю. – Прощайте!

Я начал это письмо 27 февраля, а оканчиваю 4 марта.

6 марта. Вот тебе раз! Солик опять захворал своей обыкновенной болезнью, которую в Петербурге называли воспалением в боку, а здесь *le point de côté*⁶². Ему опять ставят пиявок. Эти частые приступы одной и той же болезни начинают беспокоить меня. Не могу постигнуть причины.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 153 (1). Л. 15–19 об.

¹ См.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 61–62 об.

² Это письмо неизвестно.

³ Письмо Гончарова не сохранилось.

⁴ В «письмеце» Евгении Петровны от 29 января сообщалось, в частности, о ее планах поездки в Ревель (см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 63–64 об.) О Бильбасове см. примеч. 42 к письму 5 от 6 февраля 1844 г.; копия его письма неизвестна.

⁵ Письмо не сохранилось.

⁶ См. примеч. 43 к письму 5 от 6 февраля.

⁷ чувствительны (*фр.*).

⁸ «*Bohémiens de Paris*» – «Парижские цыгане» – пятиактная мелодрама Адольфа Деннри (Dennergy или D'Ennery; р. 1811) и Эжена Гранже (Grangé, р. 1810), написанная в подражание «Парижским тайнам» Э. Сю и пользовавшаяся колоссальным успехом. Премьера в театре «Амбигю-комик» состоялась 27 сентября 1843 г., о чем не замедлил сообщить в Петербург Н. И. Греч: «На театре *Ambigu-Comique* появилась новая романтическая пьеса: *Парижские цыганы*, в которой представлены в лицах все ужасы и

гнузости Парижских тайн: воровские притоны, ночлеги, драки, грабежи, убийства и тому подобное...» (Сев. пчела. 1843. №224. 7 окт.). Посмотрев пьесу, он уточнял: «Я отозвался об этой пьесе, основываясь на суждениях и толках журналов, но непрерывное ее повторение заставило меня размыслить, действительно ли она так гнусна и ужасна, какую ее представляют фельетоны, и я решился удостовериться в том на деле, взял билет в кресла (за сорок су, полтинник серебром), запасся печатною пьесою и с величайшим вниманием следил за содержанием, изложением и представлением мелодрамы. Скажу, что, по моему мнению, эта пьеса отнюдь не заслуживает презрительного взгляда, каким удостоили ее из первых лож рецензенты в желтых перчатках. Соглашаюсь, что в ней мало драматического достоинства, что интрига и развязка ее обыкновенны и избиты; но это верная, разительная картина парижского быта; это близкое изображение нравов парижской черни...» (Там же. 1843. №242. 28 окт.). За один сезон «Парижские цыгане» выдержали 162 представления (Там же. 1844. №65; 21 марта). Ср. также заметку о пьесе в «Отечественных записках» (1843. Т.31. Отд.VII. С.108–109).

⁹ ему не останется ничего другого, как только Вам рукоплескать (*фр.*).

¹⁰ См.: «Горе от ума», д. II, явл. 5.

¹¹ О П.Виардо-Гарсиа см. примеч. 17 к письму 5 от 6 февраля 1844. Рубини Джованни Баттиста (1794 или 1795–1854) – знаменитый итальянский тенор («король теноров»); в 1831–1845 неоднократно пел на оперных сценах Парижа и Лондона. Весной 1843 г., после концертов в Германии и Нидерландах, впервые выступал в Петербурге и, по словам театрального рецензента «Северной пчелы», «совершенно опрокинул все наши преждебывшие понятия о сценическом пении <...> Восторг публики был неописуем <...> Звуки этого голоса потрясают все фибры, исторгают слезы» (*Р[афаил] З[отов]*). Рубини и опера // Сев. пчела. 1843. №124, 125; 7, 8 июня). С октября 1843 по февраль 1844 выступал в составе сформированной им итальянской труппы в петербургском Большом театре (см.: *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч.1. С.106–107; Ч.II. С.104–105). Гастролировал в России также в сезон 1844–1845 и в 1847.

¹² О Дж.Гризи см. примеч. 35 к письму 5 от 6 февраля. Персиани Фанни (1812–1867) – солистка (колоратурное сопрано) «Театр Итальян» в Париже, также оперных театров Италии, Вены, Лондона (1837–1849); в России гастролировала в 1850–1852. Сальви (1812–?) – итальянский тенор, после большого успеха в России в 1844–1849 выступавший в Лондоне, Париже, Мадриде. Ронкони Джорджио (1810–1890) – итальянский певец (баритон), исполнитель главным образом драматических и трагедийных партий; в 1840-е пел на оперных сценах Парижа, Лондона, Вены; в России – в 1851–1855 и 1858–1859. Персиани, Сальви и Ронкони Солоницын и Майкова могли слышать в «Лючии ди Ламмермур» Г.Доницетти (о чем Солоницын упоминает в одном из писем, см.: ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.31об.).

¹³ Одно из «парижских писем» Греча завершалось следующим пассажем: «Готовясь запечатать это письмо и отправить на почту, получаю №268 Северной пчелы, в котором говорится о здешней Итальянской опере. Ты

совершенно прав, любезнейший Фаддей Венедиктович! Здешняя опера, лишившись Рубини и Тамбурини, не дождавшись Лаблаша, упала до крайности, то есть, сколько Италиянская опера в Париже упасть может. Сальви и Ронкони были бы очень хороши на второстепенном театре, но на местах нынешних *ваших*, т. е. *наших*, певцов кажутся слабыми и плохими. *Tel braille au second rang qui s'engoue au premier* [Второразрядный крикун охрип, заменив перворазрядного (*фр.*)]. Петербург может похвалиться, что в нем теперь находится лучшая опера на Земном Шаре» (Сев. пчела. 1843. №292; 29 дек.). В фельетоне Ф.В.Булгарина, на который с готовностью откликнулся Греч, неумеренные похвалы расточались не только петербургской Италиянской опере, но и петербургской публике: «Без всякого хвастовства и тщеславия мы смело можем сказать пред целою Европою <...> что едва ли где есть публика образованнее и с высшим изящным вкусом, как петербургская публика Французского и Италиянского театров!» (Сев. пчела. 1843. №268; 27 нояб.).

¹⁴ Здесь часть рукописи повреждена.

¹⁵ Постоянная италиянская опера существует в Париже с 1645; о ее истории см.: Начало италиянского театра в Париже // Репертуар русского и пантеон иностранных театров. 1843. Т.4. Отд. IX. С.167–169.

¹⁶ Попытка организовать постоянную Италиянскую оперу в Петербурге была предпринята впервые в 1829–1831, но из-за дороговизны спектаклей, игравшихся не только зимой, но и летом (на Каменноостровском театре), окончилась неудачей. Регулярные италиянские сезоны открылись в Петербурге только в 1843–1844 (см.: *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров. Ч.1. С.23, 26, 29–31; *Яхонтов А.Н.* Петербургская италиянская опера в 1840-х годах. С.735–748; *Михайлов Н.* Из прошлого италиянской оперы (Воспоминания театрала) // Колосья. 1885. №3. С.301–310; *Иванов М.М.* Первое десятилетие постоянного италиянского театра в Петербурге в XIX веке (1843–1853 гг.) // Ежегодник императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. Прил., кн. 2-я. СПб., 1895. С.55–95.

¹⁷ Оперный театр Сан Карло в Неаполе открыт в 1737, Ла Скала в Милане – в 1778.

¹⁸ Россини Джоакино Антонио (1792–1868) – италиянский композитор; с 1824 жил в Париже; руководитель «Театр Италиян», с 1826 – королевский композитор и генеральный инспектор пения в Париже; в 1836–1868 жил в Италии. Беллини Винченцо (1801–1835) – италиянский композитор-романтик; жил в Париже в 1834–1835. Доницетти Гаэтано (1797–1848) – италиянский композитор, представитель романтической оперной школы; жил в Париже с 1839. Галеви (Алеви) (Halévy) Фроманталь (наст. имя и фамилия – Элиас Леви; 1799–1862) – французский композитор, профессор (с 1827) Парижской консерватории, хормейстер «Театр Италиян». О Дж. Мейербере см. примеч. 9 к письму 2 от середины августа 1843. В 1827–1842 он также жил преимущественно в Париже, позднее – в Берлине.

¹⁹ Роман Эжена Сю (1804–1857) «Парижские тайны» печатался в 1842–1843 в фельетоне «*Journal des Débats*» (ежедневная парижская газета, основанная в 1789 и принадлежавшая к числу официозных); параллельно (се-

риями) выходило отдельное издание романа в 10 томах (Paris, 1842–1843). Рассуждая об очень его занимавшей коммерческой стороне публикации романов Сю, Греч приходил к следующему выводу: «Романы и повести наконец до того надоели публике, что книгопродавцы не решались их печатать особыми книгами, и сочинения сего рода нашли приют в обозрениях (revues) и в фельетонах журналов. Даже знаменитые *Парижские тайны* явились в публике таким образом. Впрочем, тут участвует и расчет. Никакой книгопродавец не заплатит за роман так щедро, как редакция журнала, причем автор имеет в виду напечатать свое творение и особо, если оно понравится публике» (Сев. пчела. 1843. №233; 18 окт.). «Парижские тайны» в переводе В.М.Строева печатались первоначально в «Репертуаре и Пантеоне» в 1843–1844, затем вышли отдельным изданием (СПб., 1844). О переводах и восприятии Э.Сю см.: *Покровская Е.Б.* Литературная судьба Е.Сю в России (1830–1857) // Язык и литература. Л., 1930. Т.V. С.227–238; *Фролова Р.И.* Э.Сю в русской литературе и критике // Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. Казань, 1982. С.32–43.

²⁰ без разбора, вкривь и вкось (*фр.*).

²¹ неосуществимыми (*фр.*).

²² К этому времени Э.Сю опубликовал «морские» (или «сатанинские») романы («Plik et Plok», «Atar-Gull» (оба – 1831), «Salamandre» (1832), «La Vigie de Koat-Ven» (1833), нравоописательные – «Arthur» (1838; 2 vol.), «Le Marquis de Létorière» (1839; 2 vol.), «Le Morne au Diable» (1842; 2 vol.); исторические – «Latréaumont» (1837; 2 vol.), «Jean Cavalier» (1840; 4 vol.); наконец, имевший исключительный успех роман-фельетон «Mathilde» (1840), печатавшийся частями, как газетный фельетон, в «La Presse» (отд. изд. – Paris, 1841; 6 vol.).

²³ К французской «новой школе», или «юной словесности» (как назвал ее О.И.Сенковский), в русской журнальной критике, помимо Э.Сю, как правило, относили В.Гюго, А.Дюма, О. де Бальзака, Ж.Жанена, А. де Вильи, Ж.Санд, Ф.Сюлье и некоторых других авторов.

²⁴ О Любови Ивановне Бороздне см. выше, с. 25; Лизавета Ивановна – ее сестра, также близкая приятельница Е.П.Майковой. Юния Дмитриевна Гусятникова (в замужестве Ефремова) – племянница Е.П.Майковой, жившая в ее семье. «Юнинька» надолго осталась близким другом и доверенным корреспондентом И.А.Гончарова.

²⁵ Театр «Порт-Сен-Мартен» (основан в 1781) был одним из наиболее посещаемых в 1820–1840-е демократических (непривилегированных) «театров бульваров» (находился на бульваре Тампль у Сен-Мартенских ворот). Репертуар его составляли главным образом романтические драмы В.Гюго, А.Дюма и менее известных авторов.

²⁶ В одной из своих осенних парижских корреспонденций Н.Греч сообщал, что драму на сюжет «Парижских тайн» пишет «сам Евгений Сю при помощи Дино, автора “Тридцати лет из жизни игрока”» (Сев. пчела. 1843. №259. 17 нояб.); в феврале 1844 делился свежей информацией о мелодраме:

«Она составлена самим автором романа, Евгением Сю, при помощи известного литератора Губо (Goubaux), который, под именем Дино, был сотрудником Виктора Дюканжа в сочинении драмы: *Тридцать лет, или Жизнь игрока*. Пьеса называется: роман в пяти актах и в одиннадцати картинах. Не помнят, чтоб какое-либо театральное произведение возбудило до такой степени нетерпеливое любопытство публики, как эти тайны. Их ставили на сцену в продолжение четырех месяцев. Ценсура во многом расстроила первоначальный план авторов и заставила их переделать несколько актов. Наконец возвестили представление на 13 февраля. Все ложи, кресла, нумерованные места в галереях были взяты заблаговременно. Густая толпа народная с самого утра осаждала Театр Сент-Мартенских Ворот, требуя мест в партере и амфитеатре. Не получившие билетов оставались на улице и в продолжение всего вечера глазели на наружные стены» (Там же. 1844. №48; 1 марта; см. также: Репертуар и Пантеон. 1844. Т.5. Кн.3. Театральная летопись. С.91–92). Соавтор Сю Проспер Губо (Goubaux; 1795–1859) писал фельетоны в «*Courrier français*» под псевдонимом Пьер Убри (Aubry) и «красивые» мелодрамы под псевдонимом Дино (Dinaux). До начала 1830-х псевдоним Дино, составленный из конечных слогов двух фамилий, объединял Жана Бедена (Beudin; 1796–1880), драматурга и одновременно известного финансиста, и Губо. Именно тогда две романтические драмы Дино имели громкий успех в театре «Порт-Сен-Мартен» – «*Trente ans, ou la Vie d'un joueur*» (1827), доработанная и подписанная В.Дюканжем (рус. пер. Р.М.Зотова – «Тридцать лет, или Жизнь игрока», 1828), и «*Richard Darlington*» (1831), доработанная и подписанная А.Дюма (рус. пер. В.А.Каратыгина – «Ричард Дарлингтон», 1833). Обе вошли в репертуар Александринского театра в Петербурге как произведения В.Дюканжа и А.Дюма; первая не сходила со сцены два десятилетия, вторая «большого фурора не произвела» (см.: *Вольф А.И. Хроника петербургских театров*. Ч.I. С.17–18, 24, 31 и др.; Ч.II).

²⁷ кресла партера (*фр.*).

²⁸ В 1835 во Франции была введена строгая театральная цензура – т.н. «сентябрьские законы», в силу которых карались штрафом противоправительственные и иные выпады. «Говорят, – вполне «благомысленно» интерпретировал Греч толки о цензурных затруднениях «Парижских тайн», – что полиция запретила Фредерику Леметру играть главную роль в этой пьесе. Боятся, что он, в лице разбойника, слишком сильно и вредно будет действовать на площадную публику» (Сев. пчела. 1843. №259. 17 нояб.). В следующей своей корреспонденции Греч поправлялся: Фредерик-Леметр должен был играть не разбойника, а «мошенника, нотариуса Жака Ферранда, и все сословие нотариусов пришло в ужас: говорят, они дают сорок тысяч франков, только бы не Леметр был их представителем» (Там же. №265. 24 нояб.).

²⁹ Имеется в виду Фредерик-Леметр (наст. имя и фамилия Антуан-Луи-Проспер Леметр, 1800–1876) – в 1820–1840-х известнейший актер «театров бульваров»: «Порт-Сен-Мартен», «Амбигю-комик», «Гетé», «Ренессанс» и др. Не имел определенного амплуа, исполнял как трагические, так и эксцентрические роли.

³⁰ Каратыгин Василий Андреевич (1805–1853) – знаменитый трагик Александринского театра в Петербурге.

³¹ Далее идет подробнейший рассказ Солоницына о маскараде.

³² Рашель (наст. имя и фамилия Элизабет Рашель Феликс, 1821–1858) – трагическая актриса «Комеди-Франсез» (с 1838), прославившаяся исполнением ролей в трагедиях П.Корнеля и Ж.Расина; играла в театрах Швейцарии, Германии, Италии, России (в 1853–1854 – в Петербурге и Москве).

³³ «Баязет» (1672) – трагедия Расина.

³⁴ «Театр Франсё», основанный в 1680, оставался субсидируемым «королевским» театром, оплотом классического репертуара (Расин, Корнель, Вольтер, Мольер) и официальной идеологии.

³⁵ Имеется в виду исполнитель преимущественно мелодраматических ролей Жорж Гюйон (1809–1850); дебютировал в 1833 в «Комеди-Франсез», позднее играл в «театрах бульваров».

³⁶ Речь идет об опере Дж.Мейербера «Гугеноты» (1835) (на либретто Э.Скриба и Э.Дешана), принесшей ему мировую славу. В силу цензурного запрета на показ заговоров, особенно религиозных, долго (до 1862) не попадала на русскую сцену; впервые исполнялась итальянской труппой в Петербурге (с участием А.Марио и Дж. Гризи) в 1849–1850, став «главным торжеством сезона» (см.: *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров. Ч.1. С.140; Ч.II. С.157; *Иванов М.М.* Первое десятилетие... С.83–85). Опера шла под названием «Гвельфы и Гибеллины» в урезанном виде: действие из Франции было перенесено в Италию, гвельфы (гугеноты) представляли интересы папы, гибеллины (католики) – интересы императора.

³⁷ Скриб Огюстен Эжен (1791–1861) – французский писатель и драматург, член Французской академии (с 1834), автор более 350 комедий и водевилей. В 1820–1830-е был постоянным либреттистом Ф.Обера, Дж. Мейербера, Ф.Галеви и др. Водевиль Скриба, охотно переводившиеся в 1830-е, имели успех на русской драматической сцене.

³⁸ «Севильский цирюльник» (1816), «Семирамида» (1823) – оперы Дж.Россини (первая – по комедии П.Бомарше). «Севильский цирюльник» (русский текст Р.Зотова) входил в постоянный репертуар русской оперы в 1822–1838; «Семирамида» (русский текст А.Шеллера) – в 1836–1842. Оба произведения Россини, кроме того, в середине 1830–начале 1840-х постоянно давались на сцене петербургской немецкой оперы, включались в гастрольные программы итальянской труппы.

³⁹ Дюпре Жильбер-Луи (1806–1896) – первый тенор «Гранд-Опера» (1837–1849); музыкант, композитор, преподаватель Парижской консерватории (1842–1850), автор книги об искусстве пения «L'art du chant» (Paris, 1846). См.: Дюпре // Репертуар и Пантеон. 1844. Т.6. Кн.4. С.119–136.

⁴⁰ в креслах (*фр.*).

⁴¹ Марио Джованни (наст. имя и фамилия – Джованни Маттео ди Капида, граф; 1810–1883) – итальянский тенор; с 1838 пел в «Гранд-Опера»,

затем в «Театр Итальян» в Париже; на сцене итальянской оперы в Петербурге выступал в 1849–1853 и 1870. Муж Дж.Гризи.

⁴² русские князья и первые французские теноры (*фр.*).

⁴³ «Отелло» (1816) – опера Дж.Россини по драме В.Шекспира.

⁴⁴ «Коррадо д'Альтамура» – опера малоизвестного итальянского композитора Фредерико Риччи; ее миланская, а затем и парижская премьера состоялась в 1844. Другие оперы Ф.Риччи успеха не имели, в отличие от произведений его брата Луи Риччи (1805–1859) (см.: *Кублицкий М.* История оперы в лучших ее представителях. М., 1874. С.41–42).

⁴⁵ Песня Дездемоны «Романс об иве» («Отелло», акт 4, сцена 3) – известная во времена Шекспира народная баллада.

⁴⁶ «Почему вы думаете, – писала Евгения Петровна 25 января, – что романсы, вами посылаемые Люб[ови] Ив[ановне], я назову дрянью? вы никак не допускаете, чтобы мой вкус немного был схож с вашим, разве вы забыли, что я люблю до страсти швейцарскую музыку, и люблю вообще всякую национальную музыку» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л 61).

⁴⁷ блаженные (*фр.*).

⁴⁸ «Вчера Константин Ап[оллонович], – писала Солонищину Евгения Петровна, – разбирал свои письма и читал нам ваши из Италии; как я порадовалась, что вы тогда были так веселы и так молодо и живо чувствовали себя, если это счастливое расположение посетит вас, поразделяйте его письменно со мною, прошу вас» (ИРЛИ. Р.І. Оп.17. №138. Л.62об.).

⁴⁹ Бурька – домашнее прозвище Леонида Майкова.

⁵⁰ Ап. Майков окончил юридический факультет Петербургского университета в 1841 (первым в списке кандидатов факультета – см.: *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет... Прил.V. С.LXXVIII).

⁵¹ Живописью Ап. Майков занимался под руководством отца, позднее вспоминал: «Во мне он видел своего преемника по этой части, и точно я делал быстрые успехи, писал масляными красками, и даже одна из моих картин (изображающая Распятие) была куплена в устроивавшуюся тогда Католическую Капеллу для бракосочетания Е.И.В. великой княгини Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским» (РНБ. Ф.453. Оп.1. №1. Л.3; ср. о том же в [Автобиографии] – ИРЛИ. №17304. Л.1). За «Распятие», приобретенное в качестве запрестольного образа для католической капеллы по распоряжению Николая I, видевшего образ в мастерской Майкова-отца, Майков-сын был пожалован бриллиантовым перстнем; см.: *Златковский М.Л.* Аполлон Николаевич Майков. С.20.

⁵² После высочайших оценок первых поэтических опытов Майкова, прозвучавших с университетских кафедр в 1838 из уст А.В.Никитенко, П.А.Плетнева и С.П.Шевырева, в печати его стихи (опубликованные в «Одесском альманахе» на 1840) впервые отметил Белинский в неподписанной статье «Римские элегии» (Отеч. записки. 1841. №8) и обзоре «Русская литература в 1841 году» (Отеч. записки. 1842. №1). Сборнику «Стихотворения Аполлона Майкова» (СПб., 1842) Белинский посвятил обстоятельную рецензию (Отеч.

записки. 1842. №3. Отд.V. С.1–16) и пассаж в обзоре «Русская литература в 1842 году», особо выделив стихотворения в «антологическом роде», поставив их автора в ряд «первых мастеров русской поэзии» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т.6. С.21). Ср. единодушное одобрение первого сборника Майкова в журнальной критике 1842 года – в «Библиотеке для чтения» (Т.50. Кн.2. Отд.VI. С.33–41; рец. О.И.Сенковского), «Сыне Отечества» (№2. Отд.VI. С.21–28; анонимно), «Современнике» (Т.26. С.49–51; рец. П.А.Плетнева).

⁵³ После представления С.С.Уваровым «Стихотворений» Майкова Николаю I поэт получил 1000 руб. и длительный отпуск для поездки в Италию (см.: ИРЛИ. №17304. Л.1; *Златковский М.Л.* Аполлон Николаевич Майков. С.20–21; *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н.Майкова. С.26–27; Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. Т.1. С.515).

⁵⁴ См. примеч. 2 к письму 6 от 18 февраля.

⁵⁵ По признанию Ап. Майкова, только «крайняя близорукость и слабость зрения» не позволили ему стать живописцем: «Миниатюры я не любил, а выбирал всегда сюжеты, требующие больших размеров, имея в виду всегда более общий эффект, нежели выделку частей. Близорукость часто доводила меня до отчаяния: живопись масляными красками требует, чтоб глаз находился на довольном расстоянии от картины, тогда только м[ожет] б[ыть] гармония красок и целого; по близорукости я не мог этого делать и потому должен был скоро совершенно оставить живопись» (РНБ. Ф.453. Оп.1. №1. Л.3; ср.: ИРЛИ. №17304. Л.1).

⁵⁶ Окончив университет в 1842, Вал. Майков определился на службу (по протекции А.П.Заблоцкого-Десятовского) в Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. В 1843 вышел в отставку «по слабости здоровья».

⁵⁷ См. примеч. 1 к письму 6 от 18 февраля. Место помощника библиотекаря при Румянцевском музее получил в сентябре 1844 Аполлон Майков и состоял в этой должности до октября 1852 (*Златковский М.Л.* Аполлон Николаевич Майков. С.30, 33; *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н.Майкова. С.37, 48–49).

⁵⁸ Письмо это от 5 марта 1844 сохранилось (см.: ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №154. Л.1–2об.).

⁵⁹ Письма Гончарова не сохранились. Солоницын в письме от 18 января просил Гончарова (служившего переводчиком по 2-му, Таможенному, отделению Департамента внешней торговли) узнать, может ли его отправленный весной из Парижа багаж оставаться на таможене не вскрытым до осени, т.е. до предполагаемого приезда в Петербург самого Солоницына, и какие «демарши» нужны для этого сделать (см.: ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №152. Л.5–5об.).

⁶⁰ Эти письма неизвестны.

⁶¹ Письмо Дудышкина неизвестно. О Екатерининском институте см. выше, с.21; об А.Г.Теплякове см. примеч. 36 к письму 5 от 6 февраля.

⁶² колика в боку (*фр.*).

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

*1844 года 10 марта,
[Санкт]-П[етербург].*

Последнее письмо ваше было от 6 марта, – грустно его заключение о болезни бедного Солика; надеюсь, что вы обрадуете нас скоро уведомлением, что он совершенно здоров. Не могу не заметить, что и мне очень не нравятся его частые воспаления в боку; отчего это происходит?! нет ли тут каких моральных причин? надо, чтобы он был с вами откровенен, не скрывает ли он чего, что его тревожит: молодость – огонь, надо быть с ним снисходительным; участие – лучшее лекарство для молодого человека, строгость или суровость не всегда бывает полезна. Я говорю это как мать, следовательно, имею некоторую опытность. Вообще, я хотела бы побеседовать с вами о вашем неутомимом преследовании слабостей человеческих; вы требуете от всех и каждого совершенства! Боже мой, разве это возможно, Владимир Андреич? Вы судите о людях по книгам, практическая жизнь, к которой вы почти не принадлежите, ускользает от вас совершенно; книга и человек – две вещи разные. Если человек, которого вы любите или уважаете, сделает малейшую ошибку, иногда по молодости, по неопытности, по лености, свойственной многим характерам, вы сейчас меняете об нем мнение, прерываете с ним всякое дружество и проч. Мне кажется, это до крайности несправедливо: побраните или посмейтесь над тем, кто делает глупости, или лучше всего – подайте ему дружеский совет не делать вперед дурачеств; но не преследуйте его как человека, потерявшего ваше доброе мнение, это слишком опрометчиво с вашей стороны и оскорбительно для тех, кто вас любит и уважает. Я заметила, что в Париже вы еще строже стали к недостаткам рода человеческого. Прекрасно, если бы все люди могли быть так совершенны, какими вы их хотите видеть, – но это мечта несбыточная, это поэзия, которую вы себе составили, находясь в том одиноком положении, в которое судьба вас поставила; вы мечтатель и Катон¹. Это рассуждение я вывожу по поводу многого прошедшего и по поводу нападок на Дудышкина. Я не оправдываю его, не исследовав этого мелочного дела, но только вижу, что вы крепко на него сердитесь и преувеличиваете его вину. Вы хвалите Гончарова: но Гончаров всегда был таков, каким вы теперь его видите, Гончарову с лишком тридцать лет, он менее, может быть, рассеян других молодых людей, нас окружающих. Не говорю об Аполлоне, Валерьяне и Солике; все они имеют много недостатков – постараемся их исправить по воз-

можности и порадуемся, что у них есть много хороших качеств, превышающих их недостатки.

Но я виновата, что не поспешила в начале письма сказать вам, что 8 марта возвратился Аполлон, мы уже очень беспокоились, не имея об нем никаких вестей, но увидев его здоровым и веселым, забыли прошедшие тревоги. Он будет сам писать вам о себе, Валерьян также. <...>

Кстати о моем здоровье: я чувствую себя лучше, принимая аккуратно утром и вечером порошки из животного угля и серы. Головная боль реже меня посещает, и нервы менее раздражаются. Время я провожу в семейных и хозяйственных хлопотах. <...> Квартира наша имеет удобства, кроме того, что нет настоящей передней и что моя комната совершенно проходная, но этому злу нельзя помочь, и я не ропщу, стараясь не обращать внимания на проходящих. Сказать ли вам новость: я замечаю некоторые перемены в моем характере, у меня много прибавилось равнодушия к обстоятельствам, окружающим меня; мысль, что моя жизнь преисполнена великими преимуществами в сравнении многих и многих, эта мысль смущает меня, или лучше сказать, мучит со всеми мелочными неприятностями и неудобствами моей жизни; я жажду только здоровья и справедливости со стороны тех, кого я люблю и кто меня любит. <...>

Ваши суждения об италийской опере мне кажутся очень основательными; не разумея настоящим образом ничего, я всегда предпочитаю Россини всем юным компонистам, его музыка есть фундамент всему; я люблю также немецкую музыку, разумея под оной Вебера². Мне удалось раз быть в Ит[алианской] опере, давали Цирюльника; Рубини и Garcia были восхитительны; еще раз я слышала Garcia-ю в ее прощальном концерте; она превосходно исполняла финал из оперы Ламмермур³, она пела также Соловья⁴, но это было более блистательно, а русского чувства я тут не заметила. Зонтаг поняла его и в тысячу раз лучше спела эту арию⁵, помните, как мы вместе ее слышали. Концертами мы очень бедны нынешний пост. Как кстати пишете вы мне о *Mystères de Paris*, я теперь читаю эту книгу. Здесь, кажется, за правило поставили себе прочесть это произведение, даже матери дают 15-летним сыновьям своим читать этот роман, видя в этом какую-то пользу⁶. Я не могу судить об этой вещи, остановясь на второй части; когда прочту все, непременно сообщу мои впечатления. *Независть*, которую вы приписываете мне к французам, решительно не существует в моей голове; если я что не люблю, то это подражание французским пустякам. У них, конечно, много хорошего как у народа так давно образованного, но характер, который они на себя принимают, неосновательность, мелочность, непомерное самолюбие и себялюбие – все это такие черты,

которые не могут нравиться. <...> Напротив, самый Париж я люблю теперь более, нежели когда-нибудь; именно потому, что вы чувствуете себя там здоровее, покойнее и, может быть, веселее. Если бы вы имели побольше денег, я посоветовала бы вам долее оставаться за границею; о! я не эгоист и хорошо вас знаю, вы будете скучать здесь, потому что ничто не ново для вас и ничто не удовлетворяет вашего ненасытного любопытства по части умственной. Гуляйте, батинька, катайтесь по Европе и возвращайтесь к нам тогда, когда все надоеет вам, когда устанет разум и сердце захочет отдохнуть возле старых друзей! Я говорю то, что чувствую и думаю, верьте моей совести. Прощайте, любезнейший Владимир Андреич, у вас уже скоро праздник Пасхи, ходите в русскую церковь, чтобы услышать там русское «Христос воскресе!» О ревельской поездке еще ничего не знаю решительно, но думаю, что поеду, если будут средства, дач около Петербурга не люблю, а лето проводить в Галерной ужасно. Леля мой здоров, весел и кроток. Отчего вы мне не сообщите, что вы написали и пишете? а я думала, что вы мне возвратите с Аполлоном те письма, которые взяли у меня, возвратите с прибавкою ваших дорожных записок! все это я воображала и ошиблась! Кстати, имели ли вы ответ от Коршей из Москвы? Анна очень благодарна вам за платок. Прощайте!

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 69–70 об., 90–92 об.

¹ Катон – т.е. строгий судья; по имени известного своей бескомпромиссностью римского политика, цензора Марка Порция Катона Старшего (234–149).

² Вебер Карл Мария фон (1786–1826) – основоположник немецкой романтической оперы: «Вольный стрелок» (1817–1820); «Эврианта» (1823), «Оберон» (1826).

³ В репертуар Итальянской труппы в 1843–1844 входило 11 опер, в том числе «Севильский цирюльник» (1816) Дж. Россини и «Лючия ди Ламмермур» (1835) Г. Доницетти (см.: *Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. II. С. 105; Иванов М. М. Первое десятилетие... С. 67*).

⁴ «Соловей» (1827) – популярный романс А. А. Алябьева на стихи «Русской песни» («Соловей мой, соловей...»; 1825–1826) А. А. Дельвига. Виардо исполняла его в одной из сцен «Севильского цирюльника». «В *Varbier'e*, во время урока музыки, Виардо стала петь *Соловья* Алябьева, произнося слова, как природная русская. Можно себе представить фурор, произведенный ею этим национальным сюрпризом» (*Яхонтов А. Н. Петербургская итальянская опера. С. 742*). «В гостиных только и было разговору о “Соловье”, спетом Виардо с чисто русским акцентом» (*Вольф А. И. Хроника петербургских*

театров. Ч.1. С.107). Арии из опер и романсы прозвучали на нескольких прощальных концертах певицы в феврале 1844 (в Александринском театре, в доме Энгельгардт, в Петербургском университете и др.); который из них посетила Е.П.Майкова, определить затруднительно.

⁵ Зонтаг Генриетта (наст. имя и фамилия – Гертруда Вальпургис Зонтаг, 1806–1854) – немецкая певица (колоратурное сопрано), солистка оперы в Вене, Лондоне, Париже, Берлине. С 1830 до 1848, покинув оперную сцену, выступала в европейских столицах только в концертах, в т.ч. и в Петербурге, где в 1837–1848 жила с мужем (графом Росси, посланником Сардинии). Первой из иностранных певиц исполняла «Соловья» (известны восторженные отзывы В.А.Жуковского, П.А.Вяземского, А.Н.Серова, В.В.Стасова и др.); см.: *Штейнпресс Б.* Биография «Соловья». М., 1968. С.22–25; *он же.* Страницы из жизни А.А.Алябьева. М., 1956. С.234–236. О Зонтаг см. также: «Дива» / Публ. Н.Снытко // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6. С.23–40.

⁶ Вопрос, читать или не читать молодым людям «Парижские тайны», всерьез занимал петербургское общество; ср. точку зрения Ф.В.Булгарина (Письма Ф.В.Булгарина к Р.М.Зотову / Публ. А.И.Рейтבלата // Лица: Биограф. альманах. 6. М.; СПб., 1995. С.408–409). «Северная пчела» выступала пропагандисткой нравственной идеи «Парижских тайн», противопоставляя роман Сю «безнравственным», «безмысленным и бесчувственным» «Мертвым душам» Гоголя (см., например: №129, 183, 274, 279 за 12 июня, 18 авг., 4 и 11 дек. 1843). Ср. также мнение о романе П.А.Плетнева: «Это удивительный талант и в то же время погибельный для юношества. Самые развратные лица очаровывают вас качествами, будто скрывающимися в их душах. Не говорю о вреде искусству, которое превращено в кунштюки. О, эти люди растлят человечество!» (Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. Т.2. С.81).

9

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

*С[анкт]-Пет[ербург],
8 апреля 1844.*

Вы так редко нам пишете, так редко отвечаете на мои письма, что мне невольно думается: уж не надоела ли я моим ничтожным, неинтересным лепетаньем!.. Ваше последнее письмо было от 27 февраля (по новому стилю), потом вы замолчали и упорно молчите. Здоровы ли вы, здоров ли Володя? мы не знаем, а желательно было бы знать, тем более что заключение вашего последнего письма было проявление болезни Солика! Не могу думать, что вы ленитесь написать несколько строк, нет! это на вас не похоже – что же за причина? может быть, вы нездоровы, может быть, и это *может быть* меня беспокоит. Что касается до нас, то все идет по-прежнему; праздники

прошли, как все проходит, только наши Светлые праздники отличались самой сырой и холодной погодою, что навевало самые неприятные мысли. На меня сильное впечатление имеет погода: светит ясно солнце – тепло делается душе, мысли проясняются, все неприятное гонишь от себя прочь; одним словом, воскресаешь после зимнего оцепененья и делаешься другим человеком. Я еще нахожусь в ожидании этого перерождения – до сих пор солнце очень скупо светит в Петербурге, двойные рамы не расклеиваются, печки топят... скудно, очень скудно. –

У вас, конечно, весна уже в полном блеске, но вы не хотите поделиться даже на бумаге вашими ощущениями. Я продолжаю помышлять о поездке в Ревель, но так как на пароходе не решусь ехать, то не знаю, как устроить поезд, придется нанимать карету, а это будет стоить дорого. Говорят, что морское купанье сделает большую пользу моему здоровью. <...>

Что еще скажу вам? наша жизнь бежит себе понемногу вперед, существуют воскресенья, на которые собираются по-прежнему; иногда приезжает княгиня¹ с детьми. Надобно вам сказать, что мы очень сошлись с ее домом, даже Н[иколай] А[поллонович] ездит туда на целый вечер... На днях Аполлон читал там свою поэму²; и этим много потешили Шаховских. Кстати, скажите, что вы думаете об этом произведении Аполлона? Это вещь хорошая, сильная, – но ему надо потрудиться над нею, сообразить, очистить, не правда ли? О Чехе молчу, это удивительная пиеса; в Праге перевели ее и положили на музыку³. Аполлон и Валерьян все при тех же обстоятельствах в отношении службы: первый ходит в прежний свой департамент⁴, а Валерьян покуда служит неопредельно в почтовом департаменте.

Помнится, я писала вам, что читаю *Mystères de Paris* и теперь еще не окончила этого романа, передо мною II том. Я с большим вниманием прочитываю это произведение, глубоко уважая цель автора; если его идеи несбыточны, не менее того они направляют сердце к состраданию ближним. Я нахожу, что это в высшей степени филантропическое создание, оно заставляет счастливого подумать о участи несчастных, а несчастного утешит мыслию, что рано или поздно рука сострадания и правосудия найдет его и уменьшит меру злополучия. Вы нападаете на автора за эффект его сцен? мне кажется, эффект необходим, когда хотим заставить читать свою книгу всех и каждого: если бы написали эту книгу и не вместили в нее романических приключений, много ли бы нашлось тогда читателей? теперь же читают все классы; цель автора – достигнута.

Да! с незапамятных времен кричат: исправляйте зло, а никто не сказал: старайтесь предупредить, чтобы не проявлялась сила зла, предупредить, кажется, легче, чем исправить; но никто об этом не

заботится. Горькая истина! однако все, все на этом основано. Как много можно об этом говорить, и как близка эта струна нашему человеческому сердцу. Еще одно слово: много есть на свете подобных адвокату Ferrund, но увы! где найдем Родольфа...⁵ Светильник Диогена, конечно, останется непотушенным, хотя бы пришлось пройти с ним пол-Вселенной.

Что сказать о нашей родной литературе? Она стоит, кажется, на точке замерзания; появляются книжонки неизвестных авторов, появляются⁶

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 74–75 об.

¹ Имеется в виду Варвара Федоровна Шаховская, жена правителя Канцелярии Департамента военных поселений князя Николая Михайловича Шаховского (1796–1849). Добрые отношения с нею Евгения Петровна сохранила и в 1850-х, обе в это время были дружны с семьей А.И.Штакеншнейдера (см.: *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки: 1854–1886. М.; Л., 1934. Ук.).

² Очевидно, поэму «Две судьбы»; о ней см. выше, с. 47–48.

³ Д.Д.Языков в своем биографическом очерке цитирует начало этого стихотворения Майкова, «переведенного Ганкою на чешский язык и кем-то затем положенного на музыку», однако сведений о его полном названии и о публикации не приводит (см.: *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н.Майкова. С.36). С поэтом и исследователем славянских древностей В.Ганкой (1791–1861), в ту пору библиотекарем Народного музея в Праге, Ап. Майков встречался в 1844. Возможно, речь идет о стихотворении «Чех и сокол» (РГБ. Ф.32. Карт.15. №17; автограф с припиской В.Ганки). Сообщено Л.С.Гейро.

⁴ Вернувшись в Россию, Ап. Майков продолжал службу в Департаменте государственного казначейства до сентября 1844, когда был переведен в Румянцевский музей помощником библиотекаря (см.: *Златковский М.Л.* Аполлон Николаевич Майков. С.30; *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н.Майкова. С.37).

⁵ Речь идет о главных героях «Парижских тайн».

⁶ Конец письма утрачен.

10

В.А.Солоницын – Е.П.Майковой

Париж, 27 марта/8 апреля 1844, понедельник на Святой.

После отправления последнего моего письма к Вам я получил из Петербурга еще два пакета: в одном было письмо Евгении Пет-

ровны от 18 февраля, с приложением письма Павла Федоровича¹; в другом письмо Николая Аполлоновича от 22 февраля с приложением записочки Гончарова². Евгения Петровна в письме Николая Аполлоновича приписывает, что она не знает, доходят ли до меня все ее письма, я тоже не знаю; но в моих ответах всегда аккуратно означено, что я получил: итак, от нее самой зависит поверить, все ли ко мне доходит.

Теперь стану отвечать по порядку на вышереченные два пакета.

Замечание мое о бесполезности Валерианова путешествия Вы, Евгения Петровна, приписали моей хандре!.. Это напомнило мне один анекдот о Суворове и графе Дмитрие Ивановиче Хвостове. Когда Суворов лежал уже на смертном одре, граф Дмитрий Иванович, доводившийся как-то ему племянником и служивший в его канцелярии³, был при нем в числе прочих лиц разного рода. В один вечер, после долгого усыпления, Суворов говорит, чтобы все вышли, и, оставив при себе одного графа Хвостова, начинает убеждать его, чтобы тот не писал стихов. Можете вообразить, какое впечатление произвела на всех присутствующих эта таинственная конференция. «Что такое? что такое?» – спрашивал каждый наперерыв, когда Хвостов вышел из спальни. «Ничего, – отвечал Дмитрий Иванович, нахмурившись, – бредит!»

Впрочем, сознаюсь, что поступок мой был очень неосторожен, и хорошо, что Вы сами дали делу такой счастливый оборот. Позвольте сделать одно замечание. Вы говорите, будто я также находил основательным, что Валерьян решил ехать домой. Это несправедливо. Напротив, я долго, очень долго спорил против этого решения; но что же мне было делать, когда отец, мать и сам Валерьян, все в один голос, утверждали, что ему нечего делать в Париже. Разумеется, надо было наконец замолчать! Но это ничуть не изменяет вопроса, с пользою или без пользы Валерьян сделал свое путешествие. Вы сами, в защиту его, говорите, что, катаясь несколько месяцев за границей, не было возможности приобрести новых сведений. Я с своей стороны думаю, что вы находитесь совсем не в таком положении, чтобы дети ваши могли кататься за границую по-пустому.

Засим речь о путешествии Валерьяна навсегда кончена. Очень жалею, что я имел неблагоприятие начать ее: не мое дело. Стану говорить о себе.

Напрасно Вы думаете, будто я нахожусь в каком-то мрачном расположении духа, и сожалеете о том, что я скучно живу за границей. Если б Вы знали, как Вы ошибаетесь! Правда, бывают у меня минуты очень печальные, но это только тогда, когда я вспоминаю, что придет время, в которое я должен буду расстаться с моей нынешней жизнью. Еще в последнем письме своем к Вам я говорил, что

мне нигде не было так хорошо, как здесь. Теперь прибавлю, что даже во всей моей жизни нет таких счастливых периодов, какой я теперь прохожу. И это очень естественно. Я уж не мальчик; меня не могут счастливить ни пустые забавы, ни светские удовольствия, ни наслаждения любви, и тому подобное. Условия моего счастья нынче – спокойствие и независимость: а их-то я здесь и имею! Здесь я не несу на себе никаких обязанностей, никакой ответственности, не знаю никаких забот; здесь я совершенно свободен, располагаю своим временем как хочу, употребляю его на занятия, сообразные с моим вкусом. А то ли ожидает меня в России!.. Одна беда, я разлучен с теми, кого люблю. Это, конечно, большое лишение. Но что ж делать! на земле нет нашего счастья, а разлука моя с ними не вечная.

Между тем судьба послала мне, в утешение, добрых людей, которые меня любят или, по крайней мере, поступают со мной так, как бы они меня любили, потому что делают мне всякое удовольствие, стараются быть мне полезными. Конечно, эти люди – все-таки не друзья мои. Но... друзья! Вы, Евгения Петровна, пишете, что *от друзей можно ожидать несравненно более, чем внимание и услужливость, которые хороши только в новых знакомцах*. Да, это правда. Но знаете ли что? Жизнь человеческая по большей части проходит так, что человек живет вне круга великих несчастий; не умирает ни с голоду, не терпит ни от стужи, ни от непогоды. Тогда *друзьям* нечего делать. Имея *высокую* идею о дружбе, они презирают мелочными услугами и доставлением своему другу каких-нибудь маленьких удовольствий; а для важного-то им никогда не представляется случая, и таким образом вся их дружба заключается вместо дела в одних словах. Это печально, но справедливо. Я сам, грешный, не люблю беспокоить себя для моих друзей, когда дело идет о каких-нибудь пустяках. Между тем лучше бы было поступать иным образом: размена маленьких услуг и маленьких одолжений составляет самое отрадное украшение нашего существования на этом маленьком свете.

Но Вы опять скажете, будто я страдаю хандрой. Полно!

Вы очень справедливо заметили, что отсутствие Соликовых петербургских друзей помогает ему успевать во французском языке. Я с своей стороны заметил, что эти господа и во всем вообще успевают более, становятся деятельнее, рассудительнее, умнее, как скоро они не вместе. И этим особенно отличается Аполлон. Он написал к нам письмо из Праги⁴, которое доставило мне большое удовольствие: видно, что он не терял времени. Я очень бы желал, чтобы Солик в этом отношении походил на него; но по несчастию у Солика нет ни малейшей твердости нрава, а лени – куча. Вы, Евгения Петровна, вступаетесь за его доброту. В последнем письме к Вам я сам написал панегирик Соликову доброму сердцу; но что толку в этом, впрочем

похвальном, качестве? Оно послужило ему только во вред, наполнив голову его некоторыми заблуждениями и поставив бедного малого в фальшивое положение между друзьями. Я, как человек, который взял на свою ответственность его будущую судьбу, не могу видеть этого равнодушно, и вот одна из ста семидесяти семи причин, по которой, если бы у меня были средства, я продержал бы Солика еще года два или три за границей. Может статься, ему было бы скучно: да здорово для будущего.

Однако ж я опять сбился на дружески-деловой тон, который Вы называете хандрою. Забудем все это и станем беседовать о каких-нибудь пустяках.

Поздравляю Вас с праздником. Я очень рад, что провожу нынешнюю Святую не в России. У вас, верно, еще очень холодно; ваше Светлое Воскресенье в снегу; здесь, напротив, совершенное лето, деревья уже одеваются зеленью, солнце печет. Как хороши становятся Тюильрийский сад и Елисейские поля! Как красивы тополи и плакучие ивы, растущие между набережными и водой Сены! Правду сказать, мы иногда думаем и проповедуем очень странные вещи о красоте городов, когда не выезжали из Петербурга. Я, на свою долю, наговорил множество глупостей. <...>

На вопрос Ваш, как я располагаю своим дальнейшим путешествием и когда думаю воротиться в Россию, могу отвечать только то, что до сих пор я еще не переменял ничего в моем плане, который Вы знаете. Впрочем, может статься, переменю. Денег выходит пропасть. Стараюсь всячески экономничать, отказываю себе почти во всем: а пятисот франков в месяц как не бывало. Между тем я никак не хочу, чтобы расходы на мое путешествие вышли за пределы той суммы, которую я определил на него. Поэтому, может статься, и откажусь от вторичной поездки в Мюнхен или от какого-нибудь другого удовольствия. Но, во всяком случае, в сентябре или октябре я – в Петербурге. Чувствую, что это пора самая неудобная, тем более что мне надо будет всю зиму болтаться без службы, в ожидании поездки весною в деревню; но делать нечего: обстоятельства расположились так, что решительно нельзя иначе поступить.

Аполлон, вероятно, давно воротился. Вы получили от него мою записочку и отвечали. Я сегодня схожу на почту спросить, не пришел ли этот ответ, и до тех пор не отправлю своего письма, покуда не получу его, потому что он должен быть скоро.

Признаюсь, впрочем, что прожект, изложенный в моей записке⁵, довольно глуп. Я после обдумал и нахожу, что надо бросить эту затею как невозможную. <...>

Последние дни поста и Светлое Воскресенье здесь незаметны. Может быть, их чувствуют в семействах, особенно где много детей;

но для иностранца всё как будто по-прежнему. Театры не закрыты; концерты всякой день. Единственная разница этих дней с прочими заключалась в том, что, несмотря на наружную ненабожность французов, ни в одну церковь нельзя было продраться от ужасного стечения народа. Я однако же попал вчера (Светлое Воскресенье) в Notre Dame, только уж поздно, когда первая, торжественная, обедня кончилась и начиналась другая, без пения и органа. И здесь, как у нас, продают красные яйца, но их начали продавать еще Великим постом. Здесь нет обычая христосоваться и меняться яйцами.

Главное мое занятие (за исключением писанья) состоит в чтении истории Парижа, который я начинаю понемножку осматривать с большим вниманием. Предмет этого стоит.

Наконец был я в Палате депутатов. Заседание случилось неважное, но я об этом не сожалею: мне хотелось видеть только порядок прений и некоторые физиономии. Был в Люксембургском дворце, видел Палату пэров и картинную галерею⁶. В галерее мало хорошего, однако ж есть кое-что. Впрочем, как по части большинства здесь на стороне гадкого⁷, то я назову Вам прежде всего две самые гадкие вещи: первая из них – «Рожер, освобождающий Ангелику» Энгра⁸, вторая – «Дитя Петр Великий, останавливающий одним своим взглядом стрельца, который хотел его умертвить» Штейбена⁹. Рожер так мерзок, что невольно поражает вас, и вы невольно спрашиваете, как можно было повесить эту картину в музее. Принадлежи она не только великому monsieur Ingres, но хоть Микель-Анджело, Рафаэлю, Корреджио, ее и тогда надо бы было выкинуть в помойную яму, чтобы не срамить этой цирюльной вывеской имени мастера. Вообще я заметил, что картины французских живописцев несравненно лучше в снятых с них гравюрах, нежели в подлинниках. Это понятно: гравировать, и отчасти рисовать, французы – мастера, а писать – нет. Картины Люксембургской галереи, которые мне понравились, – известная «Юдифь и Олоферн», Вернета (но эстамп все-таки лучше), «Рафаэль в Ватикане», его же¹⁰; «Морской вид при луне», Таннёра¹¹; «Зимний ландшафт», Виккенберга¹²; и некоторые другие, менее примечательные. Есть и статуи: хорош бронзовый «Рыбак, пляшущий тарантеллу», Duret¹³, и другой, мраморный «Рыбак, играющий с черепахою», Rude¹⁴. Оба далеко лучше тех мальчиков, которых делают Пименов и Ставассер¹⁵. Теперь здесь выставка: 1808 картин, 348 миниатюр и акварелей, 110 гравюр и литографий, 24 архитектурные рисунка и 133 скульптурные вещи, всего 2423 нумера, произведение 1334 разных французских и иностранных художников¹⁶. Ужас! у нас в Петербурге никогда не бывало такого множества! Но надо заметить, что в этом множестве нет ничего истинно прекрасного. Из известных французских живописцев вы-

ставили свои работы только Vernet, Isabey, Gudin, Tony Johannot, Gigoux, Devéria и Couder¹⁷: прочие не удостоили ничего дать. Лучшие вещи – портреты, а между портретами самые лучшие – Винтергалтеровы¹⁸, хотя французы и предпочитают ему какого-то своего соотечественника. По другим родам живописи решительная пустота. Пожалуй, русскому глазу нравится маленькая картинка Вернета, представляющая русскую ямщицкую тройку, которая скачет по снежному полю¹⁹; но это безделица, хотя очень милая, только все-таки безделица. Гайвазовский выставил три картины, которые, даром что они лучше Геденовых, не производят большого эффекта; одна из них (та, на которой представлена черкесская лодка) мне просто не нравится. Не знаю, помните ли вы эту картину, начатую еще при вас: она тогда была лучше, теперь дурна²⁰. Кур почел долгом показать здешней публике портрет жены актера Вернета, бывший на последней петербургской выставке²¹: в то время он мне казался – портрет хоть куда, но теперь, как я посмотрел на хорошие картины в Италии, мнение мое об этой крахмаленой живописи переменилось. – На днях здесь откроется другая, более интересная выставка – выставка изделий французской промышленности. Что, если бы Вы, Евгения Петровна, были в Париже в эту минуту!

Несколько недель назад все здешние журналы были наполнены толками о предполагаемых нынешним летом путешествиях коронованных глав по Европе. На обеде Русской компании в Лондоне Роберт Пиль²², говоря о пребывании там великого князя Михайла Павловича²³, прибавил, что, может быть, Англия увидит у себя другого, еще более знаменитого, гостя, императора всероссийского. Мне показалось странным, с чего английский министр вздумал отпустить такое пророчество. На другой день все журналисты заметили то же. Начались догадки, предположения и наконец было наверное решено, что государь точно поедет в Англию, что, может быть, он встретится там с Людовиком-Филиппом²⁴; что принц Альберт (муж Виктории)²⁵ отправляется в Берлин нарочно затем, чтоб устроить это свидание. Принц Альберт действительно куда-то поехал, но мне не верится, чтоб свидание, о котором писали, могло когда-нибудь сбыться. Не слышно ли чего у вас? куда едет государь нынешним летом²⁶?

После этих политических толков главный предмет заботы здешних журналов заключается теперь в одном новом танце, называемом *полькою*, *la polka*. От этого танца весь Париж с ума сошел: все хотят танцевать польку, все учатся польке; но между тем никто не знает наверное, что это за танец, откуда он взялся и как танцуется. Одни утверждают даже, что это танец богемский, другие называют его молдавским, третьи валахским, четвертые сербским, пятые

болгарским, шестые венгерским; никто не говорит того, что, судя по имени, он должен быть польский²⁷. Главный преподаватель и, кажется, изобретатель этого танца в Париже есть танцмейстер Cellarius, и если кто хочет сказать, что там-то будут танцевать настоящую польку, то говорят: «On dansera la vraie polka de M. Cellarius»²⁸. Но другой какой-то скоморох объявил, что он преподает польку так, как изволят танцевать ее австрийские эрцгерцогини. Спор не решен; никто ничего не знает. Известно только, что это танец не очень благопристойный, вроде сапан, потому что в нем дамы должны сгибать одну ногу в колене и поднимать пятку так высоко, что при этом движении видна подвязка другой ноги. Журналы смеются: в одном напечатано, будто на адресе какого-то парикмахера, после имени и места жительства, прибавлено – «danse la polka»²⁹.

Кстати о журнальных charges³⁰. Мелодрама *Les Mystères de Paris* продолжает делать фурор, и в одном журнале сказано, будто хвост у театра *Porte Saint Martin* бывает так длинен, что желающий получить место в субботу должен стать в хвост в понедельник и что по направлению этого чудовищного хвоста уже устраиваются кофейни, рестораны и постоянные двory, с обедом и постелями для ожидающих зрителей. Русские, пребывающие в Париже, по-прежнему продолжают делать разные глупости. Странная вещь! нет на свете правительства более разумное русского, нет на свете политики дальновиднее русской, а между русскими людьми, parmi les individus russes³¹, выдаются такие олухи, что нет мочи! Вы знаете, что книга Кюстина вызвала против себя несколько возражений³². Я читал все – и всё это вздор. Лучшая рецензия принадлежит французу *Chaudes-Aigues*, который напечатал ее в *Revue de Paris*³³. *Chaudes-Aigues* не защищает России; но он чрезвычайно искусно сводит все противоречия автора, доказывает, что Кюстин писал о многом, не зная предмета, выводит на свежую воду его невежество и таким образом решительно уничтожает доверенность к его книге³⁴. После этого русским, если они не сумели сделать ничего лучше, оставалось бы только молчать да хвалить Бога, что их заслонил чужой ум, – тем более что французы давно забыли о книге Кюстина и никто уже более не говорит о ней. Но нет! Русские, как только сойдутся между собою или с французами, тотчас заводят речь о книге Кюстина, и в книжных лавках продолжают от времени до времени являться новые запретительные брошюры, наполненные новыми глупостями³⁵. То есть мы сами расшевеливаем опять те вопросы, на которые нам следовало и можно было отвечать и на которые мы, однако ж, не отвечали по своей бесталантности. Последняя из этих брошюр принадлежит Гречу³⁶. Он написал после всех³⁷ и поэтому, кажется, мог бы написать лучше всех, вместо того, его сочинение – такая нелепица, что краснеешь за русский ум, когда читаешь. *Saint-Marc Gerar-*

din напечатал в Débats возражение на эту книжку, где говорит, что Греч напрасно обвиняет Кюстина в злословии, и выписывает из Кюстинова сочинения все хвалебные мысли³⁸. Вот это тонко!

Еще одна русско-парижская глупость: какая-то живущая здесь наша графиня давала на масленице обед... для собак! Вы не верите? Это суцкая правда. Были разосланы печатные приглашения; был точно собачий обед. Собаки знакомых графини были приглашены к ее собакам и обедали вместе с ними³⁹. Ай да русские!.. Нет, нас точно не надобно пускать за границу: дома мы все-таки как-то умнее – по крайней мере, осторожнее.

10 апреля.

Получил ваши письма и очень счастлив! Поздравляю вас всех, и от всего сердца, а особенно Николая Аполлоновича, с благополучным окончанием дела со Всеволожскими⁴⁰. Это именно как гора с плеч! Я крепко боялся, что Николаю Аполлоновичу придется платить Наталье Александровне⁴¹ из своего кармана. Но, слава Богу, теперь это кончено, и он, я думаю, веселее принимается за свои работы.

Напротив, другое известие – известие, найденное мною в письме Валерьяна⁴², – очень огорчило меня. Он не хочет держать экзамена, хочет идти в чиновники: жаль! Не его дело. Боюсь, что будет после раскаиваться. Я предчувствовал эту перемену, когда советовал Валерьяну не уезжать из Парижа, и потом говорил ему: «По крайней мере ты на этот раз уж твердо решился держать экзамен и будешь держать его непременно»; на что он отвечал самым утвердительным *да*. Теперь все это полетело на ветер! А Вы, Евгения Петровна, опять, верно, скажете, что Валерьян очень несчастлив, что ему ни в чем нет удачи!.. Но я дал себе слово не писать об этих вещах: итак, замолчу. <...>

Радуюсь душевно, что здоровье Ваше поправляется и что Вы замечаете некоторые счастливые перемены в своем характере или образе мыслей. Дай Бог. Эти два обстоятельства нераздельны между собою: перестанете огорчаться вздорами, будете здоровы; а там недалеко и до счастья, как я понимаю его в сорок лет.

Радуюсь также, что Вы читаете *Les Mystères de Paris*. Думаю, что замечания мои Вам пригодятся. Но пожалуйста, читайте безостановочно: иначе запутаетесь, собьетесь и потеряете много удовольствия. Десятого тома, заключающего в себе эпилог, можете не читать: глупость, которая портит всю книгу. Вероятно, Eugene Sue и сам это почувствовал, потому что не включил ничего из десятого тома в свою мелодраму. Что касается до того, что петербургские

маменьки дают читать *Les Mystères de Paris* своим пятнадцатилетним детям, то в этом я вижу новое доказательство той грустной истины, что русские все еще не начали думать своей головой, что они до сих пор пляшут по чужой дудке и как младенцы повинуются мнениям, доходящим до них из чужих краев, особенно из Франции. Здесь в самом деле большинство думает так, что роман Евгения Сю – книга в высокой степени нравственная; я сам не могу назвать ее безнравственной; а автор... об нем и говорить нечего! он прешироко доказывает нравственную цель своей книги всякой раз, когда принимается рассуждать; но картины, которые представляет он читателю, sont par trop sales⁴³; а молодого воображения не надобно пачкать: оно выпачкается и само, когда душа погрязнет в страстях. В заключение сделаю еще одно замечание, которое Вам покажет всю нерассудительность, или, точнее, l'inconséquence⁴⁴, тех русских маменок, которые дают эту книгу своим пятнадцатилетним детям как полезную и нравственную. Если в романе Сю и рассматриваются некоторые полезные вопросы, то эти вопросы отнюдь не касаются до простой нравственности; это вопросы юридические, полицейские, политико-экономические и прочие: а что тут делать пятнадцатилетнему уму? он этого не понимает. – От сих горестных замечаний перехожу к денежно-литературным делам. Вообразите, что Eugene Sue продал свой роман книгопродавцу Gosselin только за 30 000, да еще брал по 65 франков за фельетон, печатая его в *Journal de Débats*. Барыши Госилена должны быть чудные! Зато и Сю теперь стал умнее: он пишет новый роман, также в десяти томах, под заглавием «*Le Juif errant*»⁴⁵ и уж не намерен продешевить его. Журнал *La Presse* давал по 50 сантимов за фельетонную строчку, потом по 5000 франков за том, сколько бы их ни было. Сю не согласился и продал издателю Верону за 100 000 франков. – Кстати: здесь есть один довольно плохенький журналец, орган Тьера, *Le Constitutionnel*. Его не любят, его не читают, над ним смеются. А знаете ли, за что недавно он продан с аукциона? Тоже за 100 000 франков⁴⁶. Это ужасно. Я решительно не могу понять некоторых статей во французской промышленности.

Мнение Ваше о том, за что я люблю французов, совершенно противоположно истине. Я люблю их за их народный характер, я хвалю в них их национальное самолюбие (которое иногда хоть смешно, но всегда полезно), я уважаю их за обширное развитие их промышленности, за распространение в свете многих полезных мыслей, за успехи во всех путях просвещения. Но что касается до их политики и до их правления, то я об этом не имею высокой идеи. Напротив, в этом отношении французы кажутся мне смешными и жалкими. С самого основания их государства они не перестают и, вероятно, никогда не перестанут бесноваться в надежде найти тот

порядок вещей, который упрочит их благосостояние; но все их усилия оканчивались до сих пор пустяками. Они кричали, работали, резались, терзали друг друга и не выиграли ничего. Другие народы воспользовались их примером и прошли с успехом по указанной ими дороге; а сами французы и теперь еще не могут попасть на нее. *Rira bien qui rira le dernier*⁴⁷, говорит пословица. Французы, напротив, всегда начинали смеяться, а под конец оставались в дураках. Я имел удовольствие доказать это одному здешнему своему знакомому, адвокату Моніер, человеку, зараженному всеми родами национального французского самолюбия, и считаю это за одно из самых лучших дел, которые мне удалось сделать в Париже. Если бы я умел писать по-французски, то написал бы целую книгу о политическом значении Франции, и эта книга, особенно при нынешних обстоятельствах, произвела бы здесь страшный гвалт, не говоря уж о том, что она послужила бы довольно звонким ответом на книгу маркиза Кюстина и сочинения других наглых невежд, которые, не зная дела, осмеливаются судить о России и взапуски один перед другим взводят на нее разные нелепые клеветы.

На вопрос Ваш, Евгения Петровна, что я пишу, имею честь отвечать, что я написал маленькую статейку о пребывании Карла X в России, потом принялся было излагать воспоминания или результаты моего путешествия, но посреди этого довольно сухого труда мне пришло в голову начать повесть, я начал, увлекся и теперь исключительно занимаюсь ею. Повесть будет, кажется, длинная – чуть ли не роман в двух небольших томах. А о чем сия длинная повесть, этого я, разумеется, Вам не скажу, потому что Вы через пять или шесть месяцев будете читать ее в Петербурге.

Корш... не пишет! Я послал к нему второе письмо. Но иметь дело с этим человеком хуже, нежели идти ночью по одному из здешних *coup-gorges*⁴⁸.

Благодарю очень и Вас и Николая Аполлоновича за аккуратную присылку мне денег. Тут остается между нами маленький счет. Я дал вам всего 5900 франков (*ровно*), а банкиры, в уплату этих денег, за вычетом комиссии и процентов, выдали мне 5843 франка 10 сантимов, то есть [на] 56 франков 90 сантимов менее. Они удержали всего не 56 фр. 90 сант., а 66 фр. 85 сант.; но 9 франков 95 сантимов причитается на 265 рублей (303 фр.), присланные мне из деревни и на 600 рублей (636 фр.), полученные от Белавина: следственно, это не может быть отнесено на ваш счет. Вы мне остались должны только 56 франков 90 сантимов, то есть 50 рублей 40 копеек ассигнациями. Разумеется, этой ничтожной суммы посылать ко мне не нужно.

<...>

Засим прощайте! Кланяйтесь Константину Аполлоновичу и еще кому-нибудь. Пишите ко мне в Париж только *до 1 мая по-вашему*, а после 1 мая уж не пишите. Я стану от времени до времени извещать Вас о своем местопребывании, но должен отказать себе в удовольствии читать Ваши ответы.

Солоницын.

<...>

Вы, Евгения Петровна, хвастаетесь своими частыми ко мне письмами. Да, я пишу реже; но зато каждое мое письмо длиннее дороги из Петербурга в Охотск. Я думаю, когда Вы получаете *одно из них*, то не дочитали еще предыдущего⁴⁹.

ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №153 (1). Л.20–23об.

¹ Павел Федорович Савельев, упоминаемый в переписке Майковых 1830-х довольно часто, скорее всего, один из московских купцов, вовлеченных в дело о наследстве Гусятниковых (см. выше, с. 8).

² Письмо Н.А.Майкова см.: ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.65–65об.; «записочка» Гончарова неизвестна.

³ Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835) – литератор, имевший в 1820–1830-е репутацию графомана. Был женат на А.И.Горчаковой, племяннице по материнской линии А.В.Суворова; по ходатайству последнего в 1790 был произведен в подполковники с повелением «состоять при Суворове».

⁴ Возможно, речь идет о письме от 12 февраля 1844. Письмо без обращения (потому попало в папку писем Аполлона родителям: ИРЛИ. №17020. Л.26–29) и повествует о путешествии до Праги; ряд вопросов Аполлон адресует Солоницыну-младшему.

⁵ Записка эта (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.33–33об.) была отправлена Солоницыным не по почте, а с Аполлоном Майковым и содержала «проект» провоза вещей минуя таможеню.

⁶ В Люксембургском дворце (построен в 1615–1620) проходили заседания Палаты пэров; здесь же располагалась старейшая (основана в 1750) национальная картинная галерея; с 1818 – музей современного искусства Франции, место проведения годичных парижских салонов (см.: *Латин И.С. Сокровища Люксембургского музея. Париж, [б.г.]. С.1–19*).

⁷ В оценке французской живописи Солоницын единодушен с рецензентами близких «Библиотеке для чтения» журналов; ср. точку зрения В.М.Строева в его обзоре «Нынешнее искусство и художники во Франции»: «Красота не в моде у французского художника. Он посвящает перо, кисть или резец – безобразию. <...> Французские художники отправились искать безобразия кто в Африку, кто в Америку, кто в Камчатку; перебрали сле-

пых, хромых, глухих, плешивых, калек. Искусство превратилось в Патологию» (Сын Отечества. 1840. Т. II. С. 358).

⁸ Энгр (Ingres) Жан Огюст Доменик (1780–1867) – представитель академизма, признанный мастер композиции, тонкого рисунка. «Рожер, освобождающий Ангелику» (1819) ныне в Национальной галерее Лондона.

⁹ Штейбен Шарль (1788–1856) – французский исторический живописец. В детстве и юности жил в России (где служил его отец), посещал занятия в Петербургской академии художеств. Прославился картиной «Петр Великий в бурю на Ладожском озере» (1812), позднее приобретенной Наполеоном. Создал большое число исторических многофигурных полотен, в том числе и на сюжеты из русской истории. В 1843 был вызван в Петербург для живописных работ в Исаакиевском соборе (перечень выполненных им 7 настенных росписей см.: *Серафимов В., Фомин М.* Описание С.-Петербургского кафедрального собора... С. 79–81; *Сперанский А.* Путеводитель по Исаакиевскому кафедральному собору. СПб., 1898. С. 23–24). О приезде художника в Петербург «Северная пчела» сообщала 9 июля 1843 (№150): «...к нам прибыл известный Стейбен, уроженец нашего отечества, поселившийся ныне во Франции и прославившийся многими образцовыми произведениями. Кто не знает его картин: младый Петр и Стрельцы, Наполеон при Ватерлоо и других? Ни одна галерея или коллекция картин новейших живописцев не может быть без произведений кисти Стейбена». В Париж вернулся в 1854.

¹⁰ Речь идет о полотнах Ораса Верне (Vernet; 1789–1863), французского мастера парадной исторической и батальной живописи. «Между современными французскими живописцами первое место бесспорно принадлежит Горацию Вернету. Имя его стало народным, потому что он посвятил кисть свою на прославление Наполеоновской армии и побед, любезных всякому французу» (*Строев В. М.* Нынешнее искусство и художники во Франции. С. 360). Оба названных полотна ныне находятся в Лувре.

¹¹ Филипп Таннер (Tanneur; 1795–1878) – маринист; в 1835 был вызван в Россию Николаем I для снятия видов русских гаваней.

¹² Петер Габриэль Викенберг (Wickenberg; 1812–1846) – жанрист, пейзажист (имели успех его «меланхолические» зимние пейзажи в традиции фламандцев); родился и художественное образование получил в Швеции, с 1837 работал в Париже.

¹³ Имеется в виду французский скульптор Франсуа-Жозеф Дюре (Duret) (1804–1865), автор портретных и жанровых произведений («Danseur», 1838; и др.).

¹⁴ Речь идет о широко известном французском скульпторе Франсуа Руде (Rude) (1784–1855), работавшем как в малых (портрет, жанр), так и в монументальных формах.

¹⁵ Имеются в виду скульпторы: Николай Степанович Пименов (1812–1864), сын известного скульптора-классициста С. С. Пименова (1784–1833), жанрист («Парень, играющий в бабки», 1836; «Мальчик, просящий милостыню», 1844; и др.), автор композиций на мифологические и исторические сюжеты, портретов (в том числе портретов-статуэток), надгробий (о нем

см.: *Собко Н.П.* Словарь русских художников. СПб., 1899. Т. III. Вып. 1. С. 222–254), и Петр Андреевич Ставассер (1816–1850) – также выпускник Петербургской академии художеств, портретист и жанрист («Удильщик», 1839; «Молящийся младенец», 1845; и др.); в 1841–1846 работал в Риме.

¹⁶ Речь идет о ежегодной выставке художественных произведений в Лувре (в 1844 открылась 15 марта). Рассказ о ней Н.И. Греча см. в №65 «Северной пчелы» за 21 марта 1844.

¹⁷ Луи Габриэль Эжен Изабэ (Isabeu) (1803–1886) – мастер жанровой живописи и маринист, отличавшийся импрессионистичностью письма. Гуден Теодор (Gudin) (1802–1880) – «модный морской живописец, работает скоро: в год он написал девять исторических картин для Версальского музея; каждая в несколько аршин длиною. Занятия не мешают ему часто являться в обществе, где он хорошо принят, потому что хорош собою, ловок, молод, умен и любезен» (*Строев В.М.* Нынешнее искусство и художники во Франции. С. 363). Э. Сю, бравший у Гудена уроки живописи, посвятил ему повесть (см. в рус. пер.: «Людвиг и Теодор Гюденъ» – Молва. 1835. №22, 23). Весной 1841 Гуден приехал в Петербург. Йоганно (Johannot) Тони (1803–1852) – исторический и жанровый живописец, график (создатель около 3 тысяч листов иллюстраций к произведениям Сервантеса, Стерна, Гете, писателей-современников). Гигу (Gigoux) Жан-Франсуа (1806–1894) – представитель романтической школы, автор исторических и мифологических полотен. Девериа (Devéria) Эжен (1808–1865) – романтик, работавший в области исторической и мифологической живописи. Куде (Couder) Жан Александр Реми (1808–1879) – мастер натюрморта, жанровой и исторической живописи.

¹⁸ Винтергальтер (Winterhalter) Франц Ксавье (1806–1873) – французский живописец и литограф, работавший в области парадного портрета; писал портреты царственных особ, в том числе Людовика-Филиппа, английской королевы Виктории и принца Альберта, русских императриц Александры Федоровны и Марии Александровны.

¹⁹ В этой «прекрасной картине в русских нравах», по словам Н.И. Греча, видевшего ее в студии художника, Верне изобразил себя «на зимней своей поездке в Кронштадт: лихая тройка мчит его по снежной равнине – живо, прекрасно!» (Сев. пчела. 1844. №18. 24 янв.). Впервые побывав в Петербурге в 1836, Верне вернулся в Россию по приглашению императора в июне 1842 и пробыл здесь до июля 1843. О его пребывании в России см.: *Дурылин С.* Александр Дюма в России // Лит. наследство. Т. 31–32. Л., 1937. С. 502–504.

²⁰ Выпускник Петербургской Академии художеств, к тому времени успевший получить признание как маринист, И.К. Айвазовский (1817–1900) работал в Италии в 1840–1844; дважды, весной 1843 и 1844, участвовал в выставках в Париже (см.: *Собко Н.П.* Словарь русских художников. Т. I. Вып. 1. С. 296–299; на с. 315 – перечень работ художника 1843–1844 гг.).

²¹ Кур (Court) Жозеф-Дезире (1797–1865) – портретист, автор исторических и мифологических полотен. Речь идет о портрете жены Виктора Верне

(Vernet, 1797–1873), комедийного актера французской драматической труппы в Петербурге в 1829–1870.

²² Пиль Роберт сэръ (1788–1850) – в 1834–1835 и 1841–1846 премьер-министр Великобритании. См. статью «Сэр Роберт Пиль» в разделе «Биографии знаменитых современников» (Отеч. записки. 1844. №2).

²³ Михаил Павлович (1798–1849) – великий князь, брат Николая I.

²⁴ Людовик-Филипп (1773–1850) – французский король с 1830 по 1848. См. статью «Луи-Филипп, король французов» в разделе «Биографии знаменитых современников» (Отеч. записки. 1843. №11; 1844. №1).

²⁵ Речь идет об английской королеве (с 1837) Виктории (1819–1901) и ее супруге принце Саксен-Кобург-Готском Альберте (1819–1861).

²⁶ Внимательно следивший за прессой Солоницын неспроста задавал этот вопрос. В мае 1844 вышло высочайшее повеление по цензуре, запрещающее публикацию «известий о выезде государя из столицы» (см.: *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т.1. С.282). Николай I прибыл в Лондон 20 мая (1 июня) и уехал из него 28 мая (9 июня) 1844; подготовка визита действительно проходила в обстановке секретности (см.: *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторический очерк. СПб., 1889. С.20–31).

²⁷ Полька (polka) – танец чешского происхождения.

²⁸ Будут танцевать настоящую польку месье Целлариуса (*фр.*). Охватившее Париж «безумие» описывал и Н.И.Греч: «Модники и модницы учатся плясать польку у немецких танцмейстеров, и тех, которые выучились, приглашают на все вечера. Славнейший из этих учителей есть профессор Целлариус. Он дает в день по два публичные урока, один поутру мужчинам, другой после обеда дамам. Остальное его время занято частными уроками. Знатнейшие дюшессы, богатейшие дочки банкиров ищут счастья быть его ученицами» (Сев. пчела. 1844. №59; 14 марта). О скором распространении парижской моды в Петербурге оставил яркое свидетельство А.И.Вольф: «Настоящий сезон [1844/1845 гг.] отличался плясовым характером. В Париже какой-то учитель танцев выдумал польку. Петербуржцы принялись неистово отплясывать этот неграциозный танец. Григорьев 1-й утилизировал эту манию для своего бенефиса, состряпав водевиль под названием «Полька в Петербурге». Водевиль выдержал 31 представление сряду при полном театре. Г-жи Самойлова, Левкеева, Шелехова 2-я и, увы! сам Мартынов полькировали каждый вечер при громе аплодисментов» (*Вольф А.И.* Хроника петербургских театров. Ч.1. С.109).

²⁹ «танцует польку» (*фр.*).

³⁰ Французское нововведение «une charge» «Северная пчела» (1843. №226. 9 окт.) переводила как «преувеличенная карикатура».

³¹ между русскими индивидуумами (*фр.*).

³² Вышедшие в Париже в мае 1843 первым изданием и переизданные в ноябре того же года записки о России «La Russie en 1839» (2-e ed., revue et corrigée; 4 vol.) маркиза Астольфа де Кюстина (1790–1857) имели огромный

успех и вызвали в западной прессе целый поток откликов (обзор их см.: *Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. Paris, 1967. P.221—278 (ch. 6: Le retentissement européen de «La Russie en 1839»); Tarn J.-F. Le Marquis de Custine, ou Les Malheurs de l'exacititude. Paris, 1985. P. 496—506; Мильчина В., Основат А. Комментарий // Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В.Мильчиной. М., 1996. Т.1. С.392—395). Запрещенная в России (впервые в отрывках опубликована Н.К.Шильдером в «Русской старине» в 1891—1892), книга Кюстина тем не менее «читалась у нас повсеместно» (*Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С.233*). Впрочем, едва ли ее прочли старшие Майковы.*

³³ Критическая статья молодого журналиста и поэта Ж.Шод-Эга (1814—1846) была опубликована в журнале «*Revue de Paris*» 31 декабря 1843.

³⁴ О полемике Шод-Эга с Кюстином см.: *Cadot M. La Russie... P.183, 226—227*. «Конечно, это одна из лучших статей о Кюстине, и сказывают, что она его очень за живое задела», — отзывался о ней А.И.Тургенев, аккуратно пересылавший в Россию с оказией или через дипломатические каналы все заслуживающие внимания публикации о Кюстине (см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым, С.270). Характерна реплика Н.И.Греча (о его антикюстиновской брошюре см. ниже), признавшего Шод-Эга своим единомышленником: по его словам, французский автор «мастерски отделал в *Revue de Paris*, гнусного Маркиза де Кюстина и теперь ищет его на бульварах, чтоб доверить свою критику рукопашным боем: Маркиз взбесил его тем, что всюду разглашает, будто Шодес-Эга подкупили для сочинения этой статьи» (Сев. пчела. 1844. №48; 1 марта). Между тем многие материалы для его «остроумного опровержения» действительно были предоставлены Шод-Эгу тайным агентом III Отделения в Париже Я.Н.Толстым (см.: *Мильчина В.А., Основат А.Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С.Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. №13. С.283; Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т.1. С.393*).

³⁵ Осенью 1843 III Отделение развернуло кампанию по опровержению «возмутительной» и «клеветнической» книги Кюстина. Солоницыну могли быть известны изданные к весне 1844 в Париже «заказные» антикюстиновские брошюры: «*Un mot sur l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé "La Russie en 1839"*» К.К.Лабенского (1800—1855), признанного среди французских романтиков поэта, старшего советника Министерства иностранных дел, в прошлом русского консула в Лондоне и Берлине (вышедшая в сентябре 1843 за подписью «Русский» брошюра имела успех и в начале 1844 была переиздана и переведена на английский и немецкий), и «*Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine "La russie en 1839"*» (подписанная «М***») М.А.Ермолова, автора французских переводов Пушкина и этюдов о нем. Кроме того, в декабре в парижской газете «*Démocratie pacifique*» появилось опровержение С.П.Убри (племянника русского дипломата П.П.Убри), а в конце января — «рефутация» Я.Н.Толстого «*"La Russie en 1839" révée par M. de Custine ou lettres sur set ouvrage écrites de Francfort*», подписанная «Жак Яковлев» (см.: *Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 2-е изд. СПб., 1909. С.141—142; Мильчина В.А., Осно-*

ват А.Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина. С.272–284; *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т.1. С.393–394, 400; Cadot M. La Russie... Р. 230–236).*

³⁶ В последних числах декабря 1843 Н.И.Греч опубликовал брошюру против Кюстина на немецком (*Ueber das Werk La Russie en 1839 par le marquis de Custine. Heidelberg; Paris, 1843*) и в начале января 1844 – на французском языке (Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé «La Russie en 1839». Paris et Bruxell, 1844). Поддержанная III Отделением, лично Л.В.Дубельтом и А.Х.Бенкендорфом (см.: *Лемке М. Николаевские жандармы. С.143–152; Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С.782–784; комментарий Р.В.Иванова-Разумника и Д.М.Пинеса), брошюра вызвала соответствующую реакцию: по словам А.И.Тургенева, русские в Париже, не сомневавшиеся, что Греч «здесь по особым поручениям для русских же», еще в декабре получили печатные карточки с надписью: «M-r Gretch, premier espion de sa majesté empereur de la Russie» (Мсье Греч первый шпион его величества императора России) (ОА. Т.IV. С.274, 368; Письма Александра Тургенева Булгаковым. С.267). Об этом сообщал немецкому писателю К.-А.Варнгагену фон Энзе и сам Кюстин (см.: *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т.1. С.443*). Познакомившись с немецким изданием, Тургенев писал в Москву: «Жаль, что Кюстин не нашел еще дельного и чистого критика» (Письма Александра Тургенева Булгаковым. С.268). «Гречева защита государя против Кюстина факт поразительный, – записал в Дневнике 6 марта 1844 А.И.Герцен, – она обвиняет правительство гораздо хуже Кюстина тоном апологии и то, что она хвалит. Явная ложь, наглые, презрительные ссылки на дела, всем известные и представленные совсем иначе, рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность, для того выставляемая, чтоб показать нашу удивительную патриархальность относительно государя <...> Есть страницы, поражающие цинизмом раба, потерявшего всякое уважение к человеческому достоинству <...> Нигде не защищает он России, он говорит только о лице государя, оправдывает его и, говоря о секретных делах, всякий раз уверяет, что он знает их из достоверного источника» (*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т.2. С.340*).*

³⁷ Солоницын ошибался, считая, что Греч писал «после всех» (см. выше); о продолжении кампании «опровержений» см.: *Cadot M. La Russie... Р. 236–239.*

³⁸ Сен-Марк Жирарден (1801–1873) – профессор литературы в Сорбонне (специалист по славянским литературам и «восточному вопросу»), сотрудник и один из редакторов «*Journal des Débats*». С обстоятельным разбором книги Кюстина он выступил в «Дебатах» 4 января 1844 (см.: *Cadot M. La Russie... Р. 234–235, 244–245*), и эта «давно ожидавшаяся» и «трудно и мучительно пробивавшаяся на свет» работа, по отзыву П.А.Вяземского, дала поэту повод для принципиальной полемики не столько с ее автором, сколько с автором «*Россия в 1839 году*»; см. его оставшуюся в рукописи «репутацию»: «Еще несколько слов о труде г-на де Кюстина “*Россия в 1839 году*”, по поводу статьи о нем в *Журналь де Деба* от 4 января 1844 года» (оригинал по-франц.; *Cadot M. La Russie... Р. 236–238, 265–278; Невелев Г.А. А. де Кюстин и П.А.Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы*

истории отечественной культуры. Брянск, 1992. С.66–93). Солоницын ссылается на вторую статью Сен-Марка Жирардена в «Дебатах» от 24 марта 1844, посвященную «опровержениям» Кюстина русскими авторами, и прежде всего брошюре Н.И.Греча. Последний не замедлил с «ответом», оставшимся, впрочем, неопубликованным (см. его франц. текст и рус. перевод в статье: *Темпест Р.* Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ. 1989. №21. С.213–224). Повествуя в «Северной пчеле» (1844. №65; 21 марта) о выборах во Французскую Академию, Греч не преминул выразить возмущение по поводу участия в них «барабанщика Journal des Débats, единственного хвалителя Маркиза де Кюстина».

³⁹ См. сообщение об этом обеде: Лит. газета. 1844. №13. 6 апр. С.234.

⁴⁰ Дело со Всеволожскими касалось участия горнозаводчиков Александра (1793–1864) и Никиты (1799–1862) Всеволодовичей Всеволожских в разработке принадлежавших Гусятниковым и Майковым золотоносных земель в Оренбургской губернии. В деле этом интересы Майковых представлял И.Г.Карелин (о нем см. выше, с. 22).

⁴¹ Вероятно – Н.А.Майковой (о ней см. выше, с. 21); неясно, однако, какие расчеты имеет в виду Солоницын.

⁴² Письмо неизвестно.

⁴³ чересчур грязны (*фр.*).

⁴⁴ непредусмотрительность (*фр.*).

⁴⁵ «Juif errant» – десятитомный роман Э.Сю «Вечный жид, или Агасфер» (Paris, 1844–1845). О его восприятии в России см.: *Данилин Ю.И.* «Агасфер» в русской критике 40-х годов // Сю Э. Агасфер. М.; Л., 1934. Т.2. С.656–668.

⁴⁶ Парижский корреспондент «Северной пчелы» подавал эту ситуацию так: «Евгений Сю тягался на днях, в гражданском суде, с издателями журнала la Presse. Г.Дюжарие, один из издателей, утверждает, что г. Сю предложил редакции купить у него роман: *Странствующий жид*, и сам испрашивал объявление, помещенное в журнале 2-го мая 1843 г., в котором сказано было, что в октябре того года, la Presse будет помещать сей роман в своем фельетоне. Сю не только не представлял романа редакции, но и продал его впоследствии другому. Г.Верон, предпринимая редакцию журнала la Constitutionnel, купил его у г. Сю за сто тысяч франков» (Сев. пчела. 1844. №53; 7 марта). Речь идет о публицисте и издателе Луи-Дезире Вероне (р. 1798); журнал «Constitutionnel» в 1840-х был официальным органом Луи-Адольфа Тьера (1797–1877) – политического деятеля и историка, возглавлявшего оппозиционному министерству Гизо «левую» партию в Палате депутатов. По поводу денежного измерения литературного успеха горько иронизировал Белинский: «Кроме большой суммы, полученной за “Парижские тайны”, новый журналист, желающий поднять свой журнал, предлагает автору “Парижских тайн” сто тысяч франков за его новый роман, который еще не написан... Вот это успех! И кто хочет превзойти Эжена Сю в гениальности, тот должен написать роман, за который журналист дал бы двести тысяч франков...» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.8. С.169).

⁴⁷ Хорошо смеется тот, кто смеется последний (*фр.*).

⁴⁸ узких переулков (*фр.*)

⁴⁹ Далее следует приписка Вл. Ап. Солоницына, адресованная Евгении Петровне.

11

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

Отвечаю с первой же почтой по получении вашего письма, что было 16 апреля. –

18 апреля.

Душевно радуюсь, что вы наконец уничтожили мое беспокойство и подали о себе весточку. (Последнее ваше письмо было от 27 февраля по-вашему.) Как много можно отвечать на многое, что я прочла в вашем письме, но едва ли у меня достанет возможности передать и частичку тех впечатлений, которые овладели мною по прочтении вашего письма. Буду говорить о важнейшем: вы счастливы, счастливы вполне – так, как никогда не бывали: этого достаточно, чтобы забыть многое горькое в жизни и от полного сердца порадоваться, что вы, хотя поздно и, может быть, ненадолго, но достигли счастливейшего периода своей жизни. Я совершенно с вами согласна, что полная независимость, совершенная свобода, отсутствие *всех* обязанностей, новые друзья – все это чрезвычайно увлекательно и весело... прибавьте к этому хороший климат, здоровье (которое благодаря Богу установилось у вас за границею), наконец, *сторона* такая занимательная, как Франция; все эти обстоятельства могут осчастливить вас, и вы были бы благодарны к Провидению, если бы чувствовали себя недовольным. О прочих лишениях, право, не стоит говорить, это все прошлое. Я никогда не подозревала, что вы можете скучать в Париже, и если упомянула о *хандре*, то это очень естественно и просто: когда кто-нибудь подозревает вас в меланхолии, разве это не может происходить из участия; а если эта особа я, то может ли это иметь другой источник? Вы как будто обиделись, что я объяснила себе хандрою некоторые пункты вашего предыдущего письма. Я никак не могу понять, что тут обидного. Вы всегда расположены были к хандре и хандрили очень часто при самых веселых обстоятельствах. Это, кажется, свойство вашей природы, и если я решилась объяснить себе ваши выходки против многого и многих припадком хандры, то, кажется, это должно бы было показать вам мое желание извинить чем-нибудь жесткость ваших приговоров. А вы воспользовались моим дружески женским поступком,

чтобы доказать мне, что в Париже не может вам быть скучно без друзей, потому что там-то и живут ваши истинные друзья. Злое торжество, выражающееся в ваших словах о том, как вам весело в Париже без петербургских друзей, кажется мне также ложным: я очень хорошо знаю и знала, что при вашей склонности к увлечениям новою [обстановкой?], от вас всегда можно было ожидать подобных вещей. Я никогда не требовала от дружбы того, что сами вы так упорно всегда требуете или требовали. Насчет же нового мнения вашего о важности мелких услуг в дружеских отношениях, то и эта мысль для меня не новая; я, помнится, писала ее в одном дневнике, который еще существовал прежде, нежели вас знала; коротко и в разговорах, а может быть, и на деле всегда старалась доказывать вам всю истину этой мысли. Из всего этого вы можете заключить, что заключения ваши о хандре, об удовольствии для вас жить в Париже, о важности мелких дружеских услуг если и произвели на меня впечатление, так это только потому, что выставили мне слабую сторону вашего характера, а вовсе не поразили моего сердца. Но полно об этом... и грустно и тяжело продолжать. Верьте только тому, что я более всего на свете благодарна вам за замечания, которые вы делаете иногда Валерьяну; я не слепая мать: недостатки детей моих есть неизлечимая болезнь моего сердца. Более нежели о других скорбит душа моя о Валерьяне: природа так много для него сделала, но мы не умели направить эти способности на истинно полезное, мы понадеялись на собственную волю его, а воля мальчика, такого, как Валерьян, есть вспышка, борьба страстей, не более; к тому же он не имеет таких способностей, которые бы могли удовлетворить самолюбие молодого человека, ему предстоял и предстоит труд и терпение, а могли ли эти добродетели развиться при тех обстоятельствах, в каких он находился в домашнем и вне домашнего круга своего. Повторяю и умоляю вас не быть равнодушным к судьбе Валерьяна, это обстоятельство не так мелочно, как кажется, я же признаю мою ничтожность в этом деле и взамен того возлагаю на себя другие обязанности – мне предстоит следить за Володею и Лелею. Володе остается последний год курса гимназии; я возрадуюсь, когда он поступит в университет¹. С радостью замечаю я, что его нравственность до сих пор так чиста, как только можно мне желать; он рассудительнее и мягче братьев своих; не имея их способностей, он не имеет и недостатков их характера. Это меня утешает.

Так как вы осуждаете нас писать вам только до 1 мая, то спешу высказать вам все мои планы на предстоящее лето: я отдумала ехать в Ревель по разным причинам, которые слишком сложны, чтобы пояснять тут; одним словом, я нахожу, что поездка в Ревель была бы бесполезна моему здоровью, карману, расположению души и вкусу.

Видя мое расстроенное здоровье, княгиня Шаховская предлагает мне провести с нею лето в Петергофе, я думаю, что я решусь на последнее – возьму с собою Лелю, а во время каникул присоединится ко мне мой Володя. Дача эта за Петергофом подле моря, где устроены купальни и аглитской сад, если вы помните. Эта перспектива немного оживляет меня. Здоровье мое очень плохо, чувствую необходимость подкрепить себя, чтобы совсем не упасть духом и телом. Вы меня очень порадовали мнением об успехах Аполлона за границую. Опасаясь, чтобы вы не приписали мои замечания единственно материнской нежности, я молчала, но я скоро и честно заметила, что Аполлон очень много созрел в отсутствии своем и приобрел довольно сведений, по крайней мере, у него составилось свое мнение и убежденья, у него прибавилось любознательности и мысли... Валерьяну ничего не удалось сделать, и это обстоятельство грызет душу мою; советую Солику взять пример с Аполлона и, не черствуя прекрасного сердца своего, занять разум делом, а не безделием. Солик... да, для меня он *всегда* останется *Соликом*, я не меняю моих привычек до тех пор, покуда не заставят меня разлюбить себя. У меня есть своего рода *характер*, он упорен и глубок там, где говорят чувства дружбы, дружбы русской.

Благодарю за новости, которые сообщаете вы; но все, что говорите о русских, и горько и грустно слушать; впрочем, я многому не верю, тут есть выдумка французов в насмешку (я разумею обед с собаками), если же это не выдумка, то это просто поступок сумасшедшего. Подвигайтесь со славою, Владимир Андреич, на литературном поприще, не умру, так прочту, может быть, вас в печати. Вы говорите, что я хотя часто, но коротко пишу! Что же я могу сообщить вам такого, что бы вас заняло? к тому же я чувствую, что я беспрестанно сворачиваю на бемольный тон, а это не может быть приятно. Говорить же о новостях петербургских не могу, потому что ничего не знаю, нигде не бываю. Николай Ап[оллонович] еще не получил казенной работы своей, а в ожидании нарисовал много прекрасных головок²; кончил портрет Лели, срисовал чудесную головку Ченчи³. Мои же занятия вялы, однообразны и пошлы до крайности. Чувствую, что устарела в полном смысле, одно осталось – привычка глубоко и сильно принимать к сердцу то, на что надо смотреть равнодушно, хотя из самолюбия! Прощайте! Леля пеняет вам, что вы никогда об нем не вспомните.

Извините, что бумага изорвана, другой не случилось, а мешкать нельзя, почта идет сегодня.

Прилагается письмо от Валерьяна⁴.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 76–77 об.

¹ Владимир Николаевич Майков (1826–1885) учился в Петербургском университете в 1845–1850.

² Н.А.Майков был известен своей любовью к изображению женских «головок» (в особенности «вакханок»); по свидетельству биографа А.Н.Майкова, «множество его головок и вакханок сделались украшением гостиных и картинных галерей частных лиц» (*Златковский М.Л. Аполлон Николаевич Майков. С.10*). Как писал Гончаров в некрологе художника, он «всякую свободную минуту посвящал исполнению своих собственных любимых художнических задач – голов, фигур и тел женщин» (*Голос. 1873. №238. 29 авг.*).

³ Имеется в виду, вероятно, Беатриче Ченчи, казненная в Риме в 1599 по обвинению в отцеубийстве; этот сюжет лег в основу трагедии П.Б.Шелли «Ченчи» (1819; рус. пер. П.И.Вейнберга – 1864), а также поставленной в 1839 в парижском театре «Порт-Сен-Мартен» драмы А. де Кюстина «Беатрис Ченчи». Ср. также вопрос Ап. Майкова Солику в письме от 12 февраля 1844: «...пишешь ли ты поэму о Ченчи?» (*ИРЛИ. №17020. Л.29*). Копия Н.А.Майкова, скорее всего, повторяла знаменитый портрет Ченчи работы Гвидо Рени, упомянутый Шелли в предисловии к его трагедии (см.: *Шелли П.Б. Полн. собр. соч. в пер. К.Д.Бальмонта. СПб., 1904. Т.2. С.454*).

⁴ Письмо Валериана неизвестно.

12

Е.П.Майкова – В.А.Солоницыну

Бог знает, застанет ли вас письмо Степана Семеныча¹ и получили ли вы мое письмо вместе с Валерьяновым, посланным дни три тому назад? Несмотря что я много писала прошедший раз, хотелось бы прибавить несколько слов самых искренних: сделайте дружескую милость, изорвите мое последнее письмо и считайте его примерною глупостью Евгении Петровны; точно моя дружба облекается иногда в самую нелепую форму, и тогда-то она творит неслыханные глупости. Припишите также упомянутые глупости нездоровью, скучным обстоятельствам, мрачному расположению, строптивому характеру, моей натуре несчастной, наконец, припишите всему чему угодно, но не злему сердцу... не злему намерению... одним словом, мне следовало иначе принять все, что вы писали о дружбе и друзьях, о счастье и несчастье человеческого. Я вспомнила об этом тогда, когда уснула письмо мое, наполненное горечью самолюбивой и глубокой дружбы моей. Вы, одни вы, зная меня совершенно, поймете мою раздражи-

тельность – и извините и ее, и меня. Я успокоюсь, когда получу ответ².

Покуда прощайте! здоровье мое не укрепляется весенним воздухом, на днях едем с княгинеею нанимать дачу в Петергоф, погода устанавливается, Нева прошла, дни – ясны, и даже жарко, но скучно и в Петербурге, и на душе: читаешь да думаешь, думаешь да читаешь, а что толку! умереть не хочется, а жить не весело. Прощайте еще раз, будьте здоровее, веселее и счастливее меня тысячу, десять тысяч раз – вот истинное дружеское желание мое.

23 апреля
1844 года

ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.78–78об.

¹ С.С.Дудышкина.

² На письма Евгении Петровны от 18 и 23 апреля (ст. ст.) Солоницын отвечал 22 мая (н.ст.), отсылая ей и написанное неделей ранее неоконченное, почти полностью зачеркнутое письмо с возражениями на «несправедливые» упреки. «Не могло быть, – писал Солоницын, – чтобы Вы написали все это после солидного размышления: Ваша справедливость не допустила бы Вас до того <...> Нам с Вами, матушка, ссориться после такой многолетней дружбы, и из чего?.. из нескольких неправильно понятых и перетолкованных слов! <...> Хорошо, что я знаю Вас коротко и умею видеть в *Ваших упреках не более как минутную вспышку*, вроде той, которую Вам угодно было возвести на меня. Но нет, сударыня, я не вспыхиваю. Письмо мое было написано на другой день по получении Вашего; я писал его спокойно, медленно, как делаю все дела свои, выигрывая время не быстротой самой работы, а прилежным трудом». – ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №153 (1). Л.26–26об. Прекрасно сознавая, чем особенно больно задел Евгению Петровну, Солоницын как обычно, по пунктам, разъясняет, почему так счастлив своим одиночеством и покоем в Париже, почему не хочет возвращаться в Россию, почему «истинных друзей» видит в своих парижских хозяевах La Croix.

13

В.А.Солоницын – Е.П.Майковой

Париж, 4 мая 1844.

Я получил пакет, в котором были: 1. письмо Николая Аполлоновича от 3 апреля¹; 2. Письмо Евгении Петровны, с образчиком²; 3. письмо Аполлона; и 4. письмо Гончарова³. По делу о бурзянских

промыслах прилагаю для Николая Аполлоновича особенную записочку⁴, а здесь буду отвечать на письма Евгении Петровны и Аполлона, буду говорить о себе и врать всякой вздор.

Да, матушка Евгения Петровна, я пишу к Вам не часто; но – еще раз говорю – примите в соображение огромность моих писем. Право, каждое из них не меньше слона, которым французы хотели заметить то место, где стояла Бастилия, и во многих из них, может быть, столько же мало смыслу.

Известие о прибавке пошлин меня озадачило⁵. Но делать нечего: если прикажут, надо будет платить. Что касается до отмены этого закона, то об ней и думать нечего: не отменят.

Вы, Евгения Петровна, пишете, что *говорят*, будто морское купанье Вам будет полезно. Кто же это *говорит*? О такой важной вещи надо посоветоваться с людьми знающими, с врачами искусными, не с одним, а со многими. Почему бы даже не делать консультации? Здоровье дороже денег. И если на консультации приговорят, то надо ехать так – ехать. Помнится, в Ревель ходят дилижансы, и проезд не может обойтись слишком дорого.

Радуюсь, что у Вас собираются по воскресеньям; но не собираются ли также и по понедельникам, вторникам, средам, четвергам, пятницам и субботам? Вы об этом ничего не пишете, а между тем говорите, что еще не дочитали *Les Mystères de Paris*: видно, мешают.

Мнение Ваше об этом романе слишком восторженно. Я имел честь докладывать Вам, что его можно рассматривать с двух сторон, со стороны художественной и со стороны политической. В первом случае он не выдерживает ни малейшей критики; а во втором мы с Вами не можем о нем дельно судить. Можем только заметить, что *monsieur Sue* преувеличивает факты, завирается в своих рассуждениях и предлагает к исполнению такие меры, которых нельзя исполнить. Имейте в виду, что здесь (во Франции) только ученые, да и из них одни те, которые занимаются науками политическими, говорят о вещах так, как они есть. Все прочие непременно витийствуют. И это витийство особенно проявляется в толках о политических предметах. При каждом новом действии правительства оппозиционные журналы ударяют в набат, разбирают новость по всем суставам, открывают в ней тысячу ужасов и пророчат страшные бедствия; а как разберешь самое дело, так увидишь, что все это пустяки. Журналисту нужно только кружить головы, и то, право, не с политической целью, а чтоб иметь побольше подписчиков да приобрести так называемую *популярную* известность, которая может привести его к другим выгодам. И *monsieur Sue* не имел иной цели. Оставьте же свое высокое мнение о той благородной мысли, которая будто бы руководила его; да уж кстати и не считайте его и за изобретателя

идеи, что надо не исправлять, а *предупредить* зло в человечестве. В этой идее нет ничего нового; это очень старая истина; но та беда, что до сих пор не нашелся еще мудрец, который бы придумал к исполнению ее верные средства. Les Mystères de Paris не дают господину Сю права попасть в подобные мудрецы.

Вы спрашиваете, что я думаю о новой поэме Аполлона. Мое мнение об ее частностях написано на черновых листах⁶; а о целом я думаю то, что эта поэма лучше всех крупных Аполлоновых сочинений. Более, говоря по совести, не могу ничего сказать. Может быть, ошибаюсь. Притом Аполлон пишет, что он сделал значительные исправления: следственно, мое мнение теперь уже и не может иметь места. Надо снова прочесть, и тогда только я буду иметь право сказать что-нибудь. О *Чехе*⁷ тоже, как и Вы, молчу, потому что не понимаю этого рода поэзии.

Грустно слышать, что Отечественные записки представляют собою самую лучшую сторону русской литературы⁸. Разве они вовсе переменились, выворотились. Достоинству помещенных в них статей о Людовике XV и Езуитах нечего удивляться: это взято с французского, хотя, может быть, под статьями и подписано какое-нибудь русское имя. Я даже знаю те книги, которые послужили материалом⁹. Меня гораздо больше интересует новая драма Кукольника, которую Вы называете *Побасенком*, вероятно, ошибкою, вместо *Басенка*.¹⁰ Кукольник человек с талантом, и от него можно было бы многого ожидать, если бы он не спешил работать из денег. О Сенковском и Библиотеке говорить нечего: падение их было неизбежно. Впрочем, так как из письма Вашего видно, что Вы нынче принадлежите к фаланге Отечественных записок, то довольно ли беспристрастен приговор Ваш над Библиотекой¹¹?

Бурьку целую и благодарю за приписку. Он пишет очень хорошо; жаль, что не умеет читать.

Не видав своими глазами, что происходит у чехов, я не могу ничего сказать в ответ Аполлону на его пылкое рассуждение о движении этого народа к национальности. Меня удивляет только одно – что огромные успехи их, описываемые Аполлоном, никому неизвестны. Не обманывается ли он? не принял ли он проектов и предположений за действительность? В противном случае должно заключить, что чехи делают свои дела по секрету. Есть одна старая и давно известная истина, что национальность не может существовать там, где не было и нет политической самостоятельности. Чехам и Аполлону не мешает об этом подумать. Конечно, может статься, со временем и выйдет *что-нибудь* из того брожения умов, которое теперь происходит между некоторыми западными славянами; но чтобы вышло что-нибудь, надо, чтоб случились важные политиче-

ские перемены. – Постараюсь привезти Аполлону книги, которых он желает. <...>

Мнение Аполлона о том, в чем бы мы действительно должны были подражать французам, как нельзя более справедливо. Я всем сердцем уважаю в них это народное самолюбие, хотя оно вводит их во многие ошибки и заставляет иногда говорить великие глупости. М. Monier, как и большая часть французов, терпеть не может Филиппа; но национальное самолюбие в нем таково, что недавно, говоря со мной, он вскричал: «Il ne pas bête, celui-là! Malgré tous les obstacles, il gouverne la France!.. ce ne pas tant, il gouverne le monde!»¹² Я не мог удержаться от смеха. К счастью, Монье – человек рассудительный, и мне было легко доказать, что Филипп только dupe les Français et ne gouverne rien¹³; что pourvu qu'on le laisse duper ces pauvres-diables, il est prêt à se mettre à genoux devant chaque puissance¹⁴. После некоторого сопротивления он согласился. И это не одно, в чем мне удалось убедить господина Монье. Надо заметить, что французы (я не говорю об ученых), получая *чисто национальное* образование, знают почти всегда только то, что касается до их Франции, и большие невежды насчет всего, что относится до других земель. Поэтому сведения их, например, об России – ужасны, и сам Монье, несмотря на свой ум и на все свои специальные адвокатские знания, думал до сих пор, что Россия – Бог знает что за государство. Я имел удовольствие показать ему, что он ошибался, что французы не имеют об нас никакого понятия; что, занятые постоянно своими внутренними раздорами, своими бесплодными распрями с правительством, бесполезным шумом Палаты, они не замечают того, что Россия, со времен Петра Великого, постоянно идет вперед и что это торжественное шествие непременно приведет ее к каким-нибудь изумительным результатам, тогда как Франция почти ежедневно спускается одной ступенькой на политической лестнице. «Mais, mon Dieu, c'est vrai que vous dite là!»¹⁵ – вскричал наконец Монье.

Пусть это послужит также ответом на то, что говорит Аполлон в начале своего письма. Я прибавлю только, что мысль его, будто просвещение или образованность должны бы сделать человека космополитом, совершенно неосновательна. Просвещение показывает человеку, что он не только человек, но и гражданин; а как скоро он гражданин, то уж не космополит. Это очень просто: нечего было приходить в недоумение.

Я отвечал бы на ваши письма тотчас же, как получил их, но они пришли ко мне в такое время, когда я взял двухнедельный отпуск от пансиона наших хозяев, то есть расстался с ними на две недели, чтоб без лишних убытков и потери времени сделать некоторые далекие

прогулки по Парижу и поездки в его окрестности и другие места. На другой день по получении писем, то есть вчера, у меня в плане стояла поездка в Орлеан. Отложить не было никакой возможности: это совершенно расстроило бы все мои предположения и отняло бы у меня целых два дня. Итак, я вчера, в двенадцать часов, поехал; сегодня, в пятом часу, воротился и вот теперь ловлю свободный вечер, чтобы писать к Вам; но письмо это все-таки не может быть отправлено завтра, потому что завтра я должен ехать в Версаль и опять не могу отложить поездки: там завтра будут пущены в действие большие фонтаны – случай, который повторяется только дважды в году и которого, следовательно, нельзя пропустить, хотя два года тому назад и произошло в этот день (первое майское воскресенье) известное приключение, об котором так много писали во всех газетах¹⁶. По моему плану, надлежало бы на обратном пути из Версаля доехать только до Saint Cloud или Meudon¹⁷, переночевать, осмотреть эти места, побывать также в Sèvres и Bellevue¹⁸ и уже на другой день к вечеру возвратиться в Париж; но, кажется, я изменю это, чтоб поспешить отсылкой ответа моего Николаю Аполлоновичу.

Что я в Орлеане пробыл недолго, только двадцать часов, это не помешало мне видеть все тамошние любопытные и нелюбопытные, важные и неважные памятники. У меня заранее приготовлены были отметки, что нужно смотреть. Тотчас по приезде мы запаслись планом, потом отобедали и пустились странствовать: до девятого часа половина города (он невелик) была уже осмотрена. Воротившись домой, я записал, что видел, и составил по плану маршрут для завтрашнего похода, так чтобы было скоро и без лишней усталости. На другой день мы встали в седьмом часу, в семь оправились и к десятому досмотрели все, что нам оставалось видеть. Зато я позавтракал с большим удовольствием, в полной уверенности, что не пропустил ничего и приобрел еще несколько новых сведений, которые для меня драгоценны по страсти моей к истории и вообще к старине.

<...>

Сим оканчиваю письмо свое. Хотелось бы написать еще кое-что, но уж довольно; напишу в другой раз. Сегодня у нас воскресенье: в среду думаю ехать в Руан.

Прощайте! Кланяйтесь Настасье Степановне и поцелуйте Юнию Дмитриевну¹⁹.

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 153 (1). Л. 24–25 об.

¹ Н.А.Майков сообщал о получении из Оренбурга «бумаг по промыслам», об отсылке Солоницыну «выписки самого нужного» и предлагал, «так как многие с нашей стороны не могут внести вновь денег на разработку», варианты продажи или передачи бурзянских паев (ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №138. Л.72–72об.). В числе пайщиков (бурзянских промыслов), помимо Евгении Петровны, ее матери, братьев Петра и Владимира, сестры Юлии, назван и Солоницын.

² См. письмо 9 от 8 апреля.

³ Оба письма неизвестны.

⁴ Записочка неизвестна.

⁵ О прибавке пошлин Солоницыну сообщал Н.А.Майков (см. примеч. 1) и о том же наверняка писал Гончаров. Указ «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 вызвал в обществе, по словам А.В.Никитенко, «сильный ропот». «Всякий платит сто рублей серебром за шесть месяцев пребывания за границей. Лицам моложе двадцати пяти лет совсем запрещено ездить туда. <...> Одним словом, приняты все меры к тому, чтобы сделать Россию Китаем» (*Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. С.280; запись от 19 марта). Возмущенный Вяземский признавался в письме Жуковскому: «В течение двух недель этот указ лежал на груди моей, как удушье, он давал мне спать, мешал мне порядочно говеть. Я не мог опомниться от этого указа, который нас всех треснул по голове. <...> И счастливо еще, что Европа и все ее Кюстины и журналы врут и не знают половины того, что у нас делается, и судят криво и бестолково о том, что знают худо и поверхностно. Истина была бы гораздо хуже всех их вымыслов или обезображенных рассказов. <...> Я было написал довольно обширное и довольно удачное, по свидетельству тех, которым прочел, опровержение Кюстина и готовился отправить в Париж для напечатания. Но указ окатил меня холодной водою, и, вероятно, не решусь напечатать. Обстоятельства таковы, что честному и благородному русскому нельзя говорить в Европе о России и за Россию. Можно повиноваться, но уже нельзя оправдывать и вступаться. Для этого надобно родиться Гречем» (*Гиллельсон М.И.* П.А.Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С.295). Ср. мнение о «разорительном» паспорте А.И.Тургенева: «Румянным богачам и богачихам все это безделица, но падает тяжко на тех, кои путешествуют с целью образования...» (ОА. Т.IV. С.276; письмо Вяземскому от 15/27 апреля 1844). Откомментировал указ и Солоницын: «Говорят, будто у нас увеличили пошлину с заграничных паспортов. Дай Бог! Если бы я имел власть, то вовсе запретил бы русским выезжать за границу. Они только срамят свою великую родину». – ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.31об.

⁶ О пометах Солоницына на черновых листах поэмы А.Майкова «Две судьбы» см. выше, с. 47–48.

⁷ См. примеч. 3 к письму 9 от 8 апреля.

⁸ Здесь и далее Солоницын отвечает, скорее всего, на несохранившуюся часть письма Евгении Петровны (см. письмо 9 от 8 апреля). Ср. также с его цитируемыми выше (с. 49) высказываниями.

⁹ Статьи эти опубликованы в отделе «Науки и искусства» «Отечественных записок» за 1844: «Людовик XV и его век» (Т.32. №1. С.27–60; №2. С.73–93; Т.33. №3. С.45–76; без подписи) и «Иезуиты» (Т.32. №1. С.1–26; №2. С.94–126; подпись: Н.Ратынский). В примечании к последней указаны «принятые в руководство» при составлении статьи иностранные издания (№1. Отд. II. С.1).

¹⁰ Речь идет о горячо рекламировавшейся Булгариным (см.: Сев. пчела. 1843. №244, 262; 30 окт., 20 нояб. и др.) «новой оригинальной драме» Н.В.Кукольника из времен Василия Темного «Боярин Федор Васильевич Басенок» (опубл.: Репертуар и Пантеон. 1844. Т.6. Кн.4. С.9–72). Представленная (под названием «Басенок») на александринской сцене в сезон 1844–1845 драма успеха не имела, будучи не более, как «притическо-историческим упражнением в пяти действиях» (*Вольф А.И.* Хроника петербургских театров. Ч.1. С.109). См. также отчет о состоявшейся 3 апреля премьере драмы.: Лит. газета. 1844. №14; 13 апр. С.247–251.

¹¹ Прежде ко мне из Петербурга писали, что Библиотека – дрянь, да и Отечественные записки – ужасная мерзость. Теперь Вы вдруг превозносите журнал Краевского; Валериан написал даже, будто он сделает какой-то литературный переворот. Все это заставляет меня подозревать, что Вас обошли. – Приписка Солоницына на полях (*Ред.*).

¹² «Сам-то он не глуп! Несмотря на все препятствия, он правит Францией!.. и не только, он правит миром!» (*Фр.*).

¹³ только дурачит французов и не правит ничем (*фр.*). Солоницын обыгрывает знаменитую формулу конституционной монархии Тьера: «Le roi régit et ne gouverne pas» (Король царствует, но не правит).

¹⁴ хотя ему и позволяют дурачить этих бедняков, он готов встать на колени перед любой силой (*фр.*).

¹⁵ «Но Боже мой, то, что Вы сказали, справедливо!» (*Фр.*).

¹⁶ На версальской железной дороге 5 мая 1842 произошло «беспримерное в летописях железных дорог» столкновение поездов с большим количеством жертв (см.: Лит. газета. 1842. №19; 17 мая. С.395).

¹⁷ Сен-Клу – город и императорская летняя резиденция (дворец и парк) на левом берегу Сены к северу от Версаля; Медон – местечко близ Парижа, также с дворцово-парковым ансамблем.

¹⁸ Севр – местечко на берегу Сены недалеко от Парижа со знаменитым фарфоровым заводом (основан в 1756); Бельвю – предместье Парижа.

¹⁹ Сведений о Настасье Степановне, которая, судя по письмам, была близка Евгении Петровне по меньшей мере с середины 1830-х до середины 1850-х, разыскать не удалось. О Юнии Дмитриевне Гусятниковой см. примеч. 24 к письму 7 от 27 февраля.

Лондон, 27 июня 1844.

Пишу к вам из Лондона единственно для того, чтоб иметь удовольствие выставить под письмом: *Лондон, такого-то числа, и пр.* Но что же писать? Я только сегодня приехал, да и впоследствии едва ли мне будет возможно пускаться в большие рассказы об этом чудовище, потому что я намерен провести в его смрадной и темной утробе только неделю, т.е. немного больше того, сколько известный Иона провел в утробе известного кита, откуда он не вынес никаких сведений¹.

Вы, конечно, удивитесь, что я так поздно приехал в Лондон. Не моя вина: я непременно хотел ехать 16 июня, и все было уже на ходу, но 10-го вечером пожаловал ко мне старинный приятель мой и Василья Петровича². Свидание после долгой разлуки было так нежно, что я дня четыре не мог приискать ни одного сносного положения, потом существовал только сидя и лежа, наконец почувствовал способность ходить и стоять, хотя боль не прекратилась еще совершенно; я подождал ее прекращения, не дождался и поехал больной.

Сегодня ровно год, как мы отправились из России. Следовательно, я целый год ехал до Лондона. Другие делают этот вояж скорее. Как бы то ни было, я за обедом выпил полбутылки шампанского, чтоб поздравить себя с тем, что вот я вижу и Англию.

Кстати о болезнях. Помнится, я писал к вам, что здоровье мое очень поправилось и что я стал гораздо здоровее, чем был в Петербурге. Оно, в самом деле, походило на то. Спазмы меня тревожили редко; геморрой напоминал о себе чуть-чуть, только при неизбежных случаях, в которые мне на него и пенять было нельзя; голова никогда не болела, несмотря на бессонницу; словом, все обстояло по-видимому благополучно, как вдруг мне случилось заметить, что я ужасным образом похудел. В лице, может быть, нет перемены значительной, по крайней мере, мне кажется так, в чем, однако ж, я могу ошибаться, имея счастье видеть себя ежедневно в зеркало. Но зато тело, особенно ноги... Это уж даже смешно! Ноги сделались совсем журавлиные; есть надежда, что они превратятся в филейные спицы³ и, когда я приеду в Петербург, вы все расхохочетесь!

Между тем я, заметив в себе такую странную перемену, не мог не подумать серьезно о том, отчего ж я худею, когда коренные болезни мои оставляют меня в покое и, следственно, здоровье мое поправляется. Долго я не мог ничего понять, наконец догадался и уви-

дел, что история очень немудреная. Помните, Евгения Петровна, я как-то в Петербурге, насчитав у себя осьмнадцать болезней, сказал, что у меня сохнет мозжечок (мозг спинных позвонков)? Вы тогда этому смеялись, а я говорил дело: внезапная худоба моя есть не что иное, как начало некоторой болезни, от которой никогда не вылечиваются. Впрочем, я встречаю ее спокойно: Dominus mortificat et vivificat, deducit ad infernas et reducit⁴. Хотел даже было посоветоваться с двумя знаменитыми парижскими дохторами, да после отдумал: ведь лечиться нельзя, некогда, надо ехать. Лучше отложу до Петербурга.

А что во мне действительно начинается та болезнь, о которой я говорю, так этому, кроме разных других, есть одно почтенное доказательство, состоящее в том, что ноги мои не только худеют, но и вовсе отказываются от службы. Если я сижу дома, в них начинается боль и они как будто деревенеют, я с трудом привожу их в движение; они едва меня держат. С полчася, не менее, надо ходить, чтобы размять их; но за этим следует тотчас же усталость, а как скоро сел отдохнуть, то после первого приятного чувства спокойствия возвращается прежний engourdissement⁵.

Наконец, еще болезнь. Уже больше трех месяцев меня мучит сухой, или почти сухой, кашель. Я употреблял разные средства, чтобы прогнать его: не отстает. Не знаю, по какому счастливому стечению обстоятельств, он совсем прекращался на время самых жестоких геморройных страданий: это великая милость Божия, потому что кашлять в это время – ужас! Но когда я начал выздоравливать, он воротился и терзает меня жесточайшим образом, не дает спать по ночам, и я часто напролет целую ночь кочую с постели на диван, с дивана на постелю, тем более что и сон мой всегда сопровождается одним очень страшным и неприятным явлением: чуть я заснул, меня обдаёт пот, и я через несколько минут просыпаюсь весь мокрый, в мокром белье, на мокрой постеле, так что принужден бываю менять все это.

Вот вам самые новейшие известия о моем здоровье: вы видите, что оно жестоко обмануло меня, и признаюсь, этот обман, хотя он ничуть меня не тревожит насчет будущего, умерил, однако, мое любопытство, смирил желание мое ехать туда и сюда и внушил понемножку мысль скорей воротиться на родину.

Во время болезни я даже думал отказаться от поездки в Лондон и не отказался единственно оттого, что это было одной из важнейших частей моего плана: мне казалось, что я целый век стану краснеть сам себя, если не увижу Лондона. Но Голландия, прогулка по Рейну до Шафгаузена, второе посещение Мюнхена – все это, кажет-

ся, останется только в маршруте. К тому же и финансы не позволяют исполнить все точно так, как я предполагал. С одной стороны, поездка моя в Лондон сделает в них очень широкую брешь; с другой, куча расходов, которые я должен был положить на Владимира, произвели страшное опустошение в моем кошельке. Он едет из Гавра 15 июля нового стиля, и теперь можно вычислить из копейки в копейку, чего стоит мне его путешествие. Как бы вы думали?.. Слишком 2930 франков! Ну, если бы я предвидел, что эта затея обойдется так дорого, особенно если бы я знал наперед ее результаты, то может быть, очень бы призадумался, кидать или не кидать 3000 фр., которые при моих средствах составляют сумму *assez conséquente*⁶. Владимир мало воспользовался своим удалением из общества, которое произвело его в дураки, и пребыванием между людей совершенно новых, беседа с которыми, умна она или нет, имела важное достоинство не походить на петербургскую; мои разговоры, мои рассуждения также не произвели на него почти никакого действия: когда я показывал ему вещи с их неподкрашенной стороны, он соглашался со мною и говорил даже, что сам начинает видеть многое не так, как видел прежде; но если случалось что-нибудь такое, что задевало его сокровенные чувства и понятия, он являлся опять прежним Хрюшей, Соляшей, который готов вскарабкаться на дерево, взлезть на крышу, сходить в два часа пешком из Парголова в Петербург и обратно и наделать еще тысячу разных глупостей. Что мне толку, что его называют *добрым*? В мужчине это не достоинство. Слова *добрый Солик* значат *глупый Солик*. Если бы он умел в свое время показать, что его качества не ограничиваются одной добротой, что он имеет несколько и ума, его не прозвали бы *добрым Соликом*, а придумали бы какой-нибудь иной эпитет или говорили бы просто без эпитетов, как делается с другими. К тому же эта доброта не мешает ему, однако, носить в своем так называемом *добром* сердце глубоко укоренившийся стержень неблагодарности, и все потому, что он заражен петербургскою дурью! – Совокупность этих обстоятельств заставила меня требовать от него положительно, чтобы он по возвращении в Петербург вступил в другой круг. Не то что ему должно бросить старых друзей и знакомых: это было бы неблагородно; но я не хочу, чтобы он, как прежде, проводил все свое время в их обществе; я хочу, чтобы он находился более между другими людьми; он может бывать у Любови Ивановны⁷, у Шаховских, у своего знакомого музыкального магазинщика Бернара⁸ и через него познакомиться с другими французами. Все это доставит ему практику в языке; притом молодому человеку в 22 года надо жить в свете: я испытал это на себе; если бы я в свое время находился в таком выгодном положении, в какое поставлен мною Владимир, то, конечно,

был бы не то, чем пресмыкаюсь теперь. Но, к несчастью, и природа и обстоятельства загородили мне дорогу. Что касается до Владимира, то, чтобы он не встретил решительно ни с какой стороны препятствий, я снабдил его всем нужным, и, между прочим, он имеет прекрасный гардероб, в котором может без стыда явиться куда угодно. От него будет зависеть, воспользоваться моим об нем попечением и моими советами. Но наперед говорю: беда ему, если я увижу, что он увяз в прежнем болоте, что он опять тот же добренский Солик, каким был до отъезда в Париж: в этом случае я, без долгих околичностей, бросаю его, и у меня об нем не будет больше помину.

Однако ж разговорившись о Владимире, я забыл о самом себе. Да! признаюсь, все вышеизложенные обстоятельства подточили мою охоту осматривать чужие земли. Хочется на родину. А под родиной я разумею не Петербург, но Москву. Повидаться с петербургскими друзьями, сказать им, что я их люблю по-прежнему, может быть, больше, по крайней мере, уж наверно умнее, и потом ехать в Москву: вот мысль, которая постоянно меня занимает. Ни аахенские и кельнские готические здания, ни веселый и шумный Франкфурт, ни Рим с своими живописными видами, ни пышная Вена с своими аристократическими палатами, гуляньями и церковью Св. Стефана – ничто из этого теперь не шевелит моего сердца: я мечтаю о Девичьем монастыре, о доме, где я родился, и о местах, где узнал первые впечатления юношеской жизни. Под старость всегда начинают оглядываться далеко назад; а я действительно стар, очень стар: увидите.

Впрочем, пора кончить это письмо: оно отправится сегодня (28 июня) ночью с пароходом-курьером, и говорят, что будет в Петербурге очень скоро. С этого рода пароходами посылаются отсюда все купеческие письма.

В Лондоне тьма театральных знаменитостей: Гризи, Персиани, Мориани, Фанни Эльслер, Черрито⁹ и пр. Вчера был бенефис Мориани, в котором участвовала и Фанни: следовало бы идти, но я чувствовал себя усталым, да притом и едва ли уж можно было достать билет. Здесь театры безбожно дороги.

Еще сообщаю вам по театральной части известие, что Тальони приезжала в Париж и танцевала в семи спектаклях. Она намерена сделать тур по разным городам, поплясать в каждом и тем заключить навсегда свое плясовое поприще¹⁰.

Прощайте! – Какой я пью чай, начиная с Калé!.. просто мое почтение!

Я хотел просить, чтобы вы написали ко мне в Вену, *poste restante*, но боюсь: может быть, бедственное состояние моих финансов приневолит меня отказаться даже от Вены. Когда ворочусь в Па-

риж, устрою окончательно все дела свои и сделаю последние издержки, тогда уведомя вас положительно, можно ли писать или нет.

Прощайте! Будьте здоровы все вместе и каждое тело в частности.

Солоницын.

ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.38–39.

¹ Согласно ветхозаветной Книге пророка Ионы, он провел во чреве кита три дня и три ночи (Иона, 2:1–2).

² См. примеч. 2 к письму 3 от 25 августа 1843.

³ Т.е. спицы для вязания филе (filet – *фр.*) – ажурной вязки.

⁴ Господь умерщвляет и оживляет, вводит в ад и выводит (*лат.*).

⁵ онемение, оцепенение (*фр.*).

⁶ довольно значительную (*фр.*).

⁷ Л.И.Бороздна.

⁸ Бернар (Бернард) Матвей Иванович (1794–1871) – композитор, пианист, основатель музыкально-издательской и нототорговой фирмы. В 1840–1850-е его музыкальный магазин в Петербурге (на Невском пр., д.10) был центром нотной торговли в России. По всей видимости, Солоницын-младший последовал пожеланию дяди: в 1845 состоялась премьера оперы М.И.Бернара «Ольга, русская сирота», написанной им на либретто младшего Солоницына. В отличие от одноименного водевиля Э.Скриба («Olga ou l'orpheline russe»), шедшего в переводе Н.Мундта на сцене Александринского театра в 1830–1835, сюжет оперы был заимствован из «Параши Сибириачки» (1840) Н.А.Полевого, но, по замечанию А.И.Вольфа, «должно быть, плохо вдохновил композитора. “Русская сирота” только три раза появилась на сцене Большого театра» (*Вольф А.И. Хроника петербургских театров. Ч.1. С.116; Ч.II. С.122*).

⁹ О Гризи, Персиани, Эльслер см. примеч. к письмам 5 и 7 от 6 и 27 февраля. Мориани (р. 1806) – итальянский тенор, рано потерявший голос; выступал в Вене (1841), Лондоне (1844–1845), Мадриде и Лиссабоне (1847); ни во Франции, ни в России не гастролировал. Черрито Фанни (наст. имя Франческа; 1817–1909) – итальянская балерина, гастролировавшая в Вене (1836–1837), Милане (1838–1840), Лондоне (1840–1847) и других городах; в Петербурге – в 1855–1856.

¹⁰ Речь идет о прославленной итальянской балерине Марии Тальони (1804–1884). В 1837–1842 ежегодно с огромным успехом выступала в Петербурге.

В.А.Солоницын – Н.А. и Е.П.Майковым

[Без даты]¹.

Прочтите прежде всего.

Я замечаю, что вы даете целому миру читать мои письма. Это очень огорчает меня. Я пишу к *вам*, к *друзьям моим*, – понимаете ли? поэтому часто у меня срываются с языка фразы чересчур откровенные: а вы все, что я говорю *собственно вам*, разносите по целому Петербургу! Пожалуйста, – ради Бога, – на коленях прошу вас, не поступите так и с этим письмом! читайте из него *сами*, кому заблагорассудите, все, что касается до меня; но умоляю вас! не читайте никому ни слова из того, что я пишу о Владимире. Пусть это останется только между вами, Евгения Петровна и Николай Аполлонович, и мною. Вам, как друзьям моим, от которых я ничего не скрываю, я мог писать об его недостатках; но я не хочу унижить его перед другими. Поберегите же и вы молодого человека на первых шагах его в свете. Прошу также не показывать этой части письма и детям: они, несмотря на все ваши запрещения, непременно расскажут Владимиру, что я к вам писал; а я нахожу нужным, чтоб это было ему неизвестно. В Париже он выслушивал от меня истины гораздо суровее, но то было келейно; а если он будет знать, что я и вам сообщил некоторые свои об нем мысли, так это обескуражит его и повредит ему.

ИРЛИ. Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.40.

¹ Вероятно, эта записка была написана Солоницыным после письма из Лондона от 27 июня, но отправлена вместе с ним.

В.А.Солоницын – Е.П. и Н.А.Майковым

Париж, 1/13 июля 1844.

Я написал к вам из Лондона много, а забыл о главном, об деньгах!.. Это очень грустно, что в человеческих отношениях, даже между друзьями, деньги играют всегда первую роль; но что делать! так устроен свет, и мы с вами его не переделаем.

Вот в чем история:

Полагаю, что вы, наконец, уже получили те 200 рублей, которых недоплатил Белавин. Сверх того, по переводам занятых вами у меня денег, осталось за вами 50 рублей. Итого вы имеете моих денег 250 рублей.

Но из них, матушка Евгения Петровна, надобно вычесть то, что вы заплатили за меня в Заведение громоздких вещей, также меховщику, который бережет мою шубу, и другие издержки, какие вы для меня сделали. Сколько останется, не знаю.

Во всяком случае остаток этот не может удовлетворить всех расходов, которые предстоит сделать, и потому, друзья мои, прошу открыть мне свой кошелек и учинить следующее:

1. Заплатить прибавочную пошлину за Владимиров паспорт, если эта прибавочная пошлина отменена и распространяется на тех, которые уехали за границу прежде, нежели она установлена¹.

2. Давать Владимиру, до моего приезда, по 100 рублей в месяц, начав эту выдачу со дня его прибытия в Петербург. Деньги эти должны служить Владимиру на всё его содержание, на квартиру, на стол, на ремонт одежды и прочая, даже на экстренные издержки, словом – на всё. Мне было бы очень приятно иметь средства давать ему больше; но средств этих нет, а на *нет* и суда нет. Впрочем, 100 р. в месяц – сумма очень порядочная: это значит 1200 р. в год, а в Петербурге очень много молодых людей, которые живут шестьюстами рублей годового жалованья.

Вот что я забыл написать. Надеюсь, друзья мои, что вы исполните мою просьбу.

Теперь несколько слов о моей поездке в Лондон. Я не ошибся, что эта история станет в копейку: она обошлась мне с лишком в 750 франков. Правда, что тут есть около восьми фунтов стерлингов, которые употреблены на покупку книг и разных вещей. Но как бы то ни было, я очень доволен, что видел Лондон. Вы знаете Париж; он хорош: вообразите же, что в сравнении с Лондоном, это не более как провинциальный город! Лондон... я боюсь написать, но он... чуть ли не лучше Петербурга. Такого множества монументальных зданий, прекрасных церквей, великолепных площадей и улиц, разного рода памятников, колонн, статуй – я нигде не видывал. Одна беда, всё почернело от дыму каменного угля. Я пробыл в Лондоне восемь дней. Первые два дня здоровье мое было так плохо, что я не мог выехать, но в остальные шесть дней уж не пощадил себя и видел решительно все, даже съездил в некоторые окрестности, в Виндзор, в Дептфорд (где Петр работал на корабельной верфи), в Гринвич, в Ричмонд и в Hampton Court². В Париж воротился 8 июля.

Я обещал уведомить вас, можно ли будет писать ко мне в Вену. Нет, не пишите: я там не буду. Маршрут мой совсем изменяется, чтоб уменьшить издержки и быть скорей в Петербурге³.

ИРЛИ.Р.1. Оп.17. №156 (1). Л.41–41об.

¹ См. примеч. 5 к письму 13 от 4 мая.

² Виндзор – летняя королевская резиденция на южном берегу Темзы в 30 км от Лондона с королевским замком XIII в.; Дептфорд – город в графстве Кент на берегу Темзы к востоку от Лондона; Петр I работал здесь в 1698; Гринвич – предместье Лондона со знаменитой обсерваторией, основанной в 1675; Ричмонд – местечко в графстве Сюррей; славилось террасой с видом на Темзу; Гэмптонкурт – местечко в графстве Мидлсекс на Темзе с парком и дворцом XVI в., построенным кардиналом Уолси, и первым в Англии ботаническим садом.

³ На обороте листа: «Николаю Аполлоновичу и Евгении Петровне».

17

В.А.Солоницын – Е.П. и Н.А.Майковым

Париж, 10 августа 1844.

Любезнейший Николай Аполлонович,

опять просьба о деньгах! И совестно и досадно; но что станешь делать! Ваш кошелек, может быть, очень тощий в эту минуту, есть однако ж единственный кошелек в Петербурге, к которому я могу обратиться.

Я отправляю на пароходе три ящика с книгами. Вследствие того от какого-нибудь торгового дома принесут Вам счет. Ради Бога, заплатите по этому счету; а что касается до ящиков, то об них не заботьтесь: они поступят своим порядком в таможду.

Здоровье мое немножко поправилось. Только проклятый геморрой не дает покою, да одолела слабость, происходящая от ежедневной испарины и совершенного отсутствия аппетита. Я лечусь и для этого, по совету старика Martin, вместо пятнадцатого, как предполагал, выезжаю отсюда двадцатого.

Матушка Евгения Петровна, здоровы ли Вы? веселы ли? что делаете? Но – увы! – я не могу иметь ответа на эти вопросы! – Пожалуйста, скажите Владимиру, чтобы он не дожидался моего приезда и немедленно написал к старикам Martin и к de la Croû. Письмо на-

добно афраншировать до самого Парижа и адресовать в квартиру de la Croû. Вот их новый адрес: Rue de Lancry, 30.

Вы, чай, удивляетесь, что письмо это написано так разборчиво. Дело в том, что руки мои очень трясутся и я пишу тихо, вывожу каждую букву со тщанием¹.

Прощайте! Не могу больше писать: некогда. Будьте здоровы и счастливы.

Солоницын².

ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 156 (1). Л. 43–43об.

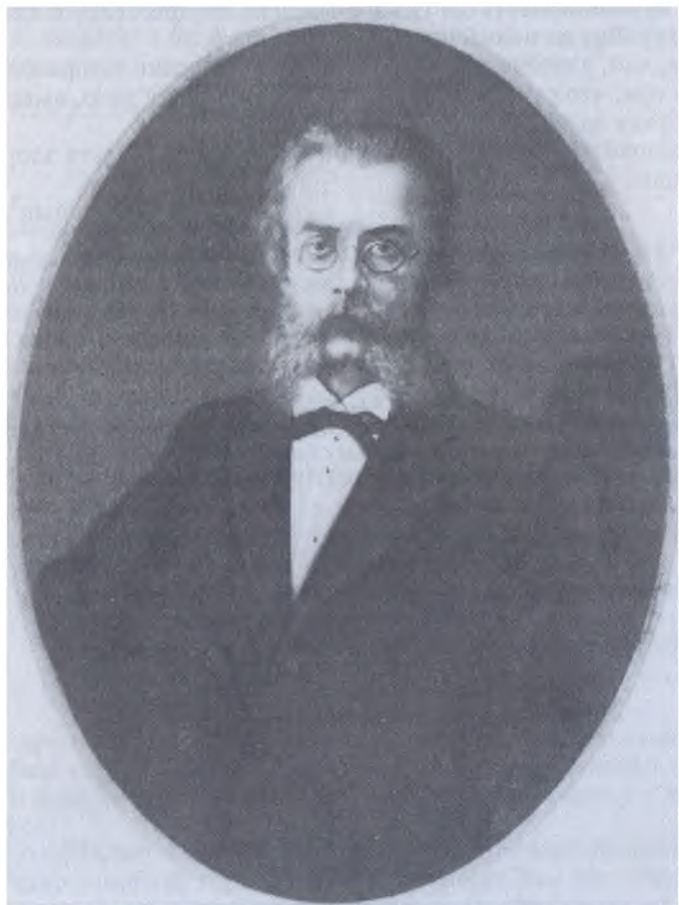
¹ Письмо это действительно отличается от других: мельчайший, изящный и четкий почерк Солоницына сменили неровные, очевидно с усилием, по букве, дрожащей рукой написанные строки.

Внизу под текстом рукой Евгении Петровны:

Последнее –
Августа 12 не стало
Брюссель.

² На обороте адрес:

St. Petersburg.
Monsieur Nicolas Maikoff.
Его Высокоблагородию
Николаю Аполлоновичу Майкову.
В Галерной улице, дом Сотникова, № 17.

Лев Николаевич Модзалевский

Л.Н.Модзалевский
ПИСЬМА К РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Подготовка текста, вступительная статья и комментарий
И.В.Осиповой

Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896) – педагог, автор первого русского систематического пособия по истории педагогики – более известен теперь как отец Бориса Львовича Модзалевского, одного из основателей Пушкинского Дома. Между тем для своих современников Лев Николаевич был достаточно значимой фигурой. Воспитатель детей великого князя Михаила Николаевича, инспектор Кавказского учебного округа и председатель Цензурного комитета, преподававший во многих учебных заведениях в Петербурге и на Кавказе, он был известен и как автор детских стихов (в том числе и знаменитого «Дети, в школу собирайтесь»)¹.

Публикуемая ниже часть обширной переписки Модзалевского включает написанные в период его заграничной научной командировки в 1862–1864 письма родным и друзьям, а также датированные июнем–июлем 1866 письма невесте, Александре Ивановне Константинович. Письма рисуют образ молодого человека, чьи взгляды и интересы, жизненные цели и стремления уже сформировались, но еще не реализованы. В них проступает прежде всего личность автора, причем личность нетипичная, сложившаяся на рубеже эпох, не совпадающая с расхожим представлением о «шестидесятниках» XIX века.

Отец Модзалевского, Николай Львович (около 1797–1870), небогатый дворянин Полтавской губернии, воспитывался в Псковском военносиротском отделении и в 1812 рядовым вступил в военную службу. Выйдя в отставку в 1831 в чине штабс-капитана, он поселился в Петербургской губернии, в имении своей жены, Ольги Кузьминишны (1806–1881), урожденной Кудряевой, дочери отставного секунд-майора. «Родители мои, – писал Л.Н.Модзалевский, вспоминая детские годы, – уже тогда в моих глазах отличались от других тем, что находились постоянно в тяжелом труде, необходимом при их малых средствах и огромной семье»². Из шестнадцати де-

¹ В советское время имя Л.Н.Модзалевского эпизодически привлекало к себе внимание исследователей. См.: *Зикеев Н.В.* Жизнь и педагогические взгляды Л.Н.Модзалевского // *Ученые записки Московского областного педагогического института.* М., 1957. Т.50. Вып.4. С.315–369; *он же.* Модзалевский Лев Николаевич // *Педагогическая энциклопедия.* М., 1968. Т.2. С.853–854; *он же.* Л.Н.Модзалевский // *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX века.* М., 1976. С.320–323. См. также: *Русская поэзия детям / Вступ. ст., подгот. текста и биографическая справка Е.О.Путиловой.* Л., 1989. С.25–26, 151–159, 690–692.

² *Модзалевский Л.Н.* Из педагогической автобиографии // *Русская школа. 1897.* №3. (Далее: Автобиография). С.16.

тей Модзалевских выжили только четверо – дочь Елизавета и три сына: Лев, Константин и Александр.

Не имея времени и возможностей для образования сына, Модзалевские поручили его своему соседу, Льву Ефимовичу Детковскому, в семье которого мальчик жил с семилетнего возраста. В 1847 для подготовки к поступлению в гимназию его отправили в Петербург, на попечение дяди по матери, Василия Кузьмича Кудряева. «Я очень рано покинул родительский дом, и это обстоятельство оставило неизгладимые следы на всей моей детской и юношеской жизни, – писал Лев Николаевич. – С семи лет поставленный среди чужих, я рано стал вдумываться в себя и в свои отношения к окружающим меня людям, рано стал учиться жить и ладить с людьми, которые, как я скоро заметил, любили и ласкали меня по мере того, как я любил их и угождал им. <...> Я <...> полюбил писать письма, а следовательно – сознавать себя и окружающий мир и отдавать в том отчет, что должно было оказывать на меня развивающее влияние»³.

В 1848 Модзалевский поступил в 3-ю петербургскую гимназию, в стенах которой прошли семь лет его жизни. Гимназии того времени были далеки от педагогических идеалов. Воспитание учеников в них заменяла «система запугивания и унижения», а преподавание зачастую ограничивалось «спрашиванием и раздачей наказаний»⁴. Однако 3-я гимназия, единственная полная классическая гимназия в Петербурге, давала основательную подготовку по древним языкам, словесности и истории, отличавшую ее питомцев среди студентов Петербургского университета⁵. Хотя учеба давалась мальчику с трудом, в старших классах он стал одним из первых учеников, а два его сочинения, прочитанные на литературных вечерах, были занесены в особый альбом гимназии.

За время учебы в гимназии Модзалевский, по его собственным словам, «заметно одичал, огрубел и узнал жизнь настолько, насколько можно узнать ее из учебников, из редких прогулок по улицам и тайного заглядывания в трактир»⁶. Однако именно в гимназии, в кругу сверстников, развились общительность и дружелюбность его характера. Здесь научился он ценить товарищество, уважать чужое мнение и беречь свое доброе имя. Узнав, что представление его к серебряной медали по окончании гимназии не было утверждено, Модзалевский пишет родителям: «<...> мне не дорога награда, я не для нее учился, а для того, чтобы знать что-нибудь, но мне дорого мнение обо мне на будущее время»⁷.

По окончании гимназии Лев Николаевич намеревался избрать военную карьеру (шла Крымская война). Доводы, которые он приводит, объясняя родителям причины своего решения, показывают его не увлеченным мальчишкой, каким представляет себя позднее Модзалевский в «Педагогической автобиографии», а человеком вдумчивым, стремящимся серьезно и

³ Автобиография. С.15.

⁴ Там же. С.18–19.

⁵ См.: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1922. С.83.

⁶ Автобиография. С.21.

⁷ Письмо Л.Н.Модзалевского родителям от 6 апреля 1855.

самостоятельно планировать свое будущее. Так, он замечает, что для поступления в университет не имеет достаточных средств, а военная служба предпочитается в обществе гражданской и даст некоторое финансовое обеспечение, а также возможность избежать шести лет обязательной службы учителем⁸. Однако министр народного просвещения отказал ему в поступлении на военную службу, и по окончании гимназии в 1855 Модзалевский был без экзамена зачислен в университет.

Вследствие склонности к гуманитарным предметам и развившемуся в гимназии вкусу к древним языкам Лев Николаевич «по призванию» выбрал историко-филологический факультет. Не отдавая предпочтения какому-либо узкому специальному предмету, он вошел в кружок приверженцев преподавателя древнерусской литературы и истории Михаила Ивановича Сухомлинова (1828–1901), вокруг которого группировались студенты, питавшие интерес к литературным занятиям. В 1857 Сухомлинов получил разрешение на издание «Студенческого сборника», в котором предполагалось помещать научные работы студентов Петербургского университета. Для обсуждения материалов сборника студентам разрешили собираться на «литературные беседы», быстро превратившиеся в «бесконечные разговоры, молодые мечты и споры, <...> чтения то новых выпусков “Колокола” Герцена, то тех или других запрещенных стихотворений и статей»⁹.

Будучи одним из редакторов «Студенческого сборника», Модзалевский нередко избирался «ходоком по начальству», защищал товарищей, избитых полицией на пожаре, выступал против попытки создания немецкой студенческой корпорации, осуждал пассивность многих студентов во внутриуниверситетской жизни¹⁰. Однако он остался «типичным представителем студентов первого пробуждения новой жизни в университете»¹¹. Тематика его выступлений на сходках редко выходила из круга чисто университетских проблем. Являясь одним из редакторов рукописного журнала «Свечеч», не чуждавшегося политики, Модзалевский, однако, резко выступил против направления нового журнала «Вестник свободных мнений», несколько номеров которого было издано в 1858. Критикуя «ребячески-необдуманную пылкость» статей, которые «совершенно выходят из сферы студенческих интересов и заводят слишком далеко...»¹², Лев Николаевич и поддерживавшие его студенты боялись прежде всего за университетские права и свободы, стремясь сохранить «все, что зародилось теперь, все, чем мы гордимся и чему радуемся»¹³.

Оценивая университетский период своей жизни, Модзалевский писал: «Вообще мы много читали, особенно запрещенного, много писали, много

⁸ Письмо Л.Н.Модзалевского родителям от 8 апреля 1855.

⁹ *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. С.93.

¹⁰ Речи Модзалевского на сходках см.: *Голос минувшего.* 1917. №1. С.135–170.

¹¹ *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905. Кн.1. С.138.

¹² *Голос минувшего.* 1917. №1. С.159–161.

¹³ См. письмо Д.И.Писарева в защиту Л.Н.Модзалевского от нападок издателя журнала «Вестник свободных мнений» (*Русская старина.* 1900. Т.104. №10. С.111–114).

говорили и хлопотали, но учились мало»¹⁴. Университет увлекал круговертью студенческой жизни, но не способствовал выявлению профессиональных интересов. Свое поступление по окончании университета на открывшиеся при нем Педагогические курсы Лев Николаевич мотивирует не особенным интересом к педагогике, а неспособностью к какой-либо другой деятельности и нежеланием разрывать связи с университетом¹⁵.

Педагогические занятия были для него первоначально лишь частью студенческой жизни. Модзалевский подрабатывал частными уроками так же, как и большинство других студентов, но, не имея средств к существованию в Петербурге, вынужден был уделять этому занятию больше времени и даже летом нанимался домашним учителем куда-нибудь в провинцию. Небольшая бесплатная школа для бедных детей, в которой он начал классное преподавание, также возникла как студенческое начинание. Но именно здесь учительство, не будучи связано с финансовой стороной, раскрылось ему как широкое и интереснейшее поле деятельности, как жизненное признание.

Занятия на Педагогических курсах включали в себя лекции по методике преподавания русского языка, словесности и истории, а также практику, для которой Лев Николаевич был прикомандирован к 3-й петербургской гимназии. Кроме того, ему удалось получить уроки в петербургском Училище правоведения и в Смольном институте. «Вообще, частная служба в Смольном под руководством отца русской педагогики Ушинского была для меня в педагогическом отношении едва ли не полезнее самих курсов, в которых я состоял официально, с правами государственной службы»¹⁶, – писал позднее Модзалевский. В Ушинском Лев Николаевич нашел друга и наставника, окончательно определившего сферу его общественных и профессиональных интересов. Обновление русского общества, начавшееся в 1856, выдвинуло на первый план идею воспитания нового человека и гражданина. Собравшиеся вокруг Ушинского молодые педагоги, ученые, литераторы (В.И.Водовозов, Д.Д.Семенов, М.И.Семевский и др.) считали воспитание «самым могущественным средством к поднятию русского общества и вообще русского народа из того печального положения, до которого они были доведены крепостным правом, крайним невежеством и нравственным бессилием»¹⁷. Стремясь найти наиболее эффективные методы воспитания, последователи Ушинского изучали зарубежный педагогический опыт. Именно в Смольном и зародился интерес Модзалевского к истории педагогики.

Ушинский повлиял и на формирование политических взглядов Модзалевского. Сам Лев Николаевич замечал: «Неся ответственные обязанности учителя, я привыкал к аккуратности, к строгому исполнению долга и потому никогда не доходил до той распушенности, до которой доходили иные из моих сверстников, <...> совершенного опьянения беззаветным, беспредельным отрицанием, которое у нас называли либерализмом»¹⁸. Модзалев-

¹⁴ Автобиография. С.24.

¹⁵ Там же. С.27.

¹⁶ Там же. С.38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 35.

ский по натуре не был склонен к радикализму, который для него означал безответственность. Именно ответственность, серьезное отношение к делу, порой граничащее с сухостью и формализмом¹⁹, стали важнейшими чертами его характера. Даже конфликт со старшим поколением, столь характерный для молодежи шестидесятых годов, не коснулся его. Ранняя самостоятельность приучила к компромиссам, а положение старшего сына в семье (в особенности после смерти сестры в 1856) заставило рано осознать свою ответственность за будущее младших братьев и стареющих родителей. Все это, однако, не мешало Льву Николаевичу быть жизнерадостным и необыкновенно общительным человеком, душой молодежных вечеринок и слыть «не только ловким танцором, но и искусным дирижером танцев»²⁰.

В связи с подготовкой нового университетского устава и ожидаемой реорганизацией университетов Министерство народного просвещения весной 1862 направило за границу с целью «приготовления к званию профессоров и преподавателей» группу молодых ученых, в состав которой вошел и Модзалевский. В царствование Александра II поездки за границу вновь вошли в быт русского общества, и масса молодых людей устремилась в иностранные, по большей части немецкие, университеты. Германские государства привлекали не только высоким уровнем образования, но и относительно дешевой жизнью. Немецкая же педагогическая наука заслуженно считалась в то время самой передовой в Европе. Командированные от Министерства народного просвещения в течение двухлетнего пребывания за границей получали значительное содержание²¹ (выплата которого, впрочем, часто задерживалась), а в конкретном направлении работы были подчинены лишь общему руководству поселившегося в Гейдельберге Николая Ивановича Пирогова, знаменитого русского хирурга, прославившегося также своими педагогическими статьями. Условия командировки были тем более благоприятны для Модзалевского, что в то же время и Ушинский направлялся за границу для изучения женских учебных заведений в Швейцарии и Германии.

17 июня 1862 Лев Николаевич прибыл в Гейдельберг, где оставался до весны 1863. Считая, что педагогу необходимо знать все о человеке и его окружении, он посещает в Гейдельбергском университете лекции по философии и психологии, физиологии и антропологии, педагогике и другим предметам, которые в период его обучения в Петербургском университете «или вовсе не преподавались, или если и преподавались, то весьма неудовлетворительно»²². Изучению философии Модзалевский уделил особенное внимание. Он пришел к выводу, что печальное состояние российской педагогики объясняется прежде всего тем, что в течение многих лет философия не преподавалась в отечественных университетах. Посвящая много времени

¹⁹ *Сорокин В.М.* Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. Т.60. №12. С.637.

²⁰ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. М., 1987. Т.2. С.73.

²¹ 1600 рублей в год, в то время как профессора в германских университетах получали 500–1000 талеров (около 450–900 рублей). См.: *Бржосиловский А.П.* Психология германцев за 50 лет. Одесса, 1916. С.18.

²² Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП). 1862. Ч.116. №12. С.172–173.

учебным занятиям, Модзалевский не остался в стороне и от общественной жизни русской колонии. Чрезвычайная сходка русской читальни в Гейдельберге избрала его одним из депутатов, направленных к Пирогову, чтобы уговорить знаменитого хирурга посетить и осмотреть Джузеппе Гарибальди, раненного 28 июня 1862 при Аспромонте²³.

Покинув Гейдельберг, Лев Николаевич посетил Швейцарию, ознакомился с устройством школ, а по возвращении в Германию остановился в Иене, где и провел оставшуюся часть своей командировки. Этот город привлек его не только своим университетом, где философию читал Куно Фишер (Fischer) (1824–1907), а педагогику Карл Стой (Stoy) (1815–1885). Последний в 1843 основал в Иене педагогическую семинарию для подготовки учителей, а также частный институт, где обучалось около 130 учеников, в том числе и несколько русских мальчиков. В шестидесятые годы педагогические семинарии стали уже обычным явлением для Германии, но большинство из них имели теологическую направленность и возглавлялись богословами. В этом отношении Иенская семинария выгодно отличалась от других и, по мнению Модзалевского, могла стать прекрасным образцом для создания подобного учебного заведения в России²⁴. Посещая лекции в университете, Лев Николаевич активно подключился к работе в семинарии и институте и даже взял на себя отдельные занятия с русскими воспитанниками, с которыми часто бывал в Веймарской православной церкви. Сам Лев Николаевич был противником воспитания детей за границей, полагая, что оно «разовьет тело и душу своего питомца, научит, пожалуй, понимать недостатки своего отечества, но не научит любить горячо»²⁵. Эти слова написаны в мае 1863, в разгар польского восстания, вызвавшего в России волну националистических и шовинистических настроений.

Польские территории, вошедшие в состав российского государства в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795), с 1815 пользовались широким внутренним самоуправлением. После восстания 1831, добивавшегося предоставления независимости Польше, эта автономия была значительно урезана, и вопрос о ее восстановлении стал широко обсуждаться лишь с воцарением Александра II. Представители радикального течения в польском национально-освободительном движении подготавливали новое восстание, ускоренное рядом репрессивных мер, предпринятых русским правительством²⁶.

Январское восстание 1863 стало своеобразным испытанием для упивавшейся собственным либерализмом России. Еще недавно русское общество сочувственно относилось к идее автономии Польши, а студенческий

²³ См. письмо Л.Н.Модзалевского М.И.Семевскому от 22 ноября 1862 в кн.: Тимошук В.В. Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895. Приложение. С.36–37; а также: Штрайх С.Я. Неизданные письма Н.И.Пирогова // Русская старина. 1917. №3. С.338–340.

²⁴ О причинах остановки Модзалевского в Иене см. его отчет от 18/6 мая 1863: ЖМНП. 1863. Ч.119. №7. С.18–23.

²⁵ Там же. С.23.

²⁶ О польском восстании 1863 см.: Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М., 1962.

журнал «Светоч» даже признавал необходимость создания независимого польского государства²⁷. Хлынувший в Петербург весной 1863 поток верноподданных адресов, требующих усмирения Польши, был вызван не столько пропагандистскими рассказами о зверствах повстанцев, сколько стремлением последних восстановить польское государство в границах 1772, т.е. отторгнуть от России не только Польшу, но и Литву, Белоруссию и Западную Украину. Выступление в защиту повстанцев крупнейших европейских государств поставило русское правительство перед угрозой большой войны, к которой страна не была готова, и еще более усилило патриотический угар. Влияние этой волны патриотизма заметно и на отношении Льва Николаевича Модзалевского к польским событиям. Хотя он и признает «все права за Польшей, которая вполне достойна лучшей доли», но воспринимает поляков как врагов «не русского правительства, а русского народа в самом обширном смысле»²⁸.

В свободное от учебных занятий время Модзалевский предпринимал ознакомительные поездки по школам Германии и Франции, посетил несколько съездов немецких учителей. Часто Лев Николаевич навещал в Веве Ушинских. По просьбе Константина Дмитриевича он написал или перевел с немецкого несколько детских стихотворений, вошедших в изданную Ушинским хрестоматию для начального классного чтения «Родное слово»²⁹. В Иене Модзалевский заинтересовался жизнью студенческих корпораций и собрал большой материал о быте немецких студентов, изданный впоследствии отдельной книгой³⁰. Вместе с небольшим кружком русских студентов он занимался гимнастическими упражнениями, особенно популярными тогда в Германии, совершал загородные прогулки по окрестностям Иены. Хороший охотник, Лев Николаевич хотел поохотиться и в Германии, но эта попытка закончилась неудачей. А.П.Бржосниовский вспоминал (в письме Б.Л.Модзалевскому от 2 октября 1916): «Как-то Вашему отцу захотелось поохотиться на зайцев. Для этого нужно было купить билет на право охоты, другой – на право иметь ружье и записаться в охотничий кружок, т.к. свободно ходить по чужим полям нельзя было, а нужно было ждать приглашения распорядителей охоты и на известном участке. Поехал он с немцами, где была на известном участке облава. Но тут было его разочарование: ...убитых зайцев охотник не имел права брать себе, а должен был купить у владельца земли, который ехал за охотниками и подбирал убитого зверя. Вышло, что все платилось за удовольствие пострелять... Разбранил Ваш отец немцев и больше не ездил на охоту».

Но активная жизнь, которую ведет Модзалевский за границей, не заглушает ностальгию, постоянно звучащую в его письмах. Он часто пишет родным, горячо переживая все домашние невзгоды. Совершенно особую

²⁷ См.: Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Сб. III. С.80.

²⁸ См. письмо К.Н.Модзалевскому от 8 июня 1863 в наст. изд.

²⁹ Ушинский К.Д. Родное слово: Для детей младшего возраста: Год первый; Год второй. СПб., 1864.

³⁰ Модзалевский Л.Н. Быт студентов в Германии. СПб., 1865.

часть этой переписки представляют его письма к брату, Константину Николаевичу (1844–1917).

Во время своего обучения в 3-й петербургской гимназии Константин находился на попечении старшего брата и часто бывал в кругу его университетских товарищей. «Мальчик рано стал резонерствовать, много читал и вообще развилась не по летам»³¹. Незадолго до отъезда старшего брата за границу Константин Модзалевский за какую-то выходку в церкви был исключен из 5-го класса гимназии. Молодой человек не поехал к родителям, а остался в Петербурге, решив поступать в университет. Лев Николаевич чувствовал себя ответственным за судьбу брата и тяжело переживал последствия своих «педагогических ошибок». Он старается помочь брату как деньгами, так и советом, пытается даже устроить поездку его за границу в качестве секретаря Ушинского. Неудача этой попытки и стала поводом к появлению нескольких философских писем, в которых нашли отражение взгляды и убеждения братьев. Константин Николаевич главной причиной своих неудач считает жизненные обстоятельства, видит даже некий фатум, тяготеющий над ним. Старший брат стремится примирить молодого нигилиста с окружающим миром, доказать брату, что основой существования является не эгоизм, а труд, любовь, уважение к чужим убеждениям. Жизнь повела их разными дорогами. Константин Николаевич государственной службе предпочел нелегкую судьбу свободного журналиста, который «существует исключительно литературой, не получая ниоткуда ни жалования, ни какой-либо субсидии»³². Но различие во взглядах не влияло на отношения братьев. По мнению Л.Н.Модзалевского, лишь исчезновение взаимной любви могло стать причиной семейного разрыва. Не пытаясь навязать свое мнение, он продолжает помогать брату. Лев Николаевич устраивает поездку последнего в Иену, где Константин Николаевич, занимаясь с русскими воспитанниками института Стоя, мог посещать лекции в университете и получить европейское образование. Влиянию старшего брата К.Н.Модзалевский обязан и своим увлечением педагогикой. Впоследствии он стал известен как автор педагогических статей и издатель журнала «Семья и школа» (1884–1888).

Другую часть публикуемой ниже переписки составляют письма Л.Н.Модзалевского невесте, А.И.Константинович. Семейный календарь Модзалевских³³ содержит такую запись: «Ноября 1866 года был у Л.Н.Модзалевского бальный вечер, в память бала в Мариинском институте, бывшего того же числа и месяца в 1864 году, где Л[ев] Н[иколаевич] почувствовал расположение к институтке А.И.Константинович». Александра Ивановича Константиновича (1848–1920), дочь капитана-лейтенанта Ивана Петровича Константиновича, родилась в Керчи. Рано лишившись матери, она для получения образования была помещена в Мариинский институт в Петербурге, где в 1864–1866 преподавал Модзалевский. Нам неизвестна история почти двухлетней любви молодого преподавателя к своей воспитаннице. В пись-

³¹ Автобиография. С.27.

³² Из отъезда Н.А.Некрасова о К.Н.Модзалевском. Цит. по: *Переселенков С. К.Н.Модзалевский (некролог) // Педагогический сборник. 1917. №12. С.699.*

³³ Месяцеслов на 1865 год из домашнего архива Н.Л.Модзалевского.

мах невесте он лишь изредка вспоминает о тяжелой необходимости скрывать свое чувство и о неудавшихся попытках отказаться от него. Гораздо чаще память Льва Николаевича обращается к объяснению с возлюбленной сразу же после ее выхода из института, окончательно решившему их судьбу.

Написанные в недолгий период разлуки влюбленных (когда Модзалевский отправился в деревню для устройства своих дел перед свадьбой), письма Александре Ивановне раскрывают самые интимные стороны его личности, рисуют его удивительно мягким, чувствительным и легко ранимым человеком, уставшим от груза ответственности и истосковавшимся по теплу и участию любящего сердца. Эти письма полны искреннего преклонения, хотя порой в них и прорываются наставнические нотки (десятилетней разницы в возрасте и опыт педагога дают себя знать). Со своей ученицей он беседует как с лучшим другом, поверя ей и свои сомнения, и свои надежды на будущее. Их встреча и скорая свадьба казались Льву Николаевичу завершением всех его душевных исканий, закономерным итогом целого периода его жизни. Венчание Льва Николаевича Модзалевского и Александры Ивановны Константинович состоялось 17 августа 1866 в церкви Лесного института в Петербурге.

* * *

Публикуемые ниже письма хранятся в архиве ИРЛИ РАН, в фонде БЛ.Модзалевского (Ф.184). Мы сочли возможным сделать незначительные купюры, опустив в тексте писем многочисленные поклоны родственникам и знакомым, а также указания на заграничные адреса Модзалевского. Орфография и пунктуация, за некоторыми исключениями, приведены в соответствии с современной нормой. Поскольку фонд Модзалевского еще не разобран, сверить с оригиналом удалось лишь публикуемые письма; письма, цитируемые во вступительной статье и комментариях, воспроизводятся по копиям, предоставленным нам правнуком Л.Н.Модзалевского, Николаем Львовичем Модзалевским. Приносим ему искреннюю благодарность за помощь в подготовке этой публикации. Благодарим также Л.К.Хитрово за содействие в работе с архивными материалами.

I. Письма из-за границы

1

Л.Н.Модзалевский – родителям

Гейдельберг.

17/29 июня. 1862. Воскресенье.

Добрейшие и многоуважаемые Папаша и Мамаша!

Не удивляйтесь, что так долго не было с моей стороны уведомления о приезде и водворении моем на постоянном месте жительства

ва: я ехал довольно медленно, с расстановками, так как непрерывная езда по железным дорогам была бы для меня слишком утомительна. Я писал к Вам из Вильно¹; вероятно, Вы получили это письмо. Теперь буду продолжать дальше. В Вильно я встретил двоих петербургских профессоров, осматривал с ними все достопримечательности города и его окрестностей, провел и 6-ое июня, видел большой католический праздник с крестными ходами, называющийся *Боже тыло*², и 7-го пустился в путь, взяв место до Кенигсберга в 3-м классе. На границе мы простояли часа 4, пока осматривали наши паспорта, вещи и перевели в прусские вагоны. Здесь я разменял бумажки наши на прусские деньги, при чем, конечно, потерял копеек по 12 на рубль. На этом же поезде ехал и директор Правоведения Языков, с которым мне очень приятно было встретиться³. От него я узнал между прочим, что пожары в Петербурге продолжают от поджигательства и что весь город разделен на 4 губернаторства, все ворота заперты, всюду часовые, все как бы на военном положении, народ бьет всех, кто покажется подозрительным, и арестантов судят в 24 часа⁴. Пески выселились на площадь⁵ и жили, как на бивуаках. Слава Богу, что мы уехали.

9-го числа я прибыл в Берлин, где остановился в гостинице вместе с одним учителем 1-й гимназии⁶, моим старым знакомым, ехавшим в Лондон. Здесь я пробыл 2 дня, осматривал все замечательное, в воскресенье был в русской церкви, где было много русских, и вместе с тем же знакомым поехал в Кельн в 3-м же классе, а из Кельна на другой день, 13-го июня, был уже в Бонне у своего товарища и приятеля Шиховского⁷, который, конечно, был очень рад меня видеть и был мне очень полезен. Через два дня мы с ним вместе поехали дальше, в *Гейдельберг*; он также желал явиться к Пирогову⁸, – но, к сожалению, Пирогов еще не прибыл, и Шиховской напрасно приехал, – но познакомил меня с кем нужно, отыскиали мне квартиру, и на другой день он уехал обратно, я же сегодня, проводив его, водворился на новое место жительства. Воскресенье 29-ое июня, или по-нашему 17-ое июня, так как за границей счет чисел 12-ю днями вперед в сравнении с нашим.

Здоровье мое было во время путешествия порядочно. Езда утомляла, но новость всего встречаемого делала путешествие интересным, и я был бодрее. Все было благополучно, только на пути от Кенигсберга до Берлина, на одной станции, где закусывали, опоздал на машину и остался на полсуток в Крейце до следующего поезда. Это причинило убыток рубля на 4, но вещи все, конечно, были целы. Не зная заграничного пути, я очень дурно сделал, что взял с собой много вещей лишних, напр[имер] одеяло, простыни, белье, – все это, если взять плату за провоз, обошлось дороже, чем оно стоило, и

притом здесь совершенно лишнее. Чтобы не возить с собой одеяло, хочу его здесь продать; в гостиницах и в квартирах для холостых здесь все кроватные принадлежности от хозяев. Провозка чемодана стоила рублей до 20-ти. При проезде чрез разные немецкие государства счет денег и самые деньги часто менялись, что очень затрудняло и путало сперва. Здесь, в Баварии, считают гульденами, в гульдене 60 крэйцеров; за русский полуимпериал⁹ дают 9 гульденов 36 крэйцеров, следовательно, гульден равняется нашим почти 55 коп.

Я нанял себе две комнатки, прекрасно меблированные, против самого университета, с бельем кроватным, утренним чаем и прислугой за 22 гульдена в месяц – т.е. по-нашему около 13 рублей серебр[ом]. Очень дешево и удобно. Жизнь здесь вообще вся дешевле; за 25 коп. можно иметь прекрасный обед из 4 блюд и с фруктами. Я для здоровья и очищения желудка ем много плодов и ягод, как, напр[имер], здесь очень дешевы персики, груши, вишни, кружовник, малина, клубника. Природа очень богата; грецкие орехи растут в диком состоянии, и я скоро буду их рвать прямо с дерева; воздух чистый, здоровый, горный. Чтобы Вы лучше получили понятие о Гейдельберге и его красоте, посылаю Вам вид его; он лежит между высокими горами, на одной горе развалины рыцарского замка; внизу протекает река Неккар; самый город красив, с площадями и фонтанами; жителей до 15 тысяч, студентов человек 300, много живет или проезжает русских. Все путешествие стоило мне около 100 руб[лей] сер[ебром] при всей экономии.

Прощайте, мои родные; благодарю Вас за все, за все, желаю всего лучшего. Сашурку¹⁰ целую; дайте ему свободу бегать, развиваться – но не шалить; не надо убивать в нем детства – а вызывать откровенность и свободу.

Ваш Лев Модзалевский.

¹ Речь идет о письме к родителям от 6 июня 1862.

² Боже тьяло – славянское название католического праздника Тела Господа, отмечаемого на десятую неделю после Тайной вечери.

³ Языков Александр Петрович (1802–1878) – директор Училища правопедения в С.-Петербурге в 1849–1877. Преподавая в этом училище, Модзалевский давал уроки дочери Языкова и часто бывал на вечерах в его доме. (Автобиография. С.28).

⁴ Речь идет о крупных пожарах в Петербурге, начавшихся 15–16 мая 1862 и продолжавшихся более двух недель. В это же время в Петербурге появилась революционная прокламация П.Г.Зайчневского «Молодая Россия», и городские слухи обвинили в поджогах «нигилистов», «поляков» и

студентов. Для борьбы с пожарами и распространением прокламаций город был разделен на три временных военных генерал-губернаторства. Дела о подозрении в поджогах рассматривались в 24 часа. Подробнее см.: Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1957. Т.2. С.268–271.

⁵ Вероятно, Мытнинская площадь (в настоящее время – сад имени Н.Г.Чернышевского).

⁶ Вероятно, Василий Иванович Водозов (1825–1886), известный русский педагог, преподаватель 1-й петербургской гимназии; в 1860–1862 по приглашению К.Д.Ушинского преподавал русскую словесность в Смольном институте.

⁷ Шиховской Иосиф Иванович (1839–1881) – товарищ Модзалевского по университету.

⁸ Н.И.Пирогов прибыл в Гейдельберг в конце июля 1862.

⁹ Полуимпериал – русская золотая монета. В 1755–1897 выпускалась достоинством в 5 руб. Ее курсовая стоимость в 1862 составляла около 5 руб. 15 коп. серебром.

¹⁰ Модзалевский Александр Николаевич (1849–?), младший брат Л.Н.Модзалевского.

2

Л.Н.Модзалевский – родителям

28/16 июля 1862 г.

Многоуважаемые и дорогие сердцу Папаша и Мамаша!

Письмо Ваше, которого ждал с нетерпением, получил 24-го июля. Почта идет всего неделю. Слава Богу, что у Вас все тихо, но грустно и жаль Вас, когда подумаешь, что Вы без опоры, в таких трудах; право, городская жизнь, самая умеренная, для Вас была бы спокойнее, если бы найти надежного арендатора. Так как 1600 руб[лей]¹ мне даже много, то я 200 могу без всяких лишений отделить для Вас, если бы Вы вздумали поселиться в Пскове. Мне это было бы нечувствительно – и это к Вам возвратились бы Ваши же деньги. Поговорите хорошенько с Михаилом Лаврентьевичем², на его совет можно положиться, на зиму же в деревне и ему невозможно остаться. Не знаю, что делать с Костей³, к которому писал, но ответа не получаю. Я на днях получил ответ от попечителя⁴ на мое письмо к нему. Министр⁵ наотрез отказал допустить его в гимназию вольноприходящим; не знаю, что с ним делать? В Петербурге же ему жить без дела не приходится, и своими силами приготовиться к университету он не в состоянии. Если бы Вы были в Пскове, он мог бы ходить в псковскую гимназию, если дозволит, – о чем я опять буду

писать к попечителю. Или не выписать ли его в крайнем случае сюда, за границу? Еще подумаю. Несчастный мальчик! Негодовать на него нельзя, но надо сожалеть его за несчастный характер. Теперь-то и надо его поддержать. Жду от него ответа и буду с ним соображаться. Посылаю к Вам письмо самого попечителя ко мне (в копии). Когда-то Вы добудете Ваш Аттестат⁶, дорогой Папаша? – да напишите куда следует при помощи брата Михаила Лавр[ентьевича] о пенсионе. Вот какие подлещи наши чиновники! Вероятно, братец и Нютяша⁷ теперь у Вас; есть ли прислуга, напишите. Расцелуйте Нютяшу и покажите картинку, где живет дядя. Здоровье мое, кажется, лучше, но немного. Купаюсь каждодневно и много хожу.

На днях приехал сюда тайный советник Н.И.Пирогов – я у него бываю часто, и подолгу беседуем. Дел много, но жизнь спокойнее петербургской; одному скучно и о Вас все думается, как-то вы там справляетесь и как здоровье Ваше. В конце августа уеду из Гейдельберга; вероятно, побываю в Париже, Лондоне и в Швейцарии, но где остановлюсь на зиму, еще не знаю. В августе должен получить деньги из Министерства; на днях посылаю рапорт⁸. К министру уже отправил частное письмо.

После дождей и холодов здесь стоят теперь страшные жары, некуда деться – и лезешь в воду. Русских здесь очень много, человек до 50, много поляков, и у меня обширное знакомство; познакомили и с немцами. В гости здесь, да и вообще за границей, не ходят, а видятся в кондитерских и гостиницах, куда все холостые и часто семейные ходят пить кофе, пиво, обедать и читать газеты. Жизнь гораздо дешевле петербургской и даже псковской, о чем я уже писал Вам. Я пью всегда чай, но молоко не так хорошо, так как на коровах ездят и возят всякие тяжести, обрабатывают поля и огороды. Коровы здешние крупнее и вдвое сильнее наших лошадей, а быков мало держат. Плодов теперь ужасное обилие, поспевают и виноград, уже продают. Яблоки, пожалуй, по фунту весом. Я люблю всякие фрукты и много ем. Встаю в 7 часов, обедаю в 1 час, в 8 опять пью чай и в 11 час[ов] ложусь спать. По утрам и вечерам гуляю. Вот Вам вся моя жизнь, пишите и Вы подробно.

<...>

Ваш Л.Модзалевский.

¹ Годовое содержание, назначенное Модзалевскому на время пребывания за границей.

² Сергеев Михаил Лаврентьевич (1808–1867) – муж старшей сестры Модзалевского, Елизаветы Николаевны (1829–1856). Жил в Пскове.

³ Модзалевский Константин Николаевич. В описываемое время находился в Петербурге. О нем см. вступ. статью.

⁴ В 1858–1866 попечителем Петербургского учебного округа был И.Д.Делянов (1817–1897), впоследствии министр народного просвещения (с 1882).

⁵ Министр народного просвещения А.В.Головнин (1821–1886).

⁶ Вероятно, речь идет об указе об отставке Н.Л.Модзалевского, необходимом для поступления в гимназию А.Н.Модзалевского.

⁷ Сергеева Анна Михайловна (1855–?), дочь М.Л.Сергеева.

⁸ Выплата содержания командированным за границу от Министерства народного просвещения производилась три раза в год по представлении ими отчетов о своей работе за прошедшее время. Речь идет о первом рапорте Л.Н.Модзалевского, датированном 19 июля/1 августа 1862. (Опубл.: ЖМНП. 1862. Ч.116. №10. С.48–49.)

3

Л.Н.Модзалевский – А.П.Пятковскому¹

*Гейдельберг.
10 октября 1862 г.*

Добрый друг Александр Петрович,

Желая вызвать вас на ответ и втянуть, если можно, в постоянную переписку, решаюсь первый писать к Вам. У нас в Европе слышно, что Вы возвратились из путешествия на родину, и потому можете на несколько минут оторваться от своих провинциальных воспоминаний и написать к старому приятелю. Как Вы поживаете, как идут ваши дела, ученые, литературные и педагогические, что предпринимаете хорошенького? Уведомьте о себе обстоятельно, а равно и обо всем, что теперь творится в нашем любезном отечестве. Годовщина тысячелетия² вышла какая-то бледная и жалкая; заграничные газеты отозвались об этом как-то глухо и больше толковали о Замойском³, который теперь, вероятно, уже в Париже. Уж по моему гораздо лучше вышло 60-летие Минист[ерства] Вн[утренних] Дел, устроенное Валуевым⁴. Это, по крайней мере, яркая глупость или, пожалуй, остроумная насмешка. Интересно, будут ли праздновать 62-летие Министерства или подождут до 65-летия? – Слышно, что проект об устройстве открытого судопроизводства после долгого плавания в Совете Министров и неоднократного крушения от Панина⁵ наконец благополучно миновал эту Харибду, и то делу помогла воля самого Государя. Правда ли, что Стоюнину и Водовозову дали Станислава, да еще на шею⁶? Надо будет поздравить их.

О себе скажу в кратких, но ясных словах. Во время Zwischen-Semester⁷ я побывал в Брюсселе, Лондоне (10 дней), Париже (сутки, по причине безденежья), а потом съездил в Швейцарию, где всего прожил, пространствовал и прохворал недели три. Теперь на Winter-Semester⁸ засел вплотную за работу. Слушаю лекции ист[ории] философии, антропологии и популярной физиологии и занимаюсь психологией и педагогикой. Хочу приняться и за английский язык. Проклинаю свою леность, что раньше не взялся за него, но лучше поздно, чем никогда. О Лондоне скажу, что его надо не осматривать, а изучать: один Кристальный дворец⁹ и Британский музей – море сокровищ, для меня особенно со стороны истории искусств. Думаю съездить потом месяца на два. В Париж с Чистяковым¹⁰ поеду на Рождество и закучу по примеру любезных соотечественников... Кроме шуток, Лувр и театр заслуживают серьезного внимания. Если будут открыты пораньше школы, то загляну и в них. В Швейцарии кроме чудной природы меня интересовали также школы, но они скоро закрылись по причине приближения виноградного сбора. Методы Шерра¹¹, Фролиха¹² и др. особенно замечательны. С Ушинским мы пожили в Веве душа в душу и вместе ездили в Женеву и Лион. Впечатлений так много, что не берусь их теперь и описывать. На будущее лето вместе постранствуем, я жду Вас непременно. Смотрите, копите деньгу и пускайтесь к нам, а родину на этот раз пошлите к черту! Что подельывает брат Ваш Павел Петрович¹³? Кстати, не оставьте, добрый друг, моего брата Костю, а я Вам отслужу верой и правдой. Я сильно рассчитываю на Вашу обязательность в этом отношении по правам старой дружбы.

Слышали ли Вы, какой отличный концерт (кошачий, конечно) задали здешние русские Путятину¹⁴ при его проезде через Гейд[ельберг]. Этот концерт был исполнен в три отделения: в 9, 11 и 12 час[ов] ночи. Мне удалось слышать только одно первое отделение, и то случайно. Вообразите темную ночь, каштановую аллею, освещенные окна Путятинана, – и дружный хор свистков, гармоник, трещоток, и дикий глас трубный. Говорят, что сбежавшиеся немцы и немки также помогали из любви к искусству. Я слышал издали, из окна. На другой день граф уехал. Здесь живет Пирогов, у кот[орого] я оч[ень] часто бываю. На зиму приедет Ушинский. Прощайте! Обнимаю Вас нежно и целую в бороду.

Ваш Л.Н.

¹ Пятковский Александр Петрович (1840–1904) – русский педагог, публицист и литературовед. Издатель журнала «Народная школа» (1878–1882)

и газеты «Гласность» (1879–1882). В 1862 преподавал русский язык в Институте корпуса инженеров путей сообщения и Мариинском институте.

² Речь идет о праздновании в 1862 тысячелетия России.

³ Замоиский Анджей (1800–1874) – граф, крупнейший промышленный и земельный магнат Царства Польского, один из лидеров «партии белых» в польском национально-освободительном движении. После поднесения ему в сентябре 1862 съездом польских землевладельцев адреса, требовавшего предоставления Польше автономии и объединения ее в единое государство с литовскими, украинскими и белорусскими землями, русское правительство выслало Замоиского за границу.

⁴ Валуев Петр Александрович (1815–1890) – русский государственный деятель. В 1861–1868 – министр внутренних дел.

⁵ Панин Виктор Никитич (1801–1874) – русский государственный деятель, в 1841–1862 – министр юстиции.

⁶ Стоюнин Владимир Яковлевич (1826–1888) – видный русский педагог, в 1852–1871 преподавал русский язык в 3-й петербургской гимназии. Стоюнин и Водовозов были награждены орденами св. Станислава II степени 8 сентября 1862 (ЖМНП. 1862. Ч. 116. №10. С.8).

⁷ каникулы (нем.).

⁸ зимний семестр (нем.).

⁹ Кристальный (современное название – Хрустальный) дворец в Лондоне построен в 1851 для размещения экспозиции 1-й Всемирной выставки.

¹⁰ Чистяков Александр Иванович (1834–1895) – учитель латинского языка в 4-й петербургской (Ларинской) гимназии. В 1862 командирован Министерством народного просвещения за границу. Модзалевский в письме к родителям от 1 октября 1862 сообщал: «Теперь на зиму устроился в Гейдельберге, хорошо и тепло. Здесь нет квартир с двойными рамами и печки железные, греют на один час, но я нашел квартиру, которая сама по себе тепла. Живу с товарищем [господином] Чистяковым, также посланным на казенный счет. Мы сошлись с ним уже здесь, в Гейдельберге. Одному жить – тоска. Зима здесь такая, что снегу на улицах никогда не лежит, и по утрам только крыши белеют. Санной езды, конечно, и не знают».

¹¹ Шерр (Scherr) Томас (1801–?) – немецкий педагог, основатель института глухонемых в Цюрихе.

¹² Фрëлих (Fröhlich) Густав – немецкий педагог, директор Обывательской женской школы в Берне.

¹³ Пятковский Павел Петрович – брат адресата. Сведений о нем обнаружить не удалось.

¹⁴ Путятин Евфимий Васильевич (1803–1883) – граф, адмирал, в июне–декабре 1861 – министр народного просвещения. С его именем связано ужесточение университетского устава и суровое подавление спровоцированных этим студенческих волнений, вплоть до временного закрытия Петербургского университета. По немецким студенческим традициям, кошачий концерт устраивался особенно нелюбимым ректорам и преподавателям.

Л.Н.Модзалевский – В.Я.Стоюнину

Гейдельберг.
30/18 декабря 1862 г.

Милостивый государь Владимир Яковлевич,

Давно собирался написать к Вам и собрался только теперь. Прежде всего, по обычаю, поздравляю Вас с 1863 годом, желаю, чтобы он принес Вам побольше радостей и удач. От души благодарю Вас, добрый и многоуважаемый Владимир Яковлевич, за Ваш всегдашний привет ко мне и доброжелательство. Как учитель, я могу прямо сказать Вам, что влияние Вашей личности, стойкой и честной, я чувствовал на себе начиная со школьной скамьи и до последнего времени. Надеюсь, что я не оскорблю Вашей скромности, высказывая Вам это, и Вы поймете и примете мое искреннее слово.

В Германии я встретил многое, чему надо долго и усердно учиться. В жизни здешних школ для меня открылся новый мир. Трудиться предстоит еще так много, а сделано, сознаюсь, еще очень мало. Здешняя наука и жизнь, в ее высших проявлениях, на первый раз так поражает нашего брата своею громадностью и многосторонностью, что не вдруг сможешь оправиться, осмотреться и ориентироваться, чтобы потом уже твердо и неуклонно идти одним путем. Что Вы думаете обо мне, достойнейший Владимир Яковлевич; есть ли во мне какие-нибудь залого быть порядочным профессором педагогики и что Вы думаете о такой кафедре, нужна она или нет университетам? Скажите, пожалуйста, Ваше мнение – и я хорошенько подумаю над ним и поверю себя.

Жизнь в Гейдельберге чрезвычайно благоприятствует ученым занятиям: ни шуму, ни развлечений; множество русских, своя библиотека со всеми русскими газетами и журналами¹. Есть и новые друзья, которых можно уважать вполне. Я особенно привязался к пр[офессору] Варенцову² – что за детски чистая и честная натура! Из командированных здесь живут человек 15. У нас устроились учено-литературные вечера раз в неделю; каждый по очереди предлагает какой-либо интересный вопрос из своей специальности и старается разобрать его³. Альбертини⁴ – один из деятельнейших членов этого маленького общества. Часто также собираемся у Пирогова. Это наш патриарх! Я еще не видывал человека столь *человечного*; так он прост и вместе глубок. Удивительнее всего, как человек таких лет и чинов мог сохраниться во всей чистоте, и при том же у нас на Руси, переживши целое николаевское царствование! Поездка Николая

Ивановича к Гарибальди⁵ еще выше подняла его в глазах здешних, и русских, и поляков, и немцев.

Что нового в нашем Министерстве? К чему это напечатали наши уведомления и частные письма под видом отчетов⁶, компрометируя и себя, и нас! Деньги высылают так неаккуратно, что я вот уже два месяца все жду и сижу без крейцера.

Если будете иметь свободную минуту, напишите хоть несколько строк, чем много обяжете.

Преданный Вам Л.Модзалевский

<...>

P.S. Письма не франкирую⁷ для верности. Вы сделайте также.

¹ Гейдельбергская русская читальня, возникшая в 1862 в кондитерской Frau Helwerth, выписывала большинство русских газет и журналов, а также имела значительное количество запрещенной в России литературы. (Подробнее см.: *Кашкин Ю.С.* В Гейдельбергском университете // *Голос минувшего.* 1923. №2. С.44; *Сватиков С.* Русские студенты в Гейдельберге // *Новый журнал для всех.* 1912. №12. С.147.)

² Варенцов Виктор Гаврилович (1825–1867) – педагог, фольклорист, адъюнкт русской словесности в Казанском университете (1857–1860), исполняющий должность директора Самарской гимназии (1860–1863), впоследствии инспектор Одесского учебного округа (1864–1867).

³ Об этих вечерах Пирогов 11/23 декабря сообщал министру народного просвещения: «А недавно 10 человек – все почти посланные от правительства, согласились еженедельно читать, каждый по своему предмету; многие и другие желали бы принять участие в этих чтениях, но так как они объявили, что не могут представлять так часто статей научного содержания, то и не были включены в состав участников» (Неизданные письма Н.И.Пирогова // *Русская старина.* 1917. Т.169. №3. С.343).

⁴ Альбертини Николай Васильевич (1826–1890) – публицист, сотрудник «Отечественных записок», писал преимущественно на зарубежные темы. В октябре 1862 – феврале 1863 жил в Гейдельберге. Был связан с А.И.Герценом, находился под негласным надзором полиции.

⁵ См. вступ. ст. к наст. публ.

⁶ Первые «извлечения из отчетов лиц, направленных за границу...» были опубликованы: ЖМНП. 1862. Ч.115. №9. С.32–50. Они действительно по большей части носят характер уведомлений о прибытии и планах работы.

⁷ Франкировать (от *итал.* *francare* – освобождать) – оплатить вперед перевозку и доставку почтовых отправок.

Л.Н.Модзалевский – родителям

*19 марта 1863 г.
Веве, Швейцария*

Милые и многоуважаемые Папаша и Мамаша!

Пишу к Вам уже из Швейцарии, так как Гейдельберг покинул, но перед праздниками не поехал в Иену, а захотелось провести святую неделю¹ в семействе Ушинских в Веве, куда прибыл вчера. Красный крестик на картинке² означает место, где я живу, на берегу Женевского озера. Все в зелени, уже цветут яблони, и тепло необыкновенно. Здесь отдохну и потом уже поеду опять в Германию работать. Мой новый адрес я Вам сообщу, когда установлюсь на одном месте, – а теперь буду в разъездах по Швейцарии. С Министерством дела идут хорошо; до 12 мая получил жалованье, но худо то, что оно было отправлено ко мне раньше, чем Костя успел получить свою часть³. Однако я распорядился так, что ему выдадут из денег за напечатание моих статей в журналах. Ваши последние письма от 24 февраля я получил и очень благодарю Вас за обстоятельное уведомление о себе и обо всех делах. Много неприятного, но мне дороже всего, чтобы Вас Господь миловал, чтобы Вам было поспокойнее. Я рад, что вышел хоть маленький пенсионишко⁴; при нынешних обстоятельствах и то слава Богу. Когда окончится срок моей командировки, мы еще проживем вдоволь, лишь бы Бог помог хорошенько устроить все дела. Михаил Лаврентьевич ко мне еще не писал, да ему и нелегко сообщать такие новости о себе⁵. Я думаю, что как ни печальна для Вас его женитьба, но тут есть кое-что и хорошее. Нютяше было бы хуже расти при одном отце, без женского лица в доме; может, мачеха и не будет лиха с нею. Не забывайте также, что и мы не бросим ее, и в случае чего дурного я всегда готов приютить ее у себя. Я не полагаю также, чтобы отец разлюбил бедняжку, – но последствия все покажут, подождем.

Поздравляю Вас, мои дорогие друзья и благодетели, с наступающими праздниками; мы заочно похристосуемся. Опишите мне, как Вы их проведете и не ждете ли Сашу: это было бы и для него недурно, если бы он приехал, ибо нет ничего хуже, когда дети с малолетства отвыкнут и охладят в любви к родителям. Не знаю, как он теперь учится, а Костя не уведомляет, хотя я его просил об этом. За него самого у меня очень болит душа, о своих же успехах он не пишет, так как никогда не был откровенен. Однако пишет умно и дельно, я с удовольствием читаю его письма. <...> В конце апреля я

буду уже в Иене; Пирогов мне дал письмо к тамошнему Герцогу⁶, и вероятно, я буду иметь все пособия по моим делам. Это хорошо.

Пожалуйста, уведомяте, как Вы устроились по имению, куда делся Иван Федоров⁷, есть ли у Вас прислуга и тому подобное. Мне хочется знать Ваше житье-бытье. Послал бы Вам по яичку, да нельзя. Жаль! Отыскалось ли мое письмо на Белой⁸? Там было вложено и дядино письмо насчет Саши. Здоровье мое порядочно, и я до того осторожен, что даже не курю...

Преданный Ваш Л.Модзалевский.

¹ В 1863 Пасха приходилась на 19/31 марта.

² Письмо написано на почтовой бумаге с видом Веде.

³ К.Н.Модзалевский должен был получать из жалованья Л.Н.Модзалевского по его доверенности ежемесячно 10 рублей, начиная с октября 1862, «с тем, что по поступлении его в университет этот оклад удваивается, а в случае непоступления уничтожается» (письмо Л.Н.Модзалевского родителям от 1 октября 1862).

⁴ Н.Л.Модзалевский получал от Гдовского уездного казначейства ежегодный пенсioen 57 рублей 14 копеек (письмо Н.Л.Модзалевского Л.Н.Модзалевскому от 28 января 1863).

⁵ Здесь и далее речь идет о браке М.Л.Сергеева с гувернанткой его дочери.

⁶ Великому герцогу Карлу-Александру Саксен-Веймар-Эйзенахскому (Sachsen-Weimar-Eisenach).

⁷ Вероятно, бывший крепостной Модзалевских.

⁸ Белая (впоследствии Струги Белые, ныне – Струги Красные) – ближайшая к селу Ивановскому железнодорожная станция в Псковской губернии, куда по адресу И.Волкова направлял Модзалевский свои письма родителям.

6

Л.Н.Модзалевский – родителям

*15-ое апреля 1863 г.
Иена.*

Дорогие и многоуважаемые Папаша и Мамаша!

Я уже устроился в Иене до сентября и потому, по обещанию, сообщаю Вам об этом. Жду от Вас письма по новому моему адресу: <...> Опишите мне, пожалуйста, как Вы провели святые дни Пасхи и

как отгостился у Вас Сашурка? Костя пишет мне, что он отправлял его к Вам в деревню, но не сообщает мне его отметок. Что Вы знаете об этом и как довольны им – скажите откровенно.

В Иене жизнь дешевле, чем в Гейдельберге, город маленький, с 7 тысячами жителей, но очень хорошенький, в горах. Живу один, русских еще никого нет, но благодаря Николаю Ивановичу Пирогову имею очень хорошие знакомства между немцами. Недалеко, в Веймаре, на два часа езды по почте, есть русская церковь и наш священник с семьей – все-таки свои, русские. В Иену я прибыл 8-го апреля. В Швейцарии странствовал с ученой целью, но и очень приятно, вместе со старым приятелем своим Сент-Илером¹, которого, вероятно, знает Екат[ерина] Ильинична². В Веймаре съехались повидаться с Шиховским, которого люблю как брата; он поехал в Берлин, а матушка его опять осталась в Гейдельберге. В июне жду к себе Ал[ександра] Петр[овича] Пятковского, который на каникулах поедет путешествовать и, верно, погостит у меня. Из Иены мне придется по делам делать разъезды и, кстати, видаться с приятелями. Денег когда недостает – всегда выручают хорошие люди, и потому нужды большой не вижу. Министр, кажется, доволен мной, и дела текут хорошо. Здоровье в путешествии поправилось.

Вот вся моя жизнь, милые родные. Главную отраду доставляют письма с родины и больше всего Ваши, которых я уже давненько не получал и потому как-то тоскую. Обрадуйте меня поскорее и пишите обо всем, о чем я просил Вас в последнем письме. Удастся ли нам повидаться хотя осенью, еще не знаю: все зависит от обстоятельств и моих служебных отношений. В душе же я тотчас бы полетел к Вам, мои бесценные. Что слышно из Пскова – не забудьте уведомить. Косте помогаю в чем могу, и, кажется, он понимает мое расположение и братское доброжелательство к нему. Дай Бог, чтобы его сердце немного размягчилось и освободилось от какого-то озлобления и недоверчивости. Вы знаете, что он считал себя всегда обиженным Вами и мною, но то были бредни мальчика, теперь же он может судить вернее и разумнее. Ничего не знаю, как он себя ведет, живет опять со Стефановичем³, который человек очень хорошей души и правил. Но почему разъехался с Женей⁴, не пишет, и вообще не откровенен. Что-то будет с экзаменами? Господи, помоги.

Обнимаю Вас, мои родные, и прошу Вашего благословления.

Ваш Лев.

¹ Сент-Илер Карл Карлович (1834–1901) – русский педагог, зоолог, последователь К.Д.Ушинского.

² Свенске Екатерина Ильинична – соседка Модзалевских по имению.

³ Стефанович Платон Константинович – университетский товарищ Л.Н.Модзалевского. В 1863 обучался на Педагогических курсах при Петербургском университете и преподавал в приюте принца Ольденбургского.

⁴ Вельяшев Евгений Львович (?–1910) – двоюродный брат Модзалевского.

7

Л.Н.Модзалевский – А.П.Пятковскому

22/10 апреля 1863
Иена.

Добрейший друг Александр Петрович.

Сердиться – я не сердился на Вас и всякими поносными словами не ругал за такое долгое молчание, но все же как-то обидно казалось...

В голову черт знает какая дрянь лезла, так как действительной причины Вашего торжественного молчания – лениности – я не знал и никогда не считал Вас, писателя, таким дрянным корреспондентом. Да, дрянным! Вот вам!.. Впрочем, Ваше последнее письмо все загладило. Почему Вы считаете все сообщаемые Вами новости пустяками; напротив, они очень важны и интересны, и если бы Вы почаще сообщали мне подобные пустяки, то я был бы обязан Вам «по гроб жизни». Все, что у нас делается, конечно не порадует, но все же из этого слагается, как Вы говорите, вся наша общественная жизнь с ее безысходными страданиями. Вам там, в чаду, может, все и не так резко бросается в глаза, Вы уже пообдержались, привыкли, и сердце как-то онемело. Здесь же, среди *человеческой* жизни, от всех этих новостей, от этих примеров, с одной стороны, зверства, с другой – мученичества, душа так болит, как никогда не болит у здешних спокойных мещан-немцев. Со стороны смотреть на нашу Русь, ей-Богу, тошно и невыносимо, и как-то сильнее разгорается и любовь к ней, и сострадание к ее несчастиям. Польское дело¹ заведет нас в такую сложную борьбу, что является сомнение, хватит ли сил выйти из этой борьбы с головой. Девиз «чем хуже, тем лучше» очень опасен и требует строгого ограничения. В общественном мнении Европы Россия опять рисуется во всей наготе варварства, и самому русскому правительству не верят. Ей-ей, иногда совестно сказать, что ты рус-

ский. К Польше всеобщее сочувствие, даже у немцев, особенно у южных; шведы поднимаются; во Франции Наполеон и все общество желает войны с Россией, притом же Наполеончику нужен хороший предлог – оставить Мексику, которая ему очень солоно приходится². Англия под либеральными фразами скрывает самое опасное политическое недоброжелательство к России из известных Вам экономических причин³. Увидите, что из-за Польши быть великой беде, а все от того, что правительство вовремя не умело последовать австрийской политике в отношении покоренных земель, а выдумало набор⁴. Теперь, пишут газеты, хватают и малороссов, чтобы и тех вооружить и поднять⁵. Страшно становится! Притязания поляков очень велики: они хотят загнать русских, этих финно-татар, в Азию, отрезав всю юго-западную половину России. Я не знаю, кто русский, если он не дурак или не выродок, может равнодушно слышать все эти замыслы и расчеты на погибель его отечества. Если будет европейская война, а она почти неизбежна (дело стоит еще за Пруссией), наша внутренняя жизнь опять будет задержана, и всеобщее разорение неизбежно... Если это все неверно, разубедите меня, но я глубоко страдаю за нашу ближайшую будущность. Здешние газеты врут страшно, так что правды тоже не узнаешь, – но все согласны во вражде к варварской России, и ни один голос не раздался в ее пользу. Всех Катковых⁶ и Писаревых⁷, раздувающих внутренний раздор, увеличивающих разладицу в такие критические минуты, когда грозит внешняя беда, – я считал бы изменниками отечества. У нас даже слово *патриотизм* осмеяно; не умеют отличить истинного патриотизма от ложного – и отвергают его вовсе, а им *живут* все народы. Приезжайте и убедитесь сами. У нас все несчастья – в недоразумениях между партиями, так как нельзя высказаться в спорах из-за подлой цензуры, и притом есть страсть удариться в личности и позабыть об истине, которой следует доискаться... Я убедился в одном – что поляки – враги не русского правительства, а русского народа в самом обширном смысле. Скоро в этом все убедятся у нас, но горе, если это будет уже поздно...

Приезжайте скорее, голубчик Александр Петрович, мне очень хотелось бы видеть Вас... Путешествовать с Вами едва ли мне будет можно, особенно в июне и июле, но в августе я буду уже свободен. Лично обо всем переговорим, только приезжайте ко мне в Иену, где все обстоятельно обсудим. Денег берите по крайней мере рублей по 100 на месяц – больше не нужно. В [нрзб] купите [нрзб] (10 грошей), а в Кенигсберге советовал бы Вам заpastись книжкой: Nord und Süd Deuthchland in Bedäker⁸ – есть и во француз[ском] переводе, если немецкий язык смущает. Я к нему, проклятому, до сих пор еще не привык хорошенько... Потом валяйте на Бромберг, Берлин, Лейпциг,

Веймар, а из Веймара по почте через два часа прямо ко мне. Вот будет мне праздник!

В этих больших городах, как любознательный путешественник, Вы, конечно, приостановитесь, в Веймаре же я хотел бы Вас встретить, а потому уведоьте меня хоть из Берлина и остановитесь в гостинице [нрзб] (в Веймаре).

В Берлине сейчас же отыщите добрейшего человека Шиховского <...>. Он Вам будет необходим. <...> Жду Вас с распростертыми объятьями, и составим хороший план путешествия.

Я недавно из Швейцарии, был проездом в Мюнхене – что за художественный город! Действительно – немецкие Афины. В Париже бываем вместе в августе, а теперь работы по горло... Живу опять совсем по-студенчески – славная жизнь, но скучно! Земляков никого не знаю, и Бог знает, есть ли кто, а от немцев одна тоска.

Поберегите брата, пожалуйста, и не скупитесь на советы ему. Боюсь я за его экзамены! Поддержите его чем можете, добрейший друг!

Поклоны <...> всем друзьям и приятелям. Семенов⁹ тоже замолк. Вот каковы нынче друзья! Эгоизм одолел всех, и ближнего посылают к черту.

Желаю Вам успеха в учительстве и писательстве, да побольше денег. Целую Вас нежно и жду непременно. Напишите еще хоть разок.

Ваш по гроб жизни Л.Модзалевский.

Поедете, захватите для меня книжку Тимаева¹⁰ по педагогике, я слышал, он что-то издал. Рассчитаемся. Как составлялись адреса дворянства и купечества к Государю? *Искренни ли они?* Похожи ли на литовские от крестьян¹¹? Я не мог равнодушно читать их... Тяжелые дни подходят.

¹ Речь идет о польском восстании 1863. Подробнее см. вступ. ст. к наст. публ.

² Речь идет о вооруженной интервенции Франции, Великобритании и Испании в Мексику, организованной в конце 1861–начале 1862. Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, Великобритания и Испания вывели свои войска в апреле 1862. Франции, продолжавшей интервенцию до 1867, лишь в 1864 удалось возвести на мексиканский престол своего ставленника.

³ Вероятно, речь идет о торговом соперничестве Англии и России на Востоке.

⁴ Речь идет о рекрутском наборе, проведенном в Царстве Польском 3/15 января 1863 и ставшем непосредственным поводом к восстанию. Набор проводился по именным спискам, в которые попала большая часть «неблагонадежной» молодежи.

⁵ Рекрутский набор на Украине, как и по всей империи, за исключением Польши, проводился по выборам и волнений не вызвал. Возможно, автор имеет в виду чрезвычайные меры, введенные на Украине в связи с началом польского восстания: запрещение носить польскую национальную одежду, неофициальные знаки отличия и толстые палки, а также появляться на улицах «толпами». См.: Киевские губернские ведомости. 1863. №12 (22 февр.). С.36.

⁶ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский публицист, журналист, издатель журнала «Русский вестник» и редактор газеты «Московские ведомости». С началом восстания Катков занял антипольскую позицию, рассматривая его как угрозу национальному существованию России. В данном случае, вероятно, речь идет о резких выступлениях Каткова против «Современника» и нигилистов вообще.

⁷ Д.И.Писарев в июле 1862 был арестован за написание прокламации, обличающей Шедо-Ферротти, автора брошюры, направленной против Герцена, и вплоть до ноября 1864 находился в заключении, получив разрешение на возобновление литературной деятельности только в июле 1863. В данном случае, вероятно, Модзалевский рассматривает Писарева как символ радикального направления общественной мысли.

⁸ Речь идет о путеводителе: *Baedeker Karl. Deutschland und das Österreichische Ober-Italien. Handbuch für Reisende.* 8 Auflage. Coblenz, 1858. [Т.1–2].

⁹ Семенов Дмитрий Дмитриевич (1834–1902) – русский педагог, последователь Ушинского, автор методик преподавания географии и объяснительного чтения. В 1863 – преподаватель географии в Смольном институте.

¹⁰ Вероятно, речь идет о книге: *Тимаев Н.М.* Краткий учебник всеобщей истории. Ч.III.: Новая история. СПб., 1863. Николай Матвеевич Тимаев – преподаватель истории в Смольном институте. В 1863 вышло в свет и восьмое (посмертное) издание учебника его отца, Матвея Максимовича Тимаева (1796–1858) «Тетрадь всемирной географии» (первое издание: *Тимаев М.М.* Тетрадь всемирной географии. СПб., 1832).

¹¹ Речь идет о 22 письмах «с изъявлением верноподданнической преданности», представленных крестьянами Минской губернии виленскому военному, гродненскому, ковенскому и минскому генерал-губернатору. См.: Виленский вестник. 1863. №29 (19 марта). С.1–2.

Л.Н.Модзалевский – К.Н.Модзалевскому

Иена. 8 июня нов[ого] ст[иля] 1863 г.

Милый брат Костинька,

Не дождавшись от тебя ответа, пишу к тебе по следующему обстоятельству: в Россию едет К.Д.Ушинский, который только что отгостил у меня в Иене и в первых числах июля будет в Петербурге, в квартире Семенова. Так как он пробудет несколько дней, а потом поедет в Малороссию, то поспеши явиться к нему. Я просил его иметь тебя в виду, и он очень желал познакомиться с тобой и, если найдет возможным, предложить тебе или путешествие с ним в Малороссию, или поездку за границу на годик в качестве домашнего секретаря, или и то и другое. Все зависит от обстоятельств и от того, насколько он найдет тебя способным, а ты найдешь эти предложения выгодными. Я, с своей стороны, смотрел бы на это как на величайшее благополучие для тебя, но устроить все это, воспользоваться всем этим зависит лично от тебя, от твоих способностей, твоего расчета и благоразумия. Конечно, прежде, во всяком случае, надо сдать экзамены, и я очень удивляюсь, что ты до сих пор не уведомляешь, в каком положении твои дела, но уверен, что ты не будешь более откладывать в дальний ящик. Ушинскому ничего не говори, что я писал тебе все это, так как *первого шага* надо ждать со стороны Ушинского, который, если Вы не сойдетесь, может не высказать подобных предложений, а поищет другого человека. Можешь быть уверен, что я усердно просил за тебя, но условий никаких сделать не мог, так как ты теперь самостоятельная личность и должен сам устраивать свою судьбу. Все, что я могу и имею право сделать: советовать тебе; и мой совет: постарайся сойтись с Ушинским; это один из честнейших и даровитейших людей, кого я знаю, но не думай, что я, так уважая его, разделяю *все* его убеждения; довольно, что они честны, искренни, бескорыстны. Я желал бы вообще, чтобы ты уважал чужие убеждения и верования, хотя бы и не был с ними согласен, хотя бы и боролся против них, но, боюсь, созрел ли ты до такого отношения к людям, всегда характеризующего истинно образованных людей. Если найдешь в своем характере заносчивость – постарайся ограничить ее и побольше вдумывайся в себя, обращая критику на себя самого. Это первое условие самосовершенствования. Я желал бы, чтобы ты был лучше, чем я был в твои годы, и потому пишу все это тебе как брат и друг и прошу братски принять мои слова. Если что интересует тебя о моем житье-бытье – Ушинский может рассказать тебе поподробнее. Я рад, что теперь уже не один в Иене, куда при-

*Александра Ивановна Модзалевская
(урожд. Константинович)*

было еще двое-трое русских, и потому мы все живем очень дружно и вместе горюем о наших русских делах. Если завяжется война чуть не с половиной Европы – многие из русских, студирующих за границей, готовы стать в ряды ополчения и жертвовать всем для отечества. Опасность тяжелой войны для России благодетельна тем, что возбудила высокое и давно забытое у нас чувство патриотизма, так как, отвергнув прежний квасной патриотизм, у нас забыли, что есть еще иной, истинный... Впрочем, иные так выдохлись за границей, так излиберальничались, что говорят, что они отвергают национальность, не считают себя за русских и более желают добра полякам, немцам и др[угим], чем своему отечеству. Впрочем, я замечаю, что это люди или мало образованные, или хотя и образованные, но без хорошей головы и с испорченной воспитанием натурой. Патриотический порыв дворянства показывает, что оно далеко не так испорчено, как мы думали; при том же большинство признает все права за Польшей, которая вполне достойна лучшей доли и будет иметь ее. Само правительство перед целой Европой уже сделало требуемые общественным мнением и справедливые уступки¹, но это еще более возвысило притязания европ[ейских] держав, уже оскорбляющих достоинство русской нации; особенно мутит Франция, да и всем им ужасно хочется, чтобы Россия развалилась, но она не развалится: ее спасет народ, здоровое чувство которого в подобные эпохи испытаний действует вернее разных книжных теоретиков и доктринеров.

С москвичами за границей никто не сходитя, на них есть «особый отпечаток», как на достойных помазанниках Каткова². «Колокол»³ занес так высоко, что все его почитатели сожалеют о его бестактности и неуважении к народным интересам России.

<...>

Денег я еще не получил – а ты?

Твой брат.

Уведомь поподробнее о Сашурке, пожалуйста.

¹ Вероятно, речь идет об амнистии всем повстанцам, сложившим оружие до 1/13 мая 1863, объявленной высочайшим манифестом от 31 марта.

² Усеченная цитата из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (действие второе, явление пятое):

Возьмите вы от головы до пяток,

На всех московских есть особый отпечаток.

Современникам Москва, где в «Русском вестнике» выступал с политическими статьями Катков, представлялась центром правого, реакционного крыла общественного движения.

³ С первых дней восстания «Колокол» выступил в поддержку повстанцев, требуя предоставления независимости Польше, что способствовало падению популярности журнала в России.

9

Л.Н.Модзалевский – К.Н.Модзалевскому

20/8 июля 1863 г.

Иена.

Милый друг и брат Костинька,

Отвечаю тебе тотчас по получении твоего письма, которого наконец дождался, к великой радости. Жаль только, что ты побоялся написать побольше, так как единственным последствием тяжести письма было бы лишь то, что я заплатил бы, к величайшему удовольствию, еще гроша два почтальону... Но, во всяком случае, я очень благодарен тебе за уведомление по главнейшим вопросам; лишь об одном важном обстоятельстве ты забыл упомянуть: почему ты оставил приют¹ и с кем теперь живешь? Уведомь – не забудь!

Очень рад, что ты отложил экзамены и, вероятно, в первый и последний раз. Теперь ты можешь составить понятие о степени свирепости каждой гимназии² и, отчасти, соображаться с этим. Не замедли уведомить меня, как только приступишь к экзамену; да напрасно и на этот раз ничего не пишешь о ходе твоих приготовлений[sic!], так как я интересуюсь ими вовсе не из желания вмешиваться в твои собственные дела, а из участия. Что экзамены в Универс[итет] должны были быть построже прежних, с этим, верно, и ты будешь согласен, но у нас, на беду, ни в чем не знают меры и вечно лезут из одной крайности в другую. Вероятно, попечитель или министр распорядились, чтобы экзамены были *построже* – а холопы директора и учителя из кожи полезли из усердия. Кто директором 6-й гимназии? Я забыл.

Ушинский уже писал мне о своем свидании с тобой, и говорит, что ты ему «очень приглянулся», и, если он будет нуждаться в секретаре, – непременно предложит тебе схать с ним за границу. Теперь скажу тебе, почему мне хотелось бы устроить эту твою поездку и советовать тебе братски – не упускать этого случая. Во-первых, живя в Германии и Франции, ты приобрел бы живое знание новых языков, которое в моем образовании было так запущено, что я запоздал и много потерял; во-вторых, обеспеченный в содержании себя, при незначительных обязательных занятиях, ты поправился бы здоровьем после трудных экзаменов, поотдохнул бы; в 3-х, твое об-

щее образование вследствие путешествия значительно поднялось бы. Результатом всего этого было бы следующее: ты мог бы хорошо пойти в Университете, скорее создать себе хорошее положение в обществе, теперь несколько попорченное твоей прежней юностью, и, наконец, все твое специальное образование могло бы идти правильнее, тверже и глубже, чем было мое – без средств и руководителей. По возвращении в Россию я лично поддерживал бы тебя во всем, тогда как отсюда, за глаза, мне это очень трудно, и я постоянно неспокоен за тебя. Нечего и говорить, что твоя университетская жизнь должна быть совершенно свободна и самостоятельна, и хотя мы, надеюсь, стояли бы друг к другу в самых близких отношениях, но я не позволил бы себе вмешиваться в твои дела, а только дать совет, когда ты его потребуешь. Ты теперь уже навсегда вышел из возраста мальчика, и моя прежняя роль кончилась. Точно так и теперь: ехать или не ехать с Ушинским – это твое дело, и ты можешь отказать в свое время.

Об Ушинском могу, на всякий случай, сообщить тебе следующее, чтобы ты мог принять это к сведению: он человек прежде всего больной, с расстр[оенными] нервами, крайне впечатлительный и нерешительный, а потому требует прежде всего снисхождения. Теперь я его знаю близко и потому могу ручаться тебе, что он человек в полном смысле *честный*, благородный и мягкой души и основательно образованный. С ним можно во многом не сходиться, но нельзя не уважать его: спроси Семенова, Семевского³ и др[угих]. Я всегда спорю с ним и знаю, что в спорах он горяч и раздражителен, но это не порок. Поездка твоя не должна быть, как мне кажется, увеселительным путешествием, но благоприятным случаем для твоего образования, а потому не советую тебе в условиях гнаться больше как за необходимым обеспечением, тем более, что с ним тысячи будут готовы ехать, и он особенно не нуждается именно в тебе, хотя и полюбил тебя и нашел способным. Не забудь также, что я не отказываюсь помогать тебе и за границей, и ты всегда можешь рассчитывать на меня, а потому насчет денежных условий не беспокойся. Увидимся мы непременно.

Пятковский очень обрадовал меня своим приездом, в котором я уже отчаялся, и прогостил у меня в Иене 3 дня, оставшись очень доволен.

Я.

¹ Речь идет о квартире П.К.Стефановича, преподававшего в приюте принца Ольденбургского.

² В письме старшему брату от 3 июля 1863 К.Н.Модзалевский писал: «Экзамены я не держал еще, а буду держать в августе, и очень рад, что не держал в мае, потому что тогда они были очень строги; о строгости их ты можешь судить по следующему факту: в шестой, например, гимназии из 21 человека экзаменовавшихся выдержал только один, то же самое с незначительными изменениями повторилось и в остальных гимназиях, за исключением первой; такая строгость, переходящая уже в несправедливость, была следствием предписаний министра и попечителя, желающих, чтобы число поступающих в Университет было как можно ограниченнее».

³ Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – русский историк, публицист и общественный деятель, основатель журнала «Русская старина». В 1860–1862 по приглашению Ушинского преподавал историю в Смольном институте, где и сблизился с Л.Н.Модзалевским.

10

Л.Н.Модзалевский – К.Н.Модзалевскому

23/11 января 1864 г.
Иена.

Милый брат Костинька,

Поздравляю тебя также с новым годом, чего не успел сделать раньше также потому, что не знал твоего адреса. Писем от тебя я не получал, кажется, с августа месяца, и если ты уже после моей парижской поездки отвечал мне, то мне только приходится жалеть о потерянном письме. Виноват, что не сообщил тебе ранее о своем намерении остаться на зиму в Иене.

Последнее письмо твое, на которое сейчас же отвечаю, очень дорого для меня. В нем не только ничего нет лишнего, но, напротив, еще много недостает, о чем также хотелось бы узнать и о чем я не раз спрашивал тебя. Впрочем, если ты действительно усвоил себе ложный принцип «не высказываться» ни с кем, даже с людьми самыми близкими¹, то этим будут сильно расстроены и наши отношения, и твои собственные дела. Правда, в письме твоим ты высказываешь много дельного, но потом как будто раскаиваешься... Почему? Я очень рад потолковать с тобой, начнем по порядку.

Жаль, что неудавшаяся поездка много подгадила тебе и расстроила и мои, и твои планы. Не только я, но и Ушинский очень жалеет о неудаче, так как ты был ему нужен *для дела*. Почему именно не дали тебе паспорта эти превосходительные подлецы, я до сих пор не знаю, и ты молчишь. Одного еще я не понимаю: ты говоришь, что потерял лишний год из-за поездки, которую затеял и же-

лал устроить я с известною тебе целью. Но в то же время я советовал тебе держать экзамен и письменно, и через Ушинского напоминал тебе об этом, но ты сообщил, что *был болен* и не мог держать. Как же тут виновата предполагаемая поездка? Если бы даже ты не успел подготовиться к экзамену и потому не держал, то и тут поездка не могла помешать тебе. Таким образом, тут я разделяю две неудачи: одна зависит чисто от полиции, не выдавшей тебе паспорта, черт знает почему², и расстроившей поездку, а вторая – от тебя самого, или, вернее, от твоей болезни, помешавшей тебе в мае и в августе вступить в Университет.

Ты говоришь, что жизнь *не баловала* тебя³: это очень хорошо, потому что избалованные люди – дрянь, итак, об этом нечего сожалеть, на это нечего жаловаться. Особенных же несчастий также никогда не тяготело над тобой, так как все главнейшие неудачи и несчастия зависели больше от тебя самого; единственная неудача, в которой ты не замешан, – это запрещение ехать за границу освежиться и укрепиться здоровьем, но, может быть, мне еще удастся устроить это, если будет на то твое желание. Тут нет никакого фатума, который преследовал бы тебя всю жизнь; ты стоял на самой прямой дороге, но своротил с нее сам и выбрал труднейший путь. Я говорю это не для упрека, ибо не я и страдаю от этого, а только чтобы восстановить верность факта⁴.

Все письмо твое, мой друг, дышит такой безнадежностью, которая совершенно неестественна в твои годы и заставляет меня несколько бояться за тебя... Если человек духом пал – тогда все погибло. Дай Бог, чтобы это было только *минутное настроение*, а не весь взгляд твой на себя и на жизнь. Ты знаешь мою раннюю молодость: она была также бедна, но я жил с друзьями, не чуждался людей, и мне удалось не пасть духом, хотя не поломанным нуждою и заблуждениями я также не вышел. Неужели у тебя так мало характера, что ты даже впадаешь в отчаяние и теряешь цель, по крайней мере ближайшую цель жизни?... Впрочем, я отчасти предвидел это и заранее боялся, как бы ранняя самостоятельность и беспомощность не сгубили тебя... Оттого-то я так и скорбел, что тебе пришлось покинуть гимназию... Пожалуйста, собери все силы и не унывай. В материальном отношении я готов всячески поддержать тебя, если ты братски отнесешься ко мне и раскроешь мне весь план твоих занятий, твоих намерений. Если ты правильно построил этот план и начнешь его осуществление, то «вечной борьбы с нуждою» не будет для тебя. Что ты теперь делаешь? Думаешь ли в мае держать экзамены в Университет? Хватит ли у тебя воли и способностей подготовиться к нему? Если да, то я сейчас же помогу тебе в этом, если нет – то надо предпринять что-либо другое. Без цели жить нельзя, и это особенно

приводит в отчаяние наших почтенных стариков родителей. Откровенно говоря, я скорее готов поддержать тебя, если ты идешь путем к Университету, на других же путях я менее смогу быть полезен тебе. Оставь, пожалуйста, людей, играющих роль филантропов, не кланяйся и не унижайся⁵ – в этом нет необходимости, – иначе я перестану уважать тебя, да ты и сам не станешь себя уважать, а обо всем пиши прямо ко мне, как брату и другу, который считает нравственным долгом во всем помочь тебе, никогда не упрекнет ничем и не станет, как посторонний человек, заставляя кланяться. В наших отношениях друг к другу самая ясная определенность: родители, когда у них еще были силы и здоровье, помогали мне выбраться на дорогу в жизни, теперь они стары, в ужасающей нужде и тоске, следовательно, *моя* обязанность – делиться с тобою даже теми средствами, которыми они когда-то делились со мною, и поддержать их самих на старости. Точно так же твоя нравственная обязанность – в случае я сломлюсь – поддержать Сашу и призреть стариков: ты во всяком случае должен готовиться к этому. Это коренное начало семьи, на котором держится и общественная жизнь. Согласен ли ты с этим? Если нет, то возрази...

Разумеется, что чем правильнее поведешь ты свои дела, чем более подашь надежды быть *дельным* человеком, тем крепче будут наши отношения, тем больше я поддержу тебя. Поэтому поспеши уведомить о твоих делах, так как последнее письмо во многом оставляет меня в неизвестности. У родителей денег не проси: они жалуются на нужду и на тебя и пока не доверяют тебе. Только со времени вступления в Универс[итет] Ваши отношения будут вновь восстановлены. Они говорят, что ты никогда ничем не радовал их, и поэтому они не считают нужным делать для тебя большие жертвы, они недовольны даже твоею неоткровенностью и сухостью писем⁶. Если ты захочешь судить беспристрастно и будешь строг не только к другим, но и к самому себе, то найдешь, что родители правы. Поэтому тебе не следует и в деревне оставаться, о чем я им уже писал: дело не обойдется без упреков, и будут одни неприятности и тебе, и нам. Но на время съездить я советовал бы тебе, чтобы поддерживать в родителях любовь к тебе, конечно, только если ты сам любишь их, в чем я не сомневаюсь. Наши семейные отношения все основаны не на юридических правах, а на любви, а потому, как только иссякает в тебе это святое чувство, ты окажешься исключенным из нашего семейного круга, т.е. сам исключишь себя.

Еще об одном. Из того, что многие из людей подлещы и ханжи, ты слишком скоро заключил, что надо всех остерегаться, ни с кем не быть откровенным и т[ому] под[обные] ужасы. Это крайность. Ты этим исключаяешь себя даже из общества, изолируешься и примешь

много страданий, даже окажешься бесполезным членом общества. Самоуглубление – вещь необходимая, и я желаю тебе почаще заглядывать в себя (что и сам делаю), но нельзя же ограничиться одним этим, порвать все связи с окружающим миром и заняться одним созерцанием кончика своего носа и извержением стонов и проклятий. Вообще не надо насильно душить в себе порывов сердца, не избегать людей (исключая одних подлецов) и быть откровенным, хотя и с разбором. Твои принципы, от которых пахнет заимствованной Добролюбовщиной, ложны: если не веришь – испытай, и тогда скажешь вместе со мной: любовь, а не ненависть к людям должна руководить нашими отношениями к ним. Я не навязываю тебе ничего из всего, что я говорю, не оскорбляю твоих убеждений, а только высказываю свои заветные желания тебе. Ты можешь не принять их, но я знаю, что не оскорбишь¹.

Наконец, если ты полагаешь, что все в жизни движется *на эгоизме* (тоже выхвачено из «Современника»), то не ропщи на людей, если они оставят тебя без участия, без дела, без куска хлеба. Если это последнее убеждение, далее которого ты не пойдешь, то мы совершенно расходимся с тобой, и я заранее могу поздравить тебя с неминуемой нравственной гибелью. Этот принцип *эгоизма* до того мерзок мне, что я лучше откажусь от всяких сношений с человеком, если он закоснелый эгоист. От такого господина можно ожидать всякой гадости... Поживи хоть немножко на принципе эгоизма – и ты оттолкнешь от себя каждого и пропадешь. Но я также уверен, что это одно раздражение минуты заставило тебя высказать такие мрачные, такие ложные суждения, что ты не совсем пал духом и не погиб для будущего. Пиши ко мне, как хочешь резко, но только пиши откровенно и позволь мне быть откровенным с тобой. Если возможно – не живи один, найди товарища. Неужели характер твой не позволит тебе найти надежных друзей, с которыми можно бы делиться и радостью, и горем, и взаимной помощью? Если нет, то дело плохо... Одиночество, особенно в нужде, нагоняет мрачный взгляд на вещи, постарайся устранить это условие. Поддерживай сношения с моими знакомыми: это не значит кланяться и унижаться, да и едва ли кто из них, наприм[ер], Пятковский, Семенов, Семевский, требуют унижений... На днях жду твоего ответа по тому же адресу. Сообщи мне, как ты находишь Сашу и чего можно от него ожидать?

Твой преданный брат Л.Модзалевский.

¹ В письме брату от 5 января 1864 К.Н.Модзалевский писал: «Я отвел, как плохо полагаться на обещания и высказывать свою нужду, потому

что до нее никому нет дела, <...> надо отучиться от глупой привычки высказываться, откровенничать, для этого надо замкнуться в себя, глубоко затаить в себе свои помыслы, не давать им прорываться наружу, молчать о себе: меньше откровенности, дружеских излияний и больше самоуглубления. Счастлив тот, кто настолько силен, что может выполнить это, кто может сказать, что я сам себе господин, вам дела нет до меня!»

² Из письма К.Н.Модзалевского от 24 января 1864: «Поездка моя не удалась по следующим причинам: как несовершеннолетний я мог ехать только по болезни, с разрешения родителей; документы свои я представил в канцелярию генерал-губерн[атора], а оттуда они были пересланы в физикат, куда должен был явиться и я для освидетельствования (докторское свидет[ельство] у меня было представлено), после которого бумаги опять возвратились в канцелярию (все это тянулось довольно долго), где я узнал, что мне отказано, так как физикат не уважил докторского свидетельства. Потом для меня стало ясным, что надо было дать взятку в физикате <...>». Физикатами назывались городские врачебные управы в Петербурге и Москве.

³ В письме брату от 5 января 1864 К.Н.Модзалевский писал: «До сих пор как будто какой-то злой фатум тяготеет надо мною, что все, что только я ни задумывал, мне не удавалось; да, жизнь не баловала меня, я могу сказать это: ни одного светлого воспоминания, ни одной надежды! Мое прошедшее мерзко и грязно, будущее темно и безотраднo, кроме вечной борьбы с нуждою, ничего не предвидится».

⁴ Ср. ответ К.Н.Модзалевского от 24 января 1864: «Ты говоришь, что избалованные люди – дрянь, я бы и не хотел того, чтобы, напр[имер], все мои хотения исполнялись, а чтобы исполнялись хотя возможные исполниться (если можно так выразиться), а таких у меня было не одна поездка. Положим, что в жизни нашей фатума нет, но зато есть нечто близко подходящее к нему, как, напр[имер], назвать то обстоятельство, что большая часть из нас по рождению втискивается в ненормальные рамки, да большую часть жизни и пребывает в них? Один родился богатым, другой – бедняком помимо их воли, ибо тогда у них и воли-то еще нет. Что больше развивает человека: обеспеченность или бедность? Вопрос спорный и нерешенный, но я скорее склоняюсь на сторону первой, потому что не имею мудрости древнего мудреца, чтобы сказать: “Nihil habenti nihil defuit”» (ничего не имеющий – ничего не теряет, *лат.*).

⁵ Ср. ответ К.Н.Модзалевского брату от 24 января 1864: «Людам я не кланялся, да постараюсь и впредь не кланяться, но обстоятельства иногда заставляли меня иметь дело с людьми, с которыми при других условиях я не стал бы иметь дело, приходилось оставлять без возражения такие мнения, от которых меня коробило; положим, что без этого обойтись нельзя, надо немного применяться к людям, но в то же время надо стараться, чтобы этих применений было как можно меньше; стонov и проклятий тут не требуется».

⁶ Так, 18 декабря 1862 Н.Л.Модзалевский писал старшему сыну: «Я бы во всем помог Косте, но от него ничего кровного не вижу, даже не пишет».

⁷ Из письма К.Н.Модзалевского от 24 января 1864: «На то, что ты говоришь о семейных отношениях и о любви, я возражать не буду, чтобы не заслужить упреков в “сухости сердца” и тому подобном, замечу только, что взгляд у тебя довольно странный, и если ты говоришь, что я проповедаю стариковский пессимизм, то я про тебя смело могу сказать, что ты проповедешь самый юношеский оптимизм; а по-моему, первый гораздо лучше последнего, тот не дает человеку успокоиться, забиться, а всякое успокоение вредно <...>».

11

Л.Н.Модзалевский – К.Н.Модзалевскому

25/13 января 1864 г.
Иена.

Дорогой брат Костинька.

Не успел ответить тебе на первое письмо, как с радостью получил второе¹, и также спешу ответить. Я угадал, что первое письмо было написано в нехорошую минуту – до того оно было мрачно, безнадежно и полно ложными крайностями. Я позволил себе поделиться с тобой мнениями на этот счет и надеюсь, что ты братски принял их. Последнее письмо твое несколько спокойнее, но я еще не знаю, был ли ты сам действительно спокойнее или только подавил в себе горе и не хотел высказываться, следуя своему ложному правилу скрытности, возведенному тобою даже в принцип². Ссылаюсь на твои собственные слова: «надо отучиться от *глупой* привычки высказываться, откровенничать, надо замкнуться в себе, молчать... меньше откровенности, дружеских излияний» и проч. Может, во имя того же несчастного *принципа* (пущенного в ход большим Добролюбовым) ты опять молчишь о своих делах и намерениях, тогда как мне непременно нужно знать их. Говоришь, что нужно серьезно потолковать, – и опять откладываешь до моего возвращения. А если я не вернусь до сентября, что также может еще случиться? По чувствам, я сейчас бы поскакал домой, но дела могут задержать меня, как задержали на Рождество. Ты знаешь, что я человек не самостоятельный в своем внешнем положении: чтобы съездить в Россию, нужно было через Пирогова доходить до министра, излагать уважительные причины и т[ому] под[обное]. Я лучше решил отказаться от поездки... Да и денег не было. Конечно, я мог занять, но занимать – дело также тяжелое и неприятное.

Я очень рад, что ты собираешься в деревню, порадовать наших стариков, которые как ни отчаиваются в тебе, но все же любят тебя

и желают тебе добра. Это свидетельствуют и их гореванье о тебе, и молитвы, и слезы. Только изредка вырывается их ропот, но разве и в этом неправы они, не видя от тебя выражений и доказательств любви, не удостоверившись в серьезности твоего направления, не находя осязательных признаков твоего труда. Вот почему, мой друг, будь, пожалуйста, снисходителен к ним, постарайся понять их и Ваши взаимные отношения, будь снисходителен к их невзрачной жизни, над которой тяготеет гнет старого времени со всеми его понятиями. Не суди их, а пожалей лучше. Мы, молодежь, нынче часто бываем слишком *строги* к своим родителям, верно или неверно, но зато с *любовью* воспитавшим нас, и слишком *снисходительны* к себе. Мы этим несправедливы к отцам и вредны для себя самих, порождая в себе самодовольство, без которого нет совершенствования [sic!]. Ты, мой друг, еще в предпоследнем письме говоришь, что тебе досадно видеть, «что счастье достается часто дуракам, а ты знаешь, что сделал бы *дело не хуже другого*, да сидишь себе, голодаешь». Какое *дело* разумеешь ты здесь? И кто поручит важное дело недоучившемуся гимназисту, хотя бы он был гений от природы, но без положительного общего образования, не говоря уже о специальном. Твое ближайшее дело: заняться, напр[имер], десятичными дробями, греческими корнями и т[ому] под[обным], преодолеть труд невзрачный, но полезный и выдержать экзамен. Этим ты лучше всего докажешь, что у тебя есть характер и способности, что ты не верхогляд, нахватавшийся вершушек, что ты можешь с выдержкой, систематически довести до конца свое ближайшее дело. В противном случае на тебя всякий будет смотреть хорошо еще если со снисхождением, а это будет вечно сердить тебя. Ты будешь проклинать людей и забудешь, что причина в тебе самом. Масса всегда судит о людях по их делам и внешнему положению, а не по сокровенным, хотя бы и гениальным замыслам. Еще раз повторяю тебе: что ты делаешь? Не нужно ли тебе учителей, а на учителей деньги? Если ты отвернешься от меня, не будешь откровенным, то потом на меня уж не пеняй: я готов дружески, братски служить тебе по долгу, а не из филантропии. Если ты меня не понимаешь – Бог с тобой.

Прощай, будь здоров. Пиши скорее.

Душевно преданный тебе брат Л.Модзалевский.

¹ Речь идет о письме К.Н.Модзалевского от 10 января.

² В ответ К.Н.Модзалевский писал 24 января 1864: «Почему ты полагаешь, что не высказываться – принцип ложный? Мне кажется он весьма справедливым и резонным. Конечно, откровенность откровенности рознь,

но полной откровенности быть не может, да и не должно быть: я один только должен быть полным обладателем своего внутреннего мира и никогда не выказывать его наружу, да и кому я его буду выказывать? Людям самым близким, т.е. друзьям; но ведь близость отношений есть дело преходящее, и кто может поручиться, что человек самый близкий к тебе сегодня не станет для тебя самым далеким завтра? Ведь это почти постоянно так бывает; а человек, который перешел из друзей во враги, не считает нужным скрывать того, что высказывалось ему как другу в минуты так называемых "сердечных излияний". Что же тебе за удовольствие, что то, что ты хранил для себя, будет обнажено, поругано самым гнусным образом. Неужели ты, хотя отчасти, не испытывал этого? Дружба, по большей части, есть только переход к вражде; это одна из цепей, добровольно налагаемых на себя. Не лучше ли, когда вместо призрачной дружбы существуют отношения более прочные, т.е. общие цели, или что-нибудь подобное. Я говорю это не по какому-нибудь разочарованию, потому что до сих пор бог хранил от очарования, и не относительно кого-нибудь, а так вообще высказываю отчасти свой взгляд и отвечаю на твои возражения, чтобы тебе не показалось, что я говорю безо всяких резонов».

12

Л.Н.Модзалевский – К.Н.Модзалевскому

*17 февраля 1864 г.
Иена.*

Любезный брат Костинька.

Я собирался писать тебе большое письмо, но откладываю и пишу только несколько строк, так как времени нет, а твои дела не терпят отлагательства.

Прежде всего благодарю за аккуратность в ответах, чего прежде не бывало и я месяцами томился неизвестностью. На днях я получил из Минист[ерства] деньги, но с вычетом 30 руб[лей], между тем не упомянуто, что они выданы тебе, и ты сам об этом не пишешь. Поэтому сейчас же сходи в Минист[ерство], наведи справку, если деньги оставлены именно для тебя – то получи, если нет – то уведомя, чтобы я мог принять нужные меры; вместо 396 мне прислали только 366 талеров, и то опоздав ровно 2 месяца, в продолжение которых я по уши влез в долги. На днях посылаю тебе кое-что из платья для лета, ибо к осени, по поступлении в Университет, надо будет сшить что-нибудь порядочное. Я мог бы и теперь купить новое за границей. но не знаю твоей мерки, уведомя, могу ли я выбирать на свой рост? Понуждай Сашу писать ко мне, т.е. напоминай ему об этом, ибо я скучаю без писем от родных. Это уже эгоизм! Кстати, о нем два слова.

Довольно обстоятельно развитая тобою теория эгоизма (в предпоследнем письме) доказывает, что у тебя сложилась целая система убеждений, с чем и поздравляю¹. Теория эта имеет много разумного, кроме некоторых крайностей и односторонности, исключаящей совершенно обширную область сердца или чувства, о котором сам рационалист Ж.-Ж.Руссо выразился в своем Эмиле²: «Le sentiment est plus que la raison»³. Теория эгоизма, в том виде как ты ее усвоил, есть не эгоизм собственно, равный тому животному самолюбию, для которого я даже не приберу достаточно скверного слова, а скорее теория взаимной помощи, охраны и защиты, на которой и построен весь общественный порядок. Это – contract social⁴ Руссо⁵, идеи которого отчасти уже были развиты Дидеротом в «Энциклопедии» и повторены крайними материалистами французскими Деламбертом и Деламеттри. Я даже подозреваю, не читал ли ты Мандевилля⁶, у которого особенно полно развита система эгоизма. Все это, давно проверенное и жизнью, и философской критикой на западе, у нас имеет вид новинки и выдается разными Чернышевскими за свое собственное. Оно резко выступает и в романе «Что делать». Конечно, обществу надо переболеть этими заблуждениями, но уж лучше обратиться к первому их источнику, а не хлебать из «Современника» пополам с водицей. Я очень рад, что тебя всерьез занимают нравственные и общественные вопросы, но позволь немного коснуться твоего самодовольства: «Я не люблю распространяться о том, что мне ясно» и проч[ее]. Скептицизм есть начало знания. Не останавливайся ни на одном авторитете: будь то Руссо или Чернышевский, Дидерот или Добролюбов – и строго разбирай их; в каждом из них только частицы истины и кучи хлама. Как бы я желал тебе поскорее попасть на путь университетского образования, которое, если оно будет лучше, чем в мое время, много поможет тебе в твоих прекрасных стремлениях к истине... Письма часто бывают причиною к недоразумениям: мне также нужно оговориться. Я глубоко уважаю страдальца Добролюбова, сочинения которого (главнейшие) читал с большим удовольствием, но я считаю его психически больным, желчевиком, с разбитыми нервами и верованиями. Он, как и многие наши даровитые люди, испорчен невзрачною русскою жизнью, отравлен ее ядом. Этих людей надо уважать, изучать, но не доверяться им слепо, что делаешь ты. Эти люди поднимают в нашем сонливом обществе многие важные вопросы, но сами решают их ложно, как бы в бреду, в угаре от чадной нашей жизни. Не знаю, поймешь ли ты меня; пока поверь, что я могу глумиться над ложью, над добролюбовщиной, но глубоко чту честную, страдальческую личность самого Добролюбова... Это пояснение. Есть и возражения, да некогда о них. Если будет охота – ответь мне только; почему тебе так отвратительна гимназия, в которой получают же образование

другие, не хуже тебя, и без которой ты теперь сидишь на мели, бес- сильный и беспомощный?»

Почему ты так снисходителен к себе и так строг к разным окружающим тебя людям, в которых прежде всего ищешь причины твоих неудач, а не пороешься в самом себе?

На каком основании ты рассчитываешь на помощь бедных наших родителей, которые обеспечили тебя на все время до Университета и дали тебе возможность получить *среднее* образование, но ты добровольно отвергнул это, без их на то согласия? Скорей же ты можешь напереть на меня, так как я много виноват в неудачности твоего гимназического воспитания: я давал тебе слишком много свободы, слишком много ненужных книг, не сознавая, что я вместо пользы врежу тебе. Об этом нам еще надо поговорить хорошенько⁸.

Удерживаешь ли ты во всей строгости принцип невысказывания в отношении ко мне и как полагаешь при этом устроит наши общие дела и отношения, в которых, таким образом, всегда будет темнота, неизвестность и недоразумения разного рода?

Отчего ты так отчаяваешься за беспомощность в будущем, т.е. в Университете, если я обещал обеспечить тебя во всем главном: веришь ты мне или не веришь?

Есть ли у тебя достаточно силы воли преодолеть весь черновой, но полезный труд над грамматиками и арифметиками, без которых нет пути в Университет; можешь ли ты вполне сосредоточиться на нем и обойтись без учителей? Спрашиваю еще раз об этом, уж извини!

Извини также, если я о многом пишу тебе прямо и резко, но ты можешь отвечать мне тем же тоном, опровергать, или принимать, отвергнув собственное, слишком щекотливое самолюбие и не щадя моего. Я рад все слышать от тебя, ибо ты теперь не мальчик и можешь сказать мне много хорошего и полезного.

Я рад, что Саша нашел в тебе друга и покровителя, но, так как тебе не поручено его воспитание, для которого ты еще слишком молод и неосторожно можешь не менее повредить ему, чем когда-то я повредил тебе, то решаюсь предупредить тебя в следующем: не втолковывай ему, что он самостоятельная личность, и что он может «слушаться и не слушаться других»⁹, – это опасно в его положении. Он может применить это в гимназии и нашалить так, что его выгонят, как тебя. Этим ты погубишь брата и посадишь нам на шею. Родители давно высказывали мне опасения, как бы ты, хотя и без дурного намерения, не испортил брата. Я успокоил их и поручился за твое благоразумие. Ты сам еще не вышел из ненормальных рамок и поэтому не в силах устроить Сашу, коли собьешь его с толку и поставишь в разлад с гимназией: не брани ее при нем и не ругай учителя

лей, прошу тебя и умоляю. Напиши мне, принимаешь ли ты мою просьбу.

Если можешь – съезди в деревню, я уже высказал тебе мое мнение о необходимости этой поездки. Не нужно ласкаться, льстить, если этого нет в душе, не нужно быть и заносчивым перед родителями, которые так ласкали тебя, так заботились о тебе, хотя от тебя видели не много радостей. Это не упрек, а напоминание, и я не сказал бы этого, если бы не видел в тебе самодовольства и снисходительности к одному себе. Вот это уже настоящий эгоизм: требовать только для себя и ничем не воздавать, даже справедливостью.

Если я ошибаюсь в тебе в этом отношении, беру слова назад и прошу извинить. Пиши сам, не щадя меня – в чем я не прав. Спор об истине не может расстроить наши братские отношения. Как я ни придирчив к тебе, но я глубоко верю в твою будущность и уважаю многие и многие из твоих стремлений, из твоих привязанностей и ненавистей, а это крепкий залог нашей вечной дружбы, или назови это, как хочешь: дело не в словах. Ты можешь отвергать дружбу, а я всегда буду жить ею и буду питать ее к тебе, пока ты сам не отвергнешь ее.

Я остаюсь за границей до августа, Министерством обеспечен до октября, но потом должен снова заботиться о куске хлеба и, поехав от 3 тыс[яч] содержания, начать снова с копеек. Хорошо, если мне предложат место, как ты пишешь. Я знаю, что мне не вдруг придется устроиться, потерпеть нужды, и потому готовлюсь ко всяким неудачам; да и к нужде мне не привыкать.

Пиши чаще и больше, особенно на мои главные вопросы о деньгах и о твоих делах. <...>

¹ В письме от 24 января 1864 К.Н.Модзалевский писал брату:

«Еще я хочу поговорить с тобой об одной вещи, которую ты не вполне сознаешь, – об эгоизме. Он бывает двоякого рода: один, на котором действительно основаны все наши действия, и отсутствие его есть аномалия, а другой, но, впрочем, это уже не будет эгоизм, а своекорыстие, самообожание, назови каким угодно скверным словом, и оно выразит тебе это понятие. Эгоист – себя любит; чтобы человек мог любить других людей, надо, чтобы он прежде всего любил себя самого. Как может не любящий себя любить других? Я этого не понимаю. Человек прежде всего должен стараться, чтобы ему было хорошо, но для этого необходимо доставлять хорошее другим, чтобы те, в свою очередь, воздали ему тем же. Тут идет круговая порука. Когда человек чувствует себя вполне удовлетворенным (а для человека нормального это весьма возможно), то для полноты гармонии ему надо, чтобы и окружающие его были тоже удовлетворены; его довольство

может пройти, тогда обязанность тех, которых он довольствовал, восстановить его снова. Тут простой расчет: не делай зла другим, если сам не хочешь получить тем же, и наоборот. Присутствие эгоизма можно видеть во всех наших действиях; на эгоизме основано бытие божие, из эгоизма человек придумал себе царство небесное, где он получает вознаграждение за те добрые дела, за которые не успел получить на земле, люди не всегда воздают по делам, вот для этого и нужен неумышленный мздовоздатель – бог. Если ты – неверующий и делаешь доброе дело, то ты знаешь, что тебе самому, может быть, придется просить чужой помощи, и, следовательно, в виду у тебя воздаяние, это ты делаешь по эгоизму; человек верующий дает, положим, милостыню, хотя так, что его левая рука не видит, что дает правая, но зато его голова очень хорошо знает, что за это ему будет воздано на том свете, ему там будет за то хорошо, следовательно, он делает доброе дело из эгоизма. Им же крепки государства, народы, действуя в своих выгодах, и чем образованнее государство, тем лучше понимает оно, что для того, чтобы было всем в нем хорошо, надо, чтобы каждому отдельному его члену было хорошо, чтобы иметь мир дома, надо сохранять мир с соседями, стараясь из них извлекать выгоду и им тоже доставлять пользу. <...> Согласен ли ты со мною? Пойми, что эгоизм-то и есть любовь, только то чувство более бес-сознательное. Все бедствия наши происходят от недостатка эгоизма, от непонимания *своей* пользы, а следовательно, и других».

² Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712–1778) – французский философ-просветитель, автор педагогического романа «Эмиль, или О воспитании» (1762).

³ Чувство больше, чем разум (*фр.*).

⁴ общественный договор (*фр.*).

⁵ Речь идет о трактате «Об общественном договоре» (1762).

⁶ Дидро (Diderot) Дени (1713–1784) – французский философ-просветитель, редактор и организатор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780). Д'Аламбер (D'Alembert) Жан Лерон (1717–1783) – французский философ, математик, механик, в 1751–1757 редактор «Энциклопедии...». Ламетри (Lametrie) Жюльен Офре (1709–1751) – французский философ-материалист. Мандевилль (Mandeville) Бернард (1670–1733) – английский философ-материалист, медик, автор «Басни о пчелах» (1705), рисующей общество, в котором личные пороки являются основой процветания целого. «Самый последовательный представитель учения об эгоизме, как основной пружине человеческой деятельности». (Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1897. Т.36 (18а). С.531).

⁷ В письме от 17 февраля К.Н.Модзалевский писал: «Ты спрашиваешь, почему мне так отвратительна гимназия? Да что же в ней привлекательно-го-то, кого можно вспомнить хорошим словом? Я вспоминаю с благодарностью и признательностью только одного Беллерминова; если другие и получают в ней свое образование, то тоже редко вспомнят ее добрым словом, а если и вспомнят, то это потому, что человек вообще способен к прощению того, что ему было неприятно, но уже прошло; кроме того, с гимназией

связывается воспоминание о приятелях, и это значительно сглаживает воспоминание о начальниках и учителях (о них если и вспоминают, то более их комическую сторону); помощь от нее была плохая, – если она плохо питала духовно, то еще хуже физически, и в этом отношении спасибо сказать нельзя. Так думаю не я один, но и очень многие». Иван Иванович Беллерминов в 1861–1865 преподавал историю в 3-й петербургской гимназии. Сам Лев Николаевич также чрезвычайно негативно отзывался о постановке учебного процесса в гимназии (см.: Автобиография. С.18–19).

⁸ См. вступ. ст. к наст. публ.

⁹ В письме от 24 января 1864 К.Н.Модзалевский писал: «Саша здоров, учится хорошо; у меня он бывает всякое воскресенье, и, когда нужно, я занимаюсь с ним, но только когда он сам попросит, сам не навязываюсь; да и вообще стараюсь держать себя в отношении его как можно проще, чтобы он совершенно смотрел на меня как на равного. Я знаю, что в такие годы самолюбие бывает очень сильно, и всякое замечание, высказанное тоном авторитета, действует болезненно. Лучше даже держать себя несколько вдалеке, чтобы мальчик чувствовал, что он уже личность сам и может слушаться и не слушаться других; не надо также допытываться о чем-нибудь нахрапом, в такие годы мальчики бывают сами очень сообщительны, и надо только уметь пользоваться ею; да вообще, надо поменьше того, что обыкновенно понимается под глупым словом “воспитатель”».

II. Письма невесте

Л.Н.Модзалевский – А.И.Константинович

1

22 июня 1866.

Милый, несравненный друг Саша!

Бросим «пустое Вы» и заменим его «сердечным ты»¹, на которое дают нам право наши отношения друг к другу. Я уверен, что ты будешь согласна на это. Довольно мы скрывались, стеснялись, боялись: пора и говорить и действовать открыто, как велит чувство.

Сегодня я простился с тобой, простился надолго, почти на месяц. Я собирался по-прежнему притвориться, затаить давившую меня грусть, – но на душе было так тяжело, а теперь, когда тебя нет со мною, становится все тяжелее и тяжелее, так что я невольно взялся за перо. Признаюсь, я немножко завидую тебе: ты была спокойнее меня в минуту разлуки; я же суетился, бросался – и все-таки не удалось проститься с тобой так, как бы хотелось. Ехать необходимо, должно покориться обстоятельствам: я сам это знаю, – но несносное сердце как-то беспокойно стучит, ноет и мучит. И странно! С тобой вместе я бываю всегда спокоен до того, что никакие сомнения, ни-

какой экстаз не нарушают душевного равновесия. Я не распространяюсь тебе о том, как сильно люблю тебя, не считаю нужным прибегать ни к уверениям, ни к клятвам; не требую их и от тебя. Но как только нет тебя со мною, становится как-то страшно, и все хотелось бы услышать от тебя святое слово *любви*. Скажи же мне его, это заветное для меня слово, в котором вся моя жизнь; скажи хоть на бумаге, если не сказала мне его прямо, открыто, во время наших незабвенных бесед. Пиши ко мне, моя радость, как можно скорее, если тебе сколько-нибудь дорого мое спокойствие. В родной глуши, в родных, с детства знакомых местах мне будет все чуждо, пока ты не подаришь меня весточкой. Я буду целовать каждую твою строчку, каждое слово, и ты опять будешь неразлучно со мной.

Есть у меня к тебе еще одна просьба: как только будешь в городе, заезжай к Шеньяну² и сними свой портрет (а не карточку). Я условился с фотографом во всем, и тебе стоит только зайти, присесть на несколько минут – и все кончено, и в июле, (а может быть, и раньше), я уже буду иметь твой бесценный портрет. Пока довольствуюсь старыми. Сделай же так, как я прошу тебя; у нас с Шеньяном все «abgemacht»³, и тебе не надо будет тратиться. Не откажи мне, мой добрый ангел!

Я также хлопотал о денежных делах, но без особенной удачи. Ничего! Заложу хоть самого себя, лишь бы поскорее добиться полного счастья, одолев все формальности и неизбежные преграды...

Что-то странное со мной творится! Без тебя я совсем другой. Без тебя моя душевная жизнь приходит в какое-то расстройство, и только твое присутствие вносит в нее ту ясность и гармонию, источник которой в тебе, мое чистое дитя. Это душевное расстройство в настоящий момент я особенно живо чувствую и сознаю. Не правда ли, ты ведь не заметила во мне никакой экзальтации, никакой сентиментальности, когда я бывал с тобою; мы даже толковали больше о посторонних предметах. Теперь же я почти не могу заниматься ничем посторонним и, будучи всегда непрактичным человеком, теперь стал еще бестолковее. Все видишься мне ты, чистая, светлая, спокойная, как херувим. Освети же и меня своим светом, молю тебя! Откликнись мне и расскажи, как тебе живется. Уверен, что лучше, нежели мне. Прощай. Мысленно обнимаю тебя и поручаю тебе свое счастье.

Твой Лев Модзалевский.

Еду завтра. Прощай, моя радость, моя ясная надежда.

Передай мой усердный поклон Ивану Васильевичу и Анне Петровне⁴. Что за редкие люди они! Как рад я за тебя, что ты у них под крылышком. Я буду лично писать к ним и благодарить их. Прощай.

¹ Отсылка к пушкинскому стихотворению «Ты и Вы». Ср.:

«Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила»

(Пушкин А.С. Полное собрание художественных произведений. СПб.; М., 1999. С.73).

² Шеньян – фотограф, сведений о нем разыскать не удалось.

³ устроено, договорено (*нем.*).

⁴ Вернадский Иван Васильевич (1821–1884) – русский политэконом, профессор Московского и Казанского университетов. В 1866 – статский советник, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, преподаватель Александровского лицея. Вернадская Анна Петровна, урожд. Константинович (1837–1898) – вторая жена И.В.Вернадского, сестра отца А.И.Константинович. Лето 1866 Александра Ивановна провела в доме Вернадских в Лесном.

2

26 июня 1866 г.
Псков.

Бесценный друг Саша,

Не знаю, собралась ли ты отвечать мне на первое письмо, и уже пишу второе из Пскова, куда отвез милую Нюту. Сегодня (в воскресенье) еду в деревню и надеюсь найти твое письмо, которое обрадует меня несказанно. Во Пскове у меня есть тетушки, кузины и т[ому] под[обные] бывшие институтки. Все они налюбоваться не могли на твой портрет, снятый бюстом, и слушали мои восторженные рассказы о тебе, моей милой, дорогой невесте, которую я так давно и так сильно люблю...

В доме моего зятя, отца Нюты, я встретился с Евгенией Ивановной Орловой¹, она гостит в Пскове с матерью, братом-студентом и сестрами. Я сообщил ей твой адрес, т.к. она хотела писать к тебе; ее же адрес: в г. Псков, близ церкви Покрова в доме Сергеева. Я ничего не говорил ей о наших планах, но она, вероятно, догадалась, в чем дело. Ведь о нашей любви давно знали все и пророчили то, что теперь уже наверное должно свершиться для нашего взаимного счастья...

Отправивши тебе мое первое письмо, написанное под влиянием непосредственного чувства, я потом несколько сомневался, понравится ли тебе его тон, не обидит ли тебя дружеское *ТЫ*, которое подсказало мне сердце. В этих сомнениях я нахожусь и теперь, и только твой ответ может рассеять их совершенно. Расскажи мне,

моя ненаглядная, как тебе живется и что думается? Дай полный простор той откровенности, которая так свойственна твоей честной, открытой натуре. Есть ли у тебя какие сомнения, вопросы, то не промолчи о них; мне хочется жить жизнью твоей души, так как жизнь одной моей души без тебя бедна, неполна. Только ты можешь наполнить ее самым богатым содержанием и облегчить тяжесть разлуки, которая без твоих писем будет для меня невыносима. Между тем побывать в деревне мне надо, это необходимо для нас обоих. Здоровье мое быстро поправляется: лихорадки как не бывало. Петербург же действует на меня убийственно, и мы покинем его при первом удобном случае. Не правда ли? Ты ведь будешь согласна?

С твоего позволения, целую тебя, мое сокровище, и снова поручаю тебе мое счастье: оно все в твоих руках, которые я также целую миллион раз. Обрадуй же меня скорее, умоляю тебя, твоею добротой: твое письмо будет иметь роковое значение для меня. Я жду его со страхом и надеждою. Твоим добрым родным передай мой усердный поклон. Прощай, мой чистый херувим, прощай и не забывай меня по-прежнему. Обнимаю тебя, мою голубку; обо мне ли то воркует эта голубка – вот вопрос для меня. О, если бы найти скорее твое письмо!..

¹ Орлова Евгения Ивановна – институтская подруга А.И.Константинович, выпускница 1866.

3

*29 июня 1866.
с. Ивановское.*

Милый, прелестный друг мой Саша!

Вот уже четвертый день я в деревне, брожу по лесам и перечитываю твое дорогое писемцо, за которое я благодарил тебя тотчас же по его получении на Белой. Вероятно, ты уже получила мою сердечную благодарность за твою великодушие, спасибо тебе, мой добрый гений: ты пожалела меня и исполнила мою жаркую просьбу писать ко мне. Теперь я не один! Ты незримо со мною всюду. Но все же мне хотелось бы слышать тебя, беседовать с тобой – и я посылаю нарочитого на станцию за твоим письмом. Найдет ли-то он его? Я боюсь, что ты не успела отвечать мне, так как в понедельник тебе предстояла поездка в город¹. Что Ольхина²? Что Кузьмина³? Прости меня, моя радость, но относительно Кузьминой у меня есть какая-то

недоверчивость, и мне кажется, что она не станет нам сочувствовать. Институт сделал меня мнительным, и ты, зная все прошлое, сумеешь объяснить это⁴. Впрочем, я предоставляю тебе самой знать своих подруг и прошу простить мою откровенность. А может быть, это и маленькая ревность с моей стороны: мне хотелось бы заменить тебе всех подруг, всех родных, чтобы ты жила одним мной так, как я теперь живу одной тобою. Ты, мое прелестное дитя, воскресила меня к новой жизни, меня, уже утомленного, усталого, измученного сомнениями, трудами, борьбой. Ты снова пролила в мою душу ту свежесть и бодрость, которыми ты сама так богата и которые всегда иссякают в жизни, особенно в жизни одинокой, как моя. Сколько душевных сил было растрчено мною в моих бесплодных скитаниях по белу свету; и то разъезжая по Рейну, то любуясь снежными Альпами, я, конечно, не жил такой полной жизнью, какою живу теперь и надеюсь жить в будущем. Ты знаешь мое прошлое: оно было все из неудач, порывов, исканий того идеала, который я себе создал, и отсутствие любящего существа навевало на меня ту грусть, которая иногда выливалась в стихе. Одно из таких стихотворений я читал тебе, сколько упомянул, но теперь я уже не могу ему сочувствовать, когда в сердце столько надежд.

Вернулись вновь
Мечты и любовь!
Мне счастье блесит в отдаленьи...
Нет, я не увял
И свой идеал
Нашел я в живом воплощеньи.

Это ты, моя ненаглядная Саша, которой я малодушно бежал и которая первая протянула мне руку с тою честной прямою, какую можно встретить разве у тургеневских героинь. Я думал, что их нет в действительности, но ты доказываешь противное. Ты вывела меня на прямую дорогу из того лабиринта, в котором я было совсем заблудился, запутался и уже не знал выхода. Моя *idée fixe*, которую ты уже знаешь, это – недоверчивость к институткам; я знаю много примеров, что воспитание только искажало их и они были не только сами несчастливы, но делали несчастными и других. Но тебя не коснулось тлетворное влияние этой проклятой сферы, которая не знакомым с нею людям издали кажется столь обольстительною. Благодаря своей богатой натуре, ты вышла чистою, неискаженною, как те первенцы творения, которых создала библейская поэзия. Да, такова ты теперь! Дай Бог, чтобы ты такую и осталась, разумною, верною, великодушно любящею, открытою, детски чистою. В тебе есть задатки сильного характера, который может восполнить недостатки моего характера. Я тебе открыто сознавался и сознаюсь в них: я че-

ресчур поддаюсь постороннему влиянию по излишней впечатлительности, и ты можешь сделать из меня все, что захочешь. Знаю, что ты не станешь злоупотреблять этим и воспользуешься мягкостью моего нрава к нашему общему благу. К одному только приучила меня бедность – к честному труду – и эту, может быть, единственную способность я всецело посвящу тебе, мое сокровище. Спроси своего умного дядю: вся наша жизнь основана *на труде*, по крайней мере в своей практической стороне; нравственная же поκειται *на любви*, на бескорыстной любви, ведущей к самоотвержению. Я искренний враг тех теорий, которые проповедуют один эгоизм, один холодный расчет и отрицают самое высокое в нашей жизни – любовь во всех ее видах и отношениях.

Этим чувством любви я также связан с моими родителями, и потому тотчас по приезде открыл им о своем счастье. Отец мой, уже 74-летний старик, был очень доволен моим выбором и велел присоединить твой портрет (он уже в рамке) к другим родным нам портретам. Мать уже давно знает тебя по рассказам Нюты, и хотя я ничего никогда не говорил ей, но она знала о моем чувстве к тебе, так как видела мой медальон. Все идет, как видишь, хорошо, но я до сих пор не решился просить денег и даже не знаю, есть ли они у моих стариков. Ты поймешь, что в мои года и при моей самостоятельности мне как-то совестно одолжаться, хотя бы и родным. Не знаю, как-то придется одолеть разные практические затруднения, упростить которые много зависит от твоего согласия. Если бы я наверное имел в виду столь счастливый и скорый результат нашей двухлетней любви, которой я все боялся доверять, то я заранее позаботился бы о презренном металле. Но ты об этом не думай: это уже мое дело, и я как-нибудь извернусь, заложив себя какому-нибудь книгопродавцу. Я уже писал некоторым перед отъездом из Петербурга и вперед продавал свой труд⁵. Но, сказать тебе по правде, теперь работается плохо, а все читается Гейне, мечтается, и мне даже совестно самого себя, что веду себя не как многоопытный муж, а как юноша. Тут уж как хочешь, а виновата ты, зажегшая во мне ту поэтическую искру, которая уже совсем было потухала. Я еще не успел совершенно захлебнуться в житейской прозе и пошлостях, а без них ведь не обойдешься. Надо, хотя по временам, с неба счастья спускаться на землю, в эту «юдоль плача и страданий». Уравновесить свою жизнь между небом и землей – вот самая трудная задача для человека. Постараемся как-нибудь!

«Заболтался ты, Левушка!» – думаешь ты, читая мое разглагольствование. Прости мне, моя Шурочка, и рассуди, что мне не с кем побеседовать от сердца, а старики или дети⁶ этих вещей не понимают. С малодушным нетерпением жду твоего второго письма и –

портрета. Подари меня им, моя добрая голубка; Шеньян обещал сделать поскорее. Заверни в пакет, и он дойдет по адресу. Он хотя на миллионную часть заменит мне тебя в моем уединении. Первое письмо твое я уже знаю наизусть, пора приниматься за второе. Опять не собрался писать к Ив[ану] Вас[ильевичу] и Анне Петр[овне], передай всем мой усердный поклон.

Горячо целую тебя. Прощай.

Мои старики велели написать тебе поклон. Прими его.

¹ В 1860-е Лесное (ныне район станции метро «Лесная») было дачной местностью. А.И.Константинович собиралась ехать в Мариинский институт.

² Ольхина Мария Сергеевна (1818–1910) – вдова генерал-майора артиллерии, начальница Мариинского института.

³ Кузьмина Александра Кузьминична – институтская подруга Константинович, выпускница 1866.

⁴ Неясно, о чем идет речь. Возможно, Модзалевский имеет в виду интриги, вынудившие Ушинского покинуть Смольный институт.

⁵ Вероятно, речь идет об «Очерке истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней» (Вып.1. СПб., 1866; Вып.2. СПб., 1867; Вып.3. СПб., 1867).

⁶ Александр Модзалевский был всего лишь годом младше А.И.Константинович.

4

*2-ое июля 1866 г.¹
с. Ивановское.*

Вот уже целая неделя, как нет от тебя весточки, мой несравненный друг Саша! Тоска меня душит, и в отчаянии от твоего молчания я пишу тебе пятое письмо, в надежде вымолить у тебя ответ. Откликнись же мне, моя бесценная, откликнись, хоть двумя строками, доказав, что ты по-прежнему любишь меня, что ты не забыла меня среди дачных и столичных развлечений. Не осуди, что я так часто беспокою тебя своими письмами, и пойми своим светлым умом, а если можно, то и своим любящим сердцем, что мое положение невыносимее твоего. Я в глуши, после двух-трех свиданий с тобой, которую я так долго, хотя и до безнадежности робко любил, как

прелестное дитя, но на постоянство которого трудно было рассчитывать. Но ты уже доказала, как я заблуждался, и еще сильнее очаровала меня своими достоинствами. Поддержи же затеплившуюся в душе моей веру, укрепи надежду, чтобы я мог молиться тебе, как моей спасительнице... Тщетно берусь я за твое первое письмо ко мне: я читаю его, не следя за строками, так как знаю его наизусть от слова до слова. В четверг я надеялся наверное приняться за второе – но посланный на Белую горько обманул меня.

Поздно вечером приносят мне письмо; я бегу, как сумасшедший, целую письмо, но взглянув на адрес, вижу не твою дорогую руку. Распечатываю – оказывается письмо от брата из-за границы!² Тут я живо почувствовал, что тысячи таких писем не могут мне заменить одной твоей строчки. Да! мой друг, я живу теперь одной тобой и твердо знаю, что без тебя мне уже не нужна более жизнь. Дай Бог, чтобы не пришлось, но если придется, я докажу тебе это на деле. В мои годы экзальтация невозможна, и ты не подозревай, что я преувеличиваю свое чувство: это твердая решимость зрелого человека, для которого уже миновала юность с ее увлечениями и непостоянством. Не за себя, а за тебя боюсь я, и ты не обижайся этим: ты только начала жить и пользоваться свободой, и я совершенно понимаю, что, упоенная этой новой для тебя свободой, ты позабыла писать к твоему верному Левушке. Я совершенно понимаю разницу моего и твоего положения и никогда не упрекну тебя в молчании. Я позволяю себе только умолять тебя моею любовью к тебе отнестись к моей мольбе с тем же великодушием, за которое я так искренно благодарил и благодарю тебя относительно первого письма. Пиши мне больше и с тою же *откровенностью*, с какой я пишу к тебе: это одно из множества твоих прекраснейших качеств. Сообщи о твоих поездках к Ольхиной и Кузьминой, и о их результате. А может быть, письмо уже и ждет на станции Белой, и я завтра же покрою его поцелуями... О, если бы это было так! Я вновь ожил бы от того малодушества, в котором скорее ты можешь упрекнуть меня, чем я тебя, моя прелестная, бесценная Саша! Я не знаю, выдержу ли я тот долгий срок разлуки, какой положил себе; мне хотелось бы скорее взглянуть на тебя, мое сокровище, и я заранее наслаждаюсь мыслью, как сладок будет поцелуй свидания после непродолжительной, но столь трудной для меня разлуки.

Нюта во Пскове и хотела писать тебе. А портрет твой?

Поклонись от меня добрейшей тете, Ивану Васильевичу, сестре и всем, всем.

Обрадуй же поскорее меня весточкой. Сегодня моя охота была особенно счастлива. Как хотелось бы мне угостить тебя дичинкою моих собственных трудов.

¹ В левом верхнем углу листа штампы: Л.Н.Модзалевский.

² К.Н.Модзалевский в 1865–1870 жил в Иене, где учился в университете и работал в институте Стоя.

5

4-е июля 1866 г.
с. Ивановское.

Наконец-то получил я твое второе письмо (от 30-го июня), мой добрый друг Саша! Из прежних писем моих ты уже знаешь, с каким почти болезненным нетерпением я ждал его, и, следовательно, можешь понять мою радость и мою благодарность. Только одно несколько огорчило меня: мои письма, кажется, неаккуратно доходят до тебя. Теперь я пишу *шестое*: все ли ты получила? Ты в последнем письме спрашиваешь, *сержусь ли я на тебя?* Да, сержусь за то, что ты делаешь подобные вопросы, ты, которой я готов молиться как моей спасительнице! Еще скажу тебе, что замечаю в тебе рассеянность: в первом письме ты ничего не перепутала и даже вовсе не сообщила мне своего нового адреса, и я не мог к тебе писать иначе как по старому¹. Впрочем я [рад, что]² это маленькое недоразумение [заставило тебя]³ поскорее написать мне второе письмо, *извинительное*, как ты его называешь. Сколько заветных чувств и мыслей затронуло оно во мне! Как живо вспомнилась мне ты, моя дорогая, в ту незабвенную минуту, когда я открыл тебе всю свою душу и когда ты, верно поняв меня, сказала мне наконец свое *да!* Ты была в ту минуту так спокойна, что только теперь я узнаю, как бурно было в твоей прекрасной, ясной душе⁴. Тебе хочется знать, каково было тогда мне. Повторю тебе то, что уже почти высказывал тебе прежде, но что может показаться тебе странным. Мне подумалось, что *так и следовало*, что все прошлое подготовляло это и какая-то судьба мудро вела нас к этому счастливому концу, но вела путем страданий, мучительных сомнений, колебаний. По крайней мере я прошел этот извилистый путь и выстрадал то *да*, в котором все мое счастье. «Я готов сделаться фаталистом!» – не раз говорил я тебе. Это именно и значило то, какое впечатление произвело на меня твое решение. *Весело* мне не могло быть: в такие торжественные минуты, которые бывают нечасто в жизни, не может быть весело, и только! Это слишком легкое, поверхностное чувство. Сказать правду: я тогда торжествовал, и не с тем испугом, как после преступления, а тоже торжественно смотрел на мир божий, и на людей, а приехавши домой, против обыкновения распил с близким другом бутылку доброго вина и, простишь ли, поделился с ним своею радостью. Это был мой

университетский друг и товарищ Максимов⁵, который, как я тебе говорил, только что вернулся после трехлетних странствований по Малой Азии, куда он был послан от университета. Я объясняю себе твое замешательство (в воскресенье 19 июня) только тем, что, не привыкнув распоряжаться [со]бой⁶, ты должна была на первых же днях твоей [само]стоятельности⁷ сделать такой важный шаг. И ты сделала его верно: за это я тебе ручаюсь всей своей жизнью, всеми силами моей души, всею моею любовью! Я, давно привыкший к свободе, не мог чувствовать такой робости, какую чувствовала ты, еще *дитя* в жизни. Не обижайся этой правде; я действительно считаю тебя чистым ребенком за ту искренность, открытость, доброту и душевную ясность, которые тускнеют в жизни, в нашей испорченной жизни, требующей от нас часто лицемерия вместо открытой истины. Так я, пока ты была в институте, должен был лицемерить, скрываться, бояться, хотя более за тебя, чем за себя. А легко ли все это было? Но зато как стало мне легко, когда я высказался тебе, открыв все свои заблуждения, которые ты пон[яла]⁸ своим чутким сердцем и простила. <...>⁹ были больны!» – сказала ты, и это был самый верный приговор моему прошедшему, с которым я был рад проститься. Ты сама видишь, что это не фраза, когда я называю тебя своей спасительницей. Зачем ты называешь мои письма *нежными*¹⁰ и сама стараешься сделать свои такими же? Это будет уже *сделанное*; пиши так, как чувствуешь и думаешь, и ты будешь верна сама себе, как верен себе я в моих к тебе письмах, хотя бы они были плохи до смешного, и они действительно таковы. Но ты пишешь, что любишь их читать, и желаешь еще большего – и я безбоязненно пишу тебе, зная, что ты никогда не оскорбишь меня насмешкой. Если я кажусь тебе слишком нежным, то уж такова моя натура, и над этой чертой моего характера всегда подтрунивали мои друзья. Ты можешь переделать меня, но сам себя я не берусь переделывать. Может быть, эта мечтательная нежность, пожалуй, сентиментальность, есть остаток наследственного малороссийского характера, перешедшего ко мне от дедов и прадедов; но мне зато не нравится та черствость, сухость, холодная рассудочная практичность, которая у великороссов в простом народе переходит в грубость и плутовство, а у образованной молодежи – в нигилизм, отвергающий и искусство, и любовь, и всю поэзию жизни, которой я всегда любил наслаждаться и в настоящее время наслаждаюсь более, чем когда-нибудь. Посмотри на своих дядю и тетю: сколько глубокого чувства, сколько задушевной простоты у этих людей, чего ты не встретишь у разных ...овых и ...иных! Это различие в крови, в природе, в расе, и этими достоинствами должна обладать и ты, если в тебе еще не остыла украинская кровь, если институт не заглушил в тебе твоих наследственных качеств. А

он их не заглушил – это я тебе повторяю. Ты любишь песню, поэзию; твое чувство глубоко и постоянно (мне известны пока только два года); ты открыто правдива, впечатлительна; твоя натура подвижна, как у даровитого ребенка. Все это чисто малорусские черты, и ты прости, что я так люблю *повторять* тебе о твоих достоинствах. Что же делать, когда они мне так дороги, а ведь «у кого что на уме, то и на языке». Вот причина, почему я повторяюсь, хотя и сам теперь замечаю это.

Ты называешь меня злым¹: назови лучше бестолковым, опрометчивым. Уезжая от тебя, я никак не полагал, что разлука будет так тяжела для меня, и, откровенно скажу, с каждым днем становится тяжелее; да к тому же и ты молчишь по целым неделям, безжалостная, а пишешь так мало, что письмо в день невольно заучивается на память. Прости за упрек и согласись, что он справедлив. Мне же ехать было необходимо: ты сама видела, что сделал из меня Петербург, и только теперь я физически оживаю. Поехал бы теперь же к тебе, но мать обижается, что уезжаю от ее именин, да и есть кой-какие домашние дела. Через неделю надеюсь обнять тебя и расцеловать ту добрую руку, которая хоть изредка счастливила меня. Боже мой, как-то ты меня встретишь, как-то ты меня поцелуешь: так ли горячо, как я тебя?! Теперь же жизнь моя такова: с утра почти до обеда с ружьем и собакою (и с твоими письмами) брожу где-нибудь в бору или болоте, или отправляюсь верхом к соседям с визитами – этим неизбежным злом; по вечерам читаю (в настоящее время *Paris en Amerique*²) или слушаю плохую игру брата-флейтиста, а улегшись, долго думаю о тебе, так что не скоро засну и выйду на охоту позже, чем следует. Вообще я стараюсь как-нибудь незаметно убить время, которое тянется чересчур долго; живется, как видишь, плохо и гораздо хуже твоего, как я уже писал и проводил параллель между обоими нами. Разница должна быть, и именно не в мою пользу. Передай мой поклон своим родным и писемцо Ивану Васильевичу. А что же ты ни слова не пишешь о портрете? Теперь погода поправляется. Прощай и не забывай твоего Левушку.

¹ По вине почты Модзалевский вслед за первым письмом своей невесты (от 23 июня) получил третье (от 30 июня). Во втором письме (от 28 июня) Александра Ивановна сообщала, что собирается погостить у Кузьминой, и просила писать на ее адрес. Посланное вслед «извинительное письмо» сообщало, что ввиду непогоды поездки не состоялась: «Так еще раз прошу тебя, мой дорогой Леша, не сердись на меня за то, что я так перепутала адреса. <...> Напиши мне, сердись ли ты на меня или нет?»

² Край листа оборван.

³ Край листа оборван.

⁴ В письме от 30 июня 1866 А.И.Константинович писала: «Еще раз прошу тебя, приезжай поскорее; мне бы очень хотелось съездить с тобой покататься на лодке, или просто пойти куда-нибудь гулять, как это было в воскресенье, в которое я дала тебе слово. Было ли тебе тогда весело или нет? Что касается до меня, то я тебе скажу откровенно, что в то самое время я чувствовала себя ни счастливой, ни несчастной, а находилась в каком-то странном волнении и не могла себе дать отчет, что делается со мной, даже боялась встретиться с кем-нибудь из знакомых, потому что была в таком настроении духа, что мне все казалось, будто я сделала что-то очень преступное».

⁵ Максимов Виктор Александрович – товарищ Модзалевского по университету. Закончил Петербургский университет в 1859, впоследствии – магистр турецко-татарской словесности (1867).

⁶ Край листа оборван.

⁷ Край листа оборван.

⁸ Край листа оборван.

⁹ Край листа оборван.

¹⁰ Александра Ивановна писала: «Видишь, и мне наконец удалось написать почти такое же нежное письмо, какие ты мне обыкновенно пишешь; ты не смейся над предыдущей фразой, так как это сказано от чистого сердца, оттого, что мне действительно нравятся твои письма и мне хотелось бы уметь выражать мои неподдельные чувства к тебе так, как ты это делаешь» (из письма от 30 июня).

¹¹ Из письма А.И.Константинович от 30 июня: «Что же касается до того, что мне думается, то сказать тебе откровенно (о чем ты меня и просил), думается мне все о тебе, моем дорогом Левушке и злом Левушке, который как бы желал меня подразнить, уехал во Псков и думать не хочет о своей голубке Саше, которая только и воркует о нем».

¹² Речь, вероятно, идет о книге Р.Лефевра. См.: Lefebvre Rene (Laboulaye). Paris en Amerique. 12 ed. Paris, 1864.

6

8-го июля 1866 г.
с. Посконкино.

Милый, верный друг мой Саша!

Вчера, 7 июля, я имел радость получить три твоих письма вдруг, но содержание последнего из них огорчило меня. Ты недовольна мной, моя голубушка, за сделанный мною несправедливый упрек в молчании с твоей стороны. Теперь я, конечно, беру его назад, но что же я мог подумать, так долго не получая твоих, столь дорогих для меня писем? Я невольно впал в хандру, и мрачные мысли не давали

мне покоя. Что ж делать, если я так люблю тебя, что не мог выносить спокойно твое молчание, которое я был готов объяснять не твоею ветреностью, а просто твоим равнодушием к моей, далеко не завидной участи. Прости меня за это заблуждение, в которое ввела меня неисправность почты: твое третье письмо (от 30-го июня) я получил раньше второго (от 28-го июня), пришедшего вместе с письмами от 3-го и 4-го июля. Теперь успокойся, моя милочка, и знай, что все твои умные, искренние письма в моих руках. Я беспрестанно читаю и перечитываю их, и каждый раз нахожу наслаждение. Напрасно ты так недоверчива к себе и ко мне, что полагаешь, будто они не интересны для меня; напротив: с каждым письмом ты раскрываешься для меня более и более, и я все крепче привязываюсь к тебе, моей единственной надежде в жизни. Я последний раз писал тебе совет не подражать моим письмам, которые кажутся тебе уж чересчур нежными, так как считаю сам это недостатком своей натуры, и действительно, твои последние письма самостоятельнее, а потому и лучше. Я не гоняюсь за фразами, за стилем и достаточно вижу, что ты по-прежнему любишь и помнишь меня. А это мне только и нужно, и я счастлив и спокоен за себя; одно дурно, что я так далеко от тебя. Время тянется до того невыносимо, что я уехал к соседу и товарищу моему Стефановичу, только что приехавшему из Киева¹, – чтобы сколько-нибудь рассеяться. Сегодня с утра до 9 часов вечера мы были на охоте и много стреляли. Сейчас вернулся, усталый, и сел отвечать тебе. Стефанович, мой университетский друг, еще полтора года тому назад видел твой портрет в моем медальоне и теперь очень обрадовался, узнав, что ты уже моя милая невеста, и усердно просил тебе кланяться. В нашей студенческой дружбе нет зависти друг к другу, как в Ваших институтах, и Ваши институтские подружки вроде Кузьминой, право, народ ненадежный. Что касается Ольхиной, то она, вероятно, уже давно подозревала наши отношения, и, наконец, ей могла сказать кое-что Акимова². Но что значит совет Ольхиной не торопиться свадьбой³? Как ты его себе объясняешь? Я объясняю его тем же, что и сам прежде высказывал тебе об институтках: «Эта любовь – еще ветреность, молодость, увлечение с твоей стороны», – верно, подумала Ольхина и высказала тебе это в виде совета не торопиться. Типун ей на язык! Если она считает тебя ветреницей, то я этого не думаю с тех пор, как ближе узнал тебя, и вполне верю и в твое чувство, и в прочность нашего счастья. По крайней мере для меня другого счастья уже быть не может: оно все в твоих милых руках, – повторяю тебе это и не перестану повторять, пока оно окончательно не упрочится.

Меня преследует мысль, что я уже два раза был причиной твоих слез, мысленно целую твои чудные глазки и прошу прощения. Те-

перь уже скоро, через три-четыре дня, я лично поцелую эти добрые, умные глазки, я постараюсь, чтобы на них никогда не было ни слезинки, чтобы они всегда сияли и блестели, как я видел это прежде и не мог налюбоваться. Да, мой друг, мой неизменный и незаменимый друг, теперь уже скоро я увижу тебя. В Петербурге, как слышно, сильная холера⁴, но я решил ехать, чтобы видеть тебя, и если мне суждено умереть, все же умру близ тебя, твоим верным, любящим Левушкой. Ради тебя я ничего не страшусь и не посмотрю на угрозы не ехать в холерный Петербург... Да и теперь я живу одной тобой и положительно каждую ночь вижу тебя во сне, а сегодня даже целовал тебя, и так сильно, так сладко... – хотя и без твоего согласия на это. Что думается, то и во сне видится, это вещь простая, и напрасно суеверные люди видят в этом что-то таинственное. Ты пишешь мне, что я заблуждаюсь на счет твоих бесценных для меня достоинств и желала бы заблаговременно разочаровать меня. Ну, выскажи же мне сама, какие ты знаешь за собой недостатки: я уверен, что ты сама затруднишься найти их или назовешь такие, в которых я увижу одни достоинства. Во всяком случае, непременно попробуй назвать мне их; пока я знаю один: что когда ты устанешь, то бываешь не в духе – и только. Но это свойственно всем людям. Да, пожалуй, еще другой – что уж слишком усердно сидишь за шитьем и томишь свои милые глазки, не делай этого, пожалуйста, еще успеешь нашить себе, что нужно⁵. Выучи-ка лучше хоть одну малороссийскую песенку и спой мне сюрпризом. Вообще, не бросай пения: оно так дается тебе – не зарывай таланта в землю. Сегодня Стефанович мне целый день пел малороссийские песни и расхваливал киевских женщин, и все это делалось как бы в честь моей Шурочки, по крайней мере, мне было отрадно так думать.

Я не забыл своих обещаний насчет моих карточек⁶, но согласись, что до сих пор мне было трудно исполнить их; но они будут исполнены очень скоро, как только я приеду. Ты же, ради Бога, не рискуй ехать в город, я боюсь за тебя, моя радость, во время эпидемии. Уж лучше мы вместе поедem. О переводе⁷ также не думай: он не стоит твоего труда, особенно при твоих недосугах. А вот карточки своей, что снимала в Лесном, напрасно не прислала, неужели ты не могла догадаться, что я был бы рад и плохой, что она все-таки напомнила бы мне тебя, уже не институтку, не девочку, а как ты есть теперь, в лучшую пору твоей молодой жизни.

Орлову я только два раза видел во Пскове, но особенного ничего ей не говорил, так как не имею обычая пускаться в откровенности с кем попало; я даже не знал, дружна ли ты была с нею, а потому относился к ней совершенно холодно. Еще ты желаешь знать мое мнение о Виктории Константинович⁸: я его уже высказывал, наме-

кал, что считаю ее девушкой гордою, по крайней мере, такое впечатление делала она на меня, отвечая мне всегда полупоклоном, полуответом и держа меня на самом почтительном отдалении. Понятно, что я совершенно не успел узнать ее ближе; в последнее же время я видел и замечал только тебя, а остальной мир почти не существовал для меня.

Получила ли ты мое письмо от 4-го июля? Как приняли мою искреннюю благодарность твои дядя и тетя⁹? Еще раз поклонись от меня всем твоим родным, не исключая и самых маленьких деток. Мои старики велели от души благодарить тебя за любезное внимание и просить тебя принять от них дружеский поклон.

Итак, до свидания, моя ненаглядная, прелестная, незабвенная Шуринька; не сердись на меня за недоразумения и по прежнему помни своего верного, горячо любящего и преданного тебе Левушку. Целую тебя горячо-горячо.

¹ В 1866 П.К.Стефанович преподавал естественную историю в Белокоровской гимназии (Киевский учебный округ).

² Акимова Мария – институтская подруга Константинович, выпускница 1866.

³ Из письма Александры Ивановны от 28 июня 1866: «Однако я тебе ничего не говорила о нашем разговоре с Ольхиной. Она нисколько не была удивлена тем, что я за тебя выхожу замуж, так что она, не знаю каким чудом, знала это раньше, но просила меня очень не торопиться со свадьбой, на что я ей ответила, что далее сентября я не буду откладываться».

⁴ Холера появилась в Петербурге 14 июня 1866. См.: *Никитенко А.В.* Дневник. Т.3. 1866–1877. Л., 1956. С.39.

⁵ Воспитанницы Смольного института носили форменные платья и после выпуска вынуждены были делать себе весь гардероб.

⁶ Из письма А.И.Константинович от 28 июня 1866: «<...> ты думаешь, мой голубчик, что я забыла твое обещание, подожди, я тебе сейчас его напомню: ты, разорвав свои две карточки, обещал мне за них 2: одну, как ты выразился, юного возраста, а другую – в охотничьем костюме. Потом на первом месте в альбоме, который ты мне подарил, должна стоять также твоя карточка, ведь ты будешь сниматься, не правда ли?»

⁷ В письме от 28 июня Александра Ивановна писала: «Перевода еще не начала делать, потому что, уверяю тебя <...> мне было некогда». О каком переводе идет речь, выяснить не удалось.

⁸ Константинович Виктория Ивановна (1846–1899) – сестра Александры Ивановны.

⁹ Речь идет о письме Модзалевского к Вернадским от 5 июля 1866.

23 июля 1866 г.
с. Ивановское.

Ты, вероятно, уже получила два моих письма, несравненная моя Саша, теперь пишу третье, вслед за которым еду и сам, чтобы поскорее обнять тебя. Вследствие этого, пожалуй, и не следовало писать, но мне хочется поблагодарить за только что полученное мною милое письмо твое¹, в котором ты описываешь свою поездку в институт и которое так живо познакомило меня со всеми твоими впечатлениями. О, как хороши, как богаты содержанием твои письма, моя милая, особенно в сравнении с моими бессодержательными письмами, за которые мне, право, становится совестно. Говорю это совершенно искренне. Я все вожусь с самим собою, и все не управиться мне с волнующими меня мыслями, которые, как туман, разлетаются от одного твоего слова... Спасибо тебе, мой добрый гений, ты согреваешь и живишь мою усталую душу, ты снимаешь с меня тяжесть разлуки, которая, как ты успела заметить, действует на меня так мрачно.

Как сошлись наши мысли! В минуту разлуки мне хотелось по-дольше видеть тебя, и я не мог не упрекнуть тебя за то, что ты так скоро ушла с дебаркадера, и я не мог еще и еще раз обнять тебя. Прихлынувших слез мне, сказать по правде, не хотелось тебе показывать, не хотелось будто бы рисоваться пред другими своею печалью, но только мне известно, как много самых горячих слезинок растеряно мной вдоль полотна дороги, на которую они свободно капали, никем не замеченные. Так зачем же было ехать? – спросишь, может быть, ты. Но я тебе уже намекал, в какое странное положение поставил я себя пред родными, не позаботившись скопить денегочек на экстренный случай. Теперь я нахожусь в зависимом положении от отца, но просить его помощи мне, человеку самостоятельному, до того тяжело, что в прошлую поездку я все собирался и все-таки не решился этого сделать. Просить денег – это для меня тяжелее всего, и я до странности щекотлив и щепетилен в этом отношении. Я все ожидал, что отец сам предложит, но этого не случилось, пока я, скрепя сердце, не завел об этом речи. Ответ был, конечно, благоприятный, но я все-таки обещал со временем возратить снабженную мне сумму. Все это – самая жалкая проза, но без нее не обойдешься, и я пишу об ней просто только потому, что привык быть откровенным с тобой, считая тебя самым близким к себе человеком.

Как ни подробно твое описание институтских впечатлений, но мне все кажется мало, и ты не сказала главного: как подействовали на тебя все эти бесчисленные поздравления? Приятны ли они были

тебе? Я говорю, конечно, только об искренних поздравлениях от уважаемых тобою людей. Отраднo ли тебе было сознавать себя моей невестой? С гордостью ли ты смотрела всем в глаза, как смотрел бы я? О, если бы да! Может быть, это так и было, но ты умолчала об этом. О встрече твоей с Полевицкой² также ни слова! Тебе кажется странным мое нерасположение к ней, но могу ли я быть равнодушен к личности, которая имела дерзость стать прямо на дороге к моему счастью, которая, не поняв, не будучи в состоянии понять моих страданий, оскорбила их и назвала меня лжецом, да еще перед кем – пред тобой, которой я всегда был готов открыть и открыл всю мою душу, больную душу, которую ты исцелила одним своим словом. Тысячи Полевицких не могут понять, как дорого достается мне то счастье, которое не даришь ты мне, а даешь в награду за все пережитые мною мучения; ведь ты же была их невольной виновницей... Какие именно еще не решенные нами самими вопросы делала тебе Н.Н.Орлова³? Может быть, их и в самом деле необходимо решить, но я упустил их из виду. Передала ли ты ей то, о чем я тебя просил? Впрочем, если и забыла, то беда невелика. Орлова своей навязчивой любезностью возбуждала во мне то же томительное чувство, которое ты испытала последний раз. Бывало, поймает меня в коридоре и, как назло, именно в ту минуту, когда я замышлял подобраться к тебе да перемолвить слова два, – и начнет толковать о Фрëбеле⁴. И проклятая деликатность заставляла меня терять с нею самые дорогие для меня минуты, а там звонок – и ты уже спряталась в классе. Беда со старыми девами!.. Что же ты не упоминаешь о Симберг⁵? Виделась ли ты с нею? С того времени, как ты ближе познакомила меня с ее личностью, я стал горячо уважать и любить ее и даже чувствую к ней особенную благодарность, которую хотелось бы как-нибудь выразить. Научи, как это сделать получше. Особенно тронул меня также привет, сделанный тебе Григорьевыми⁶. Я не знал, что ты была в таких хороших отношениях с ними; с личностью Александры Алексеевны я даже вовсе не знаком, хотя и видал ее, но не обратил внимания. Из твоего рассказа видно, что она очень любила тебя и желает тебе добра. Спасибо ей! Что же касается Мих[аила] Вас[ильевича], то я всегда знал его за прекрасного человека и очень ценю его поздравление; действительно, я сохраню всегда теплое чувство к тому институту, в котором так долго хранилось мое счастье, но который, однако, подобно другим институтам, своими нравами так много был способен преждевременно отравлять человеческое счастье, благодаря существованию сплетен со всеми их мрачными последствиями. Это уж неизбежное зло всех институтов, а в том числе и Мариинского, хотя *в меньшей степени*. Но уже и за это стоит уважать его, значит, его сфера не была до такой степени испорчена,

если из нее могли выйти такие светлые, глубоко честные натуры, как твоя. Ты, мой ангел, хотела разочаровать меня, вылечить от идеализма, сквозь который я будто бы видел тебя, и очаровала меня еще более. Я верую, что это очарование останется на всю жизнь, и ты не станешь умышленно разрушать его. Да, наконец, этот вовсе и не очарование с моей стороны, а то бесконечно высокое уважение, которое предполагает всякая истинная любовь к избранной женщине. Лишиться этого уважения – значит лишиться и любви, а разве это возможно для нас с тобой? Если бы я считал это возможным, я проклял бы день, когда я встретил тебя в первый раз, и заранее похоронил бы себя. Нет, мой единственный друг, я верю в прочность нашего счастья, потому что верю в тебя и ручаюсь за себя. Итак, это вопрос решенный.

Еще ты пишешь о карточках. Я по приезде достану тебе их сколько угодно. Прости, что я по глупому постоянству связался с Шеньяном, с которым не стоит более иметь дела. Когда ты едешь к Кузьминым, и застану ли я тебя во вторник? Жаль, что Беляева⁷ уезжает, ты ее любишь, и мне хотелось бы ближе познакомиться с нею. Кого ты выбираешь, то верно хороший человек, кроме Полевицкой, прости, душка! Скажу тебе еще, что во сне ты решительно не даешь мне покоя. С вечера и до утра я вижу тебя и раз даже катался с тобой по Женевскому озеру, о чем я действительно люблю мечтать. Поклонись от меня Виктории Ивановне, она милая и добрая девушка, Ивану Васильевичу, Анне Петровне, деткам. Не Иван ли Васильевич надписывал адрес на твоём письме?

Итак до свидания, моя бесценная, моя милая Шуручка, скоро я обниму тебя крепче прежнего.

Твой навеки Левушка.

¹ Речь идет о письме, датированном 20 июля 1866.

² Полевицкая Мария – воспитанница Мариинского института, выпускница 1863, в 1864–1866 – пепиньерка.

³ Орлова Надежда Николаевна (ум. 1895) – классная дама в Мариинском институте, в 1864–1865 преподавала французский язык. В упомянутом письме Александра Ивановна писала: «В Институте меня также встретила Надежда Николаевна Орлова, которая также приняла меня в свои объятия, спрашивала меня много о тебе, предлагала мне множество не решенных еще нами вопросов, одним словом, надоела мне ужасно, и я была очень рада, когда я от нее отвязалась благодаря выпускным, которые вырвали меня из толпы, которой я была окружена».

⁴ Фрёбель (Fröbel) Фридрих (1782–1852) – немецкий педагог, основатель методики «детских садов».

⁵ Вероятно, речь идет об Аглаиде Симберг, классной даме Мариинского института, выпускнице 1853.

⁶ Григорьев Михаил Васильевич (1830–1885) – смотритель хозяйственного управления Мариинского института, в котором его жена, Александра Алексеевна, урожденная Шишова, преподавала арифметику. В письме от 20 июля 1866 Александра Ивановна писала: «Но чье поздравление мне действительно пришлось по душе, это Григорьевых, которые прислали за мной в сад, прося очень меня прийти к ним. Я немедленно исполнила их просьбу и, придя к ним, была встречена следующими словами со стороны Александры Алексеевны: “Ну, поздравляю вас, моя душка, искренне и радуюсь вашему счастью; ну, слава Богу, устроилось ваше счастье так, как я желала; ну, садитесь, дайте посмотреть на вас, похудели ли вы, говорят, все невесты худеют”. После многих распросов со стороны Александры Алексеевны явился Михаил Васильевич, который также меня очень мило поздравил и сказал: “Вы, вероятно, увидите раньше Льва Николаевича, чем я, так поздравьте его также от меня и скажите ему, что в благодарность к нашему институту он должен давать даровые уроки за свое счастье, так как оно долго хранилось у нас в институте”».

⁷ Беляева Лидия – институтская подруга Александры Ивановны, выпускница 1866.

Е.А.Салиас
ПИСЬМА К МАТЕРИ

Подготовка текста Л.В.Маньковой
Комментарии Л.В.Маньковой и Т.В.Мисникевич

Один из самых популярных и читаемых писателей конца прошлого – начала нынешнего столетий¹, исторический романист Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир сегодня мало знаком нашему читателю. Вступительные статьи к современным изданиям изобилуют фактическими ошибками². Неточны и дореволюционные биографические статьи³. Поэтому письма в данном случае имеют неоценимое значение. Именно благодаря им удалось установить многие факты биографии Евгения Андреевича, в том числе близкую родственную связь со многими знаменитыми российскими дворянскими родами⁴.

¹ Н.Рубакин в работе «Исторические романы и преподавание истории» приводит сведения о спросе книг на 1899 г. (как в столицах, так и в провинции): в петербургской библиотеке, например, на первом месте по числу выдачи стоят произведения Салиаса, которые были востребованы 718 раз, на втором – произведения Вс. Соловьева (483), на третьем – Гюго (339), Данилевского – 293, Мордовцева – 285 и т.д. Такая же картина наблюдается и в провинции: в Самаре произведения Салиаса были востребованы 816 раз, Вс. Соловьева – 622 и т.д. (Русская школа. 1901. №1. С.277).

² Так, например, год рождения колеблется с 1838 по 1842, а смерти – от 1903 до 1908. Установилось мнение, что в 1861 Салиас вместе с матерью уехал за границу, где пробыл более семи лет. Обнаруженные его письма корректируют этот факт: весь 1862 и 1863 (до конца мая) он находился в Петербурге. Из писем деда писателя становится известным, что в 1867 Салиас был уже в России.

³ См., напр., статью Арс. Введенского в «Энциклопедическом словаре» Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона (Т.56. СПб., 1900. С.130). В данной статье дата рождения Салиаса – 1842, уехал за границу – в 1862.

⁴ Неопубликованные воспоминания матери писателя, в которых упоминается родная тетка ее отца – графиня Мусина-Пушкина, не оставляют никакого сомнения в том, что семья в родстве с Мусиными-Пушкиными. Выяснить по родословным книгам, кто имеется в виду, не удалось. Специалисты по генеалогии уверенно отрицают родственную связь Сухово-Кобылиных с Мусиными-Пушкиными, тем более с графскими родами. Только найденные письма Салиаса пролили свет. 12 декабря 1904 он писал А.А.Измайлову: «<...> дед Василий Александрович Сухово-Кобылин <...> был воспитан своей матерью, замечательной женщиной умом и талантами (рожденной гр. Мусиной-Пушкиной), которая, по моему мнению, и передала чрез сына внукам и правнукам таланты: 1) Александру Васильевичу Сухово-Кобылину, автору “Свадьбы Кречинского” и “Дела”, 2) своей внучке Евгении Тур и 3) правнуку гр. Салиаса, иначе Вашему покорному слуге» (ИРЛИ. Ф.115. Оп.3. Ед.хр.295. Л.12об.–13). Но и эти строки не убедили знатоков рода Сухово-Кобылиных, утверждавших, что женой Александра Васильевича была Е.П.Алмазова. Поверить, что Салиас не знал имени своей прабабушки или перепутал его, невозможно. Только вышедшая в

Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир родился 13(25) апреля 1840 в Москве. Раннее детство его прошло в доме деда (по матери) Василия Александровича Сухова-Кобылина⁵, который жил широко, «по-московски», с детьми и внуками. Дети росли и воспитывались в традициях старого русского барства.

Живя до десятилетнего возраста вместе с тетушками и дядей, Е.А.Салиас глубоко привязался к ним и многое у них перенял. Особенно большое влияние на него оказала его крестная мать – Софья Васильевна Сухова-Кобылина (1825–1867), не чаявшая души в племяннике. Она пристрастила его к рисованию. В 1852–1853 он жил с ней в Крыму, где Софья Васильевна, готовясь к очередной своей выставке, писала пейзажи Крыма. Вместе с ней там находился ее преподаватель – академик Е.Е.Мейер⁶, он и учил мальчика рисовать.

Позже, в 1857, когда известная художница совершенствовала свое мастерство в Италии, Салиас вместе с матерью и сестрами остановился в ее римском доме. Софья Васильевна, находившая у своего племянника талант живописца, мечтала видеть его на этом поприще и настояла на том, чтобы он немедленно возобновил свое обучение. Салиас поступил учеником к близкому другу тетки – художнику И.С.Ксенофонтову⁷.

У Сухова-Кобылиной бывали соотечественники, проезжавшие через Рим. Они ценили в ней талантливую художницу, женщину тонкого блестящего ума, благородного и горячего сердца. Раз в неделю в ее салон допус-

Париже генеалогия Мусиных-Пушкиных «подтвердила» слова Салиаса – женой А.В.Сухова-Кобылина была родная сестра знаменитого графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина – Евдокия Ивановна (1750–1810).

⁵ Родоначалником Сухова-Кобылиных был боярин Андрей Иванович Кобыла, родословная которого восходит к прусскому королю Вейдевуту. Потомок этого короля – Гланда Камбила, разбитый в битвах с крыжачами, выехал с сыном своим и многочисленными подданными на Русь к великому князю Александру Невскому. После крещения Гланде Камбиле дано было имя Иоанн, а его сыну – Андрей, прозванный в народе Кобылой.

Боярин Андрей Кобыла был одним из первых московских вельмож своего времени, пользовался особой благосклонностью Симеона Гордого. Именно Кобылу посылает великий князь во главе торжественного посольства в 1347 в Тверь за своей невестой – дочерью великого князя тверского Александра Михайловича.

От этого боярина, кроме Сухова-Кобылиных, пошли знаменитые роды, прославившие Россию: Шереметевы, Коновницыны, Колычевы, Яковлевы, Боборыкины, Неплюевы, Ладыгины, Романовы.

Василий Федорович Сухово-Кобылин (дед В.А.Сухова-Кобылина) был женат на последней княжне Сонцово-Засекиной – Авдотье Ивановне. Этому угасшему роду Салиас посвятил прекрасный рассказ-хронику «Засекинский дом» (1613–1892)

⁶ Егор Егорович Мейер (1820, по некоторым источникам 1822–1867), за картину «Горное ущелье» удостоен звания академика. Он был не только учителем Софьи Васильевны, но и ее другом.

⁷ Ксенофонтов Иван Степанович (1817–1875), академик исторической живописи. Был учеником К.Н.Брюллова, а затем Ф.А.Бруни. С 1855 жил в Италии. В 1863 был избран в Академию художеств за картину-образ «Успение Богородицы», которую установили в церкви русской миссии в Иерусалиме.

кались исключительно художники. На этих вечерах присутствовал и молодой Салиас, но не на правах племянника, а как ученик Ксенофонта. Несмотря на существенную разницу в возрасте, он близко сошелся со многими художниками, которые считали, что он окончательно избрал их поприще.

Софья Васильевна уговаривала сестру оставить сына на 5–6 лет в Италии, дабы он стал профессиональным художником, но Елизавета Васильевна считала, что ему необходимо прежде «пройти» через университет⁸.

Для подготовки сына к вступительным экзаменам Е.В.Салиас переезжает с детьми в Париж к мужу Анри Салиасу-де-Турнемиру.

К сожалению, об отце писателя – графе Анри (в России его называли Андрей Иванович) – почти ничего не известно. Некоторые современники⁹ характеризовали его как самое жалкое ничтожество, пустейшего хлыща, который кичился своим титулом. Получив за женой 80 тыс. рублей, он вознамерился увеличить этот капитал до миллиона, производя шампанское в России. Его удивляло, что «русские варвары», имея у себя виноград, не умеют извлекать из него пользу. Салиас выписал из Франции виноделов, начал производство, но шампанское получилось плохим. Авантюра закончилась полным разорением и потерей всего капитала. К тому же он дрался на дуэли, в результате чего в 1844 был выслан из России¹⁰.

Его сыну в это время было всего четыре года, поэтому особого влияния на него граф Салиас-де-Турнемир не оказал. Евгений Андреевич (в публикуемых письмах) высказывал опасения по поводу своей судьбы, боясь повторить участь отца¹¹.

По письмам Е.А.Салиаса можно лишь приблизительно определить годы рождения и смерти его отца. 10 июня 1886 он пишет С.Н.Шубинскому, что вынужден срочно ехать во Францию, т.к. отец в тяжелом состоянии:

⁸ «Предполагалось, что когда мать двинется обратно в Россию, я останусь в Риме с крестной матерью на несколько лет, чтобы серьезно работать и исключительно посвятить себя живописи. Оно чуть-чуть не случилось... После всестороннего обсуждения этого решительного шага в жизни, причем тетушка настаивала, чтобы я оставался с ней, моя мать "попросила" меня, прежде избрания карьеры артиста, пройти чрез университет...» (*Салиас Е. Черваро // Васильки. СПб., 1901. С.421–422.*)

⁹ См., напр.: *Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы: 1848–1896: Воспоминания. Л., 1929; Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания. СПб., 1900.*

¹⁰ Об этой дуэли остались воспоминания М.Д.Бутурлина: «Появилось в рукописи сатирическое сочинение под названием "Каталог Московского общества", где в числе множества пошлого были, однако же, и удачные эпиграммы. Составителями сатиры заподозревались граф Салиас-де-Турнемир и хромой Петр Иванович Фролов. По поводу ли пререканий между двумя сказанными господами об их будто бы авторстве или по другой причине, трудно теперь мне припомнить, но они вцепились друг в друга на гуляньи в Петровском парке. Граф Салиас, слезший с лошади, отхлестал П.И.Фролова, а последний принял дубасить французского графа своею неразлучною (по причине хромоты) палкою и, обломав ее вдребезги, подал будто бы эти остатки своему противнику при словах: "Дарю вам эти обломки для хранения в вашем Турнемирском замке". А затем последовала между ними дуэль на пистолетах, в коей был ранен (но не тяжело) граф Салиас» (Русский архив. 1897. Кн. III. С.353).

¹¹ См. письмо к матери от 10 июня 1863: «Неужели я приду <...> шляться по городу куда попало» (РГАЛИ. Ф.447. Оп.1. Ед.хр.19. Л.5).

«Какая же тут работа? Да и мало ли что может случиться. Отцу 76 лет»¹². 17 декабря 1893 писатель вновь сообщает Шубинскому, что срочно выезжает в Тулузу из-за плохого состояния здоровья отца. И в самом начале 1894 графа уже не было в живых. Можно предположить, что граф Анри Салиас-де-Турнемир родился в 1810, а скончался в конце 1893–начале 1894.

Имеющиеся скудные сведения об этом человеке вызывают сомнения в объективности оценок современников. Не следует забывать, что эпиграммы графа Анри, которые сыпались, как из рога изобилия, на членов московского общества, вряд ли могли вызвать расположение к нему. Известно, что он был прекрасным художником, был дружен с Т.Готье, а в 40-х годах очень близок с маркизом де-Траверс¹³. Скорее всего, это был незаурядный и весьма одаренный человек, но до конца жизни оставшийся романтиком, витающим в облаках, не сумевшим реализовать себя. Этот романтизм и сатирический склад ума во многом передались его сыну, о чем писала Елизавета Васильевна С.А.Феоктистовой 28 августа (9 сентября) 1890 из Цюриха: «Безумие моего семейства, обуреваемого *службой*. Какой он служака! Он был, есть и будет мечтатель, мистик, эксцентрик, идеалист и *не от мира сего*. Где же ему делать карьеру службой? И для чего эта карьера? Ему, лишённому всякого честолюбия!»¹⁴

В конце 40-х годов состояние Сухово-Кобылиных расстроилось, и большая семья распалась. Елизавета Васильевна с детьми переезжает в маленькую квартирку на 3-й Мещанской улице. Оставшись по вине мужа без средств к существованию, она стала зарабатывать литературным трудом, перейдя от переводов к собственным сочинениям¹⁵.

¹² РНБ. Ф.874. С.Н.Шубинский. Оп.1. №53. Л.24об.

¹³ Маркиз де-Траверс Иван Иванович (1754–1833), капитан французского флота, эмигрировал в Россию во время Великой французской революции. Принял русское подданство. Маркиз де-Траверс – русский адмирал, морской министр и кавалер всех российских орденов. У него было три сына: Александр, Федор и Алексей. Маркиз Александр Иванович де-Траверс – вице-адмирал и губернатор в Архангельске. Алексей Иванович де-Траверс – флигель-адъютант, капитан флота.

¹⁴ ИРЛИ. Ф.318. Е.М.Феоктистов. Л.61. Письма Е.В.Салиас к С.А.Феоктистовой. Феоктистова С.А. – жена Е.М.Феоктистова. О нем см. примеч.22.

¹⁵ Салиас вспоминал о матери:

Недостаточность средств, которыми она располагала <...>, именно и побудила ее попробовать писать. Еще будучи очень юной, она много переводила с французского, и один ее перевод был напечатан в одном московском журнале тридцатых годов.

Затем около двадцати лет подряд, любя писать, она писала урывками, иногда, кой-что, но для себя и друзей, да вдобавок исключительно по-французски.

Теперь друзья уговорили ее попробовать писать по-русски. Эта проба была повесть «Ошибка», имевшая большой успех.

Первое произведение, замеченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу в тогдашний литературный круг, и в доме нашем стали бывать такие личности, как Грановский, Шевырев, Сушков, Станкевич... Но вместе с ними снова появились и старые друзья, Раич (переводчик «Энеиды») и М.А.Максимович, прежние наставники матери по русскому языку и литературе. Они ликовали, что их ученица стала писательницей.

Здесь, на Мещанской, открывает она свой замечательный салон, о котором А.И.Тургенев писал П.П.Вяземскому: «Вчера, как и каждый вечер, засиделся и заужинался на вечеринке. Графиня Салиас-Турнемир (Сухово-Кобылина) собрала весь блестящий мир; я любезничал с незнакомыми почти до двух утра»¹⁶.

Литературный салон Евгении Тур был одним из самых популярных в Москве. В ее маленькой гостиной можно было встретить Т.Н.Грановского, П.М.Кудрявцева, А.Д.Галахова, В.П.Боткина, Н.Х.Кетчера, А.С.Хомякова, С.Т., К.С. и И.С.Аксаковых, С.П.Шевырева, М.П.Погодина, М.Н.Каткова, Н.П.Огарева, А.И. и И.С.Тургеневых, А.И.Левитова, В.А.Слепцова, Н.С.Лескова, Е.П.Ростопчину, А.Ф.Писемского и мн. др.

Салиас на склоне лет вспоминал: «Моя мать не была партийной женщиной, и к нам жаловали люди довольно разнообразных настроений. Каждую любопытную новинку она старалась показать гостям у себя»¹⁷.

Окружение Елизаветы Васильевны оказало огромное влияние на формирование личности Евгения Андреевича.

Особенно теплые чувства испытывал Евгений Андреевич к Огареву, который во многом заменял ему отца.

Эмигрировав, Огарев постоянно переписывался с Елизаветой Васильевной и ее детьми. Его волновала судьба Евгения Андреевича, он радовался успехам и счастьем молодого человека, к которому относился как к сыну. Огарев выговаривает Елизавете Васильевне за то, она, как ему казалось, неверно воспитывает Евгения, внушает вредные идеи, иногда он поддерживает молодого человека в его разногласиях с матерью, иногда ругает, пыта-

Вскоре же в этом литературном кружке случилось почти событие. Всеобщий идол Т.Н.Грановский, никогда ничего никому не посвящавший, вдруг посвятил моей матери сочинение «Песни Эдды о кифлунгах», а знаменитая поэтесса графиня Ростопчина ей написала «анонимное» хвалебное послание, ходившее по рукам и которое сохраняется у меня и теперь...

Салиас Е.А. Семь арестов // Собр. соч.: В 33 т. М., 1909. Т.33. С.326.

Любопытна и история псевдонима Елизаветы Васильевны, которую рассказал ее сын А.А.Измайлову:

Все рассказы о романе моей матери с Тургеневым – совершенный вздор. Ничего подобного. Говорили, что «Евгения Тур» есть вывороченное «Тургенев». По простой случайности это действительно так, и анаграмма получается почти полная. Однако никакой иной подкладки здесь нет. Мою мать звали Елизаветой, но она безумно любила имя «Евгений» и «Евгения». Она же была страстная поклонница Пушкина и, в частности, «Онегина». Отсюда и я зовусь Евгением. А дело с ее псевдонимом обстояло так: имя Евгений взяли без дальних разговоров. Потом стали искать фамилию. «Евгения Саль» – сокращенное от «Салиас», но «саль» по-французски «грязный» – некрасиво, «Евгения Льяс» – не звучно, «Евгения Немир» – длинно. И всем понравилось «Евгения Тур».

Измайлов А.А. Романист «на покое» (из воспоминаний о графе Е.А.Салиасе-Турнемире) // Литературный Олимп. М, 1911. С.431).

¹⁶ См.: Остафьевский архив князей Вяземских. IV. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым (1837–1845). СПб., 1899. С.202 (письмо от 11 января 1843).

¹⁷ *Измайлов А.А.* Романист на «покое»... С.432.

ясь наставить на путь истинный. 19 января 1865 Огарев писал из Ричмонда Елизавете Васильевне: «Теперь о Женни. Зачем же он скучает и не работает? Он способен работать. Скажите ему это от меня. Мне хочется его видеть построившим свой эстетический мир на человечески-общественном основании, и я знаю, что он на это способен, но пока он себя этой задаче не почувствует преданным – ему все будет скучно. Пусть ему будет больно, но не могу я равнодушно смотреть на то, что он скучает; меня это коробит»¹⁸.

Любимым писателем Евгения Андреевича был Тургенев. С Тургеневым Сухово-Кобылины познакомились в Германии в 1838. (Об этом подробно рассказывается в путевом дневнике Евдокии Васильевны.) Со временем они стали большими друзьями. В 1850, когда Тургенев приезжает в Россию, он часто посещает салон Елизаветы Васильевны. 1(13) декабря 1850 он писал П.Виардо, что видится в Москве с немногими, и «прежде всего с графиней Салиас <...>».

Евгений Андреевич благоговел перед Тургеневым и никого из крупных мастеров не любил так, как его. «Не раз он говорил, что пора повторного увлечения Тургеневым, так сказать “тургеневского рецидива”, еще впереди и что к Тургеневу, к его манере, к его нежной акварели еще вернуться после века реализма и натурализма, после Толстого и Золя»¹⁹. Сохранилось интересное письмо романиста к дочери – княгине Е.Е.Урусовой: «<...> Тургенев для меня первый великий писатель не России, а вообще. Это Нестор летописец века для России и великий художник для Европы вообще. Тонкое чутье психолога и широкое, глубокое проникновение современности, окружающего. <...> Тургенев такой же поэт, как и Пушкин. Вместе с тем он историк и музыкант и живописец. Он автор идиллий, баллад, элегий, сонет, симфоний, nocturno; пейзажей и ландшафтов. Я в нем все нахожу. Кто задумается в его сочинения, никогда не найдет автора выше его ни в какой литературе. А я, родившийся на свет одновременно с рождением его первого произведения “Яков Пасенков” и переживши все, что предсказывал или описывал Тургенев, не могу к нему относиться иначе, как к учителю и пророку своего отечества»²⁰.

Воспитанный в среде, дух которой был проникнут гуманизмом, Салиас в жизни сталкивается с другим миром, другими нравами. Вопрос о том, продолжать ли образование сына дома или же отдать его в гимназию, решался на протяжении года всеми близкими друзьями Елизаветы Васильевны²¹. В гимназиях того времени в ходу были розги. Поскольку по тогдаш-

¹⁸ Литературное наследство. Т.6. С.841–842.

¹⁹ Измайлов А.А. Романист на «покое»... С.430–431.

²⁰ РГАЛИ. Ф.447. Оп.1. Ед.хр.27. Л.1–2об. Письмо от 8 декабря 1903.

²¹ Все вопросы, касающиеся детей, Елизавета Васильевна решала с друзьями. Приведенный ниже отрывок из воспоминаний Салиаса достаточно красноречиво иллюстрирует это, кроме того он свидетельствует и о французском влиянии на нашего писателя:

Приведу маленькую подробность, считая ее характерной особенностью воспитания, которое я получал.

В доме возник вопрос о том, пустить ли меня на все представления Рашель, или только на некоторые трагедии, в роде Баязета, Полиэвкта и какой-

ним меркам Е.А.Салиас учился плохо (проводя все время за чтением книг, он не успевал учить уроки), то экзекуциям он подвергался бы постоянно, чего не могла допустить мать. Елизавета Васильевна была противницей телесного наказания, поэтому, отдавая сына в гимназию, она поставила условие, что по отношению к нему будут допущены только три вида наказания: стояние на коленях в классе, карцер и увольнение. Условие было принято директором гимназии известным математиком Погорельским.

11 октября 1851 Салиас был привезен в гимназию на Лубянку наставником Е.М.Феоктистовым²². Салиас оставил интересные воспоминания о нравах, царивших в гимназиях, и методах воспитания²³.

то невинной классической комедии. Вопрос этот был предложен моей матерью при мне профессору П.Н.Кудрявцеву, А.Д.Галахову и еще третьему лицу.

Помню живо, как я ждал решения своей участи. Меня, конечно, интересовала не Рашель, а интересовали отчасти произведения Расина и Корнеля, а главным образом «французские» представления. Я с раннего детства любил этот наполовину родной мне язык, а до тех пор со сцены никогда его не слышал.

Помню, что этот триумвират, составивший из себя трибунал, решил вопрос не сразу, а я, подсудимый, сидел, затаив дыхание и ожидая в некотором смысле обвинения или оправдания. Кудрявцев прямо выразился:

– Конечно, «да» – и на все представления. Французские классики, да еще при классической передаче таким дарованием, как Рашель, могут быть только полезны.

Третья личность прямо заявила, что такие вещи, как «Федра» или «Адриенна Лекуврер» и не помню, что еще, немислимы для слуха и вредны для воображения двенадцати- или тринадцатилетнего мальчика. Алексей Дмитриевич Галахов был сначала ни за, ни против, но очень быстро согласился с мнением Кудрявцева.

Вряд ли какой оправданный подсудимый выскакивает из суда на улицу с такой радостью, с какой я выскочил из дому, получив около пятнадцати рублей для абонеента на все представления Рашель.

Салиас Е.А. Семь арестов. С.340–341.

²² Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) – начальник главного управления по делам печати (1883–1896), правая рука министра внутренних дел графа Д.А.Толстого. В 50-х годах, учась в Московском университете, по рекомендации Кудрявцева и Грановского был домашним учителем и воспитателем Е.А.Салиаса, жил в доме Евгении Тур. Дружеские отношения с Салиасами сохранил до конца жизни. Феоктистов написал интересные воспоминания (Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929), в которых целая глава посвящена Сухово-Кобылиным, преимущественно Елизавете Васильевне.

²³ Младшим надзирателем в гимназии был Михаил Гаврилович Пушкин, который отличался вспыльчивостью и неразборчивостью на слова. Часто во время перемены он входил в класс, «сердился, пылил и, по своей привычке, хватал у ближайшего ученика его книжку, стараясь выбрать таковую без переплета, клал ее на стол и начинал со всей мочи стучать по ней кулаком. При этом он сыпал теми отборными словами, которые не попадают в печать, а которые и попадают, печатаются с восклицательными знаками.

Самыми простыми эпитетами, обыкновенными, были: мерзавец, подлец, каналья. Самый частый, его любимый эпитет, состоявший из двух слов, был ... – не сын отечества. Однако я спешу прибавить, что в данном случае Пушкин слепо подражал

Еще будучи гимназистом, в середине 50-х, он посещал лекции в университете и в 1859 поступил на конкурсной основе на юридический факультет Московского университета.

В этот период Елизавета Васильевна была под большим влиянием незаурядной личности – профессора Московского университета Г.В.Визинского²⁴, умного, талантливого и порядочного человека. Поляк по национальности, он мечтал о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достигнуть этого – о широкой административной для нее автономии. Феокистов вспоминал, что Визинский успел пробудить в графине безграничную симпатию к революционной партии. «Дом ее сделался мало-помалу сборищем бог знает какого люда – все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т.п.»²⁵

Увлечся этими настроениями и Евгений Андреевич, у которого был уже свой кружок, собиравшийся в доме Салиасов. Среди членов кружка – И.И.Кельсиев (младший брат друга и соратника Герцена), А.П.Покровский, П.Э.Аргиропуло, Болеслав Колышко, Б.К.Гижицкий, П.Г.Зайчевский, Д.П.Евреин²⁶ и другие. Эти революционно настроенные студенты литографировали и распространяли произведения Фейербаха и Бюхнера, они же стали во главе студенческих волнений 1861, поводом к которым послужили разгром петербургских студентов и закрытие Петербургского университета²⁷.

В течение двух недель в Московском университете образовались два лагеря: профессорский и студенческий. Так как занятий не было, студенты в аудиториях проводили время ораторствуя. «Поглядеть со стороны, – писал Салиас, – и просто ни дать ни взять знаменитая картина Давида, на которой, по предложению аббата Сиеса и Мирабо, все клянутся, вздымая руки, постоять за истину и свободу, бросить вызов угнетателям и не слагать оружия (в нашем случае – языков), покуда не победишь. <...> Помню, что мы сами, студенты, смеялись иногда до слез над ахинеей, которую при дебатах

всем воспитателям всех учебных заведений, какие тогда существовали на Руси. Зато этот же Пушкин постоянно, но якобы случайно, или нечаянно, якобы по ошибке, смягчал наказание детей – учеников, которые заслуживали того» (*Салиас Е.А.* Семь арестов. С.332).

²⁴ Визинский Генрих Викентьевич (1834–1879), ученый и публицист, профессор Московского университета, видный деятель польской эмиграции. В Париже занимал место секретаря главы польской аристократической эмиграции кн. Владимира Адамовича Чарторыйского (1828–1894). После неудачи Польского восстания Визинский упал духом. Особенно трагично он воспринял победу русского оружия в Восточной войне. С упрочением русско-германского союза рухнула надежда на восстановление и независимость Польши. Визинский не выдержал этого и покончил жизнь самоубийством, бросившись в Сену.

²⁵ *Феокистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. С.372.

²⁶ Подробнее см.: *Салиас Е.А.* Семь арестов. С.362–384; *Феокистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. Гл.10. С.368; Политические процессы шестидесятых годов. М.; Пг., 1923. С.69, 71–73, 93, 98, 104, 105; Каторга и ссылка. (Историко-революционный вестник под общ. ред. И.А.Теодоровича). М., 1930. Кн.8–9. С.74–75; *Шестаков П.Д.* Студенческие волнения в Москве 1861 г. // Русская старина, 1888. Кн.ХI. С.366.

²⁷ См.: История Москвы. М., 1954. Т.IV. С.304.

некоторые из нас пылко ставили “на очередь”. Никогда никаким депутатом-шутам, а такие есть во всяком парламенте, не случилось делать таких “с ног сшибательных” заявлений, какие делались иногда в аудиториях и в университетском саду»²⁸.

Наступило четвертое октября – годовщина смерти Грановского. Салиас, который с детства знал популярного профессора, предложил студентам посетить его могилу, доказав тем самым, что студенты с уважением и любовью относятся не только к живым преподавателям, но и к памяти умерших. Сохранилась недатированная записка Салиаса к Н.Н.Раевскому: «Не можете ли вы мне сообщить, г. Раевский, кто именно из студентов идет завтра на могилу с цветами и какое их число. Вы меня очень обяжете ответом, которого жду»²⁹. Неожиданно для самого инициатора желающих посетить могилу Грановского оказалось очень много, что привело к непредвиденным последствиям.

Власти расценили демонстрацию студентов по-своему, и у кладбища их ждала рота солдат. Когда студенты заканчивали украшать могилу и памятник цветами, к ним подошел один из московских начальников, которого студенты особенно невзлюбили, поскольку он вел себя по отношению к ним в высшей степени бестактно. «Даже и теперь не могу понять, зачем он вдруг явился из Москвы на Пятницкое кладбище и вдобавок один, без необходимых в исполнении его обязанностей сателлитов. Мы шутили потом, что он возомнил себя императором Николаем I, являющимся на Сенную крикнуть знаменитое по своему значению “На колена!”»³⁰

В толпе студентов тотчас послышались угрозы и требования броситься на приближающегося, чтобы не допустить осквернения могилы Грановского. Эта студенческая история закончилась бы гораздо плачевнее, если бы угрозы осуществились. Благодаря Салиасу беду удалось относительно предотвратить. «Несколько человек, бывших не у самой могилы, а за решеткой, двинулись уже навстречу к идущему, – вспоминал Салиас. – Я, никогда не отличавшийся находчивостью, в эту минуту, вероятно, встревоженный ужасными последствиями безумного деяния, сразу превратился в оратора»³¹. Он говорил, что студенты не затем пришли на могилу Грановского, чтобы отвечать буйством на глупость и произвести скандал. Именем кумира-профессора он просил товарищей образумиться и остаться рассудительными зрителями бестактности властей. Вдохновенная речь Салиаса образумила студентов, но через несколько дней почти все члены его кружка (кроме Кельсиева и Понятовского) были арестованы. Сам Салиас не был подвергнут аресту только благодаря вмешательству графа Орлова.

Арест 27 членов кружка Салиаса накалил обстановку, и на следующий день разыгралась «битва под Дрезденом»³². Салиас не участвовал в демон-

²⁸ Салиас Е.А. Семь арестов. С.366.

²⁹ ИРЛИ. Ф.253. №532. Л.1.

³⁰ Салиас Е.А. Семь арестов. С.372.

³¹ Там же.

³² В ночь на 12 октября были проведены обыски и аресты среди студентов. Узнав об этом на следующий день в университете, студенты большой толпой пошли к дому генерал-губернатора требовать освобождения арестованных товарищей. Для

страции, поскольку считал, что студентам следует послать несколько человек объясниться с генерал-губернатором. Многие студенты были арестованы. Салиаса не тронули, поэтому он сам явился в полицейский участок с просьбой присоединить его к арестованным; он потребовал заключить себя под стражу и заявил, что не может вернуться домой, т.к. ему стыдно будет перед матерью, которая считает, что его место рядом с товарищами.

Эти события заставили студентов обратиться к царю с прошением, для чего было выбрано три представителя: Шипов, Покровский и Салиас.

Елизавета Васильевна горячо сочувствовала студентам. Речь, которую произнес ее сын на могиле Грановского, москвичи приписали ей, причем исказили содержание: Елизавета Васильевна якобы призывала к свержению самодержавия. Все это дошло до Петербурга, и 13 ноября шеф жандармов и начальник III Отделения князь В.А.Долгорукий предложил московскому генерал-губернатору приступить к дознанию, действительно ли графиня Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир «возбуждает неумеренностью своих суждений вредное направление образа мыслей и, имея сильное влияние на молодых людей, действует к вреду их и принимала даже участие в беспорядках, бывших между студентами Московского университета, в числе которых находился ее сын, усвоивший под руководством матери понятия весьма предосудительные и служащий вредным примером для своих товарищей». Дело доложили царю, который предоставил местной власти «принятие мер наблюдения, а начальнику III Отделения – решения вопроса о необходимости удаления из Москвы»³³.

Сын и мать находились под надзором полиции двадцать лет. Елизавета Васильевна вынуждена была уехать из России.

Салиас, не имея возможности продолжать учебу в Московском университете, отправляется в Петербург, где в течение 1862–1863 пытается сдать экзамены на степень кандидата права. Но из-за его участия в волнениях и репутации матери это оказалось невозможным: его преднамеренно и демонстративно проваливали.

Именно в это время Салиас пишет свое первое произведение – психологическую повесть «Божья искра», которая по требованию цензуры вышла под заглавием «Ксаня чудная».

Измученный нравственно и физически, он уезжает за границу: первоначально в Тулузу, затем в Париж.

Несмотря на окружение близких людей, на интенсивный поначалу творческий труд, Евгений Андреевич все больше и больше тосковал по России, по родной и любимой Москве: «Тоска меня брала страшная, самый Париж стал ненавистен, Франция вообще тоже надоела, хотелось вернуться в Россию и тянуло в Москву донельзя, до болезненного настроения»³⁴.

объяснения с генерал-губернатором избрали четырех делегатов, которые тотчас были арестованы. Вся масса студентов, оставшаяся на площади, была окружена войсками и полицией. Студенты были избиты и арестованы. Это событие было названо москвичами «битвой при Дрездене», отмеченное таким эпитетом по гостинице «Дрезден», выходящей на ту же площадь, или «избиение младенцев».

³³ Цит. по: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т.11. С.353, 354.

³⁴ Салиас Е. Семь арестов. С.396.

По заказу А.А.Краевского³⁵ Салиас отправляется в путешествие по Европе и Африке. В письмах и дневнике отразились впечатления и тонкие наблюдения над бытом и культурой разных народов. Но обилие впечатлений не рассеяло тоску по России.

Из переписки Елизаветы Васильевны и Огарева известно, что граф Анри Салиас-де-Турнемир пытался уговорить сына остаться при нем. Вероятно, в связи с его хлопотами 17 сентября 1864 Евгений Андреевич писал матери из Пальмы: «Неужели нельзя понять, что у меня все русское, что если есть черты французские, то я стараюсь их потерять. Франция так же чужда, как Дания, Исландия <...>. Только Дания – все равно, а французы – антипатичны. Да что об этом говорить. Мне даже досадно, что оно бесит. Должно бы было быть индифферентно, ибо эта шутка, очень смешная и только. Не будь милого Правительства, я бы завтра перешел в Русское подданство, чтобы быть совсем русским, а то это нелепость»³⁶.

Елизавета Васильевна писала Огареву, что после почти годового путешествия сын вернулся уставший, но привез с собой массу материала. В результате им было написано несколько томов: «Las Espracas. Путевые очерки Испании», «Андалузские легенды», «Una pisa».

В 1867 он возвращается на родину и сразу же начинает хлопотать перед правительством о русском подданстве и службе. В 1869 писатель был принят на службу чиновником особых поручений к тамбовскому губернатору Н.М.Гартингу с возложением на него обязанностей помощника секретаря статистического комитета и редактора «Тамбовских губернских ведомостей», благодаря чему он получил возможность работать в архивах. В результате был написан большой труд о Г.Р.Державине. В 1871 писатель был представлен губернатором к награждению чином, в чем было отказано из-за его иностранного происхождения и «по неимению прав по воспитанию»³⁷. Вследствие этого Е.А.Салиас в 1872 вышел в отставку.

Он уезжает в Швейцарию, где полностью посвящает себя писательскому труду. Здесь же оформляет брак с Екатериной Алексеевной Муратовой, с которой познакомился в Тамбове во время службы. Венчание состоялось 26 августа 1874 в православной Крестовоздвиженской церкви в Жене.

В 1874 он был вызван в Петербург министром народного просвещения Д.А.Толстым для принятия звания главного редактора «С.-Петербургских ведомостей». На этой должности он пробыл всего несколько месяцев, т.к. из-за различных интриг пришлось ее оставить³⁸.

³⁵ Краевский Андрей Александрович (1810–1889), известный журналист. Основал собственную газету «Голос», которая скоро заняла влиятельное положение как в русской, так и в европейской прессе.

³⁶ РГАЛИ. Ф.447. Оп.1. Ед.хр.19. Л.4. По рождению Е.А.Салиас был французским подданным, что не раз доставляло ему неприятности как в России, так и за границей. Особенно не везло ему со швейцарской полицией, которая неоднократно его задерживала, т.к. паспорт вызывал ее подозрение: что это за француз, который родился в России, да еще православный?

³⁷ РГИА. Ф.821. Оп.12. Ед.хр.492. Л.5.

³⁸ В биографических статьях, упоминающих этот факт, утверждается, что как редактор Салиас не состоялся по причине полного отсутствия способностей в этой сфере. Сам писатель в прощальном письме говорит о том, что его вынудили оста-

17 декабря 1876 Салиас по высочайшему повелению получил русское подданство, а 30 декабря определен на службу в Цензурный комитет МВД. 31 декабря откомандирован в С.-Петербургский комитет цензуры иностранной³⁹.

18 марта 1878 граф Салиас подает прошение о зачислении его в Государственное ополчение, в чем ему было отказано. Продолжая службу в Цензурном комитете, он все свободное время работал в Департаменте духовных дел иностранного исповедания. 29 мая 1878 вице-директор этого департамента А. Маслов обратился к директору департамента Н. П. Мансурову с ходатайством: «Признавая с своей стороны весьма желательным воспользоваться трудолюбием и отличными литературными дарованиями графа де-Салиаса для некоторых работ по сему департаменту, позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным испросить распоряжения г. министра о прикомандировании графа де-Салиаса для занятий к Департаменту иностранных исповеданий, с оставлением его, по-прежнему, при Комитете цензуры печатной»⁴⁰.

30 августа Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир произведен в надворные советники. Приведенные ниже отрывки из «Всепоподданнейшего доклада Министра внутренних дел» красноречиво характеризуют Салиаса-чиновника: «Состоящий при Министерстве внутренних дел и занимающийся в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий и С.-Петербургском Комитете цензуры иностранной, не имеющий чина граф де-Салиас-Турнемир своим трудолюбием и отличными способностями постоянно обращает на себя внимание. За время службы в Департаменте иностранных исповеданий граф Салиас, ознакомившись по источникам с главнейшими вопросами, относящимися до управления делами римско-католического исповедания, перешел к изучению разнообразных сект, проявляющихся в евангелическо-лютеранской церкви в России, и предпринял труд, обещающий при его известном литературном даровании несомненную пользу. Граф Салиас несет службу по Департаменту иностранных исповеданий безвозмездно <...>»⁴¹

30 ноября 1881 Салиас назначен управляющим конторой московских Императорских театров, и он переезжает в свою любимую Москву. 28 февраля 1885 высочайшим повелением была учреждена должность заведующего московским отделом общего архива Министерства императорского двора. Эту должность Александр III учредил специально для Салиаса, назначая его на нее, император сказал: «Ничего не требуется, кроме романов»⁴².

вить газету, но не вдается в подробности. Вместе с редактором оставляет газету и Вс. С. Соловьев. В мемуарах «Семь арестов» автор вновь вспоминает об этом факте и вновь не объясняет ничего, пообещав когда-нибудь подробно осветить эту историю. Найденная переписка Каткова, Феоктистова, Салиаса, Баймакова и Маркевича прояснили этот вопрос.

³⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Ед. хр. 492. Л. 1–4.

⁴⁰ Там же. Л. 2. 31 мая Салиас был прикомандирован к указанному департаменту.

⁴¹ Там же. Л. 6, 7.

⁴² РНБ. Ф. 874. С. Н. Шубинский. Оп. 1. № 102. Л. 164об.

Евгений Андреевич выполнил пожелание государя: он создал 34 романа, 76 повестей, очерков и рассказов и книгу воспоминаний.

Временные рамки исторических романов Салиаса охватывают период от царствования Петра I до конца царствования Александра I. Событиям 1705 посвящен роман «Свадебный бунт», а такая одиозная личность, как Аракчеев, является героем трилогии: «Аракчеевский сынок», «Аракчеевский подкидыш», «Вторая Салтычиха». Позднее писатель первые два романа издает под общим заглавием «Герой своего времени».

Некоторые исторические периоды вызвали у Салиаса особый интерес. К ним относятся правление Екатерины II (13 романов) и период дворцовых переворотов (3 романа).

Неизменный интерес вызвали у Салиаса смена власти и дворцовые перевороты; им посвящены романы: «Яункундзе» (восшествие на престол Екатерины I, усиление власти Александра Меншикова и его падение), «Названец» и «Камер-юнгфера», рисующие целую серию дворцовых переворотов после смерти Анны Иоанновны, романы «Петербургское действо», «Петровские дни», «В старой Москве» посвящены восшествию на престол Екатерины II и ее коронации.

Склонность писателя к психологическому анализу, его постоянный интерес не только к психологии личности, но и к психологии масс обращает его внимание к народным движениям, к таким явлениям русской истории, как бунты и разбойничество. Картины бунтов представлены в роман-эпопее «Пугачевцы», в романах «Свадебный бунт», «Военные мужики», «Крутоярская царица», «На Москве». Разбойничеству посвящены романы «Донские гишпанцы», «Атаман Устя», «В Муромских лесах».

В одном из писем к издателю «Исторического вестника» Шубинскому автор писал, что ему надоели бунты и разбойники и он переходит к другим событиям русской истории. Этим событием явился раздел Польши, чему посвящены романы «Пан Круль» и «Via Facti». Салиас был современником кровавого подавления польского восстания в 60-х годах, он был в числе тех, кто возмущался действиями русского правительства. С этих же позиций он оценивает и раздел Польши Екатериной II. В письме к Шубинскому он писал: «Я считаю разрыв нации и страны на три клочка разбойничеством. Раздел этот самое возмутительное срамное деяние XVIII века. Его оправдывают совершенно софистически. Via Facti. На покойников всегда лгут. Что была бы теперь цельная, свободная Польша – мы знать не можем»⁴³.

Психология человека, а также психология масс во время катаклизмов, народных бедствий нашли отражение в романах «На Москве» и «Бригадирская внучка», в которых повествуется о чуме 1771.

Подробное изложение в художественной форме исторических событий XVIII столетия неизбежно вело писателя к выходу за рамки его – в XIX век. Эпоха Александра I была логическим завершением преобразований, начатых Петром Великим. Именно поэтому Салиас выходит за рамки своего любимого столетия.

Салиас был представителем сороковых годов, несмотря на то, что его поколение – поколение 1860-х – выступило против эстетики и литературных принципов предыдущего периода. Протест «детей против отцов» был про-

⁴³ РНБ. Ф. 874. Архив С.Н.Шубинского. Оп.1. №78. Л.296.

тестом против эстетики сороковых годов. Началась борьба двух поколений, двух психологических и социальных типов, которые соответствовали двум моментам истории.

60-е годы прошлого столетия – это целая эпоха морального состояния общества, время проникновения позитивистских идей Запада, освоения этой доктрины на русской почве и в то же время сомнения во всем, резкого отрицания всего прошлого, эпоха всеобщего нигилизма. Этот грандиозный всероссийский процесс, коснувшийся абсолютно всех сословий, охватил литературу с необыкновенной силой и породил целое направление нигилистической литературы. Ответом на него было появление антинигилистического романа. Все положения нового русского реализма были доведены до абсурда, осмеяны в романах Ключникова, Писемского, Достоевского, Лескова, Гончарова и др. И среди этого «взбаламученного моря» интересной фигурой представляется Е.А.Салиас, творчество которого противопоставлено обеим стихиям, как нигилистической, так и антинигилистической. Он выступал против нигилистического направления с позиции аристократической правды.

В 1874 в «Русском вестнике» автор статьи о первом историческом романе графа Салиаса «Пугачевцы» писал: «Успех этого романа, разумеется, стал совершенно вразрез всему тому, что так долго и так настойчиво проводила петербургская журналистика. Ни одному из требований, заявленных этой журналистикой, роман графа Салиаса не удовлетворил; напротив, требования, решительно отвергнутые критикой 60-х годов, явились в нем удовлетворенными в высокой степени... Ведь в романе гр. Салиаса есть искусство, есть художественность, есть идеалы и нет именно гражданских мотивов в петербургском смысле. Пугачевцы графа Салиаса находятся в ближайшей связи с лучшими преданиями нашей литературы до шестидесятых годов»⁴⁴.

В природе человека есть неизбежное тяготение к свету, просвещению, к любви, к благородству – именно это было написано на эстетическом щите Салиаса. Он не побоялся пойти против течения, которое диктовало законы творчества и властвовало над умами соотечественников. У писателя была своя, глубоко продуманная им мысль. Он пытался объединить то, что есть верного, животворного, обеспечивающего простор человечеству, в каких бы то ни было теориях, не допытываясь, кому принадлежали эти догадки. Узкий дух партийности был ему противен, он шел своей дорогой и признавал только одних противников – защитников застоя и тьмы. Он жил идеями и убеждениями 40-х годов, которые передавал новому литературному поколению. «Меня вообще огорчает современное падение идеализма не только в литературе, а и вообще в жизни, – говорил Салиас незадолго до своей смерти Измайлову, – и мне кажется, что вот людям вашего поколения выпадает благородная и трудная роль пронести идеалы добра, которым служили мы, старые писатели, через смуту нынешних дней и передать их новым поколениям, как вот летописцы проносят и передают потомкам сказания о событиях»⁴⁵.

⁴⁴ Русский вестник. 1874. №4. С. 878.

⁴⁵ Измайлов А.А. Указ. соч. С. 453.

Для данной публикации выбраны письма Евгения Андреевича Салиаса к матери, которые относятся к началу творческого пути (1862–1864). Объем ее не позволяет напечатать все письма (105), поэтому ограничиваемся лишь девятью, в которых описаны петербургский и тулузский периоды жизни писателя.

Оригиналы писем хранятся в РГАЛИ (Ф.447. Оп.1. Ед.хр.19). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, за исключением тех случаев, где сохранение написания или синтаксиса автора было необходимо для передачи индивидуальных особенностей его письма.

Публикатор выражает благодарность сотрудникам РГАЛИ за помощь в работе.

1

Петергоф. 27 июля. 1862.

До сих пор не писал вам, сначала потому, что не знал куда, а потом все собирался. Впрочем, одно письмо в Седене *poste restante*¹. Я очень беспокоюсь о том, есть ли у вас деньги, вы рассчитывали на *Miserables*, а их запретили². Как вы сделали? Отчего вы мне не писали. Ведь вы адрес знаете, так как Седенское письмо к вам не дошло, то поздравляю вас с Лелиной свадьбой³. Я очень рад ей. Будут ли они счастливы? Кажется, данные на это есть. Впрочем, если кто смотрит на брак не очень идеально, серьезно, но *так, как большинство*, тому легче найти счастье. Все, дескать, женятся: и деды наши, и прадеды женились. Почему? Я, дескать, его или ее люблю. Зачем? Это *так* заведено, *своим* домом заживем, *свой* угол будет. В этом случае цель обоисполнима (а в сущности ее и нету). Требования взаимные невелики. Люби, будь верен, живи со мной так, чтобы не мешать мне жить, и т.д. Определенья требований от существа, с которым связываешь свою судьбу, бывают отрицательные. Не будь сварлив, зол, капризен, т.е. вообще *не* имей недостатков, вот таких-то и таких-то. А имей лучше качества, но какие (это не *определяется*) вообще хорошие (?) качества. Добр ты, чувствителен – хорошо; умен, нежен, уступчив, мягок – еще лучше. Хоть я много и не искал, да коли нашел, то слава Богу. Я, дескать, сам еще не определился, поэтому и требований определенных не заявляю. Во мне определилось сознание (понимание) добра и зла, а поэтому я не хочу дурного, а хорошего подавай все, что есть. Все это к Косте и Леле относится, но не совсем. Требования Лели, идеал ее семейной жизни еще ей самой не ясен. Она скажет, что он у нее есть, мало того, она вам его покажет. Но и себя и вас надует. Это идеал привитой, навязан-

ный ей средой. Он не в ней зародился и вырос, а поэтому корней не пустил. Она крепко держится его, ибо своего еще нету, а без всякого жить нельзя. Но при первых отростках своего она сбросит первый, ибо он плод первоначальной, пассивной жизни среди людей, плод того периода жизни, в который мы все делаем по рецепту, данному нам *большими*, и говорим и делаем, как *большие*. Настоящие, крепкие идеалы – это плоды настоящей (активной) умственной жизни. Тот же, пожалуй, рецепт, данный большими, но прошедший чрез цензуру собственной личности, а то и совсем другой. Благо тем, у кого это линянье шерсти бывает не поздно. Вы, может, думаете, что я все это веду к к[акому-]н[ибудь] печальному заключению, нисколько. Есть всякие люди, у иных весь век нет иных стремлений, как только те, которые им были *указаны*. У других являются свои, ранее или позже, но или сказываются слабо и не пересиливают первых; или сказываются поздно, сил нет, устал человек, остается снова при первых, разве вздохнет лишний разок. Бывает иначе, бывает кризис, ломка. Одни ломают все их окружающее, но это еще не самые сильные, есть другие – сильнейшие, у которых идет страшная *внутренняя* ломка, но их окружающее останется всегда неприкосновенно, и результатом будет только то, что они к этому окружающему (к заранее принятым обязанностям), оставив их в прежнем виде, отнесутся к ним иным образом; не хуже, а лучше, серьезнее. Тут бывает странное явление. Человек говорит: А! Так я не могу есть суп, мне его не дали, ну так я же объежусь щами. И действительно уписывает щи так, что и любители щей в изумлении. Из сей басни следует, к какому разряду причислить Лелю. Я говорю – к последнему, и совершенно утешен. У нее будет линянье шерсти, но будет поздно (т.е. ждать его нельзя) и будет такое, какое бывает у сильных натур. Эта сила выражалась у нее с детства. Сначала упрямым, потом перешло в настойчивость, а со временем родит силу воли.

Теперь я о себе скажу: экзамены в трубе, уже и потому, что они кончаются в октябре, т.е. все время свадьбы мне пришлось бы жить в Питере, из-за того только, чтобы с помощью всяких хитростей, а главное любезностей и поклонов, кончить годом ранее. Помилуйте, я не Сцевола и не Булгарин⁴. Лучше отложить. Вообще, когда приедете, я вам расскажу подробнее мой план на будущий год. Отличный, не хуже Рима⁵.

Отвечайте поскорее: 1) Когда вы приедете в Россию. 2) Какие ваши планы на зиму. 3) Называли ли вы меня по имени Писемскому (он здесь)⁶, т.е. как мне к нему явиться. – Отец писал Леле, что он приедет на свадьбу. – Мой адрес: Собственный проспект, дом Шарубина. Петергоф.

До свиданья, целую ваши ручки и желаю поскорее увидеть. Лето я посвятил не столько на умственные упражнения, сколько на фи-

зические: целый день делаю гимнастику (как Влад[имир] Пассек⁷). Занят мускулами преимущественно. Очень поправился, плечи расширились, грудь сильно окрепла, нервы и подавно. Чувствую себя совершенно здоровым, стал силен. Вообще окреп и возмужал. Быть может, гимнастика отразилась и в голове. Впрочем, здесь перемены большой не заметил. Телом же сильно изменился. Жизнь одинокая тоже принесла пользу большую.

¹ До востребования (*фр.*).

² В июле 1862 публикации переводов романа В.Гюго «Отверженные» были приостановлены цензурой (ранее печатались в журналах «Отечественные записки»: 1862. Т.141. С.229–256, 538–583; Т.142. С.116–208, 606–716; «Библиотека для чтения»: 1862. Кн.4. С.97–198; Кн.5. С.1–124; Кн.6. С.155–266; «Современник»: 1862. Т.42. Кн.4. С.607–706).

³ В 1862 сестра Салиаса, Ольга Евгеньевна, вышла замуж за Константина Николаевича Жукова, впоследствии прокурора Московского окружного суда, племянника М.И.Сухова-Кобылиной (см. прим.3 к письму №2), сына ее родной сестры Софии Ивановны Шепелевой, в замужестве Жуковой.

⁴ Публий Муций Сцевола и его сын Квинт Муций Сцевола (ум. 79 до н.э.) – выдающиеся римские юристы; имя Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859) было нарицательным для характеристики неразборчивого в средствах литератора.

⁵ Осенью 1856 Елизавета Васильевна вместе с детьми отправилась в путешествие по Италии. Поездка была предпринята по инициативе друга семьи Петра Николаевича Кудрявцева. Об этом она подробно написала в своих воспоминаниях о нем (С.429).

⁶ А.Ф.Писемский (1821–1991) был редактором «Библиотеки для чтения», где публиковалась первая повесть Салиаса «Ксаня чудная» (1863. №1–2).

⁷ Пассек Владимир Вадимович (1841–1870) – сын Вадима Васильевича Пассека (1808–1842), писателя, этнографа, и писательницы Татьяны Петровны Пассек (1810–1889).

2

Петергоф. 1 августа. [18]62.

Я совершенно здоров, не пишу от феноменальной лени и от того, что – как вы думаете – кончаю повесть¹. Не правда ли, это начинает переходить в каламбур. Я не отвечал вам потому, что письмо

(где вы просили о письме к Маше²) не получил, ибо его по ошибке в редакции сожгли. Получив второе, я решительно не знал, о чем вы говорите. О бабушке³ узнал от Нарышкина⁴. На днях послал письмо Маше. О бабушке нет ни слова. Почему? Потому что нахожу, что все, что можно сказать в этом случае, слишком изношено, а то, что мог бы сказать ей в утешение или в успокоение, основывается, вытекает и обуславливается *их отношеньями, разбирать которые* (не будучи вызван на это ею самою) *считаю себя не вправе*. Что же писать? Пошлые фразы. Вообще лазить в чужую душу надо с вымытыми руками, и то только тогда, когда вас попросят. Отношенья матери с сыном чем ближе, тем тоньше, тем более требуется с обеих сторон такту и тем сильнее разграничены области духовной жизни, в которых они *должны* соприкасаться и положительно *не должны*. Определить границ нельзя, это чувствуется, вдобавок эти границы – математические линии – чуть-чуть перехитрил – и уже вышло натянуто, неестественно и, пожалуй, против нравственности и чистоты отношений.

Я живу припеваючи, делаю гимнастику и сильно поздоровел. На днях пропорол бок гвоздем, но уж он зажил и только сильнее окреп, лишившись известной дозы материала. Экзамены мои в трубе, но это не беда, и я не унываю.

¹ Имеется в виду «Ксаня чудная».

² Мария Евгеньевна Салиас-де-Турнемир (в замужестве Гурко-Ромейко) – сестра писателя.

³ В 1862 умерла бабушка Салиаса, Мария Ивановна Сухово-Кобылина (1789–1862). Род, из которого происходила Мария Ивановна, – Шепелевы – был на редкость талантливым. В 1376 Юрий Шель выехал из Швеции в Польшу, а оттуда – к князю Дмитрию Донскому. От его сына – Петра Юрьевича Шепеля – и пошли Шепелевы, которые верой и правдой служили московским великим князьям и русским царям: среди них были воеводы, сокольничие, стольники, губернаторы, генералы, статские и тайные советники. Дмитрий Андреевич, обер-гофмаршал, кавалер ордена Св. Андрея, строил при Елизавете Петровне Зимний дворец. Он был женат на дочери пастора Глюка, в семействе которого жила Марта Скавронская (будущая императрица Екатерина I). Мавра Егоровна Шепелева – очень близкое лицо к императрице – была замужем за графом П.И.Шуваловым. Все эти лица (и события, с ними связанные, о которых хранились семейные предания) стали героями исторического романа «Яункундзе». Этот роман стал единственным в русской литературе, который подробно описал судьбу Екатерины I и ее родни: графов Генриковых, Ефимовских и Скавронских.

Другой предок романиста – Петр Амплеевич Шепелев – стал главным героем исторического романа «Петербургское действо», посвященного восшествию на престол Екатерины II. В день переворота Шепелев был арестован.

стован за то, что остался верен присяге и не предал императора Петра III, но впоследствии он был прощен и стал одним из самых близких людей Потемкина.

⁴ Нарышкин Александр Алексеевич – друг писателя, которому он посвятил один из лучших своих исторических романов – «Петербургское действо». 22 августа 1904 Салиас писал А.А.Измайлову: «Мой первый и единственный друг с юности, с ученической скамьи и до сей поры тоже *Александр Алексеевич*. Некто Нарышкин, ныне на войне, на ревизии Крымского Креста» (ИРЛИ. Ф.115. Оп.3. Ед.хр.295. Л.60б.).

3

Царское, [18]62 г. [1] октяб[ря].

Не знаю, отчего вам понравилось письмо мое, я написал его так, зря, к слову пришлось [о] милом Питере. Теперь я его вспоминаю и ничего в нем не вижу, кроме желчной злобы. Да, это такой предмет, что как только подумаешь, так желчь поднимается. Теперь я все еще под влиянием впечатленья, которое произвели на меня гласные суды. Неужели я увлекаюсь. Неужели это пуф и на деле окажется, что Россию утешили как бессмысливающее дитя, дав ему размалеванный золотом скверный пряник. Гласные и публичные ассизы, судьи, адвокаты, присяжные, неужели все это будет давнишняя, старая трагикомедия со взятками и жертвами на старой сцене со старыми актерами, но в новых костюмах.

Правительство *само* дает это, или нет? Добрый и благонамеренный царь с добрейшей целью, с искренним желаньем добра, для прекращения тысячелетнего жертвоприношенья его народа¹. Или равнодушный или напуганный холопским толкованьем Потапова² и *преувеличением* последних смут, последнего антрешки Александровской и К³, плутильвый монарх – дает, чтобы отвязались неопасные, впрочем, крикуны, следов[ательно], дает что крикунам нужно, – позолоченный орех без зерна. На первое будет ответ скоро, как только выйдет общий устав, весь. Есть другой вопрос – тот еще страшнее. Что если милое, нам современное общество не сумеет, не захочет воспользоваться будущим (предположим) хорошим учреждением. Если любезные старички помещики, просившие себе заграничную штучку – Конституцию (половина предполагала, что это дама, а другая половина – что это орден на шею); либеральная, приткая на словах, безграмотная молодежь, если вся эта куча либералов, которых мы видели во всех костюмах, всех сословий, лет и состояний, рассеянные по Руси. Если вся эта толпа, ознаменовавшая себя покуда только безграмотством и диким воем, – наплюет и бросит устав о

судах, как свинья апельсин, и отдаст его в руки старого чиновничества или, вступив сама в дело, внесет туда обломовщину, распушенность, скотское равнодушие и таким образом в новую форму выльет всю дрянь и гадость, накопившуюся в старой. Тогда можно будет убежать на край света и скрывать от всех как позорное пятно, что родился в этой, на пол-земного шара распластавшейся Федоре. Вы, может быть, удивитесь, если я скажу вам, что я считаю в такое время (с открытия судов) *подлостью* не служить. Если вы будете против того, чтобы я сделался не чиновником, а независимым слугою своих сограждан, своего отечества, то мне будет это грустно. Впрочем, я так глубоко проникнулся этим долгом, что *убежден*, что убежду и вас. Вспомните, что если я, другой, третий и затем все будем смотреть на это новое поприще приложенья к делу того, что каждому дал или внушил Бог, как на чиновническое сутяжничество, то оно этим самым сутяжничеством и делается, отданное в руки негодяев. Надо попробовать, это долг. Можешь служить (да только не правительству, а отечеству) – хорошо, не можешь – оставь. Моя страсть писать все та же, но, во-первых, не доказано, фикция это, воображение или действительно законное стремление всего существа, во-вторых, одно не помешает другому. Надо попробовать, а там что Бог даст. Мои планы таковы. Ехать как можно скорее в Харьков, *учиться и между прочим выдержать экзамен, не сдавать экзамен*, не думать о нем, а просто учиться, получить хотя малое юридическое образование, сделать в эту зиму то, что *человек может*, не вредя здоровью, пополнить пропущенное время и затем, немного отдохнув, причислиться к какой-нибудь судебной палате. Хорошо ли это? вопроса быть не может. Тут нет: хорошо, дурно, умно, глупо. Тут долг порядочного и не пустоголового человека. Быть может, я не писатель, а адвокат!

Второй вопрос решить труднее. Надо вашу помощь, надеюсь, в последний раз. (Я говорю о физической помощи.) Мне надо расплатиться здесь с долгами, доехать до Харькова и там прожить до мая-июня *спокойно*, не заботясь о средствах, заниматься, имея деньги в кармане *на все время*. Это последний раз, когда я прошу помощи. После экзамена у меня будут деньги *свои*, и до конца моих дней я на чужие жить не стану. Я сыт ими по горло и знаю, как они сладки, будь они ваши, Лелины – мне они одинаково тяжелы. А во сколько тяжелы, поймет только тот, кому самому приходилось жить на чужие. Они поперек горла становятся, и этой пытки я более не хочу, просто *не могу* выносить.

Здесь я должен около 250 рублей. Нечего говорить, что из них каждая копейка шла ребром. Доехать в Харьков надо 50. Прожить там 7 месяцев спокойно, не сводя концы с концами, *не думая* о день-

гах, а думая только об занятиях, надо 400 рублей minimum, ибо ходить без сапог, отыскивая купить *по случаю*, заказывать 22 часа обед, ухищряясь сделать его дешевле, и т.д. – все, что я делал здесь, мне будет делать *некогда*. Мне говорят, что в Харькове на 50 руб[лей] в месяц можно жить порядочно, но экономно. Я прошу более 400 или 450 на 7 месяцев на всякий случай, ибо я буду за 800 верст от всякого близкого человека. Я прошу вас устроить это и к моей и к вашей (надеюсь) радости – *в последний раз*. Вы должны желать, чтобы я стоял на своих ногах.

Если вы думаете, что я поеду на ваши деньги, то вы, стало быть, меня не понимаете. Если вы думаете, что вы будете писать, сидеть, не разгибаясь, а я половину этих денег тратить, то вы, стало быть, не знаете, как тяжелы эти деньги. Я не могу на это согласиться из эгоистической точки зрения. Мне надо жить в Харькове *спокойно и, занимаясь, спокойно тратить деньги*. Я прошу вас достать денег, которые бы я сам мог *со временем* отдать. Не тотчас же, но чрез 2–3 года. Если б вы могли попросить об этом дедушку Вас[илия] Алек[сандровича]⁴ или тетю Душу⁵? Что им стоит дать 750–800 руб[лей]. Но с уговором получить их от меня *назад* чрез года два. Это было бы великолепно, идеально хорошо. Эти деньги будут мне не тяжелы, я буду знать, что трачу свои, ибо взял займы и отдам. Об *своих заработанных* и не думайте. Поймите хорошенько, что это не фраза, что я *не могу* переложить, не надломив себя, чтобы их взять и на них жить. Подумайте, как устроить, что я прошу. Тетя Душа, верно, это сделает.

Сейчас вспомнил, что вы в одном письме пишете мне, что у вас были 1500 рублей дохода, которые мне теперь нужны и на которые я бы мог *претендовать* (???), которые пошли на Русс[кую] Речь⁶. Ну, а деньги, которые с 1840 г[ода] по [18]62-й шли на меня, деньги за Племянницу⁷ и так далее? Стыдно писать такие вещи. Только заставляете насильно наемкнуть на то, что знаешь, помнишь, отлично понимаешь, но не любишь говорить. Вместо того, чтобы делать себе упреки, займитесь чем-нибудь более полезным, чем-нибудь, в чем есть *смысл*. Вспомните, что лучшее доказательство вашего безупречного поведения с нами, со мной во всю мою жизнь – это моя любовь к вам. Как она велика, насколько сердечна, а насколько *разумна* – этого я объяснять не стану да и *не могу*. Если я не писал вам летом, то именно потому, что собирался объяснить, не имел сил и молчал. Таков уж уродился. Есть вещи, о которых я говорить не люблю, не могу и *слушать* тоже не люблю. Я *семь* писем изодрал, написанных к вам летом, и хорошо сделал. И до тех пор не успокоился, пока не отложил в сторону затрагиванье некоторых вопросов и не начал с вами снова простую переписку. Еще одно. Не пишите мне, что вы

меня любите, я это знаю, что любите *много*, тоже знаю. Мне неприятно читать это. А неприятно потому, что играешь роль надувателя, знаешь, что не стоишь этой любви. Есть вещи, отношения, о которых не надо говорить, они и так понятны. Частое повторенье о любви и уверенья и т.д. – это *проституция самого чувства*. *Святое наготы не терпит*. Не пишите мне, что вы меня любите более сестер. Это тяжело. Просто тяжело. Чем я лучше их? Что я сделал, чтобы стать в вашем сердце выше их. Подумайте. Боюсь, чтоб я не оказался ниже их. Во всяком случае не равняйте нас. Кто выше, кто ниже – оставьте на суд чужих. Любите за то, что мы дети ваши, и только, а не за что-либо другое, не за совершенства свойства и т.д. Иначе выходит, что если завтра кто-нибудь из нас *упадет и, отброшенный всеми, придет к вам*, то вы *прогоните* его. Быть не может и не должно. Равняя меня с сестрами, вы только заставляете меня чаще и более думать о моем собственном ничтожестве, а я и так об этом не мало думаю. Вы заставляете меня чаще видеть, во сколько я ниже их. Повторяю вам, я *ниже их*, я себе это доказал и вы вашим сравненьем только напоминаете мне, что я ниже их. А мне это больно, и без того. То, что я говорю, – не фраза, не увлеченье, к несчастью. Целую ваши ручки.

Е.Салиас

¹ Речь идет о судебной реформе 29 сентября 1862. Александр II утвердил основные положения преобразования судебной части в России на принципах равенства перед законом, отделения судебной власти от административной, несменяемости судей, публичности и состязательности судебного процесса, самостоятельной организации адвокатуры, введения суда присяжных (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. II. 1862. СПб., 1865. С. 145. №38761).

² Потапов Александр Львович (1818–1886) – генерал-адъютант. В 1860–1861 – обер-полицмейстер Москвы, затем начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением. Характерны для него сказанные слова: «Никогда никому ни в чем в моей жизни я не верил и никогда не имел повода в том раскаться».

³ Александровская Варвара Владимировна, урожд. Чирикова – участница революционного движения, была арестована в мае 1862 и приговорена к ссылке. См. о ней: Записки графа М.Д.Бутурлина // Русский архив. 1898. Т. I. С. 142; Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 127.

⁴ Василий Александрович Сухово-Кобылин (1784–1873).

⁵ См. о ней вступ. ст. к наст. публ.

⁶ «Русская речь» (обозрение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России) издавалась Евгенией Тур в 1861–1862 (с №39 за 1861 слилась с газетой «Московский вестник»).

⁷ «Племянница» – роман Евгении Тур. Первая часть романа вышла в «Современнике» в 1850 (Т. XIX. Кн. 1, 2; Т. XX. Кн. 3, 4). Остальные части романа были помещены в сборнике «Раут» (М., 1851. Кн. 1) и в альманахе «Комета» (М., 1851). В 1851 «Племянница» вышла отдельным изданием. И. С. Тургенев определил талант Е. Тур как «лирический, от нее нераздельный, сколько же способный передать малейшие движения души автора, ее собственный жизненный опыт, сколько неспособный создавать самостоятельные характеры и типы» (Тургенев И. С. «Племянница». Роман. Сочинение Е. Тур. Ч. I–IV. М., 1851 // Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 135).

4

Царское Село. 3 октября. [18]62.

Милая мама, все это время я ничего не смог сделать по вашему делу и просил похлопотать Евг[ения] Мих[айловича]¹. У меня были в самом разгаре первые припадки геморроя. Сумасшедшие головные боли, постоянное боление от расстройств желудка и т. д. Вначале я себя превозмог и хлопотал в Сев[ерной] Пчеле, но меня нахальнейшим образом водил Усов² целую неделю, обещая деньги завтра, и завтра не давал ничего. Я не мог оставаться в Петербурге и переехал сюда и написал письмо не грубое, но шутовское, но оно Усову понравится, разумеется, не могло, ибо он, вода за нос всех сотрудников, кроме просьб от них, ничего никогда не слышал. Я назначил срок, и действительно после месяца надуваний Евг[ений] Мих[айлович] получил эти деньги в срок – в 12 часов ночи. Поссорился ли я с Усовым – не знаю, но с другой стороны, если и нет, то отдавать туда нельзя, ибо деньги платятся самым неаккуратным образом. *Miserables* (конец) не пройдет³. На них нельзя, стало быть, вам рассчитывать.

Теперь другое. Вы пишете – пришлите денег, я без гроша, и скорее. Денег нет. Сенковский вместо 70 должен 45. Достоевский (врет или нет?) не должен. Полетика отсылает⁴. Где достать денег? Если отдать статью Усову, который не отдает (тогда) даже и старого долга – это глупо. Деньги надо сейчас. У него их нету. Современ[енное] Слово (т. е. Инвалид⁵) – кабак, выстроенный из бревен, оставшихся после балагана – Современника⁶. Остается невинная и тупосмиренная Библиотека⁷. На безрыбье и рак рыба. Деньги там есть, и вдобавок, с радости, что ваше имя *первый* раз туда попадет, они дадут их сейчас же. Действительно, они сейчас же согласились, но... в кармане у них не много и потому, принимая с радостью, они могут дать только 60 рубл[ей] за лист. Что делать? Они дают сейчас

же 60, а у нас *тютю* в кармане, а вам необходимы деньги *скорее*. Я прямо написал Е[вгению] М[ихайловичу], что *глупо* не согласиться. Сердитесь на меня. Что касается до будущего, то не только я о себе все перевертел (и вы меня *не* узнаете, но *оправдаете*), но и о вас я много думал. Вот положение, *теза*: вам литературным трудом (одним) жить за границей будет трудно не потому, чтобы вы не могли написать в год достаточно листов, чтобы прожить, но потому, что писать постоянно, появляться в журналах часто, подписывая свое имя под *беспрестанными мелочами*, – *не следует*. Не надо приучать публику к тому, чтобы она, увидев ваше имя, *могла* подумать, что содержание – мелочь или перевод, или резюме чужой книги. Наконец, войдите в положение редактора. Времена переменялись. Теперь сократить что-нибудь, прибавив два слова от себя, может много народу, которые возьмут мало, что дадут. Вы сократите лучше, но ваше имя требует более, а денег нету, а время авторитетов, имен спадает, ну и берут то, что напишет Мурзофлейкин, ибо он просит грош. А теперь во всех журналах, исключая Каткова и Корша⁸, редакторы-спекуляторы. Один папиросы улучшает с помощью журнала, другой – на подписные деньги обороты делает на бирже. Раз в годик они, пожалуй, дадут публике сладенького, приманку – Гончарова, Евгению Тур, а постоянно давать не будут, больно жирно. Лучше приберечь лишний грош. Журнал будет хуже, ну да все *как-нибудь*, *авось* с рук сойдет. Напр[имер], мое дело – повесть – лучший пример. Я смотрю хладнокровно. Ее напечатать можно, ее прочтут. Мало того, она так странно вышла, что и ханжа-старуха найдет интересное место, и юноша с розовым взглядом на жизнь, и полуобразованная молодая девушка, и дочь городничего, и попадьа (там есть гром и молния, пещеры, буря и другие страсти), и тоже убежден, что образованный и серьезный человек найдет тоже для себя пищу. Хоть немного. Кажется, можно напечатать. Нет, опасливо.

1) Публика любила последнее время и может быть (?????) и теперь (???) любит действительность, реализм Щедрина и К°. А *этой* действительности у меня нету. Помилуйте, скажет редактор-фабрикант или редактор-негоциант, что это за повесть – вы не жизнь рисуете, а бредите. Там ничего нету. Хоть бы одна драка, хоть бы одна сальность, ругательное слово, грязная острота, двусмысленная сцена. У вас не жизнь. Вод%оте нас по кабакам, по непотребным домам, по глухим переулкам ночью, где брань, драка, крики. Давайте картину, где мужчина, женщина, нравственность, любовь, где все человеческое, и простое и святое – одинаково извалявшись в грязи, хохотало бы и ругалось в безобразной наготе. Вод%оте, пожалуй, и по гостинным (уж если вам так непременно хочется), но вод%оте с умом, талантливо, т.е. в этой гостинной не забывайте, *вносите* и

туда действительность. Делайте кабацкие сравнения, описания, если описываете любовь, – не забывайте, что любовь и в глухом переулке, и на шелковом диване одно и то же, т.е. похоть, скотская сторона в человеке. Если описываете семью, не забывайте, что все ваши герои подвержены особенным отправлениям физическим, поэтому вы их не простите, опишите подробно да погрязнее, чтобы вышло подействительнее. Одним словом, захвати автор с собою побольше умственной и всякой грязи, изваляйся и проникнись, пропитайся насквозь самой скверной мерзостью и вонью и в этом виде соприкасайся с жизнью, со всем, что есть уже хорошего и дурного, чистого и грязного. Чистое, испачкав своей персоной, передай читателю, а грязное тоже возведи в квадрат грязи и тоже передай. Вот-де вам жизнь, какова она есть, да и должна [быть]. Есть, дескать, нравственность, религиозность, есть чувства святые, но это все в теории, а на практике, т.е. в жизни, которая есть, кувыркание по навозу в конюшне, все это святое выходит, вот какое!

Ну и рисуют. Является реализм свой, русский, который можно применять так: хождение на час – реальный акт; нужное место – реальное место. Непотребный дом – реальный дом. Развратничать – реальничать и т.д. и т.д.

Это публика читает, любит. Вздор! Публику заставили читать это. Сначала были Загоскины, Лажечниковы. Они удовлетворяли. Потребовалось новое. Явился Гоголь. Там есть грязное, но оно плачет. Этого не поняли, схватились за грязное и давай разворачивать, но теперь оно уже хохочет и хвастает и заявляет право на существование. Тургенев показал другую дорогу, но нашим Писемским и Григоровичам, т.е. безграмотным талантам, необразованным, идти так не приходилось по силам. Надо было или не писать, или превратить литературу в гоголевского Петуха, выходящего из озера, только не прикрываясь на манер Венеры Медицийской. За Щедриным, увидав, что писатель должен описывать всякую грязь и что чем она сальнее, тем лучше, – бросилась в литературу целая толпа, сволочь грязная, с грязью в руках. Слабая сторона их – образование, развитие эстетическое и умственное – не понадобилось, а сильная сторона – жизненная опытность, знание грязи, понимание тонкое и всестороннее разврата и безнравственности, развитие полное всех скотских инстинктов – были приложены к делу. Красивая литература явилась.

Вы не удивитесь, если я вам скажу, что эта сволочь, прихлынув, внесла свою вонь не только на страницы журналов, но и в состав редакций, в отношенья журнальные. Я, однако, расписался не в меру⁹.

Ни один редактор не возьмет мою повесть. Он вовсе не желает сделать свой журнал проводником нас, грешных, проводником чего-нибудь нового, плохого или хорошего, – решит публика (а я глубоко убежден, что грязь ей надоела). Сам же понять, хороша ли повесть или дурна, он не может. Он умеет только папиросы делать. Потом это и не его дело. Изящ[ной] словесностью заведывает какой-нибудь гимназист недоучившийся. Почему? он дешево за это берет. Вдобавок, она велика, за нее надо много заплатить. Она какая-то странная, такого в последнее время не было. Так это выходит новое, ну а новостей им не надо. Дать возможность кому-нибудь пройти в литературу с новой манерой смотреть на мир Божий они не желают. Пусть идет по-старому, ведь от этого подписчиков не убавится.

Теперь скажите, могу ли я, отлагая всякое самолюбие в сторону, положиться на решение Мурзофлейкина, если он мне скажет, что Ксаня – ерунда. Ведь это будет даже глупо с моей стороны. Особенно когда люди образованные, Нарышкин¹⁰, напр[имер], в восторге¹¹. Что же мне с ней делать?

А нового и интересного вам мне сказать нечего. О гласном судоустройстве вы уж знаете. Я становлюсь совершенным не монархистом, а Романистом (Романовы). Действительно, с одной стороны я вижу прокламации, фиглярничество Чернышевских и Александровских, с другой – *подчас* умное и *благонамеренное* правительство. Скажите, что помешало бы Алекс[андру] Ник[олаевичу] не давать гласного судопроизводства. Уж конечно не Александровская его испугала или тупоумное и трусливое дворянство с адресом о Конституции¹². Ведь он, вероятно, понимает, какой он делает громадный шаг. Нет, воля ваша. На безлюдье и Фома дворянин. Правительство плохо и глупо, но *лучше и умнее* общества. Прогресс не в гостиных Чернышевск[их], Достоевск[их], Трубецких, Голицыных, не в усадьбах помещиков, теперь он во дворце. Пока молодые россияне кувыркались и делали фокусы, там писался проект *гласного* судопроизводства. Там предполагался шаг, который далеко подвинет Россию. Воля ваша, а вы согласитесь, что при встрече с государем, я, быть может, с удовольствием сниму шляпу один раз за последнее его дело, за то, что отныне навсегда в России *невинный* осужден не будет. Если же в то же время тащут народ в 3 отделение, так это глупит Потапов, создает сам себе дело, чтобы выслуживаться. Вы не забудьте: А[лександр] Н[иколаевич] один, а вокруг него сволочи не оберешься, которая постоянно кричит: *au voleur!* Все хорошее он делает и берет с бою у Адлербергов¹³ и К°.

Е.Салиас

¹ Имеется в виду Евгений Михайлович Феокистов (1828–1898) – литературовед, журналист, историк; в 1850-х сотрудничал в газете «Московские ведомости» и в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник»; редактор Журнала Министерства народного просвещения (1871–1883), начальник главного управления по делам печати, правая рука министра внутренних дел графа Д.А.Толстого. В 50-х годах, учась в Московском университете, по рекомендации Кудрявцева и Грановского был домашним учителем и воспитателем Е.А.Салиаса, жил в доме Евгении Тур. Дружеские отношения с Салиасами сохранил до конца жизни, в 1861 был редактором «Русской речи», издаваемой Евгенией Тур.

² Публицист Павел Степанович Усов (1828–1888) в 1860 купил право собственности на газету «Северная пчела», которую преобразовал по образцу больших иностранных газет.

³ См. прим.1 к письму №1.

⁴ Сенковский Н.А. – редактор-издатель «Книжного вестника» (1861–1864); Достоевский М.М. – редактор-издатель журнала «Время» (1861–1863); Полетика В.А. – редактор-издатель «Биржевых ведомостей» (1875–1879), «Молвы» (1879–1881), «Вечерней газеты» (вечернего издания «Биржевых ведомостей» (1876–1881).

⁵ В 1862 Н.Г.Писаревский, бывший в 1861 редактором «Русского инвалида», становится владельцем газеты и делит ее на две части: «Военные ведомости», имеющие характер официальной газеты военного министерства, и «Современное слово», куда вошла вся неофициальная часть прежнего «Русского инвалида».

⁶ В июне 1862 издание «Современника» на 8 месяцев приостановлено правительством.

⁷ «Библиотека для чтения» – журнал словесности, наук, художеств, критики, новостей и мод. В 1862 ее редактором был А.Ф.Писемский, который писал своим сотрудникам, чтобы они обязательно уговорили Евгению Тур, ставшую популярной, отдать в журнал свои произведения. Писемский опубликовал в своем журнале первое произведение Е.А.Салиаса – повесть «Ксаня чудная». В 1863 редактором «Библиотеки для чтения» становится Боборыкин. Об отношении к этому редактору Салиаса см. письма из СПб.

⁸ Катков Михаил Никифорович (1817/1818–1887) – редактор газеты «Московские ведомости», журнала «Русский вестник». Корш Валентин Федорович (1828–1893) – редактор газет «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости».

⁹ Данная проблема подробно исследуется в книгах: Лотман Ю.М. Реализм русской литературы 60-х гг. XIX века. Л., 1974; Революционные демократы и русская литература XIX века. М., 1986; Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982.

¹⁰ См. прим.4 к письму №2.

¹¹ А.И.Герцен так отозвался о повести Салиаса в письме к Евгении Тур от 26(14) мая 1864: «“Ксаня” имеет много отроческих ошибок, но “Ксаня” – произведение сильного поэтического таланта; поцелуйте его за меня» (Герцен А.И. Собр. соч. Т.27. С.478).

¹² Речь идет о дворянских «адресах на высочайшее имя» с требованием создания дворянского представительства. Проявившись впервые в 1859 адская кампания усилилась после крестьянской реформы 1861.

¹³ Речь идет об отце и сыновьях. Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884), член Государственного Совета, министр Императорского двора (1852–1872). Противодействовал реформам 1860-х гг. Александр Владимирович (1819–1889) был близким другом и советником императора Александра II, в 1872 сменил отца на посту министра, член Государственного Совета. Николай Владимирович Адлерберг, финляндский генерал-губернатор, затем – член Государственного Совета.

5

СПб. 4 марта 1863 года.

Я писал вам с Сергеем Чичериным¹ об экзамене. Я перечел в ваших письмах все, что вы говорите о них, о Господине ходящем недоноске, от того, что не выдолбил несколько сот страниц чепухи, и все прочитанное только желчь подняло. Вам хочется, чтобы я держал, – я держу. То есть буду переходить десятки положений, в которых и лакеи не бывают, – не перед столом экзаменаторов. Шляться по квартирам я не буду и просить не буду на том основании, что это низко. Довольно того, что я чувствую сам всю гадость и мерзость и бессмысленность своего положения и своего дела, чтобы еще это заявлять визитами или чем другим. Может быть, меня климат угостил, но только я в таком состоянии никогда не бывал, как теперь. Что это за мерзость кругом и все то, что пользуется уважением: и люди, и их деятельность, и их внутреннее содержание – какая вонючая гадость. Все лжет кругом и друг дружку надувает, и требует, чтобы ему лгали тоже. Одним словом, в таком обществе жить нельзя, надо убежать куда глаза глядят или молить Бога о том, чтобы сойти с ума, просить об этом как о милости, чтобы лишиться возможности видеть всю эту мерзость и рассуждать о ней. Я никого не вижу, почти никого, и не желаю видеть, но по своему делу (минуты) своими теперешними стремленьями к кандидатству я сполна принадлежу этому развращенному и развращающему обществу. Я тоже его член. Я думаю только о двух вещах: о вашем страстном желании моего кандидатства, и меня мучает, бесит и с ума сводит то, что этой чепухи, бессмыслицы я не добьюсь ни за что. Что эти дипломы швыряют всем скотам и дуракам, какие только пожелают, а что я его не получу. Но смел, потому что вы желаете, потому что суждено не сбываться тому, что вы очень хотите.

Вообще скверно, и мое настоящее и будущее таково, что если бы я был на свете один-одинехонек, т.е. без вас, то трудно придумать ту дикую штуку, которую я бы не учинил. Мне жить не с кем. Я от этого общества оторван совершенно, общего нету ничего, их идеалы для меня или чепуха, или мерзость. То, как слагается и идет их жизнь, для меня потешная комедия. Я удивляюсь, как весь этот люд не сознает своей мизерности и не передошлит себя собственными руками.

Одним словом, или я сумасшедший, или все они. Надо полагать, что я, ибо их много, а я один. Или я нездоров, что гораздо проще, но во всяком случае я надеюсь, что эта болезнь пройдет, а то эдак жить нельзя. Хочется взять нож и резать их, как кур, или жить в лесу, разорвав всякие с ними отношенья. Если бы вы знали, сколько вони и гадости шевельнул в нашем обществе в Питере польский вопрос². Что это за мерзкая земля, да мерзкие людишки, где во главе передовые, светлые головы, благородные личности, люди дела и убеждений: Катков, Чернышевский, Щедрин, Курочкин, да и ваши тоже хороши, если б заставили найти из них и указать *первого* мерзавца, так во всю жизнь не узнал бы, кому отдать пальму эту. Где же люди-то еще – в колыбелях молчание или они скрываются среди мордвы, черемисов, и от них пойдет жизнь. Да, не забуду я моего питерского житья. Могу смело сказать, что вы мне *все*, без вас для меня этого света не существует. По крайней мере теперь я живу только для вас, хотя и на пути к тому, чтобы *не* исполнить вашего самого простого желанья.

¹ Чичерин Сергей Павлович (1840–1889) – друг писателя, впоследствии генерал-майор.

² В ночь с 10(22) на 11(23) января началось польское национально-освободительное восстание 1863–1864.

6

С.-[Петер]бург. 9 марта. [18]63.

Сейчас получил ваше письмо из Парижа. Вы жалеете, что меня нету с вами, и ожидаете меня кандидатом, даже в скором времени. На это все я могу отвечать не очень приятным. Положение дел вот какое: я взял у дедушки денег, много, а у него их немного. Я прожил в Петербурге, истратил по бестолковости и неумению жить (не на прихоти) довольно уже много. Знаю, что вы только и думаете о моем кандидатстве, сам желаю (хотя не очень) им быть, т.е. доста-

вить вам эту конфетку, диплом, который мне самому ни на черта не нужен, и так далее и т.д. А между тем выходит дело иначе. Через месяц начинаются экзамены, продолжаются месяц, т.е. чуть не всякий день, а у меня и трети курсов нету и достать их неоткуда, обещали и обещают со всех сторон, но их нет. Евг[ений] Мих[айлович] достал два, какие мог, остальные нигде не получил. *Второе*, я сам, зная, что *вам хочется*, чтобы я кончал, и привыкши делать, что вы хотите, находя удовольствие (помимо долга) делать вам приятное, – все-таки занимался и занимаюсь отвратительно, вяло, лениво. Одним словом, со мной делается то, чего никогда не бывало. Я очевидно болен. Климат сделал одно, а жители другое. От сырой квартиры и милого климата я нажил кой-какие удовольствия. Впрочем, это пройдет, как только я выеду из этого дьявольского места, где меня судьба *год* держит задаром. У меня и глаза болят, и спина болит, и катар, и всякое другое – но это не беда. Беда то, что нажито не от сырой стены, а от жителей. Я думаю, можно помешаться. Я весь полон одного омерзенья, одного отчаянья. Мне надо о Горлове¹, о Стасюлевиче² думать, а я хожу из угла в угол в комнате и думаю о Писемском, Чернышевском и других паяцах. Да, паяцах. Хоть он и сидит в Алексеевском равелине, но он тем не менее паяц. У меня одна мысль – бежать, бежать без оглядки из Петерб[урга], она меня точит, сосет, куда, все равно, в город ли Белозерск, Верхотурье или за границу – все равно. Только бы убежать от этой сволочи, от этого толкучего рынка, убеждений грошевых, от старых и поношенных душонок, от этих извалявшихся в помоях и мерзости – людей. Я их не выдаю (почти), но я чувствую их вокруг себя – этих милых сограждан. Мне хочется то ругаться, перерезать их, как свиней, то оплевать и разорвать с ними всякую связь, хоть местожительства. У меня нету свободной минуты от злобы, ненависти, почти слез, а мне пишут (вы), что экзамен для вас кошка на сердце. Как не стыдно вам. Ставить рядом, эти кошки. И у меня кошки на сердце, только, право, не экзамен. Я знаю, что проживу деньги даром, провалюсь на экзамене, острамлюсь в глазах всех, и мне наплевать, мне не до того. У меня сердце наболело, мне голову давит, душа изныла; и когда среди моих мыслей о своей родине, о моих соотечественниках мне приходит на ум, что экзамены близко, что еще ничего не знаю и провалюсь, то вместо страха и стыда мне скверно самого себя, за свое дело, мне смешно иногда, что я держать экзамен хочу, а иногда больно, что я такой пустяковиной занят и из-за этого-то именно сижу в этом Петербурге. Я знаю, что когда я выеду отсюда, все это пройдет, да за что же это мученье. Неужели диплом стоит того, чтобы из-за него наболело столько на сердце. Я болен совершенно и тем более, что не знаю своей болезни, не могу ее назвать. Мне

Евгений Александрович Салиас

скверно, душно. Мне бы хотелось, чтобы со мной сделался нервный припадок слез и слез без конца. Мы подлое, мелкое, мерзкое поколение, с мелкими душонками, развращенные, купаемся в разврате, мы можем только плакать, как женщины, и более ничего. Мы можем держать на кандидата, думать о финансовых теориях, когда кругом черт знает что. Своя рубашка к телу ближе, и у вас тоже. У меня из головы не выходят ваши кошки – одна из них мой экзамен. Но судьба справедлива – и я провалюсь. Только измучаюсь. Я со злобной радостью узнаю, что я провалился. Мне это будет приятно. Я делаю гадость – теперь не время заниматься личными интересами. Если силен – делай дело. Если слаб, беги вон, иначе эти миазмы задушат и заживо будешь присутствовать при гниении своего тела, при пропаже сердца. При систематическом развращеньи всего, что имеешь лучшего в себе. При своей нравственной смерти.

Одним словом, я болен, потому что мне и будущее мое представляется в таком виде, что мне не хочется жить. Понимаете ли вы это. Не фразу: не хочется жить, а чувство это. Понимаете ли вы то подлое, слабодушное чувство, что вам придут сказать: на тебя сейчас обрушится дом, ты будешь избит, и вы скажете: ну что же, и прекрасно, ибо впереди одна мерзость, пустота. Я могу отвлечься, сказать себе, что, верно, болен. Могу даже а la Слепцов найти причину всего этого в печени. Да ведь это ложь. Наконец, это все-таки мучение, а я не хочу мучиться. Желая конца. А тут еще вы с вашим экзаменом. С вашей грустью, что я не выдержал. Какая гадость, какое мученье. Зачем меня судьба не бросила в другой мир, с другими людьми, мне с этими жить нельзя, я не хочу, все существо мое просит одного – подальше от этой грязи, или от этого золота. Я ли не го-ден, они ли сволочь – мне все равно. Пускай я сумасшедший, я сволочь, слабодушная и развращенная до корня, только все-таки я не хочу быть с этим благородным обществом.

Теперь что же делать? Денег нету за границей жить, служить в провинции без диплома – это начать с черной работы за 400 руб[лей] в год. Наконец – служить в это время нельзя, разве в глуши, где газету встречают, как привиденье, где об ней не знают ничего. В такое время, как наше, я не удивляюсь, что поветрие на сумасшествие. Вы не бойтесь, я с ума не сойду. Я крепок. Но исподлею. Сделаюсь вонючей сволочью. Переработавши все в себе – успокоюсь, как миллионы кругом, – это верно. Это единственный выход, самый общепринятый. Вокруг меня скоты, звери и паяцы. Зверем я быть не могу, потому что это результат карьеры блестящей. Остается пояснить и приобрести такое же громкое имя, как Чернышевский, прослыть за святого страдальца, будучи или сумасшедшим, или хуже – клоуном, или сделаться скотиной.

Чего я хочу, спросите вы? – Невозможного. Я хочу быть с вами за границей, жить в чулане, но не в России, а главное, чтобы вы меня не попрекали экзаменом. А это невозможно. Жить за границей будет не на что, и вы вечно будете грустить, что я недоучка, недоносок – курса Горлова не знаю. Не занялся экзаменом, своей рубашкой, которая ближе к моему телу, нежели стада, которых стригут и секут, и другие – которых просто бьют, как мух. У меня направо – балаган, налево – бойня, а я, глупый, ленюсь, не занимаюсь, *дела не делаю*, т.е. курсов не достаю и не зубрю. Вместо того, чтобы зубрить, сколько сахара производится в России, я, лентяй капризный, избалованный, маменькин сынок, думаю все, какие люди кругом, и хочу убежать куда-нибудь или с ума сойти. И самое лучшее, если бы нашел пункт, чтобы тыкать пальцем в стену или повторять одно слово без смысла.

Я уже писал вам *poste restante*, тоже какую-то чепуху, да я другой не могу теперь. Может быть, выздоровлю, но экзамена все-таки не сдам, ибо он чрез месяц начинается. В августе будет опять, но неужели же жить в Петербурге до августа? что же делать.

Вам все это неприятно будет, я знаю, да поймите же, что я тут ни при чем, что я не могу с собой совладать, потому что не хочу всем существом. Я бы дорого дал за этот диплом для вас – годами или деньгами, но работой, зубреньем я его приобрести не могу. Экзамен этот последний. С августа начнется по новому положению. Каждый четверг будут собираться все профессора, совет и экзаменовать. Сдавать экзамен можно будет круглый год в 4 четверга, если хочешь, в 2 четверга. Таким образом, взяв с собой лекции (все), можно подготовиться, приехать в Петерб[ург] на 2 недели и все кончить, а заниматься где хочешь. Говорят, эти экзамены будут легче и удобнее. Впрочем, тут выбора нет, ибо на предстоящих я должен неминуемо провалиться, не надо бы и пробовать.

Еще милая вещь по поводу здешних профессоров. Говорят, повесть прескверная вещь для экзамена. Говорят, что скажут – э! да он ничего не делал, повести писал, а не готовился. Как будто те, которые их не писали, – готовились. Меня измучило (кроме других вещей) то, что вы будете грустить от этого экзамена, – и до такой степени измучило, что я начинаю жалеть, что не один на белом свете. Что есть кому за меня радоваться и печалиться. Я знаю, что это тоже не нормальное желание.

¹ Горлов Иван Яковлевич (1814–1890) – заслуженный профессор Петербургского университета.

² Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – историк, журналист, общественный деятель. В 1852–1861 преподавал в Петербургском университете (с 1858 – профессор всеобщей истории). В 1861 в числе нескольких профессоров покинул университет в знак протеста против жестокого подавления студенческого движения. В 1862–1866 – член ученого комитета Министерства народного просвещения.

7

Тулуза. 2-го июня. [18]63.

Много перемен с моего последнего письма. Отец уехал в Париж, ибо у его знакомого Mr. Petit процесс с женой и он позвал его свидетельствовать. Процесс ужасный. Брат его приехал год назад в Пар[иж] из Гваделупы, дикий и по развитию и по чувствам, и сделался любовником жены, уже старухи. Так как он беден, а брат (парижский) имеет 80 тыс[яч] фр[анков] в год, то он почел выгодным сделаться любовником belle soeur¹, у которой половина этого дохода, т.е. был на содержаньи у кумы, а когда это открылось и Petit хотел развестись, то он удрал в Гваделупу опять, а жена объявила и объявляет, что она не желает разводиться. Что ей и так хорошо (???) Начался процесс, но отец надеется, что самого сала в процессе не будет, что братца Petit оставят в стороне, а придерется только к характеру жены. Иначе он свидетельствовать не хочет. Вернется он сюда чрез дня 4, 5 и тогда мы поедем в St. Leo. Кажется, Новас едет туда же. Дайте мне ее характеристику, и другую ее belle soeur, жены брата. Она у вас бывала. Я очень люблю ваши характеристики, они всегда верны. Кроме того, я знаю тогда а quoi m'en tenir². Про Муромцеву уверяют, что она скверная баба и что у нее любовники. Потом у меня спрашивали, правда ли, что она при дворе и родня императору!? Нашла чем хвастать! Я у нее не был и избегаю до сих пор.

О Польше я с вами говорить не хочу. Эмигрировать, решиться потерять права и возможность в свою землю вернуться можно только в положеньи [нрзб.] Т.е. когда там найдешь одни могилы, испиленную землю. Или же когда думаешь, что будешь *большой силой* для родины. Герцен остался и ее скоро потерял и *теперь*, работая под цензурой, но у себя больше сделаешь, чем вольно за тысячами верст. Познакомишь франц[узскую] публику и иностранцев с Россией, но ничего этим не сделаешь для России. Бросить свою землю навсегда – страшная вещь. Подписать свое имя под статьей легко и приятно. Пока будешь полон надежды и уверенности на пользу, которую приносишь, пока не будет еще очень хотеться вернуться – будет тоже приятно и легко. Но когда придет минута, что захочется страстно вернуться, чтобы только *поглядеть на заборы Москвы* (а это же

лание и эта минута придут непременно рано или поздно) и когда на это вам скажут, что это дичь, бессмыслица, бред, замок в Испании, что вернуться *нельзя*, что вы *никогда* не вернетесь и не увидите отечества, – эта минута такая, о которой можно говорить, но которую представить себе нельзя, а пережить еще труднее. Не забудьте, что всё и все там. Да сравните, окупается ли жертва – пользой. Приятно ли будет ничего не сделать и потерять возможность вернуться и делать хоть что-либо.

Впрочем, это еще далеко. И что будет в два года – неизвестно. Но если вы чрез два-три года не вернетесь в констит[уционное] государство³, то никогда его не увидите. Если теперь не сломать шею Романовской, то она вспухнет еще более и будет (правда) гнить, но долго. А мы будем дожидаться конца гниению, наслаждаться приятным запахом – и долго прождем.

Жизнь – не одни надежды, желанья, стремленья и мечты. Карл Великий соединял полсвета под свою руку, обедал, завтракал, имел колики и мигрени, любил и сердился – как и Саша Щербатов⁴. Возьмите же [тысячную] долю его, т.е. меня. Я как простой смертный заботился об отце, эгоистично желал знать, какими глазами *на меня* глядят как на *Салиаса*. Я тут о себе заботился и в его отношении входил с точки зрения своей личности.

Здесь *Эдуард* – добрый малый, провинциал – хотя он точь-в-точь дядя Миша по всему, только менее добр. Но очень скучен с своими дикими вопросами о России и русских и разными мелочами, то фокус четыре часа показывает, то загадку нелепую два часа пишет и не отпускает от себя, пока не отгадаешь, а отгадал скоро – сердится, т.е. досадует, что не заставил голову поломать.

Старик все так же мил. Вчера говорит, идя в кабинет: *Je vous vous volez une alimette – vole moi, mon enfant, vole tout ce que tu voudra*⁵. Иногда, впрочем, затевается разговор, что я (православный) в ад пойду, что ему это грустно, что его внук не католик. Иногда затевается другое: о том, какая миленькая девочка *Jeanne* (дочь *Louis*), какая красавица, какое сердце (причем даются мне на прочтение все получаемые от нее письма), и состоянье какое у ней хорошее, 600 тысяч, и сирота она, отец умер, мать бросила, и года-то ее как раз подходящие. Тебе чрез пять лет будет под 30-ать, а она будет еще молодая *жена*, ей будет 20 лет всего. Чья жена? Твоя. А уж как бы это всем приятно было. Удивительный народ – старики, у всех две страсти – Богу молиться и людей женить. Эта *Jeanne* его любимица, и одно это желанье доказывает, что он меня полюбил.

К обеду приехала тетка, жена *Эдуарда*, – очевидно, чтобы поглазеть на племянника. Она еще более провинциалка, чем он, но, кажется, очень добрая и милая женщина, но жеманится. Их интере-

сы, разговоры меня ужасно занимают, это просвещенное невежество. Помещики, но, однако, такие, чрез головы которых проходили революции и *разные* правительства. У них нет в мысли этого невозмутимого, бесцельного и бессмысленного добродушия и спокойствия, какое попадаетея в Муromaх и Пензах.

Плавать далеко не буду, даже вовсе не буду, а буду под волнами лежать. Я любил плавать *как гимнастику*, а теперь я ее и так делаю. Будьте совершенно покойны, но меня одно рассмешило. Неужели вы думаете, считаете возможным, чтобы я утонул и вообще отправился *теперь* на тот свет. Я, может быть (и вероятно), проживу на свете мало. Я совершенно и слишком счастлив, чтобы это продолжалось долго. Кому здесь дается больше, то на более короткое время, таков закон (исключений мало). Но что касается до того, могу ли я умереть теперь, я говорю и убежден что не могу, и готов смело *braver la mort*⁶, ибо знаю, что смерть меня *теперь* не тронет. Рано! Я пришел на свет для того, чтобы сделать что-нибудь дельное, – это мое искреннее убежденье, иногда мне думается, что это мечта, но зато иногда я слишком чувствую себя годным на дело, чтобы думать, что я уйду как пришел. А так как я еще ничего не сделал, даже не начинал, то мне смерти бояться нельзя. Если б я верил в случай, в бессмысленную руку, которая ворочает всеми, другое дело, но я верю, что вокруг меня, надо мной царит разум, зрячая, а не слепая сила, и эта сила, я верю (покамест), меня пощадит, ибо захочет дань взять с меня за право присутствия всей планете. Тем не менее, однако ж, все-таки грустно подумать, что когда-нибудь ни вас, ни меня, ни многих милых не будет. Чрез 10, 20 лет вспоминают еще о человеке, о личности, чрез 50, 100 – о звуке, об имени (да еще счастье, это избранные), а чрез много лет вовсе следа нет. Что такое древность. Самая блестящая личность Александра Велик[ого] стала полушуткой, полуидеей, а личности нет. Скажите, что у Шекспира был такой же живот, как и у нас, что он страдал запором, сморкался и чихал – вам не поверят – Шекспир чихал? Экая дичь. Шекспир – понятие. Это все равно что сказать, что храбрость простудилась, нравственность икнула.

О деньгах скажу: если у вас совершенно нестеснительно, то теперь, а то и позже пришлите 100 фр[анков] на лето для пушей независимости. У меня здесь во все время вышло 30 франков.

¹ невестка (фр.).

² Чего придерживаться (фр.).

³ См. вступ. ст. к наст. публ.

⁴ Щербатов – лицо не установленное.

⁵ Я вижу, вы хотите украсть спичку, укради у меня, мой родной, укради все, что захочешь (фр.).

⁶ Не бояться смерти (фр.).

8

Тулуза. 16 июня. [18]63.

Наконец-то я получил ваши два письма. Можно ли было не писать две недели. 1) Вы могли бы написать и не получая мои, а потом я адреса не переврал. У меня вашего адреса *нету*. Вы написали мне Nauheim¹, я *добавил* poste restante. Как же иначе. Можете писать просто: Toulouse Rue d'etstorg, 5, m. Eugene. Мне прямо. Я знал все гадо-сти, которые делаются. Пишите мне не это, а что думает В[ьзинский]² о будущем. Настоящее мне говорит l'Aigle. Он говорит и о войне *до лета* (бонапартистский журнал), рассуждает о Польше (только о Польше) отлично и о России. В Англии хотят войну (на-ция), во Франции тоже. (Только не здесь.) Здесь матушка-Москва.

Я понимаю, как и вы, что ужасно читать и узнавать все, что делается в Польше, но если вы будете только плакать и плакать, то потеряете здоровье, и никто в то же время не выиграет. Лучше ко-пить все это, накопить побольше ненависти к источнику всей гадо-сти и мерзости, которую делают и которой марают всякого русского в Европе. Чем больше накопишь улыбаясь, тем меньше рука дрог-нет, если придется когда при случае испробовать ножом, есть ли у них сердце и так же ли шиты из плоти и крови, как и те, которых они истребляют.

Неужели вы думаете, что над Зимним дворцом никогда не раз-разится гром. Я не на Бакунина надеюсь, а Правосудие, которое рано или поздно разгромит Романовское гнездо и рассеет, истребит эту сволочь. Я не хочу думать, что отец, сын, внук, правнуки еже-дневно пили кровь своих подданных в продолженье стольких лет и что за все это ничего не будет с этой проклятой семьей, которая на-право истребляла, а налево развращала и воспитывала истребите-лей. Кто на престоле: потомки развратной немки и ее фаворита. Кто вокруг них: немцы, полунемцы, татары и полутатары. Это еще не Россия. А адреса^{3?} Да, это Россия, но ведь мы знаем, что такое адре-сы. Право, утешительнее сказать, что Россия – стадо (чего хотите) баранов, ослов, но не подлая, жестокая, серая раса.

Ее развратили (но не одно правительство, а и помещичье пра-во), но она не в зачатках заражена, она может исправиться. Теперь

подай, Господи, крови и крови, чтобы ею вымыли Дворцы и Казармы, вымыли усадьбы и палаты, и присутственные места в городах. Новую Россию можно выстроить *только* топором, подбавляя для закваски телячьей крови помещиков и звериной – царской. Вы слышали, что из луга, заросшего травой, трудно сделать пашню, но еще труднее сделать ее из местности, которую прежде нарочно *засевали* бурьяном и травой. Россия переродится и переменится, пройдя через красную краску, но все-таки она не подлая, навеки пропащая раса зверей и телят. Дай Бог полякам бить и резать побольше этой сволочи, народившейся при Николае, оставшихся, Бог даст, если не перевешают, то закидают грязью наши дети. Во всяком случае заклеят история и, являясь последняя на суд, разберет лучше, чем мы с вами, правых и виноватых и скажет, что не нация виновата, или виновата только [не]посредственно, тем, что терпела тиранов.

Если это тот Колышко⁴, которого я знал, я не жалею его, а завидую, и если когда-либо будет толпа, хоть несколько сотен, которые позовут меня резать в казармах и градах Руси и ее умыть ее же кровью, то теперь меня уже приготовило последнее время.

Мы, как видите, до сих пор не собрались никуда – к дядьям и т.д. Они все пишут очень любезные письма. Дед очень мил со мной. Об отъезде я ему еще не говорил.

Я было стал пописывать немного да бросил. Я думаю: не время. Теперь никто и читать не станет. Что касается до чтения – я читаю. У меня с собой есть книги. Скучно ужасно. Я ни с кем не знакомлюсь, сижу дома, был у Новосильц[евых] раз 3 недели назад, завтра надо еще раз пойти, отец хотел было меня в общество всучить, да я еще с ума не сходил да и интересного ничего нету. Их смешные и дикие стороны я узнаю и так – в процессиях и на гуляньях. Подслушиваю их разговоры, слушаю рассказы и отзывы о разных вещах, когда они говорят с отцом, и могу сказать: много доволен. Ближе видеть не хочу. Часто слышу разную дичь о событиях в Польше и России (за Россию), иногда слышу, что прорицает здешний пророк – дура Муравьева, которая уверяет тулужан, что русский *peuple*⁵ встанет как один человек и в порыве мощи придет мстить сюда и здесь всех передумит. И она хороша, да и они хороши.

¹ Наугейм (*фр.*).

² См. о нем вступ. ст. к наст. публ.

³ Имеются в виду верноподданнические адреса, которые стали поступать после начала польского восстания.

⁴ Болеслав Кольшко был одним из активных участников студенческого волнения 1861 и участником польского восстания 1863; руководил отрядом повстанцев в Литве и был повешен 28 мая 1863 в Вильно. «Будучи поляком, он очутился начальником целой банды повстанцев – “косинеров”, как их называли тогда, и был взят с оружием в руках, но, вероятно, не с одной косой. Должен сказать, что этот студент, Кольшко, был замечательной личностью, выделяясь из всех умом, энергией и поразительно славянской красотой» (*Салиас Е.С.* Семь арестов. С.383).

⁵ народ (*фр.*)

9

Тулуза. 30 Июня. [18]63.

Получил ваши два письма. Что же с Лелей. Я не понимаю. Вы странно говорите, что же это за болезнь и отчего может быть за границей нужно. Это ужасно. А все Жуковы вбили в голову деньги копить, дрожат над каждой десятиной. Да я продал бы все, дотла сжег, если бы нужно было для жены. Себя бы продал. Для чего берут девушку из семейства, чтобы расходы вести по дому, что ли? Он за нее отвечает пред родней, а главное – пред совестью, пред собой. Отвечает больше, чем за ребенка, тут двое – мать и отец разделяют ответственность. Им обоим Бог поручил живое существо, а там делай как знаешь. Коли один бросит, другой за двух сделает что нужно. А жена на одних руках мужа, и он один несет ответственность. Жена! Да понимают ли они, что это такое? В чем дают обет, когда берут девушку из семьи? Что это за шаг? Если б понимали на четверть, то не женились бы в те года, когда нужна не жена, а любовница, когда еще не поняли, что такое жениться. Кто бы жена ни была, муж ее единственная защита, раб ее, не личности ее и прихотей, а раб того счастья, которым должен ее окружать, раб в деле созидания этого счастья. А они что делают? Меньше даже, что другой просто для любимой женщины, с которой не связан пред лицом людей и провиденья. Не мужей дает Россия, а хозяев. Хозяин в лавочке корпит и в ресторации чай пьет. Жена белье считай. Чулки штопай. Какое назначение наше для русских женщин. Мы берем и душим в них то, что должны развивать. Они лучше и выше нас. Мы не умеем их понимать, да и не хотим, и, вытащив из рук матери, тащим прямо за собой в ту обыденную тину, где вытоптали себе столетним лежанием на боку свою родную нору. Не пройдет и года, и всякая, одна за другой, задыхается в этой норе, не желает и выходить, а потом в свою очередь не выпускает и детей. А кто причина? Все та же не-

умытая рука, с которой русачок выбирает себе жертву. Милые соотчичи не только не умеют понимать, находить искру святого огня, который есть, должен быть во всякой девушке (в какой бы среде она ни была, ее спасает ее собственный маленький мирок, который она создает себе сама), не только не умеют они и не могут уважать женщину, они даже любить не умеют. Поучились бы у зверей. Какое же проклятье упало на нашу землю и наплодило этих людишек. Я не преувеличиваю. Отношение к женщине, вот мне пробный камень для мужчины. Покажите мне любовника, мужа, и я скажу вам, какой он сын своей земли. Хозяин с женой дома – всегда лакей вне этого дома.

Мне все равно, только досадно, когда гибнут Ундины и Лопухины¹. Но я не хочу, чтобы был хозяин у моей сестры. Неужели же и ее постигнет та же участь, что остальных, что она милостию мужа будет повышена в чин русской барыни и получит назначение солить огурцы. Я уже имел на глазах пример, как задушили Ольгу Голицыну² (Корне этот чисто русский барин). Мне было это больно, потому что я ее люблю до сих пор, т.е. люблю то, что она была, и присутствовать при том, как будут душить другую Ольгу, сестру, я тем более не могу. Милые соотчичи. Нам нужно, чтобы женщины женились на мужчинах и их развивали, будили от этого спанья, в котором и снов-то у них не бывает. Я зол, более чем зол. Гусар лучше знает, что такое жена. Вот вам и образование и умение говорить о разных науках.

¹ Лопухина Наталья Федоровна, статс-дама, известная красавица, в 1742 была осуждена по так называемому «лопухинскому делу» и по вырезанию языка и битья кнутом сослана в Сибирь.

² Речь идет об Ольге Алексеевне Голицыной, которая была в родстве с родственниками Салиаса – Кутайсовыми (брат ее матери, Александры Павловны Голицыной, урожденной Кутайсовой, Иван Павлович Кутайсов, был женат на Елизавете Дмитриевне Шепелевой, двоюродной сестре М.И.Сухова-Кобылиной). Е.А.Салиас очень любил ее и сохранил это чувство на всю жизнь. Голицына в 1861 вышла замуж за бельгийского графа Раймунда Корнэ-де-Грэ.

Воспоминания

Майкл де Щербинин (Михаил Андреевич Щербинин) ПЯТЬ ВЕКОВ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Подготовка текста О.Р.Демидовой
Вступительная статья и комментарий Т.В.Мисникевич

Воспоминания, предлагаемые вниманию читателей, можно по праву назвать новой интересной страницей литературного наследия русских сектантов. Их автор, Михаил Андреевич Щербинин (1856–1941), – представитель старинного дворянского рода, участник движения евангельских христиан-«пашковцев», в начале XX века покинувший Россию и переселившийся на неосвоенные земли Канады, чтобы иметь возможность открыто исповедовать вероучение, приверженцем которого он стал еще в молодые годы.

Секта «пашковцев» сформировалась в 70-е годы XIX века в кругах петербургской аристократии. Ее основатель, полковник в отставке Василий Александрович Пашков (1831–1902), был последователем английского проповедника лорда Гренвилля Редстока, впервые приехавшего в Петербург в 1874 по приглашению свояченицы В.А.Пашкова Елизаветы Ивановны Чертковой (1832–1922) – матери Владимира Григорьевича Черткова (1854–1926), публициста, издателя, убежденного сторонника «толстовства». Выступления лорда Редстока с проповедью учения, возникшего на основе протестантского догмата об оправдании верой (спасение совершается не через добрые дела, а лишь благодаря личной вере в искупительную жертву Иисуса Христа), вызвали большой интерес в петербургском обществе¹. Как впоследствии писал один из русских протестантов, «в это время господства террора и усиленной деятельности революционных партий в среде высшего общества находились люди, с ужасом смотревшие на хаос тогда бурливших и друг друга поедавших философских, политико-экономических и литературных теорий, несших с собою вражду сословий и борьбу партий. <...> В Евангелии они открыли противовес нахлынувшей волне разных отрицательных идей того времени и твердые устои для законности, нравственности и спасения не только своих душ, но государства и общества от урагана злобной борьбы и человеконенавистничества»². Сам Пашков так определял

¹ См.: Церковно-общественный вестник. 1874. №30; Гражданин. 1876. №13, 16; 1877. №15; Терлецкий Г. Секта пашковцев. СПб., 1891; Игнатъев Р.С. Пашковцы-баптисты в Петербурге // Исторический вестник. 1909. №4. С.184–192; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931. Т.2; Проханов И.С. В котле России. Чикаго, 1992.

² Кушнеров И.П. Краткая записка о возникновении, развитии и о настоящем положении евангельского движения в России и о нуждах русских евангельских христиан. СПб., 1905. С.4–5. Цит. по: Клибаиов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965. С.202.

свои духовные устремления: «Господь отверз уста мои к прославлению имени Его. Я исполняю и по сие время и положительно выраженную Им волю, провозглашая в настоящий век неверия и отрицания имя Спасителя и Бога моего Господа Иисуса Христа»³.

Наиболее активными сторонниками и помощниками Пашкова стали гофмейстер высочайшего двора граф Модест Модестович Корф, княгиня Вера Федоровна Гагарина, графиня Елена Ивановна Шувалова, бывший министр путей сообщения граф Алексей Павлович Бобринский. Для привлечения в секту различных слоев населения «пашковцы» посещали фабрики, мастерские, извозчицьи дворы. Одним из важнейших средств пропаганды учения была благотворительная деятельность: открытие дешевых народных столовых, приютов, оказание материальной помощи новообращенным. В качестве печатного органа секты в 1875 был основан журнал «Русский рабочий». В 1876, по разрешению Министерства внутренних дел, было образовано «Общество поощрения духовнонравственного чтения», согласно своему уставу, «имеющее задачей своею доставление народу возможности приобретать на самом месте жительства его и за дешевую цену книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета и сочинения духовнонравственного содержания»⁴. За время своего существования Общество издало множество брошюр, представляющих собой в основном выдержки из Св.Писания и переводы сочинений иностранных авторов: «Спасен ты или погиб», «Он любит меня», «Первая молитва Джессики» и т.п.

По мере того как росло число членов секты, в правительственных и церковных кругах стали все больше говорить о ее вреде, и в 1877 были запрещены религиозные собрания «пашковцев», а в 1878 церковным властям было предписано убедить Пашкова и его единомышленников вновь присоединиться к православной церкви. «Пашковцы» перенесли центры своей деятельности в провинцию: Пашков – в подмосковное имение Крекшино и нижегородское имение Ветошкино, Бобринский – в Тульскую губернию, Черткова – в Воронежскую. В 1883 Пашков возобновил собрания секты в Петербурге, а в 1884 организовал общий съезд сектантов различных направлений⁵. 24 мая 1884, по указу императора Александра III, Общество было закрыто⁶, Пашков и Корф высланы за границу.

Щербинин, как он отмечает в своих воспоминаниях, стал членом Общества в первый год его основания⁷. С 1882, после окончания факультета восточных языков Петербургского университета, и вплоть до закрытия Общества, занимал должность его секретаря. Впоследствии Щербинин с

³ Из письма В.А.Пашкова ректору Петербургской Духовной академии И.Л.Янышеву от 30 апреля 1880 г. // Церковный вестник. 1880. №19. С.6.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1876 г. СПб., 1876. №1136.

⁵ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С.216–217.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1886. Т.4. С.319.

⁷ М.А.Щербинин значится в списках наиболее активных «пашковцев», хранящихся среди материалов о секте, собранных обер-прокурором Синода К.П.Победоносцевым (см: РГИА. Ф.1574. Оп.2. Ед.хр.63. Л.37).

семьей (в 1884 он женился на шведке Бригитте Лаггар) жил в полтавском имении матери, некоторое время служил секретарем Кременчугского отделения Российского Общества Красного Креста.

В 1889, вместе с английским проповедником Фридрихом Бедекером⁸, М.А.Щербинин дважды посетил Л.Н.Толстого, сочувственно относившегося к движению «пашковцев». В письме к дочери, Марии Львовне Толстой, от 9 февраля 1889 Л.Н.Толстой отметил по этому поводу: «Еще б[ыл] у меня Бедекер, проповедник Пашковский, очень добрый, и мы хорошо говорили, особенно п[отому], ч[то] с ним был юноша Щербинин – хороший пашковец»⁹.

В 1895, после продажи имения матери, Щербинин переехал в Петербург, где ему предложили место служащего в одной из иностранных компаний. В 1896 Щербинина познакомил с членом лондонской общины квакеров Эдмундом Бруксом, который с 1891 занимался в России организацией помощи голодающим и заключенным¹⁰. В 1898–1899 Брукс принимал участие в организации переезда в Канаду русских духоборов¹¹. Между Бруксом и Щербининым, переселившимся в 1897 с семьей в Финляндию, завязалась переписка. В одном из своих писем Щербинин поделился с ним своими тревогами по поводу будущего, ожидающего семью из-за его религиозных убеждений. Тогда Брукс и предложил ему поехать в Канаду и заняться там обучением грамоте эмигрантов из России. 5 мая 1901 Щербинин с женой и восемью детьми навсегда покинул Россию¹². Первоначально они обосновались в деревне Петровка в Саскатчеване, провинции на юге центральной части Канады. В 1902 Щербинин начал преподавать в школе для детей переселенцев. В этом же году в Канаду прибыл лидер движения духоборов Петр Васильевич Веригин (1858–1924). Веригин был противником обучения детей в школе, с его точки зрения, учителем можно было считать только бога, а основам грамоты следовало учиться в семье. В 1903 школа в Пет-

⁸ Бедекер Фридрих Вильгельм (Baedeker Friderich William; 1823–1906) – английский проповедник немецкого происхождения, последователь лорда Редстока. Неоднократно приезжал в Россию; пользовался исключительным правом посещать каторжные тюрьмы. М.А.Щербинин вместе с ним путешествовал по Сибири. См. о нем: *Latimer R.S. D-r Baedeker and his apostolik work in Russia*. London, 1917; Толстой: Памятники творчества и жизни. М., 1925. Сб.3. С.89–103.

⁹ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1992. Т.64. С.220. М.А.Щербинин упоминается также в дневнике Л.Н.Толстого за 1889 (Там же. Т.50. С.34, 39), в его письме к В.Г.Черткову от 17 февраля 1889 (Там же. Т.86. С.211). В примечаниях (Т.86. С.213) он неточно назван Александром Щербининым.

¹⁰ См. о нем: *Scott Richenda. Quakers in Russia*. London, 1964. P.130–148. Э.Брукс, в частности, оказывал материальную поддержку будущему руководителю Русского евангельского союза Ивану Степановичу Проханову (1869–1935). См: *Проханов И.С.* Указ. соч. С.92.

¹¹ В мае 1898 последовало согласие Министерства внутренних дел на выезд духоборов из России. С помощью английских и американских квакерских организаций и при поддержке Л.Н.Толстого, пожертвовавшего гонорар за роман «Воскресение», с декабря 1898 по апрель 1899 духоборы четырьмя партиями отбыли в Канаду.

¹² Сведения об обстоятельствах отъезда М.А.Щербинина в Канаду и его жизни в эмиграции предоставлены потомками М.А.Щербинина, проживающими в США.

ровке была закрыта¹³. Щербинин переехал в Виннипег, где преподавал в колледже, писал статьи для газет, составил англо-украинский и украинско-английский словарь для выходцев из России. После смерти жены в 1912 переехал в Торонто, служил в англиканской миссии. В 1916 уехал в США к жившим там сыновьям. В последующие годы Щербинин сотрудничал в различных протестантских организациях. Прекрасное знание нескольких иностранных языков помогало ему вести просветительскую работу среди эмигрантов многих национальностей. Умер Щербинин 17 октября 1941 в Чикаго.

Работу над данными воспоминаниями, которые были продиктованы им по-английски, Щербинин завершил в 1916. Полный текст рукописи составляет шестьдесят семь машинописных страниц. Помимо рассказа М.А.Щербинина о своей жизни, родственниках и знакомых, в воспоминаниях содержится большое количество его рассуждений философского и исторического характера (о христианстве, о природе национализма, о различиях между Россией и Западом), большая часть которых оставлена за рамками настоящей публикации.

Необходимо отметить, что намерение Щербинина «представить гармоничную и правдивую картину своей жизни <...> и тех времен, в которые ему довелось жить», оказалось не в достаточной степени реализованным. Бескомпромиссно осуждая свою социальную среду, официальную церковь и общественное устройство России, названной им «краем для посредственностей», он в то же время придает мемуарам некоторый «житийный» характер. Стремление убедить своих детей, для которых преимущественно и предназначались данные воспоминания, и, отчасти, самого себя в безусловной правильности избранного им пути приводит Щербинина к тому, что он в той или иной степени искажает образы людей, о которых пишет, и представляет описываемые события в «удобном» для него виде. И тем не менее – при всей спорности высказываемых Щербининым суждений, при наличии множества ошибок и неточностей – его мемуары остаются интересным и оригинальным документом эпохи.

Канадским Щербининым посвящается

Эти воспоминания были начаты 25 марта 1912 года в Гаване и продолжены 4 сентября 1913 года в Торонто.

Я родился 18 июня 1856 в имении моего отца¹ Карачовке. Деревня Карачовка находится в десяти километрах, или семи милях, к югу от Харькова; в 15 минутах ходьбы от нее протекает небольшая река, несущая свои воды в Дон. Неподалеку от деревни стоит большой

¹³ См., напр.: Vasia Pozdniakov's Dukhobor Narrative / [Ed.] by Peter Brook. [London, 1961]. В данной работе описаны случаи, когда духоборов исключали из общины за то, что они отдавали детей в начальные школы.

помещичий дом с прекрасным парком; в этом-то доме я и появился на свет. Название Карачовка, без всякого сомнения, происходит от татарского слова Кара-кой, т.е. Черная деревня. Похожие названия существуют в различных тюркских языках, например в языке турок каманли или азербайджанцев, живущих в Персии².

<...> Отец мой владел 400 десятинами (920 акрами) земли в Харьковской губернии (недалеко от Харькова)³. Моей матери⁴ принадлежало около 3500–4000 десятин (т.е. в десять раз больше, чем отцу) в Кременчугском уезде Полтавской губернии и большая деревня Рудая в Кобелякском уезде.

Имение в Кременчугском уезде называлось Обозновка. Мать унаследовала его от своей матери Екатерины Сушковой⁵, к которой оно перешло от ее отца Федора Москова⁶. Фамилия Москов не имеет ничего общего с названием города, а происходит от греческого слова «москос», что означает «теленок». Мой прапрадед⁷ был сыном грека из Варны по фамилии Моско⁸. Сейчас Варна принадлежит Болгарии, а в те времена она, как и весь Балканский полуостров, была частью Османской империи.

Вы знаете, что с 15-го по 17-й век степи юга России были населены козаками – воинами-земледельцами⁹. Необходимость защищать свои дома заставила их взять в руки оружие. Именно они служили славянским племенам защитой от татар, башкиров и других степных народов. «Козак» (правильнее – казак) происходит от тюркского слова, обозначающего «неженатый мужчина, холостяк»¹⁰. Глава казачьего войска назывался гетманом и являлся военным главой и президентом простейшей республики. Его страна называлась Украиной – от известного вам русского слова «край», т.е. граница. Все казаки были православными, и принадлежность к католической церкви считалась изменой. Причиной тому явилась давняя вражда украинцев с поляками, которые были католиками¹¹. Начальник фуражиров имел звание обозного (от слова «обоз»). Возможно, один из наших предков был обозным¹², поэтому его имение на берегу реки Омельничок получило название Обозновка. Может быть, это был подарок гетмана¹³. (До присоединения Украины к России в 1664 гетман являлся выборным правителем¹⁴ и мог дарить земли и поместья своим полковникам.)

Моя мать унаследовала имение от своего деда, и оно перешло к ней еще при жизни ее матери как часть приданого. Огромные имения, принадлежавшие семье моей матери в Полтавской губернии, когда-то были подарены императрицей Елизаветой одному из членов семьи Сушковых¹⁵.

Елизавета правила около десяти лет (1725–1735) после своего отца Петра Первого, более известного как Петр Великий¹⁶. У дяди мо-

ей матери Ивана Васильевича¹⁷ я видел подписанную Елизаветой дарственную, по которой все эти украинские земли переходили к нашему предку¹⁸. Дарственная была перевязана шелковой лентой с восковой печатью.

Иван Васильевич владел огромными землями; всего у него и моей тетки было около десяти тысяч акров. Помещичий дом стоял недалеко от большой деревни Хорешки, в которой было 700 душ¹⁹. Когда моя бабушка Екатерина Сушкова овдовела и должна была унаследовать имение покойного мужа, дядя Иван Васильевич и другие родственники отказались признать ее законной наследницей и подали в Сенат прошение, в котором указали, что она вышла замуж против воли своего отца Федора Москова. Дело тянулось несколько лет, но, к счастью для бабушки, наследник престола Александр решил в ее пользу²⁰. (Император Николай находился в то время за границей, и его сын Александр исполнял должность председателя Государственного Совета²¹.) С тех пор моя бабушка заметно охладела к Ивану Васильевичу и поддерживала с ним отношения лишь из вежливости. Все родственники знали, что, если бы не решение Государственного Совета и его главы, бабушка лишилась бы всех своих владений.

Вы понимаете, что, поскольку бабушке пришлось защищать свои интересы в суде, она перебралась в Петербург, где прожила почти два года. Сегодня от Полтавы до Петербурга можно добраться по железной дороге за 38 часов, тогда же подобное путешествие занимало по крайней мере две недели. Первые два дня бабушка, как знатная дама, ехала на собственных лошадях; на третий день их с кучером и грумом отправили назад в имение, бабушка же продолжала путь на почтовых, которых меняли каждые десять или двенадцать миль. Кареты были довольно удобные: четырехместные, с кожаным или плотным шерстяным верхом, со специальным сиденьем для кучера и лакея спереди и с небольшим возком сзади. С собой везли кухонную утварь, провизию, белье и одежду. Такие кареты заказывали в Санкт-Петербурге, Москве или Вене, а назывались они по-французски дормезами, т.е. спальными каретами.

Возможно, бабушка ехала через Москву – не потому, что это самый короткий путь, а потому, что Москву соединяет с Петербургом удобная мощная дорога. Возможно тоже, что бабушке хотелось повидать своих родных в Москве.

Кроме слуг, бабушка взяла с собой своих крепостных и впоследствии отдала их в ученье в Петербурге: девушку – к модистке, а парня – к портному. Другого парня она поместила в медицинскую школу в Москве. Это было вполне обычным делом: русские помещики нередко отбирали из своих крепостных самых талантливых и учили

их на мастеровых, врачей, художников, музыкантов и даже актеров. Многие помещики держали свои театры, труппы которых состояли из крепостных²². Богатые люди жили открытым домом, в некоторых за стол ежедневно садилось человек сорок или пятьдесят, а в праздники и более. В доме моей бабушки за стол садилось не менее двадцати человек. Когда праздновали шестнадцатилетие моего кузена, прием и бал длились три дня, а гостей приехало человек девяносто. Плотник специально изготовил длинный обеденный стол, а кухонной прислуги и столового серебра не хватило, пришлось брать у соседей.

Но довольно о делах семейных. Вам, наверное, известно, что с трехлетнего возраста я сопровождал свою мать в путешествиях и побывал в Одессе, Херсоне, Киеве, Вене, Париже, Лондоне, на юге Франции и в Швейцарии. В шесть лет я впервые посетил Москву. В 1863, в семилетнем возрасте, меня возили в Париж и Лондон, где мать часто брала меня в Хрустальный дворец на выставку²³. В Лондоне же она купила мне замечательный глобус с картинками, который можно было разбирать на части. Каждая часть представляла какую-нибудь страну, а картинки показывали, кто живет в этой стране и какие животные там обитают.

В десять лет меня привезли в Санкт-Петербург, где мы провели несколько зимних сезонов. В четырнадцать я около двух месяцев путешествовал по Испании. Мы посещали различные исторические центры, музеи, театры и т.п. Я видел останки Фердинанда Второго Арагонского, который был женат на Изабелле Кастильской²⁴. После Испании мы две недели провели на Гибралтаре и в Танжере²⁵ (Марокко). Хотя в те времена в Танжере было несколько консульств европейских государств и множество туристов, город все же не утратил своего восточного облика. Мы наблюдали, как муэдзин поднимается на минарет, чтобы созвать правоверных на молитву; посетили отвратительную грязную тюрьму; нанесли визит брату султана, жившему в Танжере, и совершили путешествие на знаменитый маяк мыса Эспартель. Смотритель маяка, немец, был очень любезен и угостил нас вином. Шесть миль до маяка мы проскакали верхом в сопровождении гида и вооруженного солдата. По дороге нам встретились и шоколадного цвета мавры, и совершенно черные негры. На улицах города мы видели негра, который играл на барабане и пел свои дикие песни, прося подаяния. Нам объяснили, что он пришел пешком из Центральной Африки, с озера Чад. Это недалеко от Тимбукту²⁶. Еще мы видели, как фанатичного вида магометане вели по улице козу, предназначенную для жертвоприношения.

* Его тело покоится в хрустальном гробу, на голове золотая корона, а лицо и волосы частично сохранились. (Прим. автора.)

До восемнадцати лет мне довелось десять раз побывать в Париже, а во время франко-прусской войны²⁷ мы провели зиму в Брюсселе. Мой отчим²⁸, представитель российского Красного Креста, был направлен на театр военных действий по распоряжению председательницы Красного Креста императрицы Марии Александровны²⁹.

<...> Моя бабушка скончалась в возрасте 87 лет. Ей не было и тридцати, когда она овдовела. Муж ее, Николай Васильевич, умер тоже молодым. Он был человеком несдержанным и с детства привык к полному повиновению крепостных, которых нередко поколачивал в припадке ярости. Однажды во время охоты крепостные, раздраженные его жестоким с ними обращением, воспользовались тем, что поблизости никого не было, и убили своего барина³⁰. Тело принесли домой; жене сказали, что Николай Васильевич стал жертвой несчастного случая. Правду, однако, не удалось скрыть; виновных судили и приговорили к суровому наказанию – к пожизненной каторге, т.е. тяжкому труду на сибирских приисках.

У моей бабушки было две дочери. Старшая, Аннет, вышла замуж за Потоцкого. Младшая стала моей матерью³¹. Бабушка дала дочерям прекрасное образование: у них была гувернантка, которая говорила с ними по-французски и по-русски, а также домашние учителя французского, немецкого, итальянского и английского языков. Бабушка наняла для дочерей лучших учителей музыки, каких только можно было отыскать в Полтаве, и пригласила в компаньонки молодую ирландку по имени Сара Стьюарт.

Отец этой девицы состоял на российской службе, это был вполне достойный господин. С Сарой же я познакомился еще на юге, а после она навестила нас в Петрограде, когда мне было 16 лет. Ей тогда было лет сорок, и она служила на телеграфе. В те годы служба на телеграфе была одной из немногих возможностей, открытых для женщин, и девушек, подобных Саре, которая знала по крайней мере четыре языка, охотно туда принимали³². Моя мать тоже свободно говорила по-английски и любила читать английские романы. Помню, она читала роман Уилки Коллинза «Без имени» в издании Таухница³³. Она неплохо говорила и по-итальянски и по-немецки и, без сомнения, до сих пор прекрасно владеет французским, хотя и не окружена более людьми, предпочитающими французский русскому, как это было в прошлом веке.

Сто лет назад в богатых русских домах предпочтение отдавалось французскому языку. Происходило это потому, что последний являлся международным языком дипломатии и высшего общества, и образованные люди России искали в нем спасения от окружавшей их дикости. В дворянских семьях было принято не только говорить, но и мыслить по-французски, русский же язык считался языком слуг.

Стоило детям во время игры нечаянно перейти на родной язык, как раздавался строгий голос гувернантки: «Parlez Français». И дети продолжали разговор по-французски.

То же и взрослые. Желая сохранить разговор в тайне от окружающих, говорили по-русски, и тогда кто-нибудь из старших непременно замечал: «Pas devant les gens!» («Не при слугах!»). Вы выросли в Канаде, где национальное чувство значительно более сильно, и вам трудно вообразить, насколько пренебрежительно относились русские к своему языку.

По-русски обращались к слугам, это был язык улицы, конторы, фабрики и казармы. На нем не говорили дома, не писали писем к друзьям или дамам своего круга. Подобное явление, каким бы странным оно ни казалось, мы наблюдаем, когда более развитая культура сталкивается с менее развитой. Я называю это мирным завоеванием, и только таким способом должно проявляться любое культурное влияние. Нельзя силой насаждать культуру, как это теперь делают немцы³⁴.

Однако довольно о французском языке. В семьях князей Барятинских, Трубецких, графов Бобринских, Сологубов и др. говорили тоже по-английски, и я знавал семьи, в которых жили английские гувернантки.

<...> Я еще не рассказал о парке, окружавшем дом моего отца, где я появился на свет. Я довольно плохо его помню, потому что родился в июне, а через шесть месяцев меня увезли из имения, и до двадцати лет я там не бывал. Мой отец унаследовал примерно четвертую часть земель своего отца³⁵ и все строения. Столько же досталось брату отца Павлу³⁶, который умер молодым. Оба они окончили курс в Харьковском университете, причем отцу моему к тому времени не исполнилось еще и семнадцати лет³⁷. Другая половина земель перешла к двум сестрам моего отца, Екатерине, вышедшей замуж за Николая Щербачева, и Софии, которая сделалась женой м-ра Мензенкампа³⁸. В семье моей тетки м-м Щербачевой тоже говорили по-французски. Я не часто ее видел, однако помню по рассказам, что она с семьей несколько раз подолгу жила в Париже и была знакома домами с графом де Ноай³⁹.

<...> Когда я познакомился с Екатериной Щербачевой, она уже была вдовой. Из всей ее большой семьи я знал лишь сына Александра⁴⁰, которому теперь около 70 лет. Он является членом Государственного Совета, а также председателем недавно образованного Верховного уголовного суда при Сенате⁴¹. До недавнего времени Сенат являлся высшей судебной инстанцией Российской империи⁴², однако теперь, насколько мне известно, рассмотренные Сенатом дела направляются в учрежденный императорским указом при Государст-

венном Совете Верховный уголовный суд, председателем которого и был избран Александр Щербачев три года тому назад⁴³.

Из всех моих родственников он более всего расположен ко мне и к моей семье, и переписка с ним доставляет мне истинное удовольствие. Летом он обычно живет в своем имении Бабаи недалеко от Харькова или в имении своего зятя в Калужской губернии. Недавно он прислал мне свою фотографию в русском национальном костюме. Он большой патриот и в деревне неизменно носит национальный костюм. Многие годы он служил прокурором губернского суда, а затем председателем того же суда. Сын его Олег⁴⁴, выпускник Морской академии, во время Японской войны воевал под началом адмирала Рожественского⁴⁵. На той войне Олег потерял глаз и стопу. В этой войне он воевал на Балтике, участвовал в нескольких морских сражениях, а теперь командует одним из кораблей Балтийского флота.

Одна из дочерей Александра состояла фрейлиной при великой княгине Милице Николаевне⁴⁶; две другие завершают курс в университете; обе уже год работают в госпиталях сестрами милосердия – одна в Харькове, другая в Калуге или в Москве⁴⁷.

<...> Брат Александра Щербачева Юрий (или Георгий)⁴⁸ теперь в отставке и живет в своем имении Катрино недалеко от Харькова. Он вдовец⁴⁹, четверо его детей давно взрослые⁵⁰. После окончания университета Юрий состоял на дипломатической службе, жил во многих европейских столицах, долго служил секретарем российского посольства в Копенгагене. Он близко знаком с членами датской королевской семьи, свободно говорит по-датски. Двадцать три года назад я навестил его в его имении, где он тогда отдыхал. Юрий был несказанно удивлен, когда я заговорил с ним по-датски. Вам известно, что я несколько месяцев говорил на этом языке с датчанином, который был управляющим имения моей матери.

<...> Юрий Николаевич любезно подарил мне свою книгу об истории нашей семьи. Книга вышла в свет в 1913 году, и он немедленно прислал мне экземпляр.

Труд сей называется «Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин, друзья Пушкина»⁵¹. На титульном листе автор написал: «Внуку и тезке М.А.Щербинина на добрую память от кузена». Книга посвящена поэту Л.М.Майкову⁵². Мои научные интересы лежат в иной области, и я лишь недавно прочел ее с должным вниманием. Меня приятно удивило то обстоятельство, что Юрий Щербачев собрал все документы из семейных архивов и иные свидетельства о дружбе великого поэта с моим дедом⁵³. Кроме прочего, автор подробно рассматривает известный роман Пушкина «Евгений Онегин».

<...> Дядя Георгий сравнивает пушкинского героя и вашего прадеда М.А.Щербинина, стремясь убедить читателя, что именно последний изображен в романе, хотя и с неизбежными в подобных случаях изменениями⁵⁴.

<...> Теперь я расскажу вам, что пишет дядя Георгий о роде Щербининых. Щербинины – старинный дворянский (или, в соответствии с утверждением профессора Мавора⁵⁵ из Торонто, который считает, что русские нетитулованные семьи нельзя причислить к дворянам, помещичий) род, берущий свое начало от Анофрия, выходца из немцев. В те времена все, кто говорил не по-русски, назывались немцами. Этот Анофрий в 14-м веке был боярином, т.е. придворным, великого князя Всеволода⁵⁶. Праправнук Анофрия Василий получил прозвище Щербина, что означает «шрам». Как объяснил мне Александр, сын дяди Георгия, этот наш предок участвовал в войне с Киевом, был ранен, и на руке его остался шрам. Об этом в семейном архиве есть письменные свидетельства. Именно от Щербины происходит фамилия Щербинины. Герб рода был принят 30 июня 1789 года (см.: Архивы Департамента герольдии, дело 3263, том второй, с.37)⁵⁷. Однако вот что еще пишет дядя Георгий: «Считается также, что наша семья, как и множество других семей, была записана в так называемую Поганую книгу, т.е. происходит от холопов». <...> По моему мнению, происхождение от русских крестьян 14-го века ничуть не менее почетно, чем от выходцев из Европы или от татар и т.п. Не следует гордиться знатным происхождением, дети мои. Кое-кто из наших предков пять веков тому назад мог быть пастухом или свинопасом – и в этом нет ничего ужасного. Каково бы ни было наше происхождение, известно наверное, что первое упоминание о нашем роде появляется в 1346 году. К сожалению, о первых трех поколениях нам известно немного, документы сохранили лишь их имена⁵⁸.

Родовое гнездо наше находится в двенадцати километрах от Харькова, в селении Бабаи⁵⁹, и там в помещичьем доме сохранился портрет, писанный в 1777 году. На большом полотне изображено семейство помещика Харьковской губернии Петра Андреевича Щербинина⁶⁰. Глава семейства сидит в кресле под величественным дубом, справа от него стоит его жена Татьяна Яковлевна, рожденная Кропоткина. Она придерживает рукой младенца Николая⁶¹, стоящего на столе, а рядом с матерью играют двое других детей – Дмитрий⁶² и его младшая сестра Варвара⁶³. Слева от отца стоит старший сын Андрей⁶⁴, десяти лет, в форме сержанта Измайловского полка. Он показывает отцу свой рисунок. За спиной Андрея – его воспитатель, типичный немец средних лет⁶⁵. Петр Андреевич, воспитатель и старший мальчик в пудренных париках, второй сын в длинном сюр-

туке по моде того времени и в туфлях с пряжками, как взрослый. Мать семейства в шляпке и шали, шестилетняя девочка одета в богатое платье, как взрослая дама. Семейство изображено на фоне парка и помещичьего дома, а за парком виден барский дом в деревне Должики (примерно 16 километров от Харькова), тоже принадлежавшей Щербининым.

Вот что нам известно об изображенных на портрете. Петр Андреевич⁶⁶ был прокурором Харьковского окружного суда (в 1782) и приходился четвероюродным братом вице-губернатору харьковскому и воронежскому Евдокиму Алексеевичу Щербинину⁶⁷. По этой причине и благодаря своему состоянию Петр Андреевич пользовался большим влиянием среди соседей-помещиков. Он был самым крупным землевладельцем в губернии, да и супруга его получила в приданое немалые земли. Кроме Бабаев и Должиков Петру Андреевичу принадлежали деревни Алексеевка, Филиппово, Ледное, Березовое, Яковлевка и другие. Жил же он почти всегда в Бабах. Мне думается, что на рисунке, который показывает отцу старший сын, изображена пристройка к помещичьему дому, которая ныне уже не существует.

Петр Андреевич жил на широкою ногу и держал открытый дом*. Особенно пышно праздновалось его рождение; возможно, что семейство на портрете приносит Петру Андреевичу поздравления именно по этому случаю.

Жена Петра Андреевича Татьяна Яковлевна отличалась дурной наружностью, чему свидетельство не только портрет, но и воспоминания современников. О жизни ее мы знаем немного. Известно лишь, что ее кончина в 1776 подорвала здоровье Петра Андреевича, и в 1778 ему пришлось ехать лечиться на воды в Пьемонт.

Старший сын Андрей появился на свет 1 июля 1760, это мой прапрадед⁶⁹. С раннего детства он проявлял недюжинные способности, однако как старший сын был невероятно избалован и отличался необычайным упрямством. В пять лет он прекрасно читал и неплохо писал по-русски, впоследствии сделал значительные успехи во французском, чем доставил своему воспитателю большую радость. Дальнейшее образование он с братом Димитрием и кузеном Хомутовым⁷⁰ получал в Европе, преимущественно в Берлине. Путешествуя с воспитателем по Европе, они посетили Англию, Голландию, Брюссель, Париж, несколько раз объехали Италию.

В Россию Андрей возвратился уже юношей в конце 1778 года, тогда же он с братом Димитрием вступил в Измайловский полк. [2 предложения нрзб.]

* Петр Андреевич был дружен с украинским философом Сковородой⁶⁸. (Прим. автора.)

Второй сын Димитрий печально прославился затеянным им процессом против старшего брата, его невестки и племянников⁷¹. Сын Димитрия умер молодым.

Третий сын Николай в раннем возрасте пристрастился к игре, попал в дурную компанию, делал долги и выдавал фальшивые векселя⁷². Брат Андрей оплатил часть его долгов, а впоследствии Николай жил на счет племянников, сыновей Андрея. Он умер бездетным в чине лейтенанта гвардии.

Дочь Варвара, как видно на портрете, имела небольшой горбик. Она вышла замуж за некоего Рамбурга⁷³ и умерла, едва достигнув 25 лет, «исполненная добродетели, любви к ближним и почтения к родителям», как гласит надпись на ее могиле.

Последний из представленных на портрете – воспитатель сыновей. Это, вне всякого сомнения, не кто иной, как Иоганн Виганд, чьи воспоминания о жизни в России и в семействе Щербининых печатались в журнале «Русская старина» за 1882 год. Я почерпнул из этих воспоминаний некоторые сведения о Петре Андреевиче и его близких.

Означенный Виганд родился 17 июля 1744 года. Он был мистиком и принадлежал к секте гернгутеров или моравских братьев. Желая взять воспитателя для старшего сына, Петр Андреевич в 1767 году послал в Москву нарочного, которого в Москве уже ждали Хомутов и Виганд. Последний согласился занять место в семье Щербининых и отправился на Украину. Виганд сумел завоевать доверие родителей, и четырехлетнего мальчика полностью вверили его заботам. В его воспоминаниях очень забавно описано, как спящего ребенка в кроватке переносили с женской половины в комнату воспитателя, а сзади шли плачущие родители⁷⁴.

Можно предположить, что Виганд оказал значительное влияние на Андрея. Путешествуя по Европе, они вместе посещали собрания моравских братьев в Лондоне и были допущены к их праздничным трапезам. Как следует из воспоминаний, Виганд был архитектором. Напротив помещичьего дома в Бабаях стоит церковь необычной архитектуры, построенная на месте старой деревянной. Вполне возможно, что Виганд принимал участие в строительстве, и его протестантские пристрастия нашли выражение в облике церкви, представляющей почти точную копию лютеранской церкви Св. Анны на Фурштатской улице в Петрограде.

Мне неизвестно, Виганд ли построил каменные погребки и кладовые, в которых до недавнего времени хранился архив рода Щербининых⁷⁵.

Андрей Петрович был женат на Екатерине Бартц, отец которой служил в Государственном банке. От этого брака у нашего предка

было трое сыновей – Петр, Александр и Михаил и дочь Мария⁷⁶. Этот-то Михаил и стал другом Пушкина⁷⁷.

<...> Михаил Андреевич родился 14 декабря 1793 года, т.е. был на шесть лет старше Пушкина. В 1811 его отдали в пансион при Харьковском университете. В 1812 он начал военную службу в свите его Императорского Величества по квартирмейстерской части. До июля 1812 принимал участие в инспекции недавно присоединенных финских земель. В августе того же года его откомандировали в распоряжение начальника Главного штаба князя Волконского⁷⁸. В ходе французской кампании Михаил Андреевич участвовал в битвах при Дессау, под Кульмом, где был ранен в плечо, под Лютцем, Баутце-ном, Лейпцигом, под Бриенном и Парижем⁷⁹. Во время Венского конгресса⁸⁰ он был в составе русской делегации; с июня 1816 по 3 ноября 1817 года находился при российском посольстве в Персии под началом генерала Ермолова⁸¹, после чего был вновь откомандирован в распоряжение начальника Главного штаба. В 1818 и 1819 годах в составе свиты сопровождал государя в его путешествиях по Европе, по возвращении был приписан к Генеральному штабу по квартирмейстерской части.

В 1820 году Михаил Андреевич был переведен в Московский полк и направлен в распоряжение Малороссийского военного губернатора⁸². В 1822 ему был присвоен чин капитана, а в 1823 – полковника с переводом в Муромский полк. В 1824 Михаил Андреевич вышел в отставку.

Впервые он подал прошение об отставке еще в 1820 году, однако князь Волконский просил Михаила Андреевича не оставлять службы и назначил его адъютантом к князю Репнину⁸³, что позволило Михаилу Андреевичу продолжать службу, не уезжая далеко от дома. В 1820 году он был избран председателем гражданского суда в Харькове; тогда же его брат Александр служил председателем уголовного суда. Именно в 1820 Михаил Андреевич несколько дней был вице-губернатором Харькова.

В 1821 М.А. женился на дочери сенатора Павла Никитича Каверина Елизавете⁸⁴. Поначалу молодожены жили в Бабах, затем несколько лет в Москве, приезжая на лето в имение. После окончательного раздела наследства М.А. с семьей поселился в Харьковской губернии.

Выйдя в отставку, он не занимал никаких постов, за исключением выборной должности судьи, и вел типичную жизнь богатого помещика, не теряя, однако, прежних связей. Хозяйством он особенно не занимался и был сибаритом в полном смысле этого слова. Михаил Андреевич принадлежал к классу людей, которые сами не трудятся, а лишь пожинают плоды трудов своих ближних; люди, подобные

ему, поощряют развитие ремесел и художеств, являясь их истинными ценителями. В душе этих людей живет одно из самых тонких и благородных чувств – чувство любви к прекрасному.

В своем имении Елизаветполь недалеко от речки Уды Михаил Андреевич приказал выстроить большой красивый дом и разбить чудесный сад с виноградником и фруктовыми деревьями. Река Уды напоминает большие русские реки – ее правый берег холмист и покрыт лесами, тогда как на низком левом берегу раскинулись пастбища, и кое-где попадаются ельники. Сейчас река загрязнена отходами шерстяных фабрик, но во времена Михаила Андреевича это была чистая река, богатая рыбой. Бабаи тоже стоят на ее правом берегу, и от них до имения Михаила Андреевича было всего три километра. Великолепный парк соединял имение с лесом.

Я не стану подробно описывать все постройки имения. Это были большие кирпичные здания с пристройками: конюшни, контора, русская баня, голубятня в форме китайской пагоды. В огромном парке площадью 36 десятин (около 80 акров) было множество заброшенных прудов, мостиков, фонтанов, беседок с покрытыми ржавчиной столами и скамейками. Одна из беседок под названием Эрмитаж была построена на пне от большого старого дуба. В прудах жили лебеди, в парке гуляли павлины. Теперь в парке не осталось ничего, кроме деревьев, и лишь память о былом великолепии живет в памяти двух поколений, чья юность прошла в имении.

Вы уже знаете, что среди гостей Щербинина бывал Пушкин⁸⁵. В 1825 году в имении некоторое время жил Каверин, приезжали граф Головкин, француз Деларю, бывший горячим поклонником жены Михаила Андреевича, когда она молодой девушкой жила в Париже, – впоследствии этот Деларю был шталмейстером у Наполеона Третьего. Бывали тоже м-р Шениг, граф Толстой (возможно, небезызвестный Толстой-Американец, которого хорошо знал юный Пушкин), друг Пушкина сенатор Горголи и др. В 1828 году несколько месяцев прожил в имении близкий друг Пушкина Дельвиг⁸⁶.

Вот то небольшое, что нам известно о Михаиле Андреевиче. Он ушел из жизни в расцвете сил 48-ми лет от роду, пережив Пушкина всего лишь на четыре года.

Смерть его не была внезапной, однако довольно неожиданной. Четвертого сентября 1841 года в имении праздновали именины супруги Михаила Андреевича⁸⁷. На праздник съехалось много гостей, среди них вице-губернатор князь Долгорукий⁸⁸. Хозяин сам срезал в теплице виноград к завтраку, однако не успели сесть за стол, как он почувствовал себя дурно и вынужден был покинуть гостей и лечь в постель. Тринадцать дней спустя, 18 сентября, он умер, оставив вдову и четверых детей.

Друзья и родственники в России

Мой отец служил в русском посольстве в графстве Баденском; не достигнув сорока лет, он вышел в отставку и поселился в своем имении недалеко от Харькова⁸⁹. Я уже упоминал двух своих кузенов – Александра Щербачева⁹⁰, члена Государственного Совета, и его брата Георгия⁹¹, который некоторое время занимал пост российского посла в Афинах. Сейчас он в отставке и тоже живет в своем имении. Ему около 66 лет, он вдовец. Сестра его замужем за полковником Оливье⁹² и живет с мужем в своем крымском имении недалеко от Керчи.

По отцовской линии у меня был еще очень состоятельный родственник Павел Петрович Щербинин⁹³, приходившийся моему отцу кузеном. Он умер в возрасте 60 или более лет. Последние двадцать лет своей жизни он был совершенно слеп и жил со своей женой⁹⁴, служившей когда-то в России гувернанткой, в Англии, в Ярмуте. Кроме Англии, они шесть лет прожили в Баден-Бадене, где осенью 1877 года я навестил их по пути из Швейцарии в Петроград. Это было во время войны с Турцией⁹⁵; я же тогда провел лето в гостях у своего друга лорда Рэдстока под Ричмондом. Павел Петрович был невысокого роста, лысый, с короткой шеей; он не носил ни бороды, ни усов. Жил он в полном достатке. Супруги держали прислугу – англичанку, которая прожила у них, я думаю, не менее четверти века; она хорошо помнила моего отца, навещавшего своего кузена в Ярмуте в 1862 году.

Павел Щербинин умер примерно в 1880 году. Еще при его жизни жена его писала моему отцу, что кузен хотел оставить ему свое имение Филиппово Село в Харьковской губернии⁹⁶. Однако вскоре после смерти Павла Петровича отношение его вдовы к моему отцу резко переменялось, и огромное наследство досталось некоей Софии Александровне Медошекиной⁹⁷. Последняя, недолго думая, продала его одному богатому купцу примерно за 300 000 рублей, а деньги положила в банк. Сама же уехала в Нижний Новгород, где сын ее учился в кадетском корпусе.

Мой отец объяснил мне, в какой степени родства мы состоим с этой дамой Медошекиной, и сказал, что если ее сын умрет, не оставив наследников, мы являемся единственными законными претендентами на наследство. Возможно, однако, деньги, полученные от продажи имения, давно истрачены, и даже если сама Медошекина мертва, а у сына ее нет наследников (мне сообщали, что он в умственном отношении не совсем полноценен), вам нелегко будет доказать свои права в суде. Здравый смысл подсказывает, что одного вашего слова окажется недостаточно; к тому же, кто знает, какая имен-

но часть из положенной в банк суммы была получена от продажи имения «дяди Павла».

У меня на удивление мало родственников среди Сушковых, семья моей матери⁹⁸. Знаю лишь, что ее мать умерла в 1893 году в Обозновке, где родились трое из нас⁹⁹. Она умерла в возрасте 87 лет от старости; смерть ее была легкой, словно Господь проявил к ней особую милость. Бабушка была женщиной богобоязненной и добросердечной. Свое огромное состояние она еще при жизни разделила между пятью дочерьми¹⁰⁰. В Хорешках, имении ее мужа, в доме было двенадцать слуг из крепостных, которых бабушка сама обучала вышивать ковры. Это и было одним из главных ее занятий. Кроме того, она сама лечила крестьян и членов своего семейства и вела большое хозяйство. Нередко я слышал, как она выговаривала прислуге за какую-нибудь провинность. Она не ругала крепостных девушек, а скорее наставляла их, причем никогда не повышала голоса. Бабушка очень любила животных и держала многочисленных собак и канареек.

Двумя последними годами своей жизни бабушка обязана вашей матери, которая вылечила ее от острого воспаления легких довольно необычным способом. Семейный врач д-р Мейер отказался лечить бабушку, т.к. считал, что в столь преклонном возрасте – 85 лет – нет и не может быть надежды на выздоровление.

Тогда за дело взялась ваша матушка. Она велела обернуть бабушку в несколько мокрых простыней, а поверх них – в несколько теплых одеял, как ее учили в миссионерской школе в Швеции. С Божьей помощью бабушку удалось вернуть к жизни. В своей книге, опубликованной в 1895 году, известный стокгольмский врач д-р Берг описал этот случай.

Бабушка прожила еще два года и даже перенесла операцию по удалению катаракты, успешно выполненную местным врачом д-ром Богаевским.

К сожалению, я утратил связь с другой ветвью семьи Сушковых. Знаю лишь, что у моего деда по материнской линии было два брата¹⁰¹. Сын одного из братьев, Сергей, старше меня пятью годами, сначала служил в российской кавалерии, затем поступил на службу к персидскому шаху, спустя несколько лет вышел в отставку в чине генерала персидской армии и, вернувшись в Россию, поселился в своем имении. Однако на родине его генеральский чин был признан недействительным, и Сергей имел право лишь на более низкий чин, присвоенный ему во время службы в российской армии.

Необходимо упомянуть и моего сводного брата Александра Башмакова¹⁰², который являлся председателем собрания мировых судей в Либаве и вместе с дядей Александром Щербачевым, зани-

мавшим пост председателя Либавского окружного суда, представлял российское правительство в этом городе. Впоследствии ваш дядя Александр Башмаков был редактором правительственного издания «Journal de St. Petersburg» [sic! – *О.Д.*], а затем несколько лет редактором «Правительственного вестника»¹⁰³. Во время Балканской войны 1913 года он занял националистическую позицию, и ему пришлось отказаться от поста редактора, поскольку его взгляды оказались слишком радикальными, и он не мог выражать их на страницах официального издания¹⁰⁴. Один из его двух сыновей – морской офицер¹⁰⁵, а другой, Владимир¹⁰⁶, насколько мне известно, служит в Государственном департаменте. Жена Башмакова, швейцарская подданная, была девятью годами старше его и умерла в один год с его матерью¹⁰⁷. Дочь Башмакова Надя¹⁰⁸ живет с ним, т.к. брак ее оказался неудачным, и она добилась развода.

Дядя Александр пользуется в России широкой известностью и большим влиянием. Человек он, вне всякого сомнения, честный и достойный, однако в своих суждениях очень зависимый от официально принятой точки зрения. Именно по этой причине он осудил мои религиозные пристрастия, хотя сам в глубине души, как и всякий европейски образованный человек, настоящий вольнодумец. Дети его не получили никакого религиозного воспитания, не считая гимназических уроков закона Божьего. Мне рассказывали, что когда в Одессе у Башмакова родился ребенок, икону для крещения за плату брали у швейцара. В Канаде и Англии подобный поступок справедливо сочли бы насмешкой над религией, однако в России они совершаются довольно часто, и тому есть свои причины. Дело в том, что любой государственный служащий непременно потеряет место и может быть отдан под суд за несоблюдение официальных церковных обрядов¹⁰⁹.

Теперь вам должно быть понятно, почему приверженцы протестантской церкви подвергались таким гонениям при прежнем правлении, и с каким облегчением они встретили провозглашенную новым государем свободу вероисповедания¹¹⁰.

Другой член семьи, с которым я советую вам поддерживать отношения, – ваша тетушка Мария Андреевна Фриче. Долгие годы она была начальницей пансиона благородных девиц в Харькове, теперь же занимает место классной дамы в Екатерининском институте в Петрограде. Она прекрасно знает французский язык, поскольку в институтах с воспитанницами принято говорить только по-французски, и замечательно играет на роле. У Марии Андреевны нет семьи, она живет одна и в свободные часы навещает свою сестру Елизавету¹¹¹, вышедшую замуж за начальника финансового департамента Управления железной дороги.

Мой отчим Башмаков, будучи еще совсем молодым человеком, унаследовал от своего родственника Льва Кирилловича Нарышкина имение в Тамбовской губернии, оцененное в 5 000 000 рублей. Лев Кириллович являлся прямым потомком тех Нарышкиных, к которым принадлежала мать Петра Первого Наталья Кирилловна¹¹². Среди семейных реликвий была дивная табакерка из золота и серебра с портретом Натальи Кирилловны в бархатной накидке.

Впоследствии отчим перевез в имение моей матери часть библиотеки из тамбовского имения. Я забыл сказать, что у моей матери тоже была хорошая библиотека. Помню собрание романов сэра Вальтера Скотта¹¹³ и роскошные издания французских авторов, прекрасно изданные виды Лондона работы Гюстава Доре¹¹⁴, итальянское издание «La Jerusalemme Liberata» Торквато Тассо¹¹⁵ и альбом репродукций картин испанских мастеров в сафьяновом переплете. Библиотека тетушки была больше, однако в библиотеке матери можно было найти очень редкие и ценные книги.

Хочу еще раз отметить, что вошедшие в поговорку лингвистические способности русских – не дар небес, а результат того, что русские люди из образованных классов стремились изучать европейские языки, видя в европейской культуре путь к своему духовному спасению. К тому же 60 лет назад в России переводилось значительно меньше книг европейских авторов, чем теперь, и без знания иностранных языков невозможно было получить хорошее образование¹¹⁶.

Когда-нибудь и в этой стране люди поймут, как важно знать несколько языков – и совсем не обязательно «в совершенстве».

Только узкие националисты полагают, что должен существовать единый языковой стандарт для каждой нации: для англо-саксов, французов, испанцев и т.д. Однако эти ревнители абсолютной правильности забывают, что язык есть средство общения, и не существует абстрактной, верной на все времена английской или французской грамматики. Грамматические правила преходящи, потому что каждое из них выполняет свою роль лишь в определенное время.

Именно поэтому я утверждаю, что стремиться нужно не к совершенному знанию правил, а к тому, чтобы собеседник понял тебя, несмотря на ошибки. Истинное совершенство не в знании правил, а в умении объясниться – таково мое глубокое убеждение. Извечно присущее людям стремление понять друг друга победило многие предрассудки и нашло самое полное выражение в христианстве; с другой стороны, именно оно способствовало дальнейшему распространению учения Христа. Триста лет тому назад наши предки говорили на едином для всех христиан языке – латинском¹¹⁷ – и были значительно ближе к идеалу человеческого братства, чем мы сегодня.

Теперь вы понимаете, почему я приветствую всякие попытки создать единый для всех людей язык, будь то эсперанто¹¹⁸, язык ирокезов¹¹⁹ или любой другой. Недостойно христианина смеяться над желанием ближнего отыскать самый простой и удобный способ общения с братьями по вере.

Что касается меня, два языка представляются мне подходящими для этой роли: английский и французский (возможно, в несколько упрощенном виде). При всей моей любви к России я не могу признать русский язык языком христианства.

Но вернемся к нашим родственникам в России. Я еще не упоминал своих сводных братьев и сестер по отцу, который, как вам известно, дал моей матери развод, чтобы она могла выйти замуж за моего отчима¹²⁰.

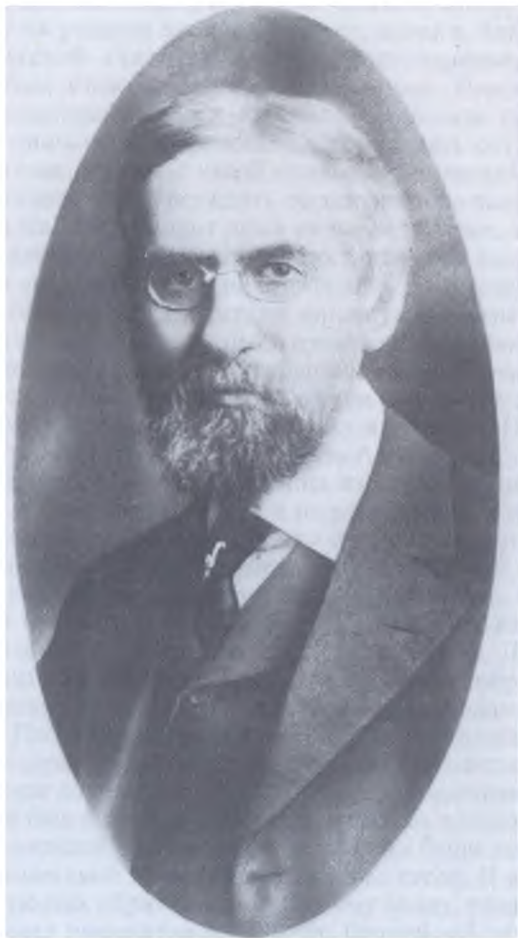
Во втором браке¹²¹ у отца было пятеро детей: сыновья Филипп, жандармский полковник на востоке России; Андрей, занимающий какой-то пост в Харькове; Алексей, служащий в одном из харьковских банков; и дочери Мария и Лиза¹²², ваши тетки, живущие в Петрограде.

Я забыл сказать о матери отчима Варваре Аркадьевне, урожденной Суворовой¹²³. Она приходилась внучкой славному генералиссимусу Суворову, известному своими победами в Турции и в Италии. Павел Первый даровал ему титул князя Итальянского графа Рымникского. Рымникский происходит от названия реки в Румынии, где Суворов одержал блестящую победу¹²⁴. По странной прихоти судьбы сын его 30 лет спустя там же окончил свою жизнь. Путешествуя в собственной карете, запряженной четверкой, он пожелал перебраться на другой берег по льду. Кучер отказался выполнить приказ, так как дело происходило весной, и лед уже не был достаточно крепок. Тогда Суворов сам влез на козлы, одну пару вожжей взял в руки, а другую обмотал вокруг ног. Эта неосторожность стоила ему жизни: лошади понесли, лед проломился, и Суворов, запутавшись в вожжах, утонул вместе с лошадьми¹²⁵.

Я был хорошо знаком с его сыновьями Александром, любимым адъютантом Александра Второго*, и Константином, талантливым музыкантом и автором многих вальсов и пр. Оба они воспитывались в иезуитском коллеже в Швейцарии и по-французски говорили лучше, чем по-русски. Старший говорил даже на швейцарском диалекте¹²⁷.

Я познакомился с ними, когда они были уже в очень преклонном возрасте, а мне исполнилось лет 13 или 14. Говорили мы, разумеет-

* Двумя другими адъютантами были граф Адлерберг и Перовский, а также Петр Шувалов¹²⁶. (Прим. автора.)

Михаил Андреевич Щербинин

ся, по-французски. Вы можете спросить: «Почему это русские не желали говорить на родном языке?» Следует, однако, помнить, что в те времена русский считался языком простонародья, тогда как французский был языком людей образованных. Иными словами, каждый образованный человек стремился прослыть прежде всего европейцем и лишь потом русским. Не торопитесь осуждать их за это – взгляните на дело не с узкой националистической точки зрения. Ведь не станете же вы осуждать образованного валлийца за то, что он, живя в Канаде, говорит дома не по-валлийски, а по-английски. Лишь ограниченный догматик скажет, что этот валлиец предал свою родину и свой народ. Так не судите же и тех русских, которые в прошлом столетии предпочитали французский язык родному. Князь Лев Кочубей¹²⁸ («кучук бей» означает «маленький князь»), владелец Диканьки в Полтавской губернии, человек очень знатный и богатый, никогда не скрывал своей любви к французскому языку. Он прямо говорил моему отцу: «Что толку в русском? На нем только и можно, что ругаться». А старый князь Александр Суворов, хотя и воспитанный в православии, до конца жизни сохранил приятные воспоминания о католической вере и не раз говорил в присутствии моего отчима «се fachu pravoslavie», что означает (простите меня за жаргонизм) «это гадкое православие».

Русский аристократ и близкий друг императора, он, однако, был человеком простым и открытым, как и подобает каждому, кто получил воспитание в демократической Швейцарии. Держался он всегда с большим достоинством, но был неизменно добр и благожелателен. Мне случилось присутствовать на праздновании 50-летия его службы¹²⁹. По этому случаю к нему в дом съехались сотни людей, звучали поздравительные адреса от различных полков и департаментов; хорошо помню седовласого немца – представителя от Риги, где Суворов был в свое время губернатором и пользовался большой любовью жителей. Подношения и подарки были выставлены в гостиной на специально отведенном для этого столе. И вдруг взоры всех присутствующих обратились к главному входу, раздались твердые шаги, и вошел император Александр Второй. «А это твои приношения?» – спросил он, осмотрев подарки*. Император оставался в доме Суворова недолго; возможно, в тот же вечер они должны были увидеться во дворце. Вскоре гости начали разъезжаться; прощаясь со мной, Суворов рассказал по-французски забавный анекдот.

Суворов нередко обедал в доме моей матери в Петрограде. Князь обычно сидел справа от хозяйки, наслаждаясь изысканной кухней, хорошим вином и приятной беседой. Приезжал он всегда в при-

* В этом случае этикет требовал говорить по-русски. (Прим. автора.)

дворном мундире. К концу обеда неизменно появлялся лакей и после торжественного молчания громко объявлял (старый князь был глуховат): «Ваша светлость, прибыл посыльный из дворца. Его величество желает видеть вас в своей ложе в Михайловском театре¹³⁰ сегодня вечером». «Буду, – отвечал князь и, отпустив лакея, с напускным раздражением обращался к хозяйке, – уже и не помню, когда я имел счастье провести вечер дома». Однако все понимали, что старик лишь притворяется рассерженным и рад провести вечер с императором в театре.

<...>

Как я уже говорил, дочь Аркадия, утонувшего в Рымнике, Варвара, была матерью моего отчима. Последние несколько лет своей жизни она провела в Царском Селе, где я ее навещал; затем она получила высочайшее позволение переехать в царский дворец в Ревеле, где она и окончила свои дни. В 1879 или 1881 при ней состоялась баронесса Майдель и несколько слуг. Вторым браком Варвара Аркадьевна была замужем за князем Горчаковым¹³¹. Как многие дамы ее положения, она прекрасно говорила и писала по-французски, однако на родном языке изъяснялась как простолюдинка.

Среди моих родственников со стороны отца были Александр и Андрей Щербинины – сыновья Георгия¹³². Они жили вместе в своем доме на Фурштатской улице, который, к сожалению, был снесен некоторое время тому назад. Андрей был директором императорской типографии, он дожил до очень преклонного возраста и скончался около 1883. Его старший брат Александр, с которым я был хорошо знаком, ушел из жизни на три года раньше. Примерно в 1872 он написал моей матери прелестное письмо, вложив в конверт герб нашего рода и копию родословной. (Я сохранил все это для вас.) Александр приходился моему деду троюродным братом, я же называл его дядей, как принято в России. Он принадлежал к той ветви Щербининых, которые владели большими поместьями в Псковской губернии, и являлся прямым потомком грузинского князя Дадиани¹³³. В молодости он служил российским поверенным в делах в Тегеране. Александр прекрасно говорил по-французски, по-испански и по-немецки. Большую часть жизни он прожил в Париже. На склоне лет он необдуманно вложил большие деньги в акции какой-то железнодорожной компании, понес большие убытки и остался должен людям, которые по его совету вложили деньги в эти же акции. Человек он был, вне всякого сомнения, честный, но, не имея необходимых знаний, умер банкротом.

Коль скоро мы заговорили об испанском языке, позвольте мне вспомнить об испанском посланнике в России герцоге Деосуна¹³⁴, который, как и князь Суворов, несколько раз обедал в доме моей

матери. Герцог был одним из самых состоятельных людей Испании; о нем говорили: «C'est homme le plus vole de la terre» («Ни у кого в мире не крадут больше»), – потому что управляющие обманывали его самым бессовестным образом. Герцог был посланником в России в правление Александра Второго; в то время ему было лет 60.

Вам следует знать, что князья Массальские и Оболенские приходятся моему отчиму двоюродными братьями, причем Оболенские – род очень многочисленный и очень близкий к трону. Что касается князя Суворова, он не имеет прямых наследников по мужской линии, поэтому сыновья дочери князя Александра¹³⁵ и племянник моего отчима Башмакова¹³⁶ просили высочайшего позволения принять фамилию Суворов, чтобы род не прекратился. К сожалению, все они пользуются дурной репутацией: они промотали не одно состояние и не скрывали своих связей с женщинами низкого происхождения. Именно поэтому Александр Третий счел их недостойными носить столь славное имя¹³⁷. Я знал сына князя Александра, который воевал на Кавказе, где отморозил пальцы правой руки (говорят, он не отличался трезвостью). Здороваясь, он подавал левую руку – пальцы правой пришлось ампутировать. Бедняга умер в возрасте около 50 лет, не оставив потомства. В последние годы он жил в селе Кончанское – поместье великого Суворова, которое досталось ему по наследству.

У меня был слуга Ефим, крепостной из этого села. Он рассказал мне занятную историю о том, как однажды зимой Александр с толпой крепостных отправился на охоту или на рыбалку. Среди крепостных был «дурачок» – что-то вроде шута, которому дозволялось говорить барину правду. И вот он говорит: «Хорошо тебе в шубе, а я в своей худой одежонке промерз до костей». В ответ Александр снял шубу и отдал ее крепостному, а сам надел старый тулуп. Это не значит, что Александр был добрым помещиком и хорошо относился к своим людям. Он не был ни особенно хорошим, ни особенно дурным человеком – он был типичным русским своего времени. Вы можете заметить, что не пристало мне, русскому, дурно отзываться о своей родине. Но ведь я сужу о ней как подобает истинному христианину, ибо я прежде всего христианин, затем европеец и лишь в последнюю очередь русский. Слепая любовь к родине недостойна христианина, она сродни идолопоклонству. Я высоко ценю те черты русского национального характера, которые делают нас достойными членами просвещенного общества. Истинно русской, славянской чертой я считаю гостеприимство; русским не свойственна жестокость, которой так печально прославили себя немцы в этой войне; русские более, чем другие народы, добродушны и общительны. Они легко вступают в беседу с незнакомыми людьми, напоминая этим американцев.

Отличительной чертой русских, которую отмечают все иностранцы, является их робость и нерешительность, когда требуется высказать свое мнение. Причина этого не только в отсутствии личного мужества – она кроется в общественном устройстве России. Люди живут в постоянном страхе, зная по опыту, что любая свежая мысль непременно подвергнется жестокому преследованию. Страх, взаимное недоверие, неуважение к личности и отсутствие личных свобод – вот что самое страшное в России. Не сочтите меня неблагодарным сыном своего отечества, но я, повидавший столько стран, искренно считаю современную Россию раем для посредственности.

Ошибкой было бы считать, что в России не рождаются сильные духом; однако их неизменно губит существующий порядок вещей – я имею в виду гибель духовную. Я никогда не мог бы стать революционером или социалистом, которых так много теперь в России и которые так опасны для молодых горячих голов. Все они стремятся лишь разрушить старое, ничего не предлагая взамен. На самом деле, несмотря на все громкие речи о свободе, они так же деспотичны и так же нетерпимы к чужому мнению, как и правительство, к беспощадной борьбе с которым они призывают.

Неприемлема для меня и ненависть так называемой русской интеллигенции к гармонии, циническое отрицание красоты. А ведь красота дана Богом, вера в прекрасное – неотъемлемая часть любой веры. <...> Эти жалкие проповедники упорно пытаются отнять у народа самую веру в Бога и обратить его в свою ложную веру, обещая взамен отдать крестьянам землю, на которой те веками живут и трудятся. Однако простые люди России не приняли нового учения, зародившегося в больном мозгу тех, кто никогда по-настоящему не знал жизни народа и не понимал народной души. Русский крестьянин, наделенный здравым смыслом и крепкий в своей вере, отвернулся от «ученых» провозвестников непонятной ему свободы.

Я отнюдь не возвеличиваю простых людей и не ставлю их выше новой интеллигенции; несмотря на свои ошибки, те, кто шел в народ, заслуживают уважения. Да, они заблуждались, но были искренни в своем заблуждении. Они по собственной воле отказывались от богатства и спокойной жизни; они жертвовали самой этой жизнью во имя идеи всеобщего блага. Они стремились к идеалу, которого им не суждено было достигнуть, потому что их убеждения не опирались на веру в Бога. Отказавшись от Бога, они отказались от гармонии мира и обрекли себя на бесплодную борьбу с химерами. Между тем народ, по воле Провидения сохранивший детскую чистоту души, пребывает в состоянии первобытного невежества и не заботится ни о чем, кроме интересов собственного желудка.

Бедная Россия, рай для посредственностей, забытое Богом царство, где процветают ничтожества (то, что по-русски принято называть безличностью).

Можно ли любить страну, произнеся ей такой приговор? – спросите вы. Одно лишь скажу вам: в отличие от многих народов, русские сознают свои недостатки. Они не хвалятся своими победами заранее; они скромны и лишены гордыни; Всевышний наградил их терпением и огромной силой, которую они еще явят миру. Им недостает знаний и опыта, им следует учиться у более развитых англосаксонских народов искусству торговли и управления государством, уменью беречь свой труд и богатства своей земли, готовности уважать христианские заповеди. Лишь пройдя этот нелегкий путь, русские и другие славянские народы станут полезными членами человеческого общества.

Светлой памятью г-н Пашков, миллионер, владевший медными приисками на Урале, роскошным особняком в Петрограде и четырьмя поместьями в Центральной России¹³⁸, в каждом из которых была бесплатная больница для крестьян, этот дорогой моему сердцу г-н Пашков скончался 12 лет тому назад в Зальцбурге, оставив вдову, сына и четырех дочерей¹³⁹. Сын его умер два года спустя 27 лет от роду от апоплексического удара. Как рассказывал мне м-р Хилтон¹⁴⁰ из Виннипега, Алек Пашков не смог пережить известия о злоупотреблениях управляющего одного из приисков. Около года тому назад я получил известие об этом и от бывшего воспитателя молодого Пашкова Леонарда Оуэна. М-р Оуэн окончил Кембридж и некоторое время занимал должность профессора английского языка в Дерптском университете. В последние годы он состоял главным управляющим Ветошкина, волжского имения Пашковых в 25 милях от Лыскова.

Пашков-отец был верным учеником и последователем лорда Рэдстока¹⁴¹; в 1884 году он вместе с бароном Корфом был навсегда изгнан из России¹⁴². Мне посчастливилось быть одним из учеников Пашкова, лорда Рэдстока и других истинных сынов церкви. В 20 лет я сделался членом Евангельского общества¹⁴³ и, участь в университете, два или три раза в неделю днем посещал кварталы для бедных и навещал бедняков в больницах, неся им слово Божье, а вечера проводил на собраниях общества. Как видите, у меня почти не оставалось времени на то, что вы, молодежь, называете «веселой жизнью».

Как известно, Пашкову пришлось покинуть родину из-за козней Константина Победоносцева, бывшего воспитателя императора Александра. Именно Победоносцев убедил царя подписать указ о высылке Пашкова и Корфа из России в 24 часа, представив их злейшими врагами православной церкви¹⁴⁴.

Корф с женой и прислугой покинул Петроград в июне 1884 года. За два дня до этого я навестил Пашкова в его доме на Гагаринской набережной (впоследствии этот дом купило французское посольство), желая утешить их в несчастье. М-м Черткова¹⁴⁵, сестра м-м Пашковой, обратилась ко мне: «Генерал Рихтер¹⁴⁶ только что передал нам устный приказ государя, касающийся барона Корфа. Содержание приказа таково, что его невозможно доверить бумаге. Поезжайте, пожалуйста, к Корфам и сообщите им о приказе». Дело в том, что за шесть недель до описанного события барон Корф обратился к государю с просьбой не высылать их, пока баронесса не разрешится от бремени. Адъютант императора генерал Рихтер привез ответ: «Дозволяю остаться при условии, что он прекратит всякую деятельность».

Я обещал м-м Чертковой с первым же поездом ехать к Корфу и передать ему приказ государя. В десять часов вечера я был у дома Корфов. Барон и его жена, хотя удивленные столь неожиданным визитом, были рады моему появлению. Выслушав меня, барон сказал: «Мне необходимо удалиться и испросить совета у Всевышнего». Минут через шесть он вернулся в комнату. «Господь дал мне силы устоять перед искушением. Прекратить всякую деятельность! замолчать на целых шесть недель! А вдруг Он в это время явится? Могу ли я сказать Ему, что здоровье жены мне дороже, чем Он? Могу ли я отвернуться от Него ради жены своей? Нет, мы немедленно уезжаем в Париж».

Итак, через два дня он покинул Россию, а через шесть недель Бог дал ему сына. Я навещал Корфов в Париже и жил у них в доме зимой 1884 года. Тогда же я имел счастье обратиться к членам его семьи и многочисленным друзьям с небольшой проповедью.

<...>

Коль скоро я коснулся деятельности евангелистов в России и в Париже, не могу не вспомнить добрым словом Русское Библейское общество¹⁴⁷ и последователей лорда Рэдстока и Петрограда¹⁴⁸. В те годы евангелисты в основном проповедовали среди простого народа на юге России¹⁴⁹; лорд Рэдсток первым обратился к столичной аристократии. В отличие от многих, он проповедовал не церковную доктрину, но учение Христа, призывая лишь в нем искать спасения души. Лорд Рэдсток никого не стремился обратить в протестантскую веру, поэтому среди его последователей было немало православных¹⁵⁰. Те же, что предпочли протестантизм, жестоко поплатились за это¹⁵¹. Были и такие, кто, отказавшись от православия, продолжал соблюдать официальные обряды православной церкви, особенно обряд крещения и венчания, которые в противном случае считались бы в России недействительными.

Как я уже говорил, Победоносцев стал причиной высылки лорда Рэдстока из России в мае 1883 года¹⁵². Я виделся с лордом Рэдстоком в доме графа Бобринского¹⁵³ в тот самый вечер, когда моему учителю предстояло свидание с Победоносцевым. Лорд Рэдсток сказал мне тогда: «Сегодня я должен явиться к нему на прием. Чувства мои теперь сходны с чувствами человека, встретившего льва в пустыне, как сказано в Библии». «Разве в Библии есть что-либо подобное?» – удивился я. – «Да, в Книге притчей Соломоновых»¹⁵⁴.

Через несколько дней я простился с лордом Рэдстоком, и он навсегда покинул Россию. Когда нынешний император даровал стране свободу вероисповедания¹⁵⁵, сын лорда Рэдстока приезжал в Петербург и произнес несколько проповедей в домах знати. Сам же лорд Рэдсток проповедовал в Индии, где огромные толпы народа собирались послушать его, а также в Риме и в Париже. Скончался он в Париже в возрасте 82 лет, и его сын Гранвилл Уолдгрейв унаследовал фамильный титул. <...> Возможно, он и теперь живет в лондонском доме своего отца неподалеку от Гайд-Парка.

Мне известно, что русские аристократы более не чуждаются ни учения Христа, ни протестантства¹⁵⁶, ни англиканской церкви, ни всего того, что облагораживает душу. Однако сорок лет назад молодые люди предпочитали проводить время в маскарадах, театрах или местах еще более сомнительной репутации, которыми на их гибель изобиловал Петроград. И никто из них не посмел бы признаться в том, что слушал проповедь лорда Рэдстока; а если и сказал бы об этом, то непременно с презрительной усмешкой¹⁵⁷. Один из моих лицейских приятелей, богач Суковский¹⁵⁸, проходя со мной по Большой Морской, без тени смущения заметил, что каждый вечер ужинает в одном из фешенебельных ресторанов, и ужин затягивается до 5 утра. Можете себе представить, что это были за ужины. И он же с пренебрежением отзывался о проповедях лорда Рэдстока, на которых ему пару раз случилось присутствовать.

С другим знакомым, Алексом Штакельбергом, сыном графа Штакельберга¹⁵⁹, российского посланника в Мадриде, а затем в Париже, мы так близко сошлись, что не могли и дня провести друг без друга. (Он жил на Миллионной улице, и окна его дома выходили на наши¹⁶⁰.) Он и его брат рано остались сиротами; граф и графиня Шапские были назначены их опекунами и наняли для Алекса воспитателем австрийца профессора Конига. Алекс говорил по-французски как француз, по-английски и по-немецки почти так же хорошо и немного по-испански. Братья унаследовали огромное состояние, которое растрачивали на собственные прихоти. Впоследствии они попали в дурную компанью, пристрастились к вину и другим порокам. Старший брат Алекса Густав¹⁶¹ истратил более ста тысяч рублей на

строительство цирка Чинизелли¹⁶² лишь потому, что хозяин цирка, презрев отцовский долг, пообещал отдать ему в наложницы собственную дочь. И это далеко не единственный пример того, как русские аристократы, притворяясь христианами, нарушают священные заповеди Христа.

Из других однокашников помню Петра Кауфмана, сенатора, который был и, возможно, до сих пор остается министром народного просвещения; Николая Извольского, российского посланника в Париже; Чарыкова, служившего в Государственном банке¹⁶³. Немало моих университетских товарищей судьба разбросала по всей России, и я не знаю, где они теперь и чем занимаются. Останься я на родине, и меня ждала бы государственная служба, успешная карьера, обеспеченное существование. Однако я ни о чем не жалею.

Покинув Россию, я более приобрел, чем потерял. Язык моей семьи – английский, и я читаю английские газеты вместо русских, получая при этом огромное удовольствие и экономя время. С одной стороны, в России мои сыновья могли бы получить лучшее образование и сделать хорошую карьеру. С другой, они выросли здоровыми и здравомыслящими гражданами свободной страны, что в России было бы невозможно ни за какие деньги. Разумеется, жизнь в Канаде наложила на них свой отпечаток: мне не удалось воспитать в них должное почтение к старшим и крепкое чувство семейственности, которым славится российская аристократия. Однако не следует забывать, что не бывает людей без недостатков и долг каждого смертного – терпеливо идти по пути самосовершенствования, прося у Создателя помощи в этом нелегком деле.

¹ Щербинин Андрей Михайлович (7.09.1829–9.04.1899, Харьков. Похоронен в с.Бабаи Харьковской губ.) – коллежский советник, в 1849–1855 служил в качестве канцелярского чиновника сначала при полтавском, а потом при харьковском гражданском губернаторе, в 1855–1857 состоял попечителем харьковской губернской гражданской больницы, в 1857–1867 – чиновник Министерства иностранных дел.

² Возможны иные толкования: от происходящего из уйгурского языка слова «карач», означающего «высокий сановник, министр у казанских татар» (см.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. СПб., 1996. Т.2. С.322) или от встречающихся практически во всех славянских языках слов с корнями «карач» («кочарч»), «крак»: например, в старославянском – крак («голень»), в сербохорватском – крачати («шагать»), в русском – корачки, раскорячиться (см.: *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1994. Т.2. С.225; *Преображенский А. Этимологический словарь русского языка*. М., 1910. Т.1. С.297; *Фасмер М. Этимологический словарь... С.322*).

³ А.М.Щербинин владел 4000 десятинами земли в Харьковской губернии нераздельно с братом, П.М.Щербининым (см. примеч. 37) (см.: РГИА. Ф.1412. Оп.25. Ед.хр.45. Л.20).

⁴ Щербинина (урожд. Сушкова, во втором браке Башмакова Варвара Николаевна (около 1835–11.01.1916, Полтава).

⁵ Сушкова (урожд. Москова) Екатерина Федоровна (1806 или 1807 – около 1893).

⁶ Москов Федор Федорович (конец 1740-х–начало 1750-х–1.02.1829) – титулярный советник, помещик Полтавской губернии.

⁷ Москов Федор – полковой обозный Миргородского полка. Обозный у малороссийских казаков – начальник артиллерии. Входил в состав генеральной и полковой старшины, состоявшей соответственно при гетмане и при полковнике, главе самой крупной административной единицы в Малороссии – полка (кроме обозного, в состав старшины входили судья, писарь, занимающийся делопроизводством, есаул – командующий войском в мирное время, хорунжий – отвечающий за знамя).

⁸ По другим сведениям, Федор Москов был сыном выходца из греко-албанского племени сулиотов, происходящего от небольшого числа греческих семейств, которые, спасаясь от турецкого гнета, в XVII в. бежали в пустынные горы Сули. Сулиоты принадлежали к греко-кафолической церкви, родными языками считали греческий и албанский, активно участвовали в греческом национально-освободительном движении. См. автобиографическую заметку А.А.Башмакова (см. прим. 102) для Критико-биографического словаря русских писателей и ученых С.А.Венгерова (ИРЛИ. Ф.377. Оп.6. Ед.хр.330).

⁹ В течение XVIII в. наряду с превращением казаков в военное сословие казачьи общины были преобразованы в казачьи войска. В 1721 они перешли в ведение Военной коллегии, затем была ликвидирована выборность атаманов и старшин. К началу XX в. в России существовало одиннадцать казачьих войск. Все казачьи войска и области, населенные казаками, были подчинены в военном и административном отношении Главному управлению казачьих войск во главе с атаманом всех казачьих войск, которым с 1827 являлся наследник престола.

¹⁰ Точнее, «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга» (*Фасмер М. Этимологический словарь... С.158*).

¹¹ Для истории казачества особое значение имела Люблинская уния – соединение Литвы и Польши в единое государство, состоявшееся на сейме в г. Люблине 1 июля 1569: польское право и польские порядки стали распространяться на Литву и Малороссию. В 1596 была провозглашена Брестская религиозная уния (слияние католической и православной церквей под главенством папы римского) – к политическим и экономическим причинам конфликта между Польшей и казачеством добавилась причина религиозная. В борьбе между униатством и православием казаки приняли сторону последнего.

¹² См. прим. 7.

¹³ В 1740 Федор Москов подал на имя императрицы Анны Иоанновны прошение об освидетельствовании его хутора и деревень, разоренных во время русско-турецкой войны 1735–1739, и назначении ему вознаграждения (см.: *Баранов П.* Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII в. СПб., 1875. Т.2. С.676). В ноябре 1740 регентом Эрнстом Иоганном, герцогом Курляндским, был подписан указ об отдаче во владение полковому обозному Федору Москову четырех сел в Миргородском полку «на то время, пока он в том чине и полку будет» (см.: Сенатский архив. СПб., 1889. Т.2. С.189). В 1743 указом императрицы Елизаветы Петровны данные села были пожалованы ему «в вечное и потомственное владение» (см.: *Баранов П.* Описание высочайшим указом... СПб., 1878. Т.3. С.125).

¹⁴ Воссоединение Украины с Россией было провозглашено на Переяславской раде 6 января 1654. При этом за гетманом сохранялась вся военная, гражданская и судебная власть; избирался он на генеральной раде, осуществлял управление при помощи генеральной войсковой канцелярии, сохранял за собой право раздавать и отбирать земли. После измены гетмана И.Е.Выговского, поддерживавшего тайные связи с Польшей во время своего правления в 1657–1659, гетманы избирались по согласованию с русским правительством, а с 1708 фактически назначались им (после того как в октябре 1708 гетман И.С.Мазепа открыто перешел на сторону короля Карла XII). В 1722–1727 и 1734–1750 гетманы вообще не избирались. В 1764 по указу императрицы Екатерины II гетманское правление было упразднено.

¹⁵ Неточность мемуариста: императрица Елизавета Петровна не дарила Сушковым поместий в Полтавской губернии. В 1511 великий князь Василий Иванович даровал трем братьям Сушковым, Дмитрию, Якову и Андрею, восемь деревень в Ярославском наместничестве. Правнуку Андрея Сушкова, Тимофею Васильевичу Сушкову, в 1591 были пожалованы еще два поместья в Ярославском наместничестве грамотою царя Федора Иоанновича. Позднее грамотами царя Михаила Федоровича от 1621 и царя Алексея Михайловича от 1648 за потомками Тимофея Васильевича Сушкова были утверждены права наследственного владения данными поместьями. Представители ярославской ветви рода Сушковых, к которой принадлежали предки М.А.Щербинина по материнской линии, владели разновременно именьями в Новгородской, Московской, Тульской, Нижегородской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Уфимской, Астраханской, Полтавской и Екатеринославской губерниях (подробнее см.: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т.2). Поместья в Полтавской губернии достались Сушковым благодаря браку подполковника Василия Васильевича Сушкова (1779–1828) с Анной Ивановной Московской (ум. 1855), дочерью старшего сына Федора Московя, полкового хорунжего Ивана Федоровича Московя. Мать А.И.Московой, Матрона Федоровна Московя, была дочерью миргородского полковника Федора Григорьевича Заньковского, также владевшего землями в Полтавской губернии.

¹⁶ Неточность мемуариста: после Петра I правила Екатерина I (1725–1727), затем – Петр II (1727–1730), Анна Иоанновна (1730–1740), Иван Антонович (1740–1741), Елизавета Петровна (1741–1761).

¹⁷ Сушков Иван Васильевич (1807–1873) – ротмистр.

¹⁸ См. прим. 13.

¹⁹ Неточность мемуариста: Сушковым принадлежало около десяти тысяч десятин; по ревизии 1816 в селах Хорошки, Шиловка, Каленики, деревнях Вакулевке, Кривой Руде, Долгом Лимане и Омельничке числилось 596 душ (см.: РГИА. Ф.1151. Оп.2-1839. Ед.хр.70).

²⁰ Неточность мемуариста: Иван Васильевич Сушков не имел отношения к данному делу. Основу судебному процессу, продолжавшемуся пятнадцать лет (с 1829 по 1844), положило прошение Ф.Ф.Москова, поданное им в Полтавскую гражданскую палату 20 декабря 1828 после побега и тайного венчания его дочери, Е.Ф.Московой, с поручиком Николаем Васильевичем Сушковым (1802–1835). Ф.Ф.Москов выразил намерение лишить наследства как дочь, так и свою племянницу, А.И.Сушкову, которой, в том случае, если бы Е.Ф.Москова не вышла замуж, собирался оставить свое состояние. Кроме того, Ф.Ф.Москов обвинил дочь в покушении на его жизнь, а А.И.Сушкову – в «вовлечении его дочери в любовную страсть», упомянул и произошедший ранее конфликт между ним и мужем А.И.Сушковой, В.В.Сушковым: «...в 1804 г., ночью, учинив набег с крестьянами своими на дом его, Сушков вбежал в комнату и, схватив железные щипцы, имел жестокое намерение пронзить грудь его, Москова, и при защищении пробил руку насквозь, сделал рану и обгарил его кровью» (РГИА. Ф.1151. Оп.2-1839. Ед.хр.70. Л.2–3). 27 января 1829 Ф.Ф.Москов подписал завещание в пользу внуков своих сестер, Прасковьи Федоровны Ушаковой и Надежды Федоровны Зарудной, – малолетних детей подполковника Александра Антоновича Затаевича и губернского секретаря Николая Николаевича Зарудного. После смерти Ф.Ф.Москова опекуны наследников по завещанию и наследница по закону, Е.Ф.Сушкова, заявили о своих правах. Спорное имение решением Полтавской гражданской палаты было взято в опеку и, согласно указу Сената от 16 сентября 1829, возвращено Е.Ф.Сушковой. По распоряжению императора Николая I, на имя которого А.А.Затаевич и Н.Н.Зарудный подали жалобу на решение Сената, дело о наследстве Ф.Ф.Москова в 1833–1834 вновь рассматривалось в Сенате и Государственном Совете (одновременно шло разбирательство по уголовному делу об обвинении Е.Ф.Сушковой в покушении на жизнь отца и краже из его дома ценных вещей; определением Второго отделения Пятого департамента Сената от 8 марта 1834 она была полностью оправдана. См.: РГИА. Ф.1347. Оп.84. Ед.хр.276. Л.111–112). Движимое и недвижимое имущество Ф.Ф.Москова было решено отдать в ведение дворянской опеки, а Полтавской гражданской палате было предписано определить, кому из наследников следует его отдать. 28 июля 1834 Полтавская гражданская палата, посчитав, что завещание Ф.Ф.Москова составлено с нарушением законов, постановила вернуть наследство дочери завещателя. А.А.Затаевич и Н.Н.Зарудный подали в Сенат апелляционную жалобу, и 7 февраля 1836 Сенат отменил ре-

шение Полтавской гражданской палаты: завещание Ф.Ф.Москова было признано законным, его благоприобретенное имущество было отдано наследникам по завещанию, а наследственное имение, в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 19 сентября 1785, по которому наследственные имения могли передаваться только наследникам по закону (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1787. Т.22. С.455–456), – А.И.Сушковой как ближайшей после дочери законной наследнице. В свою очередь, Е.Ф.Сушкова в 1837 подала на имя императора жалобу на данное решение Сената, и началось повторное рассмотрение дела в Сенате и Государственном Совете. В июле 1839 Николай I вновь утвердил решение, лишаящее Е.Ф.Сушкову наследства, подписав под заключением: «И я: ибо воля родительская должна быть свята» (РГИА. Ф.1151. Оп.2-1839. Ед.хр.70. Л.154). Е.Ф.Сушкова поехала в Петербург и лично передала императору новое прошение по ее делу, где указывалось, что до сих пор не было учтено то, что у нее есть малолетние дети, а ее свекровь, А.И.Сушкова, лишив их средств к существованию, пользуется имением, которое получила только благодаря устройству женитьбы своего сына вопреки воле Ф.Ф.Москова. Последовало очередное разбирательство по делу Е.Ф.Сушковой, в ходе которого было установлено, что А.И.Сушкова действительно всячески поощряла любовь молодых людей, заранее выхлопотала у церковных властей разрешение на их брак, необходимое вследствие того, что они были родственниками, а после смерти Н.В.Сушкова выгнала его вдову из дома. Большинство членов Государственного Совета, отметив «неопределительность» закона о дочерях, вышедших замуж без согласия родителей, пришло к мнению, что в данном случае была выполнена скорее не воля завещателя, лишаящая наследства как дочь, так и племянницу, а положение Литовского статута, кодекса законов, составленного в литовско-русском государстве еще в XVI в. и продолжавшего вплоть до 1842 сохранять свою силу в бывших областях этого государства. При подготовке нового издания Общего свода законов Российской империи положение Литовского статута о лишении наследства дочерей, вышедших замуж против воли родителей, не было включено в число изъятий, сохраняющих свою силу в Черниговской и Полтавской губерниях. В 1844 император Николай I утвердил решение Государственного Совета о возвращении наследственного имения Е.Ф.Сушковой. Подробнее см.: РГИА. Ф.1035. Оп.1. Ед.хр.503; Ф.1151. Оп.2-1833. Ед.хр.196; Оп.2-1839. Ед.хр.70; Оп.3-1840. Ед.хр.89; Оп.3-1843. Ед.хр.11; Оп.2-1844. Ед.хр.14; Ф.1347. Оп.84. Ч.1. Ед.хр.276; Оп.84. Ч.3. Ед.хр.59; Ф.1003. Оп.85. Ед.хр. 1146.

²¹ Неточность мемуариста: председатель и члены Государственного Совета, созданного в 1810 высшего законодательного учреждения Российской империи, назначались императором из числа высших сановников империи. В то время, когда было принято окончательное решение по делу Е.Ф.Сушковой, председателем Государственного Совета был Илларион Васильевич Васильчиков (1777–1847) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1823 член, а с 1838 председатель Государственного Совета.

²² Крепостные театры появились в России в конце XVII в. Наибольшее распространение получили в конце XVIII–начале XIX в.: в Москве, Петер-

бурге, губернских городах, а также в усадьбах крупных помещиков насчитывалось около 170 театров. Самой большой была труппа графов Шереметевых: восемь театров в Петербурге, Москве, имениях Кускове, Маркове, Останкине. Крепостные театры были источником пополнения для профессиональных театров: из крепостных вышли выдающиеся русские актеры М.С.Щепкин, С.Ф.Мочалов, Е.С.Семенова.

²³ Хрустальный дворец (Crystal Palace) – главное здание первой Всемирной выставки, проходившей в Лондоне в 1851. Сооружен по проекту инженера Дж. Пакстона, использовавшего здесь свой опыт строительства оранжерей. Имел 503 м в длину, был построен всего за шесть месяцев, благодаря применению ажурного сборного каркаса из стандартных металлических деталей с заполнением из стекла. В 1936 сгорел.

²⁴ Неточность мемуариста: Изабелла Кастильская (1450–1504), королева Кастилии с 1475, была супругой Фердинанда V Арагонского (1452–1516), сына Иоанна II, короля Арагонского (1397–1479). В 1479, после смерти Иоанна II, была установлена династическая уния Кастилии и Арагона, положившая начало фактическому объединению Испании.

²⁵ Танжер – город в северной части Марокко, на юго-западном побережье Гибралтарского пролива. Поскольку Танжер был крупным торговым портом, именно в нем, а не в столицах Марокко Фице и Марокко находились резиденции послов (Англии, Франции и Испании) и консулов (к концу XIX в. представлявших двенадцать государств). Одной из главных достопримечательностей города была великолепная мечеть, облицованная зеленым фаянсом.

²⁶ Тимбукту (Томбукту) – город в Мали, государстве, расположенном в Западной Африке. Основан в XI–XII вв. как перевалочный пункт караванной торговли; в XIII–XV вв. – важнейший экономический и культурный центр средневекового государства Мали.

²⁷ Франко-прусская война 1870–1871 гг. – война между Францией, с одной стороны, и Пруссией, Баварией, Саксонией, а также некоторыми другими германскими государствами – с другой.

²⁸ Башмаков Александр Дмитриевич (1825–1888) – тайный советник, гофмейстер, видный деятель Общества Красного Креста, председатель издательской комиссии Славянского благотворительного комитета, член Географического общества. Окончил Павловский кадетский корпус. В 1841–1849 был на военной службе, с 1849 служил в Министерстве внутренних дел, в 1855 был полтавским вице-губернатором, в 1859–1861 – херсонским гражданским губернатором

²⁹ Российское Общество Красного Креста образовано в 1867 (первоначально называлось «Общество попечения о раненых и больных воинах») под покровительством императрицы Марии Александровны (1824–1880), супруги императора Александра II.

³⁰ Документальных подтверждений данного факта не найдено. Относительно же его матери, А.И.Сушковой, малороссийским военным губернато-

ром Н.Г.Репниным (см. примеч. 78) 27 января 1833 был послан в Сенат следующий рапорт: «Во исполнение указа из Правительствующего Сената от 23 декабря, ко мне последовавшего, честь имею донести, что дело о подполковнице Сушковой, преданной суду за жестокое обращение с крестьянами, в Полтавской палате уголовного суда решено и по утверждении им, военным губернатором, приговора обращено в Палату для дальнейшего поступления по законам <...> О мерах, принятых им по окончании следствия о Сушковой, как то: о предании ее уголовному суду за открытые неистовства с крестьянами, о поручении Сушковой под надзор полиции и о взятии ее имени в опеку, всеподданнейше доложил его императорскому величеству, и государь император изволил отозваться, что распоряжение его “весьма справедливо”» (РГИА. Ф.1400. Оп.1. Ед.хр.363. Л.18). От опеки имени А.И.Сушковой было освобождено в 1841 (см: РГИА. Ф.1286. Оп.7-1840. Ед.хр.266).

³¹ Свадьба В.Н.Сушковой с А.М.Щербининым состоялась 22 июля 1853.

³² В Российской империи женщины на государственную службу не допускались. Женщин принимали по найму на ряд низших должностей на почте, телеграфе, в учреждениях Министерства путей сообщения. На службу (без чинов, но с правом на пенсию) женщины зачислялись на акушерские, фельдшерские и аптекарские должности и на учебно-воспитательные должности в женских учебно-воспитательных учреждениях.

³³ Коллинз Уильям Уилки (1824–1889) – английский писатель; Таухниц Христиан Бернгард фон (1816–1895) – представитель известной немецкой семьи книгоиздателей, основатель фирмы «Бернгард Таухниц», издававшей с 1841 серию произведений английских авторов («Collection of British Authors»). Также ею был издан ряд крупных юридических сочинений, словарей, серия произведений немецких авторов.

³⁴ Здесь М.А.Щербинин, вероятно, осуждает позицию, занятую рядом деятелей немецкой культуры во время Первой мировой войны. Например, Томас Манн рассматривал ее как войну в защиту национальных основ немецкой культуры; Германии при этом отводилась роль духовного противника западной цивилизации, ее агрессивная внешняя политика мотивировалась особым предназначением германской нации (статьи «Мысли во время войны» (1914), «Фридрих и великая коалиция» (1915).

³⁵ Щербинин Михаил Андреевич (1793–1841). См. прим. 53, 54.

³⁶ Щербинин Павел Михайлович (1826–15.10.1864. Похоронен в с. Жихоре Харьковской губ.) – коллежский секретарь. В 1848–1853 служил канцелярским чиновником в канцелярии черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора. В 1853 был утвержден по выборам дворянства заседателем Харьковской палаты гражданского суда сроком на шесть лет. Некоторое время был харьковским уездным предводителем дворянства.

³⁷ П.М.Щербинин окончил Харьковский университет в 1848, А.М.Щербинин – в 1849, в возрасте двадцати лет.

³⁸ Щербинина Екатерина Михайловна (в замужестве Щербачева; 1822–1879. Похоронена в с.Бабаи Харьковской губ.); Щербачев Николай Алек-

сандрович (1821–1877. Похоронен в Донском монастыре в Москве). Щербинина София Михайловна (в замужестве фон Мензенкампф; 1836–1895. Похоронена в с. Бабаи Харьковской губ.).

³⁹ Ноай (Noailles) – знаменитая французская фамилия, ведущая свое начало с XI в., получившая в конце XVI в. графский титул, а в середине XVII в. – герцогство и пэрство. Е.М.Щербачева была, вероятно, знакома с Полем де Ноай (1802–1885), в 1876 бывшим французским послом в Петербурге, членом Палаты пэров, и его сыновьями – Жюлем-Шарлем де Ноай (1826–1895) и Эммануэлем-Анри де Ноай (1830–1901).

⁴⁰ Щербачев Александр Николаевич (25.03.1845–не ранее 1918) – тайный советник, сенатор, член Государственного совета. Окончил юридический факультет Московского университета. Занимал различные должности по судебному ведомству, в 1889–1894 был председателем Либавского окружного суда, в 1894 – прокурором Виленской судебной палаты, в 1895–1899 – старшим председателем Казанской судебной палаты. В 1899 был назначен сенатором, в 1901 – обер-прокурором Гражданского кассационного департамента Сената, в 1906 – членом Государственного Совета, в 1911 – председателем Особого присутствия при Государственном Совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената, в 1916 – председателем Департамента законов Государственного Совета. Подробнее см. о нем: Государственный Совет. СПб., 1910. С.110; РГИА. Ф.1162. Оп.6. Ед.хр.631 (дело о службе).

⁴¹ Верховный уголовный суд был учрежден при Сенате в 1906 для рассмотрения преступлений, совершаемых главным образом чиновниками.

⁴² Сенат, учрежденный указом Петра I 22 февраля 1711 как высший орган по делам законодательства и управления, в XIX в. окончательно превратился в высший судебный орган, упраздненный 5 декабря 1917 декретом советской власти.

⁴³ См. прим. 41.

⁴⁴ Щербачев Олег Александрович (4.05.1885–10.01.1928, Генуя) – капитан 1 ранга. В российском флоте служил с 1901. В 1914 окончил Николаевскую морскую академию. Во время русско-японской войны 1904–1905 служил мичманом на броненосце «Орел», участвовал в Цусимском сражении. С июня 1915 в составе Балтийского флотского экипажа командовал канонерской лодкой «Храбрый». Опубликовал в «Морском сборнике» статью «Афонское сражение» о политической обстановке накануне русско-турецкой войны 1904–1905 и о победе, одержанной русским флотом в бою у Афонской горы (1915. №12; 1916. №1; под таким же названием перепечатана отдельным изданием (М; Л., 1945), оставил рукописные воспоминания о Цусимском бое (см.: РНБ. Ф.422. Ед.хр.21. Л.65–77). Подробнее см. о нем: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. СПб., 1916. С.195; Некролог // Возрождение. 1928. №955.

⁴⁵ Рожественский Зиновий Петрович (1848–1909) – вице-адмирал, генерал-адъютант, начальник Главного морского штаба, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, разгромленной при Цусиме, с 1906 в отставке.

⁴⁶ Милица Николаевна (1866–1951) – вел. кн., урожд. княжна Черногорская, супруга вел. кн. Петра Николаевича. Ни одна из дочерей А.Н.Щербачева не состояла в числе ее фрейлин.

⁴⁷ Сведений о старшей дочери А.Н.Щербачева, Елизавете Николаевне Щербачевой (1887–?), не найдено. Кира Александровна Щербачева (1891–?) в 1917 поступила на курсы сестер милосердия в Харькове. Злата Александровна Щербачева (1898–1926, Париж. Похоронена в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) в 1917 поступила в Харьковский коммерческий институт.

⁴⁸ Щербачев Юрий Николаевич (1851–1920) – тайный советник. В 1872 окончил юридический факультет Московского университета, с 1873 служил в Министерстве иностранных дел: секретарем консульств в Сараеве и Сире, помощником секретаря и вторым секретарем посольства в Константинополе, в 1883–1893 – первым секретарем миссии в Копенгагене, далее – первым секретарем и советником посольства в Константинополе, в 1903–1910 – чрезвычайным посланником и полномочным министром в Афинах, с 1910 – в отставке. В 1910 был избран действительным членом Императорского Московского Археологического общества. Опубликовал ряд документов и материалов истории России, найденных им в Государственном архиве Копенгагена, материалы из семейного архива Щербининых (См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1986. Т.1–4. Ук.).

⁴⁹ Ю.Н.Щербачев был женат на Марии Алексеевне, урожд. Кавериной (ум. 23.12.1908), дочери Алексея Павловича Каверина (ум.1856), младшего брата Петра Павловича Каверина (см. прим. 86).

⁵⁰ У Ю.Н.Щербачева было двое детей. Дочь, Татьяна Юрьевна (в замужестве Дмитриева; 1885–1938; похоронена в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа), была фрейлиной вел. кн. Елены Петровны. Сын, Никита Юрьевич (1887–?), в 1907 окончил Александровский Царскосельский лицей, в 1914 состоял вторым секретарем российской дипломатической миссии в Бухаресте.

⁵¹ Книга Ю.Н.Щербачева называется «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин» (М., 1912).

⁵² Ошибка мемуариста: книга посвящена Л.Н.Майкову (1839–1900) – историку литературы, библиографу, этнографу, брату поэта А.Н.Майкова (1821–1897).

⁵³ Ю.Н.Щербачев в своей книге отмечает, что общение М.А.Щербинина с А.С.Пушкиным было непродолжительным и не носило характера близкой дружбы: они встречались в 1819 в Петербурге, а также, вероятно, в 1829 поэт посетил родовое имение Щербининых в Харьковской губернии (см. также: *Цяловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. 1799–1826. Л., 1991. С. 177, 180, 653. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 508). М.А.Щербинину посвящено стихотворение Пушкина «Житье тому, любезный друг», он упоминается в стихотворениях Пушкина 1819 «Веселый вечер в жизни нашей» и «Здорово, Юрьев именинник».

⁵⁴ Ю.Н.Щербачев указывает лишь на некоторые черты сходства М.А.Щербинина и героя романа А.С.Пушкина. Как пишет он в своей книге, «...все в тех же Бабаях в числе фамильных изображений сохранились и портреты Михаила Андреевича; из них один, поясной, масляными красками, писанный, вероятно, тотчас по выходе его в отставку, т.е. около 1824, представляет красивого молодого человека в статском, с тонкими правильными чертами, высоким лбом и зачесанными назад темно-русскими волосами. В самой осанке, во взгляде умных сине-серых глаз, в едва заметной улыбке красивого рта как будто просвечивает, сквозь оболочку светской сдержанности и благовоспитанности, самодовлеющая гордость, сознательное, принципиальное высокомерие и легкое пренебрежение ко всему. Но при этом в выражении лица есть что-то почти приветливое, привлекательное, обаятельное. Из одежды видны только высокие, подпирющий шею воротник, повязанный широким белоснежным галстуком с воткнутою в него, должно быть, драгоценною булавкой, и темно-синий, накинутый на плечи плащ. Все изящно и просто – ничего выделяющегося, “кричащего”».

Под этими именно чертами мне с детских лет почему-то воображался герой любимого моего романа “Евгений Онегин”. <...> И параллельно с этим впечатлением воображаемого наружного сходства, меня издавна преследовала мысль, не послужил ли Михаил Андреевич хоть некоторыми сторонами своего нравственного облика образцом, с коего Пушкин писал Онегина» (*Щербачев Ю.Н. Приятели Пушкина... С.19*).

С точки зрения Ю.Н.Щербачева, М.А.Щербинину, как и пушкинскому герою, было свойственно тщеславие, гордыня, высокомерие, щегольство, любовь к роскоши. Кроме того, он отмечает некоторое совпадение фактов биографии Щербинина и Евгения Онегина. Подробнее см.: *Щербачев Ю.Н. Приятели Пушкина... С. 19–36*.

⁵⁵ Мавор Джеймс (Mavor James) (1854–1925) – канадский экономист, с 1892 – профессор политической экономии Торонтского университета.

⁵⁶ Всеволод Александрович (ум. 1364) – первый удельный князь Холмский, сын великого князя Тверского и Владимирского Александра Михайловича.

⁵⁷ Указом Сената от 22 июня 1798 утверждена II часть Общего гербовника. Герб рода Щербининых был помещен в первом отделении Гербовника (с. 37).

⁵⁸ См.: Дополнения и исторические замечания к родословной Щербининых (РНБ. Ф.1000. Оп.3. Ед.хр.1440).

⁵⁹ В настоящее время там находится музей «Усадьба помещиков Щербининых».

⁶⁰ См. прим. 66.

⁶¹ См. прим. 72

⁶² См. прим. 71.

⁶³ См. прим. 73.

⁶⁴ См. прим. 69.

⁶⁵ См. прим. 74.

⁶⁶ Щербинин Петр Андреевич (24.06.1739, Киев – 31.05.1791, Петербург. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры) – коллежский советник.

⁶⁷ Щербинин Евдоким Алексеевич (1728–1783) – генерал-поручик, сенатор, троюродный брат П.А.Щербинина. Его сын, Андрей Евдокимович Щербинин, был женат на княжне Анастасии Михайловне Дашковой, дочери Екатерины Романовны Дашковой. Дочь, Елена Евдокимовна, по мужу Давыдова, – мать поэта Дениса Давыдова.

⁶⁸ Сковорода Григорий Саввич (1722–1794) – украинский философ, поэт, педагог. В 1774 он жил в Бабах, закончил здесь писать «Басни харьковские».

⁶⁹ Щербинин Андрей Петрович (1.07.1760–28.02.1820, Петербург. Похоронен на Смоленском кладбище) – полковник лейб-гвардии Измайловского полка.

⁷⁰ ...кузен Хомутов – сын сестры П.А.Щербинина, Александры Андреевны, по мужу Хомутовой

⁷¹ Щербинин Дмитрий Петрович (ум. 20.02.1824) – надворный советник, ранее гвардии капитан-поручик Измайловского полка. Упомянутый М.А.Щербининым судебный процесс начался после того, как А.П.Щербинин, отдавший в 1795 свое недвижимое имение в управление брату, Д.П.Щербинину, и жене, Е.П.Щербининой (см. прим. 81), обвинил их в «перекреплении некоторых деревень за собою» и решил вернуть имение под свое начало. Кроме того, А.П.Щербинин подал прошение о расторжении брака с Е.П.Щербининой (впоследствии дело было прекращено). Именным высочайшим указом от 7 августа 1800 было повелено вернуть имение А.П.Щербинину. Деревня Филиппово Село, ранее заложенная А.П.Щербининым и выкупленная Д.П.Щербининым, была, по решению Сената, оставлена последнему. В 1810 Е.П.Щербинина подала в Сенат жалобу о невыполнении Д.П.Щербининым обязательств по выдаче ей купчей на данную деревню. В 1815 решением Государственного Совета Филиппово Село было возвращено прежнему владельцу, А.П.Щербинину, поскольку его попечителями было представлено свидетельство, что в свое время Харьковская гражданская палата отказала Д.П.Щербинину в утверждении за ним данной деревни. В 1817 он подал в Сенат апелляционную жалобу, но прежнее решение было оставлено без изменений, причем просителя «за напрасное затруднение правительства» было решено подвергнуть штрафу. Подробнее см.: Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т.3. Ч.2. С.578–580; СПб., 1892. Т.4. Ч.1. С.642; СПб., 1901. Т.4. Ч.5. С.1–34.

⁷² Щербинин Николай Петрович – прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка. После рассмотрения в Сенате дела о «завлечении его в карточную игру, о учинении ему по сему случаю обманов» указом императора Павла I от 20 декабря 1796 были отменены все обязательства, сделанные Н.П.Щербининым до его совершеннолетия (см.: Сенатский архив. СПб.,

1888. Т.1. С.48). Впоследствии Н.П.Щербинин с целью возместить свой долг брату, А.П.Щербинину, продал его жене, Е.П.Щербининой, свое родовое имение Буды.

⁷³ Щербинина Варвара Петровна (в замужестве Рамбург; 14.3.1770–29.4.1795. Петербург. Похоронена на Лазаревском кладбище Александровской лавры). Рамбург Александр Иванович (1758–1826) – генерал-майор.

⁷⁴ Виганд Иоганн (1744–1808) – немецкий священник, в 1782–1793 профессор всеобщей истории Московского университета. Его воспоминания были опубликованы в качестве приложения к статье В.В.Тимощука «Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России» (Русская старина. 1892. №6. С.545–568). Также см. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч.1. С.165–166; *Amburger Erik. Geschichte des Protestantismus im Russland*. Stuttgart, 1961. S.136, 370–377. Моравские (чешские, богемские) братья – религиозная секта, возникшая в середине XV в. Призывали к единению всех людей, проповедовали бедность, восстановление порядков раннехристианских общин и непротивление насилию, отрицали организацию католической церкви и многие элементы ее культа. В XVIII в. последователи чешских братьев положили начало религиозно-общественному движению гернгутеров (от названия местечка Гернгут в Саксонии). Упоминаемый Щербининым эпизод описан Вигандом следующим образом: «По прошествии четырех месяцев, когда родители убедились, что я буду хорошо воспитывать их ребенка, было решено передать его окончательно мне. Эта передача совершилась ночью. Сцена, происшедшая при этом, показалась мне в высшей степени странною и трогательною. Кровать с балдахинном, в которой спало дорогое дитя, была вынесена четырьмя гайдуками из детской и перенесена через весь дом в мою комнату, где я принял ее с сердечным трепетом; за кроваткою шли бабушка, отец и мать и вся прислуга, проливая слезы. Малютка, проснувшись поутру, был изумлен происшедшею переменою, и я должен был обещать ему, что постараюсь водворить его на следующий день в его комнату. Этим дело и кончилось» (Русская старина. 1882. №6. С.552).

⁷⁵ В настоящее время архив хранится в филиале ЦГИА Украины в Харькове (Ф.806).

⁷⁶ Щербинина Екатерина Петровна (урожд. Барц; 1769–8.03.1849. Похоронена в с. Бабаи Харьковской губ.). В 1814–1818 состояла начальницей Харьковского института благородных девиц. См. о ней: *Жеблицев Н.* Исторический очерк деятельности Харьковского института благородных девиц. Харьков, 1912. Барц Петр Яковлевич (ум. 1794). Щербинин Петр Андреевич (1787–8.11.1813. Похоронен в с. Бабаи Харьковской губ.) – капитан лейб-гвардии Егерского полка. См. о нем: История лейб-гвардии Егерского полка. СПб., 1896. Приложение. С.14. Щербинин Александр Андреевич (28.06.1790–18.11.1876. Похоронен в с. Бабаи Харьковской губ.) – действительный статский советник, гофмейстер. В 1810–1816 был на военной службе, вышел в отставку в чине полковника. Служил по выборам председателем Харьковской уголовной палаты. В 1834 вновь поступил на государственную службу – в Министерство двора, был назначен вице-президентом

Гоф-интендантской конторы, с 1838 – в отставке. Опубликована часть его записок: о пожаре в Зимнем дворце в 1837, о дуэли и смерти А.С.Пушкина, замечания на V том романа Л.Н.Толстого «Война и мир» (см.: История до-революционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1976–1986. Т.1–4. Ук.), а также письма 1815 г. из с. Бабаи (Русская старина. 1901. №3. С. 732–734). Подробнее см. о нем: *Щербачев Ю.Н.* Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913. С.174–178; *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. СПб., 1883. Т.1. С.280, 286, 324, 409; *Шильдер Н.К.* Император Александр I. СПб., 1898. Т.3. С.213–214; Русский архив. 1885. Т.3. С.232–233. Щербинина Мария Андреевна. По сведениям, приводимым Ю.Н.Щербачевым, в 1815 вышла замуж за Ивана Бедрягу, затем, овдовев в 1829, за Павла Лаптева.

⁷⁷ См. прим. 53, 54.

⁷⁸ Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – князь, генерал-фельдмаршал (с 1843), генерал-адъютант, начальник Главного штаба (1813–1823), член Государственного Совета (с 1821), министр Императорского двора и уделов (1826–1837).

⁷⁹ Битвы под Кульмом (17–18 августа 1813), Лютценом (2 мая 1813), Баутценом (20–21 мая 1813), Лейпцигом (16–19 сентября 1813), Бриенном (29 января 1813), Парижем (18 марта 1814) – основные сражения войны европейских государств против наполеоновской Франции 1813–1814.

⁸⁰ Венский конгресс – международный конгресс, завершивший войны коалиций европейских держав с наполеоновской Францией. Проходил в Вене в сентябре 1814 – июне 1815.

⁸¹ Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – генерал от артиллерии, в 1812 – начальник штаба 1-й Западной армии, в 1813–1814 – командир корпуса, с 1816 – командир Грузинского корпуса, с 1819 – главнокомандующий в Грузии, с 1827 в отставке.

⁸² Речь идет о Репнине-Волконском Николае Григорьевиче (1778–1845) – князе, генерале от кавалерии, участнике Отечественной войны, с 1816 по 1835 бывшем военным губернатором Малороссии, члене Государственного Совета (с 1834).

⁸³ См. прим. 82.

⁸⁴ Каверин Павел Никитич (1763–1853) – действительный тайный советник, в 1797 – московский обер-полицмейстер, в 1810 – управляющий московским отделением Государственного ассигнационного банка, в 1812 – губернатор Калужской и Смоленской губерний. Каверина Елизавета Павловна (в замужестве Щербинина; 7.10.1800–10.09.1860. Похоронена в с. Бабаи Харьковской губ.). После смерти М.А.Щербинина состояла начальницей Полтавского института благородных девиц.

⁸⁵ Имеется в виду Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852), младший брат А.С.Пушкина.

⁸⁶ Каверин Петр Павлович (1794–1855) – старший брат Е.П.Кавериной. участник Отечественной войны, поручик лейб-гвардии Гусарского полка (1816–1819), майор Павлоградского гусарского полка, впоследствии полковник в отставке; член Союза благоденствия, друг А.С.Пушкина. Головкин Юрий Александрович (ум. 1846) – граф, обер-камергер, член Государственного Совета, посол в Китае и Вене. Автор мемуаров повторяет неточность Ю.Н.Щербачева, допущенную в его книге. Деларю Михаил Данилович (1811–1868) – чиновник Министерства внутренних дел и Военного министерства, поэт, переводчик, знакомый А.С.Пушкина – не был шталмейстером у Наполеона III. Шениг Николай Игнатьевич (1797–1860) – офицер Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1828–1829, с 1829 – отставной гвардии полковник. Толстой Федор Иванович («Американец») (1782–1846) – граф, участник Отечественной войны, отставной гвардейский офицер, авантюрист, карточный игрок, друг П.А.Вяземского, Д.В.Давыдова, К.Н.Батюшкова, знакомый А.С.Пушкина. Горголи Иван Савич (1767–1862) – генерал-лейтенант, сенатор (1825–1858), петербургский обер-полицмейстер (1811–1821), знакомый А.С.Пушкина, друг семьи Щербининых – был крестным отцом А.М.Щербинина. Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – поэт, близкий друг А.С.Пушкина.

⁸⁷ Именины Елизаветы празднуются 5 сентября по ст. ст.

⁸⁸ Долгоруков Николай Андреевич (1792–1847) – генерал от кавалерии, участник заграничных походов русской армии 1813, участник русско-турецкой войны 1828–1829, в 1831 – минский военный губернатор, в 1832 – виленский военный губернатор, с 1834 – гродненский, белостокский и виленский генерал-губернатор, в 1840–1847 – харьковский, полтавский и черниговский генерал-губернатор.

⁸⁹ См. прим. 1.

⁹⁰ См. прим. 40.

⁹¹ См. прим. 48.

⁹² Щербачева Елизавета Николаевна (в замужестве Олив). Брат, Сергей Николаевич Щербачев, действительный статский советник, в 1914 занимал должность председателя Плоцкого окружного суда.

⁹³ Щербинин Павел Петрович – титулярный советник, сын П.А.Щербинина (см. прим. 76).

⁹⁴ Щербинина Мария, урожд. Скваер.

⁹⁵ Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

⁹⁶ Указом императора Александра II от 22 мая 1860 П.П.Щербинину было разрешено, согласно его просьбе, передать принадлежащее ему родовое имение после его смерти в пожизненное владение жены, отказавшейся от полагающейся ей по закону части данного имения, на правах временного владения. После смерти обоих супругов имение должно было перейти к наследникам по закону (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1862. Т. XXXV. Ч. I. С. 578–579).

⁹⁷ Медовщикова София Александровна (урожд. Калачева) – племянница П.П.Щербинина, дочь его сестры Марии Петровны Щербининой, в замужестве Калачевой.

⁹⁸ Неточность мемуариста: у него было множество родственников среди Сушковых. Интересно отметить, что мать М.А.Щербинина принадлежала к той ветви рода Сушковых, несколько представителей которой были литераторами: ее прабабушка – Мария Васильевна Сушкова (урожд. Храповицкая; 1752–1803), писательница и переводчица, родные братья ее деда – Михаил Васильевич Сушков (1775–1792), писатель и переводчик, автор романа «Российский Вертер», и Николай Васильевич Сушков (1796–1871), писатель, драматург, переводчик, двоюродные братья и сестры ее отца – Сергей Петрович Сушков (1816–1893), автор ряда трудов по церковным и богословским вопросам, Дмитрий Петрович Сушков (1817–1877), Евдокия Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова; 1811–1858) и Екатерина Александровна Сушкова (1812–1868).

⁹⁹ Сыновья М.А.Щербинина: Самуэль (1885), Эрик (1887) и Андрей (1888).

¹⁰⁰ Ошибка мемуариста: у Е.Ф.Сушковой было только две дочери: Анна Николаевна и Варвара Николаевна. В конце 1890-х мать М.А.Щербинина была вынуждена продать доставшуюся ей по наследству часть имения, чтобы оплатить долги своего второго мужа, А.Д.Башмакова (см. прим. 28). Имея крайне ограниченные средства к существованию, она дважды подавала прошение о назначении ей пенсии, и в 1901, в виде исключения (А.Д.Башмаков в целом прослужил более сорока лет, но недостаточное количество из них с правом на пенсию), ей была назначена пожизненная пенсия (см.: РГИА. Ф.1412. Оп.91. Ед.хр.41).

¹⁰¹ У Н.В.Сушкова было три брата: Михаил Васильевич Сушков, Петр Васильевич Сушков (1808–1873), коллежский секретарь, кременчугский уездный предводитель дворянства, Иван Васильевич Сушков (см. прим. 17) и две сестры: Мария Васильевна Сушкова (в замужестве Щербачева; 1804–1839) и Варвара Васильевна Сушкова (в замужестве Белявцева; 1810–1879).

¹⁰² Башмаков Александр Александрович (25.12.1858, Одесса – 1.08.1943, Париж. Похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) – действительный статский советник, юрист, публицист, видный деятель Славянского общества, член Географического общества. С 1872 воспитывался в Швейцарии, в 1873–1876 посещал лекции в Женевском университете в качестве вольнослушателя, в 1878 поступил на юридический факультет Петербургского университета, в 1880 переехал в Одессу, в 1881 окончил юридический факультет Новороссийского университета, с 1881 по 1882 служил секретарем законодательной комиссии румелийского правительства, с 1883 по 1885 занимался адвокатской практикой в Одессе, с 1885 служил по судебному ведомству: в 1889–1894 был председателем съезда мировых судей в Либаве, с 1894 работал в составе комиссии Н.И.Стояновского по составлению проекта Гражданского уложения, с 1898 состоял на службе в Министерстве иностранных дел, в 1906–1913 был главным редактором «Правитель-

ственного вестника». Опубликовал более трехсот книг и статей по различным вопросам права и политики, в 1912 выпустил сборник стихов «Славянские струны». Издавал газеты: в 1904–1905 – «Санкт-Петербургский дневник» (ежедневная политико-литературная газета, утренний выпуск которой выходил на французском языке под названием «Journal de St.-Petersbourg»), в 1905–1906 – «Народный голос» (с ее помощью перед выборами в I Государственную Думу была организована группа избирателей со славянофильской политической программой), «Славянский орел» (вышел единственный выпуск газеты 8 октября 1914). Совместно с дочерью, Н.А.Башмаковой (см. прим. 108), издавал русско-французский журнал «Revue Contemporain». В 1914–1915 был редактором «Финляндской газеты» – русского печатного органа в Финляндии. В 1918 эмигрировал во Францию. В последующие годы занимался исследовательской работой в области этнографии и палеонтологии: изучал пути доисторической миграции европейских народностей по памятникам древнегреческой письменности (написал по этой теме две научные работы на французском языке), читал лекции в Парижском Антропологическом институте. Подробнее см. о нем: *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. II. С. 18; *Афанасьев Н.И.* Современники. СПб., 1910. Т. II. С. 31–33; *Расловлев М.* Памяти А.А.Башмакова // Возрождение. 1949. Тетр.4. С. 161–163; ИРЛИ. Ф.377. Оп.6. Ед.хр.330; РГИА. Ф.1349. Оп.3. Ед.хр.166. Л.12–16 (формулярный список 1891 г.).

¹⁰³ См. прим. 102.

¹⁰⁴ В начале 1913 А.А.Башмакову, чьи выступления по славянскому вопросу во время I Балканской войны (9.10.1912–30.05.1913) – войны государств Балканского союза (Болгарии, Сербии, Греции и Черногории) против Турции – шли вразрез политическому курсу правительства России, было предложено либо прекратить данные выступления, либо подать в отставку с поста редактора «Правительственного вестника». В ответ он обратился с печатным письмом к министру внутренних дел Н.А.Маклакову, в котором, отмечая, что предпочитает уйти в отставку, выступил со следующим обоснованием своей позиции: «<...> в нынешний балканский кризис я счел тем более своим долгом стоять за то, что мы все, славянофилы, считаем священным призванием России, что в этом подьеме сердец славянские народы чувствуют нечто большее, нежели просто партийную агитацию. Они в этой непрерывности исторического чувства к ним усматривают преемственную ценность русского народа, не зависящую от случайных веяний. В этой силе духа, в этом залоге нашей ценности и исторического значения нашего народа в будущем, естественные союзники России нуждаются для того, чтобы противостоять чувству презрения к России, которое растет из года в год за границую. Нас всегда ненавидел, нас всегда страшился запад. Но никогда не было того, что теперь: нас презирают!.. И не за Цусиму, не за развал наших сил – нет, а за то, что политика наша сеет сознание, увя! растущее с каждым днем, что выгоднее быть врагом, нежели другом России, потому что возникло понятие новое, которого прежде не было, именно – что мы выдаем своих друзей и служим интересам Австрии, векового соперника и врага» (См.: Возрождение. 1949. Тетр.4. С.163–166).

¹⁰⁵ Башмаков Юрий Александрович (3.05.1883–?) – лейтенант флота. Окончил Николаевскую морскую академию. В 1916 командовал миноносцем «Послушный».

¹⁰⁶ Башмаков Владимир Александрович (28.08.1884–?) – выпускник Лозаннского университета, инженер-гидрограф.

¹⁰⁷ В январе 1910 А.А.Башмаков развелся со своей женой Каролиной Ивановной, урожденной Вистаз-Дювернуа, и обратился к императору Николаю II с прошением, в котором просил разрешить ему вступить в новый брак вопреки наложенной на него церковной епитимье безбрачия на несколько лет. Через несколько дней после подачи прошения женщина, к которой, как пишет А.А.Башмаков, он испытывал глубокое и сильное чувство, умерла. Впоследствии первый брак А.А.Башмакова был восстановлен. (см.: РГИА. Ф.1412. Оп.213. Ед.хр.43). К.И.Башмакова скончалась 26 мая 1913 г. Похоронена в г. Луга.

¹⁰⁸ Башмакова Надежда Александровна (в замужестве Воейкова; 20.10.1885 – не ранее 1929). Совместно с А.А.Башмаковым издавала русско-французский журнал «Revue Contemporain», после Октябрьской революции проживала в Ленинграде, занималась преподавательской и писательской деятельностью.

¹⁰⁹ Устав духовных консисторий, принятый 9 апреля 1883, включал в себя следующее положение: «Кто, несмотря на убеждения священника, два или три года окажется не бывшим на исповеди или у Святого Причастия, о том доносится епархиальному архиерею особенно. Преосвященный чрез приходского же священника, или чрез других доверенных духовных лиц, или, наконец, сам, смотря по обстоятельствам и по местной удобности, вразумляет его и мерами убеждения старается возратить к долгу христианскому, с возложением епитимии по своему усмотрению на основании церковных правил. Таким же образом поступает и с теми, о которых по делам в присутственных местах откроется небытность их у исповеди и Святого Причастия, но с тою разницею, что в сем последнем случае епитимия должна быть публичная в приходской церкви или монастыре. <...> Кто не вразумляется увещаниями, не придет в раскаяние и не исполнит долга христианского, о том сообщается гражданскому начальству на его рассмотрение». (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1886. Т.3. С.112–113).

¹¹⁰ Свобода совести, в числе прочих гражданских свобод, была провозглашена Манифестом 17 октября 1905 «Об усовершенствовании государственного порядка».

¹¹¹ Фриче Мария Андреевна (1867–?) – сводная сестра М.А.Щербинина. В 1907–1914 была классной дамой в Харьковском институте благородных девиц, с 1915 – в Екатерининском институте в Петербурге. Щербинина Елизавета Андреевна (21.12.1877–?) – сводная сестра М.А.Щербинина.

¹¹² Нарышкин Лев Кириллович (1809–1855) – действительный статский советник, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, чиновник особых поручений Государственного контроля. Племянник Еле-

ны Александровны Нарышкиной, в замужестве Суворовой (1785–1855), бабушки А.Д.Башмакова по материнской линии. Прямой потомок Льва Кирилловича Нарышкина (1664–1705), боярина, начальника Посольского приказа, родного брата царицы Натальи Кирилловны (1651–1694).

¹¹³ Скотт Вальтер (1771–1832) – английский писатель. Вероятно, имеет-ся в виду собрание его романов в 48 томах (Edinburgh, 1829–1833).

¹¹⁴ Доре Гюстав (1832–1883) – французский художник-график. Для книги английского писателя Бланшара Джеррольда «Лондон» (London, 1872) им было создано сто восемьдесят гравюр.

¹¹⁵ Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт. «La Jerusalemme liberata» – поэма «Освобожденный Иерусалим» (1580).

¹¹⁶ Автор высказывает здесь субъективную, недостаточно верную точку зрения на данную проблему. История развития перевода в России подробно изложена в кн.: *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985.

¹¹⁷ Автор, скорее всего, имеет в виду использование латинского языка в Средние века в качестве общего письменного языка западноевропейского общества, языка католической церкви, науки, отчасти литературы.

¹¹⁸ Идея создания международного языка зародилась в XVII–XVIII вв. в результате уменьшения международной роли латинского языка. Первым искусственным языком был волапюк, созданный в 1880 немецким языковедом И.Шлейером. Эсперанто, самый распространенный из искусственных языков, был создан в 1887 варшавским врачом Л.Заменгофом на основе корней европейских языков, от которых с помощью нескольких десятков аффиксов были созданы обозначения понятий из различных сфер деятельности. Из поздних искусственных языков наиболее известны окциденталь, созданный в 1922 Э.Валем, новиаль, созданный в 1928 О.Есперсенем, интерлингва, созданный в 1908 Дж. Пеано и в 1950 «Международной ассоциацией вспомогательного языка» в Нью-Йорке.

¹¹⁹ Ирокезский язык не относится к искусственным языкам. Он принадлежит к группе близкородственных языков североамериканских индейцев. На одном из языков этой группы – языке чероки – существовало слоговое письмо, созданное в начале XIX в. индейцем по имени Секвойя.

¹²⁰ Согласно российским юридическим нормам, вопрос о разводе решался церковными властями после подачи прошения о расторжении брака тем из супругов, у кого были на то установленные законом основания (Т.Х. Ч.І. Статья 45 Законов гражданских издания 1857 г., статья 230 Устава духовных консисторий). Развод родителей М.А.Щербинина состоялся в 1875 (см: РГИА. Ф.796. Оп.156. Ед.хр.265). К тому времени у обоих из них уже фактически сложились новые семьи. А.М.Щербинин, взявший на себя вину в нарушении супружеской верности, получил максимально суровое наказание: осуждение на пожизненное безбрачие, а В.Н.Щербининой было разрешено вступить в новый брак, после чего отчим М.А.Щербинина, А.Д.Башмаков, добился для своих незаконнорожденных детей утверждения во всех правах состояния (см: Дело об усыновлении воспитанников гофмейстера

высочайшего двора Александра Башмакова. – РГИА. Ф.1412. Оп.2. Ед.хр.385. Дело о причислении к российскому подданству воспитанников А.Д.Башмакова. – РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ед.хр.1763. Л.86–100).

¹²¹ Второй женой А.М.Щербинина была баденская подданная Вильгельмина Иосифовна Рупперт (1845 – не ранее 1906). Официальный брак с ней он заключил в 1887, в обход наложенной на него епитимье безбрачия. В 1892, после подачи нескольких прошений, по указу императора Александра III, их детям было разрешено принять фамилию Щербининых в качестве усыновленных детей А.М.Щербинина и пользоваться правами личных почетных граждан (см.: РГИА. Ф.1412. Оп.25. Ед.хр.45). Утверждение в дворянском достоинстве дети А.М.Щербинина от второго брака получили уже после его смерти, в 1909 (см.: РГИА. Ф.1343. Оп.37. Ед.хр.28342).

¹²² Щербинин Филипп Андреевич (3.06.1872–11.08.1941). Военную службу начал рядовым 28-го Драгунского полка, окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. В 1916 ротмистр Измайловского полка, прикомандированный к штабу от корпуса жандармов. После октября 1917 и гражданской войны – в эмиграции. Щербинин Андрей Андреевич (27.07.1875–?). Окончил 3-ю Харьковскую гимназию, три курса математического факультета Харьковского университета. В 1913 служил исполняющим обязанности земского начальника 5-го участка Мариупольского уезда. В 1914 по всеобщей мобилизации был призван на действительную военную службу. Щербинин Алексей Андреевич (8.04.1884–?). Окончил Харьковский технологический институт, служил в Харьковском отделении Русско-азиатского банка.

¹²³ Башмакова Варвара Аркадьевна (урожд. Суворова, во втором браке Горчакова; начало 1800-х – 1890-е). См. о ней: *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. М., 1993. Т.2. С.375–376; *Черейский Л.А.* Указ. соч. С.31; Русская старина. 1878. №4. С.657; Русский архив. 1887. Кн.2. С.188; 1901. Кн.2. С.63; 1903. Кн.1. С.481.

¹²⁴ В графское достоинство с наименованием «граф Суворов-Рымникский» А.В.Суворов был возведен указом императрицы Екатерины II 3 октября 1789. Титул «князя Итальянского» он получил по указу императора Павла I 8 августа 1799. 11 сентября 1789 в сражении при Рымнике была разбита армия великого везира.

¹²⁵ Сын А.В.Суворова, Аркадий Александрович Суворов (1780–1811), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, утонул в реке Рымник 13 апреля 1811. Об этом трагическом событии императору Александру I был представлен следующий рапорт: «Генерал-лейтенант князь Итальянский граф Суворов-Рымникский, возвращаясь из Бухареста в Яссы 13-го числа сего месяца, приехав к реке Рымнику, несмотря на представления бывших с ним об опасности переехать вброд, по причине сильно прибывшей от дождей воды, пустился в коляске и, едва отъехал несколько шагов, как она, будучи опрокинута сильной волной и ветром, утонула <...>» (Русская старина. 1901. №4. С.176.)

¹²⁶ Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, министр им-

ператорского двора и уделов (1870–1882). Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии, член Государственного Совета.

¹²⁷ Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) – генерал от инфантерии, член Государственного Совета, с 1828 – флигель-адъютант Николая I, с 1846 – генерал-адъютант, в 1848–1861 – генерал-губернатор Прибалтийского края, военный губернатор Риги, в 1861–1863 – военный генерал-губернатор Петербурга. Суворов Константин Аркадьевич (1809–1877) – полковник, гофмейстер. После гибели А.А.Суворова его сыновья были помещены в иезуитский пансион в Петербурге, затем воспитывались в доме дяди, К.А.Нарышкина, в дальнейшем были увезены матерью в Италию, а в 1816 были определены в учебное заведение швейцарского педагога Ф.Э.Фелленберга в Хофвиле.

¹²⁸ Кочубей Лев Викторович – князь, действительный статский советник.

¹²⁹ 1 января 1876 праздновалось пятидесятилетие офицерской службы Александра Аркадьевича Суворова. Подробное описание данного торжества см: Пятидесятилетний юбилей князя Итальянского графа Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского. СПб., 1876.

¹³⁰ Михайловский театр был открыт 8 ноября 1833. Его здание первоначально использовалось как концертный зал. С конца 1870-х до февраля 1917 на его сцене играла постоянная французская труппа. В 1920 в нем начал работать театр Комической оперы, впоследствии переименованный в Ленинградский государственный академический Малый оперный театр.

¹³¹ В.А.Башмакова жила в Ревеле в Екатеринентальском дворце (построен в 1718–1725 архитекторами М.Г.Земцовым и Н.Микетти). Майдель Лилия Богдановна (урожд. баронесса Розен; ум. 1910). Горчаков Андрей Иванович (1776–1855) – князь, генерал от инфантерии.

¹³² Имеются в виду Щербинин Григорий Александрович (7.06.1784–21.02.1843. Петербург. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры), действительный статский советник, обер-прокурор II Департамента Сената, и его сыновья: Щербинин Александр Григорьевич (1816–23.05.1880; Петербург. Похоронен на Волковом кладбище), тайный советник, чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, член Русского географического общества, и Щербинин Андрей Григорьевич (1818–16.01.1884; Петербург. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры), тайный советник, с 1836 – чиновник Департамента разных податей и сборов, впоследствии – начальник типографии II отделения собственной его императорского величества канцелярии.

¹³³ Бабушка Александра Григорьевича и Андрея Григорьевича Щербининых, Ольга Петровна Щербинина (урожд. княжна Дадянова; 1750–1821) – дочь князя Петра Егоровича Дадянова, представителя русского княжеского рода, ведущего свое начало от потомка первой династии Ди-

диани, владетельных князей Мингрелии, князя Георгия Дадзиани, принявшего в 1694 русское подданство.

¹³⁴ Мариано д'Осуна дель Инфантадо (1814–1882) – герцог, посол Испании в Петербурге, меценат.

¹³⁵ Имеется в виду Суворова Любовь Александровна (в замужестве Молостова; 1831–1883).

¹³⁶ Башмаков Сергей Сергеевич (1867–15.08.1908). Окончил Пажеский корпус, в 1889 был зачислен в запас гвардии кавалерии с чином корнета. В 1894–1899 – кирсановский уездный предводитель дворянства. Его отец, Сергей Дмитриевич Башмаков (1831–1877), статский советник, был соучредителем ряда крупных коммерческих предприятий: Общества конно-железных дорог в Петербурге, Общества минеральных вод в Липецке, Общества Рязско-моршанской железной дороги, пожертвовал капитал на учреждение стипендии его имени в Институте инженеров путей сообщения.

¹³⁷ В феврале 1893, незадолго до своей смерти, сын Александра Аркадьевича Суворова отставной полковник Аркадий Александрович Суворов подал на имя императора Александра III прошение о передаче своей фамилии, титула и герба двоюродному племяннику, С.С.Башмакову. В марте 1893 вдова Аркадия Александровича Суворова подала прошение об утверждении сына Л.А.Молоствовой, урожденной княжны Суворовой, Александра Владимировича Молостова (1862–1897), в правах наследства к именным в Новгородской губернии и о передаче ему титула князей Итальянских графов Суворовых-Рымникских как старшему потомку рода по женской линии. В ноябре 1893 в ответ на эти прошения был получен отказ. Причины отказа при этом объяснены не были (см.: РГИА. Ф.1412. Оп.29. Ед.хр.310). Ранее Департамент Герольдии Сената отказал С.С.Башмакову в выдаче документов, подтверждающих его принадлежность к роду князей Итальянских графов Суворовых-Рымникских, сославшись на то, что в 1869–1870 Сенат уже удовлетворил просьбу о присвоении ему фамилии Башмаковых и об утверждении его в дворянском достоинстве (несмотря на то что его родители, С.Д.Башмаков и прусская подданная Фредерика Шмидт (1841–1872), вступили в законный брак после рождения С.С.Башмакова) (см.: РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ед.хр.1763. Л.69–88. Ед.хр.1765а).

¹³⁸ Огромное состояние Пашковы получили благодаря браку прадеда В.А.Пашкова с дочерью купца Мясникова, принесшей в приданое 1900 душ крестьян и четыре завода.

¹³⁹ Пашкова Александра Ивановна (урожд. Черткова, ум. 1926; Некролог // Возрождение. 1926. №519). У В.А.Пашкова был сын Александр (ум. 1903) и три дочери, София, Мария и Ольга.

¹⁴⁰ Хилтон Генри – управляющий имением В.А.Пашкова в Тамбовской губернии. Привлекался в качестве свидетеля по делу о секте пашковцев (см.: РГИА. Ф.1574. Оп.2. Ед.хр.63. Л.101–106).

¹⁴¹ См. вступ. ст. к наст. публ.

¹⁴² См. прим. 144.

¹⁴³ Имеется в виду «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» (см. о нем вступ. ст. к наст. публ.).

¹⁴⁴ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Святейшего Синода; с 1861 преподавал законоведение великим князьям. Впервые записка о действиях В.А.Пашкова была представлена К.П.Победоносцевым Александру II в мае 1880. 8 мая 1880, по указу императора, было учреждено Особое совещание с целью пресечения подобной деятельности в составе обер-прокурора Синода, министра внутренних дел, главноуправляющего II отделения собственной его императорского величества канцелярии, статс-секретаря и главного начальника Верховной распорядительной комиссии. В.А.Пашкову было предложено на некоторое время оставить Петербург. В апреле 1882 К.П.Победоносцев обратился к министру внутренних дел с предложением настоять на выезде В.А.Пашкова из России (см.: Выписка из конфиденциального отношения обер-прокурора Святейшего Синода к министру внутренних дел // Всеподданнейшая записка обер-прокурора Святейшего Синода, представленная государю императору в мае 1880 г. СПб., 188?). После своего отъезда за границу в июне 1884 В.А.Пашков неоднократно обращался к К.П.Победоносцеву с письмами, в которых пытался убедить его прекратить преследования сектантов в России (см. Приложение). В июне 1887 император Александр III дал В.А.Пашкову разрешение на некоторое время приехать в Россию для устройства своих дел. В сентябре 1887 он обратился к К.П.Победоносцеву с просьбой об аудиенции (см. Приложение, письмо от 28 сентября 1887), надеясь добиться разрешения остаться жить в России. Данное разрешение он так и не получил, а несколько ранее в письме императору Александру III К.П.Победоносцев высказался о деятельности В.А.Пашкова и его сторонников следующим образом: «Вашему Императорскому Величеству известно, какую заразу пустил по всей России безумный Пашков со своими последователями обоюдопола, принадлежащими, к сожалению, к так называемому высшему обществу. Не зная ни своей церкви, ни своего народа, люди эти, зараженные духом самого узкого сектантства, думают проповедовать народу слово Божие, но на самом деле отвлекают народ от церкви» (*Победоносцев К.П.* Великая лож нашего времени. М., 1993. С.513). О сложности и неоднозначности взглядов К.П.Победоносцева на проблему свободы совести см.: *Пешков А.И.* К.П.Победоносцев как идеолог русского православия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. На правах рукописи. СПб., 1993. С.116–137.

¹⁴⁵ Черткова Елизавета Григорьевна (см. вступ. ст.).

¹⁴⁶ Рихтер Оттон Борисович (1830–1908) – генерал-адъютант, командующий Императорской главной квартирой (1881–1898), заведующий делами комиссии прошений на высочайшее имя (1881–1895).

¹⁴⁷ Русское Библийское общество было основано в 1813 при содействии главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий князя А.Н.Голицына, ставшего его президентом. В число членов Общества входил и император Александр I. Своей задачей Общество ставило распространение Библии на разных языках среди различных слоев населения: на

славянском языке, издаваемой Св. Синодом, на других языках для христиан иных исповеданий, немцев, поляков, финнов и т.д. В 1814 в состав Комитета Общества вошли православные иерархи. В 1816 Александром I было утверждено решение о переводе Библии на русский язык, и в 1818 был напечатан перевод Евангелия. В 1824, после ухода с поста президента А.Н.Голицына, правительство изменило отношение к деятельности Общества, а в 1826, по указу Николая I, его имущество было передано в ведение Синода. В 1831, при содействии министра народного просвещения князя К.А.Ливена, бывшего вице-президента Российского Библейского общества, было образовано Библейское общество для протестантов, проживающих в России, под названием «Евангелического Библейского общества». С появлением русского перевода Библии (5 мая 1858 высочайше было утверждено определение Синода о необходимости и полезности перевода Библии на русский язык) возникла возможность возрождения Библейского общества для русского населения, и 2 мая 1869 было учреждено Общество для распространения Священного Писания в России.

¹⁴⁸ См. вступ. ст. к наст. публ.

¹⁴⁹ В 1860-е в крестьянской среде на юге России возникло религиозное движение, получившее название южнорусского штундизма, внешне выражавшееся в массовом образовании кружков по изучению Библии и предшествовавшее распространению баптизма – одного из ответвлений протестантизма. Первоначально наибольшее распространение баптизм получил в Херсонской и Киевской губерниях. Руководителями и проповедниками здесь были крестьяне Иван Рябошапка, Михаил Ратушный, Герасим Балабан. В начале 1870-х баптистские группы появились в Подольской губернии, во второй половине 1870-х – в ряде селений Таврической, Екатеринославской и Бессарабской губерний. Одновременно очаг баптизма сложился в губерниях Закавказья и Северного Кавказа, где основная часть последователей баптизма вышла из секты молокан. Подробнее см.: *Арсений Рождественский*. Южно-русский штундизм. СПб., 1889. *Алексий, еп.* Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1909; *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства. С.187–202.

¹⁵⁰ Например, Федор Густавович Тернер, сенатор, член Государственного Совета, посещавший в свое время проповеди лорда Редстока, дает такую оценку их роли в формировании своего религиозного мировоззрения: «Наша православная церковная жизнь отталкивала меня своим формализмом <...> Но и лютеранская проповедь, хотя она иногда и затрагивала мою душу, не могла вывести меня окончательно на путь веры и устранить мои скептические сомнения. Из этого неприятного колеблющегося настроения меня вывели два обстоятельства. Во-первых, ознакомление с религиозными сочинениями А.С.Хомякова и, во-вторых, знакомство с лордом Редстоком <...> Редсток считал своей задачей возбуждение христианского чувства вообще. Какие бы ни были различия вероисповедания, но всем христианам должно быть присуще чувство преданности Христу, которое и должно руководить их жизнью. Поэтому Редсток считал необходимым прежде всего,

чтобы каждый христианин сознательно предал себя Христу» (Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. СПб., 1910. Т.1. С.339–345).

¹⁵¹ Согласно 189-й статье Уложения о наказаниях, «кто в проповеди или сочинении будет усиливаться привлекать и совращать православных в иное, хотя христианское вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк, тот за сие преступление подвергается: в первый раз, лишению некоторых, на основании статьи 50 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а во второй, заключению в крепости на время от двух лет и восьми месяцев до четырех лет, также с лишением некоторых, по статье 50, особенных прав и преимуществ, в третий же раз, он присуждается к лишению всех особенных, лично или по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибири или к отдаче в исправительные арестантские отделения» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. С.61).

¹⁵² См. прим. 144.

¹⁵³ См. вступ. ст. к наст. публ.

¹⁵⁴ В Книге Притчей Соломоновых лев упоминается в ином контексте: «Гнев царя – как рев льва, а благоволение его как роса на траву» (XIX, 12); «Гроза царя – как бы рев льва; кто раздражает его, тот грешит против самого себя» (XX, 2); «Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом» (XXVIII, 15); «Лев, силач между зверями, не посторонится ни перед кем» (XXX, 30).

¹⁵⁵ См. прим. 110.

¹⁵⁶ Председателем организованного в 1908 И.С.Прохановым «Русского Евангельского союза» до 1911 был князь А.П.Ливен, товарищем председателя – барон П.Н.Николаи.

¹⁵⁷ Ироническое описание проповеди лорда Редстока приводится в очерке Н.С.Лескова «Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи»: «Итак: предположим, мы в обществе особ, собравшихся на проповедь, которая должна быть произнесена вечером, в частном, великосветском русском доме. <...> снизу раздается звонок; хозяйка вскакивает, шепчет: “Он пришел”, – и бежит ему навстречу. Общее движение: все поправляются на местах и он входит... Торжественная минута и картина! Он входит в своем сероватом куцем рейтфраке; осведомляется у знакомых, “как они душевно себя чувствуют” и “что нового для славы Божией”, и затем, не теряя дорогого времени, приступает к делу. Сначала он становится на колени перед креслом; кладет локти на сиденье и, наклонясь ниц лицом, читает по-французски какой-то вольный перефраз из молитвы “Царю небесный”. Все слушатели тоже опускаются на колени сзади проповедника. Причем некоторые дамы тотчас же спешат растрогаться и всхлипывают, другие же смотрят с недоумением то на этих плачущих, то на Редстока, у которого при его согбенной позе весь его куций рейтфрак, или пиджак, проворно взобрался на спину по самую поясницу, и стоящие сзади его дамы

как будто несколько удивлены этим приемом» (Лесков Н.С. Великосветский раскол. СПб., 1877. С.188–197).

¹⁵⁸ Суковкин Михаил Акинфиевич – выпускник Александровского лицея 1887, действительный статский советник, в 1916 – председатель Киевской губернской управы по делам земского хозяйства.

¹⁵⁹ Штакельберг Эрнест Густавович (1813–1870) – генерал-майор, генерал-адъютант. В 1856–1861 – чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе короля Сардинии, в 1861–1862 – в Мадриде, в 1862–1864 – в Риме, в 1864–1868 – в Вене, в 1868–1870 – чрезвычайный и полномочный посол в Париже.

¹⁶⁰ Графы Штакельберги жили на Миллионной улице, в доме 16, М.А.Щербинин с матерью и отчимом – в доме 20.

¹⁶¹ Штакельберг Густав Эрнестович – генерал-лейтенант, шталмейстер.

¹⁶² Чинизелли (Ciniselli) – итальянская цирковая семья. Гаэтано Чинизелли (1815–1881) – антрепренер, конный акробат, дрессировщик-наездник – в 1877–1881 руководил выстроеным им в Петербурге стационарным цирком.

¹⁶³ Кауфман Петр Михайлович (1857–1926) – тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, министр народного просвещения (1906–1908). Во время русско-японской войны 1904–1905 был главноуполномоченным Российского Общества Красного Креста. Извольский Александр Петрович (1856–1919) – тайный советник, член Государственного Совета, гофмейстер, в 1897–1906 – посланник в Белграде, Мюнхене, Токио, Копенгагене, в 1906–1910 – министр иностранных дел, с 1910 – посол в Париже. Оставил воспоминания о своей дипломатической деятельности (первые опубликованы в 1920 на английском языке в Лондоне). Чарыков Николай Валериевич (1855–1930) – тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, гофмейстер, участник русско-турецкой войны 1877–1878, посол России в Константинополе.

Приложение

Письма В.А.Пашкова к К.П.Победоносцеву 1884–1894 гг.

Печатаются по автографу (РГИА. Ф.1574. Оп.2. Ед. хр.63. Л.45–56).

1

Баден-Баден. Villa Stadelhofer.

Милостивый Государь Константин Петрович!

Вслед за высылкою нашею из России, произведено санкт-петербургскою полициею заарестование в доме графа Чернышева-Кругликова¹ на Сергиевской нескольких сот тысяч брошюр, принадлежащих: частью лично мне, частью графу Корфу и, наконец,

упраздненному Обществу поощрения духовно-нравственного чтения, всего приблизительно на 21 000 рублей.

Книжки эти все изданы с разрешения цензуры, или духовной, или светской, на основании действующих узаконений о книгопечатании. Большая часть из них удостоилась если не очень лестного Вашего отзыва относительно литературного их достоинства, то по крайней мере положительного признания их безвредности.

2-го августа 1880 года, в письме к графу Корфу, Вы выражались об этих брошюрах в следующих словах, выписываемых мною из копии с письма Вашего, сохраняющейся у меня:

«Я просмотрел все присланные вами книжки и не нашел в них ничего, что могло бы служить поводом поставлять препятствия к их продаже или раздаче. Об этом я уведомляю и гр[афа] Игнатьева»².

В настоящее время Вы признаете опасным распространение брошюр, которые четыре года тому назад Вы считали безвредными и сделали распоряжение об отобрании их у нас с целью их уничтожения. Неужели не страшно Вам уничтожать книжки, которые стольких уже остановили на краю гибели и могли бы еще оказаться орудием спасения бесчисленного множества людей? Обратите внимание и на то, что книги, которые Вы предписали заарестовать, не только разрешены цензурою, но появились не вновь, а свободно и открыто распространялись по России в течение многих уже лет.

Константин Петрович, полагаю я вопрос этот на совесть Вашу, как честного человека и юриста, – справедливо ли и законно ли, если даже Вам и кажется необходимым изъять из обращения наши книжки, лишая нас, т.е. меня и членов Общества (в числе которых есть и не богатые), пожертвовавших свои деньги на издание этих брошюр, законной нашей собственности, безо всякого за то возмездия?

Во всех европейских государствах, когда правительствам приходится (даже *pour cause d'utilite publique*³) нарушать право собственности частных лиц, не всегда ли вознаграждаются пострадавшие лица?

Не сочтете ли Вы справедливым собрать от книгопродавца Гроте, которому поручалось Обществом хранение и продажа его изданий, а также у меня точные сведения о стоимости отобранных у нас книг, и исходатайствовать для нас возврата стоимости их, чтобы, хотя в слабой мере, загладить несправедливость нарушения нашего права собственности.

Я вполне убежден, что, если настоящее письмо мое Вы представите Государю, он немедленно повелит уважить мою просьбу.

Константин Петрович, власть, которою в настоящее время облекает Вас доверие к Вам Государя, почти неограниченна; но возможность, которая Вам дана личные свои воззрения осуществлять, делая их обязательными для других, налагает на Вас очень тяжелую ответственность пред Богом!

Вы, я знаю, нам не доброжелательствуете, и возбудили на меня лично вовсе не заслуженное мною неудовольствие Государя; но я полагаю, что Вы поступали так по неведению, потому что действия наши представлялись Вам в превращенном виде. Я поэтому не перестаю и не перестану молить о Вас Господа, прося Его Духом Своим Святым озарить сердце Ваше к истинному познанию его любви.

Да укажет Сам Он волю Свою, чтобы свободной проповеди Слова Его в России не было более Вами поставляемо преград, и да убережет Вас Господь от страшной ответственности оказаться богопротивником. – Да обратит Вас напротив Господь в истинного и ревностного служителя Своего, чтобы тем самым соделать Вас вернейшим и достойнейшим слугою Государя и России.

В.Пашков.

25 сентября
1884 г.

P.S. Буду ожидать Вашего решения⁴.

¹ Чернышев-Кругликов Иван Гаврилович (1787–1847) – тайный советник, отец Е.И.Чертковой.

² Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, в 1881–1882 – министр внутренних дел.

³ ради общественной пользы (*фр.*).

⁴ Ответ К.П.Победоносцева на данное письмо см. в кн.: К.П.Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т.1. Полутом II. С.456–457.

2

Милостивый Государь Константин Петрович!

Решение, последовавшее на письмо мое к Вам из Бадена от 25-го сентября прошлого 1884 года, возбудило в сердце моем чувство истинной благодарности к Вам. Я знаю, что от Вас исходит, по внушению Господнему, почин этого доброго дела: разрешить нам

возобновить раздачу наших книжек и возврата нам всего задержанного полицией; а потому хочу выразить Вам за то сердечную признательность.

Мне приходится еще однако ж по этому делу утруждать Вас еще раз покорнейшею моею просьбою. – Не ограничивайтесь полумерою, дайте нам возможность воспользоваться милостивым Вашим дозволением, и для сего сообщите губернским властям, что мы, раздавая книги наши, не претупаем никакого постановления правительства.

Во всем том, что не противно прямым повелениям Господним, мы почитаем священной обязанностью повиноваться властям, ибо такова воля самого Господа, говорящего в Слове Своем, что нет власти не от Бога.

Люди, для которых повеления Господни Святы, для которых грех, во всех его видах, стал крайне грешен, ибо они научены из Св. Писания знать, что несправедные царствия Божия не наследуют; люди, измененная вполне жизнь которых свидетельствует о возрождающей и обновляющей силе благодати Христовой и Духа Божия, – такие люди, которые повинуются Правительству не из страха наказания, а по совести, не опасны; таких людей никогда не окажется в рядах заговорщиков, восстающих против установленной Богом власти.

В настоящее время, это Вам хорошо известно, неудовольствие против Правительства преобладает во всем интеллигентном классе в России. Отрицая всякую власть, не только небесную, но и земную, почти вся мыслящая часть русского народа относится крайне враждебно к Правительству. Истинно преданных Государю и Правительству лиц осталась одна только горсть. Как же можете Вы пренебрегать поддержкою людей, которые из послушания Богу никогда не будут противиться власти во всех делах, не касающихся веры их, т.е. предметов, выходящих из пределов земной власти.

Неужели потому только, что эти люди расходятся по некоторым вопросам в понимании с исповедующими Православное вероучение, вы решитесь честнейших и вернейших подданных Царя преследовать и предавать суду за то, что они поступают по совести, не кривя душою и действуя открыто. Неужели предпочитаете Вы им таких, которые, заглушая голос совести, хотя не верят в учение Православной церкви, но из личных расчетов не хотят отдалиться от нее, а потому подчиняются ее постановлениям притворно.

При теперешнем отчаянном положении России, когда ни духовенство, ни сословие преподавателей, ни администрация не представляют собою никакой твердой, сколько-нибудь надежной опоры, когда в них не оказывается никаких элементов противодействия духу отрицания, пропитывающему понемногу всю массу населения

России, казалось бы, что государственным людям, дорожащим безопасностью Государя и благом отечества, не только не следовало бы противиться проповеди Евангелия, но надлежало бы дать ей полнейшую свободу, как единственной силе, могущей спасти народ от растлевающего действия проповедуемого безначалия и безверия.

Правительству разве будет хуже оттого, что увеличится в России число людей, в сердцах которых Господь Сам запишет Духом Святым собственный Свой закон.

Да убедит Вас Господь, что проповедующие Слово Божие не таясь, открыто, не могут быть врагами Государя и России, что они напротив сердечно преданы и Царю и Отечеству.

Примите, Милостивый Государь Константин Петрович, уверение в глубоком моем к Вам уважении и душевной преданности.

В.Пашков.

Февраля 27-го

Марта 11-го 1885.

3

Милостивый Государь Константин Петрович!

Еще раз приходится мне утруждать Вас письмом по поводу того же, пока еще не окончательно выясненного дела: возвращения нам отобранных полицией книг и брошюр.

В письме от 18-го января сообщено мне [осподино]м товарищем министра внутренних дел, заведующим полициею, что по состоявшемуся между Вами и графом Дмитрием Андреевичем Толстым¹ соглашению относительно признанной возможности не изымать из обращения книг, распространяемых упраздненным Обществом поощрения духовно-нравственного чтения, решено нам возвратить эти книги, о чем и сделано надлежащее распоряжение.

По прямому смыслу сообщения генерала Оржевского², мы имели полное право заключить, что все издания наши, безо всякого изъятия, так как о таком изъятии ни слова не упоминалось, будут нам возвращены.

На днях оказалось иное. Распоряжение, сделанное на основании решения Вашего, подверглось, при исполнении его, изменению, на которое именно я в настоящее время к Вам обращаюсь с жалобой.

Три книги наши, а именно: Новая Русская Азбука, Любимые Стихи с Песнями Сиона и Путешествие Пилигрима с Духовною Войною задержаны Синодом без объяснения к тому причины. — Эта последняя книга оказывается вторым изданием сочинения Буньяна³,

переведенного чуть ли не на все европейские языки и признанного всем христианским миром одним из лучших изложений практического христианского благочестия.

Константин Петрович, не позволяйте подчиненным Вашим изменять Вашего собственного распоряжения, умалять значение сделанного Вами к восстановлению нарушенного права собственности нашей.

Удержанием хотя одной части ее нарушается это право, точно так же, как и захватом всего.

Я надеюсь вполне, что Вы этого не допустите и предпишете возвратить нам и эти три последние книги.

Не могу при сем не упомянуть, что книги наши оказались все повыбраны из ящиков, в которых они хранились, и брошены в синодальных подвалах в величайшем беспорядке, так что они значительно пострадали от пребывания своего в руках служащих Св. Синода и возвращены нам далеко не в удовлетворительном состоянии.

Прошу Вас, Милостивый Государь Константин Петрович, принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и преданности.

В.Пашков.

Марта 26-го

Апреля 7-го 1885.

¹ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, член Государственного Совета, в 1865–1880 обер-прокурор Синода, в 1882–1889 – министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

² Оржевский Петр Васильевич (1839–1897) – с 1882 по 1887 товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов.

³ Беньян (Вунян) Джон (1628–1688) – английский проповедник и писатель, автор аллегорического романа «Путь паломника» (Ч.1–2, 1678–1684).

2-го Сентября 1887.

Милостивый Государь Константин Петрович!

В разговоре с Вами сегодня я нечаянно ввел Вас в заблуждение, утверждая, что в приюте Е.И.Чертковой¹ постоянно преподавался закон Божий священником. Оказывается, как я узнал сейчас, что несколько лет сряду преподаванием этим занималась семинаристка, имеющая на то право, и только недавно, как говорили Вы, поручено оно священнику.

Пишу Вам только для того, чтобы восстановить истину, невольно мною превращенную.

От всего сердца желаю, чтобы мы с Вами не оказались в разных станах, ради того что Вы запрещаете напоминать людям о Христе едином Спасителе.

Да благословит Вас Господь познанием истины во Христе Иисусе и да сделает Вас слугою Своим.

Сердечно преданный и уважающий Вас.

В.Пашков.

¹ Имеется в виду Екатерининский приют в Петербурге, основанный в 1871 Е.И.Чертковой для детей-сирот из бедных семей. По сведениям, сообщенным К.П.Победоносцеву, в нем проходили проповеди учения лорда Редстока (см.: РГИА. Ф.1574. Оп.2. Ед.хр.63. Л.71–72).

5

*Гагаринская набер[ежная] №10
Сентября 28-го 1887.*

Милостивый Государь Константин Петрович!

Я сегодня вернулся из деревни и узнаю, что просьба, с которой я обратился к генерал-адъютанту Рихтеру¹ исходатайствовать у Государя Императора согласия на оставление меня на жительстве в России, препровождена Департаментом государственной полиции на распоряжение г[осподи]на министра внутренних дел.

Полагая, что граф Толстой² не даст ходатайству моему дальнейшего хода и что мне придется 1-го октября, т.е. дня через два, в третий раз подвергнуться высылке из отечества, я желал бы иметь хоть раз возможность повидаться с Вами, надеясь, что, объяснившись со мною, Вы, может быть, признаете несправедливость лишения меня права проживать в родной моей стране.

Прошу Вас благоволить назначить мне время, когда возможно будет Вам принять меня.

С истинным уважением остаюсь

Покорный Ваш слуга

В.Пашков.

¹ См. прим. 146 на с.285.

² См. прим. 1 к письму от 26 марта/7 апреля 1885 на с.293.

6

*Париж
86 rue de Courcelles
13/25 Декабря 1893.*

Вследствие принятых Вами мер, Константин Петрович, в настоящее время прекращена повсюду в России проповедь Евангелия, производившаяся сектантами. Пропаганду, которая ими велась, почитаете Вы вредною для русского народа, и потому Вы их лишили возможности ее продолжать, сослав всех их проповедников в Закавказский край; но не может же быть целью Вашей ссылки их превратить в настоящее мученичество.

Вам, вероятно, неизвестно, что несчастные эти люди, отчасти оторванные от семей, лишенные родного крова и всего своего достоинства, которое пришлось им, по кратковременности срока, данного им на сборы, продать за бесценок, сосланные в такие местности, где кроме армянского и персидского языков никакого не слышится, где заработка никакого они себе приискать не могут, откуда отлучаться им не дозволяется, – терпят страшный недостаток даже в дневном пропитании и одежде, не находя в окружающей их совершенно чуждой среде ни жалости, ни сострадания и не видя впереди никакого исхода из горестного своего положения, кроме угрожающей им голодной смерти.

От Вас, Константин Петрович, зависит положить конец переносимым ими страданиям.

Дозвольте этим несчастным перебраться за пределы России, чтобы там заработать себе трудами рук своих насущный хлеб, который в отечестве своем они теперь лишены возможности себе добыть.

Разрешите губернаторам Закавказских губерний, куда они сосланы, объявить сектантам, что желающие переселиться за границу могут получать на выезд из России паспорта бесплатно, как для себя, так и для членов их семейств. Таким образом избавляясь от них, Вы им окажете истинное благодеяние, предоставляя им способ освободиться от бедственного своего положения.

Испрашиваемая для них милость не велика, как видите; не откажите в ней молящемуся за Вас.

В.Пашков.

*Париж.
86 rue de Courcelles
20 января 1894.
1 февраля*

Многоуважаемый Константин Петрович!

Еще раз, не получив ответа на письмо мое от 13/25 Декабря, обращаюсь к Вам, не теряя надежды, что Господь вселит в сердце Ваше чувство сожаления к несчастным сектантам, сосланным в отдаленные места Закавказского края, и что Вы не откажете в исполнении моей просьбы: разрешите выдачу желающим из них выселиться из России заграничных паспортов, как для них, так и для членов их семейств. Этим разрешением воспользуются, полагаю, не многие — только такие, которые в местах ссылки не могут заработать себе дневного пропитания и потому терпят крайнюю нужду; но таким простым путем положен будет конец тяжким страданиям людей, которые во всем, что не противно их совести, всегда оказывались послушными исполнителями верноподданнических своих обязанностей, никогда не были обвиняемы ни в каком преступлении.

Дайте мне возможность, хотя за это смягчение участи сосланных, благодарить Вас ото всего сердца и удостойте меня извещением о Вашем решении в настоящем деле.

В.Пашков.

В.О.Шервуд ВОСПОМИНАНИЯ

Вступительная статья А.Л.Дмитренко

Подготовка текста В.А.Воропаева и Т.М.Марсаковой
Комментарии А.А.Кононова

Автор публикуемых воспоминаний известен прежде всего своими заслугами в области архитектуры. Главное произведение В.О.Шервуда – здание Исторического музея на Красной площади – неизбежно включает имя его создателя в пределы «культурного минимума» соотечественников. Между тем Шервуду принадлежит ряд замечательных скульптурных работ – в их числе памятник героям Плевны у Ильинских ворот в Москве (открыт в 1887). Наконец, при жизни он пользовался большим успехом как живописец. Граф М.Д.Бутурлин в ремарке к своим «Запискам» (около 1875) отмечал: «В эти последние пять-шесть лет замечателен сделался молодой портретист (в Москве) Шервуд. Он успешно присвоил себе ширь контуров и блеск палитры Брюллова с оконченностью деталей на манер Зарянки»¹. И менее всего известен Шервуд как мемуарист. Лишь в последние два десятилетия в печати стали появляться отрывки из его воспоминаний.

Владимир Осипович Шервуд родился 18 августа 1832² в селе Ислееве Елатомского уезда Тамбовской губернии. Его дед – кентский механик

¹ Записки графа М.Д.Бутурлина // Русский архив. 1898. Кн.3. С.180.

² Точная дата рождения установлена по архивным источникам В.А.Воропаевым: «Меня очень занимал Гоголь...»: Из записок В.О.Шервуда / Публ. и предисл. В.Воропаева // Литературная газета. 1986. 9 апр. №15. С.6. В последнее время в литературе упоминается два варианта отчества Шервуда – Осипович и Иосифович (см., напр.: *Аникин В.В.* Памятник гренадерам, павшим под Плевной. [М.], 1986. С.29–30). Однако следует напомнить, что в XIX веке каноническая форма имени Иосиф использовалась только по отношению к святым и священникам, а общеупотребительной была форма Осип. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сам Шервуд преимущественно использовал форму Осипович, а не Иосифович (см.: *Калакуцкая Л.П.* Этюды об именах: Иван – Иоанн, Катерина – Екатерина, Осип – Иосиф // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур.* М., 1996. С.260, 262). Наиболее авторитетная биография Шервуда имеется в кн.: *Булгаков Ф.И.* «Наши художники» (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. СПб., 1890. Т.II. С.256–257. Большинство других биографических статей о Шервуде основано на материалах этого очерка. Некоторые дополнительные сведения см.: *Шервуд Л.В.* Путь скульптора. Л.; М., 1937. С.6–12; *Воропаев В.* Державы вечная любовь... // *Куранты: Историко-краеведческий альманах.* [М.], 1989. Вып.III. С.268–275; *Зайцева Н.М., Подунова Н.И.* Владимир Осипович Шервуд // *Архитектура и строительство Москвы.* 1996. №1. С.47–3-я стр. обл. См. также список произведений Шервуда, составленный Н.П.Собко (ОР РНБ. Ф.708. Ед.хр.882. Л.131).

Вильям (Василий Яковлевич) Шервуд – был в числе иностранных специалистов, выписанных Павлом I в 1800 году. Из четырех его сыновей наиболее известен Иван Васильевич Шервуд-Верный (1798–1867) как «первый доноситель по делу декабристов»³. Другой его сын, Иосиф Васильевич (ум. 1837), отец нашего мемуариста, явился основателем целой «династии» художников. Его внук – известный скульптор Леонид Владимирович Шервуд (1871–1954), а дочь Ольга Владимировна, сама художница-любительница, – мать знаменитого графика В.А.Фаворского⁴.

В восьмилетнем возрасте Владимир Осипович был определен в Московский сиротский дом (вскоре преобразованный в Межевое училище). Здесь особое внимание в преподавании уделялось рисованию и черчению. Архитектуру преподавал П.П.Зыков, по словам самого Шервуда, оказавший «громадное» влияние на его художественное развитие: «Для меня этот человек был истинным счастьем, посланным судьбой. Я увлекся архитектурой и целые дни компоновал здания в разных стилях, делал рисунки иконостасов»⁵. Но перспектива стать землемером Шервуда не привлекала. Не закончив курса, при содействии Зыкова он перешел в Архитектурную школу при Московской дворцовой конторе, руководимую профессором архитектуры Ф.Ф.Рихтером. Школа располагалась в здании Сената в Кремле. Благодаря О.О.Артари, преподававшему здесь рисование орнаментов, а также «под влиянием хороших коллекций дворцовой школы, античных статуй и эстампов» он начал серьезно заниматься рисунком, за что был «поощряем учителями и попечителем училища»⁶. Несмотря на незаурядные способности к рисованию, Шервуду упорно не давалось черчение (в своих воспоминаниях он отмечает, что это «несчастье» сопутствовало ему всю жизнь⁷). Рихтер хлопотал о поступлении Шервуда в Академию художеств, но неудачно. Тогда он был переведен в художественный класс Московского училища живописи и ваяния, где работал в мастерской художника М.И.Скотти и стал его любимым учеником. Закончив здесь курс и получив в 1857 от Академии художеств звание неклассного художника по пейзажной живописи, Шервуд стал выполнять разнообразные заказы: рисовал орна-

³ Этой сакраментальной фразой открывается статья об И.В.Шервуде-Верном в Энциклопедическом словаре изд. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона: Т.XXXIXа (78). СПб., 1903. С.490.

⁴ Подробнее об этом и других потомках В.О.Шервуда см.: *Зайцева Н.М., Подунова Н.И.* Владимир Осипович Шервуд. С.48–3-я стр. обл. В 1995 в выставочном зале «Остоженка, 16» прошла выставка «В.О.Шервуд. Творчество. Наследие. Потомки».

⁵ *Шервуд В.О.* Воспоминания. Здесь и далее цит. по машинописному экземпляру (частный архив).

⁶ *Булгаков Ф.И.* «Наши художники». Т.II. С.256.

⁷ Свообразную экспликацию этой мысли находим в другом сочинении Шервуда: «Предки наши показали нам, что архитектуру надо рисовать, а не чертить <...> Конечно, всякая нарисованная композиция должна быть точно вычерчена; но если вы встретите ученика, который и не очень хорошо чертит, но видит, чувствует и изящно рисует архитектурные формы, то берегите его, он скорее может оказаться серьезным архитектором, чем самый аккуратный чертежник» (*Шервуд В.О.*] Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. М., 1895. С.158).

менты, делал архитектурные чертежи, писал портреты, пейзажи и жанровые сцены. Он также давал частные уроки, открыл литографическое заведение⁸, которое, однако, большой прибыли не приносило. Благодаря знакомствам с иностранцами его русские жанровые картины, говоря современным языком, пошли «на экспорт». В начале 1860-х Шервуд по приглашению англичанина Чарльза Диккенсона⁹ сам уехал за границу – писать портрет с его семьи, – «помолвиться и простившись с родными, взяв с собой пузырек русской земли на случай смерти, <...> без единой копейки русских денег»¹⁰.

В Англии, в городе Блэкберне (Blackburn) Шервуд прожил пять лет, занимался живописью, изучал характер местной жизни; особенно заинтересовала его система английского образования. Благодаря гостеприимству Диккенсонов Шервуд мог позволить себе свободно заниматься живописью. По его словам, одна из картин, написанная «с приготовленных в России этюдов», на Всемирной выставке в Лондоне (1862) «произвела хорошее впечатление. Я не собирал рекламу, что, конечно, было глупо. Не раз было напечатано в местных газетах Манчестера и Лангшира, и мне присылали письма с тем, чтобы перепечатать эти лестные отзывы в лучших газетах Лондона, – но с тем, чтобы заплатить за набор небольшую сумму. Я обыкновенно бросал их в камин. Друзья мои очень сердились на это и доказывали, что это справедливо, что я должен платить за набор, но я прямо заявил, что репутацию за деньги не покупаю, и впоследствии стали писать, уже не требуя с меня “набор”»¹¹.

Вскоре по возвращении в Россию Шервуд получил от Академии художеств звание классного художника 3-й степени по живописи исторической и портретной (1868)¹²; в 1869 – за представленные на ее выставку портреты А.И.Герье, А.В.Станкевича, Н.Х.Кетчера и Б.Н.Чичерина – звание классного художника 1-й степени¹³; и, наконец, в 1872 «за портреты Н.Е.Забелина,

⁸ В отделе эстампов РНБ хранятся 5 листов, отпечатанных в литографии Шервуда в Москве в 1858–1861. Все они посвящены событиям русской истории. В их числе – отдельные листы серии «народных картин» из жизни Новгорода IX–XII вв.

⁹ В указанной книге В.В.Аникина Чарльз Диккенсон превратился в «известного писателя» Чарльза Диккенса (С.31). Источником этого забавного недоразумения, по-видимому, послужила опечатка, допущенная в некрологе В.О.Шервуда, см.: Новое время. 1897. 12 (24) июля. №7676. С.2. Сам Шервуд пишет в своих воспоминаниях, что Диккенсон занимался «созданием новых механизмов», прожил пять лет в Москве. Его отец Вильям Диккенсон, «гениальный механик», усовершенствовал самоткацкий станок под названием «блэкберн-лум» и на этом разбогател.

¹⁰ Шервуд В. О. Воспоминания.

¹¹ Там же. На Всемирной выставке были представлены три произведения В.О.Шервуда: «Гаданье», «Деревенский писарь», «Озадаченный крестьянин» (см.: Указатель русского отдела Всемирной выставки 1862. Лондон, 1862. С.121).

¹² См.: Отчет Императорской Академии художеств. С 10 сентября 1867 по 15 сентября 1868 г. СПб., 1870. С.16.

¹³ См.: Отчет Императорской Академии художеств. С 15 сентября 1868 по 2 ноября 1869 года. СПб., 1870. С.20. Кроме указанных четырех портретов, на годичной выставке в Академии Шервуд представил также портрет Н.Н.Тютчева (кат. №328). В некоторых современных статьях о Шервуде этот портрет именуется портретом Ф.И.Тютчева.

Р.Р.М. и В.Я.Гопера»¹⁴ он был признан академиком. В эти годы Шервуд сближается с некоторыми членами Общества любителей российской словесности, собирает в своем доме вечера – «Среды на Калужской». Среди его гостей С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, И.Е.Забелин¹⁵. В числе группы московских художников он подписал известное письмо в Санкт-Петербургскую артель художников с предложением организации «подвижной» выставки (23 ноября 1869). (Впоследствии он, однако, не вошел в состав Товарищества передвижных художественных выставок и не был в числе его экспонентов¹⁶.) С 1870 Шервуд стал одним из руководителей рисовальных классов при Московском обществе любителей художеств. Впоследствии много путешествовал, изучая памятники древнерусской архитектуры; выполнил ряд престижных заказов – портрет Александра III для Городской Думы и Управы в Москве (1882–1883), портрет московского генерал-губернатора князя В.А.Долгорукова и другие. С его иллюстрациями вышло первое отдельное издание рассказа Л.Н.Толстого «Чем люди живы» (М., 1882), Кроме того, по рисункам Шервуда было изготовлено блюдо для поднесения императору Александру III во время коронавания и несколько серебряных изделий.

Несмотря на успехи в живописи, Шервуд видел свое главное призвание в архитектурной деятельности. Именно архитектурные проекты Шервуда наиболее полно воплотили его оригинальную историософско-эстетическую концепцию, обособленную им в теоретических сочинениях, и прежде всего в книге «Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика» (М., 1895)¹⁷. Философские и эстетические взгляды Шервуда, изложенные в этой книге, заслуживают и нашего внимания, поскольку задают своего рода «систему координат», необходимую и для восприятия публикуемых здесь его воспоминаний.

Концепция Шервуда основана на социологической теории позднего славянофила Н.Я.Данилевского – теории обособленных «культурно-исто-

¹⁴ Отчет Императорской Академии художеств. С 4-го ноября 1871 по 4-е ноября 1872 г. СПб., 1873. С.20.

¹⁵ Сведения заимствованы из указанной статьи Н.М.Зайцевой и Н.И.Подуновой (С.48).

¹⁶ См.: Товарищество передвижных художественных выставок: Письма, документы. М., 1987. С.51, 54, 541.

¹⁷ Это сочинение впервые было опубликовано в журнале «Русское обозрение» (1894. Т.28–30; 1895. Т.31). Текст отдельного издания отличается от журнальной публикации наличием авторского «Примечания» (С.1–II отд. паг.), содержащего обширные выдержки из сочинения А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (Т.1. Кн.3. §36, 37, 45). Солидаризируясь с Шопенгауэром по части воззрений на искусство, Шервуд в целом отвергает его пессимистическую философию. Отдельными изданиями было выпущено еще несколько сочинений Шервуда: «Пояснительная записка к проекту под девизом "Отчество" для здания музея имени Государя Наследника Цесаревича» (в соавт. с А.А.Семеновым. [М., 1875]); «О пользе технического рисования и черчения» (М., 1877); «Несколько слов по поводу Исторического музея имени Е.И.В. Наследника Цесаревича» (М., 1879). Имеются сведения о том, что в 1880–1890-е годы он сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском обозрении» и других изданиях как публицист (см. об этом: *Воропаев В. Державы вечная любовь...* С.271).

рических типов», согласно которой каждый из исторических народов олицетворяет собой определенную идею, воплощаемую им в культуре. Культура народа проходит определенные фазы развития – подобно живому организму, она зарождается, достигает зрелости и, исчерпав себя, умирает. Но поскольку идея народа вечна и неизменна, то неизменны и принципы, в которых эта идея воплощается¹⁸. «Образованное общество, вооруженное истинным знанием, обязано разработать русскую идею, вытекающую из собственных коренных начал и совпадающую с высшими требованиями разума во всех проявлениях жизни ее, а следовательно, и в искусстве, тем более что предки наши оставили нам громадный и чудный материал, который ждет сознательной оценки и искреннего одушевления, способного создать великое искусство»¹⁹.

Вера в науку, в разум, сугубо рациональный подход к художественному творчеству сочетались у Шервуда с романтическими представлениями о роли гения в познании природы. По его убеждению, «в глубине человеческого духа существует бесконечный источник законов и даже тайны законов природы, которые открываются в момент вдохновения. В это время художнику становится ясна во всей полноте творческая идея, проявляющаяся в характерных чертах известного явления природы»²⁰. Поэтому возродить подлинно народное (то есть выражающее национальную идею) искусство возможно в рамках национального «стиля», понимаемого Шервудом как система законов, подобных законам естественных наук. Свою задачу художника Шервуд видел в том, чтобы выявить эти законы – законы, отвечающие идее русского народа, сформулировать их и воплотить в своем творчестве. Особенно заманчивой была для него мысль о возрождении истинно народной русской архитектуры. «Я был бы очень счастлив, если бы мне пришлось в мою жизнь увидеть русское искусство упроченным на серьезных ученых и эстетических основаниях <...> Я бы желал сделать в архитектуре то, что сделал Глинка в музыке, – возьмите все его произведения, романсы, танцы, хоры, квартеты и, наконец, оперу, вы увидите везде Глинку и везде русскую музыку... Вот эта особенность, которую можно проследить во всех творениях Глинки, т.е. способ выразаться, и составляет стиль», – писал он И.Е.Забелину в мае 1874²¹.

В возможности возрождения архитектуры на подлинных «научных» принципах был для Шервуда источник непреклонной веры в преобразующую миссию своего творчества и вообще искусства. Такое возрождение искусства (= зодчества) должно будет способствовать нравственному и духовному преображению общества, при котором в основу «развития России

¹⁸ См. об этом: *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1978. С.145. См. также другие работы этого автора о Шервуде: *Архитектор В.О.Шервуд и его теоретические воззрения // Архитектурное наследство.* 1974. №22. С.3–18; *Проблема национального стиля в архитектуре России 70-х гг. XIX в. // Там же.* 1976. №25. С.144–146.

¹⁹ [*Шервуд В.О.*] Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. М., 1895. С.128.

²⁰ [*Шервуд В.О.*] Примечание // Там же. С.1 отд. паг.

²¹ Цит. по: *Кириченко Е.И.* Архитектор В.О.Шервуд и его теоретические воззрения. С.3, 6.

лягут ее древние народные формы жизни, и просвещенное общество, сознав величие идеи народа, сольется с ним»²².

Почему же Шервуда так привлекала архитектура? Согласно его взглядам, особенность русской идеи определяет универсальные возможности «русского стиля» именно в архитектуре²³. Шервуд доказывал, что в самом существе «русского стиля» «заключается бесконечная возможность создания самых разнообразных характеров зданий, чего не имел и не имеет *ни один стиль в мире* (курсив мой. – А.Д.)»²⁴. Рассмотрев «законы развития форм сообразно настроению духа» в архитектуре разных народов, Шервуд делал вывод, что эти формы «возвышались, начиная от устойчивых, хотя и тяжелых форм, перешли к крайнему пределу стремительности в высь, причем здание суживалось и лишалося простора; таков был результат стремления к личному спасению и отрицанию жизни. Русские предшественники духовно-нравственной идеи возвышали дух как силу, способную действовать среди людей и дающую им возможность приносить всестороннюю пользу. Так как искусство выражает идею народа, то русское зодчество соединило в себе и возвышенность, и широту»²⁵.

Особенности русского духа и русской идеи Шервуд связывал, конечно, с православием. Отсюда и его уверенность в том, что «восстановить всю полноту и всестороннее проявление духовной идеи в архитектуре суждено носителю чистой христианской веры – народу Русскому»²⁶. Очевидно, славянофильские настроения в еще более резкой форме проявлялись у Шервуда в ранние годы. Недаром в публикуемых ниже мемуарах он пишет, что в Англии «искренно должен был отказаться» от гербов своего рода: «Как бы ни было это интересно, но жизнь и одушевляющая идея России настолько поглотили все мое существо, что я небрежно и недостойно равнодушно отнесся к своему английскому прошлому».

В своей книге Шервуд не только обосновывает необходимость возрождения древнерусского зодчества, но излагает идеальную схему его приемов. Первообразом национального стиля Шервуд считал храм. «Религия в древней Руси была почти единственной руководительницей интеллектуальной жизни народа, всецело проникая и частную жизнь человека, – поэтому церковный стиль, который выражал одушевляющую идею народа, перешел

²² [Шервуд В.О.] Опыт исследования законов искусства. С.235.

²³ Мысль Шервуда о необходимости разработки национального стиля относится ко всем видам искусства. «Фактически же Шервуд выводит в своей книге законы и воссоздает систему одного только русского “стиля” в архитектуре. Причина этого в несоизмеримости уровней рассмотрения материала разных видов искусства, механически уравниваемого Шервудом. Архитектура, анализируемая на уровне стиля одной эпохи, поддается систематизации, в ней заложена объективная возможность выведения общих законов. Остальные виды искусства – живопись, скульптура, орнаментика, прикладное искусство, рассматриваемые в мировом масштабе, слишком разнохарактерны, чтобы можно было вывести общие формулы стиля» (Кириченко Е.И. Архитектор В.О.Шервуд и его теоретические воззрения. С.7).

²⁴ [Шервуд В.О.] Опыт исследования законов искусства. С.131.

²⁵ Там же. С.129.

²⁶ Там же. С.126.

и в гражданское зодчество»²⁷. Попыткой воплощения этой теории в жизнь и стал проект Исторического музея в Москве (1874–1883)²⁸. Исследовательница творчества Шервуда Е.И.Кириченко пишет: «Трудно сказать, что чему предшествовало – здание теории или теория зданию. Скорее всего, теория родилась из работы над проектом, проект явился как бы материализацией теории. <...> Книга лишь подвела итог многолетним трудам»²⁹. Несмотря на целостный, прагматический характер, в прикладной области художественная система Шервуда, очевидно, не нашла достойного выражения. Шервуд-архитектор известен как представитель русского «эkleктизма»³⁰.

При строительстве здания Исторического музея Шервуд, «ввиду особых обстоятельств», вынужден был сам заняться скульптурой³¹. Согласно первоначальному плану, предполагалось украсить музей статуями великих русских людей. Первым произведением Шервуда в рамках этого проекта была фигура «Баян», после которой им были исполнены бюсты С.М.Соловьева, Н.Х.Кетчера и И.А.Кононова. Кроме памятника героям Плевны, Шервуд исполнил памятники Александру II в Самаре (1887–1889)³² и генералу Ф.Ф.Радецкому в Одессе³³, а также памятник Н.И.Пирогову, открытый в 1897 (вскоре после смерти Шервуда) перед зданием университетских клиник в Москве (ныне – хирургическая клиника I Медицинского института им. И.М.Сеченова на Большой Пироговской ул.).

Последние годы жизни Шервуд провел в своем московском доме напротив Нескучного сада, в кругу семьи, состоявшей из двенадцати человек. В 1893 здесь он начал писать мемуары. Однако закончить их Шервуд не успел – 9 июля 1897 он скончался³⁴.

Воспоминания Шервуда во многих чертах традиционны для мемуаристики XIX века. Публикуемая здесь первая глава их представляет собой собрание семейных преданий и былей – своеобразную «родовую сагу». В достоверности этих преданий автор ничуть не сомневается. Само слово «воспоминание» имеет у Шервуда широкий смысл, который несколько непривычен для современного читателя. Употребляя это слово, Шервуд имеет

²⁷ Там же. С.129, 130.

²⁸ О строительстве и об архитектурных принципах, положенных в основу Исторического музея, см.: Кириченко Е.И. Москва на рубеже столетий. М., 1977. С.36–40; *ее же*. Исторический музей. [М.], 1984. С.18–47.

²⁹ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. С.147, 148.

³⁰ Там же. С.145.

³¹ Там же. С.148.

³² Булгаков Ф.И. «Наши художники». С.256.

³³ После 1917 памятник был снесен. См. репродукции старых открыток с его изображениями в «Московском журнале» (1996. №3. С.20–21). «Мы позволили себе одеть генерал-адъютанта Радецкого в древний костюм русского витезя, а между прочим солдаты узнали его и единодушно заявили, что это он» ([Шервуд В.О.] Опыт исследования законов искусства. С.118).

³⁴ См. некрологи: Строитель. 1897. №13/14. С.540–541; Всеобщий календарь на 1898 год. СПб., [1898]. С.521; а также указанный в прим.9.

в виду воспоминание «вообще», а не обязательно свое собственное воспоминание. Ощущая себя представителем рода, Шервуд безраздельно доверяется здесь «родовой» памяти. «Из эпизодов этого времени осталось только одно воспоминание», – пишет он о событиях, происходивших задолго до его рождения. Воспоминания эти не есть история духовного становления личности автора. Например, возвращаясь в памяти к своему детству, Шервуд лишь мимоходом отмечает, что тот или иной человек произвел на него «сильное впечатление», оказал «большое влияние». Причем сущность этого влияния обозначена обычно общими фразами. Приступая к воспоминаниям, Шервуд мог бы повторить слова из пушкинской автобиографии: «Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания...» (Начало автобиографии. 1830-е). Автор выступает как старший представитель семьи, излагающий для потомков ее историю, что и определяет характерный эпический тон повествования.

В своих воспоминаниях Шервуд оценивает людей с точки зрения собственных четко определенных нравственных убеждений. Идеальный тип человека, по его мысли, должен соединять в себе «самый искренний патриотизм, беспредельную веру, как руководительницу всего высокого, и любовь к народу» (в нижепубликуемых воспоминаниях эти слова относятся к личности Д.И.Сумарокова). В самом общем виде нравственный кодекс Шервуда вписывается в известную гражданскую формулу «православия, самодержавия, народности». Строгая позиция Шервуда, не без оттенка ригоризма, своеобразно проявляется в его трактовке отдельных характеров. В этом отношении особенно интересен рисуемый им на страницах воспоминаний портрет Ивана Шервуда-Верного. Характеристика одиозного родственника, обойти молчанием которого наш мемуарист, по собственному признанию, не имел права, является не только добавлением к тому своду преданий, который историк И.М.Троцкий окрестил впоследствии «шервудовской легендой»³⁵. Благородный «родственный долг» превратил рассказ племянника об авантюрных похождениях дяди в первую серьезную попытку разобраться во внутренних мотивах деятельности «первого доносителя». При этом в рассказе мемуариста не чувствуется ни малейшей тенденции обелить родственника. Образ «несчастного Шервуда-Верного» трактуется Владимиром Шервудом в полном соответствии с собственным нравственным кодексом и даже является своеобразной его иллюстрацией.

Фрагменты биографий, затронутых Шервудом на страницах воспоминаний, порой воспринимаются как сцены из увлекательного романа. Присутствует здесь и элемент анекдота, но «в том смысле, как его понимали в начале прошлого века: любопытное, но истинное происшествие»³⁶. Однако не внешняя занимательность и не соответствие каким-либо нравственным принципам служили для Шервуда поводом для включения того или иного эпизода в свое повествование. Главное здесь, очевидно, – это объективный «родственный долг», долг человека, ощущающего себя звеном в цепи поколений, сознание своей ответственности перед историей и потомками.

³⁵ Троцкий И. III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С.78.

³⁶ Там же. С.109.

В настоящем издании публикуется первая часть «Воспоминаний» В.О.Шервуда по рукописи-автографу, а также написанной рукою неустановленного лица (под диктовку), хранящейся в ОР РГБ (Ф.526. Карт.1. Ед.хр.21). Ранее по этому источнику были напечатаны небольшие фрагменты – кроме воспоминаний о Н.В.Гоголе (см. указанные статьи В.А.Воропаева) был опубликован отрывок, посвященный А.С.Пушкину: *Дилigentская Н.* «...Любил с ним подолгу беседовать» // «Пушкинский праздник»: Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященный Четырнадцатому Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. 1980. С.4. В 1996 в «Московском журнале» (№1–6) появилась публикация «Воспоминаний», выполненная, к сожалению, с нарушением элементарных текстологических норм. Во-первых, это касается многочисленных произвольных сокращений текста. Если не брать в расчет мелкие купюры, следует отметить, например, полное исчезновение фрагмента о процессе Баташева (№1. С.12). Последовательное сокращение «темных», по мнению публикатора А.Андреева, мест освободило его, конечно, от возможных упреков в отсутствии комментария. Предельно вольное отношение к первоисточнику проявилось также в радикальном его редактировании, осуществленном по принципу – делать непонятное понятным: изменен, например (при цитировании!), текст аттестата Кошелевского (№2. С.22); кроме того, А.Андреевым выполнена существенная стилистическая правка, дезавуирующая личность автора воспоминаний.

ВЫЗОВ ПРЕДКОВ В РОССИЮ

В царствование Павла Петровича правительство, заботясь о развитии промышленности и мануфактуры, старалось привлечь в Россию иностранных механиков и специалистов технического дела, которые могли бы положить начало самостоятельной индустрии. Между прочим, для начала механического дела в России, император Павел I обратился к английскому двору с просьбой прислать сведущего механика, который должен был носить звание «придворного механика». Так как для этого поста требовалось надлежащее образование и практические сведения, то английское правительство и рекомендовало деда моего, Василия Яковлевича Шервуда (Sherwood)¹. Фамилия эта очень древняя в Англии. В бытность мою в северных частях Англии сторонники консервативной партии показывали и предлагали гербы нашего рода, от которых я, будучи русским, искренно должен был отказаться. Очень жалею, что не имел

ни времени, ни случая изучить своих английских предков, между которыми был Св. Фома Шервуд² (а до святых я был всегда большой охотник). Меня уверяли в Англии, что отдаленные предки наши были герцоги. Меня возили в сохранившийся в Англии лес, называющийся Sherwood's forest (Шервудский лес)³. Это было удивительное зрелище. Не нужно было иметь особенного поэтического одушевления, чтобы почувствовать тысячелетнюю историю, свидетелями которой были эти гиганты. Они так стары, что тощая зелень едва покрывает их верхушки, и гигантские обнаженные стволы их старческими морщинами представляют картину последних моментов жизни. Как же было это интересно, но жизнь и одушевляющая идея России настолько поглотила все мое существо, что я небрежно и недостойно равнодушно отнесся к своему английскому прошлому.

Итак, я ничего не могу сказать о моих предках.

Из жизни Василия Яковлевича мне тоже очень немного известно. Рассказывали о каком-то соревновании его с французским придворным механиком, которое отчасти обуславливалось, вероятно, тогдашним враждебным отношением Англии к Франции; тем не менее, независимое положение моего деда упрочилось в России. Василий Яковлевич до конца жизни не хотел принять русское подданство, несмотря на то, что император Павел предлагал ему баронское звание, но почему-то желал при этом переименовать его из Шервуда в барона Розена⁴. Явление совершенно непонятное для меня. Итак, Василий Яковлевич Шервуд остался тем, чем был. Будучи награжден значительными средствами, он переехал в Москву, приобрел себе дачу в местности, где проживали многие аристократы – Орловы, Голицыны, Бахметьевы и другие. Это и было настоящее мое поместье против Нескучного сада⁵. Дом этот в 12-м году был занят французским полковником, что, может быть, и спасло его от пожара и уничтожения. Рассказы, которые мне приходилось слышать от старцев о 12-м годе, были полны энтузиазма. Англичане, вследствие тогдашних политических комбинаций, горячо сочувствовали России и обожали Александра I. В бытность мою в Англии мне часто приходилось встречать две гипсовые статуэтки Александра I и Веллингтона. В городе, где я жил, представителем его в парламенте был Джордж Фильден, преклонный старец. Он рассказывал мне со слезами на глазах, как имел счастье видеть и слышать Александра I.

Итак, дом наш уцелел от пожара в 1812-м году. Будучи пятилетним ребенком, [я видел,] как седой дед мой играл на скрипке (сохранившейся у меня) в утешение своих внучат «чижика» и весело подпевал: «Чижик, чижик, куда был? На Фонтанку водку пил. Пилайт румкам, пилайт две, вертайт в моем голове». Бабушка моя Марта Фоминична, должно быть, была ирландка. Круглое лицо,

вечно румяные щеки, большие черные глаза и колесом обведенные брови; неумолимая английская хозяйка, со всем возмутительным педантизмом, который для ее русских служанок был очень обременителен. «Shut the door». Беспрестанно нужно затворять двери каждую минуту. Порядок, чистота, аккуратность возмутительная. Но это имело и некоторое культурное значение. Когда бабушка вывешивала для просушки свои батисты или английский лinnen (полотно)⁶, то соседние дамы-аристократки из любопытства заглядывали на весь арсенал щепетильного английского обихода. Не могу не упомянуть вскользь: когда у меня был первый раз князь В.А. Черкасский⁷, то он вспоминал о приятных минутах юности, проведенных в семье деда, в обществе моего отца и дядей. Конечно, практика английского языка играла тут некоторую роль.

Из детей Василия Яковлевича старший был Шервуд-Верный⁸. Чтобы говорить об этом человеке (а обойти его молчанием я не имею права), прежде всего надо сказать, что несмотря на то, что у него всегда оставалась английская натура, но ни йоты английского воспитания, серьезного, значительного воспитания. Тогдашняя московская молодежь была воспитана на французских идеалах – Парто́с, Арто́с и Арамис и Дарданья́н Дюма были только слабым воспроизведением действительного типа Ивана Васильевича Шервуда. Беззаветная храбрость, самые непозволительные романические приключения, не оправдываемые никаким нравственным чувством, считались чуть ли не идеалом современного героя. Он не был моим идеалом, но я невольно должен вспомнить о нем хоть в нескольких строках⁹. Сильный, красивый блондин, с страшнейшим английским хладнокровием, Иван Васильевич Шервуд получил очень порядочное, по тогдашнему времени, образование; по крайней мере, оно обуславливалось знанием английского, французского и немецкого языков. Вместо того, чтобы начать рабочую карьеру, как его отец механикой, – и, конечно, он оказал бы в этом деле большие успехи, потому что был крайне ловок и сметлив. Иван Васильевич, в виду общего настроения тогдашней молодежи, поступил в тот полк, которым командовал Пестель¹⁰. Между тем среди русского общества, воспитанного в общем движении западноевропейской мысли, составил заговор против строя государственной русской жизни. Как выше было сказано, англичане были глубоко преданы Александру I. В бытность моего деда при дворе в качестве придворного механика случалось часто, что император Александр I сам ласкал и его, и [его] семью. Не только своим высоким престижем, но и необыкновенным сердечным и любовным вниманием, которым он так умел озарять все его окружающее, государь возбуждал к себе почти обожание. А Иван Васильевич как старший больше всех мог помнить его. Отсю-

да станет понятным, что семнадцатилетний юноша, узнавши от одной влюбленной в него особы о заговоре и покушении на жизнь монарха, окруженного такой славой, и личного благодетеля его, – не мог оставаться равнодушным¹¹. И вот раз, будучи ординарцем у Пестеля, Иван Васильевич слышит разговор, который ясно дает понять не только смутную идею заговора, но и некоторые определенные цели его. Кто из двоих, Пестель или Каховский, не знаю, да и дела мне до этого мало, во имя свободы думали о польской короне. Выходя из спальни, где происходил разговор на французском языке, Каховский увидел Ивана Шервуда и, вспомнив, что он в совершенстве владеет французским языком, понял, что они себя выдали. Адское хладнокровие юноши спасло его. Он отвел пистолет, который был наведен ему ко лбу, и объявил, что для него это нисколько не новость, что он давно все это знает, – и почему-то заговорщики сочли долгом оставить Ивана Шервуда в покое¹². Сколько прошло времени, я не знаю, но в конце концов Иван Васильевич, оседлав коня, поскакал в Петербург. Узнав об этом, заговорщики бросились за ним. Иван Васильевич буквально выдерживал целые сражения. Ему удалось доехать прежде всего до Новгорода. Здесь он явился к Аракчееву, воображая, что этот-то сановник, облагодетельствованный до крайних пределов своим монархом, и позаботится о его жизни. Не тут-то было. Иван Васильевич попал в самый мрачный день аракчеевской драмы. В это время была убита Настасья Минкина¹³, любовь к которой заставила сановника забыть весь долг и совесть, так что он не обратил внимания на угрожающую опасность его благодетелю. Иван Васильевич уехал в Петербург. Здесь он требовал личного свидания с государем по важному делу. Он требовал аудиенции, уж не рассчитывая, что после Аракчеева найдется еще человек, которому можно что-либо доверить. Аудиенция состоялась¹⁴. Объяснив государю сущность дела, Иван Васильевич встретил грозный взгляд Александра. «Если это так, то я тебя благодарю, но берегись, если это клевета. Откуда ты узнал все эти подробности?». – «Мне сообщила любимая женщина. Имени ее я не выдам никогда и надеюсь, что Ваше Величество и не потребует от меня». Когда дело заговора стало ясным (я не стану описывать все, что всем известно), наш Дарданьян как раз попал в свою сферу. Денег было много, красоты и силы молодости еще больше, и что он тут проделывал, – уму непостижимо. Впрочем, были и тяжелые минуты. Его преследовали; не раз было явное желание отравить¹⁵; публично нападали на него. Однажды в Москве молодежь, вооружившись всеми средствами, бросилась на коляску, в которой ехал Иван Васильевич, и окружила ее такой массой, что лошадям невозможно было двигаться. Положение было крайне опасное, но только не для

Ивана Васильевича. Вмиг он вскочил на стремянку коляски – в зубах кинжал, в руках два пистолета – и в этом виде он был готов дать отпор. Эффект был настолько поразителен и совершенно во французском вкусе, что эта же молодежь начала ему аплодировать. В виду отрав ему приходилось есть одни яйца; в виду преследования – прятаться. В домах, где он бывал, опускались шторы. Но это было недолго¹⁶. В Иване Васильевиче были и действительные достоинства за множеством недостатков. Это был настоящий воин. Невозможное хладнокровие, присутствие духа, постоянные соображения делали из него героя. Во время польской кампании, находясь при главнокомандующем, он вызывался на самые отчаянные мероприятия. В виду всей армии нужно было поджечь мост, который обстреливался градом неприятельских пуль. Двое из адъютантов главнокомандующего вызвались на дело. Не помню имени другого. Подойдя к мосту, они зажгли его; но товарищ Ивана Васильевича был убит. Он взял его на плечи и потащил в лагерь. Можно принять подобный поступок за подвиг, но это большая ошибка. Тут был возмутительный расчет: покойник, которого он нес на своих плечах, прикрывал его от пуль, которых оказалось много в трупе его товарища. Но так как нужно было произвести и некоторый эффект, то Иван Васильевич закурил трубку у зажженного моста и, неся труп на себе, спокойно и хладнокровно дошел до лагеря¹⁷. При осаде Варшавы он совершенно случайно оказал некоторую услугу своим. С сотней казаков, увлеченный беззаветной храбростью вперед, он был оцеплен польской кавалерией. Он немедленно вынул белый платок и объявил себя парламентом. Его привели в осажденную Варшаву. Он узнал все, что можно было узнать, и, вернувшись к главнокомандующему, предал себя суду, но вместе с тем и сделал сообщение виденного им, что оказалось далеко не лишним для атакующих¹⁸... Механические соображения его во время военных действий немало способствовали его блестящим успехам в Турецкую войну. Не могу объяснить точных обстоятельств, но суть дела для меня совершенно памятна. Русское войско, осаждая какую-то крепость, лишилось подвоза провианта только потому, что приходилось перенести его под выстрелами укрепления. Но механическая способность помогла Ивану Васильевичу. Он вызвался доставить этот провиант. С своими возлюбленными казаками, нагрузив лодки мешками хлеба, он переносил их в самом близком расстоянии от крепости, но так, что несшие лодки и нагруженные в ней мешки закрывались ими, и все пули попадали в муку и только один казак был убит случайно. Одно обстоятельство в Турецкую кампанию было для него, как он сам рассказывал, страшным моментом. Он послан был главнокомандующим отыскать расположенный отряд войска, чтобы объявить

ему надлежащую диспозицию. Была зима. Страшная вьюга подымала снег и песок. Ни зги не было видно. Ни о каком сознательном пути не могло быть и речи. Конь остановился. Гибель была неизбежна. Что было делать? Умирать и замерзать в степи не представляло особого интереса для Дарданьянского пошиба. Он вонзил шпоры в своего коня и опрометью бросился в хаос возмутительной бури. Но не прошло и нескольких секунд, как среди снежной вьюги показалась громадная масса русских войск и в таком ужасном положении, что если бы вовремя не было принято надлежащих мер, то вся эта масса воинства могла бы быть жертвой вьюги и мороза. Не думая ни одной секунды и не имея ни малейшего распоряжения на этот счет, Иван Васильевич объявил приказание начальства идти на позицию, которая была оставлена с лучшими материальными условиями. Несчастные солдатики были отогреты у пылавших костров и подкреплены доброй чаркой водки. Что оставалось делать человеку, самовольно изменившему позицию и заменившему по своему произволу диспозицию войск? Иван Васильевич предал себя суду, объяснив при этом, что если бы его и расстреляли за подобный поступок, он все же был бы очень счастлив, что спас честных воинов от бессмысленной гибели. Его посадили на гауптвахту, но затем и простили... Все подвиги его публиковались в газетах, и когда он являлся в Москву, в публичных собраниях пили его здоровье, имя его производило сенсацию, подобную имени Гарибальди¹⁹... Но что я могу сказать обо всем этом? Да, это был человек неумолимой энергии, колоссальной физической силы, находчивости и храбрости иногда ради эффектов. Тем не менее он был полезный воин. Но, увы! В русском воинстве есть особая сила. Эта сила чужда всяких внешних эффектов: она есть чистое самоотвержение, и в этом ее непобедимость. Вот этого-то культурного, чисто русского элемента и не было в несчастном Иване Шервуде, и несмотря на все громадные дарования и беспредельную храбрость, он никогда не был истинным героем русской жизни.

26 января. Вторник.

Не могу не заметить, что и моральные синтезы Ивана Васильевича не могли приходиться мне по вкусу. Когда я говорил ему о высоком отношении мужчины к женщине, он решительно останавливал меня: «По вашим теориям жизнь наша была бы ужасна. Представь себе, что все мужчины превратились бы в аскетов, – что бы делали тогда несчастные женщины?» И Иван Васильевич выдерживал свое правило до конца... «Бесчестный человек тот, кто не любит женщин», – говаривал он, и во имя этой своеобразной чести не пропускал никого, не стеснялся ни божескими, ни человеческими отношениями и слишком нестрого относился и к своему и чужому благо-

получию, – черта, которую тоже трудно оправдать. Но говоря о несимпатичных чертах Ивана Васильевича, нельзя не сказать правду и о действительных достоинствах его. Сколько раз случалось ему спасать людей, одному отражать четверых, пятерых разбойников, освобождая несчастную жертву. Любопытнее всего, что и подобные нравственные подвиги совершались у него с каким то адским хладнокровием. Раз ночью ему пришлось встретить возмутительное нападение семерых сильных людей на какого-то несчастного, которого они грабили. Иван Васильевич не решился защитить его по самому простому расчету, что погибнуть можно бесцельно, а спасти не было возможности. Иван Васильевич был настоящий военный офицер, и очень жаль, что его карьера, по роковой случайности, отвлекла его от настоящего призвания.

Не зная той сердечной благодарности, которую семья Шервуд питала к Александру I, некоторые правительственные лица взглянули на Ивана Васильевича как на особенно способного полицейского, и совершилась роковая ошибка: ему дана была инструкция, которую я читал, где предписывалось ему наблюдать за нравственностью России²⁰. Принявши это дело к сердцу, Иван Васильевич стал изучать русскую жизнь, и, как всем известно, в дореформенный период он встретил такую администрацию и таких чиновников, которые, безусловно, роняли авторитет правительства и топтали в грязь государственные законы. Какого рода была докладная записка Ивана Васильевича по поводу порученной ему миссии – не знаю; знаю только одно, что это обстоятельство было поставлено на вид в первых строках его заявления. Вскоре после этого Иван Васильевич был арестован и посажен в Петропавловскую крепость²¹. Каковы были причины этого заключения или страшного наказания, мне неизвестно. Знаю только одно, что смотрителю крепости было сказано, что если Иван Васильевич умрет, то он ответит за это своей головой. Вследствие этого Ивану Васильевичу делались всевозможные льготы. Он сидел в каземате Петропавловской крепости, где некогда была погребена очень высокопоставленная особа; его просушивали по временам, выводили на воздух; ему предоставляли для чтения всевозможные книги. И вот тут впервые Иван Васильевич понял всю несостоятельность своего образования и действительно читал много серьезных книг, не исключая даже Спинозы. Но тюрьма сделала свое дело: хотя она и не разрушила необыкновенного физически счастливо сложенного организма, тем не менее у него выпали все зубы и вылезли все волосы. Как его освободили, я не знаю; но только это было делом Благословенного Освободителя Александра II²². Внешняя жизнь, светские увлечения, недосуг сосредоточиться на самом себе много погубили даровитых русских людей. Впослед-

ствии Иван Васильевич говаривал: «Год и два посидеть в крепости всякому человеку полезно, но семь лет – это несколько много».

О его семейных отношениях мне известно очень мало. Первая жена его была Ушакова, из богатой аристократической семьи²³. После ее смерти Иван Васильевич женился на графине Струцынской, которая была в довольно преклонных годах²⁴. Это был тип крайне любопытный, в котором отразилась вся суетная и талантливая сторона польского народа. Помню, как Иван Васильевич в первый раз привез ко мне свою престарелую супругу. На ней было кольцо из фальшивых бриллиантов, которые никого не могли привести в заблуждение искусственной подделкой, и, вместо блестящей игры световой радуги, их тоны обличали происхождение бутылочного стекла. Она была ученица Листа и, несомненно, имела блестящую технику. Что она играла, трудно вспомнить теперь. Впрочем, одна пьеса осталась у меня в голове по странному ее названию, которая, по-видимому, была ее любимым *motceau de musique*²⁵. Она называла ее «Ober Tass (?)», а некоторые из знатоков музыки называли ее «Плотва в миске». Затем, графиня и композиторствовала. На своего возлюбленного, обожаемого супруга она написала стихотворение, которое начиналось так: «Орле, стой» и положила его на музыку. Вообще говоря, несмотря на ее образование и дарование, в обществе она была несколько смешна. Претензии на молодость и магнатскую пышность делали ее крайне комичной. Камердинер Ивана Васильевича Яков [раз] пошел ее провожать по обязанности, но она так неприлично нарядилась в самые южные костюмы, что все встречные не могли без смеха смотреть на нее, и Яков повернулся и оставил свою госпожу одну. В моем писании, быть может, есть какие-то недоброжелания, но, право, я к ней этого чувства не питал. Только одно было для меня странно: ночью муж и жена как будто стерегли друг друга и как только просыпался один, немедленно просыпался и другой. Словом, супруги были постоянно настороже. Графиня скончалась... Уже семидесяти с лишком лет Иван Васильевич женился на 17-летней красивой девушке немецкого происхождения и имел от нее 2-х сыновей, которые и теперь здравствуют²⁶. Молодая супруга ревновала своего мужа старика, и, я должен признаться, – не без основания...

Живя в последний год в Петербурге, Иван Васильевич хлопотал о процессе с Баташевым, который в истории русской юриспруденции представляет нечто изумительное. 9 именных повелений было по этому делу; в старых судах оно было решено в пользу Ивана Васильевича, но тем не менее какими-то непостижимыми судьбами, несмотря на влияние, оно осталось нерешенным даже до сего дня, и все средства, которые были переданы Баташеву, никогда не возвращаются разоренной семье²⁷.

Иван Васильевич встретил смерть так же спокойно и с таким же военным оттенком; последний возглас его перед смертью был: «Эй, седлай коня». Скажу опять, что это был настоящий воин, который был и еще мог бы быть полезен России.

Прежде чем приступить к описанию других членов семьи Василия Яковлевича Шервуда, не могу не упомянуть о сподвижнике Ивана Васильевича и верном слуге Якове. Это больше чем любопытный тип. У отца первой жены Ивана Васильевича, Ушаковой, была цыганка. От нее Ушаков имел сына Якова. Вследствие каких обстоятельств, неизвестно, но Яков был записан крепостным Ушакова, следовательно, фактически был рабом, но всегда глубоко сознавал свое аристократическое происхождение. Это положило особый отпечаток на всю его жизнь. Надо было видеть его физиономию, с нависшими бровями, блестящими черными глазами, правильными красивыми чертами лица, спокойной, исполненной достоинства осанкой, не способного ни на какую ложь, презирающего всякую неправду и какие бы то ни было компромиссы с своей совестью. Будучи братом жены Ивана Васильевича, он сделался его камердинером. В нем вылилось в самых ярких чертах его происхождение. По характеру с одной стороны чистый nobleman²⁸, с другой – цыган со всеми его атрибутами. Он не расставался с Иваном Васильевичем. Когда Ивану Васильевичу в Польше в виду неприятеля поручено было сжечь хлебные запасные магазины, Яков был с ним на военном поприще. Подпалив хлебные запасы, Иван Васильевич успел ускакать на кровном коне, а несчастный Яков, как ни погонял свою клячу, попался полякам. Они моментально хотели его повесить. Это была партия под предводительством Потоцкого²⁹, и Яков стал уверять их, что он больше цыган, чем воин, и большой знаток не только как содержать и холить коней, но и лечить их. Защищая себя от петли, Яков уже обдумал план своего спасения. Так и случилось: его прямо отправили в конюшню Потоцкого. Цыганские таланты ярко выказались в заведовании и уходе за великолепными конями Потоцкого. Месяца два он присматривался и приучал к себе самого лучшего коня и сдружился с ним, как с родным братом. Когда все уверились в его искренности и благонадежности, в одну сумрачную ночь Яков оседлал своего друга и ускакал в русский лагерь к своему господину. «Ну, Иван Васильевич, теперь Вас поймают, а не меня, потому что такого коня, как у меня, еще трудно найти». Но отношения тогдашних господ к своим слугам было возмутительное, и Иван Васильевич позволял себе подымать руку на своего родственника-камердинера. Это до того волновало цыганскую кровь Якова, что один раз он решил убить его. Взяв ружье, он пошел на кладбище, мимо которого Иван Васильевич должен был

возвращаться домой. Сев на камень, Яков зарядил ружье и ждал рокового свидания. Недолго пришлось ему ожидать. Увидев Якова и поняв очень хорошо оскорбленное чувство своего слуги, Иван Васильевич прямо пошел навстречу того случая, какого искал Яков. Он сам рассказывал мне: «Сижу и жду его с полным убеждением, что убью. Вдруг вижу, идет прямо на меня и совершенно спокойно говорит: “Что ж ты, дурак, не стреляешь? Ведь если ты меня не убьешь, так я тебя непременно прибью – выбирай любое”. Как я мог стрелять в такого человека, с такой беззаветной храбростью. Я бросил ружье и говорю ему: “Бей, чорт с тобой. Не могу тебя убить”». Я искренно любил Якова, и он был у меня скорее на покое, чем в услужении. Его все звали «Яго». Когда К.Булгаков³⁰, бывало, приезжал ко мне, то прежде требовал Яго. «Яго, рюмку водки». И надо было видеть эту благородную физиономию и то почтительное достоинство, с которым Яков подносил эту знаменитую рюмку. Он скончался, когда я был в Англии. Я не мог высказать свое участие в последний момент его жизни. Если я упоминаю так долго о почтенном слуге, то, право, благородство, честность и любовь его были настолько высоконравственного характера, что люди, претендующие на свою честь, не всегда достигали до достоинства моего милого Якова.

30 января.

Второй сын Василия Яковлевича был Василий Васильевич³¹. Никогда я его не видел, но слышал, что он был весьма красив, очень добродушен, работал на практическом поприще где-то на юге. Из всей семьи его мне пришлось видеть только старшего его сына, Ивана Васильевича, посвятившего себя сельскому хозяйству. Затем следует мой отец Иосиф Васильевич³². (Я был 5 лет, когда он умер, но я помню его круглое лицо, выразительные глаза, сросшиеся брови и черную курчавую голову.) Отец готовил его к практическим занятиям, вследствие чего он изучал химию, минералогию, механику, что помогало ему приносить практическую пользу крестьянскому люду. Но о нем после.

Четвертый брат, Яков Васильевич, был больше всех близок семье нашей и жил почти постоянно в Москве в занимаемом мною доме. Смолоду он тоже поступил на военную службу, и когда был произведен в прапорщики, то Марфа Фоминична, его мать, в восторге рассказывала, что «государь посадил мой сын на сан пробощник». Долго ли он служил – не знаю, но, кажется, дослужился до капитана³³. Не получивши особого блестящего образования, проводил молодость по большей части в деревне, где мало было людей, которые могли бы заинтересовать его. Яков Васильевич всей душой предан тайнственным явлениям, которыми так обильна простая, кре-

стьянская русская жизнь. Знахари, лекаря, таинственные заклинатели были его друзьями. Это просто была потребность известного поэтического настроения. Он знал некоторые целебные травы и небезуспешно лечил своих знакомых. Меня интересовало в нем то таинственное настроение, которым сопровождался его рассказы. Бывало, после усиленной работы с Мясницкой, где я жил, или со Знаменки, летишь к дядюшке. Мы располагались на ковре в саду, под яблоней, закуривали трубки жукова табаку³⁴ и в этом приятном *dolce far niente*³⁵ отдыхали не только физически, но и духовно. «Вот что я тебе скажу: одним материализмом жизнь не обусловишь; есть такие вещи, на которые Шекспир указывал», – и тут начинался рассказ, с которого можно было бы составить современный гипнотикоспиритический роман. Искренность и честность этого человека делали его всем крайне симпатичным. Все любили капитана с трубочкой. Бывало, соберемся прочесть какой-нибудь новый роман, и тут-то начинаются самые искренние волнения. «Нет, она не должна была так поступать», – выпуская дымок и размахивая руками, восклицал Яков Васильевич. «Он не прав, да, но она должна была сохранить всю свою нравственную чистоту». И завязывается спор иногда до поздней ночи: виновата ли героиня романа или нет, как будто это касалось самого глубокого личного интереса. Последнее время, когда он бывал у меня на маленьких сборищах, встречаясь с людьми, которые стояли в уровень высшего сознания, Яков Васильевич, несмотря на всю любовь, какую ему оказывали, и постоянное положение желаемого партнера в преферанс, стеснялся: ему казалось, что он чужой в этом обществе. «Нет, мой друг, – говорил он мне, – я так отстал от этого почтенного общества, что не всегда даже понимаю, о чем говорят. Той ограниченной сферы, в которой я жил, я вижу, недостаточно, и мне пора умирать». Но тем не менее Яков Васильевич всегда был любимым гостем, и самое душевное расположение тех выдающихся, как ему казалось, личностей сопровождало его до последних дней. Последние годы жизни Яков Васильевич все думал, как бы кому сделать какое-нибудь добро, и горько сокрушался, когда не хватало на это средств.

Спутницей его жизни до последних минут была его сестра Елизавета Васильевна³⁶. Я не помню ее в тот период, когда она была принята при дворе, но этот консервативный элемент остался у нее до последних дней жизни. Когда приезжал кто-нибудь из высокопоставленных особ, к этому случаю тетушка делала всегда новые куафюры³⁷ и торжествовала вместе с Москвой патриотический праздник. Будучи вполне аглицкого воспитания с подкладкой романтизма, она представляла из себя весьма любопытный тип. В молодости она была очень хороша собой и вполне была разборчивой невестой.

Но встретился человек, который действительно полюбил ее, и она со всей силой идеального чувства предалась этой любви. Дело это было скрыто от нас: это был ее внутренний мир, в который она никого не пускала. Но раз мы были в гостях у тетушки. Доложили, что явился какой-то старый человек. Когда его призвали, тетушка вмиг узнала его и стала расспрашивать про его господина. Оказывается, что и он с тех пор, как надежда на желанный брак с тетушкой была разрушена влиянием каких-то родных, – тоже решил не жениться ни на ком. Заметьте, что сцена эта происходила, когда жениху и невесте было не менее как по 70 лет. По-видимому, было сделано предложение приехать и повидаться, но благоразумная мисс, чувствуя, что обаяние уже невозможно, просила передать, что «не здесь, а они увидятся в будущей жизни». И действительно, они не долго прожили после этого времени. Елизавета Васильевна в молодости получила хорошее образование, конечно, по тогдашним воззрениям; хорошо знала английский и французский языки и брала уроки музыки у знаменитого тогда Фильда³⁸.

Фильд часто бывал в семье Василия Яковлевича и приводил своего ученика Дюбюка³⁹. Я помню направление этой школы. Это была спокойная, нежная и весьма симпатичная игра. Сам Фильд был крайне интересен по рассказам тетушки. Она играла нам его вальс, в котором композитор олицетворил свою ссору с супругой. Фильда очень любили в Москве. В бытность мою в Англии я любил дразнить англичан, что у них был один замечательный музыкант, это Фильд, и тот жил и умер в Москве. Он был оригинал до последней минуты своей жизни. Когда окружавшие его смертный одр русские люди заботились о его предсмертном напутствии, но не знали точно, к какой церкви он принадлежал, то спросили об этом умиравшего. Когда ему говорили: «Быть может, Вы католик?» – он махал головой. «Может, лютеранин?» – тот же отрицательный знак. «Не кальвинист ли Вы?» – «О, да! Я клавесинист».

Дед моей матери Николай Степанович Кошелевский⁴⁰ происходил от старого казацкого рода. Мне сказывали, что предки его были кошевыми; да это и вероятно, потому что отец обладал громадным состоянием. Вместе с Разумовским⁴¹ Кошелевский является в Петербург. Он был, кажется, губернатором Кронштадта⁴². Основав Академию, Екатерина II собирала туда детей дворянских семей и сама следила за их воспитанием. Она присылала в Академию и наследника Павла Петровича, который играл с детьми Академии⁴³. Вот один характерический эпизод из школьной жизни ребенка Кошелевского, который он помнил всю жизнь. Раз Павел Петрович звал его играть, а тому не хотелось; но он вспомнил, что у Императрицы на ее костюме были золотые кисточки, и Кошелевский поставил ему услови-

ем, что Павел доставит ему одну из них. Когда приехала Императрица и наследник заявил о желании своего товарища иметь ее кисточку, Императрица приказала подать ножницы, отрезала ее и ласково передала будущему великому деятелю России.

Особый характер тогдашнего воспитания в Академии художеств заслуживает некоторого серьезного внимания. Полная свобода, нравственное настроение и практический способ обучения без всякого насилия составляли необыкновенную силу этого учреждения. Дети, при которых еще были няньки, постоянно слышали французский, немецкий и итальянский языки и без усилий выучивались им. Это впоследствии давало им возможность знакомиться с научной литературой тогдашнего ученого мира. Детей приучали и к музыке, были хоры и свой оркестр. Вот почему понятно музыкальное развитие Бортнянского, ученика Академии⁴⁴. Рисование было тоже обязательным предметом для всех. Постепенное, вследствие долгого курса, изучение математики и русского языка образовывало формальную сторону ума воспитанников Академии. Цель Академии по-видимому (я не знаком с ее уставом, но передаю с рассказов), была в высшей степени целесообразна. Там умели не только сочинить памятник, вылепить его, но и отлить в бронзе. Техническая сторона шла рядом с формальной и эстетической. Я убежден, что идеи Великой Императрицы или, может быть, ее просвещенного сподвижника Бецкого⁴⁵ должны будут воскреснуть и вызвать к деятельности будущих художников. Не только художества, но и ремесла, как-то: кузнечное, плотничное, столярное и др. практически изучались развитыми эстетически учениками Академии. По-видимому, библиотека Академии заключала в себе все лучшие научные сочинения того времени⁴⁶.

Из рассказов о Николае Степановиче в школьный его период сохранились воспоминания о некоторых шалостях его, которые не могу не привести, потому что они характеризуют его будущую деятельность как механика и химика. В Академии был надзиратель старичок француз. Он носил парик, а во время дежурства снимал его и клал на стол. Кошелевский приготовил блок на потолке, протянул ниточку и спрятался за шкаф. Когда француз заснул, он привязал к ниточке парик и с хохлатским терпением дожидался его пробуждения. Пробудившись от сна, надзиратель первым делом хотел покрыть свою голову париком и протянул к нему руку. В это время парик взлетел в воздух. Он остолбенел в недоумении, смотря на остановившийся в воздухе парик. Можно было протянуть руку и достать его; и вот он бросается к нему, но парик летит выше. В недоумении француз опускается на диван, и парик опускается к нему очень близко. Опять ловля. Наконец он заметил механическую поделку Кошелевского.

В это время было уже известно о взрывчатых веществах. Кошелевский вычитал это из книг академической библиотеки и устроил в рисовальном классе нитку вокруг стены, на некотором расстоянии которой были помещены взрывчатые составы. Когда начался класс, и все сосредоточились на рисовании, – водворилась полная тишина. Вдруг послышался взрыв. Когда первое недоумение необъясненного явления прекратилось, последовал новый взрыв – и так без конца, чуть ли не в продолжении всего класса.

Николай Степанович был здорового сложения. Его очень занимала кузница, что впоследствии помогло в его деятельности. Он работал без устали и знал кузнечное дело в совершенстве. Это был инстинкт природного механика. Выбрав такую специальность, а надо сказать, что академики имели право выбирать любую специальность, он сидел в кузнице чуть не до 20 лет. Наконец его товарищ (тогда были товарищи, не изменявшие всю жизнь) стал уговаривать его заняться какой-нибудь более интеллектуальной профессией. Тогда он сдал экзамен по архитектуре, и аттестат его, который хранится у меня, подписан Бецким. Все это академическое прошлое послужило самым серьезным и существенным основанием необыкновенно разнообразной и плодотворной деятельности Кошелевского. Дальнейшие описания его жизни будут только разъяснениями его послужного списка, который представляет необыкновенное явление в государственном служении.

Итак, Кошелевский кончил курс в Академии. Он любил вспоминать о своем комическом положении, в которое был поставлен первое время. Полное незнание общества, господствовавших манер и приличий ставило его часто в неловкое положение. По рассказам наших предков, модные костюмы не составляли особой принадлежности молодых людей, являвшихся в общество; да и костюмы по своей ценности, расшитые разными узорами, сберегались довольно тщательно. И вот вновь выпущенного академика надо было нарядить по возможности прилично его положению. Отыскался довольно глазастый костюм его отца. Конечно, он был широк и мешковато сидел на юноше, но при некотором укорочении и урезывании петербургским портным он получил подобающую форму. Хоть талия и была не совсем на месте, и полы почти запахивались одна на другую, тем не менее родитель его, обревизовав обмундировку сына, остался весьма доволен; но юноша чувствовал себя совершенной чучелой: лишние размеры невольно обличали солидность фигуры его родителя. В этом мешке он был впервые вывезен в большой свет и чувствовал себя очень сконфуженно. К этому присоединилось и незнание приличий. Подавали чай. Надо было что-то сделать с чашкой, опрокинуть ли ее, положить ли в нее ложечку – этих правил

в академии не преподавали. И вот он без конца пьет чай, который ему подносят, и в конце концов просто бежит с великосветского приема. Не знаю, что было толчком к оригинальности в костюме Кошелевского: отвращение к моде или просто здравый смысл – создать костюм, удобный и согласный с формами человеческой фигуры, – но он никогда не следовал моде. И впоследствии он всегда велел портному делать талию, где пояс. Если портной увеличивал ему длину сюртука или фрака, он брал линейку, отмеривал приличный размер, совершенно сходный с современным костюмом, и беспощадно уничтожал артистическую красоту труда портного. Париков он не носил, а стриг голову гладко и шею повязывал черным платком.

Этот оригинальный костюм заинтересовал Пушкина, с которым Николай Степанович случайно столкнулся у московского генерал-губернатора⁴⁷. В ожидании приема Николай Степанович мерно прохаживался по зале. В это время вбежал небольшого роста человек с взъерошенными волосами, с заметным беспорядком в костюме. Пушкин только что был возвращен из ссылки. Он буквально бежал по комнате. Кошелевского заинтересовала эта личность, и он, поглядывая на него, вынул табакерку. Только он ее раскрыл, Пушкин бросился к нему и выбил эту табакерку из его рук, страшно сконфузился и начал извиняться. Между ними завязался разговор, вследствие которого Пушкин выразил свое удивление – встретить такого просвещенного деятеля в московском обществе! – и после, встречаясь, любил долго беседовать с ним⁴⁸.

Окончив курс в Академии по первому разряду, Николай Степанович был послан за границу. Приятель его скульптор Замараев⁴⁹ поехал через Варшаву, а Николай Степанович отправился на юг России, чтобы отплыть за границу Черным морем. Судьбе было угодно ознакомить его прежде с теми местностями, на которых он проявил впоследствии свою полезную деятельность. Мне известно только, что он остановился в Константинополе и пробыл там значительное время. Тогда в Константинополе была чума. По-видимому, подобное обстоятельство не устало Николая Степановича. Впоследствии я совершенно случайно узнал об этом. Я был на выставке в художественном классе с Тропининым⁵⁰. К нему подошел какой-то очень старый человек. Поговорив немного, Тропинин своим спокойным, остановочным говором рекомендовал меня старику: «А вот это внучек Николая Степановича». Слезы блеснули в глазах, и старческое лицо оживилось, руки как-то странно поднялись вверх, как будто он хотел обнять меня. «Знаете ли, ведь Николай Степанович мне жизнь спас. Я в Константинополе лежал в чуме, и все меня оставили, а он каждый день приходил ко мне, выжимал сок из нескольких лимонов и, смачивая им губку, прикладывал ее ко рту. Я

лежу в адском жару, пососу этого сока, мне и легче станет. Нашелся один человек христианин, не думал он о себе, и вот я теперь дожид до глубокой старости...» Слышал я, что раз, гуляя по Константинополю, закутанный в плащ, Николай Степанович устал, увидел какой-то сарай и опустился на что-то мягкое, предварительно покрыв его плащом. Выспался он самым благополучным образом. На утро встает, приподнял плащ и что же? Он спал на мертвом чумном. Немедленно бросив плащ, он выскочил из этой своей спальни с полным убеждением, что чума неизбежно должна его тронуть, — но, слава Богу, ничего не последовало. Будучи беспредельно веселого нрава с юношески пылким чувством, в мечтах его невольно мелькали очаровательные одалиски гарема. Разговаривая с атташе посольства⁵¹, Николай Степанович заявил непереносимое желание проникнуть в гарем султана. В это время переделывали печи или камины в гареме. Обривши голову, нарядившись турецким рабочим (а с печным делом он был знаком специально), он проник в гарем вместе с другими рабочими. Так бы это и прошло, но он стал слишком сильно заявлять мимикой и жестами свое внимание к одалискам, и довольно рельефно, так, что его заметили, и он должен был спасаться бегством. Пробежав какой-то зал, он влез на высокую стену, но перед ним открылась пропасть: стена снаружи была страшно высока, а преследующие были близко. Не думая, Николай Степанович бросился вниз и, конечно, расшибся так, что потерял сознание. Но так как эта проделка была известна в посольстве, то его стерегли и, к счастью, успели стащить в безопасное помещение. Он пролежал с неделю и, к счастью, никаких серьезных повреждений не оказалось. Надо удивляться неукротимой энергии и живости характера в талантливых людях. Немного оправившись, Николай Степанович стал бродить по Константинополю и посещать кофейни. В одной из лучших кофеен, которой не брезговали и сановники, Николай Степанович встретился с любимцем султана. Он говорил по-французски. Неотразимо добродушная веселость Николая Степановича расположила к нему на первых порах любимца султана. После нескольких слов Николаю Степановичу стало ясно, что расположение азиатского монарха к любимцу обуславливалось не внутренними достоинствами, а громадными усами его. Долго водились они, но по привычке Кошелевского к правде, которую, надо сказать, он всю жизнь пользовался без разбору, он начал подтрунивать над своим турецким приятелем. Произошла ссора. Гордый сановник наговорил оскорбительных вещей, но хохол Кошелевский скрепился, с тем чтобы отомстить ему, а главное — доставить курьезный спектакль обществу. В день своего отъезда из Константинополя он прощался со своим другом, и так как тот не прочь был выпить спирту, он угощал его со всем усердием. Крепкий спирт отуманил голову му-

сультанина, и он заснул. В это время заранее припасенными ножницами Николай Степанович отрезал у него один ус и вмиг исчез на готовый отплыть корабль. Но, к несчастью, корабль еще не трогался; он должен был отплыть рано утром. Объяснив обстоятельства капитану англичанину, которого от души насмешила вся эта история, Николай Степанович взял с него обещание ни в коем случае не допустить к нему султанского любимца и уехать вовремя. Когда с зарей они тронулись с места, то с берега видна была высокая фигура султанского фаворита, который неистово топал ногами и кричал что-то, вероятно, посылая все проклятия уходившему кораблю.

Итак, Николай Степанович был в Средиземном море. Первое время плавание было весьма спокойно и приятно. Но тогда пираты на Средиземном море представляли существенную силу, с которой приходилось считаться всем коммерческим судам. Ночью пираты напали на корабль и сразу завладели им. Нечего было и думать о сопротивлении. Многие были ранены и убиты. Пираты были итальянцы. Кошелевский знал в Академии итальянский язык. «Что толку убивать вам меня. Я отличный матрос и пригожусь вам». Видя смелого и решительного моряка, пираты оставили его в живых и сделали матросом на пиратском судне. Но они не выпускали его из виду и подозрительно следили за каждым его движением. Николай Степанович часто говаривал: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался», – и, конечно, с сильной верой, которая составляла сущность его души, он не раз обращался в молитве к Богу, и, должно быть, в этот страшный момент Господь услышал его молитву. Настала такая буря, о которой эти опытные моряки-пираты и понятия не имели. Не имея теоретических знаний морского дела, ни серьезного понятия об астрономии, эти дикие разбойники потеряли голову. Надо было воспользоваться моментом. Николай Степанович стал посреди них и заявил, что если они хотят спастись, то пусть вручат ему управление кораблем: «Я выведу вас из беды, но с условием, если вы и корабль будете целы, то вы высадите меня на берег; а если нет, то вы первого меня бросите в воду». Заявление было так решительно и авторитетно, что все невольно подчинились этому условию. Он провел корабль среди страшной бури, которая вскоре утихла, и пристал к берегу. Какой-то панический страх и благоговение перед честным и образованным человеком невольно выразилось честным порывом в этих безжалостных людях. Он высадился на берег Франции. Не знаю как, но достиг Марселя. Моментально увидел он большую постройку, обратился к ее главному архитектору, рассказал ему свою историю и просил принять в число помощников как специалиста. Дело пошло блестяще. Основательно знакомый с законами тогдашнего строительного дела, Николай Степанович не только выказал необыкновенную энергию, но и полное знание дела.

Главный архитектор не расставался уже с ним и сделал его своим помощником, платил ему приличное вознаграждение и по временам поручал ему отдельные работы. Накопив достаточно средств, Николай Степанович потянулся на родину. В это же время товарищ его, скульптор Замараев, выезжал из Италии, и по какому-то необыкновенному обстоятельству они встретились в Вене. Для меня труднопонимаем один факт. Возвратившись в Петербург, Николай Степанович подошел к своему дому, где жили его мать и сестры, и спросил, живы они или нет, и когда получил удовлетворительный ответ, что все живут благополучно, он не вошел даже в дом. Какая причина – трудно сказать. Можно только догадываться, что как единственный наследник всего состояния своего отца он мог произвести тяжелое впечатление на тех, которые полагали все благо в этих богатствах... Ему не хотелось нарушать их счастья, он махнул рукой, велел кланяться и, запасшись в Петербурге среди друзей некоторыми средствами, опять уехал за границу. Цель великого человека была: главное – взять все, что могла дать европейская культура, чтобы принести ту пользу, о которой так ярко свидетельствует его курьезный аттестат. По возвращении из этой поездки, он вступил в деятельность труженика России. Перейдем к фактам.

В аттестате Н.С.Кошелевского сказано: «По указу Его Императорского Величества дан сей аттестат состоявшему в штате бывшей комиссии по сооружению Храма в Москве во имя Христа Спасителя, младшим каменных дел мастером 14-го класса Николаю Степановичу, сыну Кошелевскому, в том, что он как по делам той комиссии значится, в службу вступил из дворян в Императорской академии художеств воспитанником в 1768 г., из которой по окончании наук выпущен с аттестатом I-й степени и с чином 14-го класса 1782 года апреля 21-го⁵². Находился при должностях: с 1782–1784 – при строении в С.-Петербурге Исаакиевской церкви архитекторским помощником. С 1784 по 1788 – в Херсоне коронным архитектором при строениях по крепости». Не имея сведений о его работах при Исаакии, впервые является деятельность Кошелевского по фортификации настолько важной в тогдешнее время при отсутствии инженеров, что труды его потом, как увидим ниже, были замечены русскими полководцами. «С 1788–1790 г. при строении в С.-Петербурге Таврического дворца. С 1790–1797 при архитектурной должности у господ: графа Гудовича⁵³ и фельдмаршала Румянцева⁵⁴. Хотя сей партикулярной должности [не] значится в аттестате, выданном Кошелевскому государственного адмиралтейства коллегии из исполнительной экспедиции 18 августа 1821 года за №1859, находившийся тогда при покойном фельдмаршале графе Румянцеве и управлявший военно-походной его канцелярией Правительствую-

щего Сената обер-секретарь коллежский советник Томиловский в данном 20 октября 1827 года и с приложением герба и своей печати свидетельстве в комитет, от Кошелевского представленном, удостоверяет, что он, Кошелевский, с 1790 г. по 1797 г. служил при нем, графе Румянцеве, по части архитектурских чертежей, планов и других казенных поручений». Румянцев заметил Кошелевского по первым его фортификационным работам, и так как в это время не пренебрегали умными и сведущими людьми, то Румянцев и пригласил его к себе на должность управляющего военно-походной канцелярией и как знатока военных сооружений. В этой должности Кошелевский действительно мог оказать пользу в военное время своими знаниями, что, несомненно, имело влияние и на самый ход военных действий и вместе с тем сблизило даровитого техника с знаменитым полководцем. Николай Степанович не знал компромиссов, упрям был, как истый хохол, и Румянцеву не раз приходилось сдаваться на доводы Николая Степановича. Раз в походе, при обсуждении различных мероприятий, способных обеспечить успех русской армии, Николай Степанович настаивал и доказывал целесообразность какого-то приема. Румянцев не соглашался. Николай Степанович доказывал ему, что его мера может быть пагубна, и решительно заявил, что он не только не станет исполнять это приказание, но и уйдет от него. «Посмотрим, как ты уйдешь», – возразил фельдмаршал. Кошелевский снял шляпу, простился с ним и побрел по степи. А в этой местности и жилья не было ближе 100 верст; но этим смутить нельзя было твердого характера, ни испугать подобными походами богатырскую натуру Кошелевского. Он был так силен, что подымал одной рукой какого-нибудь провинившегося десятника на воздух. И это была его любимая остротка: и не больно, и внушительно. Смеясь, он рассказывал анекдот, как он, путешествуя по России, встретил одну старушку, которая что-то очень сильно противодействовала ему. Он сгреб ее за шиворот одной рукой и поднял на воздух. «Ну, что ты гордишься своей силой, – заметила старушка, – ведь ишь я какая маленькая, а ты какой большой. А ты дай-ка, я встану на лавку, да и подойди ко мне». Шутя он поднял ее на лавку. «И представьте мое удивление: она сгребла меня за шиворот и подняла на воздух. Я потом трогал ее мускулы: выработанные тяжким трудом, они были совершенно железные...» Кошелевский отошел уже от походного стана Румянцева на полдня ходьбы. Румянцев одумался и увидел, что дорогой его помощник, с которым он совершал победы, совсем не из тех, что любят шутить, и послал отряд кавалеристов разыскивать беглеца и привести его назад. Кошелевского вернули. «Прости меня, ты прав, – сказал фельдмаршал. – Я тебя обидел. У меня есть одна дорогая вещь, которую я люблю и берегу: это кос-

твом, в котором я брал крепость. Возьми его на память от меня». Были же ведь люди, которые умели ценить и честь, и ум, и нравственное достоинство. Они были до того интимны, что не разлучались и в Москве. Румянцев ценил умные беседы Николая Степановича и уже не противоречил его странностям. Так, раз, проезжая в карете по Красной площади, Кошелевский просил фельдмаршала остановиться. «Что тебе нужно здесь?» – «Да здесь продают превосходный гороховый кисель». А был пост. Подозвали разносчика с лотком, и Кошелевский уписывал гороховый кисель. У Румянцева, глядя на него, явилось тоже желание попробовать этого кушанья. В свою очередь и Румянцев попробовал его, и они, очистивши чуть не весь лоток, двинулись дальше. Надо заметить, что частную службу Румянцев возвел в государственное значение и не желал, чтобы в деятельности Кошелевского не было помечено его заслуг военному делу.

Очевидно, что Кошелевский и после продолжал фортификационные работы. В аттестате сказано: «с 1797–1799 г. – на Дону коронным каменным дел мастером при постройке крепости св. Дмитрия. С 1799–1801 – в Академии художеств при архитекторе Захарове⁵⁵ помощником и в сие время в литейной С.-Петербургского арсенала построил для отливки оружия печь, помещавшую в себе до 1000 пудов металла»⁵⁶. Не только на войне в походной канцелярии, но и в мирные моменты Кошелевский готовил средства, представлявшие возможность увеличения боевой силы армии. Следя за европейской наукой, благодаря знанию языков, данному Академией, он читал и знал все современные приспособления законов науки к практическим приемам.

Из эпизодов этого времени осталось только одно воспоминание. Когда работалась эта печь, в которой расплавлялась внушительная цифра по тогдашнему времени металлов, размеры ее, конечно, были колоссальные. Работая на месте, не оставляя постройки даже и ночью, Кошелевский спал в будущей литейной. Кое-какие пожитки, бумаги и деньги тут же находились при нем, и, к счастью его любви к животным [sic!] и особенно к собакам, при нем находилась маленькая собачонка – шпиц. Улегшись спать, он был разбужен ожесточенным лаем и визгом собачонки. Она бросилась к печи, которая была закрыта тяжелыми притворами. Как он ни унимал ее, визг и лай продолжался. Тогда он встал и раскрыл растворы печи. Там стоял огромный мужик. Кошелевский схватил его за ногу и бросил наземь. Оказалось, что у него был отточенный нож и кистень, но сила старого академика одолела, и он связал его. Печь эта производила большой фурор среди тогдашних техников, и известность Кошелевского росла. Но он ей никогда не пользовался. И дай

Бог на поучение всех его потомков, чтобы деяния и деятельность их удовлетворялась не почетом, а нравственным чувством.

«С 1801–1803 – при адмиралтействе каменных дел мастером». Тут Николай Степанович вступает в новый отдел – гидротехнические постройки. Он строит форты в Кронштадте, укрепляя берега, и, наконец, «с 1803–1810 – по ведомству дирекции Мариинского канала при сооружениях при оном канале по реке Вытегре каменных зданий и шлюза во имя св. Павла и при соединительном канале в память Императора Петра Великого – монумента, коия производимые строения по его указаниям и присмотром окончены сходно данным ему планов и назначений со всей прочностью, и шлюз приведен в полное действие по судоходству»⁵⁷.

Кошелевскому удалось закончить проект Великого Петра – Мариинский канал блестящим образом⁵⁸. Инженер де-Валанд⁵⁹ еще, кажется, покровительствуемый Екатериной Великой, был человек более блестящий, чем серьезный. Претензий очень много, но знания были крайне ограничены и далеко не могли равняться со сведениями Николая Степановича. Последний всегда следил за всем новым, читая сочинения на всех европейских языках. Не отдаваясь своему личному дарованию, он так привык поглощать и переваривать все созданное лучшими умами Европы, что даже когда он умер, то под его подушкой нашли новый том химии какого-то известного авторитета. Где же было де-Валанду конкурировать с таким добросовестным ученым и опытным практиком. И вот надменная пошлость далеко не относится к нему так, как русский герой Румянцев. Вечные интриги, желание навязать какую-нибудь пошлость бесили Кошелевского, и он, вопреки претензиям де-Валанда, делал свое дело неуклонно. Хитрый иностранец хотя и старался импонировать над ним, но тем не менее не мешал исполнению дела, которое сам не мог исполнить, и показал зубы уже тогда, когда было поздно. Все это удручающим образом действовало на честного патриота. Окончив проект Петра, он задумал поставить ему памятник. Отыскался местный мрамор; Николай Степанович сделал скромный проект и почти на свой счет соорудил его⁶⁰. Тут не было жертв с его стороны, потому что он благоговел перед практическими целями монарха-работника, которые были так близки благородному труженику Кошелевскому. Все это тяжкое положение облегчалось присутствием его молодой жены Екатерины Ивановны. Чтобы перейти к этой жизни в Олонецкой губернии, я должен рассказать об этом счастливом браке, не лишенном особой оригинальности, а быть может, и поучительности. Еще в бытность его в Петербурге друзья его академики, а друзья тогда были настоящие, советовали ему жениться. Постоянно занятый серьезными вопросами практической науки, он

не имел времени думать о подобных предметах, и потому естественно, что ни одна особа не обратила на себя его внимания. Тогда друзья его нашли очень respectable семью какого-то Иванова⁶¹. Между прочим, он в то время уже служил при дворе. У него была дочь, юное и прелестное существо, воспитанная, что называется, в страхе Божиим.

Здесь не могу не остановиться перед величавым образом русской женщины. Благословляю Бога, что я видел их величие нравственности и чистоты. Это идеал истинной русской культуры, которой начало и конец можно видеть только на небесах. Меня изумляет, что русская литература проглядела эти великие типы и не только не возвела их в перл художественного создания, но оказалась неспособной даже и приблизиться и взглянуть на ослепительный нравственный свет русской женщины. Я благословляю свою жизнь уже только потому, что я видел эти благородные типы. И не я один так думаю. Покойный Юрий Федорович Самарин⁶² рассказывал мне, что он встретил знаменитого европейского доктора, лечившего женские болезни, который просил объяснить ему факт, приведший его в окончательное недоумение: «Messeur Samarin, я лечил женщин всех наций. По испанкам я понимаю Испанию, по француженкам – Францию, по немкам – Германию, и т.д. Но я никак не могу понять по русским женщинам ту среду, которая образовала такие противоположные типы. Я видал много русских женщин: одни из них – совершенные язычницы, другие же – святые, которых мир недостойн. Объясните мне ту среду, которая могла дать такие противоположные явления».

Екатерина Ивановна (Иванова, кажется), была дочь капитана морской службы. Постоянные путешествия и знакомство с европейским миром, постоянная возможность видеть просвещенное общество не делала исключительно односторонним характер воспитания, а вызывала потребность серьезного образования. Нечего и говорить о тех строго религиозно-нравственных правилах, которые Екатерина Ивановна получила в семье; в ней же она приобрела и любовь к литературе и музыке. В то время фортепиано было явлением очень редким, между тем как гитара была постоянным инструментом, сопровождавшим дружеское общество. Под нее выплясывались разные характерные танцы и пелись романсы и песни, причем певцы и певицы почти всегда сами себе аккомпанировали. Мне не удивительно, что бабушка знала массу тогдашних трогательных романсов; но я не могу объяснить себе, откуда, живши всю молодость в Петербурге, она знала много русских песен и любила их. Разве живая семья матросов, одушевлявшаяся русской песней, сообщила эти знания и любовь Екатерине Ивановне. Вообще патриотизм тогда

еще не был предметом осмеяния. Напротив, это живое чувство было настолько близко каждому, как чувство любви к собственной семье. Даже молодые барышни не относились индифферентно к великим людям России, на каком бы поприще они себя ни заявляли. Это представляло условия действительного прогресса. Молодые особы тогдашнего времени мало выезжали. Первый выезд на вечер или бал был величайшей эпохой в жизни наших тогдашних барышень. Екатерина Ивановна не вступала на светское поприще, а посещала только своих родных и близких знакомых и о жизни и людях не имела никакого понятия. Ей было 17 лет, когда вдруг привели жениха, которому было уже за 40 лет. Вся фигура его дышала силой и здоровьем; неудержимое веселие не покидало его ни на минуту. Николай Степанович встретили отец и мать Екатерины Ивановны с подобающей церемонией. Но когда вышла невеста, маленькая, чрезвычайно красивая и с кротким выражением лица, скромность которой еще более усиливалась этим необычайным положением, – Николай Степанович сразу понял всю чистоту, всю искренность цельного существа ее. Переговорив предварительно с родителями и заручившись их согласием, он в один момент приступил к делу. «Сударыня, вы мне очень нравитесь; но, вероятно, и Вам захочется посмотреть на меня и узнать всесторонне». Вслед за этим он начал повертываться во все стороны; и когда эта выставка кончилась, он сказал: «Ну, теперь Вы видели меня со всех сторон. Нравлюсь ли я Вам? Да или нет?» Что могла отвечать семнадцатилетняя девушка, импонирующая такой неукротимой развязностью да еще заранее приготовленная своими родителями, которые считали эту партию блестящей. Она, скрепя сердце, сказала: «Да». Но в сущности, как она мне передавала впоследствии, она не имела времени ни даже подумать и проверить свои чувства, и это «да» вырвалось у нее почти наудачу. После этого визита Кошелевскому была поручена одна из серьезных работ, и он с жаром принялся за выполнение ее, совершенно забыв о своей помолвке. «Я, – говорила мне Екатерина Ивановна, – сначала грустила, что так решительно дала слово. Страх сближения с мужчиной, да еще таким решительным, смущал меня; но проходили месяцы, а жених не являлся. Все объяснения серьезности дела, которым он был занят, для меня еще не были понятны; тем не менее я несколько успокоилась, как будто какой-то страх миновал, но вместе с тем какое-то внутреннее чувство непрестанно говорило мне, что в нем есть что-то особенное». Наконец друзья Николая Степановича сочли нужным напомнить ему о его предложении, и так как порученное ему дело было кончено, он с удовольствием приехал к своей невесте, и свадьба была назначена в скором времени. Не обошлось и тут без особых курьезов. Шафером его был один из его товарищей, увлеченный своей физиономией и

очень строго относившийся к своей внешности. Между прочим, Кошелевский явился в церковь в своем обрезанном сюртуке, без всяких париков, с остриженными черными волосами и несколько не изображал из себя героя дня. Не могу не заметить, что все эти внешние приемы для привлечения к себе почтения Кошелевскому казались чрезвычайно комичны. Когда шафер явился в церковь в расшитом мундире, с плюмажем на шляпе, в напудренном парике, то собравшиеся в церковь прихожане, любители свадебных процессий, обратили на него особенное внимание. Одна старушка, по видимому, специалистка в подобных обстоятельствах, обратилась к Кошелевскому, так как он был проще всех одет – указать ей жениха. Кошелевский и указал на своего шафера. Вся публика в один момент узнала это, и нецеремонная толпа осматривала франта с ног до головы. Смущенный этим вниманием, он спросил Николая Степановича: «Скажи, пожалуйста, нет ли у меня чего неаккуратного? Может быть, перышко где пристало. На меня так все смотрят». – «Хорош ты, брат, оттого и смотрят». Но когда приехала невеста, и Николай Степанович стал с ней под венец, то в публике раздался неудержимый хохот...

На другой день после свадьбы, по обыкновению, надо было делать визиты, но Николай Степанович получил опять какое-то неотложное поручение и немедленно сел за работу. «Я осмелилась, – говорила Екатерина Ивановна, – при всем моем страхе к нему, напомнить, что нужно сделать несколько визитов». – «Ангел мой, а ведь мне как раз и нельзя этого сделать. Поезжай одна. Видишь ли: мне дано высочайшее повеление; какое право я имею бросить дело и ехать с визитами. Экипаж готов, поезжай, сделай милость и выручи меня из неловкого положения». Почувствовав свободу, семнадцатилетняя дама засела в карету и давай разделять визиты. Приехав, между прочим, к одной своей подруге, она осталась там ночевать. Необычайный человек казался им чем-то страшным, и ее детские чувства тогда еще не могли встать в уровень понимания труженика святого долга. Гостит она день, гостит другой и не думает возвращаться домой. Узнав это, родители Екатерины Ивановны пришли в ужас. «Да ты знаешь, что с тобой будет, да ты потеряешь всякое уважение его за подобный поступок. Да ты знаешь, что он с тобой сделает за это!» Даже были намеки такого рода, что он будет обязан поучить ее как следует. Словом, привели несчастную Екатерину Ивановну в совершенный ужас. Бледная и трепещущая, она вошла в кабинет своего мужа. «Как сейчас помню, – говорила она, – он чертил по какой-то длинной линейке. Я думала – вот сейчас начнутся мои мучения. Вместо того я встретила самую добродушную улыбку, и это мне придало несколько смелости. “Ну, что же, тебе весело было на твоих визитах?” – “Весело”. – “Ну, как я рад. И мне было при-

ятно заниматься делом; только я думал, будет ли тебе то приятно”. Это был первый момент пробуждения того чувства к нему, которое переходит в благоговение и которое осталось на всю мою жизнь. Я не только полюбила его всей душой, но и считала его истинным руководителем в жизни, посланным Богом. С ним я не видела ничего, кроме радости; и сознательная жизнь, руководимая таким человеком, еще более, еще сознательней приближала меня к тому значительному настроению духа, которое в юности моей было только неопределенным чувством. Не только он не стеснял меня ни в чем, но ставил меня выше себя. И я уже не только не питала прежнего страха к нему, но решалась иногда делать ему свои замечания. Он в шутку называл меня “губернаторшей”. Несмотря на значительные средства, которые он получал, все же они были до известной степени ограничены; а по старой привычке он любил помочь бедняку, и так как я отбирала у него все деньги, то он утаивал несколько червонцев и ухитрялся прятать их в цветочные горшки. Вот, кого я боялась!» – говорила Екатерина Ивановна. Не всегда Николай Степанович был углублен в свои занятия. Он не только любил отдохнуть, но и буквально погулять со своими товарищами. И что это были за товарищи! Надо было слышать их беседы, видеть их неподдельное расположение друг к другу и такую искреннюю хохлатскую веселость, неудержимую силу которой мог описать только Гоголь. Екатерина Ивановна, несмотря на свой возвышенный строй, не только не избегала подобных увеселений, но и сама одушевляла их. Она брала гитару и приятным голосом пела и, так сказать, была солисткой этого веселого хора. Когда в старости Екатерина Ивановна избегала уже всякого общества, то не только не осуждала, напротив, поощряла задушевные семейные вечера, где все искренно веселились. Надо было уметь поставить робкое молодое создание, каким была Екатерина Ивановна, и возвести его на ту высоту, на которой она чувствовала справедливое и значительное, как в нравственном, так и в практическом отношении, достоинство женщины. Это не было равнодушное отношение к жене, как к неспособной понять те или другие высокие замыслы; нет, это было полное единение жизни высших и нравственных интересов. Вот с какой спутницей переехал Николай Степанович в пустыни Олонецкой губернии для окончания Мариинского канала. Вот кто поддерживал и сдерживал горячую хохлатскую натуру, способную без всяких обиняков высказать голую правду. А между прочим, де-Валанд именно был одной из таких личностей, с которым серьезному ученому и прямому человеку, жаждавшему исполнить возможно тщательно свой долг, почти нельзя было не войти в пререкания. Но Екатерина Ивановна нежным и нравственным чувством всячески старалась смягчать неумолимые требования своего супруга и заставляла его быть снисходительным к недостойному человеку, ставя

на вид Николаю Степановичу, что он должен поступиться всем, чтобы только закончить великое предназначение Петра I.

Словом, согласие Николая Степановича с де-Валандом продолжалось до тех пор, пока нужно было окончить трудное дело. Инициатива постанковки памятника Петру I тоже принадлежит Кошелевскому, да он, кстати, и нашел камень на месте. Но когда дело было кончено, де-Валанд пожелал вытеснить исполнителя и завершителя Мариинской системы и, конечно, достиг своей цели.

Но обратимся к жене Николая Степановича в этот период их жизни. Кроме чтения, было много и хозяйственных забот: нигде нельзя было достать ничего, и маленькой дочери капитана приходилось самой заваривать квас. Приготовили кадку громадных размеров, так что хозяйка вспрыгивала сначала на стул, потом на стол и только тогда могла заглянуть в эту ужасную пропасть. Какие были волнения и перипетии при создании этого кваса, но тем не менее напиток выходил на славу и настолько обильный, что им пользовался весь служащий персонал.

В числе служащих при дирекции Мариинского канала был один немец-протестант, кроткий и добрый человек и по свойству своей немецкой природы любивший часто совершать экскурсии в отвлеченную область. Кошелевский, будучи чисто православным, доказывал ему преимущества первобытной церкви, и тот как честный человек беспристрастно соглашался с его доводами. Часто говорил ему Кошелевский: «Вот, ты человек больной; случись несчастье, захворает ли или придет час воли Божией, ведь тебя некому и напутствовать. Похоронить-то даже по вашему обычаю будет невозможно: сюда скоро-то и не доедут», – и немец был готов принять православие, но все медлил. Потом вдруг захворал, очень тяжело, и не успели выписать врача, как он уже лежал на столе. Долго плакал Кошелевский и вспоминал с сокрушенным сердцем, что друг его не успел присоединиться к православии. На другой день после смерти вдова покойного, бледная, впопыхах прибегает к Николаю Степановичу: «Ради Бога, подите к нам, муж зовет Вас. Он очнулся и сидит в гробу». Николай Степанович побежал к нему, и тот ясно и определенно заявил, что желает немедленно присоединиться к православной церкви и причаститься св. Таин. И когда все это было исполнено к великой радости Николая Степановича, то, не выходя из гроба, он склонил голову, и смерть последовала немедленно с такими признаками, которые не представляли никакого сомнения в действительности ее.

Живя в уединении, Николаю Степановичу приходилось развлекаться и обществом бессловесных. Его занимал медвежонок, которого ему принесли еще очень маленьким. Он был крайне послушен и

понятлив; его выучили ходить в лавочку: наденут ему корзинку, положат записку, и он преаккуратно доставлял все домой. Но раз как-то кто-то из высокопоставленных особ приехал на место работы и где-то на углу нос с носом столкнулся с медведем. Начальство до того перепугалось, что потребовало немедленного уничтожения Мишки. Но Мишку привязали только на цепь. Наступил возраст для Мишки весьма серьезный: он уже начал интересоваться свежатиной. Бывало возьмет в лапы песку и посыпает на землю, и как только наивная курица или гусь увлекутся приманкой, то тут же становятся жертвой Мишкиных appetitov. Раз он сорвался и вбежал в комнату, где провел свою юность. К счастью, он миновал кровать, в которой спала старшая дочь Екатерины Ивановны. Увидев голову сахара, Мишка жадно набросился на нее и с ревом и рычанием ввалился в столовую, где Екатерина Ивановна разливала в бутылки ром, присланный из Петербурга. Она страшно перепугалась при виде чудовища, но Николай Степанович нисколько не сконфузился. «Губернаторша, налей-ка ты ему стаканчик рому и сама поднеси». Только Мишка выпил эту солидную порцию, как повалился на пол. Долго он ласкал этот стакан, который от него откатывался, но уже силы его оставили. Опасность, действительно, была велика: зверь был колоссальных размеров, и пришлось его убить.

Как ни была приятна жизнь серьезного труда, согреваемая истинным чувством любви, но зависть ограниченного специалиста, каким был де-Валанд перед Николаем Степановичем, отравляла и эти минуты. Как только дело было окончено, отношения их обострились до крайних пределов. Де-Валанд даже хотел, пользуясь своей неограниченной властью, заковать в цепи Николая Степановича и посадить под арест. Но Николай Степанович успел послать письмо в Петербург, и его освободили.

Возвратясь в Петербург, Николай Степанович несмотря на всю крепость своей природы, захворал нервной горячкой и лежал в Академии у кого-то из своих друзей, чуть ли не у Воробьева⁶³. Екатерина Ивановна ликвидировала свое хозяйство и, забрав детей, тоже бросилась в Петербург. Была весна, лед на Неве начинал трогаться. И это маленькое существо побежало по льдинкам, узнав, что ее муж тяжело болен, и только каким непонятным чудом Екатерина Ивановна перебежала тронувшуюся Неву. Вот это была любовь!

Диктовано 23 апреля.

Когда Николай Степанович узнал о ее подвиге, он был поражен до глубины души, и эта маленькая фигурка его жены выросла для него в героическую душу. Он чувствовал великое значение истинно

русской женщины, которая в своем самоотвержении является необъятной исторической силой. И эта черта – чисто народная русская. Когда мне случалось говорить с простыми русскими женщинами и спрашивать, любят ли они своих мужей, я всегда встречал один ответ: «Да, я его жалею». Как далеко это от романтического настроения прошедшего полувека, и сколько истинно-духовного и нравственного чувства выражается в этом определении супружеского чувства.

Нечего говорить, что присутствие такой жены подняло угнетенный дух Николая Степановича, и светлое, радостное чувство возвратило ему энергию. Но будем продолжать про Екатерину Ивановну. Нечего и говорить, какого рода серьезное и нравственное воспитание, осененное святым чувством любви к Богу, она давала своим детям. Все они были девочки, а между тем очень понятное чувство Николая Степановича предать своему потомству результаты своих трудов, огромную библиотеку и записи, которые все имели существенное и практическое значение, являлось самым задушевным желанием иметь сыновей. Но так как нельзя иметь чего нет, то он и не задумался, а взял да и одел всех своих дочерей мальчишками, так что никто и не знал, что у него есть дочери. Старшая его дочь Мария Николаевна вследствие этой проделки действительно мужественно сыграла эту роль через всю свою жизнь, и, несомненно, это было отражением того отношения к ней отца, который вводил ее во все серьезные интересы своего дела.

Я не был свидетелем супружеского счастья моего деда. Но я вспоминаю Екатерину Ивановну, уже как очевидец, в те дни, когда она была вдовою, окруженная большим семейством, дочерьми и внуками. Быть может, все блестящие стороны молодой жизни уже не сияли в той степени, но те жизненные силы, т.е. необыкновенная любовь и счастье в созерцании высших духовных идей и радостное созерцание Творца в природе выражалось в ней с необыкновенной силой. День Екатерины Ивановны начинался довольно рано. Несмотря ни на какую погоду, она шла к ранней обедне. Заручившись силою чувства, уже тогда пожилая особа, она неутомимо исполняла житейские обязанности и всю борьбу с всевозможными мелочами жизни в виде глупой недобросовестной прислуги, грубость которой приходилось ей сносить; в виде самых мелких экономических расчетов и соображений со вкусами громадной семьи – все это составляло ее заботу, которая далеко не носила идеального характера, но вследствие желания избавить большую семью от всяких внешних забот Екатерина Ивановна с неимоверным самоотвержением принимала на себя все скорби и мелочные неприятности и скрывала свой подвиг от окружающих ее.

Отдохнув несколько минут от обедни, проглотив чашку освежающего чая, она шла на рынок со своей прислугой. Сколько мелочных соображений надо было брать в расчет. Что понравится семье больше. И как бы сделать все это подешевле. Не могу не вспомнить одного разговора в вагоне железной дороги с молодой и очень неглупой дамой. «Вы, мужчины, – говорила моя соседка, – взяли все лучшее на себя, все широкие мысли и чувства отошли в ваше ведение, и всю ничтожную мелочь жизни вы оставили вашим женам. Какое же право вы имеете упрекать женщин в мелочности ее характера». Но Екатерина Иванова была совершенное опровержение подобного мнения. Вся мелочность жизни лежала на ней одной, и все же она сохраняла все величие духа, всю широту мысли и чувства. Значит, не во внешних обстоятельствах таится значение жизни, а во внутреннем его содержании. Но вот Екатерина Ивановна, возвращаясь с рынка со своей прислугой, которая несла разные кулечки, проходит мимо очень скромного жилища. Там у нее друзья, о которых тоже надо позаботиться; и вот она каждый день этим бедным людям аккуратно приносит дневную порцию пропитания. Это был ее личный расход из собственной пенсии. Как велика была эта пенсия, я не помню, но не сказать об этом нельзя. Вдове Николая Степановича посоветовали обратиться с ходатайством о пенсии к великому князю Михаилу Павловичу⁶⁴. Вот тоже явление, которое приходится только благословлять. Этот великий князь труженик, не только умный, но и в высшей степени остроумный, жил не для себя, но для государя и отечества. Он буквально отдавал все, что у него было. Когда Екатерина Ивановна дала ему прочесть аттестат своего мужа, то он пришел в изумление и негодование, что до сих пор не обеспечили вдову такого великого деятеля и, встревоженный, заявил: «Я не могу оставить вас так; я считаю долгом немедленно что-нибудь сделать для вас». Повернувшись, он ушел. Прошло довольно времени, и вдруг выходит великий князь грустный: «Простите Бога ради, в моем доме не осталось ничего, кроме этой синей ассигнации (5 руб.), и я вдове великого деятеля предложить ее не смею». Чудный то был человек, который любил иногда изображать из себя грозу и служить темным фоном какой-то суровой строгости, которая подготовляла особенно светлые чувства. <...> Кстати скажу, что супруга его, Елена Павловна⁶⁵, истинно заслуживает мундента как высокая покровительница всего лучшего, прекрасного и благородного в России. Находила же она возможность знать всех лучших людей своего отечества и не только поднимать их нравственное чувство, но и защищать их в минуту скорби. Вечная память вам, добрые супруги, исполнившие святой долг перед отечеством. Ваши праведные имена никогда не забудет народ и история.

Итак, пенсия была выхлопотана, но что-то очень ничтожная, тем не менее, она вызывала благодарность государству, которое давало возможность и свечку Богу поставить, и бедному помочь.

Возвратившись домой, Екатерина Ивановна делала распоряжения и к 12-ти часам являлась в семью для истинного отдохновения души и отдыха, который не лишен был даже некоторого торжества. В это время ее прелестное старческое личико окружалось каким-то ореолом из кружев, и непременно цветные ленты украшали ее легкую куафюру. Но цвета были не очень интенсивны. Это были по преимуществу или лиловый, или зеленый. И вот это милое существо, окруженное детьми, председательствовало на скромном завтраке и кофепитии.

24 апреля.

В это время рассказывались членам семьи похождения прошлого дня, сообщались новости, по преимуществу общего интереса, потому что в семье Кошелевских особенно строго преследовались пересуды и глумления над ближними; сообщались известия о новых литературных произведениях, ибо тогда этот интерес в Москве был слишком крупный, высказывались желания и надежды. Слушая все это, добрая старушка непопустительно останавливала всякое желание и всякий взгляд, который не соответствовал нравственному чувству. И что было странно, ее замечания не только не допускали никаких компромиссов, но иногда бывали строги. Был, например, следующий случай. Какие-то доброжелательницы стали сватать сестре моей Софье Иосифовне миллионера Корякина. Надо было видеть эту ничтожную личность; это был какой-то маленький, плюгавый человечек, лишенный всякого образования. Не могла не зародиться мысль разыграть из себя жертву, да и тетушки отчасти поддерживали такое настроение. Услышав раз с своего мезонинчика подобный горячий разговор, бабушка в необычное время явилась среди своей семьи. Лицо ее было несколько бледно, проникнуто значительной мыслью. «Соня, ты любишь его?» – «Нет», – был ответ. «Великий грех выходить замуж, не любя человека; нечего льститься на богатство. Счастливы богатые или нет – это еще вопрос. А я что-то мало видела счастья от денег, а несчастья видела очень и очень много. А вы, – обращаясь к своим дочерям, заметила Екатерина Ивановна, – не смейте поощрять ее к такому безбожному делу». И купец-миллионер, конечно, скоро нашел себе невесту и сообщил через свою ходатайницу, что он в двух каретах поедет венчаться.

После беседы за кофе бабушка читала современные литературные произведения. И тогда же были занимательные романы: переводы Вальтер-Скотта, Гофмана, Монте-Кристо и разные мушкетер-

ры Дюма и, наконец, двенадцатитомный «Вечный жид» Э.Сю⁶⁶. Такого чтения было очень много, и оно казалось крайне занимательным, да и было таковым. Надо было все-таки иметь много таланта, чтобы возбуждать интерес читателей. Это занятие продолжалось до обеда. Обед был совершенной пыткой для Екатерины Ивановны. Угодила ли она всем. Нет ли чего неудачного. Там случайно подгорело, а там что-то не поднялось. За все она считала себя ответственной. Но если все это удачно, и особенно если был кто-нибудь из приятелей, так как по старой привычке у Николая Степановича друзья дневали и ночевали, то принять гостя для Екатерины Ивановны было истинным наслаждением, и она весело беседовала за столом, и глаза ее зорко следили за тем, чтобы всем было приятно.

Вечером она не решалась оставаться в обществе, когда молодежь веселилась, танцевала, играла и пела, и совсем не потому, что не любила этого, но это обстоятельство разъяснилось как-то случайно. Екатерина Ивановна раз была при смерти и соборовалась; после того ей казалось невозможным принимать участие в светском веселии, и потому она уходила к себе наверх; разгибалась громадная книга Жития Святых, и начиналось чтение. Особенно хорошо это было в осенние дни. Вся молодежь собиралась наверх, и бабушка, сама едва побольше книги, как-то взбиралась на нее и читала, и как читала! Какая простота и искренность в интонации. Она не позволяла себе расчувствоваться, особенно если была вся семья в сборе, в которой было много молодежи, очень хорошо понимая, что настроение молодежи не всегда стоит в уровень аскетических идей. Тут обществу представлялась некоторая забава: фрукты, иногда овощи, и вот молодежь что-то грызла и жевала, а самые младшие члены, как ни старались сочувствовать великим подвижникам, как ни тарачили свои детские глаза, но наконец веки неумолимо опускались, сладкий сон одолевал их. Говоря правду, на меня подобное чтение производило могучее и восторженное чувство. По большей части мы с бабушкой оставались вдвоем. Мне было тогда лет 15. Тут мы иногда и не сдерживали своих чувств и, воодушевленные этим чудным произведением, мы плакали от восторга. Затем я уходил, и бабушка становилась на молитву.

Надо заметить, что около нее было два существа, весьма любопытные, которые ее ужасно любили. Это была собачка Розка, маленькая, на тонких ножках, с круглой головкой и востренькими ушами. Коза – не коза, собака – не собака, и затем колоссальных размеров кот Васька, необычайный сибарит. Это были первые мои модели. Я рисовал их отдельно, как Розка сидит и чутко подергивает длинными ушками, а Васька развалится на окне, кверху ногами и греется на солнышке. Отдохнувши, между ними затевается игра. Роз-

ка ущипнет за хвост Ваську, начинается беготня, прыжки самые удивительные, и все это я излагал при посредстве акварельных рисунков, которые получали даже некоторую известность среди наших общих друзей. Когда бабушка отправлялась в чулан, где хранилась провизия, а у нее в этом отношении был порядок крайне строгий, то с ней на охоту шел и Васка, и ни крыса, и ни мышь не могли ускользнуть от его когтей. Но я начал говорить о бабушкиной молитве. И вот представьте себе искушение для такой глубокой христианской натуры, какова была Екатерина Ивановна. Раз я проследил такую штуку, которую и сейчас без смеха вспомнить не могу и не могу не удивляться такому высокому настроению, которое, уносясь в созерцание высочайшей идеи, решительно не замечало ничего, что делалось вокруг нее. Тем не менее было следующее: как только бабушка поклонится в землю, Розка подбегает к ней, берет за оборки чепца и пригибает к полу, а кот прыгает через нее в это время. Как ухитрялись эти люди разрывать жизненную оболочку и всецело уноситься и утопать в божественной любви. Вот я дожил до старости, и такие лучи высокого настроения освещали только по временам. Остальное время сила тяготения земли приковывает к ее опьяняющим прелестям. Жизнь шла, подвиг совершался, и мысль о смерти, конечно, не покидала Екатерину Ивановну. Одного она боялась – быть в тягость людям. «Дай, Господи, мне, когда я буду не способна трудиться с пользой, – скоро умереть. Пошли мне, Господи, страдания, чтобы очистить мой дух». Все это и послал ей Господь. В это время свирепствовала страшная дизентерия. Мы жили вместе с родственником доктором Голицынским⁶⁷. По тогдашнему обычаю в медицинском обществе все знаменитые врачи спешили к товарищу и считали священным долгом помочь страждущей семье коллеги. Эпидемия была поистине ужасна. Половина детей Голицынского умерли, и началось это с младенца Ильи. Смерть его была поразительна. Представьте себе болезненный одр младенца. Его окружала семья и несколько почтенных врачей. Лечение не приносило никакой пользы. Вдруг младенец стал показывать вид, что перед ним стоят какие-то чудовища. В ужасе он отталкивал их и просил няню читать «Богородицу». Неясным детским лепетом он повторяет святыя слова и вдруг улыбается и говорит «Няня, цветочки». Слезы брызнули у всех врачей, которым приходилось не раз присутствовать при страшном моменте отделения души от тела. Затем последовала тихая, спокойная кончина, и, казалось, улыбка осталась на лице младенца. В это время бабушка захворала и уже лежала на смертном одре. Был Ильин день⁶⁸. Странное, ничем не объяснимое обстоятельство! Вдруг она обращается ко мне и говорит: «Илья Пророк пришел за своим тезоименным младенцем!» Страданья

Екатерины Ивановны были ужасны. У нее образовался антонов огонь⁶⁹ в желудке. Был день моего рождения, праздник в моей семье. И, несмотря на свои предсмертные страдания, она позвала меня и приказала открыть комод: «Тут есть деньги, возьми их. Я хочу, чтобы ты справил этот праздник с твоими друзьями. Вы мне не мешаете. Я требую, чтобы вы все были веселы». Поневоле я должен был исполнить это приказание и до сей минуты, на склоне лет, совершенно понимаю подобное приказание. Ненавижу унылых людей, пусть все веселятся, но только не забывайте Бога. Я любил старушку. Перед самой кончиной сидело несколько человек в ее комнате. Был август. Вдруг в уголке мезонина три раза раздался стук с такой силой, что весь дом задрожал. Старушка была в забытьи и как будто не слыхала этих стуков. Через несколько времени открыла глаза и говорит: «Я видела Николая Степановича. Он мне говорит: “Будет тебе, губернаторша, без меня на свете жить. Приходи ко мне!”»... Что это за явление. Кто может понять это. Ведь это понятно. Истинное чувство продолжается в вечности. Как следует обрядили покойницу. Но что удивительно, что кот, с которым она ходила в чулан на охоту за крысами, все три дня оставался около гроба, не ел и не пил, и никто не мог отогнать его от хозяйки.

Последнее время пребывания в Петербурге Николай Степанович был приглашен строить Михайловский дворец, не знаю только, по чьему проекту⁷⁰. Там были значительные своды. Как сейчас помню рассказы про его уверенность в правильности и прочности кладки этих сводов. При выбивании лекал он приказывал втаскивать наверх пушку, и при одном залпе выбивали лекала. Это был своего рода шик, чтобы показать всю уверенность в прочности каменных работ. В это время выступал на сцену Витберг⁷¹, крестник князя Голицына⁷². Он был очень даровитый художник-декоратор. Воспользовавшись его дарованием, Голицын решил вывести его в люди. В это время государь Александр I мечтал создать на Воробьевых горах храм в память 1812 года⁷³. А как тогда господствовало особенное мистическое настроение, которое воплощалось во всевозможные аллегории, то Государь нередко высказывал мнение, какого рода храм он желал бы построить. Идея эта была передана Голицыным Витбергу, и когда были представлены несколько проектов, то Государь сразу отметил идейность проекта Витберга и остановился на нем. Таким образом Витбергу была поручена колоссальная постройка храма на Воробьевых горах⁷⁴. Но, чувствуя полное незнание технических приемов в строительном искусстве и услышав о таких виртуозных приемах и уверенности в деле масона⁷⁵ Кошелеевского, Витберг пригласил его быть исполнителем его фантастического проекта. Не знаю, каков был сам Витберг, но его окружали люди

недостойные. С этого момента, т.е. с переезда в Москву, начинаются глубокие страдания Николая Степановича. Дело в том, что к этой постройке было приписано 4000 крестьян. К ним относились возмутительно. Ужасное помещение, плохая пища и полное равнодушие к судьбе простого народа произвели возмутительные явления: народ умирал массами. Как ни старался Кошелевский как христианин как-либо улучшить положение народа, его голос оставался воплем вопиющего в пустыне. Все, что он мог сделать, – своим личным влиянием и ограниченными средствами, которыми он делился с рабочими, – но такой страшной массе помочь было невозможно. Наконец, в самом исполнении проекта встречались серьезные затруднения, которые требовали крайне обстоятельного обсуждения и ясно определенных приемов. Компания Витберга ничего не делала: бессмысленно рыли какие-то каналы, а дело не двигалось ни на шаг. Несмотря на то, что Кошелевский самым искренним образом объяснялся с Витбергом и как опытный строитель высказывал ему все необходимые условия для возможного осуществления его проекта, но все было напрасно; пришлось спасать свою честь: он подал в отставку. Витберг отставки не принимал, и, опасаясь решительного характера Кошелевского, он стал явно к нему во враждебное отношение. Сам ли Витберг был участником заговора против Николая Степановича или это делалось в угоду ему и во спасение всей этой мелкой дряни, которая тут набивала карманы, но решено было Кошелевского уничтожить.

У нас в фамильном характере есть одна черта – защищать дело мы готовы со всей силой и энергией, но когда серьезный вопрос кончен, то уж не остается за дверями никакой злобы на противника.

Николай Степанович жил в отдельном домике, внизу, на берегу Москвы-реки. Поблизости не было никакого жилья. В подвальном этаже дома была кухня, где содержался огромный водолаз. Надо заметить, что, несмотря на все тяжелые обстоятельства, дружески веселое общение с товарищами составляло потребность Николая Степановича. Он приглашал к себе всех сослуживцев, и бочонок вина ходил вокруг гостей, и с разными прибаутками опоражнивались стаканы. В один из таких пиров, при котором очень усердно подкрепляли себя его гости, у кого-то вырвалось наконец слово «пора». И некто С[мирнов], которого впоследствии я видел с отрезанной рукой, встал, схватил тогда еще здоровой рукой за горло Кошелевского, и бутылки направились на него. «Что мне пришло в голову закричать, – говорил потом Николай Степанович, – когда я знал, что кругом пустыня, хотя окна были раскрыты». Гигантский водолаз услышал крик своего хозяина, выбил раму нижнего этажа и вмиг вскочил в комнату. Страшное чудовище сразу перекусило руку Смирнова. Увидавши это, Кошелевский схватил стул, и вмиг восемь

человек бросились во все стороны. На другой день, встретившись с этими господами, Николай Степанович и глазом не моргнул, а только спросил их: «Когда же мы вновь соберемся?» Но уже собраний больше не было. Не было и отставки.

При постройке храма один из главных членов комиссии был покойный митрополит Филарет⁷⁶. Кошелевский отправился к нему посоветоваться. Митрополит знал положение дела; знал, что бороться не было возможности против фаворита Голицына. «Представьте мне подробную записку о всей постройке, и когда настанет момент, я оправдаю Вас, а теперь, так как Ваше участие им слишком тяжело, то оставьте их и считайтесь на службе». Святитель исполнил свое слово и в царствование Николая I представил все доказательство усердия и справедливости деятельности Кошелевского, так что он один только оправдан по суду и оставлен с наградой. Так кончилось мучение 4000 крестьян и честного русского техника⁷⁷.

Последнее, что мне известно из жизни Николая Степановича Кошелевского, это его какое-то отношение к гр. Шереметьеву, постройками которого он занимался и жил на Никольской в его доме, где и скончался⁷⁸.

Николай Степанович был академиком до гроба. Всегда веселый, бодрый, с твердым христианским убеждением, он легко переносил все невзгоды. «Жив Бог, и жива душа моя», – было его обыкновенной поговоркой. Надо заметить, что и это чувство он вынес тоже из Академии. Учителем Закона Божия у них был даровитый иеромонах Платон, впоследствии митрополит Московский⁷⁹.

Он не терял бодрости духа и до конца сохранил свои академические замашки. «Когда последний раз я его встретил, – говорил мне старик Тропинин, – то заметил ему, что он несколько похудел». – «А давай бороться! Ты еще почувствуешь силу старого академика». Но, вероятно, силы его уже оставляли в это время, хотя он безустанно работал, и даже на смертном одре под его подушкой нашли новую химию какого-то знаменитого французского ученого. Его жена и дети, т.е. мои тетушки, единогласно передали мне один поразительный факт. Незадолго перед смертью Николай Степанович куда-то выехал из дома. Все семья сидела в гостиной. Через несколько времени они видят, что Николай Степанович в своей кожаной куртке проходит в кабинет, в который только и была одна дверь. Но, к удивлению, Николай Степанович возвращается и видит на всех лицах необыкновенный ужас. В семье не смели никогда скрывать ничего от него и передали ему странное видение. «Это значит, что я скоро умру. Мне приходилось слышать не раз о явлении таких двойников». Еще находясь на Воробьевых горах, Николай Степанович сильно страдал, и доктора не чаяли его выздоровления. Но раз

как-то, гуляя по склону Воробьевых гор, чтобы освежить себя воздухом, едва передвигаясь с палочкой и видя приближающуюся грозу, Николай Степанович не успел уйти от нее. Страшная буря разразилась, и оглушительный треск грома ударил около него. Он сразу почувствовал всего себя в испарине и почти бегом добрался до своего дома. Но здоровое состояние его продолжалось недолго, и недуги вновь стали напоминать его годы. Он был бодр до последней минуты и слег только за одни сутки. Призвав к себе жену и детей, он простился с ними и благословил их и все время шутил. Но проскользнули грустные нотки: «Я ничего не оставляю вам, кроме доброго имени. Вот вам мое благословение: трудитесь и будьте счастливы! А так как у меня есть один вицмундир от Академии, то, пожалуйста, позовите ко мне дворника: надо же ему что-нибудь подарить». Пришел Иван, Николай Степанович велел ему надеть вицмундир. Фигура была в высшей степени комическая, так что, несмотря на трагическую минуту, нельзя было удержаться от смеха. Потом он приказал просить священника и уже больше не входить к нему. «Нехорошо смотреть на предсмертные страдания людей».

Не могу и вообразить себе этого чувства, чтобы в последний миг оставили совершенно одного. Надо было иметь очень мужественную душу и крепкую веру, чтобы не искать уже опоры даже в чувстве своих близких. Николай Степанович скончался. В доме не было ни гроша. Откуда-то явились друзья, все старались сделать все возможное для его семьи. Этого никто из близких объяснить себе не мог. Но, к счастью того века, честные подвиги на пользу отечества еще ценивались честными русскими людьми. Аминь!

[У Кошелевских было четыре дочери⁸⁰. Марья и Дарья Николаевны не были замужем. Екатерина Николаевна была замужем за доктором Голицынским и Елизавета Николаевна за Иосифом Владимировичем Шервуд. Старшая – Марья Николаевна]*. Вторая дочь Николая Степановича и Екатерины Ивановны – моя тетушка Дарья Николаевна. Насколько Марья Николаевна была сосредоточенно углублена в задачи нравственной и практической жизни и вследствие строгости требований и неотложности исполнения принятых обязанностей она казалась иногда несколько суровой, что с другой стороны Дарья Николаевна представляла сторону чувства жизнерадостного. Ей хотелось, чтобы все вокруг нее веселилось, чтобы молодежь постоянно танцевала, ездила в театры. Угостить как следует, как можно лучше обедом было для нее священной обязанностью. Это была настоящая «Марфа»⁸¹. Не углубляясь и даже скаячая над

* Фрагмент отсутствует в рукописи. Печатается по машинописному экземпляру воспоминаний (частное собрание). – *Прим. публ.*

теоретическими поучительными измышлениями, она спешила всем и каждому сделать столько приятного, сколько это было в ее силах. Как уже было выше сказано, после смерти отца она блестящим образом сдала первый экзамен по акушерству и, имея изящные манеры, приобретенные в семье, она имела блестящую практику. Значительные средства, которые она получала, давали ей возможность доставлять удовольствия своим племянникам. Когда Марья Николаевна покупала мне краски, бумаги, карандаши, Дарья Николаевна не признавала возможным тратить на это трудовые деньги, а покупала билет в театр, посылала на концерты; словом, спешила доставить всевозможные удовольствия. Последнее время она часто хворала и, имея приличные туалеты в виде шелковых платьев и собираясь умирать, она спешила все это раздать, а когда выздоравливала, то у нее буквально не оставалось ни одного приличного костюма, в котором можно было бы показаться на улицу. И это повторялось не один раз.

Третьей дочерью Николая Степановича была моя мать. О ней после.

А четвертая, Екатерина Николаевна, была замужем за доктором и известным писателем – беллетристом Голицынским. По физиономии и фигуре она больше всех напоминала бабушку – Екатерину Ивановну. Она прелестно пела, играла на фортепиано. Все образование ее было под влиянием ее старшей сестры Марии Николаевны. Она много читала. Прелестный голос и дикция собирали иногда друзей, чтобы послушать в ее чтении новые литературные произведения. Не знаю, кто познакомил с Кошелевским Александра Петровича Голицынского, который вскоре и сделал предложение Екатерине Николаевне. Когда мы приехали в Москву из Тамбовской губернии, то застали их женатыми.

Александр Петрович был тип очень любопытный. Это был человек громадного воображения и колоссальной памяти. В университете он шел по словесному факультету, чувствуя прямое литературное призвание. Но случилось одно очень тяжкое обстоятельство. Была какая-то студенческая пирушка, где участвовал между прочим и Герцен. Пели стихотворения, написанные Голицынским. До меня они не дошли, но факты таковы, что полиция накрыла их, и все участники вечера более или менее пострадали⁸². Будучи маленького роста, с необыкновенной юркостью, в суматохе Голицынский как-то проскользнул из-под руки колоссального жандарма совершенно незамеченным. Явившись в университет к ректору, в семье которого он давал уроки, он искренно рассказал ему о случившемся, и его как-то спасли. Но ректор между тем требовал его выхода из университета⁸³. Тогда Голицынский поступил в медицинскую академию, не имея к медицине ни малейшего призвания. Окончив курс, он посту-

пил в военный госпиталь ординатором, и ему приходилось подчас испытывать невыразимые страдания. Тогда были наказания шпицрутенами, и Голицынский – ординатор госпиталя, истерзанный душой при виде страшных мучений, поражался колоссальной силой и терпением, которые в нашем обществе трудно себе и представить. Раз, после тысячи ударов, Голицынский подошел к преступнику и стал щупать его пульс, а тот в это время свистал соловьем, заливался всевозможными трелями, представляя полную иллюзию певца весны. «Откуда ты научился этому?» – спросил Голицынский. «А сколько же лет я прожил в лесу и часто, не слыша человеческого голоса, вступал в разговор с пернатыми». Но Голицынский недолго оставался в госпитале, несмотря на то, что эту тяжелую службу смягчал своим нравственным влиянием знаменитый тогда доктор Пеликан⁸⁴. Мало того – доктор Пеликан был истинным наставником молодых медиков. Сколько помню, он отличался особенно физиономистикой. Он разгадывал состояние больного по лицу и никогда не ошибался. Меня это особенно занимало как возможность применения искусства к медицинской науке. Голицынский был переведен в Аракчеевский кадетский корпус. Не запомнишь всех курьезных эпизодов, которые по большей части описаны в его рассказах, но отдаленность корпуса от жизни не могла удовлетворить его общительного характера, и, получивши место в большом имении князей Голицыных, в Смоленской губернии⁸⁵, Голицынский переехал туда, особенно ввиду того, что известный писатель Ключников был доктором в соседнем имении⁸⁶. С Голицынской была тогда и моя старшая сестра, Софья Иосифовна. Надо сказать, что в этом имении был громадный дворец, наполненный всевозможной роскошной обстановкой, и между прочим князь не жил в доме. Он занимал деревянную небольшую постройку, которая не отличалась ни роскошью, ни комфортом, как это было в большом доме. Тогда было странно говорить об особенных явлениях, которые в настоящее время констатированы не одну тысячу раз. Вот что там происходило. Когда Екатерина Николаевна Голицынская с моей сестрой, еще девочкой, пробирались в эти заколдованные комнаты, то, несмотря на белый день, там происходило следующее явление. Двери, которые трудно было отворить, сами собой отворялись и запирались; местами в залах помещались этажерки со старинным фарфором; – и вдруг они слышат, что весь этот фарфор рушится с ужасным треском на пол; обертываются – все спокойно и все на своих местах.

Голицынский и Ключников решились переночевать в этом доме. Ключников в спальне, где полог поддерживал золотой купидон со стрелами, а Голицынский – в соседней комнате на каком-то диване. Среди ночи кто-то трогает его за плечо. Ничего не соображая,

быстро проснувшись, он думает, что фельдшер требует его к больному, – но взглянул и видит: какая-то высокая фигура, закутанная в плащ, уходит к двери... Александр Петрович не был из храбрецов, хотя, как мне случалось впоследствии видеть, он не терялся в критические минуты, но тут несколько сконфузился. Накинув на себя халат и одев туфли, он бросился в комнату Ключникова и увидел, что бархатный полог кровати отстранен и Ключников, бледный, сидит свесивши ноги с постели. «Что с тобой?» – «А с тобой что?» – «Черт знает что! Представь себе, – рассказывал Ключников, – этот самый золотой амур, черт его возьми, как живой раскрыл полог, и передо мной очутилась высокая фигура, закутанная в плащ. Она жестом звала меня с собой, кивала головой и повелительно требовала, чтобы я шел за ней. Вот тебе и вздор! Должно быть, князь-то с этим франтом не раз встречался». Спать уже было невозможно и, просидевши до утра, они несказанно обрадовались восходящему солнцу, которое прогнало их мрачное настроение.

1-го февраля.

Дом этот между прочим был замечателен тем, что во время 12-го года в нем останавливался Наполеон, и на одной из мраморных колонн, закрытой стеклами, сохранилась его надпись.

Голицынскому не сиделось на месте. Уединение деревни также скоро надоело ему, и он переехал в Москву ординатором в чернорабочую Екатерининскую больницу⁸⁷. Хотя медицина и не была его призванием и доставляла ему невыразимые мучения, тем не менее он лечил необыкновенно удачно. Мне случалось следить за процессом его медицинского вдохновения. Приходит он от пациента, особенно если это были дети, и начинает волноваться; ходит по комнате, бранит на чем свет стоит и медицину, и пациентов самым злым и язвительным образом. «Что я с ним буду делать? Разве в него влезешь?» Волнение это доходило до крайних пределов, и вот тут-то его осеняла мысль: «А постой. Об этом есть у такого-то терапевта!» И он бросался в библиотеку, мигом просматривал какую-то книгу: «Да! Это, или больше ничего». Этот процесс есть истинный всякого творчества, которое, надо заметить, только и возможно при взволнованном состоянии духа и такой сосредоточенности, которая почти похожа на гипноз. Громадная ли память или творческая способность угадывать, но лечил он с большим успехом. Практика его развивалась, но у него самого не было ни малейшей практичности, чтобы поддержать важность своего авторитета. Он сейчас же дружил со своими пациентами, закусывая с ними, рассказывал бесчисленные анекдоты; словом, не выдерживал того строгого докторского стиля, к которому привыкло общество. Его вмиг считали при-

ятелем, да, в свою очередь, он и сам скоро это чувствовал и лечил уже не как заурядных пациентов, а как своих друзей. Многие пользовались этим, не платили ему ни гроша. Но у Голицынского были и другие странности, которые мешали ему иметь большую практику. Так, однажды полковник А. немедленно просил его прибыть к нему, так как жена его лежит без языка. Как писатель, не чуждый психологического анализа, Голицынский сразу понял, что барыня притворяется, и вместо того, чтобы прописать ей пилюли из белого хлеба или что-нибудь подобное, он сообщил мужу, что супруга его в отчаянном положении, что эта потеря языка не больше, ни меньше, как самое острое воспаление мозга. Немедленно следует обрить ей голову и поставить мушку. Барыня не выдержала роли и громко, отчаянно протестовала против такого лечения. «Ну, теперь вы слышите, что ваша жена говорит, и мне тут нечего больше делать». Конечно, такого грубияна уж больше в этот дом не приглашали. Не могу не рассказать о тяжком времени холерной эпидемии⁸⁸. Мы жили в это время рядом с церковью Филиппа Митрополита на Мещанской⁸⁹. Голицынского требовали каждую минуту. Кажется, Закревский⁹⁰ грозил чуть не Сибирью, если доктор немедленно не отправится к больному. Но Голицынскому, с его тонкой совестью, такая мера была излишнею. Сильно бранил он пациентов и со свойственной ему быстротой летел к больным. Ждать аптекарских лекарств было некогда; надо было действовать с крайней энергией и моментально. «Есть маковое масло или конопляное? Водка есть? Дайте соли». Все это мешалось в стакане, и больной выпивал. Результаты были поразительны. Из всего громадного числа пациентов умерло только два старика, как сейчас помню их фамилии: генерал Абакумов и его жена, и то потому, что уже пригласили слишком поздно. Его отчет по окончании эпидемии вызвал насмешку, но дело было настолько серьезно, что Голицынский требовал проверки, и все оказалось совершенно справедливо. Нельзя сказать, чтобы это был момент ослабления эпидемии. Я очень хорошо помню, как мимо наших окон ехали возы, на которых иногда было по восемь гробов.

Итак, видно, что Голицынский не способен был жить медицинской практикой и думать о средствах, когда перед его глазами разыгрывался весь ужас страдания и смерти. В это время старшая сестра моя Софья Иосифовна и я часто замечали необыкновенную жизненность и юмор в его рассказах. Еще прежде этого он пробовал писать длинный роман, который нравился любителям и знатокам искусства. Он назывался «Пустой дом». Мотивом его был вышеописанный дом Голицына в Смоленской губернии. Но верное эстетическое чувство его не обманывало. Он был мнителен до крайней степени, конфузлив, как ребенок, и нам с сестрой стоило большого

труда убедить его писать небольшие рассказы, точно так, как он нам устно передавал их, с живостью и юмором. Самые обыкновенные вещи у него принимали какой-то необыкновенно жизненный оттенок. Раз как-то, вернувшись поздно вечером, он рассказал нам, как на него напали собаки: «Ведь они знают, что я трус. Я видел, как одна Жучка просто смеялась надо мной» и т.д. Наконец мы уговорили его, и он написал несколько коротеньких рассказов. Всем они чрезвычайно нравились, но нужна была санкция какой-нибудь знаменитости. Надо сказать, что на первом моем поприще я встретился, не помню у кого, с Николаем Филипповичем Павловым⁹¹. Он пригласил меня к себе и в роскошном кабинете я был представлен знаменитой супруге его, Каролине Карловне⁹². Она мне прочла поэму, не помню ее названия, но там был изображен маскарад, где четыре рыцарские жены рассказывают друг другу свою жизнь⁹³. Каролина Карловна в полумраке кабинета, так как для ее лет такое освещение было необходимо, восторженно продекламировала свою поэму, с тем чтобы я иллюстрировал ее. Я бывал у них довольно часто, и Каролина Карловна охотно читала мне стихотворения Лермонтова, написанные к ней, где гениальный поэт, описывая катанье с Каролиной Карловной после блинов, под обаянием неотразимой личности ее сравнивал сонную луну не более, как с блином, намазанным сметаной⁹⁴. Я не намерен описывать ни Каролину Карловну, ни Николая Филипповича, потому что об этом найдется много почтенных заметок его современников. И вот его-то я и выбрал, чтобы поддержать дух застенчивого писателя. Голицынский, зная свою фигуру, его маленький рост казался ему полным выражением ничтожества, да еще, кроме этого, волосы у него почти вылезли, и он прикрывал голову париком. «Зачем вы это делаете?» – «Ведь если бы я встретил такого маленького человека, да еще плешивого, я бы не удержался, чтобы не шлепнуть его по лысине». Одевался он всегда аккуратно, и малейшее пятнышко на черном сюртуке приводило его в бешенство. И с таким характером, да еще с фолиантом под мышкой, что в его собственных глазах увеличивало комизм его положения, мы отправились к первому тогда литературному критику. Когда я представил Николаю Филипповичу Голицынского, знаменитый критик, несколько заикаясь, прямо высказал ему свое сомнение. «Знайте, батюшка, ведь пишут много, но литература, не имеющая литературного характера, – ведь это явление, как хотите, ужасное». Сконфуженный Голицынский, с фолиантом под мышкой, скромно извинялся и объявил, что его посещение – не по его вине, а что он и сам думает очень немного о своем бумагомарании и поэтому лучше предпочитает не надоедать почтенным людям своими произведениями. «Нег, батюшка, – воскликнул Николай Филиппович, – если уж Вы пришли, то Вы нам прочтете!» Схватив его, поса-

дил на диван; поставил перед ним традиционный стакан воды, и чтение началось. Голицынский читал великолепно, с свойственной ему живостью и выразительностью. Рассказы были сжаты, полны юмора и неподдельной искренности. После первого коротенького рассказа, Павлов вскочил с места: «Нет, батюшка, давайте еще! Это больше чем любопытно!» Еще и еще, прочитано было несколько рассказов. Николай Филиппович сиял. Разгоряченный, он ходил по комнате. «Нет, батюшка, Вы себя не знаете; у Вас такой жанр, что серебра там быть не должно; должно быть только золото и драгоценные камни. А Вы ведь в этом рассказе прибили целую страницу; я не говорю, чтобы она была нехороша, но она ослабляет все впечатление и без нее можно смело обойтись». Видимо было, что и Голицынский сиял. Николай Филиппович высказал ему, что он никак не ожидал встретить такое крупное дарование в человеке, который чужд был той присяжной среды, в которой воспитывались тогда литературные знаменитости. Но Голицынский именно и был среди этой литературной молодежи и всецело принадлежал к периоду тогдашнего почтенного настроения людей русской литературы. Он писал прекрасные стихотворения, которые по скромности своей никогда не печатал, и часто у него вырывались чрезвычайно красивые и юмористические экспромты... Так или иначе, Павлов немедленно ввел его в тогдашний центр литературного общества Каткова⁹⁵. Это был период, когда у него собирались выдающиеся литературные деятели Москвы. Голицынский написал несколько рассказов, которые помещены были в «Русском Вестнике»⁹⁶ и читались с большим интересом. Но в это время затеялся журнал «Развлечение»⁹⁷. Федор Богданович Миллер⁹⁸ обращался ко мне для иллюстрации его журнала и вместе с тем переманил Голицынского всецело в свой журнал. Приноровившись к изданию «Развлечения», жанр которого не имел претензии на высоколитературное настроение, Голицынский писал очень много. Работа эта постоянно оплачивалась, хотя и умеренно, и его статьи действительно подняли значение журнала, но, к сожалению, это совсем неблагоприятно отразилось на ходе развития таланта Александра Петровича. Были ужасные моменты в его жизни. Большая семья – тут лежит ребенок при смерти, а нужно писать какую-то веселую историю. Он обыкновенно ходил в это время по комнате, грустный, скорбный, взволнованный, и несчастное гусиное перо так неловко держалось в его руках, что часто выскакивало и летело в угол комнаты с необыкновенной быстротой. За этим следовало какое-нибудь ядовитое восклицание, подымалось перо, и он вновь подходил к конторке. Но углубясь в известную данную мысль, уж он начинал увлекаться. У него вдруг появлялась какая-то странная улыбка, и он быстро, безостановочно писал свои рассказы. Как я ни старался вернуть его на более серьез-

ный жанр, но уже было поздно. При скудном жаловании, неспособный разыгрывать из себя знаменитого врача, в малооплачиваемой практике – писание в «Развлечении» представляло единственные ресурсы для поддержания семьи. Не могу не высказать с сожалением, что по необъяснимым для меня причинам он уклонялся от того общества, где он был оценен, и не хотел занять положение, достойное его дарования.

Среди почтенных людей, которые посещали Голицынского (пишу это потому, что и сам был участником этого общества, которое на меня имело влияние), были два учителя словесности, лучшие тогда в Москве. Это – Басистов⁹⁹ и Гедике¹⁰⁰. Басистов занимал серьезное положение педагога военно-учебного заведения. Он написал книгу, в которой было одно фатальное выражение, которое его погубило. В одном месте военные педагоги, не специалисты науки, названы были у него медными лбами. Достопочтенный Ростовцев¹⁰¹ был в восторге от книги и представил ее Государю Николаю Павловичу. К несчастью Государь раскрыл именно на этой странице, где была неудачная фраза. «Эй ты, медный лоб», – обратился Государь к Ростовцеву. Но он не понял и не принял на свой счет. «Тебе говорю, медный лоб. Ты подаешь мне книгу, которую сам не читал. Будь осторожен, и этого автора впредь никуда не принимать». Итак, Басистов остался ни при чем¹⁰².

К счастью Москвы, после многих страданий, он сделался членом Управы Московской Городской Думы по школьному вопросу¹⁰³. Тут он принес громадную пользу. После похорон его тогдашний городской голова Борис Николаевич Чичерин¹⁰⁴ заявил Думе, что он не ожидал встретить такого глубокого уважения к деятельности покойного Басистова.

Деятельность Гедике имела больше частный характер. Мне случилось слушать благодарность от профессоров Московского Университета, бывших его учеников, не только за его умение передать формы русского языка, но и оценить его эстетическое значение. Для него художественная литературная сторона составляла действительное содержание жизни. Надо было видеть, когда он являлся к Голицынскому. Поздоровавшись, он молча сидел несколько времени. «Нет, я хочу вам рассказать необыкновенную прелесть; я видел вчера, как Мочалов¹⁰⁵ играл Франца Мора. Сразу этого объяснить нельзя, но я постараюсь передать вам мое впечатление, чтобы вы могли понять всю силу, такт гениального актера в роли; которая казалась совершенно чуждой его характеру». И тут начинался критически не оцененный рассказ, такой основательной оценки, о которой, конечно, не подозревал и сам Павел Степанович Мочалов.

Среди знакомых Александра Петровича Голицынского, между прочим, был Иван Васильевич Павлов¹⁰⁶. Его громадные дарования, дар слова, серьезная эрудиция делали его очаровательным собеседником. Мы расходились тогда с ним в направлении. Тогдашние веяния несколько отражались на нем и, как он выражался впоследствии: «и этим пороссятам мы верили в году шестидесятом». Я встретил его спустя 30 лет. Несмотря на преклонные лета, его разговор, одушевление, блеск ума и чувства были блестящим фейерверком.

Среди знакомых Голицынского был некто поэт Степанов. Физиономия его несколько напоминала Данта, но при этом лицо его было как у мертвеца. Он написал весьма легкого свойства сатиру «Баррикады на улицах Москвы». Это был мотив для того, чтобы в комическом виде выставить всех своих друзей. Не только тут не было ничего серьезного, но для самого скромного ума не представляла никакого сомнения шутовская цель этой сатиры. Тем не менее Степанов был взят полицией и посажен в каземат. Не помню, долго ли он сидел там, но по вступлении на престол Царя-Освободителя Степанову дана была возможность изложить свое оправдание и подвергнуть его на всемилостивейшее внимание благословенного монарха. В этом послании со всей искренностью было рассказано Степановым, как его невинная шутка – «Баррикады на улицах Москвы» – привела его к тюремному заключению. Степанов был освобожден немедленно со снятием с него всяких тяжелых последствий несчастного осуждения¹⁰⁷.

Конечно, Голицынского посещали известные тогда врачи. Помню Иноземцева¹⁰⁸, Осиповского¹⁰⁹ и других. У него же впервые я познакомился с Егором Ивановичем Классеном¹¹⁰. Литературное поприще его не отличалось успехом. Зубоскалы тогдашних фельетонов всегда упоминали три имени: Егора Классена, Сергея Любецкого¹¹¹ и Федота Кузьмичева¹¹². Федот Кузьмичев был швейцар Благородного собрания и писал повести вроде: «Битва русских с кабардинцами»¹¹³. По-моему, это был человек очень полезный. Не было лавчонки, где бы приказчики не читали, сидя на скамье, чувствительные и страшные его рассказы. Он сумел приучить эту публику к чтению, и вызванный им интерес к чтению развивал вкусы к более изящным произведениям, так что к появлению романов Загоскина уже было подготовлено много читателей.

Голицынского посещал часто Дессанглен¹¹⁴. Его записки помещены в исторических журналах. Это был тип салонного собеседника, во всей элегантности, тонким умом и юмором, которые почти уничтожались в наше время; да их существование теперь и невозможно. В наше время молодые люди вслушивались в интересные рассказы стариков и ценили их доброе и просвещенное влияние.

Жена Дессанглена, прелестная старушка, носила всегда какие-то древние костюмы, напоминавшие древних маркиз. Супруги были крайне нежны друг с другом. Раз мне пришло в голову спросить его: «Неужели любовь может так долго продолжаться?». – «Конечно, наша любовь не пылающий костер, – отвечал он, – но мы греемся и на угольках».

21 ноября 1893 года.

Я опасаясь, что не найду способностей, ни слов, чтобы описать идеальный тип русской женщины. Могу только сожалеть, что подобные образы не встретились нашим знаменитым писателям. Вы уже видели, из какой семьи вышла моя мать Елизавета Николаевна Кошелевская. Понятно, какие впечатления, какие убеждения она могла вынести из родительского дома. О ее раннем детстве мне ничего не известно, да и не поздно она вступила на тяжкий подвиг жизни.

Едва минуло ей 16 лет, ее красота и благородство души вызвали непреодолимую привязанность моего отца Иосифа Васильевича Шервуда. Николай Степанович Кошелевский не хотел так рано, почти ребенка отдавать замуж; но, зная семью механика Василия Яковлевича Шервуда и хороший строй этой пуританской семьи, склонил его на решимость согласиться на брак [sic!]. Венчание состоялось в церкви Иоакима и Анны за Москвой-рекой¹⁵.

Отец мой, отстроив себе помещение в настоящем моем доме, стал изучать суконное производство. Скопив себе небольшой капитал, он уехал в Тамбовскую губернию, в село Ислеево, которое приобрел на имя своего брата Ивана Васильевича Шервуда-Верного, так как, не быв русским подданным, он не имел права на приобретение крестьян¹⁶. После смерти Николая Степановича все бумаги его были переданы отцу. Я не мог понимать ни математических формул, которые там помещались, ни научных замечаний, но очень хорошо помню его рисунки пером, которые перебивали текст рукописи. Как сейчас вижу, бойко нарисована пером группа барашков, что напоминает мне в настоящее время один анекдот с Кошелевским. Раз с него требовали взятку. Он послал этому титулованному мошеннику письмо, в котором были нарисованы бараны. «Ты требуешь взятки, так вот тебе барашки в бумажке». Но если я в 5 лет не мог понимать значение рукописей Кошелевского, то отец, который специально изучал химию, математику и фармацевтику, нашел в них богатый источник сведений, которые он и применил потом в жизни. Этому способствовала дружба его с сельским священником Розановым, с которым они производили геологические и химические исследования. Так началась жизнь в деревне. В среде соседних

помещиков были очень почтенные семьи. Больше всех осталась в моей памяти семья Сабуровых, отец которых был предводителем дворянства¹¹⁷. У него-то и собирался весь околодок, давались обеды и вечера, ездили на охоту; словом, старая помещичья жизнь была в полной силе. Отца и мать мою очень любили; первым дорожили как человеком, который мог дать разумный практический совет, а мамаша своим кротким характером и изящным вкусом не могла не привлекать к себе искреннего сочувствия. Моего отца часто тяготила среди богатого общества крайняя скромность костюма, хотя всегда изящного, – его жены. Она не боялась уронить и его и себя своим туалетом, потому что умела из самого простого материала сделать что-то чрезвычайно изящное, и ничто не могло изменить ее скромного отношения к своим костюмам. Раз как-то отец, возвращаясь из Москвы, привез ей великолепную шелковую материю, как сейчас помню, что-то вроде «damás»¹¹⁸. Мать была в совершенном восторге. «Наконец, – думал отец, – она будет одета в роскошный костюм». Но радость ее была несколько другого характера. Она попросила сделать себе большие пальцы, растянула эту материю и стала вышивать по ней золотом одежду на престол. Не было духа протестовать против этого. Не могу не заметить, что если Марья Николаевна Кошелевская, сестра матери, делала из своего дарования к искусству серьезные применения, копируя чужие произведения, то для мамаша искусство являлось каким-то свободным актом творчества, которое она применяла на каждом шагу. Она никогда не задумывалась создать новый узор, расположить декоративные украшения в комнате или даже нарисовать какую-нибудь сценку, виденную ею. Она не придавала этому никакого значения, да и несколько не стеснялась применять каждую минуту свое дарование и вкус. Так и в этом случае она создала роскошный узор и вышила его золотом и шелками. Надо было видеть радость ее, когда одежда была одета на престол, на котором совершалось таинство, поглощавшее всю ее душу. Такие работы она производила почти постоянно. Не могу не вспомнить происшествия с дедушкой Василием Яковлевичем, который не мог всю жизнь выучиться русскому языку. Раз, живши у нас в деревне, с ним случился следующий казус. Для модели своих работ мать брала иногда церковные ризы. Нужно ли было совершать какую службу, или по какой другой причине, но батюшка прислал за церковными ризами. Дьячок прямо наткнулся на Василия Яковлевича. «Меня прислал батюшка: у Осипа Васильевича церковные ризы». Старик крайне обиделся. «Как? сын мой церковный рыжий? Ты сам церковный рыжий». Дьячок начал растолковывать; шум поднялся ужасный, пока мать не вышла и не разъяснила дела. Старик смеялся от души. Самые малые подробности этой жиз-

ни напоминают характерные черты моей матери. Раз поехали с Сабуровыми на охоту; гоняли зайцев; была зима. Какой-то шустрый заяц, улепетывая от борзых, бросился к нам в сани. Мать закрыла его полостью и велела ехать домой. Собаки вертелись около этого места и никак не могли сыскать следа зайца. Проехав несколько верст, открыли полость, и заяц поскакал по белому снегу. Когда охотники случайно узнали о такой проделке, то заявили, что никогда не будут брать на охоту чувствительную даму. Но были охоты и не такого рода. Помню очень хорошо рассказ об охоте на медведя. Обложили берлогу, обставили все в надлежащем порядке. Собаки вызвали зверя из берлоги. Он бросился на отца, и тот повалил его пулей. Но это было очень близко к берлоге. Когда отец рассматривал зверя, из берлоги с яростью выскочила медведица и бросилась на отца. Надо было удивляться присутствию духа Сабурова. Он выстрелил, и пуля, пролетев мимо уха отца, напавала положила медведя, который уже впустил когти в охотничий костюм моего отца.

Отец был страшно горяч. У него были черные глаза, плотная фигура и огромные курчавые волосы. Все обличало в нем необычайную энергию. В это время разные героические свойства были идеалом общества, но они не всегда сопровождались строгим, устойчивым и положительным характером, который мне впоследствии пришлось узнать у настоящих англичан. Он был спортсмен в душе. В нашем доме было несколько собак, и должен сказать, что это были незаменимые друзья дома. Как сейчас помню старую собаку Васпу, чистокровного бульдога и помесь потомка ее, Тайгра. Это были наши истинные благодетели, и если в городе собаки представляют нечто излишнее, то в деревне они были больше чем необходимы. Несмотря на всю нежность моей матери, она отпускала нас с няней и с этими двумя собаками, а опасности были нешуточные. Иногда свиньи колоссальных размеров заедали детей, но Тайгр и Васпа справлялись с ними совершенно свободно. Если огромный борс приближался к детям, то собаки бросались на него, каждая брала за ухо и отводила его на почтительную дистанцию. Если мы иногда без няни заходили далеко, то старая Васпа брала нас за платье и тащила назад домой. Трогательны были прогулки зимой. Васпа так любила тепло, что прямо залезала в печку. Обыкновенно страх пожара в деревянном доме деревни вызывали смтение и ужас. Раз как-то, помню, все всполошились и бегали по дому. Запах паленым чувствовался во всем доме, и наконец причину нашли. Васпа спала на горячих угольях в печке и не замечала, как уголья подпаливали ее короткую шерсть. И вот при этакой-то любви к теплоте, как только мы собирались погулять зимой, визжа и сетуя, она все-таки выползала на холод и ни на минуту не оставляла нас. По

большей части нас катали в санях. Перед домом текла река Упа. Берег был довольно крутой. И вот, боясь, чтобы нас не опрокинули с крутизны, она становилась на край берега и боками отталкивала сани от крутого обрыва. Но добродушие этой собаки окончательно терялось, когда приводили медведей-плясунов. Собаки, которые были заперты в комнате, бросались в окна и часто разбивали их. Подобные инстинкты были крайне полезны: в глуши, зимой, к усадьбе, занесенной снегом, по временам подходили целые стаи волков и до того близко, что я помню, отец из форточки стрелял волков, и наутро их находили убитыми. Тут без собак было бы жить плохо. Но, помимо подобных суровых явлений сельской жизни, в ней было много привлекательного. Как ни было мало журналов в тогдашнее время, но тем не менее и то небольшое и великолепное, как, например, произведения Пушкина, читались и перечитывались взапой. Если спросят: понимали ли и ценили ли тогда Пушкина, то я решительно заявляю, что узнавши о смерти его, взрослые и мужественные плакали навзрыд.

С этого времени воспоминания о собственной жизни сохранились в моей памяти нераздельно с дорогим образом моей матери. Конечно, все ее чувства были направлены на воспитание детей. Как ни были мы тогда еще малы, но она успевала указывать нам на небо и старалась вселить любовь к Богу и православной церкви. Мой отец в то время еще был католиком. Раз как-то он начал учить меня креститься по-католически и произносить слова: «In nomine patris, sanctus spiritus»¹¹⁹ и т.д. Несмотря на всю свою кротость, мамаша решительно восстала против латинского обучения и хотя без всякой ссоры, но раз навсегда прекратила подобное обучение. Влияние ее на отца было беспредельно. В тот ужасный век, когда существовало крепостное право, мы и тени не видали не только каких-нибудь насильий, но и просто неделикатного отношения. Для примера вспомню одну сцену. Пришла к отцу столетняя старуха просить хлеба, так как осталась одна. Ей принесли большие кули муки. Она не могла поднять их. Тогда отец сам, на своих плечах перетаскал их на воз, усадил и старушку и с Богом отправил ее в деревню. И это не из щегольства, а просто уважение к старости для него было делом священным. Много говорят нынче о применении интеллигенцией своих сил к улучшению быта крестьян, но помимо всяких предвзятых идей, просто по христианскому чувству и вследствие своего практического образования отец много приносил пользы этому краю. До него в этих уездах Тамбовской губернии никогда не сеяли картофеля. Как не увещевал отец крестьян, они и слушать не хотели: «Чортово яблоко! да полно!» «Ну, хорошо, вы его не ешьте, а все-таки посадим». Несмотря на урожайный край, все же случались голодов-

ки, люди ели хлеб с лебедой, так что составила поговорка: «Хлеба нет – не беда; лишь была бы лебеда». Но подобная пища была, конечно, не особенно приятна. Наступила одна из таких голодовок. Мужики пришли просить хлеба. Отец вышел к ним. «Есть у меня хлеб и вкусный, он смешан с картофелем; ведь вы, пожалуй, его есть не станете. Но это не чертово яблоко, а дар Божий». Тут же был и батюшка Розанов, который старался объяснить народу, что Бог не насаждает таких скверных яблок, и чтобы народ не сумнясь ел хлеб, смешанный с картофелем. Голод заставил преодолеть суеверие, и когда все насытились, то раз как-то вся деревня привалила к дому. «Дайте нам барина». Отец вышел, и все повалились на колени. «Спасибо тебе. Спас ты нас от голода! Спас ты нас вместе с батюшкой и научили уму-разуму». С тех пор и начали сеять картошку.

27-го ноября.

Батюшка Розанов любил отца моего беспредельно. К несчастью, этим чувством его часто злоупотребляли. Дело в том, что помимо сельского хозяйства у отца была суконная фабрика в деревне. Он покупал материал, вырабатывал сукна и отправлял их в Москву. Кто их продавал, кто получал деньги, это было неизвестно. Повидимому, старались все это свалить на благороднейшего старика-деда. Все это до того расстраивало отца, что он позволял себе прибегать к всевозможным средствам, чтобы заглушить скорбь и порядочно расстроил себе здоровье... Я помню страшную сцену. Отец сидит на диване, мать держит его голову, и кровь льет из нее фонтаном, и вместе с тем слезы катятся из глаз. Уж потом мне сказали, что дедушка умер. Отец едва мог пережить его, так он любил его.

В это время уже начинало во мне пробуждаться сознание. Я очень ясно помню первый момент его. Была весна. Снег почти стаял, и зеленая травка, как бархат, покрывала лужайки. Воздух был необыкновенно хорош, и я первый раз осознал, что живу, и жизнь эта так прекрасна. Мой брат был старше меня, и уже в нем проявлялись художественные способности. Как уже было говорено, мамаша, хотя и не изучала серьезно искусства, но живо схватывала явления жизни. И вот мы целые дни проводили за рисованием. Одним из крупных материалов для нашего художественного чувства были домашние эстампы, старинные гравюры, иллюстрированные книжки, героические картины, которые офени заносили к нам в деревню. Помню, как брат Николай под руководством матери срисовывал все, что попадалось под руку, и раскрашивал это акварелью, а я пристально и внимательно смотрел, так что оторвать меня было невозможно. Теперь я вспоминаю, что действительно и в те годы я чувствовал необыкновенную любовь к искусству. Впрочем, наши забавы с братом не ограничивались одним искусством. Недалеко от

дома над рекой была огромная глухая крапива, которая казалась нам тогда целым лесом. Охотничий сеттер Ивана Васильевича служил нам для перевозки тяжестей. Мы запрягали его и возили разные материалы для постройки. В лесу глухой крапивы Николай образовал настоящий лабиринт, и никто не мог попасть в наше таинственное жилище. Как ни пойдут, непременно заблудятся и выйдут обратно вон, а крапива была в рост человека. Я был в восторге от этой остроумной выдумки, которая так абсолютно защищала нашу берлогу. Тут была выстроена хижина, в которой Николай, как атаман, лежал на ковре и читал что-нибудь, а я с благоговением внимал и любовался как им, так и всеми его деяниями. Помимо этого, у него были и другие затеи, в которых я не принимал участие. Была прекрасная турецкая лошадь, на которой Николай ездил верхом, собирал целую армию кавалеристов, деревенских мальчишек, и делал нападения, вел войны с мальчишками соседних имений. Мне было очень грустно, что я не мог принимать участия в этих сражениях, хотя отец уже приучал меня сидеть на коне, и я в 5 лет уже тушил свечки из пистолета. Вот воспитание, которым меня готовили. Несомненно, оно развило бы физическую силу, в которой я так нуждался всю жизнь, но страшно подумать, если бы такое спортсменское настроение было бы основной чертой жизни. Но среди этой нашей жизни являлся интерес совершенно другого рода. Батюшка Розанов часто приходил беседовать с отцом и был его истинным другом. В это время некоторые помещики относились без уважения к духовенству, но не то было у нас. Отец, хотя все еще католик, не пропускал ни одной службы, читал Апостола и пел на клиросе. В вечерних беседах с о. Розановым обсуждались всевозможные предметы. Тут была в ходу и политика, и сельское хозяйство, и отвлеченные духовные предметы. Но эти беседы ложились на душу, а не на память. Зато рассказы соседнего помещика Дмитрия Ивановича Сумарокова¹²⁰ так волновали меня и будили сознание, что после его посещения я не спал ночи... Что же это был за человек? Это был до того интересный тип, что я решаюсь описать его отдельно. Зато его брат гусар не оставил ничего в памяти, кроме блестящего мундира. Я помню, раз приехал он к нам, и отец заставил нас пропеть ходячий тогда романс: «Как хорошо, не правда ль, мама, постоялец наш удалый. Мундир золотом весь шитый, и как жар горят ланиты». Не знаю, понравился-ли этот комплимент или нет, но он был очень доволен.

Курьезных людей было много. Так, однажды зимой подкатывает тройка. Вылезает закутанный всевозможными халатами и шарфами средних лет человек. За ним несут небольшой столик и гитару. Не говоря ни слова, он садится на диван, ставит столик, на котором оказывается козел, ножки которого свободно устроены на шалне-

рах. От этого козла внутрь столика шла проволока, а от нее струна к мизинцу помещика; так что, когда он играл, то козел прыгал и выкидывал ногами разные антраша. Видно было, что он так занят этим изобретением, что, проигравши четверть часа, он опять закутывался и летел к следующему помещику, чтобы показать свое хитроумное изобретение. Помещики были удивительные тогда. Один хвастался тем, что он мог лбом орехи расшибать; а другой сельский хозяин, увлеченный выращиванием громадных свиней, откинул изумительную штуку. Кто-то из высочайших особ проезжал мимо его имения, и так как у него достаточно помещения, то и остановился у него. После обеда помещик просил юного принца пожаловать посмотреть необыкновенное чудо. И вот почтенный помещик ведет его прямо в свою спальню. Принц не решается войти. Тогда тот прямо указывает ему на кровать, где лежало что-то массивное под розовым шелковым одеялом. Принц покраснел, но недоумение его продолжалось недолго. Хозяин сбросил покрывало, а под ним оказалась колоссальная свинья. Свиньи у нас играли большую роль. Над одной свиньей был даже суд. Она обвинялась в уголовном преступлении. Множество свидетелей доказывали, что эта свинья — оборотень. В протоколе было записано, что свинью допрашивали и она отвечала хрюканьем. Впрочем, надо сказать, что и чиновники тогда были порядочные свиньи. Было какое-то дело, выдуманное ли с целью взятки, но суд нагрнул для каких-то справок от моего отца. Наглая компания перепилась, и один нахал вздумал отпускать любезность хозяйке, которая считала долгом угостить всех, кто был в ее доме. К несчастью, у отца был длинный черешневый чубук, который он немедленно изломал об этого народного судью и выгнал суд вон. Дело было скверное. Но каким-то образом об этом узнал Михаил Николаевич Муравьев¹²¹ и, любя моего отца, употребил свое влияние и затушил дело, а иначе ему не избежать бы тюрьмы. Возмутительный произвол дореформенного периода был ужасным бичом общества, от которого могли только спастись люди, имевшие сильных людей.

Дамское общество нашего соседства имело, конечно, другой характер. Карамзинское настроение имело свое благотворное влияние, но моя мать стояла на более общей и более высокой религиозной почве. Несмотря на ее молодость и красоту, она своей кротостью, любовью к ближнему и возвышенным настроением буквально была прибежищем всем скорбящим. К ней приходили за советом, как помириться с мужем, как воспитывать детей. И без всякого авторитета, нежным, ласковым словом она умела вразумить, утешить своих волнующихся соседок. Мамаша часто ссорилась или нежно выговаривала тем из своих соседок, которые забывали человеческое достоинство в своих слугах и ни за что не считали наказывать их. В этом

случае религия ей помогала, и слово ее казалось словом судьбы во имя высшей правды, снисхождения и любви. В моем воспоминании представляются какие-то праздники, гости, веселое общество и даже прекуръзная иллюминация. Нас привели на террасу. Она вся была залита разноцветными огнями малинового, красного, желтого и белого цветов. Это была истинно сельскохозяйственная иллюминация. Огромная выдолбленная свекла давала малиновый цвет; толстая морковь сквозила ярко-красным колоритом; круглая репа тонкой оболочкой золотила свет, и выдолбленная редька изображала белый фонарь. Видим, что это было осеннее украшение. Зато летом традиционные колонны балкона и карниз украшались цветами и листьями. Что сказать о музыке. И она окончательно не была забыта. Тогда в деревнях редко где были фортепиано, зато гитара почти не выходила из рук в часы отдыха. Пелись чувствительные романсы. Их была такая масса, что трудно себе представить, и многие были весьма недурны. Любимым композитором того времени был Алябьев¹²². Я помню, что его «Соловья» пели почти со слезами. Так первый проблеск искренней русской души, непосредственного русского творчества был приветствован у нас с такой неподдельной искренностью.

28-го ноября.

Помню, как мы оставались вдвоем с сестрой Катей, как младшей, потому что Николай и Софья уже цивилизовались в Москве. Должно быть, нам вовремя не была привита оспа, а может быть, из страха эпидемии нас вытащили в гостиную, и доктор Кронер привил нам оспу. Была ли плоха оспа, или мы уже схватили эпидемию, только на второй день прививки у нас открылась сильная натуральная оспа. Сестра Катя была необыкновенно красивым ребенком, да и притом как самая младшая пользовалась обыкновенным лечением, а я как более невзрачный и ничего не представлявший ребенок подвергся некоторому счастливому эксперименту. Мне поставили ноги в горячую воду и тем самым сильно ослабили влияние оспы; но бедная сестра всю жизнь носила следы этого беспощадного недуга. Трудно было в тот возраст удержать подробности нашей жизни. Впоследствии, бывши в Англии, я вспоминал мое детство. Оказалось, так много примешивалось к нашей тамбовской черноземной жизни культурных приемов Англии. Сколько я мог тогда припомнить, все хозяйство и вся жизнь наша в Елатомском уезде были сочетанием живого одушевления чисто русского характера с какой-то порядочностью и английским комфортом. Кроме охоты и прогулок, мы ездили зимой по гостям, особенно к Сабуровым, где у нас были сверстники и где было весело при той роскоши и довольстве, которых был полон дом их, да и дружба Екатерины Михайловны Сабу-

ровой с моей матерью и самого Сабурова с моим отцом придавала особую сердечность этим свиданиям. Я помню и другого рода соседку. Раз дядя Иван Васильевич взял меня покататься на беговых дрожках. Я сел перед его массивной фигурой, и мы покатали на иноходце. Тут я впервые увидел большое водное пространство, оно называлось «устьем». Это было слияние Мокши с Цной. В первый раз я увидел барки, паруса и оживленное движение непонятной мне деятельности. Вот около этого устья был маленький хутор, где жила старушка Авдотья Андреевна, кажется, Ушакова, родственница жены Ивана Васильевича. В маленьком домике, состоящем из двух-трех каморок, с простыми лавками, но с большим киотом образов, в полном уединении и отдалении от людей жила эта почтенная старушка. Не могу достоверно вспомнить, была ли у нее прислуга, но кажется, у нее не было никого. А страшны были те времена: разбойники шныряли везде, останавливали экипажи и бесстрашно врываются в деревни, грабя всех и каждого. Почему Авдотья Андреевна не боялась этого, мне неизвестно; но, думаю, что полной нищетой она оградила себя от всякого завистливого глаза. Она произвела на меня сильное впечатление. Сухая, но добрая, она благословила меня, осыпала самыми нежными ласками и беспрестанно призывала благословение Божие. Я знаю, что мой отец не оставлял ее, присылал все нужное для ее существования, но тем не менее мне решительно неизвестно, как кончила земное поприще эта почтенная личность, да и трудно было обращать на что-либо внимание, когда семье нашей суждено было испытать величайшее горе. В деревне загорелась суконная фабрика. Отец бросился спасать. По своему характеру и тогдашнему воспитанию смелости его не было предела. Он бросился внутрь пылающего здания, и горящее бревно упало ему на ногу и так сильно ушибло, что его за мертво принесли домой. Очнувшись, он не придавал этому никакого значения, но рана была серьезна: у него открылся антонов огонь. Знакомый с медициной, он ясно понял все симптомы этого рокового недуга и хотел сам отпилить себе ногу. Мать застала его, когда он приспособлялся к этой операции. Немедленно послали за единственным нашим доктором Кронером. Помню, как я смотрел на его походный ящик, как он, бледный, взвешивал какие-то лекарства; но все это было напрасно. Антонов огонь быстро шел вверх, и смерть была неизбежна. Поняв это, отец призвал друга своего, священника Розанова, присоединился к православной вере и принял св. Тайны. Агония продолжалась довольно долго, и он рассказывал матери, что он видит. В ужасе он показывал в пространство и говорил: «Вот они пришли. Страшная злоба из напрасна: я причастился св. Тайн, и они не смогут подойти ко мне!» И последние слова эти были сказаны с каким-то восторгом. Наконец позвали нас. Отец приподнялся на постели, благословил меня и

сестру Катю и на образ благословил Николая и Софью. После этого я помню кровать, в голове которой стояло распятие. Отец лежал желтый, восковой. Пришли мужички, опрятно одетые. Во главе их был сановный человек – отставной солдат со многими медалями, один из пенсионеров моего отца. Помню, как слезы катились на его седые усы; но тем не менее он распорядился о порядке. Гроб был поднят, и отца унесли. Мы не были в церкви и смотрели из окна. Церковь была против дома, но сначала был сад, а за ним река, и на возвышенности храм. Нам все было видно. Была зима. Как сейчас помню, на кургане, где был цветник, стояли две собаки и, глядя на церемонию, выли самыми ужасными голосами. Отца похоронили около алтаря. Когда дошла весть о смерти отца в Москву и о принятии им православия, католические родственники пришли в неистовое бешенство. Они знали истинную причину и справедливо подозревали влияние моей матери на религиозный строй отца. Пользуясь некоторым положением в тогдашнем обществе, они первые открыли возмутительный поход, чтобы сокрушить и без того разрушенную горем мою мать. Было заявлено ей подозрение, что отец был отравлен. Приехали какие-то полуофициальные личности и хотели разрыть могилу; но надо было видеть эту деревню и этих мужиков с их старым предводителем-кавалером. Поднялся такой гвалт, такое сборище оскорбленного народа, который чувствовал всю неправду и всю возмутительность поступка, так что эти посланцы только и думали о том, как бы улепетнуть от раздраженного народа. Надо было ехать в Москву. Когда прибыла добрейшая тетушка Дарья Николаевна, всегдашняя печальница за семью, мы сели в удобный экипаж, запряженный шестерней, и на долгих потянулись в Москву. Дело было к весне. Местами был еще снег, но местами нам приходилось на парамах переезжать большие реки. Все было так ново, так интересно. Я даже помню вкус калачика, который был куплен в каком-то уездном городе. Новые лица, беспредельные пространства не казались тогда утомительными. Заботами матери и тетушки везде являлся какой-то комфорт, и мы спокойно отдыхали на ночлегах.

Но прежде чем перейти к описанию нашего въезда в Москву, я не могу не остановиться на диковинном образе Дмитрия Ивановича Сумарокова, который имел на меня такое сильное влияние в моем детстве. Я впоследствии только узнал оригинальную биографию этого русского человека.

Дмитрий Иванович Сумароков был сын богатых помещиков. Я помню его мать штатс-дамой Екатерины Великой. Ей было тогда около 100 лет. Трудно поверить, что следы красоты в ней ясно видны. Это был тип придворной екатерининского времени, которую шокировала всякая неловкость и неутонченность; но, вместе с этими

прекрасными свойствами, она была отчаянная крепостница, а в старости взбалмошная и скупая старуха. Я помню ее, когда она уже не вставала с постели. Ее комнаты наполняло бесчисленное множество девок, которыми она командовала не хуже любого ротного командира. «Вяжите!» И все усердно вяжут чулки. «Ложитесь!» И вдруг все падают ниц. «Спать!» И все обязательно притворяются спящими. А иногда среди ночи она будит, и все вскакивает. Дом ее был полон всякими драгоценностями. Были и кареты, и цуги, и изредка, в самые большие праздники, ее подымали и возили в церковь. Как просвещенная особа того времени она не могла молиться без книжек. И вот в храме подымалась страшная возня. Потеряет она какую-нибудь молитву, и ее фрейлины ищут в разных ридикулях в страхе и трепете и наконец находят. Но уже время этих молитв прошло. Нужно искать другую, подходящую к случаю. Вся эта сцена вызвала тот неумолимый юмор, который так резко выступает при сближении высокого с человеческой пошлостью. Но я все-таки не могу не вспомнить о ней с благодарным чувством. Ее ласки к нам, детям, и даже часто ее заветные сундуки раскрывались, чтобы подарить нам какую-нибудь безделушку, быть может, игравшую роль на придворных балах Екатерины. Вот у такой-то дамы был сын без малого 3 аршина роста, атлетического телосложения. Его выдерживали на всех тонкостях тогдашнего французского воспитания, кормили тонкими блюдами, когда он мог съесть за десятерых, а то и больше. От этого сыновнего аппетита штатс-дама приходила в совершенный ужас. Но надо было видеть фигуру Дмитрия Ивановича. Огромный лоб, правильные и красивые черты лица, пламенные черные глаза. Все в нем дышало необыкновенно и силой интеллекта, и физической мощью. Между матерью и сыном открылась неизмеримая пропасть. Душа его требовала высших и значительных идей, а светская жеманная жизнь не давала ему ни малейшего намека на духовную пищу. Но вскоре его отдали юнкером в артиллерию. Для такого дела он был совершенно невозможен. Быстроты движения у него не было. Он, как слон, переваливался с ноги на ногу, и на усиленных походах его мускулы до того перетирались, что даже показывалась кровь. Но зато для него впервые открылась новая жизнь, полная живых возвышенных идей и самоотвержение героизма. Его унтер-офицер был храбрый суворовский солдат. Рассказы о героических подвигах гениального Суворова, его религиозное настроение, которое он умел сообщить своим чудо-богатырям, и русский былинный оттенок, который прикрашивал героические подвиги, вызывали в Дмитрии Ивановиче самый искренний патриотизм, беспредельную веру как руководительницу всего высокого и любовь к народу. С тех пор он начинает искать эту Россию, которая тогда еще

совершенно не была понята. Он ходит по монастырям, читает старые летописи, слушает рассказы старцев об аскетических подвижниках, и в душе его нарождается величавый образ великой страдальческой истории России. Сколько я помню, у него было 4000 душ крестьян. Возвращаясь в свое имение, Дмитрий Иванович жил совершенно своеобразно и даже выражал нескрываемое презрение ко всем приличиям света. Кто-то рассказывал мне, что добрые люди совершенно непьющего Дмитрия Ивановича подпоили и женили, не знаю, на ком. Мало того, говорят, обсыпали овсом его брачную постель. Надо полагать, что это была возмутительная и недостойная шутка. Не знаю, как было в действительности, но факт тот, что Дмитрий Иванович немедленно расстался со своей супругой. Все идеи его направлены были на Россию, и ему нужен был непосредственный русский человек. Средств больших ему не нужно было; в костюме он был далеко не изыскан, а с обедом он соединял свою особенную, идейную прелесть. Он назначал своим крестьянам, что в такой-то день он явится обедать, и это был единственный оброк, который он брал с них. Что у него не было гастрономических наклонностей, мы это очень хорошо знали. Раз как-то приехав к нам в деревню, он никого не застал дома, а ехать домой было уже поздно. Тогда он отправился к священнику Розанову. Дома была одна попадья. «Нет ли, матушка, чего поужинать». – «Нету, Дмитрий Иванович, ничего». – «Даже хлеба нет?» – «Только сейчас квашню поставила. Да разве огурчики есть». «Так вот, будьте добры, дайте мне квашни и огурчиков». И матушка говорила, что истребление было ужасное, так что едва ли не пришлось ей вновь ставить квашню. И так, не угощение играло тут роль, а то чувство общения с народом, которое в Петербурге впоследствии называлось «слияние» (с народом), составляло сущность этих визитов. Наполнившись разного рода мякиной или чем ни попало, они ложились с мужиком на лавках, и начиналась искренняя, задушевная беседа. При громадном уме Дмитрий Иванович понимал все психологические тонкости и всю силу нравственного идеализма и художественного творчества народных сказаний. Такое содержание его мысли придавало настолько громадный интерес, что лучшие преподаватели словесности в Москве сходились послушать этого литературного чуда. Но обаяние его над народом было невероятное. Случалось, что 10 000 народу сходились послушать его рассказы. Всегда прекрасная литературная форма, живой, образный язык, самое искреннее одушевление – все это вызывало чистый восторг в слушателях. Вот в этот период я и застал Дмитрия Ивановича. Но я забыл сказать о конце его военной карьеры. Увлеченный своим суворовским унтер-офицером, Дмитрий Иванович не только поил его водкой, но и сам

ходил ему за закуской. Раз начальник артиллерии Сухозанет¹²³ увидел юнкера Сумарокова, который как человек, не обладавший элегантными приемами, нес за хвостики несколько селедок. Начальник пришел в неопишанную ярость, тем более, что Дмитрий Иванович прямо заявил ему, что он, служа старому унтер-офицеру, желал почтить в нем суворовского героя. «Убирайся вон со службы, чтобы завтра же вас не было. У вас нет дворянской чести. Такие люди только могут портить военное сословие». Такая разница во взглядах должна была навсегда отстранить Дмитрия Ивановича от всяких официальных положений. Недолго продолжались и обеды у крестьян. Вскоре он отпустил их на весьма льготном выкупе.

3-го декабря.

Каждый рассказ о Дмитрие Ивановиче Сумарокове, как бы он ни был незначителен, в настоящее время представляется крайне интересным. Между прочим, у Сумарокова был друг, штатный смотритель, т.е. педагог того времени. Я еще помню его. Он так рассказывал всегда, с таким корректным спокойствием и грамматичностью, что даже слышались все знаки препинания. «Ах (пауза) Никола на Бабайках, какое чудное местоположение». Это был совершенный контраст одушевленному поэтическому характеру Дмитрия Ивановича, и в силу неизбежного закона контрастов они были очень близки друг другу. Представьте себе сцену. Темная ночь; приятели беседуют о каких-то мистически возвышенных вопросах. Явления загробного мира, конечно, играют тут не последнюю роль. И вот в такой момент они слышат тяжелые мерные шаги и звон цепей. Не было никакого сомнения, что перед ними реализуется одно из чудных явлений. В гостиной, где они сидели, дверь в большую залу была заперта; но шаги мерно приближаются к двери; сильным толчком разлетаются затворы, перед ними при лунном свете является какое-то страшное чудовище, гремя цепями. Сумароков, как было говорено, был страшно силен. Он отбил коленом круглый стол, который стоял на массивной ножке и, взяв ее в руку, с разными заклинаниями поспешил навстречу страшному привидению; но страшное привидение медленно подвигалось вперед, не обращая внимания ни на какие заклинания, и даже простирало руки с грозными жестами. Изловчился богатырь и прямо в лоб чудовищу ударил тяжелой ножкой стола, и вдруг раздался знакомый рев медведя, и тяжелая масса повалилась на пол. Трагического страха и трагического чувства было потрачено очень много, но дело оказалось очень простое. В деревне был праздник. Прислуга Сумарокова ушла в село, а вожак с своим медведем, должно быть, порядочно подгулявши, увидел колонны балкона и, вероятно, не очень аккуратно привязал своего

товарища. Последнему нетрудно было взобраться по колонне на балкон, потому что двери и окна Дмитрия Ивановича были всегда открыты, так что стая голубей и разных птиц без всякого стеснения расположилась в его жилище. И вот Мишке, помимо его комических представлений, пришлось разыграть мистическую сцену. Впрочем, Дмитрий Иванович имел большую симпатию к этому зверю и неоднократно боролся с ним. Про силу Д.И. нечего было и говорить. Подчас она его сильно выручала. По Касимовскому тракту, по которому Сумарокову приходилось ездить, ямщики и лихие люди разбойничали жесточайшим образом. Однажды он попал на постоялый двор, и на него напали разбойники. Первым моментом его было произнести им речь, потому что как бы ни был ужасен русский человек, но он никогда не отказывался от эстетических волнений, и в то время, когда разбойники заслушались, хозяйка успела спрятать ножи. Толпа наседала на него, но он успел схватить одного за шиворот и бросил его оземь, а остальные не посмели приблизиться к нему. Но во всех подобных сценах Дмитрий Иванович видел какие-то богатырские порывы. Древние русские сказания сливались с ним и выражались в его ораторском красноречии в чудные эпические сказания. Он был так близок к народу, несмотря на тогдашнее образование, что речи его были истинным выражением народного чувства. Это был истинный оратор... Он мог увлечь народ, куда ему было угодно и, конечно, только потому, что он был в сущности большим поэтическим художественным выражением его собственных чувств. Литературное дарование его было громадно, как оратора. Не один простой народ собирался десятками тысяч слушать его, но когда он был в Москве, то просвещенные знатоки литературы сходились слушать его беседы. Его мирозерцание представляло ту полноту, цельность, гармонию чувства и мысли, которая вызывает истинную художественную речь. Религия, отечество и народ сливались у него и объединялись цельной идеей. Мистический оттенок только придавал поэтическую окраску его рассказам. Жизнь святых, их борьба, страдания и нравственная победа были его любимой темой. Помню очень хорошо, как, наслушавшись подобных рассказов, еще 5 лет от роду, я задумал вести аскетическую жизнь. Но не могу вспомнить без горького смеха, как в такой ранний возраст ясно, определенно выразился мой жалкий характер. Помню, как я не хотел ничего обедать, потребовал черного хлеба и воды и, попробовав этой суровой пищи, решительно заявил, что это крайне невкусно. Этим и окончился мой аскетический подвиг, и всю жизнь я вечно сочувствовал высоким идеям, но в проявлении их я не мог переносить того, что они не всегда были вкусны. Тем не менее влияние Дмитрия Ивановича не только на меня, но и на всех было гро-

мадно. Бывало в позднейшее время, когда он посещал меня в Москве, я и сестры мои садились на диван, и Дмитрий Иванович рассказывал нам разные ужасные происшествия. Его художественное творчество было до того искренно, что он сам пугался, если случайно отворяли дверь и раздавался какой-нибудь случайный стук. Но все же эти минуты очень дороги, потому что в них проявлялась истинная поэзия русской жизни. Помимо христианских легенд в памяти Д.И. были разнообразные рассказы про героев 12-го года и про влияние этой эпохи на тогдашнее общество. Нужен был стенограф, чтобы записывать подобные рассказы. Если я не в состоянии буду передать в этой изящной форме, в какую так художественно облекал Д.И. свое повествование, то все же для курьеза рассказу хотя один из его многочисленных рассказов. «Раз судьба меня свела, – говорил Д.И., – с одним помещиком новгородским. Я посетил его усадьбу. Лето было прекрасное, и мы обедали в саду на открытом воздухе. Перед старым помещичьим домом росла колоссальная липа, ветви которой падали на крышу дома. Яркий луч солнца осветил ствол старой липы, и вдруг что-то яркое блеснуло в глазах. “Что это такое?” – спросил я хозяина. “Это шпага моего отца, оставленная здесь по его завещанию на поучение нам, чтобы потомки его воздерживались от сильных увлечений. Раз отец мой, – продолжал хозяин, – бывший героем 1812 года, в праздничный день одевается в парадный мундир, отправляется в церковь. Встретив там соседнего помещика, у которого был гувернером какой-то военнопленный француз, он пригласил их к себе на обед. Дружественная беседа перешла на воспоминания великой эпохи 12-го года. Разгорячившись достаточным возлиянием, гость-француз с жаром восхвалял гений Наполеона. Забыв окружающую обстановку, он с презрением стал порицать русскую армию и ее героев. Долго терпел старый ветеран, стараясь спокойно опровергнуть доводы иностранца, но удержу не было. Тот обливал его потоками возмутительных издевательств над храброй русской армией и ее вождями. Оба горячились, и наконец отец выхватил шпагу и бросился на француза. В этой погоне француз бросился за липу. Разгоряченный патриот вонзил в нее всю шпагу по самую рукоять. Удар был так силен, что вытащить ее обратно не было никакой возможности. Опомнившись, он просил извинения у своего гостя и, призвав нас, своих детей, просил навсегда оставить на месте эту шпагу, чтобы потомки его помнили, как недостойно не сдерживать свое увлечение и оскорблять гостя».

10-го декабря.

Иногда рассказы Дмитрия Ивановича были чрезвычайно поэтичны. Так, например, легенда первых времен христианства, в ко-

торой выставлен актер вдохновенный и талантливый. И вот ему предстоит играть сатиру на христианского мученика. Произнеся те святые слова, которые христиане повторяли перед своими мучителями, он вдруг вдохновился этими словами. Откровение духа осенило его гений, и он сделался христианином. Вместо того, чтобы возбуждать смех публики, он стал обличать ее, и мощное слово тронуло сердца слушателей. Но это продолжалось недолго, и все поняли, что перед ними христианин, и если бы не одна знатная дама, которая была равнодушна к нему, то ожесточенная публика растерзала бы его на части. Молодая особа, покровительствовавшая ему, чувствовала всю силу его гения и предлагала ему богатства и любовь. Но живой дух сжег в нем все земное, и уж он не мог примириться с настоящей жизнью. И когда у них речь заходила по поводу его представления о христианских мучениках, он хочет изучить эту роль вполне и обещает ей прислать труп христианского мученика. Он сам был замучен и распорядился перед смертью, чтобы его останки были посланы к этой матроне. Между тем уже ее внутреннего мира коснулось высшее благодатное чувство, и она в тоске разлуки и страшном предчувствии искала утешения в молитве к неведомому Богу. Не смыкая глаз, на заре она слышит пение: то несут гроб с телом мученика прямо к ее дому; и когда открыли гроб, она узнала дорогой образ обожаемого друга.

Я не в силах передать все это тем языком и с таким красноречием, которым обладал Дмитрий Иванович. Он до того увлекался, особенно при рассказах каких-нибудь мистических видений, что казалось, при малейшем шуме вот-вот сейчас явится какое-нибудь привидение.

Его несколько рассказов записаны Голицынским, а из вышеописанной истории с актером я пытался сделать поэму, но, кажется неудачно.

Дмитрий Иванович так любил Россию, что как будто хотел всю ее видеть и всю ее обнять. Сначала он разъезжал по разным историческим этапным пунктам, но потом стал ходить пешком. Эта поэзия бродяжничества пришлась ему и по силам, и по вкусу. Он переходил тысячи верст, везде был с народом, сам слушал и в свою очередь рассказывал, и везде был свой человек, потому что был какой-то библиотекой, в которой хранились отечественные предания. Он появлялся и в Москве. Первое время, когда у него еще были средства, он всячески поощрял меня к искусству. Не забуду, как первый раз он привел меня в мастерскую художника. Это был некто Торопов¹²⁴, которому Дмитрий Иванович заказывал иконы. Затем он покупал разные художественные произведения иконного письма, и я усердно копировал их акварелью. В это время скончалась его столетняя мама, и он оказался наследником, кроме недвижимого имущества,

разных сундуков, в которых сохранились туалеты статс-дамы Екатерины Великой. Надо заметить, что Дмитрий Иванович был крестным отцом моей младшей сестры Екатерины Иосифовны, и он передал ей все эти драгоценности, которые оказались весьма тленными. Но между прочим было его благословение нам в виде большого креста с мощами. Этот крест всегда меня беспокоил. Мне казалось неприличным держать в комнате святыню: не всегда строгие разговоры, отвечающие серьезности находящегося тут предмета, зажигание папирос от лампадки. И раз, когда моей семье было крайне тяжело, я решил не допускать больше издевательств над святыней и снес Константину Никифоровичу Миляеву, священнику в церкви Харитония в Огородниках¹²⁵. Я объяснил ему причину и передал крест святой. Глубоко верующий старик приподнялся во весь свой монументальный рост и с искренним чувством сказал: «Если святыня находится будет в храме, то благодать ее никогда не отступит от вашего семейства». Но об отце Константине после. В сундуке Сумароковой были какие-то кружева. Тетушка Марья Николаевна, как редактор модного журнала, по достоинству оценила их. Оказалось возможным нашить их на новый тюль, и кружева вышли настолько необыкновенны, что когда моим сестрам пришлось участвовать в каком-то базаре, то костюмы их производили такой фурор, что почти все дамы расспрашивали о появлении такой драгоценности в Москве. И так Дмитрий Иванович все роздал, и у самого ничего не осталось. Помню, как он пришел в Москву, покрытый каким-то одеялом, кроме этого, разбитый ногами. Голицынский его подлечил. Вскоре он поднялся, но ноги были несколько опухши. Оставлять его в этом костюме было невозможно: надо было одеть по крайней мере прилично. Ему сделали красную рубаху и синий суконный армяк, но самое страшное затруднение было в сапогах. Я отправился в Гостиный двор и просил торговца дать мне самые большие сапоги; но все были малы. «Что же вам нужно. Мы всем готовы послужить». – «Мне нужны сапоги примерно на Минина, есть такие?» – «Есть, сейчас. Вот видите ли-с: один большой человек заказал сапоги, чтобы надевать их сверх обыкновенной обуви, но они оказались велики, и он не взял их. Возьмите, уступлю». И этот счастливым или несчастным случай дал мне возможность найти обувь пропорциональную нашему богатырю. Когда мы его одели, умыли и причесали надлежащим образом, то он представлял картину древнего истинно русского боярина. Несмотря на все его христианское смирение, у него был вид мужественный и благородный. Необычный костюм его немножко шокировал, потому что меня посещали тогда лица аристократических фамилий. Один из более близких мне был князь Владимир Борисович Четвертинский¹²⁶: мне казалось неловким присутствие такого странного человека, кото-

рый, быть может, шокировал утонченные вкусы, но князь мне прямо заявил: «Неужели вы думаете, что не видно, что это за человек. Как его ни одеть, всегда будет видно, что это настоящий русский nobleman». Присутствие в моем доме Сумарокова совпало с коронацией государя Александра II¹²⁷. Приезжали в Москву корреспонденты всех больших европейских газет. Между тем от Лондонского «Times» был прислан весьма даровитый литератор Сетерланд Эдвардс¹²⁸. Он не имел понятия о России. При первом своем появлении он слегка коснулся литературы и спросил, переведен ли у вас Вальтер-Скотт, но ему заявили, что его уже читали наши бабушки. Что же вы читаете по английской литературе? Оказалось, что тот же роман Теккерея и ту же самую главу, на которой он остановился¹²⁹. Все это в высшей степени интересовало Эдвардса, но более всего Дмитрий Иванович Сумароков. Когда ему рассказали про него и когда он сам беседовал с ним (Дмитрий Иванович еще не забыл французского языка), то он начал изучать его и, конечно, не мог схватить внутренний смысл такого типа, а более внешние явления, и соответственно своим взглядам напечатал рассказ о нем, где между прочим описывал мою мастерскую и пребывание Дмитрия Ивановича в моей семье. Рассказ этот помещен в «Корнуэлл Магазин»¹³⁰. Когда Теккерей прочел его, он приехал к Эдвардсу с намерением удостовериться, действительно ли такие люди существуют на свете. Дмитрий Иванович вносил в нашу жизнь религиозные и патриотические чувства. Его рассказы о народной поэзии... Просвещенные люди льнули к нему инстинктивно, как к какому-то источнику, в котором хранились заветы их родины. Вскоре Дмитрий Иванович исчез, и я не имел ни малейшего понятия о его судьбе.

¹ Появлявшиеся до сих пор в печати сведения о Вильяме (Василии Яковлевиче) Шервуде (?–ок.1837) очень скудны. По свидетельству его сына, И.В.Шервуда-Верного, Василий Яковлевич был выписан в Россию в 1800 по повелению Павла I как механик и первый основал в России суконные фабрики с машинами. Тот же Шервуд-Верный сообщает, что отец его служил на Александровской фабрике и был лично известен Александру I (Исповедь Шервуда-Верного // Исторический вестник (далее: ИВ). 1896. Т.63. №1 (далее: Исповедь...). С.75–76. Ср.: Шервуд: Из записок генерал-майора Б.П. Берлин, 1860 (далее: Шервуд...). С.4). Шильдер пишет о нем следующее: «Как известно, в последние годы прошлого столетия, для оживления льняной промышленности и развития механического прядения и ткачества, у нас были сделаны первые попытки механического прядения, с каковой целью и была основана в 1798 году Александровская мануфактура, на ко-

торой служил отец Шервуда» (*Шильдер Н.К.* К биографии Шервуда-Верного // *ИВ.* 1896. Т.64. №5. С.509–510. Об Александровской казенной мануфактуре (с 1799 находилась в ведении Санкт-Петербургского воспитательного дома, относившегося к ведомству учреждений императрицы Марии) см. в частности: *Тарапыгин Ф.А.* Материалы для истории имп. С.-Петербургского воспитательного дома. СПб., 1878; Сенатский архив. СПб., 1888. Т.1. С.387, 513 и др.). По имеющимся данным (нуждающимся, однако, в дополнительной проверке), Василий Яковлевич составил себе значительное состояние, имел несколько домов в Москве, но затем из-за конфликтов с начальством и в результате ухудшившейся работы фабрики все потерял (см.: Шервуд... С.4–5). См. о нем также: *Русские достопамятные люди* // *Русская старина* (далее: РС). 1892. Т.74. №5. С.242. Еще более скудны и открыточны сведения о семье Василия Яковлевича Шервуда.

² Св. Томас (Фома) Шервуд (Thomas Sherwood) (ум.1578), мирянин, казенный в царствование Елизаветы I Тюдор за приверженность католической вере (*Stadler J.E., Heim F.J.* Vollständiges Heiligen-Lexicon oder Lebensgeschichten allen Heiligen, Seligen... aller Orte und aller Jahrhunderte... Augsburg, 1882. Bd.V. S.540).

³ Английскую генеалогию Шервудов проследить не удалось. Об этимологии названия «Шервудский лес» (Sherwood = wood belonging to the shire, т.е. «лес, принадлежащий графству») см.: *Gover J.E.B., Mawer A., Stenton F.M.* The Place-Names of Nottinghamshire (English Place-Name Society. Vol.XVII). 1979. [Cambridge]. P.10.

⁴ Пожалование баронского титула близким ко двору иностранцам – явление для того времени вполне обычное. Предложение же сменить фамилию могло быть связано с резко испортившимися в год приезда Шервудов в Россию отношениями с Англией. Если мемуарист ничего не путает, то любопытно, что сыну В.Я.Шервуда, И.В.Шервуду-Верному, все же доведется короткий срок прожить под фамилией Розен (во время пребывания инкognito в Петербурге в дни работы Следственной комиссии по делу декабристов).

⁵ Дом Шервудов находился на Калужской улице (Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям... Алфавитный список Серпуховской части... М., 1818. С.51; *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. М., 1826 (далее: Соколов...). С.248 (1-я паг.), 95 (2-я паг.); *Метелеркамп В.Д., Нистрем К.М.* Книга адресов столицы Москвы... М., 1839. С.175). См. об этом доме в книге сына В.О.Шервуда: *Шервуд Л.В.* Путь скульптора. Л.; М., 1937. С.9.

⁶ Linen – полотно (англ.).

⁷ Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, общественный деятель, публицист.

⁸ Шервуд (с 1826 – Шервуд-Верный) Джон (Иван Васильевич) (1798–1867). Известен, главным образом, как доноситель по делу декабристов. См. о нем: *Декабристы. Биографический справочник.* М., 1988 (далее: *Декабристы...*). С.198–199 и др.; *Троицкий И.М.* III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990 (далее: *Троицкий...*).

⁹ Сведения, сообщаемые мемуаристом о Шервуде-Верном, очевидно, в значительной степени восходят к рассказам последнего и требуют к себе весьма критического отношения.

¹⁰ Шервуд-Верный никогда не служил в полку, которым командовал П.И.Пестель. 1 сентября 1819 он поступил рядовым в 3-й Украинский уланский полк. Пестель с 1821 был командиром Вятского пехотного полка.

¹¹ Единственным источником версии о получении Шервудом каких-то сведений о заговоре от влюбленной в него дамы является его собственный туманный рассказ об этом в его «Исповеди» (Исповедь... С.73, 76). Если верить рассказу, эпизод этот имел место в декабре 1824. Шервуду было тогда 26 лет, а никак не 17.

¹² Вся эта история совершенно не достоверна и является отголоском многочисленных ходивших в обществе слухов и толков, многие из которых напрямую восходят к рассказам самого И.В.Шервуда. Нам известно, по крайней мере, еще четыре различных варианта версии, согласно которой Шервуд получил сведения о заговоре в результате подслушанного разговора. (Меняются место действия, обстоятельства, действующие лица: Пестель разговаривает с Муравьевым, граф Булгари с Поджио, Вадковский с Булгари, но неизменно поблизости (на печи, за перегородкой, у дверей со снятыми сапогами в руках) находится бдительный Иван Васильевич Шервуд, внимательно прислушивающийся к доносящимся голосам.) Наибольшее доверие вызывает версия самого Шервуда, приводимая им в «Исповеди» (Исповедь... С.70–72), согласно которой первым толчком к раскрытию заговора стал подслушанный им разговор Ф.Ф.Вадковского с графом Я.Н.Булгари. Вариант, приводимый В.О.Шервудом, наиболее близок к опубликованному в 1892 в «Русской старине» (см.: РС. 1892. Т.74. №5. С.241). См. также: Шервуд... С.16–20; Русский архив (далее: РА). 1889. Кн.3. №11. С.405.

¹³ Минкина Анастасия (Настасья) Федоровна (ум. 1825), домоправительница и любовница графа А.А.Аракчеева. Убита дворовыми людьми в Грузино 10 сентября 1825.

¹⁴ Реальные события развивались совершенно иначе. Узнав о заговоре, Шервуд (никем не разоблаченный) нашел способ известить императора, после чего был доставлен с фельдъегерем сперва в Грузино, где 13 июля 1825 (за два месяца до убийства Минкиной) состоялось его свидание с Аракчеевым, а затем в Петербург, где 17 июля 1825 в Каменноостровском дворце он был принят Александром I (см.: Исповедь... С.74–78; ср.: Шервуд... С.25–31). Версия о влиянии смерти Минкиной на раскрытие заговора восходит к «Исповеди» Шервуда-Верного, но связана там совсем с другими обстоятельствами (задержкой на 10 дней в сентябре 1825 курьера от Аракчеева, которому Шервуд передал очередное донесение о заговоре) (см.: Исповедь... С.82–83; *Троцкий*... С.132–133).

¹⁵ О попытке отравить его, предпринятой Я.Н.Булгари, Шервуд рассказывает в «Исповеди» (Исповедь... С.84–85).

¹⁶ Возможно, речь идет о пребывании Шервуда инкогнито в Петербурге в дни работы Следственной комиссии по делу декабристов (см.: *Дневник*

Варвары Петровны Шереметевой, урожденной Алмазовой. 1825–1826 гг. М., 1916. С.166, 170 и др.).

¹⁷ О военной стороне деятельности Шервуда-Верного известно немного. В декабре 1827 он был прикомандирован к штабу Отдельного Гвардейского корпуса (командующий – вел. кн. Михаил Павлович) и в составе корпуса принял участие в русско-турецкой войне 1828–1829 и в польской кампании 1830–1831. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают нам возможности оценить достоверность приводимых В.О.Шервудом сведений. Возможно, что вышеописанный эпизод имел место при обороне Желтовской переправы на р. Нарев 9 мая 1831 (за отличие в этом сражении Шервуд-Верный был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом).

¹⁸ За участие в штурме Варшавы 25–26 августа 1831 Шервуд-Верный был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

¹⁹ Из формулярного списка Шервуда-Верного известен лишь один факт его участия в турецкой кампании – при осаде Варны 12 сентября 1828: «за успешнейшее исполнение данного ему поручения, состоящего в забрании у неприятеля большой партии рогатого скота», в приказе по корпусу Шервуду-Верному объявлена благодарность. В то же время, согласно формулярному списку, 21 сентября 1829 ему было пожаловано не в зачет годовое жалование «во внимание к особенным трудам в течение войны с Оттоманскою Портою понесенным» (ОР РНБ. Ф.859. К.18. №9 (далее: ОР РНБ. Ф.859...)). Л.10–11).

²⁰ Речь идет об инструкции от 13 января 1827, данной Шервуду-Верному А.Х.Бенкендорфом. В 1896 дочь Шервуда, О.И.Шервуд-Верная, передала текст этого документа в редакцию «Исторического вестника» (см.: *Шильдер Н.К.* К биографии Шервуда-Верного // ИВ. 1896. Т.64. №5. С.519–520). О деятельности Шервуда-Верного по исполнению данных ему поручений см.: *Троцкий...* С.166–170 и др.

²¹ 12 января 1844 Шервуд-Верный был заключен в Шлиссельбургскую (а не в Петропавловскую) крепость за ложный донос (см. об этом: *Троцкий...* С.211–219; *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т.II. С.444–447).

²² Шервуд-Верный был освобожден из Шлиссельбургской крепости 12 апреля 1851. После освобождения он должен был безвыездно жить в имении детей в селе Бобыри Смоленской губернии под надзором полиции. После коронации Александра II ему было разрешено жить, где пожелает (см.: *Троцкий...* С.221–223).

²³ Ушакова Екатерина Алексеевна (ум. 1836), дочь отставного майора, с 1826 – жена И.В.Шервуда-Верного. По свидетельству их дочери Ольги, от этого брака родилось семеро детей (ОР РНБ. Ф.859... Л.8, 15). О четверых из них: Константине (1829–1865), Николае (1830–не ранее 1859), Софье (1832–не позднее 1896) и Ольге (1834–не ранее 1896) см.: *Декабристы...* С.199; *Троцкий...* С.183, 220, 227; ОР РНБ. Ф.859... Л.16об. Ср. с формулярным спи-

ском (сентябрь 1833), где указаны сыновья Шервуда-Верного Александр 4-х и Константин 3-х лет и дочь Софья 1 года (ОР РНБ. Ф.859... Л. 15).

²⁴ Струтинская (урожд. Кирмиссон) Фридерика (ум. 1863), графиня, разведенная, с 1852 – 2-я жена И.В.Шервуда-Верного. От этого брака родился один сын – Эммануил-Иван-Генрих (1843–не ранее 1865), католик (ОР РНБ. Ф.859... Л.8; *Троцкий...* Указ.; *Декабристы...* С.199).

²⁵ музыкальный отрывок (*фр.*).

²⁶ Фон Парфенек Елизавета Александровна, дочь коллежского советника, с 1864 – 3-я жена И.В.Шервуда-Верного. От этого брака родились два сына: Евгений и Виктор (ОР РНБ. Ф.859... Л.8; *Троцкий...* С.229; *Декабристы...* С.199).

²⁷ О деле И.А.Баташева см.: *Троцкий...* С.186–192.

²⁸ дворянин (*англ.*).

²⁹ В польских событиях 1830–1831 принимали участие несколько Потоцких. О каком из них идет речь здесь, не ясно.

³⁰ Булгаков Константин Александрович (1812–1862), сын московского почт-директора А.Я.Булгакова, гвардейский офицер (с 1845 – в отставке). Товарищ М.И.Глинки, Лермонтова, светский знакомый Пушкина.

³¹ Практически никаких сведений о братьях Шервуда-Верного и их семьях разыскать не удалось.

³² Английское имя отца В.О.Шервуда, очевидно, Джозеф (*Аникин В.В.* Памятник гренадерам, павшим под Плевной. М., 1986 (далее: *Аникин...*). С.30).

³³ Вероятнее всего, мемуарист ошибается. Например, адресные книги по Москве и в 1839, и в 1864 одинаково показывают Якова Васильевича в чине прапорщика в разделе «Лица не служащие» (*Метелеркамн В.Д., Нистрем К.М.* Указ. соч. С.175; Книга адресов жителей Москвы... 1864. М., 1863. Ч.II. С.336).

³⁴ Название дано по имени «табачного короля» XIX в. Василия Григорьевича Жукова (1795–1882). Его фабрики снабжали всю Россию т.н. «жуковским» табаком.

³⁵ сладкое безделье (*ит.*).

³⁶ Сведения о Елизавете Васильевне Шервуд также разыскать не удалось.

³⁷ Куафюра (от фр. coiffure) – прическа или головной убор, украшение на голове (преимущественно женские).

³⁸ Филд (Фильд) (Field) Джон (1782–1837), ирландский пианист, композитор и педагог. В России прожил более 30 лет. Преподавал и концертировал в Петербурге и Москве.

³⁹ Дюбюк Александр Иванович (1812–1897), пианист, композитор и педагог. Учился у Дж. Филда.

⁴⁰ Кошелевский Николай Степанович (1758–1829), архитектор. См. о нем также: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988 (далее: *Черейский...*). С.211–212; *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Импера-

торской Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1914. Ч. II (далее: *Кондаков...*). С. 345; Мария Николаевна Кошелевская (Некролог) // Московские ведомости. 1883. №36. С. 4. Подпись: Ш. (Шервуд?).

⁴¹ Очевидно, имеется в виду граф Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771) или его брат, граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803).

⁴² Сведения об отце Н.С. Кошелевского обнаружить не удалось.

⁴³ 25 июня 1765 вел. кн. Павел Петрович был «согласно признан и почетен Академического собрания почетным любителем художеств» (Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1864. Ч. I. С. 111). О посещениях Павлом Петровичем Академии художеств см., например: *Порошин С.А.* Записки... СПб., 1881. Стб. 440–443.

⁴⁴ Поддерживая на протяжении многих лет тесные отношения с АХ (в 1804 избран ее почетным членом), Д.С. Бортиянский (1751–1825) не был учеником Академии. О музыкальном образовании в стенах Академии см.: *Самсонова Т.П.* Музыкальные классы Академии художеств в XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: Сб. статей. Л., 1984. С. 113–128.

⁴⁵ Бецкой Иван Иванович (1704–1795), общественный деятель, президент Академии художеств (1764–1794). Известен своей реформаторской деятельностью в сфере воспитания и образования.

⁴⁶ О библиотеке АХ в XVIII веке см.: *Виттенбург Е.П.* К истории библиотеки «Академии трех знатнейших художеств» // Наука и культура России XVIII в. С. 89–112.

⁴⁷ Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), князь (с 1841 – светлейший князь), московский военный генерал-губернатор (1820–1844).

⁴⁸ Фрагмент воспоминаний В.О. Шервуда, посвященный знакомству Кошелевского с А.С. Пушкиным, был опубликован в 1980 Н. Дилигенской («Пушкинский праздник»: Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященный Четырнадцатому Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. 1980 (далее: Пушкинский праздник...) С. 4); в 1988 частично воспроизведен Черейским (*Черейский...* С. 211–212); в 1989 воспроизведен В.А. Воропаевым (Журнал: Историко-краеведческий альманах. М., 1989. Вып. III. С. 269).

⁴⁹ Замараев Гавриил Тихонович (1758–1823), скульптор, выпускник АХ.

⁵⁰ Тропинин Василий Андреевич (1776–1857), известный художник-портретист.

⁵¹ Не вполне ясно, о ком идет речь. Русским посланником в Константинополе с 1776 (назначен в конце 1775) по 1781 был А.С. Стахийев (1724–1796), а с 1781 по 1789 – Я.И. Булгаков (1743–1809) (*Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 445, 526, 569; Дипломатический словарь: В 3 т. М., 1971–1973. Т. I. С. 248; Т. 3. С. 424).

⁵² По другим данным, воспитанник АХ с 1767, в 1782 выпущен с аттестатом третьей степени (*Кондаков... С.345*).

⁵³ Гудович Иван Васильевич (1741–1720), граф (1797), генерал-фельдмаршал (1807).

⁵⁴ Румянцев (Румянцев-Задунайский) Петр Александрович (1725–1796), граф (1744), генерал-фельдмаршал (1770).

⁵⁵ Очевидно, Андреев (Адриан) Дмитриевич Захаров (1761–1811), архитектор. Главное произведение – здание Главного Адмиралтейства в Петербурге. Преподавал в АХ (с 1787).

⁵⁶ В 1800 определен «смотреть за постройками и починками зданий» АХ (*Кондаков... С.345*).

⁵⁷ Любопытно привести здесь следующий отзыв о вероятной постройке Кошелевского: «...шлюз св. Павла, знаменитый своей плотиною, обслуживающей вместе с Павлом и три следующих шлюза. Основание плотины св. Павла ни разу не перестраивалось с момента постройки в 1806 году, и каково оно – никому не известно. <...> Плотина стоит без ремонта основания более ста лет до сего времени совершенно исправно» (*Петрашень И. Мариинская система. 1810–1910. СПб., 1910 (далее: Петрашень...).* С.157–158).

⁵⁸ Мариинский канал – соединительный канал между реками Ковжа и Вытегра, часть Мариинской водной системы (ныне – Волго-Балтийский водный путь). Направление канала было предложено шотландским инженером Джоном Перри (Perry), производившим в 1710 по заданию Петра I изыскания на местности. Строительство тогда начато не было. Впоследствии в бумагах Петра I были найдены наброски плана соединения Ковжи с Вытегрой. Проект осуществлен в 1799–1810.

⁵⁹ Деволлан (Деволант, Sainte-de-Wollant) Франц-Павел (Франц Павлович) (1752–1818), по происхождению брауншвейгский дворянин, вступил в русскую службу из голландской в 1787, руководил строительством Севастополя, Одессы, Тирасполя и др.; член Департамента водяных коммуникаций, генерал-лейтенант (1800). На него было возложено управление работами по сооружению Мариинского канала. Впоследствии генерал-инспектор и член совета Корпуса инженеров путей сообщения, главный директор путей сообщения (1812), член Комитета министров (с 1814). Подробнее о нем см.: *Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи... 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001; Русский биографический словарь (далее: РБС). Т.6]: Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С.155–158; Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т.IX. С.14.*

⁶⁰ Вероятно, речь идет о памятнике-obeliske, сооруженном возле шлюза Св. Петра, на том месте, где останавливался в 1711 для отдыха Петр I, осматривавший местность предполагаемого строительства канала (*Петрашень... С.155; Звягинцев А. Краткое описание Мариинского водного пути. СПб., 1882. С.10*). По другой версии, первоначальный проект памятника составил П.Львов, однако исполнение проекта происходило уже без его участия (см.: *Отечественные записки. 1820. Ч.IV. №7. С.116–123*).

⁶¹ Сведения о семье Екатерины Ивановны Кошелевской (урожд. Ивановой?) обнаружить не удалось.

⁶² Самарин Юрий Федорович (1819–1876), общественный деятель, мыслитель, историк, публицист.

⁶³ Очевидно, Воробьев Максим Никифорович (1787–1855), художник. Учился в Петербургской АХ (1798–1809), преподавал в ней с 1815 (профессор с 1823).

⁶⁴ Михаил Павлович (1798–1849), вел. кн., четвертый сын Павла I, младший брат императоров Александра I и Николая I.

⁶⁵ Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария) (1806–1873), вел. кн., дочь вюртембергского принца Павла, супруга вел. кн. Михаила Павловича.

⁶⁶ Произведения Вальтера Скотта активно переводились на русский язык еще в 1820-е годы, впоследствии неоднократно переиздавались (см.: Вальтер Скотт: Библиографический указатель к 125-летию со дня смерти / Сост. И.М.Левидова. М., 1958). Знакомство русского читателя с Гофманом началось также в 1820-е годы, большинство же его произведений было переведено в 1830-х годах (см.: Э.-Т.-А.Гофман: Библиография русских переводов и критической литературы / Сост. З.В.Житомирская. М., 1964). В 1840-е годы были переведены романы А.Дюма «Граф Монте-Кристо» (1845–1846), «Три мушкетера» (1845), «Двадцать лет спустя» (1846–1847), «Виконт де Бражелон» (1847–1848) и другие. Что касается 12-томного издания «Вечного жид», то, вероятнее всего, мемуарист ошибается. Очевидно, он имеет в виду семитомное издание 1845–1846 (под заглавием «Странствующий жид») в серии «Библиотека романов, повестей, путешествий и записок, издаваемая Н.Н.Улитиним». Роман был напечатан в т.6–12 4-го выпуска «Библиотеки...». (См. картотеку А.Д.Умикян (РНБ)).

⁶⁷ Голицынский (Голицинский) Александр Петрович (1817 или 1818–1874), врач, писатель. См. о нем: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь (далее: Русские писатели...). М., 1989. Т.1. С.610.

⁶⁸ 20 июля (2 августа по н.ст.) – день памяти ветхозаветного пророка Илии (IX в. до н.э.).

⁶⁹ Антонов огонь – гангрена.

⁷⁰ Очевидно, речь идет об известном дворце вел. кн. Михаила Павловича, построенном в 1819–1825 К.И.Росси (ныне – главное здание Русского музея).

⁷¹ Витберг Александр Лаврентьевич (до перехода в православие – Карл Магнус) (1787–1855), архитектор, художник. Масон.

⁷² Голицын Александр Николаевич (1773–1844) князь, обер-прокурор Синода (с 1803), главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1810–1824), министр народного просвещения (с 1816), затем министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Президент Библейского общества (с 1813). Мистик.

⁷³ Речь идет о храме Христа Спасителя в Москве. 25 декабря 1812 Александр I издал манифест «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя, в ознаменование благодарности к промыслу Божию за спасение

России от врагов» (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXXII. №25296. С.487–488).

⁷⁴ О проекте Витберга и его осуществлении см.: *Снегирев В.Л.* Архитектор А.Л.Витберг. Жизнь и творчество. М.; Л., 1939 (далее: *Снегирев...*); [Записки А.Л.Витберга] // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т.1 (в разделе: Коллективное); *Герцен А.И.* Былое и думы // Там же. М., 1956. Т.8.

⁷⁵ О масонстве Кошелевского см. также: Мария Николаевна Кошелевская (Некролог) // *Московские ведомости.* 1883. №36. С.4.

⁷⁶ Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867), архиепископ (с 1821), позднее митрополит Московский (1825–1867).

⁷⁷ Действительная роль Кошелевского в истории строительства храма Христа Спасителя была, судя по всему, гораздо сложнее. О представленном им собственном проекте храма на Воробьевых горах см.: *Снегирев...* С.62.

⁷⁸ Очевидно, речь идет о Дмитрие Николаевиче Шереметеве (1803–1871) (*Соколов...* С.4 (1-я паг.), 95 (2-я паг.)). См.: *Дилигенская Н.* «...Любил с ним подолгу беседовать» // *Пушкинский праздник...* С.4.

⁷⁹ Платон (Петр Егорович Лёвшин) (1737–1812), архиепископ (с 1775), затем митрополит Московский (с 1787).

⁸⁰ Из четырех дочерей Кошелевского более-менее известна старшая – Мария Николаевна Кошелевская (ум. 1883), издатель журналов мод, писательница и художница (см. о ней: *Московские ведомости.* 1883. №36. С.4 (некролог); *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т.3. С.237). Ее сестра, Дарья Николаевна Кошелевская – художница-акварелистка, автор статей по вопросам женского движения (*Аникин...* С.30). Сведения в печати о двух других дочерях Н.С.Кошелевского найти не удалось.

⁸¹ Аллюзия на библейскую притчу о Марии и Марфе (Лк. 10, 38–42).

⁸² Вероятно, речь идет о деле «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» (1834) (см.: *Герцен А.И.* Собр. соч. Т.8. С.203–204, 468–469; *Лемке М.К.* Очерк жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей: (По неизданным источникам). Очерк второй: Арест, тюрьма и ссылка // *Мир божий.* 1906. №2. Отд.1. С.121–122). Сведений о причастности к этому делу А.П.Голицынского не обнаружено.

⁸³ В 1834 ректором Московского университета был Алексей Васильевич Болдырев (1780–1842), профессор-ориенталист, цензор Московского цензурного комитета, пропустивший в печать (1836) «Философическое письмо» П.Я.Чаадаева, за что был отставлен от должности цензора и ректора и подвергся годовому тюремному заключению.

⁸⁴ Пеликан Венцеслав Венцеславович (1790–1873). См. о нем: РБС. Т.[13]: Павел–Петр. СПб., 1902. С.471–474.

⁸⁵ Практически никаких сведений об этой усадьбе (Гжатский уезд Смоленской губернии) обнаружить не удалось.

⁸⁶ Судя по всему, мемуарист ошибается. Упомянутый им Ключников – очевидно, доктор Петр Петрович, отец писателя Виктора Петровича Ключникова (1841–1892) и брат писателя Ивана Петровича Ключникова (1811–1895).

⁸⁷ Так называемая Староекатерининская больница, существовала с 1840-х, занимала здания, где до 1833 размещалась Екатерининская больница (3-я Мещанская ул.; соврем. адрес: ул. Щепкина, 61/2) (см.: Москва: Энциклопедия. М., 1980. С.254, 460–461, 582; *Милютин И.* Описание Москвы и ее достопримечательностей... М., 1850. Кн.2. С.154–155).

⁸⁸ Вероятно, речь идет об эпидемии холеры 1848.

⁸⁹ Церковь Филиппа Митрополита (1777–1778, арх. М.Ф.Казаков).

⁹⁰ Закревский Арсений Андреевич (1783 или 1786–1865), граф, московский военный генерал-губернатор (1848–1859).

⁹¹ Павлов Николай Филиппович (1803–1864), писатель.

⁹² Павлова (урожд. Яниш) Каролина Карловна (1807–1893), поэтесса и переводчица. См. о ней: Русские писатели... М., 1999. Т.4. С.493–499; *Dictionary of Russian women writers / Ed. by M.Ledkovsky et al.* Westport (Conn.); London, 1994. P.490–493; *Kelly C.* A History of Russian Women's writing 1820–1992. Oxford, 1994. P.93–108.

⁹³ Поэма «Кадриль» (между 1843 и 1859), с 1844 печаталась отрывками, в 1859 опубликована полностью в «Русском вестнике» (см.: *Павлова К.К.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С.308–372, 578–581).

⁹⁴ Очевидно, речь идет о стихотворении М.Ю.Лермонтова «Посреди небесных тел...»:

Посреди небесных тел
Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.
Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный.
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно!

16 мая 1840

В мае 1840 Лермонтов посещал салон К.К.Павловой и вписал это стихотворение в ее альбом.

⁹⁵ Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель.

⁹⁶ «Русский вестник» – литературный и политический журнал, основанный в 1856 в Москве Катковым при участии П.М.Леонтьева (1822–1874).

⁹⁷ «Развлечение» – еженедельный литературно-юмористический журнал, выходивший в Москве в 1859–1916.

⁹⁸ Миллер Федор Богданович (1818–1881), поэт-переводчик, беллетрист, редактор-издатель журнала «Развлечение» (1859–1881).

⁹⁹ Басистов Павел Ефимович (1823–1882), педагог, критик. Преподавал в т.ч. во 2-м Московском кадетском корпусе (1855–1857).

¹⁰⁰ Гедике Иван Карлович (?–1869), преподавал в Московской 2-й гимназии (1847–1869).

¹⁰¹ Ростовцев Яков (Иаков) Иванович (1803–1860), граф, государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1849), генерал от инфантерии (1859), с 1849 – главный начальник военно-учебных заведений, член Государственного Совета (1856), один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861.

¹⁰² В действительности Басистов был вынужден оставить преподавание во 2-м Московском кадетском корпусе из-за статьи «Русская литература (журналы)» (Санкт-Петербургские ведомости. 1857. 9 авг. (№171). С.887–890), в которой он писал о недостаточности у воспитателей педагогического образования и о сочувствии Высочайшему указу, отменявшему определение военных воспитателями в гражданские учебные заведения (см.: РА. 1873. Кн.1. №1. Стб.492–494; №4. Стб.0656–0664; Русские писатели... Т.1. С.171).

¹⁰³ Басистов заведовал московскими думскими школами (1878–1882), являясь членом училищного отдела городской управы и училищного городского совета.

¹⁰⁴ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), философ, историк, публицист и общественный деятель. В 1882–1883 – московский городской голова.

¹⁰⁵ Мочалов Павел Степанович (1800–1848), актер. Речь идет о постановке на сцене Малого театра драмы Ф.Шиллера «Разбойники» (Die Räuber), где Мочалов сыграл роль Франца Моора (1844).

¹⁰⁶ Неустановленное лицо.

¹⁰⁷ Документальных подтверждений этого сюжета обнаружить не удалось.

¹⁰⁸ Иноземцев Федор Иванович (1802–1869), врач, педагог, общественный деятель; профессор Московского университета (кафедра практической хирургии), создатель крупной медицинской школы, основатель Общества врачей в Москве (1861).

¹⁰⁹ Осиповский Дмитрий Тимофеевич (ум. 1881), врач, писатель; с 1832 по 1870 служил при московских городских больницах, в т.ч. с 1845 – консультант и оператор больницы чернорабочих (Староекатерининской).

¹¹⁰ Классен Егор Иванович (1795–1862), беллетрист, преподаватель, автор научно-образовательных книг и учебных пособий. В 1843 опубликовал роман «Провинциальная жизнь. (Ольский). Описательный роман XIX в.», отрицательно встреченный критикой (Русские писатели... М., 1992. Т.2. С.548).

¹¹¹ Любецкий Сергей Михайлович (1808 или 1810–1881), прозаик, поэт, историк. Рецензенты резко критиковали романы Любецкого, в т.ч. за «беспрепятственные нападения на грамматику, на бедный язык русский, на здравый смысл человеческий» (Молва. 1835. №6. Стб. 94), но на книжном рынке они имели успех (Русские писатели... М., 1994. Т.3. С.434–436).

¹¹² Кузмичев (Кузьмичев) Федот Семенович (1799–1860?), низовой литератор. Все отзывы на книги Кузмичева носили иронический и пренебрежительный характер, но у низовых читателей он пользовался популярностью (Русские писатели... Т.3. С.208–209).

¹¹³ «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть в 2-х частях с военными маршами и хорами певчих» (М., 1840) – произведение другого низового прозаика, Николая Ильича Зряхова (1782, по другим сведениям 1786 – конец 1840-х). Имело уникальную литературную судьбу: до 1917 выдержало 40 переизданий, включая переделки. Утратив имя автора, «Битва...» вошла в состав лубочной литературы, а позднее попала в лубочную картинку и даже в фольклор (Русские писатели... Т.2. М., 1992. С.360–361 (авт. А.И.Рейтблат)).

¹¹⁴ Санглен Яков Иванович де (1776–1864) правитель Особенной канцелярии министра полиции (при Александре I). Записки де Санглена печатались в «Русской старине» в 1882–1883.

¹¹⁵ Церковь Иоакима и Анны на Якиманке – ул. Б.Якиманка, 13 (пустырь). Взорвана в 1969 (Сорок сороков. М., 1994. Т.2. С.627–629).

¹¹⁶ Запрещение иностранцам покупать крепостных людей последовало еще в 1746 (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.ХII. №9249. С.503–505).

¹¹⁷ Сабуров Дмитрий Николаевич, гвардии поручик, елатомский уездный предводитель дворянства (1834–1837); женат на Екатерине Михайловне Сабуровой (урожд. Загряжской).

¹¹⁸ Дамá (от Damas – французское название г. Дамаск в Сирии), фасонная шелковая легкая ткань с крупным матовым узором на гладком блестящем фоне.

¹¹⁹ Искаж. от «In nomine porfris ef filii ef spilitu sancti» – «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (лат.).

¹²⁰ Практически никаких сведений о Д.И.Сумарокове и его семье собрать не удалось.

¹²¹ Муравьев (Муравьев-Виленский) Михаил Николаевич (1796–1866), граф (с 1865), государственный деятель, в описываемое время (1830-е) – гродненский гражданский губернатор (с 1831), генерал-майор (1832), курский военный губернатор (с 1835).

¹²² Алябьев Александр Александрович (1787–1851), композитор. Автор романа «Соловей» (1826) на стихи А.А.Дельвига.

¹²³ Сухозанет Иван Онуфриевич (1788–1861), генерал-адъютант (1825), начальник артиллерии Гвардейского корпуса (1819–1831).

¹²⁴ Неустановленное лицо.

¹²⁵ Церковь Харитона Исповедника в Огородниках – Б.Харитоньевский пер., 11. Разрушена в 1930-е (Сорок сороков. Т.2. С.483–484).

¹²⁶ Четвертинский (Святополк-Четвертинский) Владимир Борисович (1824–1859), кн.

¹²⁷ Коронация Александра II состоялась 26 августа 1856.

¹²⁸ Эдвардс (Edwards) Генри Сатерленд (1828–1906), английский писатель и журналист.

¹²⁹ Вероятно, речь идет о романе У.М.Теккерея «Ньюкомы» («The Newcomes...», 1855). В августе 1856 закончилось его одновременное печатание в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения».

¹³⁰ «The Cornhill magazine» (Лондон, с 1860) – журнал, редактируемый в 1860–1862 Теккереем.

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ОЛЬХИНЫХ

Воспоминания о П.М.Ольхине
Публикация В.В.Абрамова

Осенью 1988 автор этих строк вместе с заведующим музеем в Ивангороде Г.А.Поповым нашел у местной жительницы М.В.Комиссаровой значительное количество старых писем, фотографий, рукописей и других бумаг, датированных с 40-х годов XIX в. до наших дней. Это оказался родовой архив семейства Ольхиных примерно за 150 лет. Пять поколений семьи год за годом откладывали и сохраняли эти бумаги. После длительной разборки, изучения и учета здесь оказалось около 1500 различных документов, общее количество листов которых составило не менее 4 тысяч¹.

Что это за семья и какой след она оставила в истории и культуре России?

Родоначальником этой семьи был издатель и книготорговец Матвей Дмитриевич Ольхин (1806–1853), который в 1842 открыл на Невском проспекте крупный книжный магазин, работавший в течение нескольких лет². Матвей Дмитриевич Ольхин в 1842–1846 был владельцем журнала «Библиотека для чтения», издавал газету «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1846 совместно с А.И.Очкиным), журналы «Сын Отечества» (1846–1847, совместно с К.И.Жернаковым) и «Листок для светских людей» (1844). Второе поколение этой семьи представлял Павел Матвеевич Ольхин – врач, переводчик, редактор ряда журналов, общественный деятель. Дети П.М.Ольхина Елена Павловна (в замужестве Визенталь), Константин Павлович (певец) и Александр Павлович (врач) унаследовали от деда и отца разностороннюю талантливость, активность в общественной жизни.

Тексты воспоминаний Е.П.Визенталь и А.П.Ольхина хранятся в Ивангородском историко-архитектурном и художественном музее (далее: ИИАХМ). Ссылки на документы даются по общей первоначальной описи.

¹ Архив перешел М.В.Комиссаровой от ее умершего мужа К.А.Ольхина. Он дошел до нас, конечно, в урезанном виде.

² См.: Сокова Е.М., Абрамов В.В. Петербургский книжник 40-х годов XIX в. Матвей Ольхин // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Т.68. С.197–208; см. также: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т.4.

Павел Матвеевич Ольхин родился 19 января 1830 в д. Пейпия Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии, где его отец служил береговым охранником таможенной службы Пейпинской дистанции. Вскоре отец был переведен в Петербург, где с 1833 стал курьером особой канцелярии Министерства финансов. Мать П.М.Ольхина Анна-Катарина, урожденная Поль (1810–1853), была внебрачной дочерью нарвского мещанина шведского происхождения и некоей Францен. Своего сына Павла Анна Антовна с пяти лет стала обучать русской грамматике и немецкому языку. Павел с раннего детства был увлечен чтением книг из библиотеки отца. В шесть с половиной лет Павел был устроен отцом в Главное немецкое училище при лютеранской церкви Святого Петра³. Это была знаменитая Петришуле, которая славилась хорошим преподаванием естественных наук и языков. В 1843 в семью Ольхиных была приглашена учительницей французского языка для Павла мадам Мария Боссети из Ломбардии. Павел Матвеевич уже в молодости овладел немецким, французским и английским языками⁴.

Уже в старших классах Петришуле Павел Матвеевич стал заниматься переводами для «Библиотеки для чтения» О.И.Сенковского. «После окончания училища, – пишет он в своих воспоминаниях, – Сенковский всерьез взялся за меня. Он неоднократно требовал, чтобы я приходил к нему, указывал мне на недостатки в работе»⁵. В 1847 Ольхин написал и опубликовал в этом журнале свою первую крупную работу «Частная жизнь древних греков и римлян» (Т.84). В 1848 в том же журнале был напечатан ольхинский перевод романа Вальтера Скотта «Перфская красна-девица, или День Святого Валентина» («The fair maid of Perth») (Т.90). Из письма Павла Матвеевича к отцу от 20 ноября 1851 видно, что он работал над статьей для январского номера журнала. Это была, видимо, статья под названием «Исторический очерк сербской литературы», помещенная в разделе «Смесь».

³ Ныне это школа №222 (Невский пр., д.22/24).

⁴ Определенно можно сказать, что в семье Ольхиных вторым языком общения был немецкий. Ольхин своей матери в 1851–1853 обычно писал письма по-немецки, она ему отвечала на русском языке из-за того, что не умела писать латинскими буквами (см. ее письмо от 3.10.1852: ИИАХМ, №34). Жена Ольхина Софья Карловна, урожденная Маркузе, тоже свободно говорила на немецком, как и дочь Елена, вышедшая замуж за германского подданного. Знали немецкий и дети Елены, двое из них – Павел и Феликс – стали германскими подданными и после 1917 переселились в Германию. Их потомки живут там и сейчас. Традиции владения немецким языком были восприняты Константином Александровичем Ольхиным (внуком Павла Матвеевича) и Игорем Львовичем Мюллером (правнуком). Окружение семьи Ольхиных в значительной степени состояло из немцев (купцов, ремесленников, аптекарей, артистов, учителей и т.д.).

⁵ Эти воспоминания Ольхиным написаны в 1853–1855 на немецком языке очень мелким и неразборчивым почерком. К сожалению, они были оборваны на полуслове. – ИИАХМ, №1417, №122 (перевод).

Следует сказать, что и в других номерах журнала за этот период напечатаны материалы компилятивного характера, близкие тематике Ольхина, которой он занимался позже (о путешествиях, воздухоплавании, фотографии и т.д.)⁶. Сведения о работе Ольхина в журнале с А.В.Старчевским встречаются в переписке с матерью⁷.

Очевидно, под воздействием Сенковского и Старчевского в 1849 Павел Матвеевич решил поступить в Петербургский университет для изучения восточных языков – он мечтал работать за границей в одном из российских посольств. Он усиленно готовился к приемным экзаменам, но опоздал с подачей документов, после чего поступил в Академию художеств на архитектурное отделение (он хорошо рисовал), где проучился полтора года.

Между тем положение семьи Ольхиных со второй половины 1840-х годов становится тяжелым. Ольхин-отец был на грани полного разорения из-за ошибок в издательской деятельности и кражи крупной суммы денег из его квартиры. Дело дошло до того, что весной 1852 все домашнее имущество семьи было описано и взято под залог. Семья вынуждена была продавать все, что оставалось, вплоть до одежды. Торговые неудачи так подействовали на Матвея Дмитриевича, что он серьезно заболел и 4 марта 1853 умер, а 20 апреля умерла и его жена. Павлу Матвеевичу пришлось принять тяжелое наследство долгов.

В этом же году он по совету Э.А.Хана⁸ поступил в Медико-хирургическую академию. Непритязательность и скромность в жизни, репетиторство и небольшие литературные заработки позволили Павлу Матвеевичу учиться в академии и закончить ее в 1858. В академии он продолжал заниматься переводческой деятельностью, но переводил уже не художественную, а медицинскую литературу. Итогом этой деятельности стал перевод капитального труда (2700 стр.) Ф.Л.Валле, который был издан Ханом⁹.

Особенно много времени Ольхин уделял химико-лабораторным занятиям под руководством профессора Н.Н.Зинина¹⁰. Тогда же Павел Матвеевич близко сошелся с Александром Порфирьевичем Бородиным, впоследствии известным химиком и композитором. Их многое объединяло: оба любили химию, музыку, оба знали и постоянно совершенствовали иностранные языки (Бородин хорошо знал немецкий и французский). Дружба Ольхина с Бородиным продолжалась и после окончания академии,

⁶ Библиотека для чтения. 1851. Т.110; 1852. Т.111, 112.

⁷ См. письмо А.А.Ольхиной к сыну от 17 июля 1852 (ИИАХМ, №34).

⁸ Хан Эммануил (Мануил) Алексеевич (1826–1892) – литератор, доктор медицины, издатель и редактор журнала «Библиотека медицинских наук» (с 1857), научно-художественного журнала «Всемирный труд» (с 1867).

⁹ Валле Ф.Л. Руководство к терапии. СПб., 1857–1859. Ч. I–IV.

¹⁰ Зинин Николай Николаевич (1812–1880) – химик-органик, в 1848–1864 – профессор Медико-хирургической академии.

о чем свидетельствуют сохранившиеся два письма Александра Порфирьевича. В первом его письме от 23 апреля 1858 Бородин поздравляет Ольхина с женитьбой и жалеет, что из-за поездки по служебным делам не может быть на его свадьбе шафером. Второе письмо от 23 августа 1859, дошедшее до нас не полностью, представляет собой ответ на письмо-запрос по поводу какого-то химического анализа. Оригинальность письма в том, что оно частично написано в стихах. Приведем этот образец «научной поэзии»:

Вултека следует повесить.
Вышереченный Вултек
Анализ сам делать не умеет –
Поверил на слово анализу де-Врея,
Который был, наверно, пьян
В то время как работал с глицерином,
И с пьяных глаз наврал.
Итак, ты с этим господином
И с формулой, которой отдал,
Не церемонься, друже, нисколько,
Пиши, что это вздор – и только¹¹.

Известно также, что в эти годы Ольхин и Бородин совместно делали переводы сочинений по химии для издательства М.О.Вольфа¹².

Сразу же после окончания академии Ольхин женился (6 июля 1858) на Софье Карловне Маркузе. Он не стал лечащим врачом, а полностью отдался литературной и издательской деятельности, в которой первое время преобладал медицинский уклон. В 1859 Павел Матвеевич издал книгу «О самоубийстве в медицинском отношении», которой интересовался Ф.М.Достоевский¹³. В 1860 Ольхин издает «Популярную анатомию», а в 1861 – «Популярную физиологию». Впоследствии Павел Матвеевич выпустил еще несколько книг и учебников по медицине, много трудился над переводами медицинских словарей А.Гринберга и О.Рота (объем их более 1700 стр.), которые вышли, соответственно, в 1864 и 1898¹⁴. При этом Ольхин не просто переводил текст, но и вносил в него появившиеся медицинские термины. В 1899 он участвовал в редактировании последних семидесяти листов из-

¹¹ ОР ИРЛИ. Р.1. Оп.2. №280.

¹² См. письма Бородина А.К.Клейнке августа 1857 и Е.С.Протопоповой 1863, а также примечания к ним (Письма А.П.Бородина. Выпуск I (1857–1871). М., 1927–1928. С.34, 56, 330).

¹³ Второе издание этой книги вышло в 1863, оно называлось «Последние дни самоубийц». О том, что эту книгу читал Достоевский, сообщил автору этих строк И.Л.Мюллер. См. также: Мюллер В.П., Мюллер И.Л. Как родился «Вокруг света» // Вокруг света. 1990. №1.

¹⁴ Сообщено П.М.Ольхиным в биографии (ИИАХМ. №943).

вестного «Энциклопедического словаря» Ф.Ф.Павленкова¹⁵, который пользовался популярностью у широкого круга читателей.

В 1864 Ольхин участвовал в конкурсе по внедрению в России стенографии. В 1865, получив одобрение Министерства народного просвещения, он организовал курсы и выпустил учебное пособие по стенографии. Известно, что именно он рекомендовал Ф.М.Достоевскому молодую стенографистку Анну Григорьевну Сниткину, которая стала впоследствии женой писателя. Как явствует из воспоминаний Анны Григорьевны, Ольхины присутствовали на церемонии бракосочетания Достоевских, а сын Павла Матвеевича пятилетний Костя исполнял в церкви роль «мальчика с иконой». Всю жизнь Анна Григорьевна с уважением относилась к своему учителю стенографии, она хорошо знала его семью, старалась оградить Павла Матвеевича даже от мелких несправедливых суждений других людей о нем. В этом отношении интересен ее диалог с Ф.М.Достоевским: «Как-то, распрашивая меня о моем преподавателе стенографии П.М.Ольхине, Федор Михайлович сказал: “Какой это угрюмый человек!” Я рассмеялась: “Ну, представь себе, что сказал мне Павел Матвеевич перед свиданием с тобой? Предлагаю вам работу у писателя Достоевского, только не знаю, как вы с ним сойдетесь – он мне показался таким мрачным, таким угрюмым человеком! И вот ты теперь высказываешь точно такие же о нем мнения! На самом деле вы оба вовсе не мрачны и не угрюмы, а лишь кажетесь такими”»¹⁶.

Вскоре после окончания академии Ольхин сделался сотрудником издателя и книгопродавца М.О.Вольфа, который тогда активно развешивал свое дело. В 1860 Вольф пригласил Павла Матвеевича редактировать журнал «Вокруг света», первый номер которого вышел в декабре того же года. Около года Ольхин редактировал журнал с А.Е.Разиным¹⁷, затем стал работать самостоятельно. Журнал имел приложение (или, как тогда говорили, прибавление) под названием «Природа и землеведение», выходившее с 1862 по 1868. Все статьи приложения, кроме одной, автором которой был Орлов, написаны или переведены Ольхиным¹⁸. В этом же издании (1868. Т.7) опу-

¹⁵ Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) – книгоиздатель.

¹⁶ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971. С.87–88, 108–109.

¹⁷ Разин Александр Егорович (1823–1875) – публицист, популяризатор, составитель книг для детского чтения. Служил в разных ведомствах. В 1861–1864 был постоянным сотрудником журналов «Время» и «Эпоха», членом литературного кружка братьев М.М. и Ф.М.Достоевских. Разин был человеком всесторонне образованным, обладал также знаниями по медицине. На станции Любань, где он долго жил, оказывал медицинскую помощь местным крестьянам.

¹⁸ Об этом сообщает Ольхин в своей биографии (ИИАХМ. №943). Характерно, что у всех статей приложения, кроме одной – Орлова, не указан автор. Также не подписывались статьи, переводы, заметки и в журнале «Вокруг света». Судя по тематике материалов, по стилю и манере изложения, можно предположить, что большинство их, если не все, тоже принадлежали Ольхину.

ликован роман Жюль Верна «От Земли до Луны» в переводе Ольхина¹⁹. В дальнейшем редактирование журналов стало одним из главных занятий Ольхина. Пожалуй, никто в истории русской журналистики не редактировал такое количество журналов, как Павел Матвеевич. Вот лишь список журналов: «Вокруг света» – 1860–1868; «Писчая бумага и ее употребление» – 1886–1889 (с 1887 он назывался «Графическое искусство и бумажная промышленность»); «Модный свет» – 1882–1898; «Фотографический вестник» – 1894–1911 (издание прерывалось в 1898–1904); «Военно-Медицинский журнал» – 1890–1895; «Новый мир» – 1899–1905 (с приложениями: «Мозаика» – 1901–1904, «Литературные вечера» – 1899–1903, «Современная летопись» – 1905, «Вестник литературы» – 1905, «Культура и наука» – 1905); «Задушевное слово» – 1901–1915 (отдельно для младшего и старшего возраста с приложениями «Детские моды» – 1901–1915 и «Задушевное эхо» – 1913–1915). Кроме того, Ольхин редактировал журналы «Живописная Россия» – 1901–1905, «Библиотека русских и иностранных писателей» – 1905 и «Мой первый журнал» – 1908–1915²⁰.

Нам не известно ни об одном конфликте Ольхина с цензурой. Очевидно, в глазах властей он числился благонадежным, поэтому его легко и быстро можно было назначить на должность редактора. Следует сказать, что в России существовала практика фиктивных редакторов, что же касается обязанностей реального редактора (или редакторов), они нередко выполнялись другим лицом. Надо полагать, что в последние 10–15 лет жизни Ольхина его редакторские обязанности были в основном формальными.

Издательство Вольфа выпускало большое количество научных и научно-популярных книг. Издания имели большой формат, были прекрасно иллюстрированы и переплетены. Ольхин перевел и отредактировал для издательства немало трудов западных популяризаторов естествознания: «Мир до сотворения человека» Ф.А.Циммермана, «Многочисленность обитаемых миров» К.Фламариона, «Воздух и воздушный мир с его явлениями и обитателями» А.Манжена, «Море. Жизнь в море и у моря» М.И.Шлейдена. Каждый из этих трудов насчитывал по 500–600 страниц текста большого формата. В 1870–1871 Ольхин выпустил три тома «Подвиги человеческого ума» (более 1800 страниц), где в популярной форме рассказывалось об изобретениях и технических производствах с древности до современности. Позже Павел Матвеевич участвовал в издании 12-томного коллективного труда «Живописная Россия».

¹⁹ Позже, в 1870, этот перевод вышел отдельной книгой.

²⁰ *Беленева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифорова М.М.* Библиография периодических изданий России 1901–1916. Л., 1958–1960. Т.1–3; *Лисовский Н.М.* Русская периодическая печать 1703–1894. 1895. Вып.1; 1913. Вып.3; Весь Петербург 1915. Журналы «Модный свет» и «Военно-Медицинский журнал» Ольхин редактировал неофициально. «Мой первый журнал» (для детей младшего возраста) в библиотеках С.-Петербурга не сохранился, он даже не попал в библиографию.

*Павел Матвеевич
Ольхин*

*Александр Павлович
Ольхин*

*Елена Павловна
Визенталь
(урожд. Ольхина)*

Увлечение химией и техникой привели Ольхина к профессиональным занятиям фотографией. Еще в юности он познакомился с дагерротипией и тальботипией. Муж родственницы Ольхина Карл Даудендей имел в С.-Петербурге на Б.Конюшенной, 16, тальботипию (фотографию). Как видно из письма Ольхина матери от 8 октября 1852, К.Даудендей предложил ему войти в равную долю своего предприятия²¹. Павел Матвеевич работал здесь недолго, но приобрел навык фотографирования и производства снимков. Среди бумаг ольхинского архива сохранилось несколько образцов тальботипий и ранних фотографий. Ольхин, занимаясь фотографией, написал 8 книг и брошюр, выпускал специальный журнал «Фотографический вестник», особый интерес он проявил к цветной фотографии. Со всеми новейшими достижениями в этой области он немедленно знакомил читателей журнала²². Правнук Ольхина И.Л.Мюллер сообщал автору этих строк об увлечении его прадеда цветной фотографией. Причем он сообщал, что Павел Матвеевич первым в С.-Петербурге произвел цветную фотографию. (Правда, это сообщение не подтверждается историками фотографии. Однако в семье И.Л.Мюллера сохранился фотонегатив этого цветного снимка, который, очевидно, может решить спор о приоритете.)

Много занимался Ольхин и полиграфией. Как уже отмечалось, он редактировал журнал «Писчая бумага и ее употребление». В 1900 он издал брошюру «Иоганн Гутенберг – изобретатель книгопечатанья», а в издательстве типографа И.Гольдберга – «Руководство к печатному делу» (СПб., 1903). Это была своеобразная маленькая энциклопедия для работников типографии, в которой особое внимание автор обращал на экономическую сторону предприятия.

Ольхин постоянно занимался общественной работой, тесно связанной с проблемами, которыми он интересовался: популяризацией науки, культурой, образованием и пр. Остановимся лишь на его работе во Фребелевском обществе. Общество было названо в честь Фридриха Фребеля (1782–1852) – ученика и преемника И.Песталоцци. Фребелевское общество возникло в Петербурге в 1871 и имело целью содействовать начальному воспитанию и обучению детей. Общество находилось под покровительством великой княгини Екатерины Михайловны. Основателями общества была группа педагогов и врачей, главным образом из обрусевших немцев (И.И.Паульсон, К.А.Раухфус и др.). При Фребелевском обществе с 1872 работали курсы, которые выпускали «детских садовниц» (воспитательницы детских садов). Занималось общество и издательской деятельностью²³. Ольхин вошел в общество вместе с врачами, одним из которых был его однокашник по ака-

²¹ ИИАХМ. №122. С.7–10; №65.

²² Фотографический вестник. 1895. №9; 1897. №3; 1905. №3; 1907. №3; 1908. №2; 1909. №3, 6, 12.

²³ См., напр.: Педагогическая энциклопедия. М., 1968. Т.4. С.552–553; Чувашев И.В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России. М., 1955. С.90–92, 196.

демии К.А.Раухфус²⁴. Однако Павел Матвеевич в обществе занимался не медицинскими, а педагогическими проблемами, организацией детского досуга, ранним обучением детей грамоте и пр. Очевидно, это было связано с проблемами воспитания собственных детей. В связи с этим Ольхин еще в 1868 выпустил брошюру «Общеобразовательные игры и учебные пособия». В последующие годы он постоянно возвращался к вопросам воспитания. Вот только некоторые из его работ: «Часы досуга. Игры и занятия для всех возрастов» (1870), «Выкалывание. Общеобразовательная игра и учебные пособия» (1868), «Мастер на все руки. Наставление как делать разные безделушки и украшения из папки и бумаги» (1915), «Займись, дружок. Легкие занятия для маленьких детей» (1914) и др.

Работа во Фребелевском обществе привела к тому, что Ольхин занялся коммерцией, открыв на Литейном, 57, магазин «Забава и дело», в котором продавались детские игрушки, игры, материалы для поделок. Из переписки Ольхина с сыном Константином видно, что у Павла Матвеевича было намерение организовать в Петербурге детский театр²⁵.

В связи с Фребелевским обществом к Ольхину обращался Достоевский. В набросках и планах писателя к роману «Подросток» (1874–1879) есть запись: «Отцы и дети. Рассказ Феде о Крымске и о своем брате. В фребелевской школе, и новейшие учительницы возбуждают на него целую бурю; стыдят его за ложь, срамят перед товарищами...» На полях рукописи против слов «В фребелевской школе <...> перед товарищами» писатель сделал пометку «с Ольхиным»²⁶. Можно предположить, что Ольхин сообщал Достоевскому кое-что о фребелевской школе, и писатель, работая над романом, хотел обсудить с ним некоторые педагогические и психологические вопросы. С Ольхиным, очевидно, было связано и выступление на детском празднике Фребелевского общества 3 апреля 1879 в честь Пасхи, где писатель читал рассказ «Мальчик у Христа на елке»²⁷.

Делами Фребелевского общества Ольхин занимался до конца жизни: редактировал детские издания «Задуманное слово», «Мой первый журнал», много писал для журналов, его имя названо среди пяти лучших детских писателей Товарищества Вольфа...²⁸ В известном словаре Венгерова Ольхин упоминается не только как переводчик, автор научно-популярных сочинений, но и как детский писатель²⁹.

²⁴ Раухфус Карл Андреевич (1835–1915) – педиатр-клиницист, в 1869–1909 руководил построенной по его инициативе и плану детской больницей.

²⁵ Письмо К.П.Ольхина от 4 декабря 1890 (ИИАХМ, №189).

²⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1976. Т.17. С.7–8.

²⁷ Краткий очерк деятельности... Фребелевского общества в первое десятилетие его существования с 1871–1881 гг. СПб., 1881.

²⁸ Книга в России 1861–1881. М. 1990. Т.2. С.60–66.

²⁹ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Пг., 1916–1918. Т.2. Вып. 4–5.

Мы перечислили только главные области и направления деятельности Ольхина, однако у него было еще много «мелких занятий», которые нашли отражение в его брошюрах, статьях, очерках, заметках. Библиографию всех этих произведений составить невозможно, т. к. чаще всего они публиковались без подписи или (довольно редко) под псевдонимами: «П.О.», «П.Матвеев», «Дедушка Павел» и др.³⁰ Большинство этих публикаций посвящено вопросам естествознания, медицине, ремеслам. Исключительную плодотворность Ольхина отмечали многие современники. Так, хорошо знавший его по работе в товариществе Вольфа историк книги и писатель-популяризатор С.Ф.Либрович в своих воспоминаниях, говоря об исключительной скромности и незаметности Ольхина, отмечал не только его добросовестность в подготовке публикаций (писал только то, что хорошо знал), но и громадный объем написанного. «Если бы собрать одни только научно-компилятивные работы Ольхина, то [они] бы составили собрание в 50–60 томов. Но у Ольхина, кроме того, были еще оригинальные, совершенно самостоятельно разработанные им сочинения»³¹. Один из руководителей фирмы Товарищества М.О.Вольф в 1915 писал: «Павел Матвеевич был в течение многих лет одним из усердных литературных сотрудников нашей фирмы, и мы высоко ценим его как честного работника и в высшей степени доброго человека, память о котором фирма сохранит навсегда»³². К сожалению, архив Товарищества не сохранился, и многие факты творческой биографии Ольхина и его литературного окружения остаются неизвестными. Видимо, это обстоятельство сыграло определенную роль в том, что имя П.М.Ольхина оказалось забытым. В советское время, несмотря на значительное развитие научно-популярной литературы, в словарях и энциклопедиях не нашлось места для его имени. Не способствовала популярности Ольхина и советская критика, которая обычно журналы, редактируемые им, – «Задушевное слово», «Новый мир» и др. – оценивала как буржуазные и реакционные.

Ольхин трудился до последнего вздоха. Вопросы жизни, деятельности, назначения человека волновали его даже в последние часы. До нас дошла его предсмертная записка, написанная мелким, не очень разборчивым почерком. Сильно страдая физически и ни к кому не обращаясь, он написал: «Что человечнее и совместимее с врачебной этикой: залечить безнадежного больного в неделю до смертельного исхода острым морфином или достигнуть того же результата замучиванием в несколько месяцев мучительным удушением?»³³

³⁰ Библиотека для чтения. 1852. Январь; Мастер на все руки. 1915; Задушевное слово. 1901. №19, 37.

³¹ Либрович С.Ф. На книжном посту: Воспоминания: Записки: Документы. Пг.; М., 1916. С.409–411.

³² Письмо-соболезнование принявшего редактирование журнала «Задушевное слово» Л.В.Вольфа в связи со смертью Ольхина (ИИАХМ. №118).

³³ ИИАХМ. №118.

Деятельность Ольхина в течение всей его жизни носила ярко выраженный универсальный характер, он вполне заслужил звание человека десяти профессий: переводчика, литератора, врача, стенографа, редактора, химика, художника-графика, полиграфиста, фотографа, педагога. При желании этот список можно продолжить, т.к. Павел Матвеевич работал и в области географии, ботаники, энтомологии, психологии, военного дела, библиографии, филателии и др. Иными словами, это был величайший труженик, оставивший яркий след в популяризации науки, культуры и техники.

Ниже мы печатаем воспоминания детей П.М.Ольхина – Елены Павловны и Александра Павловича. Текст их печатается по рукописи (ИИАХМ. №591, 466), орфография и пунктуация подлинника приведены в соответствие с современными нормами. В тексте устранены небольшие повторения, раскрыты сокращения, что обозначено квадратными скобками. Сокращен также последний раздел воспоминаний Е.П.Визенталь «Наши родственники», где фактически речь идет не о родственниках, а о свойственниках. Впрочем, фактический материал раздела использован в комментариях.

Рукопись Елены Визенталь, рожд[енной] Ольхиной

1924, май

К сожалению, отец мой, Павел Матвеевич Ольхин, прекратил записки свои в 1855 году и не поведал своим потомкам о своей деятельности и интересной жизни. Постараюсь я написать о том, что знаю и помню.

Отец мой был единственным сыном человека, о котором он довольно пространно говорил в своих записках. Близких родственников, кот[орых] я знала, было мало, и о них будет речь впереди, если мне Господь продлит жизнь. Отец окончил <...> Петропавловское училище¹ с отличием, а затем и Медико-Хирургическую Академию со степенью лекаря, в этом звании он и умер. Медицину он не любил и практиковать не желал, хотя по окончании и получил место врача в поместье Орлова-Давыдова², но скоро бросил его, вернулся в Петербург и занялся переводами у д[октор]а Хана³, о котором он упоминает в своих записках. Затем он стал получать переводы у книгоиздателя Маврикия Осиповича Вольфа, в деле которого он работал до конца жизни⁴.

В 1858 году он женился на девице Софии Карловне Маркузе, с кот[орой] он познакомился в доме своего дяди портного Альванг, где м[адемуазель] Маркузе была гувернанткой у Матильды, двоюродной сестры отца⁵.

Отец мой имел большую склонность жить за городом и вскоре после женитьбы переехал на постоянное житье в Павловск Петроград[ской] губ[ернии] Царскосельского уезда; в 1862 году имел уже двух детей: меня и брата моего Константина, он решил уехать за границу, а именно в Германию, и поселиться со своей семьей в баварском городке Нюрнберге. Кроме моей матери и нас, двоих детей, он взял еще с собой младшую сестру матери Эмилию (родив[шуюся] в 1869 г.)⁶ и молодую русскую девушку лет 20, дочь николаевского солдата Сашу Зеленскую, кот[орая] научилась в Герм[ании] отлично говорить по-немецки.

Отец занимался за границей переводами и пересылал их сюда Вольфу, а тот высылал ему деньги почтовыми переводами (таковые есть у меня и у племянника моего Константина Ольхина в наших собраниях знаков почтовой оплаты)⁷. В 1864 г. во время польского восстания отцу пришлось вернуться в Россию. Увидя, что ему не скоро придется вернуться к своей семье, он написал матери, чтобы она ликвидировала свое хозяйство и тоже вернулась в Россию. Мать ожидала тогда третьего ребенка, кот[орый] и родился осенью того же года⁸.

Остановились мы у дяди отца Марцинкевич в его танцевальном заведении⁹, но прожили там недолго и переехали опять в Павловск. Там прожили мы не более двух лет и не знаю по каким причинам переехали в Петербург на Б.Московскую улицу, угол Разъезжей, в д[ом] Мухина, в котором переменили две квартиры. Затем переехали напротив по той же Б.Моск[овской] в д[ом] Ефимова. Там мы занимали 9 комнат, были соединены две квартиры: одна в 5 ком[нат], другая в 4 ком[наты]. В этом доме в нижнем этаже священники церкви Владимирской Божьей Матери нанимали квартиру в 4 комнаты, и поселились в ней несколько бедных вдов — прихожанок их прихода, каждая имела по нескольку человек детей различного возраста.

Отец мой был человек очень добрый и любил благотворительность, но был убежден, что подача нищему, просящему на улице или у церкви копейки, не есть помощь, он стремился дать основательную помощь, т.е. узнать, истинно ли нуждающийся человек, и, убедившись в этой нужде, он старался помочь человеку выбиться из нужды. На основании этого он вникнул в нужды вдов и их детей и решил сделать из некоторых, кот[орые] оказались бы способными, хороших мастеров. Будучи сам мастером на все руки, он открыл мастерскую образовательных игр. Накупил материалов (папку, цветную бумагу, досок, клея, крахмала и т.д.), инструментов картонажных и столярных. Набрал ребят и, усадив их за столонверстаком, принялся обучать их картонажному и столярному ремеслам. Было у него и несколько человек настоящих мастеров, кот[орые] помогали обучать ребят. Получались прекрасные короб-

ки, наполненные разными играми и материалами, из кот[орых] дети могли сами готовить себе игрушки и занятия.

В то время входила в моду теория педагога Фребеля, и в коробках было плетение, выкалывание, рисование, вышивание, работы из глины. Из детей, работавших в отцовской мастерской, я помню две семьи: Румянцева Ольга и ее брат (имени не помню). Ольга, выросши, вышла замуж за полотерного мастера Александра и жила много лет на Могилевской ул[ице]¹⁰, что случилось с братом, я не знаю. Домбровские: Николай, Анна и Егор. Николай выучился столярничать, хорошо женился, открыл на Николаевской ул[ице] багетную мастерскую¹¹ и имел до революции 1917 года дом в Лесном корпусе. Анна вышла замуж за германца и уехала в Берлин. Егор страдал некоторое время падучей болезнью, потом вылечился, брат купил ему запряжку, и он был легким извозчиком. Утонул в молодых годах.

Ерфемский и Канаев переняли у отца его мастерскую и открыли на углу Графского переулка и Троицкой ул[ицы] «Мастерскую учебных пособий»¹².

Отца же зять моей матери Леонид Борисович Тагеев¹³ уговорил открыть в середине 70-х годов игрушечный магазин. На Литейной, д. № 57 Полежаева, и был таковой открыт и назвали его «Забава и Дело»¹⁴, в мастерской готовили для него игры и одевали кукол. Для их одевания была взята портниха, очень симпатичная вдова Авдотья Васильевна Дмитриева, имевшая единственного сына. Куда делась эта женщина, я не знаю.

В котором году был открыт магазин «Забава и Дело», я не помню, но наверное знаю, что около середины 70-х годов. В мастерской делали между прочим воздушный шар Монгольфьера: из разноцветной папиросной бумаги клеивали полосатые продолговатые мешки, у открытой части клеивалось проволочное кольцо и протягивались две проволоки по диаметру, на месте скрещивания которых укреплялся комок ваты, пропитанный спиртом, вата зажигалась, шар наполнялся теплым воздухом и поднимался. Шары были от 1/4 аршина и до 2-х в длину.

В 1876 году началась русско-турецкая война¹⁵, много наших знакомых молодых людей ушло на войну. Отец стал делать «турецкие бомбы»: склеивался полый куб из желтой альбомной бумаги и складывался плоско, на одной плоскости через трафаретку красной краской накрашивались полумесяц и звезда, на противоположной была сделана маленькая круглая дырочка, через которую куб надувался, затем его клали на одну ладонь, а другой прихлопывали, раздавался звук взрыва. Как «монгольфьеры», так и «турецкие бомбы» шли очень ходко, их выписывали даже в Москву и провинцию.

Через три или четыре года Леониду Борисовичу, очевидно, прискучило это дело, и он начал искать причины для ссор. Отец мой был человек самых высоких качеств и не шел на пустые ссоры и свару. Тогда Тагеев принялся за мою мать, с которой не трудно было поссориться. Дело пришло к разрыву. Тагеев потребовал свои деньги обратно, согласно договору отец должен был возвратить в кратчайший срок, и ему пришлось занять деньги у своих друзей, т.к. капитала своего у него не было¹⁶. Затем отец продержал магазин еще лет 5, а потом продал его своей бывшей приказчице Елене Густовне, кот[орая] вышла замуж за купца Фростерус¹⁷, но они продержали его недолго и закрыли его совсем. Где эти люди и как живут, я не знаю.

Когда отец развязался с магазином, то он постепенно прекратил и мастерскую, и вскоре помимо работы у Вольфа и еще кое-каких случайных работ он получил место редактора [журнала] «Модный свет», издававшегося Гоппе¹⁸.

Еще в 50-х годах он занялся разработкой стенографии для русского языка, для чего переделал систему Габельсберга. В России была назначена премия за лучшую систему. По конкурсу прошли двое: Паульсон и мой отец; так как Правительство не нашло возможным разделить премию и нельзя было никого обидеть, то оба были приглашены лекторами стенографии по 100 руб. в каждый месяц. Курс был двухгодичный, лекции читались только в учебный семестр, т.е. с 1/2 августа до половины мая, жалование же получалось круглый год. Паульсон скоро отказался от чтения лекций, а отец читал их в продолжение около 15 лет¹⁹. Правительство прекратило их при начале турецкой кампании, извиняясь тем, что средства нужны для войны. Конечно, потеря 100 руб. в месяц была для бюджета моих родителей довольно чувствительной, но отец был усердный работник, и мать могла вести хозяйство по-прежнему.

Работая у Гоппе в его модном журнале, отец продолжал работать и для других издателей.

Будучи еще студентом, отец принадлежал к корпорации «Невания», это, как он говорил, была единственная студенческая корпорация, кот[орую] допускало Правительство.

В 1889 г. младший брат мой кончил Военно-Медицинскую (бывшую Медико-Хирургическую) Академию и должен был ехать военным врачом в г. Смоленск. Он был женихом единственной дочери одной вдовы, кот[орая] ни за что не желала расстаться со своей дочерью. Между тем брат как стипендиат (своекоштных было в то время мало, кажется, это не допускалось законом) должен был взять место в провинции.

Главным военно-медицинским инспектором был Адольф Реммерт²⁰, окончивший когда-то с моим отцом Петропавловское училище (Петершуле) и бывший член корпорации «Невания», к нему направили матери (наша мать и мать невесты брата) отца, чтобы он просил инспектора об устройстве брата на службу в Петербурге или его окрестностях. Отец долго отнекивался от этого посещения, так как не любил никаких протекций, но наконец согласился сходить к Реммерту. Тот его очень радушно принял «на ты», обещал устроить брата при первой возможности, кот[орая], однако, оказалась по прошествии почти года; затем он стал выспрашивать отца о его жизни и деятельности и, узнав, что отец редактирует модный журнал, удивился и нашел, что это совершенно не дело для врача, затем он начал жаловаться, что у него в Управлении есть «больное место», а именно редакция «Военно-Медицинского журнала», дело там ведется безалаберно и бестолково, нет подходящего руководителя, и просит отца взяться упорядочить хозяйственную и издательскую часть редакции. После долгих переговоров, во время которых Реммерт даже бывал раза два-три у нас на квартире в доме №82 на Невском прос[пекте], во втором дворе и в 5 этаже, отец наш принял место заведующего названной редакцией. Прослужил он в ней года 3 или 4, во время кот[орых] он не только уничтожил дефицит, кот[орый] всегда тяготел над редакцией и вследствие которого всегда испрашивали субсидии, но даже явился излишек средств, кот[орые] отец хотел употребить на издательство полезных сочинений и продажей их увеличить средства редакции, чтобы давать подписчикам лучше и больше материала для чтения; подписчики были все военные врачи, из жалования которых вычиталась подписная сумма, и таким образом они являлись обязательными подписчиками²¹. Начальство отнеслось неодобрительно к этой затее, а из Военного министерства, которому было подчинено В[оенно]-С[анитарное] Управление, получился даже выговор за это, что до сих пор редакция испрашивала субсидии. Тайн[ый] совет[ник] Алек[сей] Ив[анович] Беляев, бывший в то время ответственным редактором «Воен[но]-Мед[ицинского] жур[нала]», выразился однажды, что «Ольхин желает завести книжную лавочку на средства казны»²². Может, тут был намек на дела моего деда, кот[орый], между прочим, издавал «Полицейские ведомости», на что получал субсидию от казны (я не знаю, почему отец не упоминает в своих записках об этой деятельности своего отца, о кот[орой] он не раз рассказывал нам)²³.

Я малонаблюдательна и поэтому не вполне уясняю себе, что происходило между моим отцом и д[окторо]м Беляевым, но помню, что отец часто бывал расстроен и наконец совершенно отказался от службы в редакции. У Гоппе же продолжал работать до прекраще-

ния этого издания. После 1905 г., когда прошло так называемое «первое освободительное движение» (в этом столетии в России), весьма многие издания прекратились. Многие лица почему-то не получили права редакторства, несмотря на данную «свободу печати». К таковым лицам принадлежал сын Маврикия Осиповича Вольфа²⁴, у которого отец мой продолжал работать. Он пригласил отца быть фиктивным редактором, т.е. дать свою подпись, с кот[орой] сделали факсимилье, за это Вольф обязался ежемесячно платить по 50 руб. в месяц до его смерти, что и исполнилось. Кроме того, отец (не знаю с какого года) стал получать по 15 руб. в месяц от Об[щества] литераторов²⁵. Он продолжал работать у различных издателей, между прочим, он составил по поручению книгоиздателя Павленкова Краткий энциклопедический словарь. Есть много других его научно-литературных работ, исполненных до конца его дней. Список его работ (не всех), данный мне управляющим Вольфа, хранится у моего племянника Константина Александровича Ольхина²⁶.

Вообще отец мой был здоровья весьма крепкого, несмотря на то, что он был очень малокровен: «Малокровие – мое нормальное состояние, т.е. я не страдаю от этого, – говорил он часто, – происходит это вследствие того, что в детстве у меня часто шла из носа кровь, и я часто терял ее по чайной чашке». Об этом он упоминает в своих записках.

Наряду с работами в мастерской отец занимался различными изобретениями, большинство их неизвестно и не окончено. Между прочим, он изобрел взрывчатый состав, кот[орым] он набивал петарды, клавшиеся на рельсы, если поезд нужно было остановить. Некий Яффе²⁷, агент-поставщик железных дорог, заказывал отцу эти петарды, и их изготовлялось у нас тысячи, окрашивались, укладывались в жестяные круглые коробки, упаковывались в ящики и увозились на ломовых телегах.

Однажды по неосторожности одного из моих дядей (Александра Маркузе)²⁸, работавшего в мастерской отца, в отдаленной комнате, ящик, полный незакрытыми и незакрашенными петардами, загорелся. Квартира, а затем двор наполнились удушливым дымом, наведшим панику на всех обитателей дома. Над нашей квартирой все жильцы также выбежали на двор, но вдруг вспомнили, что там осталась старуха-мать, все заахали, заплакали, я побежала ее спасать, огня никакого не было видно, только лестница была полна необыкновенно едкого, удушливого дыма, валившего из открытых дверей нашей квартиры. Я вбежала на самый верх, открыла окно на лестницу и вбежала в квартиру соседей, там я застала старушку, метавшуюся в отчаянии, я схватила ее руку и стала тащить за собой на лестницу, но она отчаянно упиралась и говорила, что боится и ни за

что не выйдет из квартиры. Да и незачем было выходить, в квартире все-таки воздух был чище, чем на лестнице и на дворе, так как было холодно (приблизительно ноябрь) и окна были закрыты.

Отец возился с тушением горячей массы, так что, когда приехали пожарные, им нечего было делать.

Отец и я сильно наглотались этого дыма, он туша, я – бегая спасать старуху. Мы долго кашляли, ощущая острую жгучую боль в горле и груди (в бронхах).

Очевидно, этот удушливый дым отцу дал идею исследовать или составить удушливый газ в целях употребления его на войне.

Летом и осенью он иногда завязывал себе нос и рот чем-то пропитанным платком, шел в угол сада, иногда он нес мышеловку с мышкой или крысой, а однажды даже вел на веревке паршивую, хромую старую собаку (уже не знаю, откуда он достал такую), на всю эту тварь он выпускал что-то из металлической банки и стремглав бежал прочь. Нам строго запрещалось ходить в тот угол, это был отдаленный угол сада, по другую сторону забора был пустырь, в середине которого стоял заколоченный дом, нас и не влекло туда. Но все-таки мы любопытствовали посмотреть, что там делается, и осенью после долгих дождей мы пошли в запретный угол, собаки там не было (но мы знали, что она околела), но дохлые мыши и крысы валялись на выжженной²⁹ траве, а забор во многих местах совершенно потемнел и истушился²⁹, деревьев поблизости не было, но был большой куст бузины (волчья ягода), и он тоже был погублен.

Зимой отец написал большой проект и подал его в Военное министерство, а дома он рассказал, что больше не может быть войны, что он изобрел такой газ, кот[орый] душит и убивает, его надо заключить в ядра и из пушек посылать в неприятельский лагерь, и если люди задыхаются, то не могут воевать. Но Военное министерство не приняло проекта. Это было уже после Русско-Турецкой войны. А затем была еще и еще война, и в 1914–1916 гг. немцы душили наших воинов газами³⁰.

Отец был уже стар, но все-таки возмущался, что его проект когда-то не был принят.

Отец стремился, постоянно стремился к общественной деятельности и вступал в члены разных полезно-научных обществ, так, в 1863 г. он стал действительным членом об[щества] естествознания в Нюрнберге, в 1864 г. там же действительным член[ом] об[щества] стенографов в честь Габелсбергера (в то время он вырабатывал эту систему для русского языка). В конце 60-х годов вступил в члены Политехнического об[щества], превратившегося впоследствии в Императорское русское техническое об[щество]³¹. В 1870-х годах был членом Фребелевского общества, если не ошибаюсь, его секретарь

рем³², и в 1872 г. на выставке в Москве, устроенной Императорским обществом антропологии и этнографии, получена Фребелевским обществом серебряная медаль³³.

Осенью 1878 г. отец выставил на парижской выставке волчок своего изобретения и получил за него почетный отзыв³⁴.

В 1881 г. был 15-летний юбилей введения стенографии в России и преподавания ее моим отцом. 7 июня его чествовала группа его учеников и преподнесла подарок и адрес. Подарок – мраморные настольные часы, к сожалению, пропали на квартире брата-врача.

В 1883 г. была серебряная свадьба родителей, и есть адреса к этому торжественному дню.

В 1891 г. – благодарность Императорского технического общества на выставке за сообщение о фотографировании на хромокислых солях.

В 1894 г. – благодарность Императорского технического общества за устройство IV фотографической выставки.

В 1900 г. отец написал сообщение о Гуттенберге и прочел его на торжественном заседании в память 500-летия этого первого книгопечатника.

В 1909 г. отец избран почетным членом Русского технического общества.

В 1901 г. он стал действительным членом Императорского русского географического общества³⁵. В 1913 г. вступил в члены Русского общества Мироведения³⁶.

На все это есть дипломы, хранящиеся в большой черной папке³⁷. Кроме работы во всех этих обществах и разных изобретений, отец много, очень много писал, этим трудом он содержал себя и семью и вывел еще в люди и своих внуков, моих детей (4 человека). <...>

Писать он (отец) начал, как он сам говорил, чуть ли не с 14 лет. Он много читал в книжной лавке его отца, развивался литературно и сам стал писать.

Жизнь он вел весьма умеренную. Ложился рано (11 часов ввечера), вставал в 5–6 часов утра и постоянно был занят чем-нибудь: писал или изобретал что-нибудь, собирал вырезки полезных советов, составлял рисунки работ для детей и т.п.

Ел тоже умеренно; не играл в азартные игры, не пил, не курил и не только не волочился за женщинами, но даже не ухаживал за ними (теперь это называется флиртом). Я с полной уверенностью могу сказать, что иной женщины, кроме моей матери, он не имел. Женился он девственником. Он пользовался всеобщим глубоким уважением и любовью. Люди малоразвитые боялись его. Мы, его дети, бо-

говорили его, до сих пор я чту его память как единственного для меня авторитета на всю мою жизнь.

В 1900 12 января мать пожелала справить торжественно его 70-летие³⁸. Были приглашены гости, родители жили в то время круглый год в Стрельне (пригородное место в 32 мин. езды по ж[елезной] д[ороге]), устроено обильное угощение, много вина и пива, я устроила через одного знакомого капельмейстера струнно-духовую музыку. Угощались, танцевали, и было очень весело. Не было электричества, и лампы коптели, оттого ли, что были плохо заправлены, от духоты ли или от развевающихся платьев при танцах. Но у всех были черные носы и закоптелые светлые платья у женщин. Было получено много подарков, адресов, писем и телеграмм. Торжество удалось на славу. Болел мой отец очень редко и мало, несмотря на сильное малокровие, следствие сильной и частой потери крови через нос еще в детстве. Будучи студентом и любя заниматься химией, он получил однажды от профессора пузырек с гноем из нарыва, найденного в сердце одного трупа, для анализа. Отец, вливая жидкость в пробирку, тщательно вытирал сползающую по стеклу каплю гноя бумажкой, но, несмотря на эту предосторожность, гной все же попал отцу в большой палец на правой руке в порез, получившийся от чинки карандаша. У него сделалось заражение крови. Он был в это время женихом моей матери, зараженная кровь шла по жиле вдоль руки к груди. Она вздулась и покраснела; мать любила рассказывать, как ее жених осматривал эту жилу и следил за увеличением хода зараженной крови. Но в конце концов палец разрезали и выпустили всю эту зараженную кровь. Всю мякоть на пальце вырезали, и палец получился изуродованным. Детьми мы часто рассматривали этот палец, и есть даже его фотографический снимок, сделанный в Нюрнберге, на котором этот изуродованный палец хорошо виден.

У него был раза два возвратный тиф. В 1884 г. у него сделалось внизу живота какое-то раздражение (по его словам, стали сростаться кровеносные сосуды и прекращалось в них кровообращение, это могло захватить весь организм), этот желвак, по заключению врачей, следовало удалить. Операцию сделали на дому, для чего был сделан ремонт в той комнате, где он должен был лежать, выбелили потолок (дело было в мае или июне), оклеили стены новыми обоями, мебель покрыли новыми белыми чехлами, все продезинфицировали. Операция удалась хорошо, и отец скоро поправился. Болезнь не повторялась, хотя врачи и говорили, что может случиться это сращение и в другой части тела.

В 90-х годах (в начале) во время службы своей в редакции «Военно-медицинского журнала» из-за неприятностей, перенесенных от

Беляева, он заболел сильной неврастенией, но скоро поборол эту болезнь.

В 1910 г. у него закрылось мочеиспускание, вследствие разращения предстательной железы, и ему грозила смерть от заражения. Профессор Хольцов³⁹, осмотрев отца и найдя, что организм и сердце его еще довольно сильны, предложил сделать операцию, на что отец согласился, рассчитав, что смерть неизбежна или от заражения крови, или под ножом хирурга, но в последнем случае была слабая надежда на удачу и, во всяком случае, при операции смерть была бы не так мучительна. Операция удалась. Четыре месяца отец ходил с разрезанным животом и мочевым пузырем, нося огромное количество лигнина на ране, кот[орый] меняли несколько раз в сутки, т.к. лигнин сильно пропитывался мочой, сочащейся через разрез. Железу ему благополучно вынули, но все же он перенес после вынутаия ее крупозное воспаление легких, был бред, и он был на краю могилы. Операция [была] сделана в три приема, т.к. в таком преклонном возрасте невозможно перенести такую сложную и опасную операцию сразу. Сначала разрезали наружный покров и мочевой пузырь и сшили края этих частей друг с другом, чтобы разрез не сросся. Через два месяца было самое опасное: вырезали предстательную железу, после чего и сделалось воспаление легких. Через два месяца зашили отверстие, причем швы зарубцевались и их пришлось срезать (освежить), затем зашили мочевой пузырь и наружный покров. Все это делалось без наркоза (сердце все-таки было уже недостаточно сильно – склероз), но применялся сжатый воздух. При вынутаии железы что-то было впрыснуто в позвоночник. В промежутки между операциями отец работал, ходил и ездил из Стрельны в город по делам. Операцию делали у Чернышева моста по Чернышеву переулку, в лечебнице⁴⁰.

После этой операции он прожил еще 5 лет и 7 месяцев и всегда говорил: «Эти годы мне подарены Богом» или «Это мне подарок от Бога, что я еще живу». Затем он более не болел до июля 1915 г., в это лето отец жил в селе Черёха в нескольких верстах от Пскова⁴¹. Там он ослаб и чувствовал себя настолько плохо, что стал проситься в Петербург, в какую-нибудь лечебницу, стал говорить о скорой смерти и просил похоронить его в Стрельне.

Моя младшая дочь Агнесса получила месячный отпуск и поехала в Череху ухаживать за дедом. [В Петербурге] его не хотели принять ни в одной лечебнице даже за плату, для лечебниц неприятны больные заведомо умирающие. Принят он был все-таки в радиолечебницу д[окто]ра Бормана, с детства находящегося в дружественных отношениях с нашей семьей⁴². Ночью на 1 августа 1915 г. он умер от старческой слабости и склероза сердца. Агония длилась не-

сколько дней. Похоронен он в Стрельне близ моря на православном кладбище, недалеко от церкви.

Характер у моего отца был необыкновенно мягкий и ровный, он был всегда спокоен, но не флегматичен. Он был в полном смысле христианин и поступал по учению Евангелия по природе своей. Люди малонаблюдательные считали его суровым и до невероятности ученым и боялись его, они не замечали сердечной доброты, разлитой на его лице. Добр он был бесконечно, терпелив, снисходителен и всепрощающ. Познания его были огромны и всесторонни, более всего он интересовался химией и техникой. Когда он начинал какое-нибудь дело или принимался что-либо изобретать, то он немедленно закупал книги по интересующему его в данное время вопросу. В его библиотеке, которая частично растеряна, частью раскрадена, были книги по всем вопросам науки, техники, искусства и ремесла. Повсюду он являлся авторитетом или по крайней мере глубоко знающим человеком. На всякий вопрос он умел толково и убедительно ответить. У меня сохранилась о нем память как о необыкновенно редком человеке. Любовь моя к нему переходила в обожание, и это чувство мое к нему я унесу с собой в могилу. Как мой дед Матвей Дмитриевич Ольхин, отец мой Павел Матвеевич Ольхин были православными.

Свои воспоминания Е.П.Визенталь (1859–1936) стала писать вслед за текстом записок П.М.Ольхина (ИИАХМ, №1417). Затем она свои воспоминания перенесла в общую тетрадь, где исписала 96 страниц. Эту работу она выполняла в 1924–1931. Были еще какие-то записи, но Визенталь их уничтожила в 1930. Видимо, от них осталось два листа, посвященных дочери Агнессе, которые включены в общие воспоминания. Заголовок рукописи сделан Визенталь.

¹ О своей учебе в Петришуле П.М.Ольхин подробно написал в своих записках.

² Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882) владел богатым имением около с. Усолье Ставропольского уезда Саратовской губернии, где было развито тонкорунное овцеводство и работало два завода – лесопильный и по производству сельскохозяйственных орудий и машин.

³ О Хане см. прим.9 к вступ. ст. С ним Ольхин был знаком давно, именно Хан оказал решающее влияние на поступление Павла Матвеевича в Медико-хирургическую академию.

⁴ Вольф М.О. (1825–1883) – издатель, книгопродавец, типограф. Основал свое дело в 1853 в С.-Петербурге. Книгоиздательство его носило уни-

версальный характер (научные и научно-популярные труды, художественная и детская литература). В 1882 основал издательство на паях под названием «Товарищество М.О.Вольфа».

⁵ Алышванг Эрнест Иванович (1814–1882) – сводный брат М.Д.Ольхина, родился в Митаве, выучился портновскому мастерству, переехал в С.-Петербург, где работал у известного Флорана, в 1840 выгодно женился и открыл собственное портновское предприятие, которое быстро получило известность. На Невском пр., 56, имел магазин готового платья. Матильда (1841–?) вышла замуж за Фюрста и уехала с ним в Лондон, где Фюрст открыл банковскую контору.

⁶ Так в тексте. Эмилия Маркузе родилась в 1858.

⁷ Многие Ольхины были филателистами. Упоминаемый здесь Константин Александрович Ольхин, проживавший в Нарве, был известным в Эстонии собирателем марок, организовывал выставки почтовых марок в Нарве, Таллине и Ленинграде. О нем см. ниже.

⁸ Речь идет об Александре. Причина отъезда Ольхина из Нюрнберга неизвестна. Судя по воспоминаниям Визенталь, он был выслан. Очевидно, высылка была связана с изменением баварской политики по отношению к России. Что же касается Польского восстания, оно не могло быть причиной отъезда, ибо в 1864 явно шло на убыль. Творчество Ольхина в Нюрнберге, тогда относительно небольшом, но промышленно развитом городе, было исключительно плодотворно. В эти годы король Баварии Максимилиан II всячески поддерживал искусство, литературу, а также естественные науки и технику. Богатые библиотеки, Национальный музей и архив способствовали работе Павла Матвеевича. В эти годы он стал как бы проводником культуры и науки Запада в Россию.

⁹ Казимир Матвеевич Марцинкевич (1803–1863) родился в Польше в семье дамского портного. Переехав в С.-Петербург, он открыл танцевальный класс, организовывал танцевальные вечера, сдавал помещение для свадеб, имел магазин смешанных товаров, затем кухмистерскую, брал в залог меха.

¹⁰ Часть современного Лермонтовского проспекта.

¹¹ Домбровский Николай Андреевич проживал на Николаевской ул. (ныне ул. Марата), д.21, кв.15. Его багетно-рамная мастерская располагалась на Колокольной ул., 21.

¹² В справочнике «Весь С.-Петербург» за 1896 указано, что Канаев Александр Николаевич, кандидат наук, владел «Мастерской учебных пособий», находившейся на Троицкой (ныне Рубинштейна) ул., д.9.

¹³ Л.Б.Тагеев (1840–1905) – сын выходца из Персии, домашний учитель, купец, затем чиновник в Петербурге и Новом Маргелане (г. Фергана). Он женился на Александре (Эмили), см. прим. 6) Карловне Маркузе (1858–1930), имя которой было изменено при крещении в православие. Александра Карловна училась на курсах стенографии вместе с А.Г.Сниткиной (позже Достоевской). У Тагеевых было 7 детей: Александр, Борис (1871–1938) – писатель, военный журналист (псевд. Рустам-Бек), Виктор (1873–1916) и

Григорий (1874–1915) – инженеры-путейцы, Дмитрий (1876–1952) – инженер-технолог, в советское время профессор ряда институтов Ленинграда, Евгения (в замужестве Ктаевская, 1878–1954), Михаил (1880–1941) – адвокат. Эти данные любезно предоставил Сергей Леонидович Тагеев, ныне проживающий в С.-Петербурге.

¹⁴ Магазин «Забава и дело» был открыт во второй половине 1872. В нем был большой выбор игрушек, игр, занятий для детей, декалькоманий для ремесленников и марок для собраний.

¹⁵ Русско-турецкая война началась в апреле 1877.

¹⁶ Описанные события относятся к 1882.

¹⁷ Речь, видимо, идет о Николае Фростерусе, проживавшем на Пушкинской ул., д.б.

¹⁸ Гоппе Герман Дмитриевич (1836–1885) родился в Германии, в начале 1860-х был приглашен М.О.Вольфом для руководства немецким отделом его магазина, в 1867 организовал собственное издательство. После смерти Г.Д.Гоппе издательством стал руководить его брат Эдуард Гоппе.

¹⁹ Разрабатывать стенографию П.М.Ольхин начал в 1850-х (а интересовался ею еще в школе). Во время пребывания в Германии (1862–1863) он основательно изучил систему Габельсбергера и приспособил ее к русскому языку. 4 января 1864 Министерство просвещения объявило конкурс «О введении обучения стенографии в связи с предстоящей судебной реформой», победитель которого должен был получить премию в 1500 р. На конкурс было вынесено 28 предложений, из них было отобрано только два – П.М.Ольхина по системе Габельсбергера и И.Паульсона и Я.Мессера по системе Штольце. Всем им предложено было читать лекции. Ольхин читал лекции с 1865 по 1877 в 6-й мужской петербургской гимназии (у Чернышева моста, д.5), а также, как следует из воспоминаний А.Г.Достоевской, у себя на квартире (см.: Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т.2. С.9; Последняя любовь Ф.М.Достоевского. СПб., 1993. С.416–417). Паульсон Иосиф Иванович (1825–1898) – педагог, методист и общественный деятель, один из основателей с.-петербургского педагогического общества (1859) и Фребелевского общества, основатель (вместе с Н.Г.Веселем) популярного журнала «Учитель». Лекции по стенографии Паульсон читал в течение нескольких зим в зале 2-й с.-петербургской гимназии.

²⁰ Реммерт Адольф Александрович (1835–1902) окончил Военно-медицинскую академию в 1858 вместе с Ольхиным, доктор медицины, почетный лейб-медик Двора Его Величества (с 1882). В 1887 был назначен Главным военно-медицинским инспектором, которым оставался до смерти (См.: *Питровский Ф.* Адольф Александрович Реммерт. Некролог, [СПб]. 1902).

²¹ Ольхин работал в «Военно-Медицинском журнале» с июня 1890 по 1895. Определенный на должность заведующего хозяйственной частью журнала, как явствует из письменного договора с Реммертом (ИИАХМ. №10), он фактически руководил всеми сторонами деятельности редакции.

Он имел право приглашать новых сотрудников, рассматривать все материалы, поступающие в редакцию, выбирать сведения из русской и иностранной литературы, публикуемые в журнале, наблюдать за выгодностью и ходом контрактов, имеющих отношение к редакции, следить за правильностью счетов по всем статьям издержек, выписывать иностранные книги и журналы для редакции и руководить библиотекой.

²² Беляев Алексей Иванович (1832–?) закончил Владимирскую духовную семинарию, затем Военно-медицинскую академию с золотой медалью (1859), с 1862 – доктор медицины, с 1866 – главный лекарь Казанского военного госпиталя, с 1869 – приват-доцент Казанского университета, с 1884 – помощник Главного военного инспектора, с 1891 – главный редактор «Военно-Медицинского журнала» (см. *Змеев Л.Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып.1. С.21).

²³ Газета называлась «Ведомости С.-Петербургской городской полиции». Она выходила с 1839 на арендных началах. Крупные книгопродавцы столицы охотно брали на себя обязанности по изданию периодики и книг государственных учреждений. Известно, что М.Д.Ольхин издавал печатные материалы Министерства финансов, Главного управления путей сообщения, публичных зданий и т.д. (*Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1984. Т.9. Ч.2. С.347. Примечания к тексту).

²⁴ Речь идет о Людвиге Маврикиевиче Вольфе.

²⁵ Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) возникло в 1859 по инициативе А.В.Дружинина. В ответ на прошение Ольхина комитет Общества 2 мая 1911 принял решение выдать ему 25 руб. единовременного пособия и по 15 руб. на 8 месяцев вперед. Позже решение о ежемесячном пособии продлевалось (ОР ИРЛИ. Ф.155. 1911. №12).

²⁶ Упомянутый машинописный список см. в ИИАХМ. №943.

²⁷ Речь, видимо, идет о купце-комиссионере Якове Яффа, проживавшем в С.-Петербурге на Галерной, 63.

²⁸ Брат С.К.Ольхиной. Известно, что он был мелким служащим у частных лиц, затем служил на Кавказе в Кутаисском окружном суде, с 1878 служил письмоводителем и помощником учителя в Кутаисской гимназии. В 1887 с женой переехал в Ташкент, где пытался организовать выпуск газеты «Ташкентский листок телеграмм и объявлений», но неудачно. Позже (в 1893) эту газету около года выпускал С.И.Петухов.

²⁹ Здесь от слова «тушевать» – рисовать, наводить тени, пачкать.

³⁰ В воспоминаниях А.П.Ольхина о цели этого изобретения рассказывается несколько иначе. Немецкие войска впервые применили химическое оружие (хлор) у г. Ипра в Бельгии 22 апреля 1915.

³¹ В Русском техническом обществе Ольхин состоял с 1869 в 1-м (химическом) и 5-м (фотографическом) отделениях, с 1909 был почетным членом общества (См.: «Личный состав Императорского Русского Технического общества». Пг., 1915).

³² В 1874 и 1875 Ольхин был делопроизводителем Фребелевского общества, в эти же годы вице-президентом общества был его однокашник по Военно-медицинской академии К.А.Раухфус (Краткий очерк деятельности... С.-Петербургского Фребелевского общества в первое десятилетие его существования с 1871 по 1881 гг. СПб., 1881. Приложение. С.1–2).

³³ Речь идет о выставке в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

³⁴ Здесь говорится о Всемирной промышленной и сельскохозяйственной выставке в Париже (1878).

³⁵ См.: Состав Императорского Русского Географического общества на 1 июля 1903 г.

³⁶ Правильное название – «Русское общество любителей мироведения». Председателем его был известный революционер-народник Николай Александрович Морозов.

³⁷ Эти дипломы не сохранились, за исключением одного (в очень ветхом состоянии) – Русского технического общества, подписанного П.А.Кочубеем.

³⁸ Во многих источниках (в том числе и в автобиографических заметках) говорится, что Ольхин родился 12 января 1830. Но в имеющихся семейных бумагах сохранилось свидетельство Никольской церкви Ямбургского уезда (с. Сойкино) о его рождении 19 января и крещении 21 января 1830 (ИИАХМ. №2).

³⁹ Хольцов Борис Николаевич – доктор медицины, надворный советник, работал в Обуховской, Калининской больницах.

⁴⁰ Ныне это ул. Ломоносова и мост Ломоносова.

⁴¹ В Черёхе в то время находился 19-й запасной военный госпиталь, в котором служил врачом А.П.Ольхин.

⁴² Борман Сергей Николаевич был ассистентом Императорского клинического института вел. кн. Елены Павловны (ныне Институт усовершенствования врачей). В распоряжении Бормана находилась и радиолечебница на Николаевской (Марата) ул., 19. Его отец, фабрикант-кондитер Борман Николай Александрович, был крестным отцом Е.П.Визенталь.

Воспоминания д[окто]ра Александра Павловича Ольхина

Не знаю, сумею ли я, но мне хотелось бы охарактеризовать личность моего отца, этого безупречного, исключительной чистоты и деликатности человека, просвещенного мудреца, по нравственному облику стоящего выше всех встречавшихся мне людей. Мой дед, крупный петербургский книготорговец и издатель, возвысившийся из нарвского лесного объездчика¹, благодаря практичности суме-

вший сколотить себе первоначальный капитал и взявшийся за книжное дело вследствие любви к книге и сумевший стать первым издателем Петербурга, наживший т[аким] об[разом] большое состояние, он к тому времени, когда отцу было 17 лет, разорился. И вот отец, хотя и воспитанный просто, все же привыкший до тех пор жить в довольстве, стал не только зарабатывать на свое пропитание, но и на содержание своих больных родителей продолжительное время. Отец в то время уже окончил блестяще Петропавловское училище (мать – Аненское) и, благодаря литературным связям и знанию языков (нем[ецкий], фр[анцузский] и ан[глийский]), стал зарабатывать переводами и научными компиляциями, причем совершенствовать стал и слог, ему помогал Гребёнка². Не собираясь сейчас писать биографию отца, я только указываю на вышеприведенный факт, чтобы отметить, в какое тяжелое положение попал он уже в ранней юности, что не помешало ему остаться снисходительным и доброжелательным к людям, с которыми он жил и соприкасался. К себе же он был неизменно строг. Обладая умом ученого и будучи крайне усидчив в работе, он имел массу сведений, которыми охотно делился с нами и был в наших глазах, особенно в нашем детстве, авторитетом, к которому мы обращались со всеми вопросами научного характера, особенно в области естественных наук и истории, но от вопросов политики и наших социальных неурядиц он нас тщательно охранял, не касался он, по возможности, и вопросов религии, хотя сам был глубоко верующим и любил ходить молиться в христианские церкви, безразлично какие, объясняя это тем, что среди молящихся и у него является молитвенное настроение, но какая была его вера – это вряд ли кто знает. Это был человек безусловной половой чистоты, всем нам, его окружающим, известно, что моя мать единственная в его жизни женщина, которой он обладал. Мать рассказывала, что, когда она была его невестой (отцу тогда было 27 лет), однажды они пришли в крайне любовное волнение, но отец оттолкнул ее и сказал: «Сонечка, если это случится до нашей свадьбы, то я на тебе не женюсь». При всей странности такой реплики, тут, кроме его нравственной чистоты, выразилась и другая его жизненная черта – его крайняя лояльность и стремление к выполнению установленных законом форм. По этому поводу мне вспоминается его рассказ, как в 70-х годах он по почте получил номер «Земля и воля», прочел его и затем снес в существовавшее тогда третье отделение, где его жандармский офицер спросил, читал ли он этот номер, на что он ответил утвердительно, на вопрос же, кого он подозревает в посылке газеты, он отговорился незнанием³. Серьезность его была чрезвычайная, шутить было не в его характере, изредка лишь можно было от него услышать шуточный рассказ, шуточных

же замечаний или мистификаций с его стороны никогда не было, равным образом от него никто никогда не слышал никаких сальностей. Над шутками же и веселыми рассказами других смеялся от души, сальничать же при нем как-то все стеснялись, стеснялись даже обнаружить перед ним свои недостатки. Мне памятно, как однажды на даче мы сидели в комнате, причем кузина отца А.А.Тарашкевич⁴, женщина крайне разбитная, курила. В это время кто-то крикнул, что приехал Павел Матвеевич, и я бросился его встречать. Поздоровавшись с ним, я вбежал наверх (дело было во втором этаже), я увидел, что Сашенька уже без папиросы, разгоняет дым и говорит «только бы не заметил, что я курила», а ведь она уже была несколько лет замужем и мужа совсем не стеснялась. Трудолюбие у отца было громадное: целые дни он был занят переводами, делал перерыв только для утреннего чая, завтрака, обеда и вечернего чая, причем за едой он читал газету, прочитывал вслух, что считал интересным для окружающих, впрочем, если с ним заговаривали или спрашивали о чем-нибудь, он охотно вступал в беседу. Матери, видимо, не нравилось это, так как, когда кто-то сказал ей, что Пав[ел] Матвеевич у нее под башмаком, она возразила, что, напротив, он все делает, как хочет, и как пример привела именно это чтение за трапезой, которое она старалась прекратить. Конечно, будучи мальчиком, я не входил в критику этой манеры отца, читавшего за трапезой книги, но когда Константин⁵ попытался перенять эту манеру от деда, я ему категорически это запрещал, предпочитая за едой живую беседу. Если отцу случалось гостить на даче у родственников и знакомых, то он обязательно отыскивал себе укромный уголок, где помещал привезенную работу и несколько часов в день работал. Ходил он до 80 лет необычайно быстро, так что за ним трудно было угнаться, и лишь в этом возрасте, перенеся тяжелые операции, удаление предстательной железы, стал ходить медленнее. В 60 лет он выучился и стал ездить на велосипеде, но, заметив, что пульс его поднялся на 20 ударов, прекратил это занятие. Вообще же он отличался хорошим здоровьем и вел правильный образ жизни, не пил и не курил. Хотел он, чтобы и мы не курили и не пили, т.к. и его дед и отец тоже этим делом не занимались, я же, правда, пил в жизни немного, но не курил только до 28 лет, брат же мой начал курить [в] 16 лет и в то время подвергался со стороны отца за это гонению. Пить же и брат пил мало (умер 28.I [18] 91 г. от оспы в Саратове). При живом и обаятельном характере матери и впоследствии, при нашей молодости, у нас всегда был дом полон посторонних (пансионеры, жильцы, хлебники, гости, наши товарищи и подруги сестры), а по субботам были журфики с пением, музыкой, танцами и картами (только коммерческие игры и без алкогольных напитков), кончались эти вечера позд-

но, [в] 3–4 ч[аса] ночи, а то и позже. Отец не принимал в них участия, сидел у себя в кабинете и работал, в 10 час[ов], когда подавали первый раз чай с бутербродами, он с нами сидел, насколько помню, без газеты, а около 12 ч[асов] ложился, как всегда, спать. Впрочем, если музыка его (занимала) заинтересовывала, он выходил ее слушать. В гости к добрым знакомым отец ходил, но из развлечений предпочитал театр и, при своей крайней бережливости относительно себя, очень охотно пользовался даровыми контрамарками, которых при обширном нашем знакомстве у нас бывало немало, впрочем, имели мы и абонемент, сначала два места, а потом ложу в Итальянской опере в Большом театре⁶. Летом любил отец гулять, но, по возможности, с какой-нибудь целью. Когда мы были детьми, он брал нас и разъяснял все возбуждавшие наше внимание явления природы и делал указания, как собирать те или иные растения или насекомых, как их приносить домой, чтобы под его же руководством пользоваться микроскопом и пр., любил он и кататься на лодке, выучил нас и удить рыбу. Хотя отец и окончил Медико-Хирургическую Академию и занимался преимущественно литературным трудом как переводчик и компилятор, но склонности имел скорее учено-инженера, следил за успехами технических знаний, и зачастую голова его была занята какими-либо изобретениями или идеями для изобретений. Насколько я (помню) знаю, первые такие идеи были в области химии – это сделать войну невозможной. Идея состояла в том, чтобы изобрести вещество, которое, будучи применено на поле битвы, свою вонюю заставило бы разбежаться неприятельские армии. Отец мне говорил, что у него есть материал по этому вопросу, с каким удовольствием я бы теперь, через 9 лет после его кончины, когда грустное чувство этой утраты уже подернулось налетом времени, разобрал бы его бумаги, вероятно, сохранившиеся в Петербурге у сестры⁷. Одним словом, это была гуманная идея, применявшаяся впоследствии при химических обструкциях в многолюдных собраниях и, пожалуй, сродная применению жестокого способа удушливых газов, подлый подарок немцев. Другое его изобретение, уже общественное, – железнодорожные петарды, дающие громкий взрыв, будучи положенные на рельсы при прохождении колес локомотива. <...> По поводу этих петард мне вспоминается два случая, когда мой отец осуществил свое изобретение: мы жили в Павловске, отец взял нас с собой на вокзал, получил там разрешение подложить свои петарды под поезд, мы отправились по полотну, отец прикрепил к рельсам три или четыре петарды и предупредил нас, что при прохождении поезда раздадутся громкие выстрелы. Это ожидание поезда и громкие выстрелы произвели на меня, 6-летнего мальчика, большое впечатление. В то же лето, по поводу приобретения этих

петард для жел[езной] дор[оги], у нас несколько раз гостил некий г[осподи]н Яффа, который всегда приезжал с очень умной собакой левреткой с кличкой Флей, знавшей различные штуки дрессированной собаки; мы, дети, его очень любили и ласкали, собака была добрая. И вот однажды ночью я проснулся, т.к. упал с кровати, почувствовав, что меня кто-то вытолкнул. Оказалось, что Флей забрался ко мне спать у стены и своими длинными лапами меня толкнул с кровати. Я ничуть не рассердился, даже был рад, что он ко мне улегся, переложил его, и остальную ночь мы мирно проспали. Между прочим, на свои петарды отец не взял привилегий, он говорил, что по химическому анализу взрывчатого вещества нельзя узнать, почему оно имеет вышеуказанные свойства, все же дело в способе приготовления, догадаться о котором трудно. Другое его изобретение – это волчок. Он, собственно, задумал способ непрерывного ручного вращения, разрешенный впоследствии в центрифуге, ну а вышел у него только волчок, каких я что-то теперь не вижу, а во время моего детства все дети забавлялись такими волчками немало. Это был диск с припаянной трубкой, которая обвертывалась веревкой, а внутрь ее вставлялось тупое шило. Волчок нижним шпеньком становился в чашечку для красок, стоящую на столе, прижимался шилом и быстрым стягиванием веревки получал вращение, во время которого в трубку вставлялись проволочные фигуры, образовавшие различные виды, а раскрашенный диск волчка давал, благодаря наложенному на него подвижному черному сегменту, красивые цветные круги, цветовой же эффект давали надеваемые на проволоку раскрашенные кружочки, вот этому волчку отец и придумал непрерывное вращение, соединив его с аппаратиком своего изобретения, давшим возможность ускорить движение волчка порой подергиванием за шнурок. Волчок этот отец выставил на всемирной парижской выставке (до постройки Эйфелевой башни) и удостоился почетного отзыва. Это относится к периоду, когда у родителей был игрушечный магазин на Литейном пр[оспекте] «Забава и Дело», тогда отец придумал и другие мелочи: применил принцип Сиперова колеса⁸: ретортообразный стеклянный шарик с водой, подвешенный на проволоке, будучи наполнен водой, вращается при подогревании снизу спиртовой лампочкой. Боюсь ошибиться, но, кажется, были его же идеи еще двух игрушек: первая – трубка, заткнутая с конца, но с одним отверстием около него, как у флейты, в нее надо было дуть и поставить против отверстия пробковый шарик, который держался в воздухе, и вторая – трубка вроде стетоскопа вокруг плоской пластинки, в которую забиты 3 или 4 шпенька. Если поместить эту трубку вниз пластинкой и дуть в нее, то несколько меньших размеров, чем расстояние между шпеньками, монета не падает и пр.⁹

Долго он работал над моделью электрической машины (искровой) из дерева, но, видимо, из этого ничего не вышло. Долго я еще помню эту модель, стоявшую где-то у нас на шкафу. Конечно, такая склонность к технологии и химии не прошла незамеченной у наших знакомых, и временами отец получал задания в этом направлении. По этому поводу мне памятен такой случай. Однажды Жорж Борман¹⁰ заехал к отцу и просил его поехать к нему на фабрику посмотреть, нельзя ли исправить большую партию испорченного сиропа, и при этом предложил, чтобы отец нас, детей, взял с собой. Когда мы с отцом пришли в его магазин при фабрике, кажется, это было на Б. Конюшенной, Борман сказал нам, чтобы мы ели конфеты, а отца увел. Мы и занялись усердно этим делом, но, вероятно, мое усердие было меньше, чем брата и бывшего нашим пансионером Жоржа Миллера, т.к. они (10-летние мальчишки) основательно расстроили свои желудки, я же нет. Легко себе представить из всего выше сказанного, что отец был идеалист, но при том у него была и реальная мечта – это честным трудом разбогатеть. Делать сбережения и откладывать ему мешала мать, у которой была натура широкая, женщина она была очень добрая, живая, энергичная, отзывчивая и деньгами, и вещами, и хлебосольством тратившая много, но в пределах средств мужа, долгов у нее не было, и наше воспитание и содержание не страдало, мы скорее были даже избалованы. И вот отцу пришла мысль открыть игрушечный магазин, который бы имел и воспитательное значение. В начале 70-х годов товар был закуплен, магазин открыт, мастерская, бывшая у отца при его изобретательских наклонностях, расширена, и работа закипела¹¹. Отец занимался доставкой товара в магазин, мать же управляла торговлей. Дело пошло хорошо, но после русско-турецкой войны наступил экономический кризис, и родители перепродали «Забаву и Дело», так и не приобретя капитала. Делать людям добро у отца было склонностью, но он считал бесполезным оказывать денежную помощь, по большей части он брал бедняков работать к себе в мастерскую (работа была преимущественно картонажной), конечно, неоднократно это оказывались люди, совсем не желающие работать, пьяницы, но кое-кто из них, особенно женщины, вышли потом в люди. Неудачи же с некоторыми из них ничуть не ослабляли систему отца – он неизменно брал к себе в мастерскую бедняков. <...> Отец интересовался и следил за успехами прикладных знаний, особенно его интересовала фотография, не помню того, насколько она старше меня, но от раннего детства моего я видел у отца фотографический аппарат, которым он делал снимки, и на стене висела дагерротипия моей матери, впоследствии он приобрел и позднейшие фотографические аппараты, темную камеру для фотографических работ и стал изда-

вать «Фотографический вестник», купленный у него позднее фирмой «Бруно Зенгер и К°», причем он оставался его редактором и главным сотрудником. Был он и деятельным членом фотографического отдела Императорского русск[ого] Технического Общества, освободившего его к его 80-летию от членского взноса в форме избрания почетным членом. Что касается медицины, то он ее не забросил совсем. <...> Когда образовалось Общество взаимопомощи врачей, он вступил в его члены и вместе со мною посещал его заседания¹². Выполнил он и конкурсную работу – [написал] учебник стенографии для русского языка, избрав систему Габельсберга. Комиссия тогда не присудила премии никому – это было в 1864 г., и отец говорил, что он закончил работу к ночи, когда я родился. Но двум из соискателей, моему отцу и г[осподину] Паульсону предложили за счет Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] вести курсы стенографии, что и продолжалось до русско-турецкой войны, когда в видах государ[ственной] экономии эти курсы были прекращены, но отец продолжал вести частные курсы. Многих его учеников-стенографов я знал впоследствии, сам же стенографии как-то не выучился. С его учениками-стенографами произошел такой эпизод: пришла к матери стенограф г[оспо]жа Сердюкова¹³ и рассказала ей, что по случаю 15-летия своей профессиональной деятельности они где-то собрались, не то на обед, не то на ужин. «А учителя-то своего вы и забыли», – сказала мать. Ту это очень огорчило, как это, правда, они его обошли. И вот через некоторое время они известили, что в известный день и час они все явятся к отцу по вышеуказанному поводу. Т.к. это было во время завтрака, которым их у нас и угостили, то я этого торжества не видел – был в гимназии и не могу сказать, сколько их было, кажется, мать говорила, что человек 12. Они с подобающей речью поднесли отцу кабинетные серого мрамора часы с подобающей надписью на них. Это была единственная вещь, которую я потребовал себе после смерти отца. С занятием стенографией отца у меня связано еще следующее воспоминание. По рассказам матери, однажды, когда мне было года 3, к отцу обратился Достоевский с просьбой порекомендовать ему стенографа для записывания под диктовку романа, к сожалению, у меня не сохранилось в памяти которого¹⁴. Отец ответил, что в данное время стенографа у него нет, а есть барышня, стенографистка, Достоевский был не совсем этим доволен, т.к. желал диктовать в разное время, иногда будучи и в дезабилье, впрочем, просил предупредить об этом ее и, буде она согласна, прислать к нему. Г[оспо]жа Сниткова¹⁵ и отправилась к нему и получила у него работу. Не могу сказать, сколько времени продолжались эти занятия, но когда уже писание романа приближалось к концу, Достоевский спросил Сниткину: «Ну, чем же кончится

наш роман?» Думая, что это касается судьбы героев романа Достоевского, который она записывала, Сниткина стала высказывать свои догадки, но Достоевский ее перебил и сказал, что он говорит не об этом, а о своем личном романе со Сниткиной. Таким образом, он ей сделал предложение и вскоре на ней женился. На первых же порах после свадьбы она имела большое огорчение: однажды ночью она прибежала к нам (они поселились недалеко) и просила отца как врача идти к ним – с мужем творится что-то неладное. Придя туда, отец увидел, что у Д[остоевского] эпилептический припадок, – он не предупредил свою невесту, что страдает эпилепсией. Это, впрочем, не помешало им обзавестись семьей, и г[оспо]жа Достоевская прошла жизненный путь вместе с ним до конца¹⁶.

Искусство отец любил, но его деятельная натура проявилась только в музыке, и то в молодости: тогда же он играл на рояле, больше для танцев своих родственников. Тогда же он сочинил незатейливые польку и польку-мазурку, мотивы которых я помню и до сих пор. На моей памяти отец за рояль садился редко.

Говорил отец плавно и отчетливо и мысли свои выражал ясно. Его доклады и лекции всегда слушались со вниманием. При таком многообразном мозговом труде отец отличался некоторой рассеянностью, и движения его зачастую были неловки, не рассчитаны на свое умение их координировать, не раз случилось ему падать или каким-либо образом приволакиваться, главным образом, лицо и голову, что мать мою приводило в отчаяние, и она в женской непоследовательности его же и бранила, к чему он относился добродушно-спокойно.

Как-то за врачебным советом д[октор]а Шершевского¹⁷ отец, будучи уже 75 лет, пришел в Николаевский госпиталь, по окончании консультации, при которой я узнал, что он прекратил половую жизнь 63 лет, он ушел, и вот через некоторое время он возвращается, прихрамывая и с синяками и царапинами на лице. Оказывается, он при выходе из госпиталя хотел вскочить в проходящую конку (75-летний старик!), оборвался и расшибся. Слава Богу, ничего серьезного не оказалось, но он немало напугал мать, явившись домой забинтованным.

По поводу его рассеянности мать рассказывала такой случай: она была гувернанткой у родственников отца Альшвангеров (Альшанг)¹⁸. Был у них еще до того, как она стала его невестой, вечер с танцами, причем отец, как всегда, играл на рояле. Во время вечера мать отправилась в уборную и увидела на тропе бумажник, по содержанию которого узнала, что он принадлежит отцу. При живости характера [и] быстроте решений мать, движимая только желанием отдать вещь владельцу, нашла отца у рояля, сказала: «Павел Мат[веевич], вы потеряли ваш бумажник», и тут только сообразила, что

может явиться вопрос, где она его нашла, и страшно сконфузилась, но отец мать спокойно поблагодарил, даже не посмотрев на нее.

Является вопрос, почему же отец не сделался практикующим врачом, почему не сделался профессором химии в Академии, несмотря на то, что тогдашний проф[ессор] химии Зинин его очень высоко ценил и отмечал среди других студентов¹⁹? С этими вопросами я к отцу обращался, и вот как он объяснял это. Он говорил, что его пугали раздоры в конференции академии, тогда было время партий, и боролись главным образом немецкая и русская партии²⁰. Затем он имел отвращение к постели больного как пользующийся врач, а даже чтобы принять место лаборанта в то время, непременно надо было стать палатным ординатором, и, наконец, он предвидел, что его заработок с занятием в Академии должен был уменьшиться и не дать ему возможность содержать семью, которой он решил обзавестись, женился он тот же час по окончании Академии. Таким образом, отец отказался от предложения проф[ессора] Зинина заниматься у него в лаборатории и уступил свое место А.П.Бородину, впоследствии проф[ессору] химии в Академии и знаменитому композитору²¹. <...>

Вообще же полезная деятельность отца на склоне его лет оценена: М.О.Вольф, у которого он работал более 40 лет, сделал его номинальным, но официальным редактором «Задуманного слова», каковым он оставался до смерти, получая 50 руб. в месяц, другие 50 руб. он получал от Литературного фонда²² и, таким образом, кроме гостеприимства – он жил в Стрельне и когда приезжал на несколько дней в Петербург, всегда жил у меня – он в моей поддержке совершенно не нуждался. Характер отца был ровный, спокойный, он легко умел победить дурное настроение или, по крайней мере, не выказывал его. Его очень заботило и огорчало, когда он должен был ликвидировать свои отношения к «Забаве и Делу», хотя я тогда был юношей и мало замечал, насколько отец стал молчалив, но, когда дело было уже кончено и я с отцом отправился к кому-то из наших знакомых, я был удивлен, насколько отец стал разговорчивее в этот вечер. Тогда я поделился своими впечатлениями с матерью. «Да, да, – сказала она, – у него теперь свалилась гора с плеч, он стал другой».

В 1890 г.²³ совершенно неожиданно для нас неожиданно умер в Саратове от оспы мой брат, многообещающий оперный певец-баритон. Я тогда служил в Смоленске мл[адшим] врачом полка и по получении печального известия поспешил взять отпуск и поехал к родителям; мать я нашел в отчаянии, проявлявшемся очень резко, отец же был совершенно спокоен. Ночевать меня положили в кабинете отца, который обычно вставал в 6 час. утра. На другое утро по приезде я проснулся от услышанных мною рыданий. Отец отошел в

дальний угол комнаты и рыдал, хотя и недолго, затем сел к письменному столу и продолжал работать, а днем уже был опять совершенно спокоен. Он даже принимал необычные для других меры, чтобы себя рассеивать. Так, после похорон своей матери (дед умер несколько раньше), в тот же день он отправился в театр, чем немало шокировал своих родственников. Когда в 1905 г. умерла мать и ее прах из Петербурга был перевезен в Стрельну, то тут на перроне я впервые увидел встречавшего покойную отца плачущим, так сказать, публично. И в этом случае – на другой день он приехал ко мне на дачу в Новую-Весь²⁴, а после обеда просил нанять ему извозчика, чтобы поехать на музыку. «Я поеду на музыку», – сказал он, как бы подозревая, что я себе найду это неуместным, но я поехал с ним. В этот раз при исполнении какой-то арии, которую пел брат, он опять украдкой плакал, затем обернулся ко мне и сказал: «Ни у кого я не слышал такой чарующей задушевности в голосе и выражении, как у Кости».

Были в его характере и курьезы: при его многообразных занятиях у него, конечно, была потребность покупать разные мелочи и тут в стремлении, чтобы вещи ему стоили дешевле, покупал их много: нужна ли ему игла, стоящая копейку, он покупал гросс, так как они стоили один рубль, то же с баночками, пробирками, реактивами и пр., и таким образом у него скапливалась масса хлама, кроме заваленного кабинета, у него всегда еще была комната, вся заваленная различными вещами. В квартире на Невском, 82, состоящей из 10 комнат, у нас было 2 кухни, т.к. это, собственно, соединены были две квартиры. Вторая кухня была в распоряжении отца – там не готовили. Когда там набралось уже очень много вещей, мы долгое время просили отца отобрать, что ему не нужно, чтобы эти вещи продать мусорщику. Так как отец очень долго этого не делал, то мать в один прекрасный день позвала мусорщика, отобрала по своему усмотрению баночки, скляночки и коробочки и продала все это за 5 руб. Когда вернувшийся отец об этом узнал, он только сказал: «Сонечка, ведь там одного хлористого золота было рублей на 15!» Помнится, он в своей бережливости относился отрицательно к двум вещам: протестовал, если мать причесывалась у парикмахера, и противился найму карет и колясок, что мать очень любила. По этому поводу помнится мне – поехали мы в такой карете на свадьбу к О.К.Марцинкевич, вышедшей замуж за И.М.Давыдова²⁵, мы уже порядочно отъехали от дома, как отец спохватился, что, надевая фрак, не переложил в него бумажник, между тем как уступка отцу карета была нанята только в церковь и из церкви на Финляндский вокзал, где была отпразднована свадьба, а обратно мы должны были ехать на извозчиках, таким образом, с каретой надо было расста-

ваться. И вот отец, к огорчению матери, объявил, что он сейчас вернется домой и придет в церковь на конке, что и исполнил. Из воспоминаний отца об Академии мне памятно следующее: когда он был на первом курсе, была Крымская кампания и он как мещанин и круглый сирота был призван в рекруты, но Академия его спасла. По ее ходатайству с самыми лучшими отзывами призыв его был отменен²⁶. Отец говорил, что в случае неудачи этого ходатайства он намеревался дезертировать в (Америку) Англию. Настолько условия тогдашней солдатчины для него были неприемлемы. Другое воспоминание относится к профессору В.Груберу²⁷. Грубер читал лекции по латыни²⁸, и вот во время лекции служитель приносил ему зачастую записку, которую он прочитывал и клал в карман. Однажды такую записку он забыл на столе, и после его ухода студенты посмотрели на нее – это оказалась нарисованная карикатура с немецким текстом. Отец с матерью, тогда еще невестой, бывали у Груберов, и мать спросила его жену, не она ли ему посылает карикатуры. «Как же, я, – отвечала она, – ведь бедный Венцель все занимается наукой, надо же его хоть немного развлечь, он это любит». Русского языка Грубер в то время совсем не знал, отец помнит лишь одну его фразу – когда ронял он губку, он говорил: «Зольдат, подними юбку». Другое воспоминание касается проф[ессора] А.П.Бородин, однокурсника отца²⁹. Однажды они компанией в несколько студентов шли в темноте, кто-то обратился к Бородину, но тот исчез, они в недоумении остановились: где Бородин? Вдруг откуда-то снизу раздалась звуки флейты. Оказалось, что Бородин провалился в подвал и рассыпал бывшую с ним флейту, собрал ее в темноте и для испытания, не испортилась ли она, заиграл, чем потешил всю молодую компанию³⁰. Гувернантка отца Марья Антоновна Бозетти³¹ говорила, что он всегда был тихий, серьезный и приличный мальчик. Из ее рассказов я помню такой: однажды отец, мальчик лет 10, придя домой, сказал, что он нашел на улице перочинный нож. На вопрос, что же он с ним сделал, ответил, что положил на видное место, чтобы потерявший легче мог его найти³². Что отец не был избалован, видно по следующему примеру. Он мальчиком любил ходить во Французский театр, но брал он места по 10 коп. – коридор, где надо было стоять, и для получения места впереди он забирался рано и наблюдал, как зажигают в люстре лампы (в то время масляные). Нам, детям, он умел внушить уважение и боязнь, с ним мы не смели капризничать, он, правда, не был абсолютным противником телесных наказаний детей, но прибегал к ним в очень редких случаях и, достигши цели, не высказывал при этом гнева. Мы вообще его слушались, потому что иначе было нельзя, потому что в своих требованиях он был рационален и последователен и по возможности нас не

стеснял даже в наших иногда рискованных шалостях. Чувство глубокого уважения и любви к отцу в жизни у меня еще увеличилось, и теперь я писал все изложенное с благоговением, не знаю, насколько я сумел это выразить. Во всем, что во мне есть хорошего и возвышенного, я в большей мере обязан отцу.

Rekviem eternam³³.

Revel IX—1932

Переписала Stefania Olehina³⁴

Воспоминания А.П.Ольхина написаны в 1925 в Таллине. До нас они дошли в копии, сделанной его женой С.И.Ольхиной (Брадзской) после смерти мужа. Это 12 перегнутых небольших листов аккуратно написанного текста. При копировании допущены ошибки и небольшие пропуски текста.

¹ Ошибка мемуариста: М.Д.Ольхин служил береговым охранником таможенной службы (см. вступ. ст. к наст. публ.).

² Это интересное и важное свидетельство отсутствует в других материалах семейного архива. Гребёнка Евгений Павлович (1812–1848) – прозаик и поэт, писал на русском и украинском языках. Образование получил в г. Нежине в гимназии высших наук, с 1838 преподавал словесность и естествознание в военно-учебных заведениях Петербурга, с 1844 печатался в журнале «Библиотека для чтения».

³ П.М.Ольхин догадывался, кто был инициатором посылки ему подпольного издания. Им мог быть, например, радикально настроенный Евгений Петрович Печаткин (1838–1918) – один из братьев – владельцев Красносельской бумажной фабрики. Е.П.Печаткин участвовал в студенческом движении, был другом революционера-народника Н.И.Утина, обвинялся в связях с Н.Г.Чернышевским. С семьей Печаткиных был тесно связан деловыми отношениями М.Д.Ольхин, а позже Павел Матвеевич вынужден был с ними заканчивать дела своего разорившегося отца.

⁴ В тексте – А.А.Тарашкевич. Речь идет об Александре Христиановне Тарашкевич (урожд. Замм), мать которой Софья Ивановна (урожд. Альшванг) была теткой П.М.Ольхина.

⁵ Речь идет о сыне А.П.Ольхина Константине.

⁶ Большой (или Каменный) театр в С.-Петербурге стоял на месте Консерватории. В 1886 в нем прошел последний спектакль.

⁷ Из этого следует, что родовой архив Ольхиных в 1920–1930-е годы хранился у Е.П.Визенталь. Это подтверждается и наличием в собрании большого количества писем, которые приходили Е.П.Визенталь и ее детям. Сведений о неизвестном химическом веществе в бумагах не обнаружено.

⁸ Здесь ошибка при копировании текста. Речь идет о «сегнерове колесе» (Сегнер – немецкий математик и натуралист), приборе, наглядно иллюстрирующем давление жидкости на стенки сосуда.

⁹ Так в тексте. Видимо, при копировании пропущены слова и искажен смысл.

¹⁰ «Жорж Борман» – известная кондитерская фирма в Петербурге, которую возглавлял Григорий Николаевич Борман, размещалась на Невском пр., 21.

¹¹ Государственную пошлину по содержанию магазина П.М.Ольхин платил со второй половины 1872.

¹² Как члены общества Ольхины П.М. и А.П. упоминаются в «Вестнике С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи» (СПб., 1902. Вып.1. С.20).

¹³ Сведений о Сердюковой найти не удалось.

¹⁴ Речь идет о романе «Игрок».

¹⁵ Фамилия искажена в тексте.

¹⁶ Сведения, сообщаемые мемуаристом о Достоевских, следует расценивать как семейные рассказы, записанные много лет спустя, поэтому они отличаются неточностью. Супруги Достоевские поселились на Вознесенском пр. в доме Толя (позже №27) напротив церкви Вознесения (ныне не существующей). Ольхины же в это время проживали в Басковом пер., 3, кв.6, таким образом, расстояние между их квартирами было значительным. То, что А.Г.Достоевская до свадьбы не знала о болезни Федора Михайловича, не подтверждается ее воспоминаниями (см.: Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. Т.2. С.13, 32, 38). Достоевская тепло относилась к своему учителю стенографии. Будучи в 1867 в Германии, она записала в дневнике: «...решительно даже совестно, что так ленюсь, никому не пишу, ну а Ольхину-то и подавно нужно было уже давно написать, потому что это самый благородный человек, он так много мне помогал, когда я училась стенографии, и жена и все его семейство было ко мне так любезно, что, право, забывать не следует...» (Последняя любовь Ф.М.Достоевского. С.306). С семьей Ольхиных Достоевская поддерживала отношения и позже. В бумагах Анны Григорьевны сохранилась открытка П.М.Ольхина от 25.04.1906, в которой уточняется время их встречи (РО ИРЛИ. №30.187).

¹⁷ Шершевский Михаил Маркович (ум. 6.02.1910) – доктор медицины, почетный лейб-медик, неперменный член Военно-Медицинского комитета.

¹⁸ Правильно – Альшванг.

¹⁹ Н.Н.Зинин (см. прим. №11 к вступ. ст.), как это видно из записок П.М.Ольхина (ИИАХМ. №122. С.40–42. №1417), действительно считался со знаниями своего студента. По просьбам предпринимателей он уже на III курсе посылал Павла Матвеевича для консультаций на фабрики и заводы.

²⁰ В Медико-хирургической академии среди профессоров (преподавателей) действительно существовали две враждебные друг другу группы,

которые условно назывались «немецкая» и «русская». К первой принадлежали Э.И.Эйхвальд, Н.И.Пирогов, К.К.Зейдлиц, И.И.Мяновский, А.П.Загорский. К «русской» – П.А.Дубовицкий, В.И.Всеволодов, А.П.Нелюбин, О.Ф.Калинский. После отставки Эйхвальда и отъезда Пирогова в 1855 на Крымскую войну борьба постепенно прекратилась.

²¹ Бородин учился курсом старше, окончил академию в 1856 и уже в 1858 защитил диссертацию. Ольхин же попал под учебную реорганизацию, по которой академический курс был продлен на год, вследствие чего он окончил академию только весной 1858. В письме от 23.04.1858 А.П.Бородин поздравил П.М.Ольхина с окончанием выпускных экзаменов и с тем, что он «наконец отделался от глупого и неестественного положения студента, которое (между нами будет сказано) к тебе не идет» (РО ИРЛИ. Р.1. Оп.2. №280). В 1858 речь могла идти о приеме Ольхина на кафедру химии академии – на должность лаборанта, известно, что это место занял однокашник Ольхина, близкий его товарищ по курсу Николай Христианович Зиберт (1828–1877).

²² См. прим.25. Видимо, пособие П.М.Ольхину от Литературного фонда было увеличено.

²³ Ошибка, в действительности в 1891.

²⁴ Новая Весь (Ново-Веси) – деревня недалеко от Царского Села и Павловска, где Ольхины снимали дачу.

²⁵ Ольга Казимировна Марцинкевич – двоюродная сестра П.М.Ольхина. Иван Михайлович Давыдов, купец, содержал буфет на Финляндском вокзале.

²⁶ Заступить за Ольхина в академии было кому. Как ни странно, в бумагах родового архива почти нет сведений о связях Ольхиных с Н.И.Пироговым. С 1843 по 1848 М.Д.Ольхин издавал «Полный курс прикладной анатомии...» Пирогова. К.М.Бэр, характеризуя это издание, подчеркнул его «всемирно-историческое значение». Уже за первые выпуски «Полного курса...» автору была присуждена Демидовская награда. Кроме того, Пирогов в 1843 от царя получил бриллиантовый перстень стоимостью в 500 руб. серебром. Что касается М.Д.Ольхина, то он от этого издания понес большие убытки. Издательские расходы на него составили 30 тыс. руб., лишь малую долю их удалось возратить. В эти же годы из квартиры Ольхиных была совершена крупная кража наличных денег. В своем прошении к царю в 1845 М.Д.Ольхин указывал эти две причины своего тяжелого финансового положения и просил ссуды на льготных условиях. Своим указом от 27.07.1845 царь разрешил отпустить просимую сумму (10 тыс. руб.), но она не спасла Ольхиных от банкротства. Этого эпизода Пирогов забыть не мог. Очевидно, благоприятное отношение его к студенту П.М.Ольхину проявлялось на протяжении всего обучения последнего в академии. Следует отметить, что Павел Матвеевич на старших курсах был назначен заведующим химической лабораторией (нештатно) при Госпитальной хирургической клинике профессора П.Ю.Неммерта (1818–1858), преемника Н.И.Пирогова (РГИА. Ф.583. Оп.4. Д.246. Л.172–177; Ф.1343. Оп.27. Д.3065 Л.7–8; ИИАХМ. №943).

²⁷ Грубер Венцеслав Леопольдович (1814–1890) – анатом, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1866). В 1847 был приглашен Пироговым прозектором в Медико-хирургическую академию, где создал богатейший в России анатомический музей.

²⁸ Ошибка при копировании текста: Грубер читал лекции не «по латыни», а «на латыни».

²⁹ Как уже отмечалось, Бородин учился курсом старше.

³⁰ Этот же факт передает В.В.Стасов в своих воспоминаниях, однако вместо компании студентов там упомянут друг юности Бородина Щиглов (см.: А.П.Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985. С.23).

³¹ М.А.Бозетти (Боссети) была дочерью торговца из Ломбардии, поступила к Ольхиным обучать Павла Ольхина французскому языку, позже служила в других семьях купцов С.-Петербурга.

³² Похожий случай произошел и с автором воспоминаний – А.П.Ольхиным. В газете «Псковская жизнь» от 20.01.1915 была помещена заметка под заголовком «Крупная находка»: «На днях старшим врачом 19 запасного госпиталя г. Ольхиным на улице найден бумажник с 600 руб. О находке г. Ольхин заявил в полицию, причем отказался от получения законной третьей части находки. Разыскивается собственник утерянных денег».

³³ Вечный покой (*лат.*).

³⁴ Стефания Ивановна Ольхина (Брадзская) после смерти мужа 10 лет прожила в Таллине, во время эвакуации в 1941 добралась до Ленинграда и здесь, как сообщает И.Л.Мюллер, погибла во время блокады. Слово «переписала» написано рукой К.А.Ольхина.

Приложение

Произведения (работы), написанные или переведенные П.М.Ольхиным

Основой для составления списка этих произведений послужило прошение П.М.Ольхина в Литературный фонд от 26 апреля 1911, а также первоначальный вариант этого прошения, хранящийся в семейном архиве¹. В этом прошении перечислено более 40 названий книг, которые написаны или переведены. Что касается его статей, очерков, рассказов, заметок, публикуемых в журналах, то установить авторство Павла Матвеевича часто бывает очень трудно и вообще невозможно. Редактируя многочисленные журналы, Ольхин не считал нужным сообщать читателям о своем авторстве. Правда, к концу жизни многие свои материалы он все же стал подписывать, благодаря чему в журнале «Задуманное слово» удалось легко выявить более 40 его очерков и рассказов.

В переводческой деятельности Ольхина также были свои особенности, впрочем, характерные и для его современников-переводчиков. Многие ма-

териалы он переводил не дословно, выбирал (без оговорок) только интересные и важные места, менял структуру авторского изложения, подчас добавлял в текст сообщения других авторов и свои собственные. Работая над переводом «Терминологического медицинского словаря» Л.Гринберга, Ольхин внес новых терминов объемом в 520 страниц из общего числа 1063 страницы. Аналогичное явление произошло и с переводом словаря О.Рота «Клиническая терминология». В наше время такая переводческая деятельность неприемлема, она преследуется международными правилами и договорами.

Список трудов Ольхина мы разделили на три раздела. В первый вошли труды (переводы) по медицине, естествознанию, путешествиям, художественные произведения, далее – сочинения Павла Матвеевича по фотографии, технике, ремеслам, популяризации медицины и пр. Во второй раздел включены статьи, очерки, заметки из журналов, если они были подписаны автором (в том числе и псевдонимом). Третий раздел посвящен детям, он связан с трудами Ольхина в Фребелевском обществе и в журнале «Задушевное слово».

Раздел 1

Частная жизнь древних греков и римлян // Библиотека для чтения. 1847. Т.84. 27 с.

Скотт В. Перфская красная девица, или День Святого Валентина // Библиотека для чтения. 1848. Т.90. 414 с. Перевод. В этом же году вышел отдельной книгой.

Валле Ф. Руководство к терапии. Ч.1–4. СПб.: Изд-во Э.Хана, 1857–1859. 2700 с. Перевод.

О самоубийстве в медицинском отношении. СПб., 1859. 2-е изд.: Последние дни самоубийц. СПб., 1863. 451 с.

Общепонятное описание человеческого тела, или Популярная анатомия. СПб.: Изд-во Э.Хана, 1860. 385 с.

О жизненных явлениях в человеческом теле, или Популярная физиология. Ч.1: Физиология чувств. СПб.: Изд-во Э.Хана, 1861. 548 с.

Шлейден М.И. Растения и их жизнь. Популярное чтение. Изд. М.О.Вольфа. СПб., 1861. 375 с. Перевод.

Циммерман Ф.А. Мир до сотворения человека: Общепонятное изложение первобытного состояния нашей планеты. Издание М.О.Вольфа. СПб., 1863. 664 с. Перевод.

Гринберг Л. Терминологический медицинский словарь на латинском, немецком, французском и русском языках. СПб.: Изд-во Исакова, 1864. 1064 с. Перевод с добавлениями П.М.Ольхина.

- Бок К. Здоровье за рубль. СПб., 1865. 202 с. Перевод.
- Мартаном Э. Атлас акушерства. СПб.: Изд-во М.О.Вольфа, 1865. 119 с. Перевод.
- Фохт К. Чтение о мнимовредных и мнимополезных животных. СПб.: Изд-во М.О.Вольфа, 1865. 186 с. Перевод.
- Гюк Е. Воспоминание о путешествии по Татарии. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1866. 389 с. Перевод².
- Герштекер. Очерки лесной и приречной жизни в Западной Америке. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1866. 441 с. Перевод.
- Фламарион. Многочисленность обитаемых миров. Изд. М.О.Вольфа. СПб., 1865. 359 с. Перевод³.
- Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера. СПб., 1866. 154 с.; 2-е изд.: 1869. 56 с.; 3-е изд.: 1874. 54 с.
- Чуди И. Путешествие в Южную Америку. Изд. М.О.Вольфа. СПб., 1867. Т.1–2. 632 с. Перевод⁴.
- Шлейден М. Море: Жизнь у моря и в море. Изд. М.О.Вольфа. СПб., 1867. 598 с. Перевод.
- Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1868. 351 с. Перевод.
- Манжен А. Воздух и воздушный мир с его явлениями и обитателями. СПб.: Изд-во М.О.Вольфа, 1868. 547 с. Перевод с дополнениями П.М.Ольхина.
- Леония де Онэ. Путешествие женщины на Шпицберген. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1869. 388 с. Перевод.
- Подвиги человеческого ума: Общепонятное изложение изобретений и технических производств. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа. Т.1. 1870. 544 с; Т.2. 1870. 682 с; Т.3. 1871. 638 с.
- Верн Ж. От Земли до Луны. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1870. 300 с. Перевод.
- Руководство к фотографии: портретная, ландшафтная и другие виды светописы и ретушовки. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1873. 396 с.
- Минеральные воды Европы. III: Карлсбад. СПб.; М., 1874. 106 с.
- Фрич. Г. Основы патологии и терапии у рожениц. Изд. ред. «Практическая медицина». СПб., 1885. 187 с.
- Библиография производств, применяемых в кустарных промыслах: Из трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1887. 32 с.

- Кожа, уход за нею и средства, скрывающие ее недостатки. Изд. Э.Гоппе. СПб., 1890. 95 с. Приложение к «Календарю для хозяек 1891».
- Руководство к химической лабораторной технике в маленьких лабораториях, особенно светописных. СПб.: Изд-во Ф.В.Щепанского, 1893. 222 с.
- Шнаус Г. Фотографическое препровождение времени. Изд. Б.Зингера. СПб., 1893. 155 с. Перевод⁵.
- Флюгге К. Основы гигиены для врачей, студентов и заведующих врачебно-санитарными учреждениями. Изд. журнала «Практическая медицина». СПб., 1893. 680 с. Перевод.
- Ретуш и раскрашивание фотографий. СПб.: Изд-во Ф.В.Щепанского. 1894. 109 с.⁶
- Лизеганд Р.Э. Фотографическая химия. СПб.: Изд-во Зингера и К^о, 1895. 157 с. Перевод.
- Живопись по фарфору, стеклу, тканям, коже и дереву: Руководство для любителей. СПб.: Изд-во Г.Гоппе, 1897. 130 с.⁷
- Рот О. Клиническая терминология. Изд. Риккера. СПб., 1898. 646 с. Перевод с добавлениями П.М.Ольхина.
- Фотография для начинающих и любителей. Изд. Г.Ф.Стенге. СПб., 1899. 2-е изд. 1901. 101 с.
- Чудеса вод в комнате. Комнатный аквариум и его обитатели по Бан-Бруйзелю, Росмеслеру и Мюллеру. СПб.; М.: Изд-во Товарищества М.О.Вольф, 1899. 98 с.
- Иоганн Гутенберг – изобретатель книгопечатанья. СПб., 1900. 20 с.
- Руководство к печатному делу. СПб.: Изд-во И.Гольдберга, 1903. 173 с.

Раздел 2

Журнал «Модный свет»

- Пятна на лице. 1884. №22. С.221–222.
- Болезненное потение рук и ног. 1884. №22. С.227–228.
- Как заражаются дети болезнями. 1884. №30. С.302–303; №32. С.320–321; №34. С.341.
- Перхоть и предохранение от нее. 1884. №38. С.382⁸.

«Военно-Медицинский журнал»

- Взаимоотношение пота и одежды: Статья в разделе рефератов. 1890. Июнь.

Снабжение речной водой. 1890. Часть CI XVIII.

Журнал «Новый мир»

Боль – наш друг и враг: Очерк. 1899. №2.

Ревность: Этюд. 1900. №3.

Любительское фотографирование: Статья. 1900. №35; 36.

Один из бичей человечества: Очерк. 1900. №62.

Чудаки в природе: Очерк. 1903. №64.

Фотографические «обманы зрения»: Очерк. 1903. №111.

Промышленность туземцев в Туркестане по Шварцу. 1901. №17–23.

Вестник «Живописная Россия»

Бородино и Бородинский музей: Очерк. 1902. №53; 54.

Криворожское богатство: Очерк. 1902. №101; 102.

Меховое дело в России: Очерк. 1903. №?. С.242–244.

Журнал «Литературные вечера Нового мира»

Успехи врачебного искусства в XIX в.: Очерк. 1901. №5.

Жестокости в растительном мире. 1902. №6. С.758–768.

Раздел 3

Образовательные игры и учебные пособия: Набор буклетов. СПб., 1867.

То же (ч.2). СПб., 1868.

Буквы для подбирания слов. Изд. Э.Хана. СПб., 1868.

Часы досуга. Игры и занятия для всех возрастов. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1870.

Чудесный волчок, или центробежная машина П.Ольхина с непрерывным движением, удостоенная на Всемирной выставке в Париже почетного отзыва. М.; СПб., 1887.

Ознакомление детей с природой: Статья (В соавт. с В.Русаковым и Волковым) // Педагогический листок (Прил. к журн. «Задуманное слово»). 1899.

Предисловие к «Избранным сказкам братьев Grimm». Серия «Золотая библиотека». 2-е изд. СПб., 1901.

Труд и отдых (Совместно с М.Н.Никольским) Ч.1–2. СПб.: Изд-во Товарищество М.О.Вольф, 1902. Приложение к «Календарю М.О.Вольфа для учащихся».

То же. Ч.1–12. СПб., 1902–1903.

Работа брызгами: Руководство для любителей ручного труда. СПб.; М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1910; 2-е изд.: 1911.

Зрение и его обман. СПб.; М.: Изд-во Товарищества М.О.Вольфа, 1911.

Займись, дружок! Легкие занятия для маленьких детей. Пг.; М.: Изд-во Товарищества М.О.Вольфа, 1914.

Альбом редких марок. Вып. 1, 2. 1914. Приложение к журналу «Задушевное слово».

Мастер на все руки. Приложение «Педагогическая библиотека» к журналу «Задушевное слово». 1915⁹.

Журнал «Задушевное слово» (для старшего возраста)

1900

21 ноября в манеже Мраморного дворца: Статья. №5.

Отчего потеют окна: Статья. №7.

Что такое молоко?: Статья. №9.

Ознакомление с природой: Из чего состоит растение и как оно питается: Статья. №32.

В чем мы живем: Очерк. №44.

Незванные гости и даровые путешественники: Очерк. №46.

Странники в растительном мире: Очерк. №49.

1901

Воздушная игрушка. №1.

Тепло и холод: Очерк. №9.

Ветер: Очерк. №12.

Собрание открытых писем с картинками и ящик для их хранения: Очерк. №19¹⁰.

Сколько весит воздух: Очерк. №19.

Отчего клокочет кипятилок, шумит и поет самовар: Очерк. №21.

Жилища наших кочевников. №22.

Кто живет и что растет в нашей канаве и нашем прудке: Очерк. №22.

Собрание листьев и цветов и их засушивание для мозаичных работ. №37¹¹.

1902

- Почему клеенчатый плащ сделался на изнанке мокрым?: Очерк. №5.
Заброшенный уголок Европы: Очерк. №14, 15.
Холод и зима: Очерки. №11, 16, 19, 20.
Кто живет и что растет в нашей канаве и нашем прудке: Очерк (продолжение очерков 1901 г.). №36.

1903

- Мраколюбивые отшельники: Очерк. №13, 17.
Урал: Очерк. №34.
Замечательные насекомые: Очерк. №39.
Подвиги деревьев: Очерк. №42.

1904

- Святой Николай: Рождественский рассказ. №7.
Сообщество у животных: Очерк. №19.
Редкие световые явления в природе: Очерк. №27.
Губитель мух: Рассказ. №44.

1905

- Светящиеся животные: Очерк. №2.
Язык животных: Очерк. №6.
Сходство муравьев с людьми: Очерк. №18.
Походы муравьев: Очерк. №45.
Самая маленькая вещица ежедневного обихода: Очерк. №47.
Илья Гоу и его швейная машина: Очерк. №50, 51.

1907

- Карандашные черты: отчего они держатся на бумаге и стираются резинкой: Очерк. №18.

1908

- Как животные становятся домашними: Очерк. №42.

1910

- Завоевание воздуха: Очерки по истории воздухоплавания. №35–42.

1912

- Бородино: Очерк. №38.

1914

- Могучее средство общения между людьми: Очерк. №25. С.389–392.

¹ Главный (основной) вариант прошения находится в РО ИРЛИ (Ф.155. 1911 г. №12), первоначальный же вариант выявлен в семейных бумагах (ИИАХМ. №943). Последний документ, как сообщает Е.П.Визенталь в своих воспоминаниях (см. с.19, 23), перепечатан из архива издательства «Товарищество М.О.Вольфа», до нас не дошедшего. Варианты этих прошений значительно отличаются друг от друга. Так, например, в первоначальном варианте говорится, что в приложении журнала «Вокруг света» «Природа и земледелие» все статьи, кроме одной, Орлова, написаны автором прошения. В основном прошении это же самое утверждение распространяется уже на сам журнал «Вокруг света» (с оговоркой «кроме статьи Орлова»). В этом же варианте прошения говорится, что почти все статьи журналов «Писчая бумага и ее употребление» (за 3 года, 1035 стр.), «Фотографический вестник» (за 11 лет, 4881 стр.) и многие материалы журнала «Модный свет и модный магазин» тоже написаны автором прошения.

² В издании переводчик не указан, авторство перевода установлено по письму Ольхина в Литературный фонд.

³ В издании переводчик не указан, авторство перевода установлено по письму Ольхина в Литературный фонд.

⁴ В издании переводчик не указан, авторство перевода установлено по письму Ольхина в Литературный фонд.

⁵ В издании переводчик не указан, авторство перевода установлено по письму Ольхина в Литературный фонд.

⁶ В издании автор не указан, авторство перевода установлено по письму Ольхина в Литературный фонд.

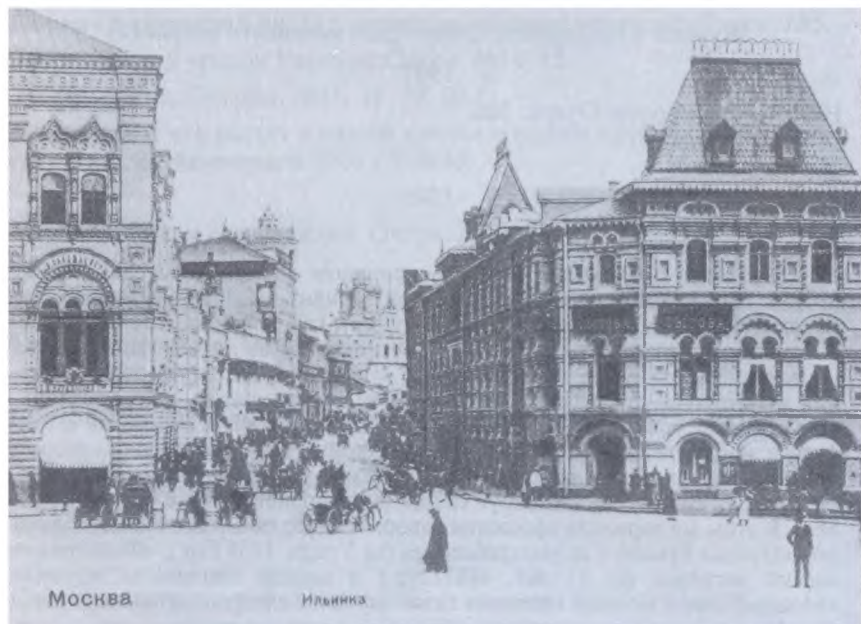
⁷ Автор этой книги не указан, но в своем письме в Литературный фонд Ольхин подтверждает свое авторство.

⁸ Эти статьи подписаны псевдонимом Ольхина – «П.О.».

⁹ Брошюра вышла под псевдонимом Ольхина – «П.Матвеев».

¹⁰ Очерки подписаны псевдонимом – «Дедушка Павел».

¹¹ Очерки подписаны псевдонимом – «Дедушка Павел».

Москва

Ильинка

Н.А.Бычкова
КАК ЖИЛИ ВАШИ БАБУШКИ И
ПРАБАБУШКИ

Литературная запись В.В.Юрьевой. Публикация В.М.Боковой

К числу утрат, понесенных в последнем столетии нашей культурой, можно причислить и почти полное исчезновение классического типа говорливой российской старушки – той старушки, которая помнила по именам и в лицо всех близких и дальних родных, определяла самые замысловатые родственные связи, точно знала, что и как нужно делать в той или иной житейской ситуации, помнила все приметы и способы лечения, умела разрешить любой, самый сложный вопрос в тонкой сфере рукоделия или кулинарии и могла часами, безостановочно, с живостью и красноречием, рассказывать о своем и чужом прошедшем, передавая наизусть семейные предания нескольких ушедших поколений.

Сейчас подобных старушек нет. Может быть, они бы и были, но семья теперь не та, родственные связи порваны, традиции ушли, да и некогда нам выслушивать старушечьи рассказы, и негде, ибо канули в прошлое семейные вечера за столом с зажженной лампой. Теперь семья если и собирается вечерами, то вокруг телевизора, а за его голосом ничей другой голос не слышен. Нет слушателей – нет и рассказчика.

В прежние времена находились люди, которые старушек не только выслушивали, но иногда и записывали их рассказы, и тогда на свет являлись интереснейшие книги, например, знаменитые «Рассказы бабушки», записанные Д.Н.Благово, – драгоценный кладезь сведений, незаменимый помощник всякого, кто по делу или для собственного удовольствия интересуется людьми и событиями XVIII–XIX веков.

В ряду подобных записей находятся и те, которые хотелось бы предложить вниманию читателей. Они были сделаны со слов Наталии Алексеевны Бычковой, урожденной Румянцевой (1860–1942). Происходила рассказчица «из простых», по рождению и большей части жизни была москвичкой, из среды мелкого купечества и мещанства, где еще хорошо помнили крепостное право. Воспоминания людей этого круга нечасто фиксировались на бумаге, и это делает рассказы Бычковой во многом уникальными. В них нет, правда, никаких ошеломляющих событий, почти не встречаются известные имена. Но в этой непритязательной семейной хронике есть все же нечто весьма ценное: тут запечатлена прежняя, начисто исчезнувшая теперь жизнь, ее домашний, семейный уклад, представления о мире и о нравственности, верования и суеверия, обычаи и традиции, психология конкретной среды и конкретного времени, и прежде всего женская психология, женский внутренний мир.

В предисловии к своей записи рассказов Н.А.Бычковой В.В.Юрьева писала:

Наталья Алексеевна Бычкова (девичья фамилия Румянцева) родилась 8 (ст. стиль) августа 1860 г. в г. Москве. Окончив казенную школу кройки и шитья, поступила домашней швеею в дом купцов Евдокимовых, где жила до замужества (1882) своего с Алексеем Филипповичем Бычковым. Служил он приказчиком на дровяном складе, подрядчиком, управляющим именьями и комиссионером.

Наталья Алексеевна очень много путешествовала с мужем по матушке-России, была в «Малороссии», на севере, ездила по «святым местам», жила во многих городах.

Очень наблюдательная, неглупая, обладающая прекрасной памятью, Наталья Алексеевна была истинно русским человеком и глубоко любила свою родину и свой народ.

Рассказывала она о своей жизни и своих жизненных спутниках и непременно прибавляла: «И все это было, и все это прошло». Наталья Алексеевна много читала в молодости, не только «божественное», но и всевозможные книги, помнила стихотворения, ученые ею в детстве, часто повторяла Пушкина, Лермонтова. Говорила, что они с мужем выписывали «Ниву» и другие журналы. Писала с трудом, например, «поминанье» в церковь, счет за купленные продукты.

Рассказывать она любила всегда во время какой-нибудь легкой работы (вязанья, штопки, чистки ягод) или к концу чаепития, после 8–10-й чашки чая.

Опрокинув тяжелый толстый стакан из граненого стекла и утерев концами ситцевого платка над верхней губой, начинала: «Вот, помнится мне, да недавно это еще было, годов 25, поди, тому назад, покойница Надежда Дмитриевна, ваша прабабушка...» – и отставляла стакан с блюдцем на середину стола. Стакан этот жил у нее 44 года, чай она пила несколько раз в день только из него, говорила, что стакан этот она и на пол часто роняла, наливала в него кипяток после холодной воды и «все ничего». «Уж я знаю, как он расколется, значит, мне помирать».

В конце 1941 года, когда немцы подошли к Москве, стакан вдруг, «ни с того, ни с сего», лопнул. Наталья Алексеевна, увидев его распавшимся на две части, вздохнув, сказала: «В нынешнем году и мне конец».

Когда на соседний двор (музей им. Толстого на Кропоткинской) попала фугасная бомба, это произвело страшное впечатление на Н.А. Она как-то «ушла в себя», стала слабеть и 23 марта 1942 года, в полном сознании, исполнив все православные обряды и простившись со всеми окружающими, умерла на 82-м году жизни. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

Рассказы ее записаны внучкой сверстницы Натальи Алексеевны – Лидии Александровны Цветковой – Верой Владимировной Юрьевой (по мужу Скавронской) в 30-х годах. Писалось тут же, что говорится, из уст рассказчицы, ее стилем, ее языком простой русской женщины, много повидавшей на своем веку.

Запись рассказов Н.А.Бычковой «Как жили ваши бабушки и прабабушки» была передана в 1940-х В.В.Юрьевой, автором записи, в Литературный музей, ныне – РГАЛИ (ф.1337. Оп.3. Ед.хр.37). При публикации сохранены все стилистические особенности и оригинальная транскрипция слов.

Рукопись записи воспоминаний была передана В.В.Юрьевой в 1940-х в Государственный литературный музей. В настоящее время она хранится в РГАЛИ (ф.1337. Оп.3. Ед.хр.37). При публикации сохранены все стилистические особенности и транскрипция имен собственных оригинала.

Маменька-покойница в Козлове родилась, в Козлове до замужества и проживала. Дед-то мой из купечества был, обеднел только, совсем разорился. Детей у него шестнадцать человек было: шесть сыновей да десяток девчонок. Трех Господь прибрал, тринадцать в живых осталось. Пятерых девок удалось с рук сбить, мать шестая была. К этому времени деду совсем в торговле не повезло, беда, да и только. Заневестились дочери, а женихов не находится. Потому, для своего звания, для купеческого, – капиталов нету, а мужику белоручки не нужны, значит, к черной работе не приучены. Сами знаете, какая работа у мужика. Всякие там рукоделия, да что псалтырь разобрать умеет – ни к чему. Маменьку только на 29-м году просватали.

Отец-то мой из крепостных был, вольноотпущенный помещицы Косогорской, в Мценском уезде поместье было, Орловской губернии. Как заболела барыня, почуяла кончину, всем крепостным волю дала. После смерти ее наследники больно ругались: «По миру, – говорят, – нас она пустила».

Барыня-то добрая была – отец рассказывал, – а кругом лютые господа были. Отца моего ценила и уважала, управителем имения сделала. Талантливый был батюшка-покойник, сметливый мужик, хотя и не грамотей. Грамоте ни в зуб не знал, да на что она ему и нужна была, грамота-то? На то конторщика держали. Счета там какие – все в голове имел.

Маленьким еще мальчонкой папеньку покойного из деревни на барский дом взяли. В казачки. Мать его, бабушка моя, стало быть выходит, ревмя ревела, сына провожая. Сладкое ли дело в барских хоромах на побегушках быть? Всяк тебе хозяин, и никогда покоя нету. К этому времени у бабки несчастье случилось, мало того, по моему отце очень убивалась, а тут ушла барщину править, а младший сыночек, Прохором звали (двух годов не было), потянулся за щами на стол, да весь горшок на себя и перпрокинул. Умер мальчишечка.

Ну, значит, просватали маменьку. Жених-то ей впору в отцы годился, вдвойне старше был, да и притом вдовый. Пил очень. Сам отец про себя рассказывал, да и люди говорили, – испортили отца, травой какой опоили: до тридцати пяти лет вина в рот не брал, а тут запил горькую. Сам-то с того как мучился, а слаб был на вино очень. С зависти это его люди, больно везло ему во всем. Говорили, первую жену в пьяном виде в могилу свел. Маменька плачет, убивается: «Не пойду за него, лучше век вековушкой буду». А бабушка-покойница (Царство ей Небесное) сама с маменькой слезы проливает, видно, жалеет, да как не жалеть – дочь родная (хоть и десяток у ней дочерей-то), всячески ее упрашивает, уговаривает: «Выходи, – говорит, – за него, за тобой, – говорит, – еще четверо идут. Ты, старшая, не пойдешь замуж, им в девках из-за тебя оставаться».

А раньше ни-ни младшей сестре наперед старшей к венцу идти. Сестры со слезами умоляют: «Нам из-за тебя пропадать, в девицах век коротать». А к слову сказать, лицом из них никто не вышел. Ни Фиозва, ни Феоктиста, ни Алевтина с Музою – тетки мои. По календарю имена давали, в кой день родились, тем святым и называли. Мать Лидией звали, имя редкое тогда было и красивое.

Ну, потужила, потужила маменька, да как быть: у отца родного век на шее не просидишь. Пошла к венцу. Конечно, и обидно было. Старый, да вдовый, и еще крепостной бывший. А хоть и не из благородных она сама-то, да все как-никак купеческая дочка. Французскому обучена даже была, а одну сестру ее у учителя танцам учили. Потому, всему все сразу ни к чему. Кого чему. Рукоделия всяческие женские знали, конечно, по хозяйству тоже, не то что теперь, ничего по дому не умеют. А тетки мои, все четыре, что матери были моложе, так в девицах и остались, опять-таки купцов не нашлось, а мужику на черную работу изнеженных брать страшно. Рукоделием промышляли, при родителях жили, а кто у замужней сестры. И дожили все мои тетеньки до восьмидесяти лет, да и за 80 перевалили.

Очень долговечные все в нашей семье. Купцы-то, у коих дети не жили, в честь теток имена новорожденным давать стали. Знала я одну Фиозвочку, ничего жила, может, и теперь еще жива, коль в мою тетеньку пошла.

* * *

Маменька любила про родной Козлов вспоминать, как ей в девицестве жилось. Козлов в ту пору большой город был, хороший. 7 церквей, 2 монастыря, дома каменные. Училище уездное было, 35 тысяч жителей.

В Козлове в то время девицы все больше рукоделием занимались, из купчества там небогатого или из мещан. А уж первой ру-

кодельницей у них Груня слыла, не девка, а клад была, кружево ли тончайшее сплести, гладь ли, бисером, золотом вышить – никто по работе с ней спорить не мог, потому, говорят, лучше всех свое дело знала. Как царь-то, Николай Павлович, с царицей в Козлов приезжали, она, Груня, пелену золототканую подносила своей работы. Вот какая рукодельница была. А смешно сказать, почти без рук родилась. Груня-то маменьке-покойнице троюродной сестрой приходилась. В семье девятая по счету была. Мать-то ее долго с ней мучилась, как родила. Бабка как взглянет на новорожденную, да как ахнет. А сама потихоньку отцу шепчет: «Неси, – говорит, – ты ее, батюшка, скорей с глаз долой, пока жена твоя не видала. Девчонку-то, – говорит, – бес пометил». Ну, значит, схватил отец дочку, да в сенцы. Глядит, а у нее пальцы все перепонкой затянуты, чисто как у гуся. Что делать?.. Люди небогатые – куда такая нужна, какая из нее работница выйдет? Отец долго думать не стал, взял нож кухонный, поточил, да всю ей перепонку промеж пальцев и прорезал. Паутинкой обложил, тряпками перевязал, и какая девка хорошая вышла, первая по рукоделию слыла... Какие там дохтора! Один на весь город был, да и то все больше пьяный валялся, когда в картишки у помещиков не играл. Бабки и лечили. Да тогда и народ меньше болел. Каленый народ был. Своими все средствами. Уж ежели очень плохо станет, за бабкой бегут, да за попом. Травами пользовались, а то больно простыл, ломота (грипп, по-нынешнему, приключится) – пошел в баню, попарился – как рукой сняло. Либо с уголька спрыснут¹, от слезу. Ладонки разные тоже носили, чтоб не болеть, значит, помогает. А то просто на Бога, что Бог даст: выздоровел – хорошо, а помер – Его святая воля.

* * *

Государь-император Николай Павлович с супругой Александрой Федоровной, да дочкой Марией Николаевной в Козлов приезжали². Дом им самый лучший отвели, празднество в их честь устроили. Звонили во всех церквях, да город вечером площадками разноцветными украшали. Маменька в ту пору совсем молоденькая была. Царь поехал, не знаю, чего там, осматривать, а царица с великой княжной, благо погода хорошая стояла, на балкончик вышли. Известно, собрался народ – поглазеть. Государыня-матушка милостиво со всеми разговаривает, Мария Николаевна (малюточкой еще была)³ ребятишкам сласти кидает. Вдруг, как ветер подует, платья-то широкие носили, юбка-то как у царицы поднялась, а юбок под низом на ней шелковых красных две аль три штуки надеты. Бабы-то как заохают: «Матушка-царица вся как есть в сафьян обтянута!»

Маменька ну и смеялась! Энтакую штуку сказать!

Уж я вам говорила, что Козлов в ту пору неплохой город был. Как же, и помещики свои дома в городе имели. Наезжали по зимам. Балы, вечера давали на Святках и на Масляной. Хорошие дома, богатые. Князь Голицын⁴ под самым Козловым жил. Богач страсть какой. Все о родном городе заботился, церкви подновлял, домов настроил, денег много жертвовал на сирот там да на бедных. Чтили его очень и побаивались.

На Масляной, бывало, народ веселит. Сани в два яруса соорудить велит, сам сядет под низ, на коврах развалится, а на верхушку песельников ряженных из своих крепостных посадит. Так и ездит по всему городу. Песельники песни орут, на разных инструментах играют. Понятно, народ за ними валом валит. Так всю Масляную и катаются.

А у самой базарной площади так вроде бульварчика что-то было, ну, вздумал князь этот самый бульварчик приукрасить. Статуи голые поставили с обеих сторон. Оно, конечно, красиво, даже очень получилось, да вот беда: едут мужики из деревни на базар – лошадь стой, сам слезает, да ну к статуям кланяться и молиться. «Богов, мол, понаставили». Одно искушение: стоит на коленях и крестится. Грех, да и только. И ни один поп князю сказать не решается, потому князь – сила. Неизвестно, как еще взглянет: мне, дескать, никто не указ. А оставить так тоже нельзя, идолам поклоненье-то. Уж окольными путями там, не то до губернатора, не то до архиерея довели. Убрали статуи.

Конечно, помещиков кругом немало было. Были и лютые, людей до смерти засекали, измывались по-всякому, а другие и ничего – добрые, терпеливые. Только добрые-то редко попадались, уж так всегда на свете.

Под Козловым тут у одних тоже именье было. Не из богатых, а ничего жили. Старик отец хоть и в очень преклонных годах был, а все ж таки сам хозяйство вел, дочка ему помогала (сам он вдовый был). Сыновья с им не жили – не то в Москве, не то в Петербурге, а кто в Тамбове находились по службе. Дочери разъединой вольная волюшка была дана. И по этой самой волюшке она над крепостными своими что хотела творила.

Особенно доставалось горничной ейной, Акульке. Уж так ее унижала Машера⁵ (Машерой ее родные звали. Марья по-нашему, по-простому). Наплюет, бывало, грязь всякую разведет, да зовет ту: «На, убери!» Встанет, руки скрестит на груди и смотрит, улыбается, чисто ли. Мало того, простите меня, заставляла с собой в уборную

ходить, рук своих барских марасть не хотела. «Я, мол, не могу, меня претит, а ты, холопка, на то и создана, чтобы за барами прибирать». Ну, раз тоже и прорвало холопку. Та ей в тряпку булавочку сунула, да булавочкой-то провела. Вскрикнула барышня, захохала: «Чтой-то?» – говорит. А Акулька и отвечает: «Не могу, мол, знать, по нечаянности». – «Я тебя, такая-сякая, на конюшне засеку, в дальнюю деревню сошлю!..»

Постращала-постращала, да на сей раз жаловаться не пошла, стыдно, верно, стало. Обыкновенно, чуть что – бежит к отцу: «Так, мол, и так, накажи ее, мерзавку». Барин был не злой человек, да уж говорила я, дочке единой ни в чем отказу не было. Только никому не сказала, что с ней Акулька сотворила. И с той поры ни-ни, без Акульки обходиться стала. Выучила ее Акулька.

Тут в скором времени Машерин дядя приехал, помещик Баженов, Иван Андреевич, богатей, именье в три тысячи душ под Тамбовом. Сидят раз в саду, чаи распивают, Акулька тут же за столом прислуживает. Машера ее и так, и сяк задеть старается: то, мол, да не так, не хорошо. Наедине-то в покое оставляла, побаивалась, видно, как бы опять на булавочку-то не напороться, а при других, чужие ежели особенно, – рады стараться. Дядя сидел, сидел, да вдруг и говорит: «Продай, – говорит, – мне, Машера, Акульку, иль обменяй на кого. Тебе, – говорит, – видно, она не по нутру пришлась».

А Акулька-то Машерина собственная была. Машера подумала да согласилась. Рада от Акульки избавиться. Дядюшка-то и увез с собой свою новую крепостную душу, а в скором времени на свадьбу позвал, – женится помещик Баженов на своей холопке, девке Акульке.

Стала она Акулиной Амеляновной, владелицей трех тысяч душ. Машера-то из себя выходила: «Как же так, – говорит, – ведь я должна ее теперь тетенькой звать, ручки у нее целовать, у хамки!»

На свадьбу не поехали, ни Марья Антоновна, ни ее отец. А Акулина Амеляновна в почет и уважение вошла. И хоть лицом некрасивая была, ну прямо некрасивая, черная такая, да характера доброго, отзывчивого.

Слышала я, многие так девки крепостные барынями становились, свою же братию били и притесняли, со свету белого сживали. Забывали о своем о прежнем положении, лютели с каждым днем на человеческой крови. Про Акулину Амеляновну того сказать нельзя. Пальцем никого не тронула, ласкова со всеми, приветлива, ангел, а не человек была. Грамоте понемногу обучилась, по-французски сказать сумела, чтоб пред мужниными гостями в грязь лицом не ударить.

Барыни-то окрестные сначала ох как на Акульку косились, да хлеб-соль, приемы радушные дело сделали, притом же муж ейный

Иван Андреевич богач во всей округе, да с князьями, с графами столичными дружба водил.

В Тамбов, бывало, Акулина Амеляновна под праздники выезжала. В карете золоченой, лакеи на запятках, сама в шелках-кружевах, да на горничной на приближенной платье шикарное с барского плеча. Купцы из лавок выбегут, начнут самой товары казать, всю, бывало, лавку ей в угоду вверх дном перевернут. Материи разной накупит, вот сколько аршин, платков там разных, лент ярких. Все в подарки всем. Страсть добра была дарить.

А у Машеры к тому времени случилось горе – отец помер. Братья съехались, именье разделили, не то пошло. Братья Марье Антоновне – не отец-баловник. Прощай, воля прежняя. Не к тому Машера привыкла. Пробовала было волю показать – видит, дело плохо. Потужила-потужила и смокла. Живет, из братниных рук глядит. Тут купец Осетров (богатея, мукой торговал, а маменьке моей двоюродным братом приходился) подвернулся, пошла за него Марья Антоновна, захотелось ей снова хозяйкой сделаться. Хоть и купец, да где тут разбирать.

Этак вот несколько годов прошло: пять ли, шесть ли, более ли. Стали у Машериного мужа дела плохо идти, хуже да хуже. Покучивать стал да в картишки поигрывать, ну и разорился вконец. Тяжко Марье Антоновне пришлось – муж никудышный, детей куча, просто есть нечего. Сунулась к братьям, а у тех все давным-давно спущено, полушкой помочь не могут. К дяде идти – опять-таки стыд не позволяет: «Как, мол, я, столбовая дворянка, у своей прежней холопки на черный день просить приду?» Так с хлеба на квас живет, перебивается. Дети тоже подросли, детей учить надобно. Муж да братья к дяде на поклон посылают: «Ему, дескать, тебе тысячу-другую плевое дело отдать, а тебе спасение». – «Не могу», – твердит, а все ж таки пошла. Жалость к детям стыд, должно, переломила.

Входит. Лакей ее в гостиную привел, пошел барыне доложить: «Осетрова-де пожаловала». Машере-то какво, что передумала, что перечувствовала, покаместь о ней докладывать ходили? Примет ли Акулька-мерзавка? А ну как за дверь пошлет? Всяко бывало.

Вышла к ней Акулина Амеляновна, разодетая в белый шелковый пенюар, шелками расшитый (свои мастерицы были). Машера к ручке. Не дала та, отдернула. Да тут главная в намеренье суть.

Усадила Марью Антоновну Акулина Амеляновна, заплакала Машера слезами горькими, стала о своем бедственном положении говорить. Акулька-то свою барышню прежнюю утешает: «Всем, – говорит, – что есть в моих средствах и силах, вашему семейству помогу. И Ивана Андреевича своего упрошу». Сдержала слово Акулина Амеляновна: деньгами сколько там тысяч помогли, детей в столицу

учиться пристроили, а холстов, холстов да провизии всякой, чего только с собой не надавали, сколько уж там возов. Поправились дела с тех пор у Осетровых. Муж Марьи Антоновны пить бросил, опять торговлю завел, прежнего богатства хоть и не было, но с достатком жили, прилично.

А у Акулины Амеляновны сын после на всю округу славился. Рассказывали люди, чего-то он вроде монастыря завел. Женат только был, да с женой по-христиански жил, добродетельно. Добер был, весь в мать. Уж к этому времени, конечно, крепостного права уж не было, в 61-м году дали волю ту.

Такие-то дела мне маменька-покойница рассказывала. Любила она старину-матушку вспоминать, и хорошее, и плохое.

* * *

Вот, говорят, «детство золотое», «пора незабвенная». Я вот этого всего понять не могу. Уж мое-то детство таким уж «золотым» было, сколько я горя видала, что и сказать трудно.

Говорила я вам, отец мой старше моей маменьки чуть ли не на тридцать лет был, вдовый, первую жену пьяный битьем в гроб вогнал, а тут за мою маменьку принялся. 73 года я на свете живу и забыть не могу, как он над ней, страдальцей, измывается. Я первенькая была, в шестидесятом году родилась, за год до отмены крепостного права. Осенью маменька меня принесла, в августе месяце, Наталией и назвали⁶. Отцову мать тоже так звали. После меня еще две сестры были, не жили только, потому от побоев раньше времени родились.

Батюшка мой делами разными занимался, комиссионер звали, кому именье сосватает, кому дом купит, деньги кто даст под проценты отыщет. Так, бывало, с описями да с планами разными и расхаживает, с собой носил. Знакомство обширное имел с всякого ранга людьми: и с купцом, и с дворянином, а нередко графов и князей выручал. Только дело это отцовское дохода мало приносило, потому сегодня продал там что, комиссию получил – и с деньгами, а то месяца ходит – последние гроши проживает. Пил очень. Мы больше на маменькин заработок жили, вышивать она там или шить брала, подрабатывала. И родные ее, мои дедушка с бабушкой покойные, немало из Козлова ей присылали. Так и кормились мы.

Пять лет мне было, как большая беда случилась. В самого вешнего Николу, мая девятого, в Козлове случился большой пожар. В 65-м году это было. Ахнуть не успели, как город пламенем смело, людей поразорило да поискалечило. Сгорели многие заживо. Говорят, будто велел один купец баньку себе истопить (болел очень), ну, Господь и покарал, – в праздник, мол, великий этакий париться на-

думал. Вспыхнули от этой баньки дома, дом от дома, сарай от сарая. Дальше – больше, разбежался красный петух. Народ, кто еще от обедни не ворочался, а кто уж пришедши чаи распивали; столпотворение поднялось великое. Ветрено к тому еще в тот день было. Где тут тушить, разве этакую бурю утушишь, дай Бог себя спасти, да чего там успеешь из имущества. Дедушка с бабушкой, мои дядя, тетки также бросились именье свое спасать. Перво-наперво – образа, потом сундуки, перины... Опять-таки с переполоху не понимали, что делали. С тряпьем старым сундук из пламени вытаскивали, а добро – шубы да платья – в огне гореть оставляли. Помутился разум у человека. А сколько детей да больных погорело – сказать нельзя. Два священника – один балкой рухнувшей в церкви раздавлен был, другой, утварь церковную спасая, весь-весь обгорел да, обезумев, в пруд бросился.

Дед мой тоже сильные ожоги получил, замертво его из горящего дома сыновья вытащили.

Много, много разорилась тогда материна родня. На краю домик купили у вдовы (уцелел край Козлова чудом), бедный, тесный домишка, какой по сравнению с прежним был. А семейство у деда великое насчитывалось. Два сына женатых, неделинных, с детьми, да четыре девицы-дочери. Дед через этот пожар и заболел. Тосковать начал, и ожоги тоже не пустяшное дело: ни волос, ни бороды, ни бровей – все спалено было. Поболел две недели и преставился. Бабушка, Ольга Андреевна, в муженьке покойном души не чаяла. Захирела, зачахла без своего друга верного, да в августе месяце за им пошла. Всю жизнь душа в душу жили, слова бранного друг другу не сказавши.

Бабушка-покойница, Ольга Андреевна, малого роста была, худенькая, из себя невзрачная. Думалось, на нее глядя, как это она 16 здоровых детей выносила да родила. Пятнадцати лет замуж вышла. У матери своей, Анны Антоновны, одной только дочкой и выросла, дитем любезным оставалась. Они тоже не бедны были, только из-за того, чтоб капиталу не платить (коль в купцы записался, 25 рублей следовало)⁷ в мещанском сословии оставались. А прадед мой, Царство ему Небесное, все одно торговлей занимался. В те времена почти все торговали.

Прабабка моя, деда моего мать, Катериной Ивановной звали, дочку замуж выдавала, да Оленьку к себе в обшивки и пригласила. Видит: девка – золотые руки, тихая, скромная, ничему не перечит. Больно по душе пришлась Катерине Ивановне моя бабушка. Вбила себе в голову сына Иванушку (деда моего) на Оленьке женить. Обласкала, обдарила Оленьку, а сама к Анне Антоновне с таким разговором: «Отдай, мол, дочь свою за моего сына, потому больно де-

вушка ваша нам приглянулась». Анна Антоновна ни Боже мой: «Как я дите свое балованное, единственное, на шестнадцатом году замуж отдам; слава Богу, не перестарок еще моя Оленька, успеется еще в бабах пожить, дайте матери, дескать, на ее наглядеться. Да рази мы вам чета? Соседи засмеют, скажут: залетела ворона не в свои хоромы. Где уж нам к вам в родню лезть?»

Ну, Катерину Ивановну не переупрямишь, раз что задумала – купут⁸. А тут еще прадед-покойник прабабку давай учить: «Ты чего, Анна Антоновна, – говорит, – баба-дура, не в свое дело суешься, да нам честь великая с Осетровщиной породниться».

Высватали Оленьку.

Анна Антоновна, глаз не осушая, дочку любимую оплакивая, приданое той заготовливала. Сарафанов нашили с позументами, платья в блестках, летники⁹ старинные, еще допетровского времени, что самой ей, Анне Антоновне, в приданое давали, Оленьке отдала. Ну, ясно, перин, подушек, холстины вороха, полотена различные, домотканые. Всего как полагалось. Свадьбу справили чин-чином.

Вот раз свекровь-то и говорит Ольге Андреевне (ехать куда-то надо было): «Оденься, – говорит, – Оленька, в лучшее платье». Оде-лась бабушка, вышла к свекрови, так как ахнет: «Да что ты, – ахает, – матушка-голубушка, этак вырядилась!» А на той дилетка (вроде сарафана), вся позументами расшитая. «Нет, – Катерина Ивановна ей молвила, – так, милая, не годится, купцы засмеют. Пойди переоденься». А переодеться-то не во что. Все приданое золотом, словно ризы поповские, блестит. Ой ты батюшки! Осерчала Катерина Ивановна, не на невестку, правда (та-то не виновата, конечно), а на Анну Антоновну с мужем, зачем ерунды девке настряпали. Все велела в узлы связать и назад несть. И Анна Антоновна на Осетровых ой как обиделась! Сидит на полу, дочерины наряды перебирает и воет-причитает по каждой вещи: «Энто ли плохо, энто ли не красота ли, не роскошь?» За полцены продали. Нашлись дураки, купили.

А Оленьке свекровь все новое справила. Любила ее больно свекровь, не обижала, а как первенький, Николушка, родился, прямо души в ей чаять не стала. И с Иваном Николаевичем Ольга Андреевна по-христиански, дружно жили.

Ну, значит, я опять о маменьке-покойнице да о детстве своем рассказать хочу. Как погорели Осетровы-то, нечем было им помогать маменьке, тут уж нужда совсем к нам переселилась. Мало того, шутка ли сказать, маменька обоих родителей в три месяца лишилась, да пить-есть надо, дочку – меня – обушь, одеть, накормить. Я, конечно, несмышлениш была, не понимала, что хорошо, что вкусно, сунут сайку – и рада, чего мне еще надобно? А отец, ясное дело, ежели и рабатовывал, все пропивал.

Стала маменька чулки брать сшивать шелковые для театров и театральных школ. Да, поймите вы, машин тогда не было, все вручную, сколько глаз по ночам портила! Отец, бывало, пьяный придет, давай мать учить. Избить всю – это по-прежнему учить называлось. Потому он муж, ему власть, а по пословице старинной – курица не птица, баба не человек.

Вся она-то, моя бедная голубушка, в синяках да в кровоподтеках ходит. Куда там жаловаться, кому! Потому всяк муж своей жене господин, а на венчаньи Апостол читается: «Жена да убоится своего мужа». Он, мол, тебе сапогом в живот, а ты молчи, он, дескать, твой кормилец и повелитель.

Что вы, разве можно у соседей укрываться было! Стыд и срам – сор из избы выносить. Да и всюду такое творилось, по всей матушке-России мужья жен «обучали». И бедные, и богатые.

Только уж, когда батюшка-покойник за меня принимался, тут маменька, словно наседка на коршуна, обезумев, кидалась. «Меня, – кричит, – хоть всю искалечь, а дите тронуть не смей, младенца безгрешного». В трезвом-то виде отец, особенно коль деньжата водились, и побаловать не прочь был. Куклов мне, сластей накупит: «Играй, мол, Наташенька». Все ж таки боялась я его до смерти. Бывало, чуть заслышу: сапожищами гремит, – в угол аль под кровать забьюсь, дрожу вся от страху – вот-вот сейчас побоище начнется.

* * *

Раз сидим мы, обедаем, вдруг отец-то и говорит: «Глядите, – говорит, – вот старика Евдокимова¹⁰ в баню повели». Мы к окну. Видим, ведут двое приказчиков под руки старого, бритого, в черной чуйке одетого да в сапогах мимо наших окон. Слепой он уж 8 лет был, темную воду в глазах имел. Его молодцы¹¹ раза два в месяц в баню париться водили. Первый богатей был нашего прихода, какие иконы да паникадила в церковь Спаса на Песках¹² пожертвовал, обновил храм за свой счет, деньгами дал несколько тысяч на помин души.

Сыновья отцов карман порастрясли изрядно, вино да кутеж, на женщин опять-таки. Батюшка мой сказывал (ему тоже люди говорили): ужины любил Дмитрий Григорьевич Евдокимов задавать. Из серебряных бокалов за его здоровье пили, да затем эти бокалы ногами топтали, чтоб, значит, из них ни за чье здоровье больше не пить.

Так вот как я вашего бабушки деда родного в первый раз увидала.

Про отца Дмитрия Григорьевича сказывали, что лет 80 назад он в Москву в лаптях пришел, да повезло, видно, человеку: какое под старость каретное заведение имел, каким владел капиталом. Опять-таки дома, мебель там всякая, золото-серебро.

А Дмитрию Григорьевичу не повезло в детях. Все кутилы вышли сыновья, денешками по сторонам щедро сорили. Им в Москве известность была по этой части. Один-то сын, может, и посмышленнее других вышел, да убогонький родился – с горбом. Михаилом Дмитриевичем звали.

Сам-то к старости совсем ослеп, ну и пользовались и свой, и чужой, дело понятное. Уж это испокон веку было и будет всегда, ничего тут поделывать нельзя. Потому люди.

* * *

Другой раз тоже сидим мы, не то обедаем, не то чай пьем. Глядим, по двору женщина какая-то словно кого-то разыскивает. Маленька приглядываться стала, да вдруг как вскрикнет: «Да это, – говорит, – моя Фиеза!» Ну, выбежала во двор, расцеловались в нашу горницу ввела. Я свою тетеньку сроду не видала, гляжу во все глаза. Росту невысокого такая, худощавая, ряба страх и некрасива. Ей уж лет под сорок было, маменьки моей чуть моложе. Девица. Жизнь праведную вела.

Лет с восьми до храма Божьего больно усердной сделалась, а мясное да молочное совсем кушать перестала. Диву давались, как ребенок крохотный сам на себя пост наложил и, ни Боже мой, никак кусочка, бывало, окромя постного, в рот не возьмет. А к двенадцати годам вздумала раз в день пищу принимать, а по средам и пятницам совсем ни к чему не притрагивалась. Тут стали с Фиезой припадки твориться. На землю падала, билась, пена изо рта шла. Сколько ее отчитывали, думали, порченная, ничего не помогало. К доктору водили, тот говорит: от поста такое приключилось. Бабушка, Ольга Андреевна, Фиезочку так и сяк уговаривать, брось, мол, пост, не монашка ты, чего зря здоровье губишь. Ничего слушать не хочет.

Позвали духовника. Долго он с нею разговаривал: «Богу, – говорит, – не угодна такая жертва, надо, мол, жить, коль Бог жизнь дал, да дела добрые творить». Одним словом, приказал ей духовник воздержание от пищи неразумное бросить, а Фиеза-то молвит и ему, духовнику-то, и матери, бабушке моей: «Да мне ваша еда – мяско там, рыба да молочное – и видеть-то противно!» Правда, морить себя голодом перестала, а скоромное так и не ела, исключенье делала в светлое Христово Воскресенье, как от обедни разговляться садились, кусочек пасхи с куличом да чуть яичка священного пробовала. И до следующего года. Только болезнь ее не оставила – так всю жизнь припадочной и была. А жила она до 81 году. Все они, матурина родня, долго жили.

Дед-то мой, Иван Николаевич, когда скончался, бабка решила Фиезу в монастырь пристроить. Стали объезжать монастыри. А той

то там-то нехорошо, то тут-то плохо, все не по ней, так и вернулись в Козлов ни с чем. Только деньги зря проездили.

Характера Фиезва неуживчатого была, собой дурна, припадочная, да еще косноязычная вдобавок. Станет, бывало, говорить, ничего понять нельзя: спешит, языком спотыкается, все слога перевертывает. Ну вот, к примеру, сказать бы надо «тебе», а она «тыде» скажет. Ну, ясное дело, смеялись над ней, дразнили. Ей только в одиночестве и жить. Да и, к слову сказать, обеднели они после пожара, а без денег в монастыре тоже не сладко. Работой завалят. Да и куда такая великая постница с монашками уживется? Монашки строгости не любят.

Стала Фиезва в Козлове опять проживать. То у сестры замужней, то у братьев. Там обошьет, там приданое племянницам справит своими руками. Золотые руки были. Никогда без дела не сидела. Даже в церковь с работой ходила, стоит себе, службу слушает, устами молится, а сама чулок вяжет. Смеялись над ней, ругали спервоначалу, а потом уж привыкли.

Одевалась? Нет, не по-монашески. На голове платок там, козынку обыкновенную, юбку темную носила и блюзю¹³, тогда больше все звании блюзю широкие носили с завязками назади. Многие и знатные так одевались.

Пришла к нам, значит, в Москву Фиеза из Козлова. А вот зачем пришла. Куриная слепота у ней сделалась, чуть сумерки, ничего тетенька моя не видит, как есть слепая. Так бы она очень и не скорбела (на все ведь воля Божья), а ей уж это безразлично было, мирское-то, да работать надо, вот беда. Глаза – хлеб. Пошла она к доктору знаменитому, Войнов¹⁴ тут в Москве по глазам был. Так, мол, и так. Не вижу ничего вечером. Посмотрел тот ее и говорит: «У тебя, – говорит, – матушка моя, оттого все это приключилось, что больно запостилась ты всю жизнь свою». Все кушать велел. Да уж, конечно, совсем выздороветь не смогла, хотя и лучше стало.

К концу жизни в Братолюбивом обществе в богадельне она жила. Давыдов той богадельней правил, Иван Юльевич¹⁵. Хорошо там было. Комнату ей дали, по рублю денег каждый месяц. Довольна была. Только уж очень с соседками ругалась. Дразнили ее за ее язык.

Как умерла, 40 дней ей сравнялось, пошла я к Василию Кесарийскому¹⁶ (наш приход тогда был) панихиду по новопреставленной Фиезве служить. А протодьякон-то, Иван Николаевич (тезка моему деду полный), заупрямился, и все тут: «Нет, – говорит, – такого имени, Фиезвы, напутали вы, верно». – «Как, – отвечаю, – могу я тетки своей родной имя спутать? Я, – говорю, – подлинно знаю». А он никак – сердится. С здравом был покойник. Красавец, голосина какой. Спился он и не старый еще помер... Ну, значит, не могу, да и все тут. Я в слезы. Пошел в алтарь, о том, о сем, все книги перерыли, пере-

смотрели, святцы переискали. Нашли такую святую, отслужили, помянули, как полагается. А то такое дело. Чем она-то, покойница, виновата?

* * *

Надумали мать с отцом меня в школу отдать. Одиннадцатый годок мне пошел. Без дела я, правда, не болталась, маменька-покойница шить, вязать показывала, читать по складам обучила. (Она у меня хорошо грамотная была, а в молодости даже французскому обучалась.) Тоже и по хозяйству я что разумела – сварить, пригото-вить могла.

Подруг у меня мало было, Юлия только одна (по соседству жили, а затем и учились вместе). И все больше я дома с маменькой пребывала, рассказы ее о старине слушала. В церкву, конечно, каждый праздник ходили, а чтоб в гости – редко, скупа маменька на знакомства была, к дружбе относилась строго. «Коль ты всем друг, значит, мне не друг», – повторять любила. Да и какие у бедных людей друзья-приятели?

Только с одной семьей сошлась моя маменька, де Спилер фамилия была, из дворян, благородные. Бедны только очень были. Посватался за дочку ихнюю кондитер Иванов, Николай Иванович, богач (зал со столом они под свадьбы да похороны сдавали), и отдали Лизавету Николаевну. Что слез было! Зато, можно сказать, всю семью от голоду спасла.

Николай Иванович жену любил, слов нет, только пил сильно, а в пьяном виде, дело известное, давай свою законную половину тужить. Раз ударил, другой прибил, Лизавета Николаевна-то и говорит: «Я, – говорит, – над собой издеваться не позволю, потому я благородная, а не купчина серая. Возьму да уйду». Как снова напил-ся он, замахнулся, она, в чем была, да к Анне Васильевне. Анна-то Васильевна ихняя знакомая была, может, свойственница какая, она же за него ее и высватала.

Ну, протрезвился Николай Иванович, прибежал за женой: иди, дескать, на свое место. «Нет, – отвечает, – не пойду, да и мало того, к мировому¹⁷ подам». А Иванов-кондитер, Царство ему Небесное, покойник, уж труслив был – не приведи Бог. Как услышал: к мировому, – бух жене в ноги: не губи, мол, не срами, пальцем тебя не трону, зарок дам капли вина в рот не брать.

И в самом деле, как обещался, не только ее не тронул – пить совсем перестал. Как ножом отрезало. Ни-ни с тех пор. Очень счастливо жили. Только одно: Господь детьми не наградил. Я замуж как выходила, он меня образом благословлял, в посажёных отцах на моей свадьбе был.

Еще мать с одним семейством знакомство водила. Стародумовы, у Горбатого моста¹⁸ проживали, лавку имели свою в Ножевой линии¹⁹. Четыре девицы у них были, и все четыре замуж идти никак не хотели. Им о замужестве никто даже и заикнуться не смел. Прямо-таки боялись мужчин и ненавидели. «Как это мы дадим тело свое на поругание, срамоту этакую да грех выносить будем?» Так и жили при родителях. Старшим лет за сорок было, а младшей, Александре, лет 25. Хороша собой, очень даже недурненькая брюнеточка была, многим нравилась. Ну а свататься не сватались, знали ихние причуды. Одни сестры вечно дома сидели. Редко-редко в праздник большой к ранней обедне сходят. Мать с отцом в летние вечера на крыльчке хоть посидят, воздухом подышат, а они так и на крыльцо не показывались, чтобы, значит, их случайно кто не увидал. По дому всю черную работу справляли, кухарки не держали они (хоть и средства к тому были), все же чужой человек, начнет сплетни разводить. Вообще, ежели к ним кто придет, запрутся они все четыре в своей комнате и носа не кажут. Хотя к маменьке, случалось, и выходили. Со странностями с большими девицы Стародумовы были.

* * *

Летом мне весело жилось. Тогда никто ни на какие дачи никогда не выезжал, разве уж знать в свои поместья. Мы в ту пору в Дровяном переулке жили, у Новинского бульвара. Теперь-то он переименовался, не то Протечный²⁰, не то еще как называться стал, в точности не знаю.

За нашим домом лесной склад начинался, площадь большая, редко когда, да и то к осени, бревна свозили, гуляй, бегай – раздолье! Бывало, в апреле-мае зазеленеет все, трава подымется... ну какая тут еще деревня нужна! В прятки, бывало, играем день-деньской с ребятишками, друг за дружкой гоняемся. Я раз чуть себе ребра не поломала. Бежала в сумерках, да на кадку-то напоролась. Свету Божьего не взидела, в глазах потемнело. Давай щупать, целы ребра ли? Целы, слава те, Господи. С тех пор осторожнее стала.

Говорила я уж вам – одна-разъедина подружка у меня была, Юлия. Мы с этой самой Юлией с измалетства дружбу держали, играли сначала вместе, а потом в школе вместе шитью обучались. Тринадцати лет осиротела Юлия. Отца-то она и не помнит, годов двух, что ли, осталась, как он помер, а мать у ней мастерицей-вышивальщицей была, да, чуть поболевши, одну дочку оставила. Правда, тетка еще у Юлии существовала, да бедно жила та тетка, сама шитвой еле кормилась. Куда девать девчонку? Окромя монастыря некуда. Нашлись добрые люди, в монастырь пристроили. Плакали мы с Юлией, расставаясь. Не хотелось ей в монашки идти. Да ничего не

поделаешь, по бедности. По своей охоте тогда мало кто в монастыри шел. Либо сироты, призреть некому, либо убогие какие, коим в миру места нету. А то по родительскому обещанию. У меня тоже одна знакомая была, замуж когда выходила, обещание дала, одну дочь и сына Богу на служение отдать. Две дочери у нее были: старшую, Лизавету, замуж отдала, а Аннушке пришлось в монашки идти. Как ослушаешься? Обет. Все равно в миру счастья не будет.

Ну, значит, про Юлию. Не видала я свою подружку, почитай, четыре года. Раз как-то привелось мне в Новодевичьем монастыре у обедни быть. Стала выходить из собора, окликает меня кто-то: «Наташа, ты ли это?» Оглянулась – монахиня молодая. «Ты, – говорит, – не узнаешь меня?» Смотрю – Юлия. Спервоначально не признала я.

Заплакали мы обе, детство вспоминали, о себе каждая рассказала. «Как, – спрашиваю, – тебе-то живется?» – «Ничего, – говорит, – живу, мне, – говорит, – неплохо. Я в хору пою, у меня голос, все хвалят – больно хорош. Приходи, – зовет, – ко мне в гости». Да так, не помню уж почему, не попала я к ней.

С той поры еще десять лет прошло. Я уж замужем была; с мужем в Смоленской губернии проживала, про Юлию мало слышала. Живет себе в монастыре и живет. А вспоминала я ее часто. И, по правде сказать, жалела.

Вдруг узнаю: Юлия моя не монашка больше, а замужняя женщина. Как же так, думаю? Приехала я в Москву, узнала, где она живет, да и сходила к ней. Уж обрадовалась она мне, где усадить, как угостить, не знала. А живет знатно. Свой дом – палаты, мебель золоченая, штофом²¹ крытая, картины на стенах, как сейчас помню, из слоновой кости. Сама в бархате, в кольцах. Красавицей стала.

Все мне тут подробно и рассказала. До двадцати восьми лет в Новодевичьем жила. В хору пела, все ее голосом восхищались. Влюбился в нее ее теперешний муж Иван Дмитриевич Миронов, через тетку (тетка-то еще жива была) сговорились, приехала тетка в монастырь – будто племянницу навестить, Юлия пошла будто тетку провожать, села на извозчика и прощай. А то так ни Боже мой, из монастыря разве пустили бы?

Мужа она не любила, конечно, так прямо и говорит: за деньги шла на богатую жизнь. И монашеское все больно опостылело ей.

Муж Юлиин прежде дворецким был, крепостной бывший барыни Перской (Перскую-то ваша прабабушка хорошо знала)²². Он даже грамотный был, наружность имел представительную и ото всех большим уважением пользовался. Барыня была очень в годах, наследников прямых не имела, а дальних родственников не признавала, да, умирая, в завещании все богатство свое своему дворецкому и

завещала. Может, он даже какой родней приходился, о том мы не слыхивали, а то, возможно, за преданное служение.

Так и остался Иван Димитриевич в ее хоромах жить-поживать. Всеми картинами, золотом, серебром владел. По праву, как ему полагается. Когда Юлию в соборе на крылосе²³ услышал и увидел, ему уже за пятьдесят было. Влюбился сразу. Юлию обожал. Что говорится, каждую пылинку с нее сдувал. Только умер скоро. И пяти лет не прожили. Дочку оставил маленькую, Варенькой звали.

Тут Юлия моя после мужниной смерти развернулась вовсю. Деньгой сыплет направо-налево. В консерваторию поступила, петь дальше учиться, а по праздникам в хору церковном, любительском, пела, у Воскресенья в Барышах²⁴ (тогда любительские хоры только в моду входили). Весь хор, бывало, ужинать да обедать к себе звала. Мало ли стоило. Я к ней ходить все реже и реже стала, не компания она мне.

Так помаленечку, полегонечку все из дома, что подороже и поценней, уносилось, да и прислуга крала. Какая Юлия Григорьевна хозяйка? У нее веселье да шуры-муры в голове. Да и видать монашку во всем: хозяйству, ценам мимо рук катиться давала. Так Персовское богатство все спустила.

Вздумала вдруг дом продавать. Сидит в гостиной (народу у ней в этот день много было) да и говорит: «Продаю, мол, дом». Один купец спрашивает: «Сколько, значит, просите?» – «Да давайте, – отвечает, – 75 тыщ». – «Нате, извольте», – тут же денежки ей выложил.

На другой день с домом покончили. Только в скором времени узнает моя Юлия, дом-то тот вдвойне цену имеет. Накинулась на купца: «Что вы меня, – кричит, – обманули, дом 150 тыщ стоит!» – «Вы, – он-то ей говорит, – просили 75. Сколько просили, столько и дал». Ничего тут не поделаешь. А дом-то хороший, на Остоженке, подле церкви Успенья²⁵. Покойная барыня Перская, рассказывали, каждый праздник к обедне цугом выезжала. Первая лошадь в церковных воротах, а карета у самого дома. Два шага. Да уж так полагалось, зазорно считалось этакой барыне пешком ходить. Только влезла, да уж вылезать.

Недолго те денежки у Юлии держались. В год, а может, и меньше, почти все прокутила. Помогли добрые друзья. Хорошо еще, на дочкино, на Варенькино имя до ее совершеннолетия 20 тысяч положила, а то бы осталась Варенька без приданого. Юлия сама в Марьино Рощу переселилась, знакомых стыдиться стала, белошвейную мастерскую открыла там. Только дело не пошло. Опять-таки, какая Юлия хозяйка, что она понимает?

Под конец жизни к Троице²⁶ жить переехала, домик купила. Уж чем жила, не знаю, неважно жила, а все же прежних привычек не

бросила. Кутеж с утра до ночи. И монахи, и семинаристы, и светские. Мы с мужем к мощам ездили на поклонение, у них останавливались. Не пондравилось нам у Юлии Григорьевны, шум, суета, словно трактир.

Вскорости Юлия умерла, а Варенька замуж вышла, за доктора. Хорошо жили, детей у нее много было.

* * *

Как-то зимой сидим мы с маменькой, вдруг стучат в дверь. Входит Василий Иванович с мальчишечкой, этак году на седьмом. Румянький такой, беленький, пухленький, как сейчас помню, в поддевочку сборчатую одет, красным кушачком подпоясанный. Настенькой зовут, Анастасием Александровичем, бабушке вашей родным братом приходится. Тут-то я его, детаньку, первый раз увидела.

А Василь Иванович учитель ихний был, дядькой, что ли, вроде при Настасиньке. Пил – страх. Как запой у него, бывало, начинается, ваша прабабушка, покойница Евдокимова, Василия Ивановича к нам выпроваживала: «Иди, дескать, к другу-приятелю пей». Они с моим отцом на пьянстве большую дружбу вели. Матери-то какво, матери! То один пьяный бушует, а то два шумят. Одного уложи, другого уложи до вытрезвления – а там сызнава сказка про белого бычка зачинается. Да то подай, да прими, закусить собери опять-таки.

Бывало и так: одумается на день, на два батюшка покойник (может, и не [на] что выпить), в настоящем виде сидит, о делах помышляет... Нет, пришел Василь Иваныч со штофиком, и пошла-поехала. Вот уж подлинно Евдокимовы с больной головы да на здоровую придумывали от пьяного учителя избавляться. Налижуются до чертиков, так что они, окаянные, им в глазах мерещутся.

Как-то Василь Иванович мне от вашей бабушки подарков принес. Коробку красивую, куклу да гостинцев разных. А вашей бабушке в ту пору так же, как и мне, годов с десять, верно, было.

* * *

Ну, значит, на одиннадцатом году меня в школу отдали. Главное нас там шитву обучали, грамоте, письму, счету опять-таки, закону Божьему, конечно. Я даром училась, казна за меня платила, а были и за свои деньги. В наше время это немало стоило, по тогдашнему исчислению. А ежели бы где в мастерской, у хозяйки шитву обучаться, пока обучишься, да в люди выйдешь, бита-перебита бываешь. Лютые хозяйки были, мало того, работой морили да голодом, спать совсем девчонкам не давали и за малейшую провинность как сидоровых коз лупили. Иная, бывало, в ученицах сидит, а сама толь-

ко в мыслях имеет, как в мастерицы выйдет – над своей же сестрой измываться. Прямо так и говорили: «На ваших, мол, шкурах свои, мол, побои возмещать буду». Вот какие звери бывали! Да, впрочем, их же зверьми и делали. Это подумать только: ни за что, ни про что тебе с малых лет сто раз на дню ребра считают. Озвереешь, понятно. Тут одна хозяйка, Воробьева – Воробихой звали, ох и люта была. Не раз, говорят, до мирового доходило. А у нас мир, тишина, ругать, конечно, ругнут, коли что не так, ну, а так даже не подзательника.

На шестнадцатом году жизни своей школу я окончила, шить, кроить умела. Надо было меня к месту куда пристраивать. Отец в ту пору второй год болел, вставать не мог. Доктора определили, чухотка у него, а может, и оттого, что пил много. Думается мне, больше от этого. Маменька несчастная с им совсем замаялась, покоя ни днем ни ночью. Через год он отмучился, скончался. Хоть и плакала мать, а все же он ей руки развязал, по истине говоря.

Устроили меня хорошие люди к вашей прабабушке, к Марье Дмитровне Евдокимовой, и стала с тех пор жить у них. Шила там чего, при самой Марье Дмитровне находилась, помогала чем могла.

Марье Дмитровне в ту пору лет за шестьдесят было, она уж годов 7–8 совсем слепая была (желтая вода у нее, как и у отца, в глаза кинулась). В девушках всю жизнь оставалась, всем домом правила, а над сестрой и братьями, как отец ихний помер, бесконтрольной опекушкой была. Тогда это так называлось. Значит, делай что хочешь.

Жила с ней сестра ее, а ваша прабабушка родная, Надежда Дмитровна Трубникова с детьми: с Анной Александровной (той годов 17 было), с Лидией Александровной, бабушкой вашей (эта мне ровесница, на месяц, что ли, моложе), с Софьей Александровной и с Настасием Александровичем. Софья-то Александровна еще малым ребенком была, седьмой ей шел, что ли, а Настеньке, верно, 12–13 уж сравнялось.

Еще проживал с Марьей Дмитровной родной брат ее, Михаил Дмитрич, горбатенький, да вдова старшего брата Николая Дмитрича – Глафира Сергеевна. Экономка у них служила, Прасковией Васильевной звали, да сын Сережа к этой экономке из военной гимназии в гости ходил. Нянька старая, Аксинья Павловна, из крепостных, что еще самое Надежду Дмитровну нянчила, постоянно у них проживала. Только, бывало, уедет в деревню, Марья Дмитровна шлет за ней: соскучилась, мол, езжай, нянька, гостить. И гостит месяцами. Жить без нее Марья Дмитровна прямо не могла. Сын этой самой Аксиньи Павловны, Филипп Платонович (уж в годах мужчина), у нас в лакеях жил, там что нужно на побегушках... Неделями также гасцивала дальняя родственница, вдова полковника, Соколова, Юлия Терентьевна. Раз в год и мы с Марьей Дмитровной в гости

к ней подымались на несколько часов. Что суеты, разговору было... Домик она свой имела у Трифона мученика²⁷ в приходе.

Много у Марьи Дмитровны жило народу, и своего, и чужого. Многих призирила²⁸, помогала деньгами, замуж да на места пристраивала. Страсть добра была Марья Дмитровна, но и строга. Все, бывало, в доме от малу до велика перед ней трепещут, слова сказать боятся. И стара, и слепа, а силу большую имела.

Росту Марья Дмитровна среднего была, полная в теле, лицом приятная, хоть и строгая, волосы на два ряда клала, дома простоволосая ходить любила, а ежели кто из соседей приезжал, чепец либо фаншетку²⁹ кружевную надевала. Да чепец редко, недолюбливала она чепцы, а много их имела, с различными муаровыми³⁰ лентами. Дома-то все больше да в капотиках темных сидела, а при гостях, конечно, в платьях шелковые облачалась. Одежды всякой у нее пропастаща была. Помню, при мне чудесную шубу себе бархатную заказала, пальто из английского сукна, по тринадцати рублей за аршин плачено, да только раз в церкву и обновляли. Капор тоже отдавала делать себе на заказ, да не кому-нибудь, а французенке, мастерице, Бланш Ревью звали. Принесли этот самый капор, надела его Марья Дмитровна: «Гляди, – говорит, – Наташа, не будет ли мне вон тут дуть?» – «Нет, – отвечаю, – Марья Дмитровна, не будет». – «А с этой стороны?» – «Тоже, – говорю, – не будет». – «Поди, – велит, – Надежду Дмитровну позови». Пришла Надежда Дмитровна: «Звали вы, мол, меня?» – «Да, звала, – дескать, – чтоб поглядела ты, не поддувает ли мне где в капоре?» Та и так, и сяк: «Нет, мол, все хорошо» – «Ладно, – говорит, – иди». Спрятали мы его, капор-то, в коробку, да так его покойница Марья Дмитровна и не надевала.

Говорю я вам, она своего дома никогда не покидала. Летом, и то редко, в палисадничек выходила, да уж счетом два раза на Новинский бульвар, воздухом подышать. В баню выезжала в месяц раз примерно. Тут Анны Тимофеевны-акушерки (старая-престарая была, ваших бабушек принимала) прислуга Лизавета Марью Дмитровну в баню водила. Никто ей так угодить не мог, по ее косточки веником распарить. Любила Марья Дмитровна эту Лизавету – страсть. Сплетница Лизаветушка была, каких свет не видал. Всего-всего, что было, что не было, с прикрасами расскажет. Шубу носила с круглым широким воротником (тогда такие старухи донашивали) и на один рукав надевала, правый так болтался. Это из уваженья к Марье Дмитровне.

Раз в год ездили мы к Юлии Терентьевне, да раз в год в церкву Спаса на Песках – приобщаться. Исповедовать на дом батюшка приходил, меня за им и посылали. Не старый еще был, отцом Сергием звали. Он вот какой был: ни женатый, ни монах. В то время вещь

совсем небывалая. Прихода потому своего не имел, ранние обеды у нас у Спаса Песков служил. Марья Дмитриевна его почитала и уважала за то, что он девственник был. Это она людям в великую заслугу ставила. Марья Дмитриевна сама в чистоте всю жизнь прожила и грязь такую ненавидела. Как услышит, бывало, про кого, ходит и плюется. К ней в молодости пропастища женихов сватались. Островского писателя отец³¹ руки просил, сенаторы разные. Только она всем отказывала, потому, говорит, не я им нужна, а мои капиталы. Так и не пошла. Не хочу, мол, свободы своей терять, у мужа в подчинении находиться. И вся тут.

Всех мужчин погаными звала. «Чтоб я, говорит, когда да с мужчишкой, да подумать-то тошно». Даже за руку ни с кем не здоровалась: «У них, дескать, руки поганые». Разве уж какие важные (а к ней много важных господ езжало): присяжный поверенный, например, Фаворский Иван Адамович (дела ее вел) иль так кто еще, ну, значит, подаст руку и тут же в свои покои, мыть. Ужась брезгливая была. За скобки дверные скрозь носовой платок бралась, мыть мылом их приказывала. Постель стлать (я ей помогала) у нас по особому чину полагалось. Чтоб ни кончиком одеяла либо простыней пола не коснуться. Тогда все чистое меняй сызнава. Ни на стул, ни на кресло, Боже упаси, положить – опоганили. Потому там все сидят, грязнят. Зараза – одно слово.

А хуже всего она меня ключами донимала. Говорила уж я вам, Марья Дмитриевна всем правила, все распоряженья всем давала, без ее разрешения никто в доме чихнуть не смел. Так, значит, ключи от всех кладовых да от шкапов и сундуков у нее находились. Как ей кто ключи вернул – перво дело мыть. А это разов двадцать на дню так-то. Руки у меня совсем закоченеют, особо зимой (топили, к слову сказать, не очень – сэкономили, дом громадный был). Ну, стала я на хитрости пускаться. Побренчу рукомойником, побренчу ключами: «Вымыла, готово. Теперь, мол, вытирать стану». А то виданное ли дело – целый день ключи мыть. У меня на руках цыпки пошли с того.

Хоть и слепа была Марья Дмитриевна и стара (год, два ли после француза родилась. Пострадали они, Евдокимовы-то, в ту пору. Как Москва горела, бежали они, дом совсем побросавши, а деньги, золото с серебром, в колодезь опустили. А дворник-то возьми с перепугу все французам и выдай. Ну, потом ничего, поднялись, опять богачами стали), так вот, значит, несмотря на слепоту свою, не сидела без дела Марья Дмитриевна. Вяжет, шелк ли распутывает, сама ли что рассказывает. И других послушать любила. Уж у нее завсегда, каждый день ее навещали, развлекали, то Марья Купирьянна, старуха такая была, а то Анна Тимофеевна-акушерка со своей Лизаветушкой, Ольга Ивановна – эта троюродной сестрой, что ли, приходи-

лась. На Воронухиной горе³² жила, тоже очень в летах старушка. Собак, кошек у нее ужась водилось. Всех бездомных подбирала. Воница в квартире – я чуть не задохнулась (посылали меня раз к ней). К нам, бывало, придет, сидит за обедом и так это тихонечко, чтоб никто не видал, суп ли, жаркое ли в ридикюльчик потихонечку прячет. (Так уж всегда с ридикюльчиком ходила.) Своим кошкам, значит.

Потешалась над ней Марья Дмитривна: «А ну-ка, – говорит, – Ольга Ивановна, открой ридикюльчик-то, покажи, чего у тебя там есть». А та красная сидит, смущенная, несвязное бормочет. Пошутит, посмеется Марья Дмитривна и всего-то ей велит из кухни с собой надавать.

Галкина еще ходила купчиха, в Марьи Дмитривнином доме наверху проживала. Эта Галкина, Александра Ивановна, за серым купцом замужем была, много от ихней серости терпела, а как муж скончался, от свекрови да золовок уехала, по отдельности жить стала. Та, бывало, все сплетни со всего Смоленского³³ привезет. И о Замятинных, о Комаровых, о Стародумовых. Иванов то, да Медведев се. У того свадьба, энтот помер, у кого родины, у кого крестины, кто разорился, а кто спьяну дебош сотворил. Три короба наговорит, натреплет, настрокочет. Что было и чего не было. Марье-то Дмитривне все слушать интересно, потому тут на Смоленском рынке родилась, тут и выросла, всех до единого человека знает. Марья Дмитривна все запоминает, поохает, посмеется, а потом другим расскажет. И непременно прибавляла: «За что купила, за то и продаю».

Нет, не любила она, чтоб ей вслух читали. Газет совсем не признавала, хотя чуть ли не «Современник»³⁴ выписывала. Сама грамоте плохо знала, едва, говорят, читать умела да имя свое подписать могла.

Марью Дмитривну все уважали и боялись очень. Потому все из ее рук глядели. Словом, перечить не смел никто. Властная была Марья Дмитривна, все перед ней на задних лапках ходили. Она всем «ты» говорила, и знатым даже каким, а ее все по имени-отчеству величали, и братья и сестры тоже. Потому старшей – уваженье. Племянницы боялись – страх. Шагу, не спросивши, вступить не могли.

* * *

Надежде Дмитривне нельзя сказать, чтоб сладко жилось. Красивой ее тоже назвать нельзя было, да и знать я ее знала всю уж измученную, издерганную, столько пережившую. Лет ей тогда под сорок было, а куда старше глядела, по правде вам скажу. Надежда Дмитривна на четвертом году от матери сиротой осталась. Марье Дмитривне в ту пору под тридцать было (старшая она из них из всех, из Евдокимовых). Все воспитание Наденьки у нее в руках было, обучи-

ла ее хорошо: та и по-французскому говорила, и танцевала, сказывали, дивно, и вообще всякие науки знала. У Войлощникова в пансионе³⁵ обучалась, в ихнем же доме.

Как выросла Надежда Дмитровна, одинаковые ей с собой сестра платья делать стала. Одной с розовыми лентами, другой – с голубыми. А Марье Дмитровне в ту пору уж сорок было... Лет девятнадцати Надежда Дмитровна замуж вышла. По любви выходила. Из дворян он, из столбовых, супруг Надежды Дмитровны был. Из самой знати, барин настоящий. Видный, говорят, собой был, хоть и красотой не блистал. Да на что мужчине красота, мужчине сила нужна. Говорила после Надежда Дмитровна, что, дескать, на моих деньгах женился. Гол как сокол, как бубенка³⁶. Думал, за ей, мол, большое приданое дадут. Что Бог бережет, голе Бог подаст. Пить – не пил, а насчет карт – было дело. А бабник был большой, срамота какая. Через это и разошлись.

Спервоначально Надежда Дмитровна со свекровью жила, с Евгенией Семеновной Трубниковой, а потом уж к сестрице Марье Дмитровне на жительство постоянное переехала. В тринадцать лет жизни своей с мужем десятерых детей родила. Ваша бабушка, Лидия Александровна, второй была, Анна Александровна первенькая, обе в один день родились, 7-го октября, только одна через год ровно. Тут и Машенька была, и Илюша, и двойшки (Митенькой да Коленькой звали, если не ошибаюсь). Те жить не стали. Перед тем, как Анастасию Александровичу родиться, сон видела Надежда Дмитровна, словно ей во сне святой Анастасий явился и возвестил, что, мол, сына родит. Так потому и назвали. После Сонечки еще Иванушка был, тоже помер нескольких месяцев. Ее в это время муж, Александр Васильевич³⁷, совсем бросил. Он, конечно, всю жизнь с бабами возжался, а тут особенно начал, да еще к супруге законной приходил и все как есть выкладывал. Много горя, слез видела через это Надежда Дмитровна. Она бы, конечно, эту срамоту терпела да молчала, ежели бы не Марья Дмитровна: «Ты, – говорит, – не смей с им жить, с пакостником. Грязь такая, дескать, он по девкам шляется, а потом к тебе приходит. Брось его, тебе, мол, приказываю». Известно, Марья Дмитровна – закон, что сказала, то свято, ей не перечь. Бывало, вечером в спальную идет Надежда Дмитровна, а у дверей ее Александр Васильевич поджидает. Та и не знает, как ей быть. И Марьи Дмитровны послушаться не смей, и самой противно, а все ж таки муж. Марья же Дмитровна назад ворочает: «Не срамись, мол, Надя. Не ходи с ним, подлецом». Так и развела их. Он уж при мне с ими не жил и ходить перестал. К полюбовнице, Александре Адамовне Столповской, на квартиру переселился. Детей от нее имел. Так до самой смерти и не вернулся.

Надежда Дмитриевна никогда о нем не говорила. Неприятно, тяжело ли было, не знаю. Раз только при мне приходит с гулянья (куда-то ходила) да и говорит: «Угадайте, – говорит, – кого я сейчас встретила?» – «Как я так угадать могу?» – «Своего, – говорит, – собственного супруга. Иду по Арбату и вдруг остановилась, гляжу – Александр Васильевич стоит. Так постояли с минуту, друг на друга глядя, и ни слова не сказавши, разошлись».

Видно, долго она, голубушка, об этой встрече думала. Когда он умер, она по нем по монастырям сорокоусты³⁸ заказывала, а на похоронах не была. Потому срам один: жена настоящая и его полюбовница встретятся.

Любила Надежда Дмитриевна изречения там разные повторять. Книжечку такую всегда с собой носила и мысли разные в нее записывала. Всех все спрашивала, что, дескать, есть такое истина? А потом все ко всем приставала: «Скажите мне, пожалуйста, что такое можно, должно и нужно?» Цельный день, бывало, спрашивает. Кто ни придет, все с этим же. Одно и то же. Ну, Марья Дмитриевна на нее и цыкнула: «Брось, Надя, ерундой заниматься, перестань блажить». Перестала.

Забитая она была, Надежда-то Дмитриевна, сестре слова сказать не смей, за каждым рублем кланяйся, ничем распорядиться по своей воле не моги. Муж тоже уж очень обидел. Несчастливая весьма ваша прабабушка была, одно могу сказать. Скромно одевалась, шляпки те только черные и носила, хоть и не стара была.

Уж говорила я вам не раз – на все Надежда Дмитриевна из сестриних рук смотрела. В Киев все поехать на поклонение угодникам собиралась, да Бог не допустил, говорила. Просто у Марьи Дмитриевны денег просить не смела. Там их не разберешь, все Марья Дмитриевна.

Очень прабабушка ваша кошечек да собачек любила. Помню, у нас Дружок, ну, пес-дворняжка был, привязалась к нему Надежда Дмитриевна, из своих рук кормила, а зимой, чтоб не мерз, сама лично ему башмачки на веревочках из сукна сшила – лапки не обеледели бы. Надежду, горничную (рябая такая была девка, сама как солдат), гулять водить Дружка посылала. Извозчики над ней, над горничной, надсмешничают: «Терка, – кричат, – барина свово в обувке на цепочке водит». Та ругается, плюется и на Дружка же побоями все насмешки вымещает, как не видит никто.

* * *

Анне Александровне в той поре 17 стукнуло. Красавицей тоже не была; ваша бабушка, Лидия Александровна (ей 16 сравнялось) куда лучше черты имела. Только все же недурненькая и даже очень

Анна Александровна выглядела. Обе они с бабушкой вашей у Ладженской в пансионе разным наукам обучались. Потом бабушка ваша из ученья вышла, в консерваторию поступила. Играть на фортепьянах и петь училась (очень хорошо пела и играла чудесно), а Анна Александровна у Канель уроки брать продолжала. Это все немцы были, Анна Александровна и набралась от них модных суждений. Посты, мол, чепуха, все понимать, мол, не так, по-иному надобно, и чуть ли что Бога нет. В церкву ходить перестала. Ну, ее Марья Дмитровна мигом из пансиона возьми, коль хочешь, значит, учись дома, а не хочешь – особо ученой быть не к чему. На что девице наука? Баловство одно. Мужу угождать да детей родить учиться не надо. За хозяйством смотри, сварить да заготовить впрок сумей.

Ну, значит, взяла ее из пансиона ее мамаша крестная (всех их Марья Дмитровна крестила, где лучше ее мать крестную найти) – и вся тут. Помогло. Стала Божий храм посещать, дурь из головы кинула. Ваша-то родная бабушка с лендой была, к поздней обедне едва добудишься. Анна Александровна рано вставала и в церковь к средней обедне, часов в восемь, молиться ходила. Очень стала усердная до Бога. А вот, главное, почему. До того, как мне к им поступить, болела больно Анна Александровна. Не то горячка, не то воспаление в легких. При смерти была. Не чаяли, встанет [ли]. Пластом лежала. Напротив ихнего дома к купцам Иверскую Царицу Небесную принесли³⁹. Надежда Дмитровна со слезами кинулась, просит икону к больной дочери. Священники перешли дорогу, внесли образ к Анне Александровне, молебен заздравный отслужили и над ней, над болящей, Божью Матерь наклонили. Едва могла губами приложиться. С тех пор только лучше стало. Доктор Захарьин⁴⁰, знаменитый в Москве был, ее и лечил, сто рублей брал, на дом приезжал.

Только после, уж много лет спустя, стала Анна Александровна насчет Бога снова с пути сбиваться. Друзьями себя безбожными окружила, нигилистам потворствовала. Жаль больно, душой человек простой она и добрый.

Ваша же бабушка, наоборот, всю жизнь свою в Боге прожила. Да это тоже от того зависит, в какую семью попадешь. Уж такие, как ваши дедушка с бабушкой, богомольные – на редкость.

Племянниц Марья Дмитровна всегда одинаково одевала, чтоб обидно не было, хотя старшая-то, Анна Александровна, любимицей слыла. А у Надежды Дмитровны – ваша бабушка. Так с ней в одной комнате и спала. Анна Александровна со мной наверху, а Сонечка с мамашей крестной, с Марьей Дмитровной.

Значит, всегда одинаковые платья вашим бабушкам делали. Только Анна Александровна что поскромнее любила, а Лидия Александровна – попышней. Помню, шляпки им заказала Надежда

Дмитровна летние. Анна Александровна черную себе выбрала, соломленную. Листья кругом положены и пунцовые цветы. Очень к ней шла. А бабушка ваша светлую соломку с алыми маками. Тоже, ой как красиво! Хорошие модистки делали.

* * *

Марья Дмитровна вечера там, балы веселить племянниц давала. Дедушка ваш, Николай Алексеевич (мамашин отец), с братом родным Сергеем Алексеевичем приходили. Только я их не видала, по правде сказать, потому в праздники балы давались у нас, а меня еще накануне Марья Дмитровна к маменьке отпускала. Под праздник только велит мне Марья Дмитровна по бедным да по богадельням пирогов от их милости разнести, пуды кухарка ставила для всех. А летом тоже пудами для всех варенья наваривали. Кому с фунт баночку, кому с два или три, а то и больше, смотря по чину, по званию. Одним на сахаре, другим на патоке – попроще. Маменьке моей десятифунтовая банка полагалась. Паточного.

Ну, значит, веселились много на балах на этих. Бабушка ваша танцевала дивно, все на нее заглядывались, как изящна, грациозна была. Словно летала она.

Немцев много на вечерах бывало. Потому подруги с братьями из немецкого пансиона от Анны Александровны. У самой, у Надежды Дмитровны, друг закадычный была – Шамбо фамилию имела, Софьей Михайловной звали. Трех дочерей имела. Старшая-то к сорока годам только замуж вышла, одна – Маргаритой звали – красавица писаная, с ума спятила, а младшая, Александра Павловна, за доктором Бовэ⁴¹ замужем была. Он ее лечил да влюбился. А она в ту пору еще ученья не кончила. Ну, известно, уроки побоку и на шестнадцатом году обвенчались. Ему лет 28 было.

Марья Дмитровна Саше, Александре-то Павловне, тысячу рублей на приданое давала. Отец-то, сам Шамбо (из французов он), хоть и хорошее место имел, в приказчиках старших служил, а все-таки дочери растут, одень, обучи, да любил еще, греховодник, женский пол. Такая срамота, этим славился. Доктора-то Бовэ вскорости паралич тронул, долго мучился, пока Богу душу не отдал. Он из того столько лет жениться не хотел, лечился, думал, вылечится. Нет, где тут вылечишься? Тут, голубчик, раньше думать надо было. Она-то после смерти мужа еще за двоими была. Один министра сын, а последний муж – зубной врач. От Бовэ у нее сын пяти лет остался, в Лазаревском институте⁴² воспитывался, Мишенька. А она ничего, счастливо жила.

Софья Александровна ее подругою была. Только как Сашенька замуж вышла, бывать у нее не стала. А свадьбу они справляли – ни-

кого не звали. Прямо от венца домой к нему. Он с сестрой жил, с старой девицей. Сели молодые на диван, сестра чай разливает, буд-то и свадьбы не было. Чудак этот Бовэ был.

У Анны Александровны с Лидией Александровной одна закадычная подруженка была, Елена Васильевна Кеслер. Отец ее из дворян, управляющий сахарными заводами у Терещенки был. Богач. Вскороности просватали Елену Васильевну за Александра Фортунатовича Романадовского. Ваши на свадьбу собрались, бабушкам платья сшили одинаковые, светло-голубые, шерсть с шелком. Надежда Дмитровна вишневого бархатное одела, на Сонечке белое. Только уехали – глядим мы с Марьей Дмитровной – назад наши едут. Что за оказия? Оказывается, жених-то как к венцу ехать, с отца пять тысяч денег потребовал: «Не поеду, – говорит, – венчаться, пока всю сумму на стол не выложите».

А отец-то Елены Васильевны жениха вон прогнал: «Мне, – так и отвечал, – дочь моя дороже и за подлеца такого я ее выдавать не могу». Понятно, невеста в слезы. Позор, да и только. «Никто, – плачет, – теперь меня не возьмет». Опять-таки гостей полон дом, народущу, вот-вот в церковь ехать. Скандал великий. Разъезжаться стали гости по домам, невеста, дескать, внезапно заболела. Так и наши вернулись не солоно хлебавши.

Только вышла после девица Кеслер и счастлива много была замужем. За своего же вышла, за немца.

* * *

Тоже Марья Дмитровна на развлечения всякие вашим бабушкам и Настасию Александровичу денег не жалела. В театрах бывали, на балы ходили, летом Зоологический сад посещали. Помню, американка приезжала знаменитая, по канату ходить умела. Пол-Москвы сошлись эту самую Альфонсину Рост смотреть. Человек еще на воздушном шаре летал – тоже редкость. Тыщи народа все улицы да переулки у Пресни запрудили. На заборах, на крышах сидели, словно царь в Москву приехал. Я тоже в толпе была, видала, как американка по канату над прудом шла, большое расстояние. Ну, ваши бабушки, конечно, и поближе видели. Где мне с ними равняться? 30 копеек за вход в Зоологический сад стоило, откуда ж мне их взять? Я у вашей прабабушки 4 рубля получала на всем на готовом, а коль хотела, встану пораньше, да на сторону платье сошью, рубль с четвертаком платили. Большие в то время деньги были. Принесу матери, она ой как рада.

А Марья Дмитровна хорошую швейную машину имела. Они еще, машины, новостью тогда считались. «Перфект Германия» назывались.

В те времена одевались не то, как теперь в этаким безобразии ходят, чуть прикрытые. Думается мне, как это не стыдно, не зазорно на мужчину в нынешнем наряде глядеть? И вся-то она голая, все это везде видать, ну срамота, да и только. Когда я-то в ваших годах была, платья носили длинные, шерстяные там или шелковые, муслиновые⁴³, кто побогаче, летом, ну а в нашем звании все больше ситцевые. Ситцы тогда по восьми, по десяти копеек аршин стоили; уж по 15 самые ни на есть лучшие. Шерсть хорошая – 60 копеек платили. Аршинов 10–12 на платье шло, опять-таки подкладка – коленкор там какой. Лифа уж обязательно на подкладке носили, рукава по кисть, разве уж бальные делали короткие. Рук без причин не оголяли. Нижних юбок две полагалось: одна белая крахмальная, другая – у богатых – шелковая, чтоб, значит, шумела. У меня тоже шелковая была, в праздники носили, а так, в будни, простые. Панталоны длинные, конечно, не как теперь, безобразия, – до колен. И открытые. С завязками, в прошивках все, красивые. Чулки больше белые, нитяные, своей вязки. Моя тетка Фиозва Ивановна мастерица была узорчатые вязать. До сих пор у меня одна пара хранится. Ваши бабушки, конечно, для параду тонкие шелковые надевали – цветные. Башмаки у нас были плюнелевые⁴⁴ либо кожаные, на пуговицах. На балы, конечно, Анна Александровна с Лидией Александровной туфельки матерчатые – шелк аль бархат – в цвет платья надевали. Проще-то – козловые носили, на резинках. А мужчины всегда в высоких сапогах, шиблет тогда и в помине не было. Брюки навыпуск носили – кто повыше званием.

Ботики зимой надевали бархатные да кожаные, у кого суконные на меху. Резиновые в моду только входить начинали, дорогими считались. Галоши тоже больше из кожи носили, идешь по мостовой – гремишь. Шапочки чуть на макушке держались, барашковые и котиковые, а в сильные морозы сверху пуховой платочек одевали. Капоры носили, да это все старухи. Летние шляпки цветами убирали, лентами и непременно с завязочками. Соломка очень тогда нравилась, все носили.

Я, конечно, очень нарядами не занималась (где мне в моем положении модничать?), а все ж таки отставать не отставала. Нет-нет, а сошью себе по картинке. Молода была, 17 лет. Помню я, тогда только в моду тюрнюры⁴⁵ вошли. Сталь в материю вшивали, подушечки там ватные подкладывали – все для красоты. Садисься – тюрнюр подымается. Ничего, нам летом и жарко не было, потому – мода.

Ну, значит, вот я о чем вам рассказать хотела. Старшие сестры, Анна Александровна с Лидией Александровной да братец ихний Настасий Александрович куда там на увеселения соберутся, а Со-

нечка все одна дома сидит. Скучно ей. Марья Дмитриевна позовет меня, даст мне 60 копеек и с Сонечкой в манеж либо на ярмонку идти велит. Сонечке, как я к им жить перешла, годов семь было. Хорошенькая, беленькая вся, еще в пантолончиках из-под платья ходила. Беленькая была, шустренькая. Только с теперешними ребятами по сравнению – скромница девочка. Ежели чуть в чем провинится, Надежда Дмитриевна ее в наказание к дивану полотенцем привязывала – на часик, на другой.

Раз, помнится мне, провинилась наша Софья Александровна, чулок, что ли, вязать не хотела, и маменьке изволила надерзить. Осерчала Надежда Дмитриевна. Я как раз в комнату входила, а она мне и говорит: «Выдери, – говорит, – Соньку – слушаться не желает». (Сама-то Надежда Дмитриевна выдрать не могла, слаба на силу была.) Господи, как я могу на дите, передо мною ничем не виноватое, руку поднять! «Я, – говорю, – прямо-таки не в состоянии, Надежда Дмитриевна, увольте от такого дела, ради Бога!» И тут Марья Дмитриевна в спальню входит: «В чем дело, – спрашивает, – что за шум, а драки нет?» Рассказали ей. Пожурила Марья Дмитриевна Сонечку и к себе подойти приказала. Сама своей рукой ей наказание дала, несколько разов нахлопала. А то больше Егор Егорович, учитель чистописания ихний, Сонечку учил, по приказанию Надежды Дмитриевны. Но все ж таки хорошо училась Софья Александровна. За уроки прилежные ее мамаша родная с маменькой крестной повеселиться пускали.

Пойдем это мы в манеж (недалеко от нас, на Моховой, где и по-сейчас находится), 30 копеек билет стоило. А там диво-дивное. Весь зеленью, гирляндами прибран, цветов, цветов!.. В одном углу хор цыган, в другом венгерцы поют, пляска русская, песельники выступают, музыка. Слостями торгуют, напитками. Лотереи да затеи прочие во всех концах. Глаза разбегаются. Это, значит, на Святках, на Масляной и на Святой игрища разные устраивали.

* * *

Дала нам свое разрешение Марья Дмитриевна на богомолье в Угрешский монастырь⁴⁶ пойти. Бабушка ваша уж замужем была в то время почти с год. Собрались мы: я с Анной Александровной да Настасий Александрович с сыном экономки Прасковии Васильевны, Сережей. Филиппа Платоныча с нами отправили, чтобы вещи нес. Еды нам с собой надавали, словно не на два дня, а на два месяца. Колбас, котлет – это на богомолье-то! Смеху, веселья сколько было. Молодость, да что и говорить! Пешком шли, всю дорогу хохотали. В трактире богатом на полпути останавливались. Дорогонько с нас взяли, по 5 копеек с человека, чай мы там пили, закусывали.

На другой день к вечеру домой возвратились. А дома беда. Марья Дмитривна возьми да и заболей. Надежда-то Дмитривна без Анны Александровны да без меня как без рук. Опять-таки и мужчин нет, ни Настасия Александровича, ни Филиппа. Ну, слава Богу, все обошлось, полегчало ей, а то не дай Бог что быть могло.

* * *

Вот раз тоже какой случай был. Анна Александровна все к экзаменам готовилась, очень до ученья способная была. И все по ночам учится-то. Днем ей, правда, и некогда, за хозяйством смотрела, Сонечку наукам разным обучала, вышивала, шила. Куда съездить тоже надо. Стали это мы с ней полуночничать. Она за книгой, я за шитвом. (Уж за компанию с ней.) За обедом, бывало, то я, то она хлеба спрячем, чего удастся, из буфета возьмем. Кофейник был, старинный такой, с трубою: его наверх перенесли и, значит, часа в три ночи у нас пир горой. Чай поставим, закусуваем сидим. Ну, понятно, разговариваем, хохочем.

Михаил Дмитрич, брат Марьи Дмитривны, рядом с нами горницу имел, пронюхал он про наши затеи да доложил Марье Дмитривне. Та сначала Анну Александровну призвала: «Так, мол, и так, Миша жалуется, вы балуетесь с Наташей, спать ему не даете». Анна Александровна отнекиваться стали: «Что вы, крестная, как можно, это им, наверное, пригрезилось». Затем меня, рабу Божию: «Говори, – говорит, – смотри, правду, что вы там по ночам творите?» – «Ничего, – отвечаю, – не знаю, спим мы, и вся тут».

Поверила нам. Михаил Дмитриевичу еще за клевету досталось. Только мы с тех пор кофейник ставить не стали, чтоб грохоту не было.

* * *

Этот Михаил Дмитрич в те года уже старый был. С измалолетства горбатенький он. Злющий, ябедник, не тем помянут, прости Господи, покойник. При отце он в каретном заведении у себя кой над чем приглядывал, а потом дело всякое бросил, с Марьей Дмитривной жил. Также из ее рук смотрел, рублем давился.

Он из своей гореньки редко когда вниз сходил. Чай пил и обедал у себя. Вот на Масляной блины есть в самую кухню шел. Сядет к столу, да прямо со сковородки. Ест и кухарок ругает. Все всегда ругался. А женщин терпеть не мог, «поганью» да «дьяволом» называл. Верно, от своего уродства, что глядеть не хотели на него. Племянницы, бывало, чистые девушки, мимо пройдут, а он плеваться.

Богомолен был очень. У себя сидит – псалтырь да книги божественные читает. Церкви посещал, постился строго. Марья Дмитривна тоже все посты, и среды, и пятницы постное ела.

Говорила уж я вам, что Марья Дмитровна вдов и сирот призи-рала, помогала многим. Была тут вдова полковника (на турецкой войне он погиб⁴⁷), Анной Афанасьевной звали. Накрашенная, как кукла, вся ходила. Места живого на лице не было. Марья Дмитровна по слепоте своей этого всего не видала и знать не знала. А услышавши, что Анна Афанасьевна для бедных да на семьи войнов в церкви в кружку деньги собирает, разумилась очень и вдову «несчастную» к себе гостить на времена вечные пригласила. В такое доверие Анна Афанасьевна у Марьи Дмитровны вошла, что все прямо диву давались. Гардероб полный ей справила, одела, обула, денег на карманные расходы давала. А та рада стараться, кружится вокруг да около, ручки благодетельницыны целует.

Дальше – больше: поехали мы на дачу (в Петровский парк⁴⁸ ездили), дом на нее Марья Дмитровна оставила, а в доме-то один-разъедин Михал Дмитрич остался, окромя прислуги. Ну, принялась в Марь Димитриново отсутствие за нашего горбатенького госпожа полковница. Там купец, хоть и бритый купец, а все чуйка⁴⁹, а век в приживалках маяться тоже неохота. Пусть, мол, урод и пока от сестры в деньгах зависит, да не век ей, сестре-то его, жить, после ее смерти в силу войдет. Все это она прекрасно учла, передумала. Уж истина великая сказана, коль женщина захочет, все по ее будет. Бес – женщина, говорятся. А такая-то и подавно.

Значит, на даче воздухом дышат, а тут железо куется, пока горячо. То чайку ему в горницу принесет, вздохнет о доле своей вдовьей, о божественном слово кинет. Дальше – больше. Стали у них беседы длинные происходить. А там прихожу я раз к Надежде Дмитровне, а она мне и говорит: «Хотите, – говорит, – новость скажу? А у нас, – говорит, – в доме свадьба будет». – «Кто ж, – я это прямо так и удивилась, – Анна, мол, Александровна? Да как же я-то в одной комнате на сундуке с ней спавши, того не знаю?» А Надежда Дмитровна смеются: «Братец наш, Михал Дмитрич, женится». Тут смекнула я, в чем дело (слухи ходить об их стали), а молчу. А Надежда Дмитровна продолжают: «Сестрица, мол, Марья Дмитровна, больно сердиты».

Правда, Марья Дмитровна – гроза. «Не допущу, – кричит, – до сраму такого!» Побушевала, покричала, да Михал Дмитрич на своем уперси, делиться пригрозил, счастье его она-де разбивает.

Повенчали их. Где-то в полковой церкви венчали, при казармах. У себя в приходе разве можно? Сойдется народ глазеть, больно уж некрасиво – карлик этакий и фря наштукатуренная под венцом стоят. А небось все пошли бы смотреть купца Евдокимова свадьбу, не простой человек венчается.

Уж как они там жили-поживали, один Бог знает, каково ихнее счастье было. Только верный она расчет имела – после Марьи

Дмитровны много они получили: сколько там тыщ, да мебели, одежды всякой.

Анна Афанасьевна с Михал Дмитричем всего пять лет прожила. Как умер он, все ей осталось. Не мало всего. Тут уж точно все выгадано было.

* * *

Еще у Марьи Дмитровны сноха ее, брата старшего Николая Дмитровича вдова, Глафира Сергеевна проживала. Об этой худого слова сказать нельзя: тихая была, скромная. Еще когда старик Евдокимов жив был и все они вместе проживали, взяла Марья Дмитровна белошвейку в дом всех обшивать. Хороша собой была Глафира Сергеевна: черты лица тонкие имела, деликатные, а нос у нее особенно красив был, ну прямо точеный. После он ей, носик-то ее, тыщу рублей стоил. Ну, погодите, все по порядку расскажу.

Стал Николай Дмитриевич на белошвейку заглядываться (бабник был – ой-ой-ой какой). Дальше – больше, до того дело дошло, что жениться на ней вздумал. Уперся: влюбился, мол, и баста. (Упрямые они все, Евдокимовы-то, были.) Ну, значит, повенчались, зажили у Марьи Дмитровны под крылышком. Марья Дмитровна сноху полюбила за нрав за ее скромный, к себе приблизила, угождала ей всячески та, но подлизой не была, в достоинстве себя держала, хоть из низов вышла.

Заболел тут у Глафиры Сергеевны носик ее точеный. Туда-сюда, домашними средствами – ничего не помогает. Хуже и хуже. Стала по докторам ходить, лечиться, да тыщу с лишним и пролечила. Поправили ей дело, хоть того, точеного, уж, конечно, быть не могло, а все-таки полегчало немножечко.

Лет она с пять, больше ли вдовела, у нас жила, а тут решила Марья Дмитровна замуж ее выдать. Позвали сваху, найди, мол, жениха. Нашли хорошего, скромного паренька (хоть и немного ее моложе был), в приказчиках служил (раньше либо купец, либо приказчик). Иваном звали.

Выдали Глафиру Сергеевну, Марья Дмитровна ей приданое в тыщу рублей дала. К мужу переселилась. Хорошо жили, согласно. Уж больно ей, Глафире-то Сергеевне, свекровь добрая попалась, а это чуть ли [не] главнее всего. Она, свекровь ее, на семнадцатом году овдовела. Иванушка нескольких месяцев от отца остался. Сазоновы фамилия им была. Накрылась она низко платком черным, поскитски, скоромное в рот брать перестала и окромя церкви да Иванушки ни о чем думать не думала. Большая подвижница была, высокой жизни очень, а к Глафире Сергеевне как к дочери родной отнеслась.

Тетинька к ним захаживала, Катериной Степановной Ушаковой звали. А вот она им как родней приходилась, все я вам сейчас обстоятельно расскажу.

Дмитрий Григорьевич Евдокимов, бабушек ваших дед, женат был на Анне Александровне Ушаковой. У них, у Ушаковых-то, своя библиотека была напротив гостиницы «Вивьен», богатая библиотека⁵⁰. Про мать Дмитрия Григорьевича о ее доброте славушка ходила повсюду, ангелом для всех несчастных была. Они с капиталом большим были, Ушаковы-то. Анна Александровна, бабушка бабушек ваших, хороша собой была – брюнетка, полная, умная и добрая. Брат у нее был, Дмитрий Александрович Ушаков. Так вот Катериной-то Степановна его вдовой осталась. Только недолго в замужестве пребывала, ушла от него. Ну, да я все по порядку расскажу.

Катерина Степановна в простом звании родилась, да больно лицом вышла. Я-то ее уж старухой знала, а все видать: черты лица и тогда недурные имела. Одиннадцати лет ее, дитятей неразумной, за парня пятнадцатилетнего выдали. Она через три-четыре года и овдовела. А девятнадцати лет за вашего, не знаю как, прадедушку вышла. За красоту взял. Только не стала она с им жить. Как о нем, о покойнике, вспоминала, давай плеваться: «Коли знала бы да ведала, – говорит, – разве стала бы я себя поганить, этакую гадость выносить». Взяла да бросила мужа. Он вскорости и умер. Стала по монастырям разъезжать, в Аносиной пустыни⁵¹ часто гащивала, любила ее там и почитали.

Веселая была, стихов много божественных знала, псалмы пела, а самое главное – от сплетен далека была. Никогда ничего ни про кого. Потом, под старость, странствовать стала с котомочкой, пока ноги носили, по угодникам на поклонение ходила. К нам чуть не каждый день хаживала.

Марья Дмитровна очень ее любила, помогала ей деньгами, кое-чем, да не особо уважала за странности и хоть дяди родного женой приходилась законной, тетенькой ее не величала, а по имя-отчеству. И та, конечно, тоже: «Марья Дмитровна», ну а «ты» всем без исключения говорила.

Придет, бывало, к нам, все новости сообщит, о чудесах, о знаменьях расскажет, а затем и говорит Марье Дмитровне: «Ты, Марья Дмитровна, прикажи Анете в лавку съездить, на саван мне ситчику купить». Ладно. Поедет, купит Анна Александровна, сошьют ей саван, глядим, а дня через два уж является Катерина Степановна: «Угадай-кось, – говорит, – что на мне за платье новое?» Батюшки, из савана! Этак на саван и конца покупкам не было.

А то вдруг утром, часа в четыре, спят все, а она сядет за фортепьяно и давай петь. Поет и бренчит. Так играть, по-настоящему, не умела.

Когда в землю ворочуся,
Как суха была трава,
Ах, зачем я тороплюся,
Когда участь такова!

Это она стихом божественным называла. Что тут, по-моему, божественного есть?

Спала она в столовой на кушетке, ширму ей ставили. Утром встают все – нету Катерины Степановны. А она, батюшки ты мои, к бабушке вашей (Лидия Александровна в ту пору уж замужем была, в Мансуровском переулке проживала) квас пить ушла на зорьке. В пять часов всю прислугу там в доме подымет: «Неси квасу с погреба, больно квас хорош».

А то как живая она у меня в глазах стоит, ходит, руки за спину заложивши, по залу (зал в два света⁵² был, в 5 окон) и сама с собой разговоры ведет. Потешало это очень Марью Дмитровну, все, бывало, над ней подсмеивалась, как это та слова разные в одиночку бормочет, да козою по залу подпрыгивает.

Умерла она в тот год, как я замуж выходила.

* * *

Настасия Александровича я годов двенадцати-тринадцати застала⁵³. Баловной был, нечего греха таить. Понятно, мальчишка, да еще мамашин любимец. Марья Дмитровна тоже баловала, хоть и в строгости большой держала их всех.

Где только Настасий Александрович не учился: и в реальном, и у Фидлера⁵⁴, и в пансионах модных. Уходил отовсюду: не по нем порядку казались. Ну а потом все же выучился, ученый вышел, по-иностранному говорил, за границу ездил, на гору Бернар⁵⁵ даже взбирался. Их тогда трое храбрецов на высоте Монблана побывали. Писали про них в газетах. Очень мне интересно все это Настасий Александрович рассказывал. Только все и одно могу сказать: зря бабушек ваших братец жизнь свою провел. То революцией занимался, с разными студентами якшался, денег на них уйму перевел. Потом все дела разные. Его всякие мошенники там какие уговорят, а он, не спросясь броду, хлоп туда капитал. Ну и все, ясно, обманывали его. Доверчив был человек. А потом, как ни учен, ни умен, а дела вести сноровка да смекалка нужна купецкая.

Рудники купили, сто, что ли, тыщ дали, да лопнули они, рудники-то, так ни с чем Настасий Александрович с Надеждой Дмитровной и остались. Много перед смертью Надежда Дмитровна нужда-

лась, и стыдилась бедности своей, и ни от кого-то помощи не имела. Дочери мало заботились о ней, да не любили они как нужно, не почитали мать. Всю жизнь свою она, бедняжка, маялась, и умирала трудно. От рака внутреннего умерла в девятом году.

А Настасий Александрович совсем недавно помер, в 1927, кажется, шел по улице, зазевался, должно быть, наехал на него автомобиль и насмерть задавил. Уж судьба такая, значит.

Помню я, бывало, ленится в ученье Настасенька, узнает про то Марья Дмитривна, осерчает: «Веди, – скажет, – Наташа, меня к Настьке в комнату, надо, мол, Настаську отчитать, чтоб не блажил. Не щепки, а деньги плачены, – это ее всегдашняя поговорка была. – Ты меня, – говорит, – так посади, чтоб ему уйти нельзя было». – «Слушаюсь», – отвечаю.

Входим мы с Марьей Дмитривной. Настасий Александрович сидит за столом, уроки учит. Марья Дмитривна себя посадить велит. Сажаю я ее, значит, подле Настасия Александровича. Он-то у стенки своей тетенькой, мамашей крестной, и загорожен выходит. Выговаривать ему начинает Марья Дмитривна, а он тихонечко шмыг под стол (потому другого выхода нету) и был таков. Мне подмигивает, молчи, мол. Я и сама знаю, что будет, коли скажешь, какая гроза разразится. Сижу ни жива, ни мертва. А Марья Дмитривна все говорит и говорит... пустому месту. Мне-то и смешно, и боязно. А вдруг заметит? Баловной был Настасий Александрович.

* * *

Заневестились ваши бабушки – пора пришла их замуж выдавать. Стали к вашим бабушкам хорошие кавалеры приглядываться, свах подсылать (опять-таки дело через Марью Дмитровну шло, конечно). Две девицы сразу в пору взошли, обе образованные, воспитанные, лицом недурные и с приданным хорошим считались.

Высватали Анне Александровне молодого доктора, Цветкова Сергея Алексеевича, годов ему этак 25–26 было. Сказывали, собой не плох был и в лечении большой талант имел. Анна Александровна его раньше знала, у подруг на вечеринках познакомились, видно, нравились друг другу. Потому, когда акушерка Анна Тимофеевна вместо свахи пришла, Марья Дмитривна ласково ее приняла, пережить не стала: жених ученый, скромный, видать, далеко пойдет. Из семьи очень почтенной, люди небогатые, но уважаемые.

Сам-то отец Сергея Алексеевича, батюшка Алексей Дмитриевич, в духовном звании родился, в семинарии (бурса тогда называлась) обучался и, как сказывали, молодым без отца-матери остался. Роста он был высокого, худощавый, лицом приятный. Лишнего слова не промолвит. К тому времени, как я его знала, он у Иоанна

Предтечи, что в Староконюшенной⁵⁶, приход имел, священствовал. Мало того, своим же братом, духовенством, в духовники нашего сорука⁵⁷ выбран был. Из уважения к его праведной жизни такой чести удостоился. Давно еще служил он в дьяконах у Спаса на Песках (на Арбате, в Спасо-Песковском переулке), где дед бабушек ваших, Евдокимов, старостой церковным был. Марья-то Дмитровна рассказывала, что, бывало, пойдет на праздник причт спасо-песковский с молебном, а дед-то бабушкин, Дмитрий Григорьевич, дальше передней попов пускать не велит: грязь, мол, натопчут. Думалось ли, гадалось ли одному и другому, что в свойстве они будут?

Ну, значит, служил батюшка отец Алексей у Иоанна Предтечи и в домике тут же на церковном дворе проживал. Фасад на Староконюшенный выходил. Зала в три окна на улицу и еще четыре комнаты, крыльечко в три ступеньки каменные.

Помнится мне, когда тетенька мамыши вашей, Глафира Алексеевна, замуж вышла (а это лет 5–6 спустя было), села она в карету, квартал объехали и к церкви снова подкатили. Пешком невесте не из простого звания не полагалось.

Эта Глафира Алексеевна очень хороша собой была, и рукодельница, и хозяйка тоже замечательная, характера тихого и сурьезного. В труде да в страхе Божьем воспитана. За священника Лавровского, Василия Евгеньевича⁵⁸, выдали по сватовству. Она его совсем не знала, да партия считалась очень хорошая. Он академию окончил, священник был образованный, приход получил богатый, на каком-то кладбище, с угожьями, выгодный. Да, не тем помянут, и винцо, и картеж [любил]. Счастья она с ним не видела. Обидно ей, голубушке, было: из такой семьи да с таким человеком навеки связана.

Только овдовела она рано. Года, этак, думается, четыре, не больше, вместе прожили. (Шушукались тогда, будто он с ума сошел.) Сын в младенческом возрасте остался. При отце жила, замуж больше не выходила. Обожглась на молоке крепко, на холодную воду дула. В этом доме и жила, при церкви, с сынишкой, Сережинькой. Ну, их-то вы хорошо знали, чего о них говорить.

Ну, ладно, о Цветковых, значит. Дружно жили меж собой отец Алексей со своей матушкой Евфалией Васильевной. 12 человек детей у них родились, одни еще грудными помирали, другие взрослыми, и только трое отца с матерью пережили.

Сама Евфалия Васильевна около восьмидесяти лет преставилась, аккурат на другой день после Благовещения. Вдруг, этак в самый праздник, 25 марта, очень даже теплая, можно сказать, жаркая погода сразу настала, гроза прошла, сильно парило. От разрыва сердца умерла. Полна была последние годы покойница. В гробу лежала – ни единой сединки в черных волосах не было. Говорили, она

татарского происхождения, кто ж их знает. Сама-то она Кудрина, священникова дочь, в 1828 году родилась, рано замуж за вашего прадедушку вышла и всю-то жизнь хлопотала, стряпала, обшивала. Этакое семейство огромное.

Прадедушку вашего тоже все хвалили: строгой жизни был батюшка покойный, смиренный большой и молитвенник. Он все больше дома сидел, не любил даже когда гости приходили, скромный даже очень человек, во всех отношениях совестливый.

Беда большая стряслась у Цветковых. Да не одна беда, а целых две. Отворились ей ворота, беде-то, по русской пословице. Умерла у них на самой на Масленице дочь взрослая, Александрой звали, красавица, говорят, была писаная (я-то ее не знала). Заболела тифом и в два дня скончалась. Легко ли вырастить, взлелеять дочку до двадцати годов, да могиле сырой отдать?

Года за два до того старшую, Лизавету, похоронили. Та, словно, мне помнится, в погреб упала да кости себе все переломила.

А уж самое-то страшное, самое, черное – Сергей Алексеевич, кормилец их, гордость да надежда родителей, в больнице от болезного дифтеритом заразился, в несколько дней помер. На второй неделе поста, ден через пятнадцать после сестры.

Матери, конечно, какой палец ни отрежь, все одна боль, только, скажу я, все же они какие крепкие, ни слезинки не проронили. Батюшка-то, отец Алексей, согнулся, осунулся весь, и всем, кто с утешением ни приходил к ним, всем повторял: «Господь дал, Господь и взял, Его святая воля». Приняли горе по-настоящему, по-христианскому, со смирением великим. Только все ж таки, видать, очень страдали. Как же, двух детей в две недели схоронить, и уже не малых, а на ноги вставших.

Анна Александровна много плакала, весть о смерти жениха получивши. Ушло, значит, счастье. Конечно, жених не муж, другие найдутся, любить будут, а все ж таки... Да оно и понятно, горе жизнь ее позатмило. На похороны с ей пошли. Марья Дмитровна сначала пускать не хотела: зараза, мол, то да се. Ну, Анна Александровна тоже тут свой характер показала. «Все равно, – говорит, – пойду». Видит Марья Дмитровна, ничего не сделаешь – отпустила. Только после похорон домой ночевать приходиться не велела, да переодеться во все чистое – не заразиться бы.

Тут-то я Сергея Алексеевича впервые и увидела, мертвого, потому как на праздниках он у Марьи Дмитровны бывал, а я к маменьке своей уходила. Так его ни разу видеть не пришлось.

Проводили мы его, бедного, на Ваганьковское кладбище. Анна Александровна спать к акушерке Анне Тимофеевне пошла, а я к себе домой, к матери.

С год прошел, с лишним. Справили годовщину по Сергею Алексеевичу, забываться потихоньку горе временем стало.

Пришла к Марье Дмитровне прабабушка ваша, Евфалия Васильевна, да и говорит: «Поступим, – говорит, – по примеру императорской фамилии⁵⁹. Сыну моему Николаю Алексеевичу двадцать третий год пошел, бульгахтером он в банке в государственном служит, у начальства на хорошем счету. Его, мол, вы знаете, что собой представляет, мне хвалить, значит, не с руки, потому сын. Сватайте за него Анну Александровну».

Марья Дмитровна свое согласие дала (очень ей все семейство Цветковых нравилось), только, говорит, поговорю я с Анетой. Ну, Анна Александровна ничего слышать не хотят. «Не пойду, – говорит, – замуж, а если и пойду, разве за доктора, а сейчас, – отвечает, – оставьте меня, я думать о замужестве не могу».

Марья Дмитровна и уговаривать не стала – что ж поделаешь, значит, еще покойника не забыла. Решила тут Лидию Александровну за Николая Алексеевича сватать. Бабушке вашей Николай Алексеевич давно нравился, говорить о том, конечно, не говорила, – в прежнее время разве о таких вещах могла девица говорить? Девушка должна стыдливой быть и на родительскую волю во всем полагаться. Да и как мог такой, как ваш дедушка, не нравиться? Красавец собой был, а уж умен, скромн, что красная девица. И по службе повышения получал.

Ваш-то дедушка, Царство ему Небесное, тоже на медные гроши учен был. Школу кончил – Заиконоспасское училище⁶⁰, стал экзамен в семинарию держать, да по математике-то и провалился. Вся семья в горе была – как без образования пробьешься? Тут на дворе у них, на церковном, старуха Булгакова жила, очень батюшку, отца Алексея, почитала, а с матушкой, Евфалией Васильевной, в большой пребывала дружбе. Она-то в вашем дедушке участие приняла, через знакомого его в банк государственный в мальчики определила. Там дедушка ваш очень похвалился – потому услужлив, расторопен был, всякому угодить сумел. Стал к делу присматриваться, интересоваться всем. Видят – паренек со смекалкой, желание большое имеет ко всякому знанию – ну, показывать стали. Дальше – больше: видят, из Николая Алексеевича толк получиться может, посадили счета там какие вести. Все это он прекрасно умеет, только похвалы начальства и слышит. До старших бульгахтеров дослужился, как к бабушке вашей свататься начал. Семьсот рублей в год получал.

Бабушка ваша не могла Николаю Алексеевичу не понравиться. Потому девица была образованная, ученая, воспитания тонкого была,

да и собой весьма недурна. Одевалась красиво, по-модному. Ну, конечно, и приданое немалое давали. Разве бы когда Николаю Алексеевичу найти такую невесту? Ваша бабушка и пела прекрасно, на фортепьянах играла и стихи писать умела. Уж о танцах, да об языках иностранных мне и говорить не приходится. Все знала великолепно. Николай Алексеевич все это очень ценил, понимал. Обожал всю жизнь свою жену, ну прямо это по-настоящему на руках носил.

* * *

Сговор, благословение летом как-то, до ли Петровок⁶¹, после ли через несколько дней было. Наши на даче жили, в Петровском парке, окроя Марья Дмитриовны. Не любила она дач.

Мне Надежда Дмитриовна велела у Сорина, в кондитерской, хлеб на благословение взять (еще накануне заказали), да с этим хлебом на дачу притти к четырем часам. Дали мне в провожатые Анны Прохоровны сына, Андрюшу. А Анна-то Прохоровна Кораблева дальней родственницей вашим приходилась, на Долгоруковской с сыном жила, да все больше у нас пребывала. Без Анны Прохоровны Марья Дмитриовна куска сахара расколоть не могла. Ничего без нее не обходилось, ни одни именины, ни одно событие, все тут как тут со своим Андрюшенькой.

Беспутный парень Андрей был. Без ученья да без дела болтался, ахала все на него мамаша-то. Все ж повезло человеку, на купчихе богатой, на вдове женился. Пятьдесят тыщ за ней взял. Старше его лет на двадцать была, любила его, старая дура. Живо они вдвоем все ее состояние спустили, в карты игравши. Он после в Кредитном обществе служил, много получал.

Значит, зашли мы на Арбат, к Сорину, а хлеб-то только из печи вынули, опоздали маненько. Сдобный – страсть, пышный, мягкий, 50 копеек серебром на заказ плачено. «Обождите, – нам говорят, – поостынуть дайте, потому опасно несть, как бы, дескать, не сел». А нам где ждать? Время два часа, а в четыре благословение назначено, от нас же до Петровского парка, до дачи уж не менее двух часов пройдешь, да там домой мне спешить, к Марье Дмитриовне воротаться. Ничего не придумаешь. Завернули мы этот хлеб, понесла я его остороженько. День жаркий был, пылища. Идем с Андрюшей, разговариваем. Вздумалось ему (пить, что ли, захотел?) фунт красной смородины купить. Три копейки фунт стоил. Идет и ест. «Хотите?» – меня спрашивает. И не успела я рта открыть, слова молвить, попутал его лукавый, смородину-то мне на хлеб-то и кинуть. Хлеб возьми да и сядь.

Что делать будешь? Я его, Андрюшу-то, и так, и сяк, чего, мол, разбойник, наделал? «Я, – отвечает, – не знал». – «А я, – говорю, –

как теперь Надежде Дмитровне на глаза покажусь?» Всю дорогу шли – ахали, а дорога немалая – из конца в конец. Конки тогда только в моду входили⁶², да не туда ехали, куда нам надобно. По Тверской, в другом направлении.

Ну вот, приходим на дачу, показываю я Надежде Дмитровне: «Так, мол, и так, от сотрясения, мол, что сделалось». Уж про Андриюшу молчу, жалко стало малого.

Расстроилась моя Надежда Дмитровна: «Как же теперь быть? – говорит. – Ведь уже гости собираются?» Мигом собралась со мной, на извозчика села, к Севостьянову⁶³ поехала. Хлеб купили еще больше, вон какой огромный. Может, не так сдобен был, но хорош, прямо прекрасный даже. Тоже пятьдесят копеек стоил.

Она, значит, на благословение спешит, а я скорей домой, к Марье Дмитровне. Ну-кось, пока меня нету, зарежут ее или все из дома унесут? Все ж таки свой глаз. Хоть и с горничной оставалась, а не то что я, не так доглядит.

С хлебом, после Надежда Дмитровна сказывала, все благополучно обошлось – никто и не заметил. А бабушке вашей даже ничего просто не говорили, может, примета какая, подумает, нехорошая.

Приданое Лидии Александровне хорошее дали: сто тыщ деньгами, шубы две, ретонду⁶⁴ соболью, бархатом крытую, мебели, серебра, сундуки с бельем, перины-подушки – как полагается, и восемь платьев шелковых сшили, кроме венчалного. К благословию ей поплиновое⁶⁵ серенькое делали с отделкой пестренькой, персидский рисунок называлось. Затем розовое платье – муар с кружевной отделкой, лиф мысыком кончался, с косточками. Сливное такое, «прюнь»⁶⁶, чуть в моду тогда цвет входил, и вишневое, красивое, из сюрты⁶⁷. Шли к ней очень. Вишневое-то в рукавах все в полосках наложенных было – лучший фасон. Четыре платья Бланш Ревью шила, а другие, попроще, портниха с нашего двора, но тоже была хорошая портниха, дорого по-тогдашнему брала.

* * *

Свадьбу вашей бабушки в августе сыграли, 31 августа. Спешили, чтоб не в сентябре, не то всю жизнь будет сентябрем смотреть. Уж любила она Николая Алексеевича, слов нет, а как ее мамаша родная с маменькой крестной Марьей Дмитровной благословлять стали, на пол упала и прямо закричала. Ну, ясно, от матери родной да к мужу переходит. Мужья-то сегодня любят, а завтра нет, не то что мать. Да и полагалось так, плакать-то перед венцом. Другие ох как убиваются, причитают.

У Иоанна Предтечи их венчали. Шикарная свадьба была. В церкву по билетам пускали. Шаферами свои, банковские, были, то-

варищи: Докучаев⁶⁸, Шубин, Шилов – кандидат прав. Сам директор Палкин⁶⁹ на свадьбу приехать соизволил.

Настасий Александрович образ нес. Сюртучок ему сшили с закругленными полами, как у взрослого (ему в ту пору 14–15, верно, сравнялось), а Сонечке белое платье новое.

После обед свадебный у купца Щипачева подавали. Старостой он был у батюшки Алексея Дмитрича, почитал его сильно и вот хотел молодых уважить. Помещение – дворец. Богач страсть какой. Ему такой обед ни во что не стоил.

Только пошла я после церкви на обед в Щипачевым, меня лакей не пропускает. А со мной купчиха Галкина, Александра Ивановна, та даже в свойстве с вашими была. Я-то прилично одета – как же, разве оденешься плохо на свадьбу, а та прямо-таки роскошно, вся в шелках-кружевах. «Мы, – говорим, – знакомые ихние», – а он, болван, лакей-то, все свое твердит: «Не велено никого пропускать». Сам Щипачев на шум вышел. «Что ж, мол, раньше не шли?» – к нам обращается. – «Как, – говорим, – не шли, за всеми и мы пришли». – «Не могу, так прямо и не могу».

Ваша бабушка к нам вышла. «Я-де, очень их хорошо знаю, она-де мои очень хорошие знакомые, а это (на Александру Ивановну показывает) даже дальней родственницей приходится».

Да они, Галкины-то, с Щипачевыми меж собою домами знакомство давно вели. Жених сам вышел, начал вместе с невестою Щипачева упрасивать, нет, уперся купчина – ни взад, ни вперед. Никак не уломаешь.

Что ж делать? Назад мы с Александрой Ивановной поворотили. У Марьи Дмитриовны чай сервирован был, закуски. (Марья-то Дмитриовна по слепоте своей нигде не бывала и на свадьбе не пировала.) Выпили чаю, посидели, поговорили. Анна Александровна очень этим всем возмущалась. «Устроили бы, – говорит, – у себя, хоть и поскромнее, зато бы перед всяким, – говорит, – хамам не унижались бы». Да так отец Алексей, батюшка, хотел, у своего у старосты, может, обидеть боялся, от такой милости отказавшись.

* * *

Первая квартира у молодых на церковном дворе у Иоанна Предтечи была, в Шанкаревом доме жили. От своих тут же два шага, от Цветковых, и от нас недалече, пешком дойдешь.

Вскоре ваша бабушка тяжела первеньким сделалась. От нас, от меня да от Анны Александровны, скрывали это, неприлично сие девушкам знать, да шила в мешке не утаишь, дело тоже известное.

Зиму эту, на Рождество в 1880 году, спектакль играли у Евдокимовых, «Женитьбу» Гоголя ставили. Николай Алексеевич Подко-

лесина играл, Лидия Александровна – сваху, Анна Александровна – Аграфену Тихоновну, Глафира Алексеевна, сестра Николая Алексеевича, той лет 18 тогда было, – тётку, Настасий Александрович – Яичницу, а Сонечка – Дуняшку. И Вася, второй брат Николая Алексеевича, годов шестнадцати мальчишечка (в гимназии еще учился), тот кого-то из женихов изображал.

Этот самый Вася, года через два кишечной болезнью заболев, в неделю Богу душу отдал. Способный был очень, хороший очень, да и лицом приятный. Значит, судьба. Лег это Подколесин на диван думу думать, а Дружок-то через всю сцену за ним на диван летит. Очень любил Николая Алексеевича. Что смеху было! Веселились тогда много. Молодежь все, каждый пустяк радуется.

На елку ездили все, в государственном банке для детей служащих устраивали. Высоченная елка, вся в игрушках, украшениях. Николай Алексеевич Сонечку нашу с собой взял да братишку своего младшего – Митю. Уж хорошенький был Дмитрий Алексеевич, полненький, белый, румяный, глазки как угольки, живой весь, веселый – словно цыганенок. Прямо картинка. В голубой рубашечке ходил. Он чуть нашей Сонечки помоложе был.

Стали это они, значит, ходить вокруг елки, украшения рассматривать. Сонечке не то ангел сусальный, не то корзиночка какая понравилась очень. Ну, Митенька, кавалер любезный, недолго думая сказавши ей: «Достану, мол», на руки поплевал, да на елку карабкаться начал. Брата старшего, Николая Алексеевича, в смущение большое ввел.

* * *

Первого апреля⁷⁰ Марии Египетской бывает (Машки-вруньи именинницы зовутся), в этот день глупый обычай есть: других обманывать. Первого апреля Марья Дмитриовны день ангела бывал. Пирогов, пирогов напекут, угощенье всяких, и все постное. Потому редко когда не великим постом этот день приходится. Народищу придет поздравлять – пропастища. Ясно, не маленький человек Марья Дмитриовна.

Сидят это за столом, чай с пирогами пьют, вдруг лакей, Филипп Платоныч, Марье Дмитриовне телеграмму подает. Взяла у него из рук не то Надежда Дмитриовна, не то Анна Александровна, прочла вслух и обомлели все. В телеграмме-то сказано: «Лидия внезапно скончалась».

А бабушка ваша в то время Сергеем Николаевичем беременна была. Напугались все, кто слова вымолвить не в силах, а кто в слезы ударился. Батюшка, Алексей Дмитриевич, первый в себя пришел, схватил шапку, да бегом к молодым помчался. Только из ворот, а

ему навстречу Николай Алексеевич с Лидией Александровной на извозчике едут. Что радости было, что слез!

Это, значит, нашлись умные люди, поздравить именинницу с первым апреля решили, подшутили так, что чуть до настоящей смерти всех не довели. Марья Дмитровна тут на одних купцов думала, в ссоре с ими была. Вот какие шутки бывали.

* * *

Летом, как сейчас я помню, июля 23-го в 1881 году, варили мы варенье с Анной Александровной. Уж я вам говорила, Марья Дмитровна страсть сколько всегда варенья наваривать велела, всем да каждому. Понятно, себе-то на чистом сахаре из ягод отборных Анна Александровна собственноручно варила, а похуже ежели – экономка.

Экономок этих у нас множество перебывало. Менялись часто, чуть что на Марь Дмитринын характер обида – и раз-два, хвостом вильнула и за дверь. Одну, помню, Лидией Николаевной звали. Чудачка была страшная. Тогда тюрнюры модные носили, наденет она этот модный тюрнюр, а юбку на манер нынешнего коротко подберет. Безобразие, срамота, да и только, ноги видны. Марье Димитриевне доложили, та ей, значит, выговор. Да не видит она, Марья-то Димитриевна, пошумела, и все. А экономка так в своем наряде и ходит. А прическу нарочно разлохматит и все с улыбочкой да с ужимочками. Рукой махнули, не все у нее, дескать, в голове в порядке. А дело свое так знала. По смоквам мастерица была да яблочную пастилу⁷¹, Марь Дмитрину любимую, знаменито готовила.

Уж раз о вареньи заговорили, не могу я вам одного случая про себя не рассказать. Варю я раз черносмородиновое, на тагане⁷² (тогда где-то плита была, редкостью считалась, а в русской печи варить варенье не годится), ложечкой помешиваю. Не по-теперешнему раньше варили, воды малость подливали, для соку. Вошла кухарка Анисья, молодая, из деревни только бабенка, стала про свою родину рассказывать, заслушалась я, виновата, разбойница, глянула, а варенье-то мое уж коричневой пленкой поднялось. Что делать? «Давай воды!» – Анисье кричу. Налили воды. Только, видать, все одно никуда, испортили. А его фунтов 20, на сахаре.

Пошла я к Марье Димитровне. «Так, – говорю, – и так, пригорело, мол, у меня варенье». – «Ты, – отвечает она мне, – остороженько сверху сыми, да отнюдь воды не лей». – «Я, – говорю, – Марья Дмитровна, каюсь, воды-то уже налила». Ну и ничего Марья Дмитровна. Слова мне не сказала, со всяким случиться такая беда может, не нарочно ведь, да молода еще. А ежели бы скрыла – беда, грозы бы не миновать.

Ну вот, варим мы варенье с Анной Александровной. День жаркий был, духота неопиcуемая. Видим, вдруг Надежда Димитровна (а она к Лидии Александровне ходила) чуть ли не бегом мимо нас проходит, шляпка на боку, такая вся взволнованная сама, в растрепанных чувствах, видно. Лицо у нее все красными пятнами. Прямо к Марье Димитровне.

Испугались мы с Анной Александровной, что же это случилось, думаем. Тут, спешно тоже, горничная Надежда-рябая в кухню прошла, самовар ставить, белье стирать тащит. Что за оказия такая? Анна Александровна узнать пошла, да разве скажут, не все девушкам и знать можно. А экономка-то нам и шепчет: «Лидия, мол, Александровна сына только что родила, легко очень разрешилась от бремени. Надежда-то горничная новорожденному белье выстирать спешит, потому не приготовили ничего, не думали, что так скоро».

Ну, значит, Надежда Димитровна к бабушке вашей назад, в Мансуровский переулок побежала (квартиру сымали они в доме Алябинского, из Старокогношленного съехали уже), а мы тут новостью занялись, новость-то важная. Уж Марья-то Димитровна от счастья всем подарков надарила – внучку больно радовалась. Сергеем назвали, в честь дяди, значит, родного.

Уж Лидия Александровна души не чаяла в Сереженьке, обшивала его собственноручно, наглядеться не могла. Анна Александровна крестила вместе с дедом, с Алексеем Димитриевичем, тоже любила племянника без памяти.

Как вышло Лидии Александровне шесть недель, пошла она молитву брать, а из церкви к нам (в наше время женщина родившая до шести недель из дому не показывалась, неприлично считалось и гостей у себя принимать).

Сергея Николаевича распеленали, раздели всего, на подушку на большую положили да поднесли к Марье Димитровне. Она-то его на колени взяла, всего-то щупала, целинький-ли-де, Сереженька, знакомилась с внучком, значит. А чуть подрос, годочка ему два-три было, все приходил мне шить мешать. Шью я на машине, а он подойдет и давай колесо крутить, играть, выходит дело. А хорошенький был мальчишечка, беленький, глазенки шустренькие.

Пошла раз Лидия Александровна от нас, гулять его повела на Спасопесковскую площадку. Идет, Сереженька за ручку с нею, и вдруг папашу своего повстречала. Стоит Александр Васильевич, во все глаза глядит, бледный весь, трясется: «Господи, – говорит, – как время-то бежит, уж у Лидии сын», – и слезы у него самого на глазах. Как же, внука родного впервые увидел. Ведь он, Трубников, с детьми своими не видался никогда. Правда, Анастасий Александрович к нему украдкой ходил (мальчишка, известное дело, мальчишке сво-

бода дана), а дочери ни-ни: Марья Дмитриовна упаси Бог узнает, и даже в мыслях чтоб не было. Анна-то Александровна после (особенно как замуж вышла) очень даже часто отца навещала и с его со всем семейством с незаконным в дружбе большой была. А тогда не смей.

* * *

Решила меня Марья Дмитриовна замуж выдать. И пора была. 23-й год мне пошел. По пословице говорится: «Девка в поре – не держи во дворе». И хоть я (хвалиться, конечно, не хочу) девушка была скромная, богобоязливая, такого-этакого и в уме не держала, а все же таки всему свое время подойдет.

Я в ту пору здоровая была, румянец во всю щеку, а косы если и не очень длинные имела, то зато вьющиеся. Бывало, все, и бабушка ваша, завидуют: «Смотрите, вон, дескать, счастливица, ей и завидаться не надобно». Тоже и в теле я была достаточная – словом, невеста готовая.

Марья Дмитриовна маменьку мою позвала и, между собой поговорив, решили они меня сватать. Стали мне жениха искать. Анна Тимофеевна тоже вызвалась в этом деле помочь, а рука у нее на этот счет легкая была, многим хорошие партии высватывала. Она-то и бабушке вашей свадьбу устроила.

Во дворе у нас одна барыня жила. Тоже решила меня непременно замуж выдать. Послала раз меня к ней (уж не помню зачем) Надежда Дмитриовна. Прихожу, а мне обождать велят. Жду. Гляжу, тут же какая-то женщина да паренек молоденький сидят. Женщина со мной в разговор вступает. Ну, ответила я там, что надо, а тут хозяйка-то меня и позови: «Как, – спрашивает, – пондравился вам?» – «Кто?» – я так и удивилась. «Да жених». – «Какой такой жених?» Оказывается, она мне паренька этого в мужья прочила, да смотрины вздумала в прихожей устроить. «Поди, – говорит, – с ним поговори, может, пондравится?» – «Нет, – отвечаю, – некогда мне, Надежда меня Димитровна ждет». А у них с Надеждой-то Димитровной все, верно, раньше переговорено было насчет жениха, как подстроить.

Потом, значит, устроили раз смотрины у маменьки у моей. Жених пришел со свахой, да с матерью с родной. Худенький, лицо ребячье, 19 лет ему, как есть сосунок. Он уж сейчас, мол, в машинистах служит, хорошо получает, жить будешь богато. А Данилушка (Данилой его звать было) сидит, словно в рот воды набрал. Смирный такой, да уж очень молод. «Не пойду, – говорю я маменьке, – за того, куда ж, стара я ему». Так и расстроилось.

Многих мне сватали, да, видать, не судьба; сказано: «Суженого конем не объедешь». Все та же Анна Тимофеевна мне моего Алексея

Филипповича и нашла. Ничего, пондравился он мне. С собой видный мужчина, с черной бородой, положенье тоже есть, подрядчик он, получает жалованья не мало, только вот беда – лет на двадцать с лишним меня старше. Вдовый. Дочь у него восемнадцати годов, Катя.

Прихожу я к Марье Дмитровне и все-то ей рассказываю: сватается за меня старый, по фамилии Бычков. «Смотри, – говорит, – Наташа, быть бычку на веревочке». Смеется. И правда, от судьбы не уйдешь. Вскорости благословили нас, а затем перевенчали у Спаса на Песках, на самой Фоминой неделе⁷³. Батюшка, отец Сергей Успенский, что умер третьего дня, тогда только рукоположен был, нас венчал. На мне платье красивое, светло-шоколадное было, шелковое. Тогда только очень знатные и богатые в белом платье венчались.

Марья Дмитровна мне на приданое 200 рублей дала. Большие деньги в те времена. Маменька меня благословляла, а в посажёных отцах кондитер Иванов, Николай Иванович, был. Плакать – как не плакала. Потому свободе девичьей конец – мужнина жена. Я, конечно, уж в летах была, понимала, что нужно, необходимо, а все боязно было, конечно. Мне маменька-покойница рассказывала, одну там девушку выдавали, а она ревмя ревет, да матери своей и говорит: «Не пойду, мол, за него, он страшный. Страшно замуж идти». А мать-то ей и отвечает: «Как же я-то за твоего отца шла?» – «То, – говорит, – другое дело, ты-то за родного тятеньку, а я за чужого мужика».

Я, конечно, глупостей таких говорить не говорила, а слезу не одну пролила. Дочка мужнина на свадьбе была. Мамашей меня называть стала. Чудно мне спервоначалу, потом привыкла. Пять лет разницы всего между нами было, ну а все ж как полагается по закону.

* * *

С полгода я с мужем прожила, и получил он место в Смоленской губернии. Кинул меня он соломенной вдовой на три месяца и уехал сам. А Великим постом я к нему ехать собралась. Уж боялась я одной такую даль ехать, один Бог знает. Ведь легко ли сказать, окромя Сергия-Троицы, куда раз всего езжала, нигде не была. А тут муж еще письмо написал, того, мол, сего захвати, да капусты привези кислой, что сама квасила, там-де капуста не хороша.

Усадила маменька меня в третий класс, расцеловались мы с ней, перекрестила она меня, всплакнули обе. Тронулись в путь. Гляжу я кругом – на лавках-то купцы богатые, в сукно тонкое дорогое одеты, сидят, а рядом со мной двое военных, важные господа такие, в бобрах. Я это в окошечко поглядываю, а внутри себя сиротой чувствую. А ну как крушение, что тогда? Молода была, с непривычки и

боялась, а потом всю Россию объездила, где только не побывала, привыкла, хоть какая даль – все нипочем.

Ну, значит, едем. Вдруг сосед-то мой в бобрах как вскочит: «Что за безобразие? – кричит. – Здесь вон сверху капает! Чьи это вещи?»

Я ни жива, ни мертва сделалась. Моя корзина на верхнюю полку поставлена была, капуста-то от сотрясения и давай течь. Пришлось сознаться. А бобры из себя выходят, бранится, слюной брызжет. Батюшки, думаю, а как он меня высадить велит, потому птица он, видать, важная. А я ихнюю шинель шикарную капустным рассолом измарала по нечаянности. Отыскала я проводника, так, мол, и так, я их благородию одежду испортила, на, мол, тебе рупь (а рупь немало в наше время значил), уважь, приberi. Он, проводник-то, вытер все, в надлежащий вид привел, а я сию да чувствую – вот-вот заплачу. Напугалась, расстроилась очень. И разревелась вконец. Купцы, что напротив сидели, давай сочувствие высказывать, расспрашивать, отчего, мол, плачете? А мне стыдно сказать, что капуста всему причиной, я и соврала: «Очень, – говорю, – тяжело с маменькой расставаться». – «Конечно, – говорят, – понимаем, нелегко. А к кому вы едете?» – «К мужу я еду». – Они как захохотут: «Давно с мужем-то расстались?» – «Да три месяца», – отвечаю. Они давай надо мною смеяться. И я развеселилась.

Благополучно доехала. Муж меня на станции встретил, а там 30 верст на лошади. Тут я в первый раз в жизни русскую деревню увидела.

* * *

Не пондравилось мне сначала на чужой стороне. Скучала шибок по Москве и по маменьке.

Муж мой дровяным делом ведал, все дрова, что на Москву грузили-заготовляли, в его руках были. И я, на него глядя, присматривалась, да четверик от пятерика⁷⁴ отличить могла. В наше время дрова заготовленные, распиленные да разрубленные да года-то два выдержанные (не то что мокрота нынешняя, саженная) в города готовые, хоть в печь клади, отправляли. А лесов, лесов в округности было! Свели их всех уж давно, красоту этакую.

Смешной такой обычай в нашей местности был. Девки в праздник ли, на гулянку в косы да в платок на лоб зеркальце маленькое себе вставляли, пришивали, что ли, вплетали, может. И одна у другой смотрится и радуется, как, мол, я хороша.

А потом еще такое дело было: девки все в красном ходили, в кумаче да в ситце, бабы синий и голубой носили, а старухи – розовый. Я, помнится мне, дочке хозяйской ситчику розовенького в крапинку да в цветочки белые в подарок на платье привезла. Не стала

носить девка. Бабушке отдали. Так старуха в моем ситчике и щеголяла. Как супротив обычая пойдешь? Засмеют.

* * *

Хорошо я жила с мужем. Муж не пил, не гуляка какой, мужчина скромный и дельный. Дай Господь каждому такого мужа, как он, мой голубчик был. Одно только горе у нас – Бог детей не посылает. Уж я и обещанье к угодникам съездить давала, и молилась, и средства всякие пробовала. В Москву поехала, у докторов бывала, изгиб матки у меня нашли, операцию предлагали. Я бы уж готова была под нож лечь, да они так сказали, будут ли еще после операции дети – неизвестно. Много я через это плакала.

Когда я Москве побывала, к вашим, конечно, съездила, они на даче тогда все жили, а Лидия Александровна с семейством тут же, дома четыре от них. Ваша бабушка последние дни ходила, мамашу вашу ждала. Акушерка при ней и жила. Тоже легко, как и первенского, родила Лидия Александровна дочку 2-го июля, в Соломенной сторожке⁷⁵. [Марией]⁷⁶ назвали, в честь Божьей матери и в честь Марьи [Дмитровны. Крестными Марья Дмитро]вна с прадедушкой вашим, Алексеем Димитри[чем были. Марья Ни]колаевна была темненькая, вся в [отца. Любил ее] Николай Алексеевич. Говорят, коль дочка на отца похожа – счастливая дочь.

Затем я вашу мамашу годовалой помню. Сидели мы у Марьи Дмитровны все, а она, Марья Николаевна-то, по полу бегала, да вдруг как упадет. А Марья Дмитровна нам и говорит: «Тише, – говорит, – не надо, мол, замечать, она и не заплачет». И правда, постояла, постояла, собралась заплакать, да видит, все молчим, никакого, значит, внимания, ну и не заплакала.

В этот же год умерла Марья Дмитровна. Поехала на дачу (а дач терпеть не могла), заболела воспалением в легких, да Богу душу отдала. Много после нее всякого добра осталось и капитал немалый. Разделили Надежде Димитровне, Михаилу Димитричу да Александре Димитровне (еще у них сестра была, замужняя). Надежда Димитровна тут только сама себе госпожа стала. Да и не умела она с деньгами обращаться, все пролетело прахом. Хоть и купеческая дочка, а жилки купецкой не имела. Провести ее ничего не стоило.

* * *

Еще я вашу мамашу годов восьми уже увидала. В Москве будучи я к Лидии Александровне повидаться зашла. Уж Николай-то Алексеевич, дедушка ваш, в ту пору дилектором государственного банка был⁷⁷, получал жалованье большое, богато жили, квартира шикарная была на Никитском бульваре. Именье купили, «Акатово»,

им же его муж мой и сватал. Лидия Александровна одета по-модному, красиво, рассказывала мне, как в Ревель с детьми лечиться ездила. Мамаша ваша с тетенькой Валентиной Николаевной (а той годов 5–4 было в ту пору, повели меня кукол ихних, игрушки смотреть. Николай Николаевич лет семи был, ух и баловной мальчонка, а лицом в Лидию Александровну. Любимец. Анна Александровна в ту пору уже замужем была, своих двоих сыновей имела – Бориса и Николая. За доктора она вышла, как и хотела, чудесной души человек был Степан Яковлевич. В Шереметьевской больнице, у Склифосовского по-нынешнему, венчали их, в домово́й церкви. В «Эрмитаже»⁷⁸ обед давали. Сергей Николаевич, дядинька ваш [образ нес]. Софья Михайловна ей жениха и высм[отрела]. Очень согласно жили всю жи[знь]. Только сына Николая молодым схоронили. А Лидия Александровна в 1903 году, в июле второго (в то же самое число, что вашу мамашу родила) сынка принесла на 44-м году жизни своей. Скрывали долго в доме, стеснялись, что ли, что на старости лет родила (15 годов тетеньке вашей, Валентине Николаевне, с половиной сравнялось, 23 – старшему, Сергею Николаевичу). Он да мамаша ваша крестили братца. Алексеем назвали. Хорошенький Алюшечка был, глаза темные, большие. Мамаша ваша с ним больше занималась, нянчила его, а зимой сама под венец пошла с Владимиром Сергеевичем. Венчали их в Шелапутинской гимназии⁷⁹, во вновь открытой церкви, а потому их там венчали, что примета такая считалась к счастью. Оно и правда, очень они согласно и счастливо в браке жили и двумя детьми их Господь благословил. Вас-то еще родила мамаша – прапрабабушка Надежда Дмитриевна жива была, болела, не выезжала только.

Пришла я к ней, позвала меня и говорит: «Ну, Наташа, выбери мне образок, каким мне правнучку новорожденную благословить». Много у ней небольших образков имелось, в ризах серебряных, с украшениями и простых, всяких. Присмотрела я и подаю ей образок. «Трех радостей» называется. Матерь Божья сидит с Младенцем и Иоанн Креститель маленьким около с посохом изображен. Обрадовалась прабабушка, приложилась и велела мне образок тот к вам в дом снести. А жили вы в Мерзляковском переулке, на Никитской.

Хорошая была Надежда Дмитровна.

Многих-то уж нету на свете, и мой Алексей Филиппович, Царство ему Небесное, в 1917 году от рака на щеке помер. В больнице лежал и все-то меня утешал, мой голубчик: «Не рак, мол, у меня, Наташа, а канцыр⁸⁰, врачи говорят». Складно мы с ним жили. Паспорт и до сих пор у меня его цел, я в нем вписана: «Жена мещанина Пречистенской части Алексея Филипповича Бычкова».

А молодые-то растут, разрастаются, детей родят, я уж путать стала, кто кому приходится.

И я молода была, и бабушки ваши молоды были, и все это было, и все это прошло.

Записано в 1933 г.

¹ «Спрыскивали с уголька» следующим образом: в миску наливали воду и насыпали пригоршню углей из печки, затем, набрав в рот, прыскали больному в лицо. Иногда больного поили этой водой.

² Имеется в виду, скорее всего, посещение Николаем I Козлова в 1847.

³ Вел. кн. Мария Николаевна (1819–1876) была значительно старше матери рассказчицы, так что речь, скорее всего, идет о ее дочери, внучке Николая I, великой княжне Марии Максимилиановне (1841–1914).

⁴ Голицын Юрий Николаевич (1823–1872), князь, тамбовский губернский предводитель дворянства в 1851–1854, композитор и оперный дирижер. В 1858 он попал в поле зрения III Отделения как усердный читатель «Колокола» и корреспондент А.И.Герцена, был сослан без права выезда в Козлов, где скоро соскучился и бежал за границу. О похождениях Голицына в эмиграции см.: «Былое и думы» А.И.Герцена (ч.7, гл.1). См. также: *Эйдельман Н.Я.* Вьеварум. Лунин. М., 1995. С.111–116.

⁵ Машера – по всей видимости, от фр. *ma chère* – дорогая.

⁶ День св. мученицы Натальи отмечался по старому стилю 25 августа.

⁷ Речь идет о сумме, которую требовалось заплатить при вступлении в купеческую гильдию.

⁸ Т.е. капут, конец.

⁹ Летник – старинная женская одежда с очень широкими сборчатыми рукавами.

¹⁰ Евдокимов Дмитрий Григорьевич – купец 2-й гильдии, владелец каретного заведения в Арбатской части. Д.Г.Евдокимову принадлежал дом рядом со Смоленским рынком, носивший в 1820–1830-х №137 по Арбатской части, в 1840–1850-х – №142, а в 1860-х и позднее значившийся по адресу: Смоленская площадь, д.8. Брат Д.Г.Евдокимова – Иван Григорьевич, также купец 2-й гильдии, владел домом на Спасской площади.

¹¹ Молодцами в купеческой среде называли младшую категорию приказчиков.

¹² Спас-на-Песках – церковь сохранилась, находится на Арбате в Спасо-Песковском переулке.

¹³ То есть блуза, просторная кофта.

¹⁴ Войнов (Воинов) Михаил Михайлович (1846–1875) – окулист, доктор медицины, приват-доцент офтальмологии Московского ун-та.

¹⁵ Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами, правителем дел которого был тайный советник Иван Юльевич Давыдов (?–1891), имело несколько богаделен в разных частях Москвы.

¹⁶ Василий Кесарийский – церковь не сохранилась; находилась на 1-й Тверской-Ямской улице.

¹⁷ Т.е. к мировому судье.

¹⁸ Горбатый мост находился на Пресненских прудах; в настоящее время существует как мемориальный объект, связанный с памятью революции 1905.

¹⁹ Ножевая линия – в Старом Гостином дворе. Вопреки названию, торговали здесь главным образом галантереей и тканями.

²⁰ Дровяной переулок находился в соседстве с Горбатым мостом, шел параллельно Москве-реке и Новинскому бульвару (на этом месте теперь Белый дом). Проточный переулок располагался южнее и был перпендикулярен Смоленской площади и Москве-реке.

²¹ Штоф – плотный узорчатый шелк.

²² Дом Перской (в 1870-х носил № 61 по Остоженке; не сохранился) находился рядом со зданием Катковского лицея (нынешней Дипломатической академии).

²³ Т.е. на клиросе, на краю возвышения перед иконостасом (солеи), предназначенного для певчих.

²⁴ Церковь Вознесения в Барышах (Барашах) – сохранилась; находится на Покровке, в Барашевском переулке.

²⁵ Церковь Успения на Остоженке – не сохранилась; имела № 47 по Остоженке, находилась почти напротив здания Коммерческого училища (нынешнего Лингвистического ун-та).

²⁶ Т.е. в Сергиев Посад, к Троице-Сергиеву монастырю.

²⁷ Церковь Трифона-мученика в Напрудном; сохранилась в Трифоновском переулке, недалеко от Рижского вокзала.

²⁸ Заботилась, опекала.

²⁹ Фаншетка – головная наколка, косынка.

³⁰ Муар – шелковая или полушерстяная ткань с рубчатой поверхностью и характерным переливом.

³¹ Островский Николай Федорович (1796–1853). Речь, по-видимому, идет о его втором браке.

³² Воронухина гора – улица в Дорогомилове; шла от Бородинского моста до Песковского переуллка.

³³ Т.е. Смоленского рынка, занимавшего часть Садового кольца от Смоленской площади до Проточного переуллка.

³⁴ Журнал «Современник» прекратился изданием в 1866.

³⁵ Пансион надворного советника Войлошникова, затем его вдовы находился в Каретном ряду.

³⁶ Бубенка – голыш, промотавшийся человек.

³⁷ Трубников Александр Васильевич (?–1893), губернский секретарь; был похоронен на Дорогомиловском кладбище.

³⁸ Сорокоусты – сорокадневные молитвы в церкви по умершему.

³⁹ Чудотворную икону Иверской Божьей Матери по ночам вынимали из часовни у Воскресенских ворот и возили по городу для молебнов по специальным заказам. После завершения молебна образ наклонно поднимали над больными, если они были в доме, либо давали возможность пройти под ним (или проползти на коленях) всем домочадцам.

⁴⁰ Захарьин Григорий Антонович (1829–1897) – известный московский врач-терапевт, тайный советник, профессор Московского ун-та. См. о нем: Москва: Энциклопедия. М., 1997. С.299; Лушников А.Г. Г.А.Захарьин. М., 1974.

⁴¹ Бовэ (Бове) Михаил Осипович (1828–1883) – доктор медицины, статский советник. Служил в Городской больнице на Калужской улице. Сын известного архитектора О.И.Бове.

⁴² Лазаревский институт восточных языков в Армянском переулке; при нем существовала и гимназия.

⁴³ Муслин – тонкая легкая шелковая ткань.

⁴⁴ Т.е. прюнелевые – из плотной хлопчатобумажной, шелковой или шерстяной ткани, шедшей главным образом на верх обуви и на обивку мебели.

⁴⁵ Турниор – специальная накладка, носившаяся сзади под юбкой и создававшая силуэт, модный в конце 1870-х–начале 1880-х.

⁴⁶ Николо-Угрешский монастырь, близ станции Люберцы, в 18 верстах от Москвы.

⁴⁷ Речь идет о войне за освобождение Болгарии 1877–1878.

⁴⁸ Петровский парк – местность вдоль нынешнего Ленинградского проспекта, между станциями метро «Динамо» и «Сокол», территория старинных сел Петровское-Зыково и Петровское-Разумовское. С середины XIX в. популярная дачная местность в ближних окрестностях Москвы.

⁴⁹ Чуйка – длиннополый купеческий кафтан; обиходное прозвище купцов-«бородачей» («серых» купцов), живших по старинке, в соответствии с дедовскими обычаями.

⁵⁰ Собственно, библиотека принадлежала двоюродному брату А.А.Евдокимовой и Д.А.Ушакова Александру Сергеевичу Ушакову (1836–1902) и его жене Фелицате Ивановне и находилась с 1846 на Волконке, а с 1870 на углу Воздвиженки и Моховой (современный дом №4/22, перестроен). В 1879 библиотека была продана М.Вивьен, а здание переоборудовано под гостиницу с рестораном «Петергоф».

⁵¹ Аносина пустынь – Борисоглебский-Аносин женский монастырь, находившийся в 15 верстах от Звенигорода при селе Аносине.

⁵² Т.е. с окнами, расположенными в два яруса либо в двух противоположных стенах.

⁵³ А.А.Трубников в 1910-х проживал на Большой Дмитровке в доме №22.

⁵⁴ Реальное училище Фидлера считалось одним из лучших средних учебных заведений Москвы, но прославилось главным образом как один из центров революционного движения 1905 г.

⁵⁵ Видимо, пик Большой Сен-Бернар в Альпах. Подробностей альпинистской деятельности А.А.Трубникова обнаружить не удалось; он не входил ни в одно из Горных обществ России (Русское, Крымское и Кавказское). Вообще же восхождение на Альпийские горы в конце XIX в. было явлением достаточно рядовым.

⁵⁶ Церковь Иоанна Предтечи, как и дом причта, находилась на месте современного дома № 19 по Староконюшенному переулку.

⁵⁷ Сорóк – административно-церковная единица, объединявшая несколько приходов.

⁵⁸ Лавровский Василий Евгеньевич (?–1902) – священник Тихвинской-на-Бережках церкви.

⁵⁹ После смерти в 1865 цесаревича Николая Александровича его невеста принцесса Дагмара была выдана замуж за его младшего брата вел.кн. Александра Александровича (будущего императора Александра III).

⁶⁰ Заиконоспасское духовное училище при одноименном монастыре, находившемся в Китай-городе, было предназначено для детей московского духовенства. После четырех лет учебы воспитанники имели право поступать в духовную семинарию.

⁶¹ Т.е. до Петровского поста, длящегося от недели Всех Святых до дня апостолов Петра и Павла (29 июня по ст.ст.)

⁶² Первая конка появилась в Москве в 1872 к открытию Политехнической выставки. Ее маршрут проходил по 1-й Тверской-Ямской и Тверской улицам между Смоленским (Белорусским) вокзалом и Красной площадью.

⁶³ Севостьянов Петр Никифорович – известный московский булочник. О нем см.: *Шукин П.И.* Воспоминания. Из истории меценатства в России. М., 1997. С.42. В описываемое время у Севостьянова было две булочных: одна, основная, на Большой Никитской в доме №30 и вторая у Арбатских ворот.

⁶⁴ Ротонда – женская накидка без рукавов.

⁶⁵ Поплин – плотная хлопчатобумажная или полушелковая ткань.

⁶⁶ Прюнь – от фр. prune -- цвет сливы.

⁶⁷ Сюра – плотная шелковая ткань.

⁶⁸ Докучаев Иван Иванович – титулярный советник, младший кассир московской конторы Государственного банка в 1870–1880-х.

⁶⁹ Скорее всего, имеется в виду Палтов Николай Ильич, действительный статский советник, управляющий московской конторой Государственного банка в 1870–1880-х.

⁷⁰ По ст.ст.; теперь – 13 апреля.

⁷¹ Смоквы, пастила – старинные русские лакомства; готовились из варенного с сахаром или патокой и затем проявленного фруктового или ягодного пюре (яблочного, рябинового, малинового и пр.).

⁷² Таган – треножник, металлический обруч на ножках, под которым разводили огонь.

⁷³ Фомина неделя – следующая за Пасхой.

⁷⁴ Четверик, пятерик – разновидности основной меры измерения дров – сажени: четырехполенная или пятиполенная сажень.

⁷⁵ Соломенная сторожка – местность в Петровском-Разумовском; находилась на месте позднейшего проезда и тупика Соломенной сторожки.

⁷⁶ Угол листа оторван. Здесь и далее текст восстанавливается по смыслу.

⁷⁷ Н.А.Цветков в начале XX в. был директором Московского купеческого банка и попечителем многих благотворительных учреждений.

⁷⁸ «Эрмитаж» – ресторан, основанный французским кулинаром Л.Оливье (создателем знаменитого салата); находился на углу Неглинной ул. и Петровского бульвара.

⁷⁹ Шелапутинская гимназия была построена в 1900–1901 известным предпринимателем П.Г.Шелапутиным. Находилась в Большом Трубецком переулке (ныне пер. Хользунова, рядом с метро «Фрунзенская»). Здание гимназии, как и существовавшей при ней церкви Георгия Богослова, не сохранилось.

⁸⁰ Т.е. карцинома, злокачественная опухоль.

Сочинения

В.А.Солоницын
ТАК ОНИ НАНЯЛИ ДАЧУ!
Подготовка текста А.Г.Гродецкой

Печатается по тексту рукописного альманаха Майковых «Лунные ночи. Собрание сочинений в стихах и в прозе. 1839» (ИРЛИ. №16496. Л.11–29об.). Подпись: «W. Saltbox, esq.».

Господа сочинители повестей делают большую ошибку, когда начинают рассказ прямо описанием действия, не предупредив читателя, где оно происходит и что за люди действующие лица. Подобное начало обличает в авторе отсутствие всякой аккуратности. Чтобы не подвергнуться такому упреку, мы начнем свою повесть очертанием места и лиц.

Дело идет о небольшом деревянном доме – там, где-то за Лиговкой, на самом пороге Петербурга, возле гнилого забора и топкого пустыря, «в местах, напоминающих сельскую природу», – говорила Надежда Федоровна.

Вообразите себе комнату довольно просторную, даже и очень просторную, но загроможденную до такой степени множеством разных ширм, цветочных перегородок, маленьких черненьких столиков и других мебели, что между ними трудно пройти, как между стокольскими шкерами.

В этой комнате, на диване, обложась девятью подушками и спрятав под себя одну ножку, сидела дама в чепце, который она сама сделала в то же утро. Перед нею на столике было складное зеркало, подле зеркала какие-то исписанные бумаги, а на бумагах чернильница с загустелыми чернилами и выпачканными перьями. Картина дополнялась полдюжиной начатых книг и неконченных рукоделий, раскиданных в живописной небрежности около упомянутой дамы. – Эта дама Надежда Федоровна, хозяйка дома.

Вокруг нее, на креслах и стульях различного вида, устройства и величины, помещалось трое молодых людей от семнадцати- до двенадцатилетнего возраста, каждый с книжкой в руках; но читал ли кто из них свою книжку, об этом нельзя судить по наружности: только то верно, что у каждого нос был очень плотно прилажен в самый шов книги. – Это хозяйские дети – Леонид, Валентин, Всеволод.

От времени до времени в комнате являлся и исчезал человек в замасленном архалухе, без галстука и с небритой бородою. Он, по-видимому, не обращал большого внимания на то, что вокруг него делалось; войдя в комнату, он равнодушно останавливался перед сидящими или сам садился верхом на стул и через несколько секунд опять уходил, напевая громко и жалостно какое-нибудь одно слово, по большей части последнее из тех, которые были при нем сказаны. – Это Павел Иванович, муж Надежды Федоровны, но не хозяин дома.

Наконец, тут было еще одно лицо, человек с наморщенным лбом, с сигарой во рту, в широком и длинном байковом сюртуке с огромными костяными пуговицами. Он сидел важно, раздувшись, как будто готовился произнести приговор над вселенною. – Это Лука Тихонович, приятель семейства.

Павел Иванович и Надежда Федоровна принадлежали к числу людей, какие редко встречаются в обществе. Надежда Федоровна особенно отличалась добротою души: у нее был род болезни одолжать всякого, и часто она брала на себя или навязывала другим такие хлопоты в пользу какого-нибудь жителя Камчатки или Барабинской степи, что ни ей, ни друзьям ее – было невмочь. За всем тем, имел ли кто надобность до высших властей, хотел определить детей своих в учебное заведение или выписать из Петербурга дамский чепчик, Надежда Федоровна была готова услужить каждому и жестоко гневалась, когда говорили, что одного ее доброго мнения о человеке еще не довольно для того, чтобы он был прав в своей тяжбе; что попечения о детях – по всей справедливости принадлежат не посторонним, а их родителям; и что делать в Петербурге покупки для провинциалов – значит добровольно напрашиваться на неприятности из-за какого-нибудь цвета, покроя, а иногда – хуже того – из-за одной мнимо не сбереженной копейки. Лука Тихонович больше всех страдал от нее в этом отношении: мы до сих пор еще весьма живо помним, как она разбранила его за то, что он не взялся доставить одному приезжему довольно важное место, тогда как бедный Лука Тихонович и сам чуть-чуть держался в каком-то департаменте.

У Павла Ивановича была та же слабость: и он, подобно Надежде Федоровне, брался за все, о чем его ни просили, а порой и сам вызывался на услуги, без просьбы. Но в Павле Ивановиче этот недостаток смягчался по крайней мере тем счастливым сгибом характера, что он имел благоразумную привычку – от лени не выполнять и от рассеянности забывать свои обещания, хотя бы давал их от чистого сердца, – «с сердцем на ладони», как говорили древние.

Вообще между Надеждою Федоровною и Павлом Ивановичем было весьма много сходства, несмотря на их частые споры о вкусе

некоторых блюд и взаимные улики в неаккуратности по случаю недостатка варенья к чаю у Надежды Федоровны или нечистоты пола в кабинете у Павла Ивановича. Оба они были, как сказано выше, люди до крайности добрые; оба были люди умные, высоко ценившие просвещение, с любовью встречавшие каждый новый успех человеческого ума, а что всего лучше, не принадлежавшие к толпе существ положительных, этих полуавтоматов с сухим воображением и черствым сердцем, но умевшие понимать прекрасное и уважать таланты. То же можно сказать и насчет детей. Вообще все семейство носило резкие отпечатки одного характера, одинаких склонностей и привычек; но всего поразительнее в этих фамильных чертах было одно общее свойство – род какой-то задумчивости, в которую они все были погружены целый день. Бог знает, о чем они думали. Злоречивые языки говорили, будто Павел Иванович думал о разных предположениях и преобразованиях, которые иногда мешали ему заниматься настоящим делом и пользоваться готовыми выгодами жизни; будто Надежда Федоровна мечтала о каком-то идеальном мире, который возмущал ее чувствительность против мира существенного, ничуть не уступающего грезам беспокойного воображения; и будто бы дети терялись вечно в каких-то сомнениях, останавливаясь с замешательством перед каждой новой идеей, тогда как только смелый и постоянный труд ума ведет к познанию истин, столь любопытных в их возрасте. Но так говорили одни злоречивые языки, и мы не выдаем этого за правду, будучи готовы согласиться и с тем, что задумчивость Павла Ивановича, Надежды Федоровны и детей их – была, может статься, просто рассеянность. По крайней мере нам достоверно известно, что их второй сын, Валентин, казался наиболее задумчивым именно в те минуты, когда он ни о чем не думал.

Как бы то ни было, только при рассеянности Павла Ивановича, Надежды Федоровны и детей их Лука Тихонович, друг семейства, казался им человеком чрезвычайно дельным и основательным. У Надежды Федоровны валялось множество начатых работ; Павел Иванович считал на душе своей несколько брошенных предприятий; дети также редко выдерживали принятое намерение, хотя бы им напоминали о нем по десяти раз каждые сутки; напротив того, Лука Тихонович ничего не оставлял без конца, потому что почти ничего не начинал; он жил очень однообразно, потому что не любил тревожить себя никакими переменами; он никогда не изменял своему слову, потому что никогда не давал обещаний; он был точен во всех мелочах, потому что не занимался ничем важным, – и вот Надежда Федоровна, Павел Иванович провозгласили его образцом аккуратности, тогда как аккуратность их друга, сказать по совести, была еще очень не верная гипотеза, требовавшая сильного подтверждения.

Не говоря о других промахах, о которых знала только щекотливая душа самого Луки Тихоновича, довольно указать на один, подмеченный и Надеждой Федоровной. Это вечный промах в его хозяйстве. Лука Тихонович был обеспечен как нельзя лучше, вел жизнь самую скромную, но между тем у него не было никогда ни гроша в запасе, и послушали бы вы, как Надежда Федоровна бранила бедного Луку Тихоновича за эту нерасчетливость! Бывало, он вертится перед ней, словно пойманный бес перед монахом; но Надежда Федоровна, однажды заняв позицию, с которой могла обстреливать Луку Тихоновича, неохотно прекращала убийственный огонь своего дружеского негодования и, отделив Луку Тихоновича за небрежность к хозяйству, начинала потом упрекать его в гордости, в эгоизме, в нечувствительности, в мелочности. «Вот, например, мой сын Валентин, – говаривала она, – этот мальчик имел решительную наклонность к поэзии, но вы, суровый мужчина, своею холодностью убили в нем дарование. Вы не понимаете ничего прекрасного; вы, например, не хотите ехать в поэтическую Италию, а собираетесь в Константинополь, где живет бестия Турка; вы пристращаетесь вечно к каким-нибудь пустякам, тратите время и здоровье на мелочи; просиживаете целые дни, отыскивая происхождение какого-нибудь немецкого князька; сшиваете в одну тетрадь все письма, которые к вам пишут, или стоите с утра до ночи с удочкой...» И при этом случае Надежда Федоровна, по обыкновению, весьма живописно и выразительно представляла в лицах, как Лука Тихонович стоит с удочкой, вытянув шею и руку. Но этого еще мало: послушать все, что она иногда приписывала своему приятелю, так он выходил такой злодей и глупец, какого земля не производила. Должно заметить, однако ж, что и ей в свою очередь доставалось от неучтивого Луки Тихоновича, который, как, бывало, примется уличать Надежду Федоровну в рассеянности, неаккуратности, нетерпеливости, так она сердится, сердится, а потом и заплачет. Впрочем, эти побранки никогда не поселяли между ними решительной ссоры; напротив, при некоторой смелости в умозаключениях можно полагать, что они служили доводом их взаимного доброжелательства и едва ли не навязывали новых узелков на их дружбе; по крайней мере Лука Тихонович сам несколько раз нам признавался, что он, разруганный, любил Надежду Федоровну еще более, чем обласканный. – Что касается до Павла Ивановича, то он не мешался в их споры, приняв, кажется, за первое правило хранить со всеми постоянный мир. Жаль этого очень! мы с Лукой Тихоновичем держимся той теории, что брань есть единственное человеческое средство дружить.

Теперь, когда читатель знает, с кем он имеет дело, мы приступим к повествованию.

– Вы говорите вздор, – сказала Надежда Федоровна.

– Позвольте, – возразил Лука Тихонович, – во-первых...

– Во-первых, я не хочу вас слушать.

– Слушать или не слушать, это ваша воля. Я полагаю, что вы ничего бы и не услышали, потому что я уж не хотел ничего сказать.

– Как глупо! Скажите лучше, где вы сегодня *закапалились* и почему не пришли к нам обедать?

– Потому что...

Но прежде надобно объяснить с читателем о произнесенном Надеждою Федоровною слове «закапалились». Это слово – как бы вам растолковать? – оно все равно, если бы Надежда Федоровна сказала: «пропали», «увязли», «затерялись» или что-нибудь в этом роде. «Закапалились» на ее языке значило именно то же самое. У нее, изволите видеть, при всей ее образованности, было несколько любимых слов чрезвычайно странного качества, которые придавали много оригинальности ее речи.

– Потому что я обедал дома, – отвечал Лука Тихонович.

– Еще глупее! – возразила Надежда Федоровна. – Так приходите завтра: у нас будут макароны.

– Поэтому-то я и не приду: мне нездоровы макароны.

– Так послезавтра.

– Начиная с послезавтра я буду очень занят и не могу прийти.

Надежда Федоровна замолчала, но через несколько минут у нее на глазах показались слезы.

– Что это значит, Надежда Федоровна?

– Ничего.

– Как ничего! вы плачете?

– Нет, это так. – Я не знаю, что у вас за неделикатная манера. Вас дружески зовут обедать, а вы, словно обухом по лбу, отвечаете – «нет!» Почему бы не сказать «постараюсь» и потом не прийти, если вам некогда.

– Потому-то я и не сказал «постараюсь», что меня зовут дружески. Впрочем, ежели вам угодно, вперед я буду вас обманывать.

– С вами не сговоришь.

– А мне кажется, с вами.

– Вы привязываетесь к словам.

– Я понимаю каждое слово в том смысле, как оно обыкновенно употребляется. Виноват ли я, что вы составили себе особое понятие о смысле некоторых слов и говорите иногда не то, что хотите сказать?

Надежда Федоровна сделала знак головою.

– Что вам угодно? – спросил Лука Тихонович.

Надежда Федоровна повторила знак.

– Этого я уж и вовсе не понимаю, – сказал Лука Тихонович.

– Ах, Боже мой! как это скучно! Неужели вам надо всякое слово читать по складам! При-двинь-те ска-мей-ку, – прибавила она, расставляя слоги.

Лука Тихонович наклонился за скамейкою, но второй сын Надежды Федоровны, желая избавить его от труда и услужить своей маменьке, поспешно вскочил, увлек за собой коврик, лежавший возле него на столе, и рассыпал все, что было на этом коврике: он был удивительно ловок. Принялись подбирать рассыпанное. Чтобы загладить немножко свою беду, Валентин вздумал помогать и поднял стул, под который закатились иные вещи. Между тем Лука Тихонович, не отличавшийся большой быстротой движений, только лишь в это время успел благополучно вытащить из-под дивана скамейку для Надежды Федоровны. Выпрямляясь, он, за неимением глаз на затылке, ударился спиною об стул, который Валентин держал прямо над ним, смотря между тем в сторону. Стул выскочил из Валентиновых рук, упал на Луку Тихоновича, зацепил за цветочную перегородку и вместе с нею опрокинулся на этажерку, в которой с большим вкусом, рукою самой Надежды Федоровны, расставлен был фарфор и хрусталь. Все попадало, запрыгало, зазвенело; Надежда Федоровна в отчаянии; старший сын ее вынул нос из книги и разинул рот; Лука Тихонович почесывал спину и голову; а Павел Иванович, пользуясь этим удобным случаем, начал блистательно развивать свою любимую теорию, по которой посуда, всякая домашняя утварь и даже многие вещи из платья – признавались сущою прихотью. «Видишь, – говорил он жене, – сколько тут потеряно денег! а отчего? оттого что ты, сама не знаешь зачем, накупила этого хламу! Долго ли мне твердить, что гораздо приятнее и дешевле брать чай, кушанье и все – из трактира? тогда не нужно ни чашек, ни тарелок, ни стаканов: все оттуда же принесут, да и чай, и кушанье – несравненно вкуснее домашнего!»

Но мало-помалу спокойствие восстановилось.

– Завтра двадцать первое февраля, – сказал тогда Лука Тихонович, с особенно важным и глубокомысленным видом.

При этих словах Павел Иванович встал и пошел, запев: «Фе-е-ев-раля! фе-е-е-ев-ра-ля!»

– Так что ж – двадцать первое февраля? – спросила Надежда Федоровна.

– Как что ж! а вы хотели нанимать дачу.

– Но мы переедем на дачу не раньше мая месяца.

– Потому-то я и говорю о ней в феврале. Если вы станете искать дачи в мае, так, разумеется, ничего не найдете.

– Ох, уж вы с своей аккуратностью! Ну кто теперь нанимает?

– Люди, которые хотят нанять.

В это время Павел Иванович опять пришел в кабинет Надежды Федоровны, лег на кушетку и с каким-то особенным жаром, с особенною живостию начал петь: «Ко-то-рый! ко-ото-о-орый!» Но слова Луки Тихоновича привлекли его внимание, и он тотчас пристал к его мнению, что ежели нанимать дачу, так надо теперь же о том позаботиться. Надежда Федоровна, после нескольких возражений, должна была уступить, и наконец общим советом назначено ехать завтра, в восемь часов утра.

– Куда прикажете нанимать лошадей? – спросил человек.

Все взглянули друг на друга, потому что об этом еще никто не подумал. Павел Иванович, следуя старинной привычке, стал упрекать Надежду Федоровну, что она не умеет ничем распорядиться; та, в свою очередь, упрекала своего супруга в рассеянности; дети обратились с вопросами к Луке Тихоновичу; а Лука Тихонович, чтобы вывернуться из промаха, в котором и он был виноват наравне с другими, отвечал, будто бы он потому не говорил о месте дачи, что считал это давно уже конченным.

Впрочем, выбор места тянулся недолго, так как трудно было удовлетворить всех присутствующих, из которых каждый требовал от дачи чего-нибудь особенного, например: Павел Иванович – рыбы, которая бы шла на удочку, Надежда Федоровна – грибов и прекрасных видов, а дети – ягод, то решились последовать совету Луки Тихоновича, который, не ручаясь за рыбу, грибы, прекрасные виды и ягоды, уверял, что всего лучше жить в окрестностях Ораниенбаума, «ибо там, – присовокупил он, нахмурившись, что весьма шло к его байковому сюртуку, – там высокое и сухое место».

– Послушай, Лука Тихоныч, – сказал тогда Павел Иванович, – у меня есть к тебе просьба.

Лука Тихонович, который от всего сердца любил семейство рассеянных, взглянул радостно на Павла Ивановича и спросил:

– Что такое?

– А вот что, – отвечал тот, – ежели мы найдем дачу, так надобно будет хорошенько осмотреть все удобства и неудобства. Поезжай же, пожалуйста, с нами, чтобы нам сделать дело поаккуратнее, а то Надежда, того гляди, что-нибудь просмотрит.

– Да, Лука Тихоныч, – подхватила Надежда Федоровна, – Павел Иванович *исконибе* очень беспамятлив и наверно чего-нибудь недоглядит: так уж поезжайте, пожалуйста, с нами.

Выслушав эту обоюдную просьбу, Лука Тихонович нахмурился еще пуще прежнего, скрылся в огромном облаке табачного дыму и оттуда, как Юпитер сквозь громовые тучи, сказал: «Очень хорошо-с».

На другой день, еще не было шести часов утра, он, в своем байковом сюртуке, нагруженный сигарами и огнедобывательными сна-

рядами, зазвонил в колокольчик у дверей Павла Ивановича. Там все спало. Испуганный слуга отступил шага на три, увидев перед собой такого раннего гостя.

– Неужли у вас еще спят?

– Почивают-с.

– А ехать?

– Господа говорили – в девятом часу, а теперь, я чаю, только четвертый.

– Нет, уж не четвертый, а шестой, – возразил с негодованием Лука Тихонович, – пора собираться.

Он прошел в детскую и перебудил всех детей. Понемногу движение проникло до спальни; Павел Иванович вскочил и велел готовить чай; Надежда Федоровна также проснулась и, не вставая с постели, раздавала приказания, от которых девочка, служившая при ней на побегушках, едва не переломала ног. Таким образом пролетело неприметно более часа; Лука Тихонович ворчал, наполняя детскую удушливым дымом сигары; дети перешептывались, браня Луку Тихоновича за ранний приход и за дым. Наконец подали самовар и кофейник: Надежда Федоровна принудила себя встать и вышла в гостиную, Лука Тихонович прибыл туда же, и лишь только они увидели друг друга, как закричали в один голос:

– Помилуйте, Надежда Федоровна!

– Помилуйте, Лука Тихоныч!

– Можно ли так поздно вставать, когда собрались ехать!

– Вы, верно, с ума сошли, что *всполошили* нас ни свет ни заря!

Этот спор не помешал, однако, Надежде Федоровне трудиться над разливанием чаю и в то же самое время прилаживать на голове чепчик, помыкать упомянутой выше девочкой и записывать для памяти, что надобно осмотреть и о чем условиться при найме дачи. Она так привыкла к побранкам с Лукою Тихоновичем, что могла очень свободно бранить его и заниматься своими делами. – Вдруг растворилась дверь: вошел Павел Иванович.

– Я готов! – сказал он.

На Павле Ивановиче был вчерашний архалух, картуз и перчатки; галстуха не было.

– Помилуй, батюшка! – возопила с отчаянием Надежда Федоровна, увидев его в этом домашнем костюме, – ведь может быть, тебе придется сходить к хозяевам дачи, к порядочным людям: как же ты им покажешься в своем масляном архалухе?

Павел Иванович стоял задумавшись и не слушая, что ему говорят; но Надежда Федоровна между прочим помянула о галстухе: это слово случайно повисло на крючке его слуха; он запел: «Галс-галстух! га-а-алстух!» – и ушел из комнаты.

Когда он вышел, Лука Тихонович с сардонической улыбкой посмотрел на Надежду Федоровну и произнес: «Гм!»

– Ну что вы на меня смотрите? – спросила она сердито.

– Удивляюсь, какими вы занимаетесь пустяками, – отвечал тот хладнокровно.

– У вас все пустяки! А кто же позаботится о хозяйственных принадлежностях для будущей нашей жизни за городом? не вы ли, добрый хозяин?

Лука Тихонович почувствовал всю горечь этого намека и отвечал со смирением:

– Разумеется, в хозяйстве я не большой знаток, Надежда Федоровна; однако ж послушайте, что я вам предложу: передайте мне свою записочку, и как станем осматривать дачи, то думайте сами только о местоположении, а я уж займусь всем прочим, чтоб избавить вас от скучных разговоров и беспокойства.

С этими словами Лука Тихонович взял записку Надежды Федоровны и прочел в ней по порядку следующее: «Насчет сливок; грибы; простокваша; есть ли в роще фиалки?» – и так далее.

Тут воротился Павел Иванович в сюртуке и галстухе. Человек пришел с докладом, что лошади готовы. Надежда Федоровна тотчас приказала выносить что нужно, не забыв о съестном. Через несколько минут вся компания вышла на улицу; влезли в возок, уселись, оправившись, но лишь только слуга захлопнул дверцы, как открылось, что все дети без шапок. Послали отыскивать – не нашли. Надежда Федоровна, в справедливом негодовании, объявила, чтобы разины сами пошли искать свои шапки. Второй и третий сын ее беспрекословно повиновались этому приказанию; старший, по привычной лености, остался в возке, поручив одному из братьев принести его шапку. Но поиски продолжались по крайней мере с полчаса; Павел Иванович уснул на втором слоге какого-то недопетого слова, Надежда Федоровна сердилась, Лука Тихонович ворчал. Наконец, слава Богу, Валентин и Всеволод показались на ступеньках подъезда, и оба в шапках.

– А принес ли мою? – спросил Леонид.

– Принес, – отвечал Валентин и, распахнув шинель, хотел подать, но в руке его ничего не было.

– О Боже мой, что это за бестолочь! – вскричала Надежда Федоровна.

– Признаюсь! – проворчал Лука Тихонович.

Валентин в смущении стоял перед растворенной дверцей.

– Я ее взял с собой, – сказал он, – точно взял; не знаю, куда она делась.

По настоятельному требованию Надежды Федоровны Леонид наконец явил такое примерное к ней уважение и послушание, что

поднялся с места и лениво полез из возка, бормоча что-то себе под нос. Оставшимся пришлось ждать еще с четверть часа, потому что Валентин забыл Леонидову шапку в таком месте, где никому не приходило в голову ее отыскивать. Но вот наконец опять все в возке; дети в шапках, Лука Тихонович с сигарою. Извозчик крикнул на лошадей, возок покачнулся, Павел Иванович воспрянул от сна и, поймав последнее слово Луки Тихоновича, зашел: «По-е-ха-ли! по-е-ха-ли!».

Мы не считаем за нужное описывать все подробности переезда, в продолжение которого Павел Иванович и меньшей сын его почивали, Лука Тихонович жестоко курил, Надежда Федоровна красноречиво доказывала ему, что это вредно для груди, а Леонид с Валентином кашляли от сигарного дыму. – Вот наконец Ораниенбаумская застава; разбуженный Павел Иванович приказал ехать прямо в гостиницу и, вошед в нее, тотчас потребовал чаю, к большому неудовольствию Надежды Федоровны, которая не могла надивиться, как можно в первом часу дня пить чай, хотя сама располагалась кушать кофе.

– А что ж дача-то? – спросил предусмотрительный Лука Тихонович, заметив, что Надежда Федоровна с своим супругом, толкуя о чае и кофе, совсем, кажется, позабыли настоящую цель путешествия.

– Дача? – повторил Павел Иванович, – мы ее найдем после чаю.

– Да где же найдем? ведь надо прежде найти.

– Ах, какие вы скучные! – перебила Надежда Федоровна. – Дайте мне сперва напиток кофе, а там и поедем искать. Уж не *путлякайтесь*, пожалуйста, а подите лучше похлопочите, чтобы дали сливок погуще.

Лука Тихонович отправился за сливками и при этой okazji расспросил у трактирщика, где тут в окрестностях есть отдаточные дачи. К счастью, расспросы его увенчались успехом самым блистательным: весь морской берег за Ораниенбаумом усажен дачами, как бородавками, и трактирщик говорил, что многие из них отдаются внаем. Думать нечего: все общество принялось скорее пить чай и кофе, чтобы после того пуститься в дорогу. Погода была прелестная; золотое солнце катилось по голубому небу и горячими лучами расплавляло белую одежду земли; на пригорках показывались уже черные пятна от обтаявшего снега; в воздухе разливалась приятная теплота и пахло весной. Веселые дети, обрадованные новостью своего положения и предчувствием благотворной перемены во временах года, предложили идти вперед, с тем что Надежда Федоровна, докушав свой кофе, нагонит их на дороге. Павел Иванович тотчас согласился и рассудил им сопутствовать; только маленького Всево-

лода не пустили идти пешком, чтобы он не промочил ног, да Лука Тихонович сам уволил себя от похода, так как он с давнего времени был разбит ногами.

В версте от гостиницы возок догнал и принял Павла Ивановича, Леонида и Валентина с ним не было: они убежали вперед. Павел Иванович, усевшись в возке, предался увлекательному разговору с Лукою Тихоновичем о рыбной ловле; Надежда Федоровна бранила их за пристрастие к этой «глупой забаве» и мечтала о грибах. Все они и не заметили, что проехали уже довольно далеко, а Валентина и Леонида с ними все еще нет. Сердце матери первое отозвалось на их отсутствие. Велели остановиться; смотрят назад – никого не видно, смотрят вперед – тоже. Извозчик утверждает, что отъехали уже несколько верст, но Павел Иванович и Лука Тихонович, очарованные прелестью своей рыболовной беседы, не хотят этому верить. Спора разрешить нечем: поверстных столбов нет. Итак – где искать Леонида и Валентина? Наконец извозчик осветил мрак всеобщего недоумения, сказав, что версты две назад они обогнали молодых барчонков, которые прежде ехали в возке.

– Так что ж ты не остановился, дурачина? – вскричал Лука Тихонович.

– А мне что останавливаться! – отвечал сухо извозчик. – Они оба во все глаза на меня смотрели, как я ехал мимо, и не кричали, чтобы я стал.

Надежда Федоровна хотела тотчас воротиться, но Павел Иванович решительно воспротивился этому, говоря, что Леонид с Валентином и так не пропадут. Между тем по левой стороне дороги, на горе, давно уже виднелись разные дачи. После жаркого спора Павел Иванович убедил Надежду Федоровну вместо обратной поездки за отсталыми юношами осмотреть которую-нибудь из этих дач. Решено было идти на ближайшую. Оставили возок на дороге и пустились в путь. Разбитый ногами Лука Тихонович жестоко страдал, идучи по крутой и скользкой тропинке на гору, однако же *встарабанился*, как говорила Надежда Федоровна. – Но зато зрелище, которое представилось нашим странникам на вершине горы, вполне наградило их за все труды и опасности: уютный домик стоял под навесом высоких лип и берез; далее была роща; извивистые дорожки, после нескольких поворотов, убегали в чашу деревьев и скрывались в глубине опушенного снегом леса; там и сям приветливо выглядывали из-под ветвей небольшие строения – кухня, сарай и другие службы; перед главным домиком, на стороне, обращенной к морю, был цветник; оттуда, через вершины деревьев, растущих по склону берега, открывался широкий вид моря, прямо лежал Кронштадт, левее виднелась черная точка Толбухина маяка. Надежда

Федоровна, не жалея себя, пробралась по сугробам в цветник, взглянула, ахнула и не могла ничего выговорить от восхищения. За нею прошел туда же Павел Иванович; он посмотрел во все стороны и сказал, что вид будет очень хорош, ежели срубить несколько деревьев. За Павлом Ивановичем показался и разбитый ногами Лука Тихонович; он осторожно обмял под собою снег, утвердился на этом прочном основании, повел глазами по чудесной картине и произнес значительно: «Гм!» – вследствие чего Надежда Федоровна чуть не упала в обморок, потому что вид моря, по ее мнению, чрезвычайно *затройлив*, и надо быть ледяным существом или медведем, чтобы, взглянув на него, не прийти в упоение.

– Да впрочем, чего же от вас и ждать, если вы носите этот медвежий сюртук! – примолвила она, взглянув на Луку Тихоновича с величайшим презрением.

Между тем люди, жившие в кухне, увидели приезжих господ и какая-то женщина вышла спросить, что им угодно.

– Нанимать эту дачу, – отвечал громко и решительно Павел Иванович.

– Да не знаю, батюшка, – сказала женщина, – отдается ли дача. Никак господа сами хотели здесь жить нынешнее лето.

– Пустое! – возразил Павел Иванович. – Почему не отдать? Ступай поскорее, пришли кто у вас этим заведывает.

Женщина пошла, и через несколько минут вместо ее явился старик с двумя клочками рыжих волос на висках, с большим фиолетовым носом и с плутовскими глазами.

– Вашей милости угодно нанять дачу?

– Да... поскорее, – отвечала Надежда Федоровна.

– Дача не отдается-с, – сказал старик.

– Ну как не отдается! – возразил Павел Иванович, – дача прекрасная; почему не отдать?

– Дача отменная, – продолжал старик, – да что ж делать! господа будут сами жить нынешним летом.

– Ах, как это досадно! – произнесла с глубоким вздохом Надежда Федоровна.

– То есть, изволите видеть, – начал опять старик, – оно, конечно, и можно. Барин изволил сказать, чтобы я, пожалуй, и отдал дачу, если будут хорошие наемщики и дадут хорошую цену.

– О, так и дело с концом! – вскричал Павел Иванович, – дача за нами.

– Мы – такие-то, – прибавила Надежда Федоровна, – ты можешь об нас наведаться в Петербурге.

Старик низко поклонился и отвечал: «Слушаю-с».

– А что цена? – спросил важно Лука Тихонович.

– Последняя цена – семьсот рублев.

– Это дорого.

Лука Тихонович хотел было торговаться, но Павел Иванович, толкнув его, шепнул:

– Молчи, ради Бога! разве ты не видишь, что старик может располагать дачей по своей воле? не дразни же его.

– А что, старичок, – спросила Надежда Федоровна, – я охотница ходить за грибами: родятся ли они здесь?

– Видимо-невидимо, сударыня, такая пропасть, что в саду по дорожкам собираем.

– А есть ли у вас коровы, сливки, творог?

– Да, кстати! – перебил Павел Иванович, – скажи-ко еще, есть ли здесь рыба? можно ли ее ловить?

– Превеликое множество, – отвечал старик обоим.

– И на удочку идет? – спросил Лука Тихонович вполголоса и поглядывая на Надежду Федоровну, как будто боясь, чтобы она не услышала.

– Так и хватает! – отвечал старик.

Лука Тихонович приподнял брови, сжал губы и произнес свое «гм»; но в эту минуту Надежда Федоровна взглянула на него, и он поспешно спрятался за Павла Ивановича:

– Чудесная, бесподобная дача! – вскричала Надежда Федоровна.

– Лучше нигде не найдем, – прибавил Павел Иванович.

– Очень удобная, – заключил Лука Тихонович, высунувшись наружу.

– Если бы тут были еще фиалки, так это прелесть! – продолжала Надежда Федоровна. – Скажи, пожалуйста, старичок, не знаешь ли ты, не родятся ли здесь фиалки?

– Какие это фиалки, сударыня?

– Так, беленькие цветочки. Они обыкновенно растут в рощах.

– Премножество! – отвечал старик.

– Ах, какое счастье! – И Надежда Федоровна не знала, что делать от радости, между тем как Павел Иванович осадил старика подробнейшими расспросами о родах рыбы, которая водится в море и в окрестных речках, о том, как ее ловят, и прочее. Лука Тихонович слушал с великим вниманием эту беседу; но наконец брови его нахмурились и он сказал с особенным ударением, посредством которого хотел придать более силы своим словам:

– Однако, господа, мы выпускаем из виду некоторые важные обстоятельства: надобно осмотреть сарай.

– Так уж не угодно ли начать с дома? – спросил старик, и все общество, убежденное основательностью его предложения, пошло за ним в дом, который показался Надежде Федоровне совершенно

удобным, а Павлу Ивановичу не требующим более двух переделок, и то самых пустых, а именно он находил, что надобно прорубить три новых окна и перенести заднее крыльцо на место переднего, а переднее на место заднего. Впрочем, поместительность и месторасположение дома не очень занимали Павла Ивановича и Надежду Федоровну: он поминутно возвращался к своей рыбной ловле, а она беспрестанно вспоминала о грибах и останавливалась перед каждым окошком, чтоб полюбоваться прекрасными видами. Аккуратный Лука Тихонович наконец заметил их рассеянность и с истинно дружескою заботливостью сказал:

– Послушайте, друзья мои, вы увлекаетесь приятностью жизни на этой даче и забываете подумать о том, удобна ли она в хозяйственном отношении. Я согласен, что возможность ловить здесь рыбу удочкой представляет чрезвычайно важные выгоды, однако ж нельзя забывать, что это еще не удовлетворяет всех первых потребностей жизни. Оставляйтесь вы здесь или пойдите осмотреть сад и пруды, а я между тем отправлюсь с стариком в сарай и на кухню, потолкую с ним, где и у кого здесь покупают провизию, как добывают воду, дрова; одним словом, я уговорюсь с ним во всех статьях, поторгуюсь в цене и даже кончу все дело, если хотите.

– Да, да! пожалуйста, кончи, – отвечал Павел Иванович. – Вот тебе и деньги на задаток, – примолвил он, вручая Луке Тихоновичу триста рублей.

– Вы нас очень обяжете, – сказала Надежда Федоровна, – только я боюсь, чтобы вы не забыли чего-нибудь по хозяйству, например... сливочное масло...

– Э, Боже мой! за кого ж вы меня принимаете? – возразил Лука Тихонович с чувством.

– Ну хорошо, не сердитесь; я верю вам. Однако ж все-таки поглядывайте в мою записочку да не забудьте поторговаться: семьсот рублей – это ужасно дорого.

– Ступай, ступай! – говорил Павел Иванович, почти выталкивая Луку Тихоновича, и потом прибавил шепотом: – Ежели старик заупрямится, так давай скорее семьсот: ведь лучше этой дачи нигде не найдем.

Лука Тихонович кивнул головой и удалился. Бесплезно описывать его странствие по сараю, кухне и погребу; довольно сказать, что через полчаса он воротился к своим друзьям и еще издали поздравлял их с дачею. «Все устроено наиаккуратнейшим образом, – кричал он, – поздравляю! поздравляю!»

Павел Иванович чуть не кинулся его обнимать; Надежда Федоровна вспрыгнула от радости и ушиблась.

– А что цена? – спросила она, почувствовав боль.

– Что цена! – вскричал Павел Иванович, не давая отвечать Луке Тихоновичу, – известно, семьсот рублей!

– Неужли ж старик так *закобенился*, что ни копейки не уступил?

– Да, ни копейки, – сказал Лука Тихонович, – и я отдал ему триста рублей задатка.

– Дорого, – заметила Надежда Федоровна, – ну, да что делать! зато я без вас открыла здесь еще одну прелесть: посмотрите, ах! посмотрите на этот осиновый пенек.

– Прекрасный. Однако, господа, не надобно терять времени. Поедемте скорее в Ораниенбаум пить чай.

– Дело! – подтвердил Павел Иванович.

Надежда Федоровна взглянула на них с сожалением и, пожав плечами, сказала:

– Что за прозаические люди! то и дело пьют чай. Кажется, порядочно *набухтерились*; а нет, опять чаю!

Все сели в возок. Надежда Федоровна посердилась немножко на Павла Ивановича, что он *плюхнул* на ее шляпку, которую она сняла с головы, и *запатрал* ее; но это не имело никаких важных последствий. Пустились в дорогу и не отъехали четверти версты, как встретили Валентина, который шел тихим шагом, загнув голову кверху и смотря на макушки деревьев.

– Что ты тут делаешь?

– А!.. Это вы?

– Ну да, это мы. А ты что?

– Я догоняю вас.

– А Леонид?

– Он давно воротился в гостиницу. Мы увидели вас, когда вы нас обогнали. Я побежал, кричал, но вы уехали. Тогда Леонид сказал, что ему не хочется идти дальше, и воротился.

Валентина посадили в возок. Разговор о даче опять сократил дорогу, и день кончился ко всеобщему удовольствию, за исключением того, что Павел Иванович и Надежда Федоровна не воспользовались привезенной из Петербурга банкой варенья, потому что Леонид, воротившись в гостиницу, съел все один: Надежде Федоровне досталось, как она говорила, *самая малость*, почти что *каплюшка*.

Теперь читателю остается узнать развязку этого анекдота. – Павлу Ивановичу кто-то сказал, что ерши необыкновенно хорошо ловятся тотчас по вскрытии вод, а Надежде Федоровне чрезвычайно желалось порвать подснежных фиялок; итак, лишь только наступила вторая половина апреля, оба они, не вникая никаким предостережениям Луки Тихоновича, который, впрочем, и сам проводил целые дни над деланьем поплавков, воскликнули в один голос: «Едем, едем на дачу!»

В два дня были кончены все приготовления; на третий, рано поутру, пришли ямские подводы; поспешно уложили на них все нужные вещи, и в десять часов этот обоз, вместе с людьми, отправился в путь, а в шестом после обеда поехали и сами Павел Иванович с Надеждой Федоровной, взяв с собою детей и Луку Тихоновича, который, не имея возможности совсем переселиться на дачу, желал по крайней мере водворить друзей своих в сельском приюте, нанятом для них чрез его глубокомысленное посредничество.

Дорога была мерзка; грязь и выбоины в мостовой потчевали наших путешественников такими толчками, что Павел Иванович ни на секунду не задремал, а Надежда Федоровна беспрестанно кричала. Один Лука Тихонович, под влиянием своего «медвежьего» сюртука, хранил стоическое равнодушие, не сердясь и на то, что сигара поминутно выскакивала у него из рота. Под Ораниенбаумом догнали обоз. Люди сказали, что у них несколько раз вся кладь опрокидывалась и много вещей переломано и перебито. Эта новость тронула экономическое чувство Надежды Федоровны, но делать было нечего. Поехали дальше, приказав не удаляться от обоза, так чтобы прибыть на дачу всем вдруг. При повороте в гору встретились новые неприятности: два воза опять чуть-чуть не опрокинулись, третий увяз, а карета стала – утомленные лошади не могли вывезти, Павел Иванович с Лукою Тихоновичем и со всеми детьми принуждены были вылезти и подниматься на гору по образу пешего хождения по колени в грязи, между тем как Надежда Федоровна кричала без милосердия, уверяя, что карета опрокинулась и летит вверх дном назад под гору на лошадей и поклажу. Но это, к счастью, случилось только в пылком воображении Надежды Федоровны: путешественники наши, хотя измученные, однако ж добрались благополучно до вершины горы и начали приближаться к домику. Первый предмет, представившийся их взорам, был какой-то пожилой господин, распорядившийся с балкона несколькими мужиками, которые носили в дом кресла и стулья. Лука Тихонович – откуда у него взялась эта прыть? – ловко подскочил к окошку кареты и сказал Надежде Федоровне:

– Посмотрите, какие исправные люди ваши хозяева: они уж убирают вам дачу. Это должен быть сам владелец имения. О! я недаром толковал с стариком и дал ему полтинник на водку! Я тогда же осмотрел всю их мебель, назначил, что внести в дом и что не вносить, велел вымыть полы и окошки и сказал, чтобы все это было готово непременно к двадцатому апреля, потому что предвидел ваше нетерпение переселиться в этот рай.

Надежда Федоровна ласково улыбнулась Луке Тихоновичу и поблагодарила его; а он, оставив окошко кареты, важно пошел вперед и, когда поравнялся с балконом, учтиво раскланялся стоявшему

на нем господину, который довольно сухо отвечал на это приветствие.

– Стой! – громогласно закричал Лука Тихонович кучеру при карете. – Эй вы, обозные! держите своих лошадей! – И с этими словами он опять подскочил к каретным дверцам, отворил их, откинул подножку и сказал Надежде Федоровне: – Милости просим! имею честь поздравить на новоселье.

Они вместе поднялись на крыльцо и вошли в дом; Павел Иванович и дети следовали за ними. Проходя по комнатам, Лука Тихонович с самодовольствием окидывал глазами все наставленные в них вещи и, повторяя: «Прекрасно! прекрасно!» – подошел к господину, которого видел на балконе.

– Позвольте принести вам чувствительнейшую благодарность, – сказал он. – Это так обязательно с вашей стороны, что я не нахожу слов...

– Что вам угодно? – спросил незнакомец.

– Благодарить вас за то, что вы с такой благосклонностью приняли мою просьбу.

– Какую просьбу?

– Чтобы эта дача, которую я нанял для друзей моих, была готова к двадцатому апреля. Извините, что мы приехали девятнадцатого.

– Я вас не понимаю. Эту дачу нанял я, а не вы.

– Как вы?

– Да, я. Вероятно, вы заехали не туда, куда думаете.

– Нет, это та самая дача, которую я нанял вот вместе с этим господином и этою дамою двадцать второго февраля.

– Извините, эта дача нанята мною двадцать третьего февраля; за шестьсот рублей; вот и расписка управителя в получении от меня двухсот рублей задатка.

Тут пришел управитель.

– Что это значит, старик? – вскричал Лука Тихонович, – этот господин говорит, будто бы он нанял дачу?

– Да-с, они наняли, – отвечал старик с низким поклоном.

– Как наняли? ведь дача была отдана мне? ты взял с меня и задаток. Вот Павел Иванович и Надежда Федоровна сами ее осматривали.

Старик поклонился Павлу Ивановичу и Надежде Федоровне.

– Помню-с, их милость изволили здесь быть вместе с вами, и вы торговали дачу, да только не наняли и задатка мне не дали.

Лука Тихонович понял, что он надут; но при сделке его с управителем не было свидетелей, и он ничем не мог уличить негодея, который воспользовался его неаккуратностию – не взять расписки. Лицо Луки Тихоновича вытянулось на целые полтора дюйма.

Громкий смех незнакомца заставил Надежду Федоровну выбежать в другую комнату. Лука Тихонович кинулся за нею.

– Позвольте, Надежда Федоровна...

– Чего тут «позвольте», Лука Тихоныч! дело ясно. Уж это всегда так! если я сама чего не устрою, так и выйдет бестолочь!

– В самом деле, какой ты дал промах! – сказал подошедший Павел Иванович.

– Это ужасно! это непостижимо! – продолжала Надежда Федоровна. – Я от роду не видывала такой неаккуратности!... А какая дача-то! И этот негодный старичишка *заграбастил* ее себе! – О, злодей, варвар! Не стыдно ли вам, Лука Тихоныч? Боже мой, как я несчастна!

Надежда Федоровна плакала навзрыд; батистовый платочек ее был – хоть выжми. По комнате только и раздавались, что ее всхлипывания, да порою она сквозь слезы произносила: «Что за прелестная дача!»

– Да-а-а-ча! – запел Павел Иванович, раскинувшись на диване.

– Но это не может так кончиться! – вскричал наконец Лука Тихонович в бешенстве и выбежал опять к незнакомцу. – Я надеюсь, милостивый государь, – сказал он ему, – я надеюсь, что вы, как благородный человек, уступите нам дачу, которую я нанял прежде вас.

Незнакомец захохотал.

– Мне кажется, вы нездоровы, – сказал он. – Жалею, видя вас в таком неприятном положении; но дача моя, и я не намерен никому ее уступать. Притом же и сам управитель говорит, что она отдана мне, а не вам. Послушай, старик, кому отдана дача?

– Вам, сударь.

Лицо Луки Тихоновича вытянулось еще на полдюйма.

Через несколько дней он рассказывал об этом происшествии приятелю своему Ивану Потаповичу. Тот начал бранить его за неаккуратность.

– Что ж ты бранишься? – сказал огорченный Лука Тихонович, – разве во мне уж нет ничего хорошего?

– Я этого не говорю, – отвечал Иван Потапович, – но если тебе хочется слышать похвалы, так поди на улицу и спроси у первого знакомого человека, как он про тебя думает.

В. А. Солоницын

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ, КОТОРЫЙ НАЧАЛ ПИСАТЬ СТИХИ И ПЕРЕСТАЛ ПИСАТЬ СТИХИ

Публикация А.Ю. Балакина

Был великий поэт.

Многие весьма сердятся на кухарок, когда те соскабливают ножом чешую с живой рыбы или варят живых раков. – Многие называют это бесчеловечием – было бы правильнее безрачием или безрыбием, но – они называют это бесчеловечием и обливают слезами страдания раков и рыб.

Мой великий поэт говорил, что эти страдания – ничего не значат.

Известны ли вам Фаларис и Прокруст¹? – О! конечно, известны, и вы также знаете, что эти добрые люди пекли – один в медном быке, а другой на железной кровати – своих неприятелей.

Что ж вы думаете? мой великий поэт утверждал, что и страдания тех, которых пекли, – ничего не значат!

Вот какой великий поэт!

В доказательство он приводил один факт из своей поэтической жизни, – факт, который читатели найдут в этой статье, ежели соблаговолят пробежать ее.

Мой великий поэт слушал, в высоком звании «вольнопrixодящего», лекции профессоров Казанского университета. Казалось бы, чему тут быть поэтическому: лекции самые обыкновенные, казанские, чуть не татарские², да и поэт мой жил в Татарской Слободе³, на Булаке⁴ – улицы немощные, грязные, дома неопрятные, жители и жительницы еще неопрятнее; право, ничего не было поэтического; ...но однажды, при захождении солнца, он услышал моззина, который с минарета ближней мечети сзывал правоверных на вечерний намаз, – и почувствовал, что он великий поэт.

Это случилось следующим образом.

Когда моззин запел гнусливым голосом стих из Корана, вольнопrixодящий слушатель, еще не будучи в то время поэтом, невзначай поднял голову и увидел зарево, которым заходящее солнце обило целую половину неба. Эта картина, хотя она была на западе, показалась ему такую восточную, что он совсем позабыл, что живет

в Казани: мечта перенесла его в «озаренную Божиим светом» Медину⁵; сердце дрогнуло, в устах зашевелился стих из русского перевода «Абидосской невесты»; он бросился бежать во всю мочь, добежал до своей квартиры, ворвался в свою тесную комнату и написал – не снимая фуражки – следующий стих:

Зюлейка! ты – жемчужина востока!⁶

Более – он в этот прием ничего не написал, но дело в том, что он узнал свое призвание, – узнал, что он великий поэт.

Байрон, который был поэт несравненно меньше, проложил широкое шоссе к берегам Босфора. Михайло Трофимович Каченовский⁷ переделал его поэтические создания в прозаические переводы; он перевел их во всех отношениях и напечатал на серой бумаге⁸ в своем «Вестнике Европы». Но Байрон был громок – и лирою и характером; на его летучего пегаса садился подчас и Пушкин, и вот – вслед за Пушкиным, напивавшись переводами Михайла Трофимовича, – потянулись, поползли, заковыляли многие и премногие бездарные стихотворители⁹ – кто под руку с «Паризиной»¹⁰, кто завесившись покрывалом «Гречанки», кто спрятавшись в широкие шальвары «Гяура», кто на цепи «Киргизского пленника», кто ухватясь за аркан «Гребенского казака», кто под шапкою разбойника «Чеки»¹¹, и так далее, и так далее; был даже один развратник, который связался с какою-то «Девой семи ангелов», да – слава Богу – он почти не пишет с тех пор, как ему «выбили три зуба» при «Осаде Пскова»¹². – Но всех их не перечесть, а если бы мы решились повторить вам те ужасы, те злодеяния и сумасбродства, которые рассказывали нам эти господа в поездки свои на восток¹³, да всё стихами, так уж поверьте, вы были бы готовы бежать от них хоть в «Пещеру Кудеяра» господина Степанова или вместе с «Пленником Турции» Дмитрия Коммиссарова дать тягу в «Муромские леса» Вельтмана, подобно «Скитающемуся страннику» Николая Фомина, совершившему «ночной побег к эшафоту»¹⁴.

Вследствие всего вышесказанного, и великий поэт, вольноприходящий слушатель лекций в Казанском университете, отправился с своей музою на восток. Мы не знаем наверное, какую он выбрал дорогу; во всяком случае это не была дорога Френа, отца Иакинфа¹⁵ и других таких же презренных прозаиков; гораздо правдоподобнее, что он помчался очертя голову через романтические рвы и буераки, как следует всякому великому поэту. Но так как до рвов и буераков ему было физически необходимо пройти прежде грязную Татарскую Слободу, то он по дороге захватил с собой одну жившую там татарку – чудо красоты и целомудрия, четвертую жену богатого казан-

ского мещанина, которой он, впрочем, не имел случая видеть вполне, потому что встречал ее только на улице, когда она перебежала с одной стороны на другую, завернувшись с головой в мужнин халат и не показывая прохожим своих набеленных щек, насурмленных бровей и почернелых зубов. Имя этой восточной жемчужины также было ему неизвестно; да – что до имени! Абидосскую невесту звали Зюлейкой: почему ж и ему не назвать Зюлейкой своей красавицы? Имя прекрасное; будь же она Зюлейка! Мужа ее он назвал Османом, а себя, для порядка переделав в грека и чуть ли еще не в морского разбойника, окрестил именем Мавро Сталактити. Короче сказать, все было устроено наилучшим образом; поэма за поэмой, одна другой занимательнее, одна другой восточнее, поминутно рождались в голове великого поэта; оставалось только написать их, или – как он говорил – набросать. Но это безделка: великий поэт сел и написал:

Зюлейка, ты – жемчужина востока!

Да это все тот же стих – скажут строгие читатели. – Точно так, это тот же стих; но нынче великий поэт прибавил к нему еще три следующие:

Твой муж ужаснейший тиран.
Но я – клянусь брадой пророка! –
Убью его. Страшись, Осман!

По счастью, муж красавицы не знал о создании этого убийственного четверостишия, а то он, во имя Бога милостивого и милость творящего¹⁶, переломал бы поэту ноги, с помощью того же самого пророка – да будет над ним благословение Аллаха и мир. Потатарски, как и по-русски, добиться бы чего хочется, а там – что будет, то будет: яриндаси Аллах керим – до утра Бог милостив!

Как бы то ни было, это четверостишие стоило поэту целой ночи и подало повод к тому, что он вполне оправдал свое звание «вольноприходящего» слушателя лекций, то есть не пошел на лекцию. Зато у него написались еще восемь стихов, там еще восемь, там шесть, потом двенадцать; к сумеркам было налицо тридцать четыре стиха. Тут силы его истощились; он начал писать один стих, придумал другой, но уснул на третьем. Сон его продолжался сорок восемь стихов, считая по пяти минут на стих без рифмы и по получасу на стих с рифмою, без смысла.

Это было начало великой поэмы.

Хотя восточные мудрецы говорят, что дело делается не так скоро, как сказывается сказка, – наш великий поэт представляет собой пример удивительной быстроты развития способностей. После двух дестей¹⁷ бумаги, он так применился к сочинению стихов, что они сами сбегали с пера его и редко выставлялись из строчки какой-

нибудь лишней стопой, на которую не стоило обращать и внимания. Он открыл известное число рифм, например: каштаны, мусульманы; брат, булат, и пр.; рифма приводила ему с собою мысль; мысли кипели, слагались в стихотворения, и почти каждый день являлся отрывок из новой поэмы в самом восточно-романтическом вкусе.

Разумеется, что великий поэт перестал посещать лекции. И на что ему? В Казанском университете учат математике, философии, правам; а в стихах разве пишут о правах и математике? В них говорится о любви, о мечте, о деве, об одиночестве и величии поэта. Любовь, мечту и деву он встречает всякий раз, когда видит свою татарку; одиночества ему не занимать стать: отец и мать его живут не в Казани; а величие поэта – это знакомо ему как своя ладонь, потому что он сам великий поэт.

Итак, он продолжал писать отрывки: душа его еще не хотела вполне высказаться¹⁸.

Но вдруг случилась с ним перемена, и какая же! он перестал воспевать татарку; имя Зюлейки решительно исчезло в его стихах; об Османе в них и помину не было; даже он переехал из Татарской Слободы за заставу, поселился в какой-то брошенной рыбацкой хижине на берегу Казанки и оттуда ударил страшным проклятием на весь женский пол. Причина, по которой он так разгневался, нам неизвестна: великий поэт не хотел объявить ее. Но в стихах, написанных им в то время, было такое множество дерзких выходок против прелестнейшей половины человеческого рода, что мы, читая их, покраснели от стыда и закрылись «Славою женского пола» Гавриила Геракова¹⁹. Тут была буря, молния, гром, ад, фурии, злые духи – и все это человек сделал, живучи в развалинах хижины на берегу Казанки! – Господи Боже мой, мороз подирает по коже!

Скоро однако ж великому поэту стало тесно в рыбацкой хижине: он ее бросил и начал вести дикую жизнь, блуждая по полям, рощам и болотам. В это время творческая сила была возбуждена у него до такой степени, что голова не могла вместить в себе всех рождавшихся мыслей, тем более что великий поэт, одичав, перестал писать с рифмами, а взялся за белые стихи и за прозу. Ему хотелось заключить свои поэтические видения в раму, но ни одна рама не приходилась по мерке: все были тесны; обилие и могущество идей распирало каждую раму и сокрушало ее: настояла опасность, что такая же участь постигнет и голову великого поэта.

К счастью, подоспела осень: ненастье охолодило его поэтический жар и прогнало поэта назад в Татарскую Слободу. Он начал писать опять в восточном вкусе: на каждой строчке можно было найти соловья, розу, Аллаха, киоск, луну, пророка и несколько каких-то дьявольских слов, которые он перенял у татарина, прино-

сившего к нему халаты, – слов, которые были так неуклюжи, может быть, от ошибок великого поэта, что хорошему человеку и выговаривать их не надобно.

Приехал к нему отец.

– Здорово, Петенька! а я по делам пробираюсь в Москву, так заехал с тобой повидаться.

Великий поэт принял отца поэтически: вскочил, простер руки, сделал три трагические шага вперед и, приклонясь к родительской груди, омочил ее слезами.

– Ну что, каково у тебя в университете?

Великий поэт сделал три шага назад, повесил голову и, с видом болезненного сожаления о толпе, сказал:

– Я не хожу туда.

– Как не ходишь? – вскричал отец с удивлением.

– Я не хожу туда, – повторил поэт, приняв величественную осанку, – мое назначение выше.

Отец не понимал ничего. Но мало-помалу они объяснились.

– Так вот что! – сказал тогда нежный родитель. – Ну хорошо; только я в этом не разумею никакого толку. Напиши мне те стихи, которые ты сейчас прочитал: завтра я покажу их своим здешним приятелям.

Приятели эти были – гарнизонный майор, председатель уголовной палаты и учитель русской грамматики из гимназии.

Первый объявил, что ему ни по внутренней страже, ни по армии не случалось заниматься стихами; второй отозвался, что в стихах великого поэта заключается донос об уголовных преступлениях, но как дело происходило в Константинополе, городе не Казанской губернии, то он с своей стороны не может ничего сделать, а советует обратиться по принадлежности²⁰; третий поправил несколько грамматических ошибок.

– Послушай, Петенька, – сказал отец великого поэта, воротившись домой, – может быть, ты и в самом деле хорошо сочинишь, да мне никто этого не умел сказать. Не хочешь ли ехать в Москву? там живут люди умные; притом же ведь ты уж не ходишь в университет, так что тебе тут болтаться? в Москве я, может статься, тебя пристрою.

Великому поэту нужны были впечатления жизни. Он сделал шаг вперед, шаг назад, приложил руку ко лбу и, после некоторого молчания, произнес торжественно: «Еду». – И поехали.

В Москве у великого поэта была бабушка, мать его отца, женщина очень добрая и «родственная», как говорили о ней по-московски. Она жила с тремя кошками, четырьмя собаками, двумя старыми компаньонками и одним сыном, дядею великого поэта: их все-

го было одиннадцать персон. Кошки спали на бабушкиной постели, собаки лаяли на гостей, компаньонки вязали филе²¹, сын толстел и дремал в углу на диване, а бабушка с утра до вечера бранилась с горничными, перебирала свои старинные наряды, обметала пыль на столиках и думала о внуках, которые были разлучены с нею всем протяжением столбовой дороги от Казани до Москвы. В доме ее господствовала необыкновенная чистота, однажды заведенный порядок не нарушался ни в каком случае, даже речи и разговоры всегда были слышны одни и те же, и гости ездили всё прежние, старинные – лысый статский советник, который любил рассказывать, как его исключили из службы, дородный отставной генерал, который всегда толковал о домостроительстве, особенно о настилке полов и штукатурке стен, да человек с десятков ближайших родственников и родственников, которые проводили свое время в родственных визитах и сюрпризах при каждом фамильном событии или празднике.

– Здравствуйте, матушка! вот мой старший сын, а ваш внук.

– Неужли? Ах, какой большой! – Бабушка посмотрелась в зеркало.

– Мало того, что большой, – он и сочинитель: ужас сколько стихов пишет, да какие всё, говорит, отличные!

– Право? вот какой умница!

Начались обниманья и целованья; послали ко всем родным и знакомым повестить о приезжих. Вечером стали являться то тот, то другой – посмотреть на молодого родственника, который пишет ужас сколько отличных стихов. Он в этот вечер был не в духе: у него в мозгу вырос удивительный стих, оканчивающийся словом «колесо»; но к слову «колесо» нет рифмы, – и великий поэт проклинал человечество. «Толпа! – говорил он одному маленькому двоюродному дяде, который, отведя его к окну, наведывался о здоровье его семейства, – толпа! ты не знаешь страданий поэта!» «Женщина! – отвечал он своей толстой тетке, которая спросила у него, хороша ли дорога, – женщина! ты своей обаятельной красотой отравляешь жизнь поэта!» Дядя и тетка, так же как и все прочие родственники, смотрели на него с удивлением, но бабушка, которая любила управлять образом мыслей в своем кругу, сказала, что внучек ее Петенька выражается непонятно потому, что он великий поэт, – и все смирились в ожидании, что будет дальше.

На другой день повезли великого поэта к какому-то профессору, с которым отец его был знаком по деревенскому соседству.

– Очень рад! очень рад! – сказал профессор, торопливо снимая очки и оправляя полы халата, – всякое новое светило на горизонте нашей литературы приветствую я с душевною радостью. Где вы воспитывались?

– В Казанском университете.

– Кончили курс?

– Нет.

– Это случается. Шекспир, Вольтер, Байрон – также не получили в молодости никаких ученых степеней, и не менее того были великие люди²². Не правда ли? Во всяком случае, вы, конечно, много занимались, много читали?

– Я читал всех русских авторов и переводы некоторых иностранных.

– Последних приятнее было бы читать в подлинниках. Вы изучали историю?

– Историю моего сердца.

– Философию?

– Я беспрестанно мыслил.

– Ну, по крайней мере, логику?

– Начинал.

– Жаль, что не кончили. Однако ж вы учились же чему-нибудь – например, хоть правилам языка, грамматике?

– Грамматике! что это вы говорите! Разве поэтический гений может грязнуть в грамматических тонкостях²³? к чему это послужит? Я говорю на природном языке правильно: зачем же мне терять время на книжное изучение его правил? Мое призвание – творить, создавать, поучать... а не учиться, – примолвил великий поэт с презрительной улыбкою.

Отец почувствовал что-то весьма приятное в своем родительском сердце, но еще смотрел вопрошающими глазами на профессора, который между тем встал и сказал, что ему надобно ехать.

– А что же вы думаете о моем сыне, поэте? – спросил отец.

– Ничего не думаю, – отвечал профессор.

– Так разве он не поэт?

– Не знаю. Мне теперь недосуг. Прощайте; приезжайте ко мне, когда он поучится.

– Этот профессор – человек положительный и схоластик, – говорил великий поэт отцу своему дорогою.

– Я не знаю, что такое схоластик; но оно должно быть так, – отвечал отец.

Дома они застали священника, которого бабушка пригласила, чтобы отслужить благодарственный молебен по случаю их благополучного приезда из Казани.

– Вот, батюшка, имею честь рекомендовать вам моего внука: он великий поэт.

– Да будет над ним благословение Божие. Трудись, мой сын, трудись во благо твоему ближнему, и пусть сладкие плоды трудов

твоих подают утешение несчастным и наставления всему роду человеческому. Читаешь ли ты древних поэтов-философов – Гомера, Горация, Вергилия?

– Нет, батюшка: я не знаю ни по-гречески, ни по латыни.

– Жаль. Так читай наши священные книги: это еще лучше, чем творения языческих мудрецов; в них ты найдешь высокую поэзию, которая просветит и пленит твой разум. Читай пророков Давида, Соломона, Иеремию, Исаию.

– Как бы не так! стану я читать Библию! Что в ней поймешь? и какая поэзия в пророках?.. Подите, батюшка! я сам пророк.

Священник посмотрел на него с изумлением.

– Что ж вы на меня смотрите? – вскричал великий поэт, – конечно, я пророк. Читали ли вы Пушкина?

– Читал.

– Помните ли вы его стихотворение «Пророк»?

– Не знаю... нет.

– То-то и есть! В этом стихотворении говорится, что некоторый человек лежал в пустыне, что к нему прилетел ангел, вынул у него язык и сердце, сделал из него пророка, и потом Бог сказал ему:

Восстань, пророк, и виждь и внесли,
Исполни волею моею,
И обходи моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

А знаете ли, кого разумел Пушкин под пророком? Поэта. Итак – я пророк.

Священник не сделал никакого возражения, но уходя шепнул бабушке, что внучек ее либо помешан, либо вольнодумец, и потому за ним надобно строго присматривать.

Бабушка не поверила, да и как ей было поверить? она не знала, что такое поэт, а только любила своего внука.

Несколько дней спустя был званый обед в честь приезжих. Бабушка с радости назвала человек семьдесят: тут были не только все родные и короткие знакомые – обыкновенные посетители ее дома, но – по московскому обычаю – и все те, кого бабушка видала в других домах, даже такие, о которых она только слыхала, что они «в Собрании»²⁴ кланяются с тем или с другим из ее родственников. Мы можем поверить, точно ли всего было семьдесят человек: во-первых, положим одиннадцать родственников и родственниц, да трое коротких знакомых, итого, четырнадцать голов; теперь далее – будем считать по местам где кто живет – с Пресни семь человек, из Тишины и Плетешков²⁵ – круглым счетом девять человек (по наружности оно кажется одиннадцать, но трое – ростом только с полчеловека);

от Николы-в-Сапожках²⁶ – четыре человека; от Николы-в-Башмачках²⁷ – почти столько же (потому что пятый вчера женился); с Балчуга²⁸ и Разгуляя – девять человек; от Николы-на-Курьих-Ножках²⁹ и от многих других Никол³⁰, также от Спаса-в-Чигасах³¹ – двадцать человек (считая в том числе одного, с толстым брюхом, за двух); из-под Весков – два; итак, всего-навсего шестьдесят девять гостей. Извините, что мы одним гостем ошиблись: он также был должен приехать, но узнал, что на ком-то будет жилет лучше, чем на нем, и остался дома.

Обед был чудеснейший; между прочим живой осетр. Его, прежде нежели съели, обнесли вокруг всего стола, и сонливый дядюшка великого поэта, по приказанию своей маменьки, шел впереди процессии, повторяя: «Живой! живой!» Но это путешествие так его утомило, что он молчал все остальное время обеда. Гостей рассадили по их душевным достоинствам: один худошавенький человек, у которого не более двенадцати душ, заполз было в фалангу татарских праправнуков, имеющих от пятисот до тысячи, но его мигом прогнали на нижний конец стола; только француз-учитель, не владея ни одною душою, кроме своей собственной, которая никуда не годилась, сидел и любезничал между дам; но это потому, что многие московские дамы, даже и бездетные, никак не могут обойтись без учителя-француза.

Что касается до великого поэта, он опять был не в духе: вы знаете, гении не любят толпы, к тому же гости, как москвичи, говорили все на своем языке, то есть на каком-то языке вроде французского³², а мой поэт умел говорить только по-русски. Вследствие этого он чувствовал себя в весьма неприятном расположении, сидел боком, хмурил свои густые брови и метал молниеносные взоры на дам – точь-в-точь как один знакомый мне молодой человек, который, вздумав про себя, что он удивительный гений и удивительный красавец, старается убедить в этом дам, делая им сердитые рожи.

Впрочем, должно отдать справедливость, что если не гости, которые были очень погружены в обед, то некоторые гости заводили речь с моим великим поэтом, как бы желая вызвать его на какую-нибудь поэтическую импровизацию. Бабушка, еще не садясь за стол, успела описать каждому по секрету необыкновенные таланты своего внука. Нашлись люди, слышавшие о Пушкине, нашлись даже такие, которые читали всю первую главу «Евгения Онегина», – и вот мой великий поэт сделался предметом внимания нескольких чувствительных дам, смотревших на него, как на фокусника, в ожидании, не выкинет ли он какой штуки. Но молчаливость великого поэта разочаровала их: они начинали думать, что он совсем не поэт, потому что даже и говорит не стихами.

Ужасно!.. а он, в это самое время, создавал в тайниках души своей великое произведение, которому надлежало быть славою всего человечества!

– Дружочек Петенька, – сказала ему бабушка после обеда, – графиня Лукерья Петровна интересуется прочитать какие-нибудь твои стишки.

– Пожалуй.

– Дарья Ильинична Гремихватова также просит, чтобы ты прочел что-нибудь.

– Согласен.

– Прочти же, что получше.

– У меня все хорошо: я пишу по вдохновению.

– Так прочти мои любимые... как бишь? вот эти, что ты называешь... кажется, в северном вкусе.

– В восточном.

– Ну, в восточном; эти, что ты так хвалишь. Они начинаются: «Туда, туда...»³³ и еще что-то.

– Знаю. Это – великое стихотворение! Ежели бы я не написал ничего больше, оно одно поставило бы меня выше всех современных писателей.

– Да, да. Вот я его сейчас отыщу и прочту сама.

Бабушка побежала в другую комнату; поэт прислонился к двери и, сложа руки на груди по-наполеоновски, задумался, в ожидании грядущего бессмертия. Стихи, на которых он хотел его основать, были следующие:

Туда! туда!.. Восторг и вдохновенье!
Туда! туда!.. Любовь, смерть и мечта!
Туда!.. Там пел Фирдуси³⁴ наслажденье,
Там испаганские³⁵ стоят врата!

Заря тень сгоняет
С восточных полей,
И розу ласкает
Певец-соловей³⁶.

Заря, заря! ты блещешь на востоке,
На восток с тобой стремлюся я!³⁷
Там есть гарем, там вод в кристальном токе
Купается Зюлейка – ах! – моя.

К Зюлейке стремлюся,
К Зюлейке лечу;
С тобою, Фирдуси,
Петь негу хочу.

И так далее; всего восемнадцать четверостиший.

– Вот извольте послушать, – сказала бабушка, надевая очки. Все столпились вокруг нее, расправили уши и открыли форточки своего внимания: только сам великий поэт остался на прежнем месте, вперив горящие очи в спину одной девицы, которая имела привычку весьма раскрывать ее для скорейшего уловления женихов, да еще сонливый дядюшка пребыл неподвижен в своем углу на диване, потому что не успел отдохнуть от описанной выше процессии.

– Вот послушайте! – И бабушка начала читать: – «Туда, туда!.. Во... Вост... орг... и вдох... но... вдохно... вень! Туда, туда!.. лю... бовь... смерть и...» – Бабушка стала. – Ах, Петенька! как ты связно пишешь! Что это такое? «Смерть... и... и...»

– Позвольте, я прочту, – сказал кто-то.

– Нет-с, нет-с! – вскричала бабушка, прижимая стихи к своей груди, – это сочинение моего внука; так уж позвольте мне самой прочитать. «Смерть и... и...» Разобрала! «И мечта!» – Точно, все на свете мечта. Не правда ли?

– Правда, матушка; все на свете мечта³⁸, – отозвалась одна чуть живая старушка, которая в молодости напрасно приводила в действие все ухищрения кокетства, чтобы выйти замуж.

Бабушка возобновила чтение:

– «Любовь, смерть и мечта». Как это прекрасно! «Туда!.. там... пел... Фир... Фир...» Не могу разобрать: тут какое-то немецкое слово. «Фир...»

– Да позвольте мне избавить вас от труда, – сказал опять тот же услужливый гость.

– Нет-с! Нет-с! – возразила бабушка по-прежнему, – я непременно прочту сама стихи моего внука; я знаю их наизусть. – Она принялась разбирать и повторяла: «Фир... Фир...»

– Фирдуси! – вскричал громко великий поэт, не выдержав наконец страдания от дурного чтенья его стихов.

– Ах, точно так! «Фирдуси...» Ну, теперь я прочту. Федюша! – примолвила она, отыскивая глазами своего сонливого сына, – что такое Фирдуси?

– Знаю, – отвечал тот из своего угла.

Бабушка, как кажется, была совершенно удовлетворена этим ответом, потому что продолжала:

– «Фирдуси...» Ну, хорошо! что же тут делает это Фирдуси? «Фирдуси... на... слаж... денье... Там ис... ис... испа... испанские врата!»

– О Боже мой! – возопил великий поэт, проталкиваясь между слушателей, – какие испанские? – испаганские!

– Пожалуй, все равно; будь по-твоему. Я прочту снова. Послушайте, как хорошо!

Бабушка прочла в другой раз весь первый куплет, изувечила его до последней крайности и точно так же поступила со вторым. Стих «Певец-соловей» обратил на себя особенное ее внимание.

– В самом деле, соловей певчая птица, – заметила она. – Вообразите, княгиня Фекла Тарасовна! а мою канарейку ведь кошка съела!

– Неужли? Что же вы сделали с кошкой?

– Бедненькая! – произнесли две или три барышни, интересно подняв глазки к небу.

– Я велела кошку удавить, – сказала бабушка.

– И дельно! – отвечала княгиня, – я то же бы сделала. Ну, да уж дочитывайте поскорей: что-то скучно.

Великий поэт взглянул на княгиню, как будто хотел проглотить ее. Между тем бабушка принялась увечить третий куплет его бес-смертного стихотворения.

– «За... ря, заря!.. ты... бле... блещ... блещешь... на вос... вос... то-ке...» Не правда ли, что это прекрасно? Я, признаюсь, читывала кой-какие стихи. Иногда в них Бог знает что написано! а тут все сущая правда; например, хоть бы заря: она в самом деле всегда занимается на той стороне, где всходит солнышко. Как вам нравится, Анкудин Елевферьич?

– Да читайте же, бабушка! – вскричал великий поэт.

– Сейчас, сейчас! вишь какой нетерпеливый! То-то молодость! «И... на... вос... ток... на восток... с то... бой... стр... стремлюся я!»

Рыдания прервали чтение.

– Нет, Петенька! – вскричала добрая бабушка, кидаясь ему на шею, – не езд, голубчик! пожалуйста, не езд! Ведь это очень далеко. Ну, зачем тебе? Лучше останься в Москве, да женись.

– Вы меня убиваете, бабушка! Читайте, пожалуйста, или отдайте мне.

– Нет, ты можешь всегда прочитать, а теперь – я сама начала, сама и кончу. – И бабушка принялась твердить: – «Там... там...там...»

– Да читайте же, – вскричал великий поэт в бешенстве.

– «Там... там... есть... гар... рем...» Насилу разобрала. Федюша, что такое – гарем?

– А! – откликнулся сонливый Федюша.

– Я спрашиваю, что такое гарем, – повторила бабушка.

– Знаю, – отвечал Федюша, и бабушка опять стала читать.

– «Там есть гарем... Там... вод... в кри... в кри... кри...»

– Кристальном! – сказал поэт, дрожа от досады.

– Кристальном? – хорошо. «В кристальном то... то... токе... ку... ку... пается... Зю... Зю...»

– Зюлейка! – сказал великий поэт.

– Как! – закричала бабушка, – тут написано, что какая-то женщина купается? Ах, Петенька! что ты это наделал? ведь срам, непристойность! А я сдуру-то и читаю при всех!

– Позвольте, – вмешалась одна нарядная дама, – кроме того, что это оскорбляет нравы, тут сказано еще, что она купалась в токе. По-моему, это совсем неестественно: купаются всегда с открытой головой³⁹.

– Но может быть, у них такое заведение, – заметила бабушка.

– Разумеется, заведение, – подтвердил один пожилой человек, соломон гостиной, и бабушка продолжала:

– «К Зюлейке стр... ремлюся... К Зюлейке... лечу... С то... бою... Фир...» Ах, это опять то же Фирдуси! «С тобою, Фирдуси... Пе... пе... петь... не... не...»

Но на этом слове чтение было прервано чудным и ужасным происшествием. Великий поэт давно уже выходил из себя от бешенства: каждое слово его стихотворения, разорванное, истерзанное в устах доброй бабушки, каким-то оглушительным воплем отдавалось в самой глубине души его; слух великого поэта был раздражен до высочайшей степени, все жилы напряглись, нервы бились, кровь прилила к сердцу, голова горела, в глазах было зелено. Ему казалось, что стихотворение его трещит, ломится, падает, как огромная башня; что слова раздробляются вдребезги; что буквы превращаются в какие-то страшилища, которые окружают его, пляшут, кривляются, высовывают ему свои черные языки и воют ужасными, дикими голосами. Вдруг он закричал, выбежал из комнаты, из дому и упал на снег. Его перенесли на постелю и напоили теплою мятою. К вечеру ему стало легче, но... жребий свершился! он перестал сочинять стихи. Памятником его поэтической жизни осталось только стихотворение, окалеченное бабушкою: прочие погибли в пламени камина.

Я с трепетом слушал, когда великий поэт рассказывал мне это трагическое событие. Он клялся Фебом, что мучения раков, которых заживо варят, рыб, которых заживо чистят, и людей, которых заживо пекут, – решительно ничего не значат в сравнении с мучениями поэтов, которых стихи читает бабушка!

Печатается по тексту рукописного альманаха Майковых «Лунные ночи. Собрание сочинений в стихах и в прозе. 1839» (ИРЛИ. №16496. Л.106–123). Подпись: W. Saltbox, esq.

¹ Фаларис – древнегреческий тиран (IV в. до Р.Х.); согласно легенде, заживо сжигал своих врагов в бронзовом быке, имевшем особое устройство, которое превращало крики жертвы в мычание быка. Прокруст – легендарный древнегреческий разбойник; имел два ложа – большое и маленькое;

на первое укладывал людей небольшого роста и бил по ним молотом, растягивая их тела; на второе – рослых людей и отпиливал выступающие части.

² Иван Иванович Михайлов (1822–1897), в 1830-е студент Казанского университета, вспоминал, что «в то время между профессорами было еще много монстров, оставшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пенсионера. <...> Некоторые из числа доморощенных профессоров были безукоризненны в нравственном отношении, не говоря уже о том, что плохо знали свой предмет» (*Михайлов И.И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Т.100. №10. С.109; №11. С.400.*)

³ Как отмечал историк Казани М.С.Рыбушкин, «по мере водворения в Казани христиан, коренные жители, т.е. Татары, вынуждены были выселяться на края города, и таким образом существуют ныне две отдельные Татарские слободы, так называемые *Старая* и *Новая*» (*Рыбушкин М.С. Казань // Заволжский муравей. 1832. Ч.1. №1. С.41*). По свидетельству современника, в Татарской Слободе «изредка, лишь кой-где встречается магометанин, и все кажется погруженным будто в сонную неподвижность» (*Белов И. Путевые заметки и впечатления по восточной европейской России. М., 1852. С.41*).

⁴ Булак – «канал, или проток <...> (мелкий, тинистый и вонючий летом), который, проходя сквозь всю нижнюю часть Казани, соединяется с рекой Казанкой» (*Аксаков С.Т. Собрание бабочек // Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т.2. С.172*). Булаком называлась также местность, прилегающая к протоку, где весной устраивалась ярмарка.

⁵ Медина – город в Саудовской Аравии, место захоронения Магомета.

⁶ «Абидосская невеста» (1813) – поэма Дж.Г.Байрона. В рус. пер. И.И.Козлова: «Невеста абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона» (СПб., 1826). В тексте «Сказания...» обыгрываются, видимо, следующие фрагменты поэмы: «"Зюлейка – сердца утешенье!.."; «... "Но как молчать, стерпеть ли мне, / Чтоб мужем был Осман тебе?.."; «"Зюлейка! ты моей рабою?.. / Пророком я клянусь!..";» (*Козлов И.И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С.338, 354, 355*). Имя «Зюлейка» широко использовалось в массовой романтической поэме (подробнее см.: *Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С.308, 258–259*) и лирической поэзии («в восточном вкусе»). Особо следует отметить стихотворение студента Казанского университета (1829–1833) Афиногена Ивановича Шляпникова «Гирей и Зюлея», опубликованное в казанском журнале «Заволжский муравей» (1832. Ч.1. №8. С.430–431) и представляющее собой как бы краткий конспект «восточной» романтической поэмы. Автор, очевидно, воспринял форму имени героини «Абидосской невесты» как уменьшительно-ласкательную. Имя Зюлейки возникло и в пародиях на «восточную» романтическую поэму (см: *Русская стихотворная пародия (XVIII–начало XX в.) Л., 1960. С.329*). Выражение «жемчужина востока» заимствовано, вероятно, из стихотворения В.Г.Бенедиктова «К черноокой» ([1835]; в 1838 положено на музыку): «Ты – жемчужина Востока, / Поля жаркого цветок!» (*Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983. С.97*).

⁷ Профессор Московского университета М.Т. Каченовский (1775–1842) одним из первых начал знакомить русских читателей с Байроном; с 1818 он публиковал в издававшемся им журнале «Вестник Европы» различные статьи и заметки о нем, а в 1821 выпустил «Выбор из сочинений лорда Байрона, переведенных с французского» (М.) – небольшую хрестоматию его произведений, переведенных прозой (подробнее см.: *Маслов В.И.* Начальный период байронизма в России: Критико-библиографический очерк. Киев, 1915. С.51–52, 65–68; *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи: XVIII–первая половина XIX века // Литературное наследство. М., 1982. Т.91. С.453–454).

⁸ Выражение «серобумажная литература» в критике первой половины XIX в. было (в различных вариациях) достаточно устойчивым и обозначало литературу самого низкого сорта.

⁹ Ниже в повести перечисляются образцы массовой романтической поэмы конца 1820-х–начала 1830-х. Подобного рода «сюжетные» перечисления практиковались в русской журналистике (см., напр.: *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С.67).

¹⁰ «Паризиана» — поэма («историческая повесть») Байрона (1816); в 1820-е гг. вышли два ее перевода: В.Е.Вердеревского (СПб., 1827; с французского) и Н.Карцова (М., 1829).

¹¹ «Джяур, отрывки Турецкой повести, из соч. Лорда Байрона, в стихах; пер. Н. Р.» (М., 1822); «Гречанка» – анонимная поэма (СПб., 1827); о других «Гречанках» см.: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. С.404, 406; «Киргизский пленник» – повесть в стихах Н.Н.Муравьева, «взятая с истинного происшествия Оренбургской линии» (М., 1828); «Гребенский казак» – повесть А.В.Шидловского (СПб., 1831); «Чека» – уральская повесть Ф.А.Алексеева (М., 1828).

¹² Имеется в виду барон Е.Ф.Розен, его поэма «Дева семи ангелов» (изд.: *Розен Г.* Дева Семи Ангелов и Тайна. СПб., 1829) и трагедия в 5 действиях «Осада Пскова» (СПб., 1834) на сюжет из русской истории XVI века; приводимой в тексте «Сказания...» фразы в ней нет, наиболее близкая по смыслу реплика: «Сейчас пусти – / Иль вышибу все зубы!» (С.87). В 1838–1839 Розен в качестве секретаря сопровождал вел. кн. Александра Николаевича в путешествии по Италии и Германии и почти не печатался.

¹³ Критические выпады в сторону авторов романтических поэм за их пристрастие к изображению «ужасов, злодейств и сумасбродств» были достаточно распространены в критике тех лет; ср. у Н.И.Надеждина: «*Душегубство* есть любимая тема нынешней поэзии, разыгрываемая в бесчисленных вариантах: резанья, стрелянья, утопленничества, давки, замороженья... et sic in infinitum! Самый изобретательный инквизитор века Филиппа II подвиглся бы неистощимому разнообразию убийств и самоубийств, измышляемых настоящими гениями в услужение и назидание наше!» (*Надеждин Н.И.* Указ. соч. С.69). Еще раньше подобную тенденцию критиковал П.А.Катенин (см.: *Катенин П.А.* Размышления и разборы. М., 1981. С.259–260), а уже в 1831 рецензент «Северной пчелы» отмечал, что «пошлые повести о разбойниках и убийцах <...> перешли теперь к литературной черни, как изно-

шенное платье щеголихи переходит к служанке» (цит. по.: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. С.348).

¹⁴ «Пещера Кудеяра» – повесть в стихах С.Степанова (М., 1828); «Пленник Турции» – поэма Д.Д.Комисарова (М., 1830), по своим художественным качествам стоящая за гранью литературы; «Муромские леса» – повесть в стихах А.Ф.Вельтмана (М., 1831). Возможно, во фразе о поэме Вельтмана содержится отдаленная реминисценция из «Послания к Александру Алексеевичу Плещеву» (1794) Н.М.Карамзина: «Ужель сокрыться / В пустыню Муромских лесов...»; «Скитающийся странник, или Ночной побег приговоренного к эшафоту» – повесть Н.И.Фомина (М., 1830).

¹⁵ Френ (von Frähn) Христиан Данилович (1782–1851) – ученый-ориенталист, нумизмат; один из основоположников русского востоковедения, в 1807–1817 преподавал в Казанском университете; автор многочисленных трудов по истории и языкознанию, преимущественно на немецком языке; о. Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич, 1777–1853) – ученый-синолог, переводчик и путешественник; автор путевых очерков по Сибири; до 1839 выпустил книги «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с 15 столетия до настоящего времени» (СПб., 1834) и «Китайская грамматика» (СПб., 1835).

¹⁶ Во имя Бога милостивого и милость творящего – начальные слова каждой суры Корана. С Кораном Солоницын был знаком, по-видимому, по немецким или французским переводам, т.к. в ранних русских переводах Корана эта фраза была переведена иначе.

¹⁷ Десть – единица счета писчей бумаги (24 листа).

¹⁸ Как отмечал в 1832 Н.А.Полевой, «наша русская литература доньше состоит из отрывков <...> наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать» (цит. по: Русская стихотворная пародия. С.322). О том, что «отрывок есть <...> царь новейшей словесности, верх изящного», писал в 1833 и О.И.Сенковский (см.: *Сенковский О.И.* Сочинения Барона Брамбуса. М., 1989. С.37).

¹⁹ «Слава женского пола» – книга стихов Г.В.Геракова (СПб., 1805), отличающихся особой галантностью.

²⁰ Здесь иронически перефразированы суждения критики об «уголовном» содержании ряда романтических поэм; ср. в рецензии на «Нищего» А.И.Подолинского: «...гораздо лучше сделал бы Автор, если бы, послушавшись совета “Вестника Европы”, оставил эти страшные преступления на суд гражданский» (Московский вестник. 1830. Ч.2. С.259).

²¹ Филе (*фр.* filet) – ажурная вязка, кружева.

²² Это высказывание имеет определенную аналогию со словами Н.И.Надеждина в рецензии на поэму А.И.Подолинского «Борский» (1829): «Но, говорят, поэтический инстинкт может заменить для гения всю школьную пыль учености! Природа-де познается не из книг и не за скамьями: сердце

свое можно изучать самому, без указки профессорской <...> Ведь Гомер и Шакспир не учились в университетах!» (*Надеждин Н.И.* Указ. соч. С.74).

²³ Возможно, в этих словах содержится намек на упреки романтикам в пренебрежении стилистическими и грамматическими формами. Ср. мнение Классика в предисловии П.А.Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану»: «...ныне завелась какая-то школа <...> не следующая никаким правилам, кроме своей прихоти, искажающая язык Ломоносова, пишущая наобум, шеголяющая новыми выражениями, новыми словами...» (*Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.48). Любопытно и объяснение «классиками» подобных отступлений: «Так вот для чего твердят они (романтики. – А.Б.) беспрестанно: “для произведений изящных не надобны формы, не надобны правила, не надобно участие рассудка” – чтобы необузданному воображению своему дать совершенную волю бродить везде и всякими путями <...> Не похожи ли на сонный бред все их писания!» (*Ю-ъ К-въ.* Второе письмо к Лужницкому старцу о быстрых успехах Русской Поэзии // *Дамский журнал.* 1828. Ч.23. №15. С.123, 124).

²⁴ Имеется в виду Московское Благородное Собрание, с 1785 г. размещавшееся в купленном московским дворянством доме кн. В.М.Долгорукого в Охотном ряду (арх. М.Ф.Казаков). «...Дом сей <...> огромен; <...> ныне внутри великолепен убран; зала оного помещает в себе до 3000 посетителей» ([*Гурьянов И.Г.*] Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского... М., 1831. Ч.3. С.38).

²⁵ Пресня – московская слобода (ранее именовавшаяся «приездней»), где в старину у «гостей заезжих» отбирали «показание по крестному целованию: как, зачем, и по какому делу приехал он на Русь православную» (*Макаров М.Н.* Заметки о Москве // *Московский наблюдатель.* 1837. Ч.15. С.231); Тишина – район между Хамовниками и Пресней, где расположены несколько Тишинских переулков; Плетешки – московский переулок.

²⁶ Никола-в-Сапожках – церковь, находившаяся недалеко от Троицкого моста; по словам современника, она «весьма мала и отличается древностию архитектуры; построена в 1683 году и даже внутренним украшением сохранила память древности» ([*Гурьянов И.Г.*] Указ. соч. Ч.3. С.114). Согласно другому источнику, строительство ее было закончено в 1648 г. (см.: [*Максимович Л.М.*] Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы... М., 1796). Разобрана в конце 1830-х гг. О происхождении названия этой церкви пишет А.Мартынов: «...полагали, что она была построена неким Сапожковым; но в делах Главной Полицмейстерской Канцелярии 1759 г. <...> мы нашли около этой церкви фартину Сапожок...» (*Мартынов А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888. С.182).

²⁷ В Башмачках находилась церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы, построенная в 1705 г. и названная по имени ее строителя Башмакова (см.: *Мартынов А.* Названия московских улиц... С.181; *Благовещенский И.А.* Краткие сведения о всех церквах Московской епархии... М., 1874. С.24). Сходный прием (сознательная фактическая неточность ради достижения эффекта комического перечисления) использован и в анонимной повести «Привидение», помещенной в рукописном журнале Майковых «Под-

снежник» на 1836 г.: «...в приходе у Николы... не то в Сапожках, не то в Башмачках...» (ИРЛИ. №16494. Л.71об.).

²⁸ Балчуг – улица, которая «начинается от Москворецкого моста и доходит до Цепного моста. <...> Слово Балчѣх на татарском языке значит грязь, что весьма подходит к топкому и рыхлому грунту этой местности. <...> Здесь и по сие время одно из самых грязных и топких мест в Москве» (*Мартынов А.* Названия московских улиц... С.17, 18). Разгуляй – «небольшая трех-угольная площадка, на которую сходятся улицы Старая и Новая Басманная. <...> Говорят старожилы, что здесь лет за 50 было место, где большею частию буйная юность собиралась, так сказать, погулять и повеселиться» (*Гурьянов И.Г.*] Указ. соч. Ч. 4. С.40).

²⁹ Имеется в виду церковь Николы на Курье-ножке; согласно преданию, рядом жил любимый царский сокольничий Никола по прозвищу Куряножка, который построил ее в честь своего ангела (см.: *Мартынов А.* Указ. соч. С.181–182; *Макаров М.Н.* Предание об урочище Курья Ножки // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1822. Ч. 20. С.174–177).

³⁰ В 1839 в Москве было 30 приходских церквей во имя св. Николая Чудотворца, Архиепископа Мирликийского (см.: *Г.С.* Историческое известие о всех соборных, монастырских, [о]кружных, приходских и домовых церквях, находящихся в столичных городах Москве и Санктпетербурге... М., 1839. С.110–112).

³¹ Церковь Спаса-в-Чигасах «построена [в] 1483 г. игуменом (по прозвищу) Чигасом, основавшем на этом месте мужеский монастырь, и оттого прозвана Спас-Чигасы, или в Чигасах. <...> ...Спасочигасский приход прежде был одним из лучших в Москве. О богатстве чигасских за Язуою обывателей, собиравших во множестве серебро и золото, свидетельствует и народная песня. <...> Ныне Спасский в Чигасах приход, по выходе богатых и знатных людей, далек от того значения, какое имел он прежде» (*Невоструев К.И.*] Описание Спаса-Чигасской церкви в Москве. М., 1858. С.3, 6, 22, 24).

³² Ср. с характеристикой московского общества в статье И.М.Муравьева-Апостола «Письма из Москвы в Нижний Новгород» (1814): «Из ста человек у нас (и эта самая умеренная пропорция) один говорит изрядно по-французски, а девяносто девять по-гасконски; не менее того все лепечут каким-то варварским диалектом, который почитают французским потому только, что у нас это называется говорить по-французски» (цит. по: *Фомичев С.А.* Комедия А.С.Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М., 1983. С.79).

³³ «Туда, туда...» – одно из наиболее часто встречающихся в русской поэзии тех лет выражение, восходящее к песне Миньоны из романа И.В.Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796): «Там счастье, друг! Туда! – туда / Мечта зовет! Там сердцем я всегда!» (пер. В.А.Жуковского, 1818).

³⁴ Фирдуси (Абу-ль-Касим Фирдоуси, ок. 940–1020 или 1030) – персидский поэт, автор эпической поэмы «Шах-наме». Первые ее переводы на европейские языки (английский и французский) были сделаны в 1820–1830. Герой «Сказания...», очевидно, путает Фирдоуси с Гафизом, лирическим героем «Западно-восточного дивана» Гете, поскольку первого едва ли мож-

но характеризовать как «певца наслаждения и нег», и он воспринимался скорее как «мудрец холодный» (*Подолинский А.И. Фирдоуси // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С.31. Паг. 2-я*) или «Персидский Омер» (*[Б.н.]. Фирдоуси // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С.199; ср. также: Шлегель Ф. История древней и новой литературы. Изд. 2-е. СПб., 1834. Ч. 1. С.335*).

³⁵ Исаган (Исфаган) – город в Персии, славившийся архитектурными памятниками.

³⁶ Поющий над розой соловей в 1820-е гг. стал расхожим образом, постоянно встречающимся в массовой «восточной» поэзии того времени; ср.: «На что, на что мне слава мира, / Какая польза мне от ней? – / Поет над розой соловей, – / В моих объятиях Зельмира!» (*Редкин А. Элегия (Подражание Восточному) // Северная пчела. 1827. №117. 29 сент.*); «Ароматным утром Мая, / О подруге въздыхая, / О любимице своей, / Пел над розой соловей» (*Раич С.Е. Песнь соловья // Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч.4. С.66*); «И упоенный соловей, / К ее листам прикинув, млеет / И до утра поет над ней» (*Ознобишин Д.П. Три розы // Галатея. 1829. Ч.2. №8. С.87*). В 1836 г. «Северная пчела» в рецензии на пьесу К.А.Бахтурина «Молдаванская цыганка», высмеивая главного героя, князя Мстиславского, писала, что он рассказывает своей возлюбленной «стихами, и за новость, про любовь соловья и розы, – басня, которую на Востоке знает всякое дитя» (*Северная пчела. 1836. №92. 24 апр.*). Позднее этот образ превратился в символ «чистого» искусства и использовался в полемических целях; так, к примеру, в 1863 г. В.А.Зайцев писал, что хорошим он признает то художественное произведение, «которое не занимается любовью соловья к розе, а обращается к предметам житейским» (*Зайцев В.А. Избр. соч.: В 2 т. М., 1934. Т.1. С.138*).

³⁷ Мотив «стремления на Восток» также достаточно часто использовался в поэзии тех лет; ср.: «К востоку я стремлюсь душою!» (*Жуковский В.А. Явление поэзии в виде Лалла Рук (1821) // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 3 т. Пг., 1918. Т.1. С.294*); «К востоку, все к востоку / Стремление земли – / К востоку, все к востоку / Летит моя душа...» (*Жуковский В.А. Песня (1831) // Там же. Т.1. С.360*); «Сердце рвется на Восток, – / Там страна моя родная!» (*Ободовский П.Г. Отважный пловец на чужбине (1827) // Поэты 1820–1830-х гг. Л., 1972. Т.1. С.449*).

³⁸ Следует отметить различие значения слова «мечта» для старушки и поэта: для нее мечта (в соответствии со словоупотреблением XVIII в.) – «химера», «призрак» (ср.: «Мечта! мечта! сердце отравя! / Исполнена одной ты тли!..» – Г.П.Каменев, «Мечта», [1796]), для поэта же – «греза», «фантазия» («Подруга нежных Муз, посланница небес, / Источник сладких дум и сердцу милых слез...» – К.Н.Батюшков, «Мечта», 1817, позднейшая редакция). Подробнее об употреблении слова «мечта» в поэзии того времени см.: *Вацууро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С.77–81*).

³⁹ Ток (*фр. toque*) – женский головной убор, круглый, прямой, без полей; носился вплоть до конца XIX в.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов В.В. 379
Авдотья Андреевна, родственница Шервудов 357
Адлерберг А.В. 220, 222, 283
Адлерберг В.Ф. 222
Адлерберг Н.В. 222
Азаревич Ал.Ап. 21
Азаревич(ева), «фигурантка» 21
Азарьева Ю. 24
Азарьевы, семья 24
Айвазовский И.К. 102, 109
Акимов М. 188, 190
Аксаков И.С. 199
Аксаков К.С. 199
Аксаков С.Т. 199, 514
Алеви см.* Галеви
Алевтина, тетка Н.А.Бычковой 428
Александр I, имп. 276, 282, 285, 286, 306–308, 311, 337, 366, 368, 373
Александр II, имп. 139, 140, 242, 257, 269, 277, 285, 303, 311, 366, 369, 377, 515
Александр III, имп. 282, 284, 285, 300, 478
Александр Михайлович, вел. кн. Тверской и Владимирский 273
Александра Федоровна, имп. 109, 429
Александровская (урожд. Чирикова) В.В. 213, 216
Алексеев М.П. 515
Алексеев Ф.А. 515
Алексей Михайлович, царь 266
Алексей Петрович, царевич 54
Алексий, еп. 286
Алмазова Е.П. 195
Альберт, принц 102, 109, 110
Альбертини Н.В. 152
Алябьев А.А. 26, 94, 95, 356, 377
Алябьев В.А. 26
Анастасия Степановна, подруга Е.П.Майковой 122, 124
Ангулемский, герцог 70
Андреев А. 305
Аникин А.А. 299
Аникин В.В. 297, 370, 374
Анисья, кухарка Евдокимовых 468
Анна Иоанновна, имп. 267
Анненков П.В. 111
Анофрий, боярин 247
Апель И.А. 55
Аракчеев А.А. 308, 368
Аргиропуло П.Э. 202
Арну О.-Ж.-Ф. 55
Арсений Рождественский 286
Артари О.О. 298
Артемовский С.С. см. Гулак С.С.
Афанасьев Н.И. 279
Баевский В.С. 23
Баженов И.А. 431, 432
Баженова А.Е. 431–433
Байрон Дж.Г. 28, 40, 47, 48, 56, 57, 72, 502, 507, 514, 515
Балабан Г. 286
Балакин А.Ю. 21, 26, 501
Бальзак О. де 6, 87
Бальмонт К.Д. 117
Баранов П. 266
Баратынский Е.П. 43
Барон Брамбеус см. Сенковский О.И.
Барсуков Н.П. 14
Барц П.Я. 275
Барц Е.П. см. Щербинина Е.П.
Барятинские, семья 245
Басистов П.Е. 347, 375, 376
Баташев И.М. 305, 312, 370
Батюшков К.Н. 277, 519
Бахметьевы, род 306
Бахтурин К.А. 519

- Башмаков А.А. 253, 254, 265, 278–280
 Башмаков А.Д. 244, 269, 278, 281, 282
 Башмаков В.А. 254, 280
 Башмаков С.Д. 284
 Башмаков С.С. 284
 Башмаков Ю.А. 254, 280
 Башмаков, строитель 517
 Башмакова (урожд. Вистаз-Дювернуа) К.И. 254, 280
 Башмакова (урожд. Суворова, во 2-м браке Горчакова) В.А. 256, 258, 282, 283
 Башмакова (урожд. Шмидт) Ф. 284
 Башмакова Н.А. см. Воейкова Н.А.
 Башмакова С.С. 284
 Башмаковы, род 284
 Бедекер К.Ф. 157, 159
 Бедекер Ф.В. 239
 Беден Ж. 88
 Бедряга И. 276
 Бедряга М.А. см. Лаптева М.А.
 Бейрон см. Байрон Дж.Г.
 Белавин, знакомый В.А. Солоницына 131
 Белинский В.Г. 28, 34, 48, 49, 90, 91, 113
 Беллерминов И.И. 176
 Беллини В. 78, 86
 Белов И. 514
 Беляева Л. 193, 194
 Бенедиктов В.Г. 25, 28, 36, 44, 45, 514
 Бенкендорф А.Х. 10, 19, 112, 369
 Беньян Дж. 293
 Бер Я.Л. см. Мейербер
 Берг, врач 253
 Бернадаки Н. 6
 Бернар Л. 28
 Бернар М.И. 127, 129
 Бернард см. Бернар М.И.
 Бертран А.Г. 64, 69
 Бестужев-Рюмин К.Н. 197
 Бецкой И.И. 317, 318, 371
 Бибииков Д.Г. 67
 Бильбасов А.А. 66, 72, 76, 84
 Биллярский П.С. 7
 Бичурин Н.Я. см. Иакинф о.
 Благовещенский И.А. 517
 Благово Д.Н. 425
 Бобринские, семья 245
 Бобринский А.П. 238
 Бове (урожд. Шамбо) А.П. 451
 Бове М.М. 451
 Бове М.О. 451, 452, 477
 Бове О.И. 477
 Богаевский, врач 253
 Богусевич Ю. 6
 Бокова В.М. 425
 Болдырев А.В. 374
 Бомарше П. 89
 Борис, сын А.А. Трубниковой 474
 Бороздна В.П. 25, 58, 60, 125
 Бороздна И.П. 25
 Бороздна Л.И. 25, 79, 81, 87, 90, 127, 129
 Бороздны, семья 25
 Бортнянский Д.С. 371
 Боткин В.П. 199
 Бржосниовский А.П. 139, 141
 Бродский Н.Л. 49
 Брокгауз Ф.А. 175, 298
 Брукс Э. 239
 Брюллов К. 297
 Булгаков А.Я. 67, 370
 Булгаков К.А. 314, 370
 Булгаков Ф.И. 297, 298, 303
 Булгаков Я.И. 371
 Булгакова, соседка Цветковых 463
 Булгаковы, бр. 67, 69, 70, 111, 112
 Булгари Я.Н. 368
 Булгарин Ф.В. 64, 86, 95, 124, 210
 Бурбоны, династия 70, 71
 Бурька см. Майков Л.Н.
 Бутурлин М.Д. 297
 Бычков А.Ф. 426, 471, 474
 Бычкова (урожд. Румянцева) Н.А. 425
 Бычкова Е.А. 471
 В.С. см. Солоницын В.А.
 Вадковский Ф.Ф. 368
 Валуев П.А. 148, 150
 Валь Э. 281
 Ван Дейк А. 14

- Варенцов В.Г. 152
 Варнгаген фон Энзе К.-А. 112
 Василий Иванович, вел. кн. 266
 Василий Иванович, учитель 443
 Василий II Темный 124
 Васильчиков И.В. 268
 Вацуро В.Э. 19, 22, 519
 Введенский А.И. 195
 Введенский И. 7
 Вебер К.М. фон 55, 93, 94
 Вейнберг П.И. 117
 Вельтман А.Ф. 30, 502, 516
 Вельяшев Е.Л. 155, 156
 Венгеров С.А. 265, 279, 374
 Венелин Ю.И. 67
 Вердеревский В.Е. 515
 Вересаев В.В. 282
 Веригин П.В. 239
 Вернадская (урожд. Константинович) А.П. 177, 178, 182, 193
 Вернадские, семья 178, 190
 Вернадский И.В. 177, 178, 182, 183, 186, 193
 Верне В. 102, 109
 Верне О. 101, 102, 108, 109
 Верон Л.-Д. 105, 113
 Виардо-Гарсиа П. 64, 68, 71, 77, 85, 93, 94
 Вивьен М. 477
 Виганд И. 249, 275
 Викенберг П.Г. 101, 108
 Виктория, королева 102, 109, 110
 Вильмен А.Ф. 64, 71
 Винокур Т.Г. 297
 Винтергальтер Ф.К. 102, 109
 Виньи А. де 87
 Виргилий 508
 Висковатов П.А. 34
 Витберг А.Л. 337, 338, 373, 374
 Виттенбург Е.П. 371
 Водовозов В.И. 138, 146, 148, 150
 Водовозова Е.Н. 139
 Восейкова (урожд. Башмакова) Н.А. 254, 280
 Войнов см. Войнов М.М.
 Войлошников, владелец пансиона 477
 Войнов М.М. 438, 475
 Волков И. 154
 Волконский П.М. 67, 250, 276
 Вольтер 89, 507
 Вольф А.И. 68, 85, 86, 88, 89, 94, 110, 124, 129
 Вордсворт В. 23, 31
 Воробьев М.Н. 331, 373
 Воробьева, хозяйка мастерской 444
 Воропаев В.А. 297, 300, 305, 371
 Востоков А.Х. 75
 Вронченко Ф.П. 67
 Всеволод Александрович, удельный князь Холмский 247, 273
 Всеволожские, бр. 104, 113
 Всеволожский А.В. 113
 Всеволожский Н.В. 113
 Выговский И.Е. 266
 Вызинский Г.В. 202
 Вяземский П.А. 25, 67, 95, 112, 123, 277, 517
 Вяземский П.П. 199
 Г.С. 518
 Гаврилова Н.В. 22, 53
 Гагарина В.Ф. 238
 Гайнцна Э.Г. 8, 35
 Галахов А.Д. 199, 201
 Галеви Ф. 78, 86, 89
 Галкин А.И. 466
 Галкины, купцы 466
 Ганка В. 97
 Гарибальди Дж. 140, 152, 310
 Гартинг Н.М. 205
 Гафиз 518
 Гедике И.К. 347, 376
 Гейне Г. 181
 Гейро Л.С. 17, 48, 97
 Гераков Г.В. 504, 516
 Гернет М.Н. 369
 Герцен А.И. 5, 46, 48, 112, 137, 152, 159, 221, 341, 374, 475
 Герье А.И. 299
 Гете И.-В. 28, 57, 109, 518
 Гигу Ж.Ф. 102, 109
 Гижицкий Б.К. 202
 Гизо Ф.-П.-Г. 64, 70, 113
 Гиллельсон М.И. 19, 67, 123
 Глинка М.И. 301, 370

- Глиноецкий Н.П. 276
 Гоголь Н.В. 32, 49, 95, 219, 305, 329, 466
 Голенищев-Кутузов А.П. 10
 Голицинский А.П. см. Голицынский А.П.
 Голицын А.Н. 285, 286, 337, 339, 373
 Голицын Д.В. 371
 Голицын Ю.Н. 430, 475
 Голицына (урожд. Кутайсова) А.П. 233
 Голицына О.А. 233
 Голицынская (урожд. Кошелевская) Е.Н. 340–342
 Голицынский А.П. 336, 340–348, 364, 365, 373, 374
 Голицыны, род 306
 Головин А.В. 148
 Головкин Ю.А. 251, 277
 Голубцов В.В. 266
 Гомер 508, 517
 Гончаров И.А. 5, 8–10, 12, 13, 15–18, 21, 23–25, 30–34, 37, 44, 46, 56, 57, 65, 71, 75, 76, 84, 87, 91, 92, 98, 107, 117, 118, 123
 Гопер В.Я. 300
 Гораций 508
 Горголи И.С. 251, 277
 Горлов И.Я. 224, 226
 Горчаков А.И. 258, 283
 Госилен, книгопродавец 105
 Готье Т. 198
 Гофман Э.-Т.-А. 334, 373
 Гранже Э. 84
 Грановский Т.Н. 199, 203, 204
 Греч Н.И. 45, 69, 70, 77, 84–88, 103, 104, 109–113, 123
 Грибоедов А.С. 161, 518
 Григорович Д.В. 12
 Григорьев П.И. 110
 Григорьев В.В. 75, 90
 Григорьев М.В. 192, 194
 Григорьева (урожд. Шишова) А.А. 192, 194
 Гризи Дж. 65, 68, 71, 77, 81, 85, 89, 90, 128, 129
 Гродецкая А.Г. 21, 26, 53, 483
 Грот Я.К. 71, 91, 95
 Груздев А.И. 15, 31
 Губер Э.И. 6
 Губо П. 88
 Гуден Л. 109
 Гуден Т. 102, 109
 Гудович И.В. 322, 372
 Гулак С.С. 68
 Гулкина А.И. 466
 Гурьянов И.Г. 517, 518
 Гусятников В.П. 8, 123
 Гусятников Д.П. 8
 Гусятников М.П. 8
 Гусятников П.М. 8, 34
 Гусятников П.П. 8, 123
 Гусятникова (в зам. Ефремова) Ю.Д. 79, 87, 122, 124
 Гусятникова Ю.П. см. Кашкарова Ю.П.
 Гусятникова Н.И. 8, 123
 Гусятниковы, семья 8, 10, 22, 107, 113, 123
 Гюго В. 6, 19, 87, 211
 Гюйон Ж. 80, 89
 Давыдов Д.В. 274, 277
 Давыдов И.Ю. 438, 476
 Давыдова (урожд. Щербинина) Е.Е. 274
 Дагмара, принцесса см. Мария Федоровна, имп.
 Даддани Г. 284
 Даддани, династия 283
 Даддианов П.Е. 283
 Даль В.И. 264
 Данилевский Г.П. 13
 Данилевский Н.Я. 195, 300
 Данилин Ю.И. 113
 Данте А. 348
 Дашков Е.Р. 274
 Девериа Э. 102, 109
 Деволант Ф.-П.-П. 325, 329–331, 372
 Деларю М.Д. 251, 277
 Дельвиг А.А. 94, 251, 277, 377
 Делянов И.Д. 148
 Демидова О.Р. 237

- Демиховская О.А. см. Марфина-
 Демиховская О.А.
 Денри А. 84
 Державин Г.Р. 205
 Дерикер В.В. 6
 Деркач С.С. 13, 22
 Детковский Л.Е. 136
 Дешан Э. 89
 Дидро Д. 172, 175
 Диккенс Ч. 6, 7, 299
 Диккенсон В. 299
 Диккенсон Ч. 299
 Дилигенская Н. 305, 371, 374
 Дионо см. Губо П.
 Диоген Синопский 97
 Дмитренко А.Л. 297
 Дмитриева Т.Ю. см. Щербаче-
 ва Т.Ю.
 Добролюбов Н.А. 169, 172
 Докучаев И.И. 466, 479
 Долгорукий В.А. 204
 Долгоруков В.А. 300
 Долгоруков Н.А. 251, 277
 Долинин А.С. 13, 34
 Доницетти Г. 78, 80, 85, 86, 94
 Доре Г. 255, 281
 Достоевская А.Г. 13
 Достоевский М.М. 13, 217, 221
 Достоевский Ф.М. 13, 14, 34
 Д'Осуна дель Инфантадо М. 284
 Дружинин А.В. 14
 Дубельт Л.В. 112
 Дудышкин С.С. 14, 55, 65, 84, 91,
 92, 117, 118
 Дудышкина (урожд. Кашкаро-
 ва) Н.С. 55
 Дурылин С. 109
 Дюбюк А.И. 316, 370
 Дюдеван А. см. Санд Жорж
 Дюжарие, издатель 113
 Дюканж В. 88
 Дюма А. 87, 88, 109, 307, 335, 373
 Дюмон-Дервиль Ж. 40
 Дюпре Ж.-Л. 80, 89
 Дюре Ф.-Ж. 101, 108
 Е.М. см. Майкова (урожд. Гусятни-
 кова) Е.П.
 Евдокимов Д.Г. 436, 437, 458, 461,
 475
 Евдокимов И.Г. 475
 Евдокимов М.Д. 437, 455–457
 Евдокимов Н.Д. 457
 Евдокимова (урожд. Ушако-
 ва) А.А. 458, 477
 Евдокимова А.Д. 473
 Евдокимова М.Д. 444–452, 454–471,
 473
 Евдокимовы, купцы 426
 Евреинов Д.П. 202
 Егор Егорович, учитель 454
 Егоров Б.Ф. 14, 221
 Екатерина II, имп. 33, 54, 266, 268,
 282, 316, 325, 358, 359, 365
 Елена Павловна, вел. кн. 333, 373
 Елена Петровна, вел. кн. 272
 Елизавета I Тюдор, королева 367
 Елизавета Ивановна, сестра
 Л.И.Бороздны 79, 87
 Елизавета Петровна, имп. 33, 241,
 242, 266, 267
 Ермолов А.П. 250, 276
 Ермолов М.А. 111
 Ершов П.П. 22
 Ефремова Ю.Д. см. Гусятнико-
 ва Ю.Д.
 Ефрон И.А. 175, 298
 Жанен Ж. 19, 64, 69, 70, 87
 Жданов В.А. 14
 Жебылев Н. 275
 Жирарден С.-М. 112, 113
 Жирмунский В.М. 514–516
 Житомирская З.В. 373
 Жуков В.Г. 370
 Жуков К.Н. 211
 Жуковский В.А. 28, 95, 123, 518,
 519
 Забелин И.Е. 300, 301
 Забелин Н.Е. 300
 Заблоцкий-Десятовский А.П. 9, 14,
 72, 91
 Заблоцкий-Десятовский М.П. 14
 Загоскин М.Н. 219
 Зайцев В.А. 519

- Зайцева Н.М. 297, 298, 300
 Зайчневский П.Г. 145, 202
 Закревский А.А. 344, 375
 Замараев Г.Т. 319, 371
 Заменгоф Л. 281
 Замойский А. 148, 150
 Замысловский Е.Е. 14
 Заньковский Ф.Г. 266
 Зарудная (урожд. Москова) Н.Ф. 267
 Зарудный Н.Н. 267
 Заряно С.К. 297
 Затаевич А.А. 267
 Захаров А.Д. 372
 Захарьин Г.А. 477
 Звягинцев А. 372
 Земцов М.Г. 283
 Зикеев Н.В. 135
 Зильбер В. см. Каверин В.А.
 Златковский М.Л. 34, 42, 43, 90, 91, 97, 117
 Зоннтаг Г. см. Зонтаг Г.
 Зонтаг Г. 93, 95
 Зотов В. 71
 Зотов Р.М. 58, 69, 85, 88, 95
 Зряхов Н.И. 377
 Зыков П.П. 298
- Иакинф о. 502, 516
 Иван Антонович, царь 267
 Иван Николаевич, дед Н.А.Бычковой 437
 Иван, дворник Кошелевских 340
 Иванов М.М. 86, 89, 94
 Иванов Н.И. 439, 471
 Иванова (урожд. де Спилер) Л.Н. 439
 Иванов-Разумник Р.В. 112
 Игнатъев Н.П. 290
 Игнатъев Р.С. 237
 Изабелла Кастильская, королева 243, 269
 Изабэ Л.Г.Э. 109
 Извольский А.П. 288
 Измайлов А.А. 195, 208, 213
 Измайлов А.Е. 21
 Иноземцев Ф.И. 348, 376
 Иоанн II, король 269
- Истрин В.М. 7
 Йоганно Т. 102, 109
- Каверин А.П. 272
 Каверин В.А. 31, 32
 Каверин П.Н. 250, 276
 Каверин П.П. 246, 251, 272, 276, 277
 Каверина Е.П. см. Щербинина Е.П.
 Казаков М.Ф. 375, 517
 Калакуцкая Л.П. 297
 Калачева (урожд. Щербинина) М.П. 278
 Каменев Г.П. 519
 Каменская (урожд. Толстая) М.Ф. 35
 Канель, учительница музыки 450
 Канида Дж.М. ди см. Марио Дж.
 Канкрин Е.Ф. 25, 67
 Карамзин Н.М. 516
 Каратыгин В.А. 79, 88, 89
 Карелин Г.С. 22
 Карелин И.Г. 22, 113
 Карл XII, король 266
 Карл X, король 70, 106
 Карцов Н.А. 66, 71, 72, 515
 Карцовы, семья 72
 Катенин П.А. 515
 Катков М.Н. 159, 161, 199, 221, 223, 346, 375
 Катон Старший Марк Порций 15, 92, 94
 Кауфман П.М. 288
 Каховский 308
 Каченовский М.Т. 502, 515
 Кашкаров В.С. 54, 55, 66, 72
 Кашкаров С.И. 55
 Кашкарова (урожд. Гусятникова) Ю.П. 8, 55, 66, 72, 123
 Кашкаровы, семья 72
 Кашкин Ю.С. 152
 Кельсиев И.И. 202, 203
 Кеслер Е.В. 452
 Кетчер Н.Х. 199, 299, 303
 Кийко Е.И. 21, 36
 Кинд Ф. 55
 Кириченко Е.И. 301–303
 Классен Е.И. 348, 376
 Клибанов А.И. 237, 286

- Ключевский В.О. 300
 Ключников В.П. 375
 Ключников И.П. 375
 Ключников П.П. 342, 343, 375
 Козлов И.И. 514
 Кок Поль де 63, 68
 Коллинз У.У. 244, 270
 Кольшко Б. 202, 232
 Комисаров Д.Д. 502, 516
 Комиссарова М.В. 379
 Кондаков С.Н. 370, 372
 Кононов А.А. 195, 297
 Кононов И.А. 303
 Константинович см. Модзалевская А.И.
 Константинович В.И. 189, 190, 193
 Константинович И.П. 142
 Кораблев А. 464, 465
 Кораблева А.П. 464
 Корнель П. 89
 Королева Н.В. 23
 Корреджо А. 101
 Корф М.М. 238
 Корш Е.Ф. 5, 23, 24, 31, 49, 66, 72, 106
 Корш М.Ф. 24
 Корши, семья 24, 72, 94
 Корякин, миллионер 334
 Кочубей Л.В. 257, 283
 Кошелевская (урожд. Иванова) Е.И. 325–329, 331–336, 340, 341, 372
 Кошелевская Д.Н. 340, 341, 358, 374
 Кошелевская М.Н. 332, 340, 341, 350, 365, 371, 374
 Кошелевские, семья 334
 Кошелевский Н.С. 316–325, 327–333, 335, 337–341, 349, 370–372, 374
 Краевский А.А. 49, 71, 124, 205
 Кронер, врач 357
 Крюков А.П. 22, 23
 Ксенофонов И.С. 196, 197
 Кублицкий М. 90
 Куде Ж.Ф.Р. 109
 Кудрин, свящ. 462
 Кудряев В.К. 136
 Кузмичев (Кузьмичев) Ф.С. 348, 377
 Кузьмина А.К. 179, 182, 183, 186, 188
 Кукольник Н.В. 28, 120, 124
 Кур Ж.-Д. 102, 109
 Куролопатин Е.Ф. см. Корш Е.Ф.
 Курочкин В.С. 223
 Кушнеров И.П. 237
 Кюстин А. де 46, 47, 103, 104, 106, 110–113, 117, 123
 Кюхельбекер В.К. 23
 Лабенский К.К. 111
 Лавровская Г.А. 461
 Лавровский В.Е. 461, 478
 Лавровский С.В. 461
 Лажечников И.И. 219
 Ламетри Ж.О. 172, 175
 Ламберт И.Г. де 172, 175
 Лапин И.С. 107
 Лаптев П. 276
 Лаптева (урожд. Щербинина, в 1-м бр. Бедряга) М.А. 250
 Лебедев В.А. 25
 Леви Э. см. Галеви Ф.
 Левидов И.М. 373
 Левин Ю.Д. 281
 Левитов А.И. 199
 Левкеева Е.М., актр. 110
 Лейхтенбергский М., герцог 67, 90
 Лейченко А.Е. 65, 71
 Леля см. Майков Л.Н.
 Леметр А.-Л.-П. см. Фредерик-Леметр
 Лемке М.К. 111, 112, 374
 Леонтьев П.М. 375
 Лермонтов М.Ю. 49, 370, 375, 426
 Лесков Н.С. 199, 287
 Лефебр Р. 187
 Ливен А.П. 287
 Ливен К.А. 286
 Лидия Николаевна, экономка Евдокимовых 468
 Лисовский Н.М. 6
 Локруа М. 55
 Ломоносов М.И. 517
 Лопухина Н.Ф. 233

- Лотман Ю.М. 41, 221
 Луи Филипп см. Людовик Филипп
 Лушников А.Г. 477
 Львов П. 372
 Льховский И.И. 14
 Любецкий С.М. 348, 376
 Людвиг, скорняк 72
 Людовик XV, король 120, 124
 Людовик Филипп, король 70, 71,
 109, 110, 121
 Ляцкий Е.А. 37
- М***** см. Ермолов М.А.
 Марио Дж. 80, 81, 89
 Мавор Дж. 247, 273
 Магомет 514
 Мазепа И.С. 266
 Мазон А. 8, 30
 Майдель (урожд. Розен) Л.Б. 283
 Майков А.Н. 5, 6, 8–11, 13–15, 17,
 19–21, 23, 25, 26, 32–34, 36, 42–
 45, 47–49, 53–60, 62, 65, 66, 71,
 73–75, 83, 90–94, 96, 97, 99, 100,
 107, 116–121, 123, 272
 Майков Ал.Ап. 12, 35
 Майков Ап.Ап. 21, 35
 Майков Вал.Ап. 12, 21
 Майков Вал.Н. 5, 12, 13, 26, 29, 32–
 34, 43–45, 49, 53–55, 57, 59, 61,
 65, 73–75, 83, 91–93, 96, 98, 104,
 115–117, 124
 Майков Вл.Н. 14, 21, 44, 115, 116
 Майков К.А. 21, 66, 72, 75, 81, 90,
 107
 Майков Л.А. 21
 Майков Л.М. 246
 Майков Л.Н. 7, 8, 14, 17, 21, 39, 44,
 45, 56, 57, 82, 90, 94, 115, 116,
 272
 Майков Н.А. 6, 8, 11–16, 19, 21, 25,
 26, 32, 35, 44, 45, 47, 53, 57, 61–
 63, 65–68, 71, 72, 75, 76, 90, 96,
 98, 104, 106, 107, 116–119, 122,
 123, 125, 130, 132–134
 Майкова (урожд. Гусятнико-
 ва) Е.П. 6, 8, 12–17, 20, 21, 24–
 29, 32, 35–47, 53–64, 66–69, 71–
 77, 81, 84, 85, 87, 90, 92, 95, 97,
 98, 113, 114, 117, 118, 123–125,
 130, 132–134
 Майкова К.А. 21, 22
 Майкова Над.Ап. 26
 Майкова (урожд. Измайлова, во
 2-м браке Азаревич) Нат.Ал. 21,
 63, 68, 104, 113
 Майковы, семья 5, 6, 8, 11–16, 18,
 20–22, 24–27, 34, 37–39, 43–45,
 47, 54, 55, 65–67, 71, 72, 75, 82,
 107, 111, 113, 483, 513, 517
 Макаров М.Н. 517, 518
 Маклаков Н.А. 279
 Максимов В.А. 185, 187
 Максимович Л.М. 517
 Макушев В.В. 14
 Мандевиль Б. 172, 175
 Манн Т. 270
 Манькова Л.В. 195
 Марио А. 89
 Мария Александровна, имп. 109,
 269
 Мария Максимилиановна, вел.
 кн. 475
 Мария Николаевна, вел. кн. 90,
 429, 475
 Марлинский 28
 Марсакова Т.М. 297
 Мартынов А. 517, 518
 Мартынов А.Е. 110
 Марфина-Демиховская О.А. 24
 Маслов В.И. 515
 Матвеев П. см. Ольхин П.М.
 Медовщикова (урожд. Калаче-
 ва) С.А. 278
 Медошкина С.А. 252
 Мезенкампф (урожд. Щербини-
 на) С.М. фон 245, 271
 Мейер 253
 Мейер Е.Е. 196
 Мейербер Дж. 57, 58, 78, 80, 86, 89
 Мельгунов Б.В. 27, 45
 Мельник В.И. 34
 Мельник Т.В. 34
 Меншиков А.Д. 26
 Меркушев М. 137
 Метелеркамп В.Д. 367, 370
 Микеланджело Б. 101

- Микетти Н. 283
 Милица Николаевна, вел. кн. 246, 272
 Миллер О.Ф. 34
 Миллер Ф.Б. 346, 375
 Мильчина В.А. 111, 112
 Милюков П.Н. 237
 Милютин И. 375
 Миляев К.О. 365
 Минкина А.Ф. 308, 368
 Миронов И.Д. 441, 442
 Миронова В.И. 442, 443
 Миронова Ю.Г. 440–443
 Миско М.В. 140
 Мисникевич Т.В. 195, 237
 Михаил Николаевич, вел. кн. 135
 Михаил Павлович, вел. кн. 102, 110, 369, 373
 Михаил Федорович, царь 266
 Михайлов И.И. 514
 Михайлов Н. 86
 Модзалевская (в зам. Сергеева) Е.Н. 136, 147
 Модзалевская (урожд. Константинович) А.И. 142, 143, 176, 178, 179, 182, 186, 187, 190, 193, 194
 Модзалевская (урожд. Кудряева) О.К. 135
 Модзалевские, семья 136
 Модзалевский А.Н. 136, 145, 146, 148, 153–155, 161, 166, 167, 171, 173, 182
 Модзалевский Б.Л. 135, 141
 Модзалевский К.Н. 136, 141, 142, 146, 148, 149, 153–155, 160, 162, 164, 167–171, 174–176, 184
 Модзалевский Л.Н. 135
 Модзалевский Н.Л. 135, 142, 148, 154
 Молоствов А.В. 284
 Мольер Ж.Б. 89
 Монферран О. 62, 67
 Монье М. 121
 Мор Ф. 347
 Мордовцев Д.Л. 195
 Морини 128, 129
 Морозов В.Д. 31
 Москов И.Ф. 266
 Москов Ф. 265, 266
 Москов Ф.Ф. 241, 242, 265, 267, 268.
 Москова (урожд. Заньковская) М.Ф. 266
 Моцарт В.А. 57
 Мочалов П.С. 347, 376
 Мочалов С.Ф. 269
 Муза, тетка Н.А.Бычковой 428
 Мундт Н. 129
 Муравьев М.Н. см. Муравьев-Виленский М.Н.
 Муравьев Н.Н. 515
 Муравьев 368
 Муравьев-Апостол И.М. 518
 Муравьев-Виленский М.Н. 355, 377
 Муратова Е.А. 205
 Мясников 284
 Надежда, горничная Евдокимовых 449
 Надеждин Н.И. 515–517
 Наполеон I, имп. 20, 69, 343
 Наполеон III 251, 277
 Нарышкин А.А. 213, 220
 Нарышкин К.А. 283
 Нарышкин Л.К. 255, 280, 281
 Нарышкина Е.А. см. Суворова Е.А.
 Наталья Кирилловна, царица 255, 281
 Невелев Г.А. 112
 Невоструев К.И. 518
 Некрасов Н.А. 13, 30, 142
 Никитенко А.В. 71, 90, 110, 123, 190
 Николаи П.Н. 287
 Николай I, имп. 34, 35, 63, 67, 90, 91, 102, 110, 242, 267, 268, 282, 286, 347, 367, 373, 429, 475
 Николай II, имп. 280
 Николай Александрович, цесаревич 478
 Нистрем К.М. 75, 367, 370
 Ноай Ж.-Ш. де 271
 Ноай П. де 245, 271
 Ноай Э.-Ф. де 271
 Ноай, род 271
 Нодье Ш. 64, 69

- Обер Д.Ф.Э. 57, 89
 Ободовский П.Г. 519
 Огарев Н.П. 199, 200, 205
 Ознобишин Д.П. 519
 Оленин А.Н. 67
 Олив (урожд. Щербачева) Е.Н. 252, 277
 Оливье Л. 479
 Ольга Андреевна, бабушка
 Н.А.Бычковой 434, 435, 437
 Ольхин А.П. 379, 401, 402, 413, 414, 416
 Ольхин К.А. 393, 399
 Ольхин К.П. 379, 410, 411
 Ольхин М.Д. 379, 399, 415
 Ольхин М.П. 11, 12
 Ольхин П.М. 379–388, 398, 400, 401, 404, 413–419, 423
 Ольхина М.С. 179, 182, 183, 188
 Ольхина (урожд. Брадзская) С.И. 413
 Ольхина С.К. 380, 401
 Ольхины, род 379, 399, 413
 Ольхины, семья 380
 Ордин Ф.Ф. 14
 Оржевский П.В. 293
 Орлова Е.И. 178, 179
 Орлова Н.Н. 192, 193
 Орловы, род 306
 Осетровы, семья 435
 Осипова И.В. 135
 Осиповский Д.Т. 348, 376
 Осповат А.Л. 111, 112
 Островский Н.Ф. 476
- П.О. см. Ольхин П.М.
 Павел I, имп. 256, 274, 282, 298, 305, 306, 316, 317, 366, 371, 373
 Павел, вюртембергский принц 373
 Павлов И.В. 348, 374
 Павлов Н.Ф. 345, 346, 375
 Павлова К.К. 345, 375
 Пакстон Дж. 269
 Палтов Н.И. 466, 479
 Панаев В.И. 25, 73, 75
 Панаев И.И. 12, 13
 Панаева А.Я. 69
 Панин В.Н. 148, 150
- Пантелеев Л.Ф. 137
 Пассек В.В. 211
 Пашков А.В. 284
 Пашков В.А. 237, 238, 284, 285
 Пашков М.В. 8
 Пашкова (урожд. Черткова) А.И. 284
 Пашкова М.В. 284
 Пашкова О.В. 284
 Пашкова С.В. 284
 Пашковы, род 284
 Пашковы, семья 8
 Пеано Дж. 281
 Пеликан В.В. 342, 374
 Переселенков С. 142
 Перовский Б.А. 283
 Перри Дж. 372
 Персиани Ф. 68, 77, 85, 128, 129
 Перская 441
 Пестель П.И. 307, 308, 368
 Петр I, имп. 7, 34, 108, 121, 132, 241, 255, 267, 271, 325, 330, 372
 Петр II, имп. 267
 Петр Николаевич, вел. кн. 272
 Петрашевский М.В. 13
 Петрашень И. 372
 Петров О.А. 68, 69
 Петров П.Н. 371
 Пиа Ф. 64, 70
 Пиксанов Н.К. 34
 Пиль Р. 102, 110
 Пименов Н.С. 101, 108
 Пименов С.С. 108
 Пинес Д.М. 112
 Пирогов Н.И. 139, 140, 144, 146, 147, 149, 152, 154, 155, 169, 303
 Писарев Д.И. 14, 137, 159
 Писаревский Н.Г. 221
 Писемский А.Ф. 199, 211, 221, 224
 Платон (Левин П.Е.), митр. 339, 374
 Плетнев П.А. 71, 90, 91, 95
 Плещеев А.А. 516
 Плещеев А.Н. 13
 Победоносцев К.П. 238, 261, 263, 285, 287, 290, 294
 Погодин М.П. 14, 67, 99
 Поджио 368

- Подолинский А.И. 516, 519
 Подунова Н.И. 297, 298, 300
 Покровская Е.Б. 87
 Покровский А.П. 202
 Полевицкая М. 192, 193
 Полевой Н.А. 28, 67, 129, 516
 Полетика В.А. 217, 221
 Порецкий А.У. 14
 Порошин С.А. 371
 Поскочин 40
 Потапов А.Л. 213, 216
 Прасковья Васильевна 454
 Преображенский А. 264
 Прийма Ф.Я. 17, 45
 Проханов И.С. 237, 239, 287
 Пружанский А.М. 69
 Пульман 64, 69
 Путятин Н.В. 149, 150
 Пушкин А.С. 19, 28, 49, 246, 250,
 251, 272, 273, 276, 277, 282, 305,
 319, 352, 371, 426, 502, 508, 509,
 514
 Пушкин Л.С. 276
 Пушкин М.Г. 201
 Пятковский А.П. 148, 149, 155, 156,
 163
 Пятковский П.П. 149, 150

 Р.П. см. Солоницын В.А.
 Р.Р.М. 300
 Раевский Н.Н. 203
 Радецкий Ф.Ф. 303
 Разумовский А.Г. 316, 371
 Разумовский К.Г. 371
 Раич С.Е. 519
 Рак В.Д. 23
 Рамбург (урожд. Щербинина) В.П.
 247, 249, 275
 Рамбург А.И. 249, 275
 Расин Ж. 89
 Расловлев М. 279
 Ратушный М. 286
 Ратынский Н. 124
 Рафаэль 59, 101
 Рашель 69, 79, 80, 89
 Ревью Б. 465
 Редкин А. 519
 Редсток Г. 237, 286, 287, 294

 Рейтблат А.И. 95, 377
 Ремезов И.С. 5
 Рени Г. 117
 Репнин Н.Г. см. Репнин-Волкон-
 ский Н.Г.
 Репнин-Волконский Н.Г. 250, 270,
 276
 Рихтер О.Б. 262, 285
 Рихтер Ф.Ф. 298
 Риччи Л. 90
 Риччи Ф. 81, 90
 Рождественский З.П. 246, 271
 Розанов А. 68
 Розанов, свящ. 349, 353, 354, 357,
 360
 Розен Г. см. Розен Е.Ф.
 Розен Е.Ф. 515
 Роман И. 69
 Романовский А.Ф. 452
 Романов Михаил, царь 20
 Романовы, династия 20, 34
 Ронконн Дж. 77, 85
 Росси К.И. 373
 Россини Дж. 78, 80, 81, 86, 89, 90, 94
 Рост А. 452
 Ростовцев Я.И. 347, 376
 Ростопчин, граф 33
 Ростопчина (урожд. Сушкова) Е.П.
 199, 278
 Ротчев А.Г. 58
 Рубини Дж.Б. 68, 71, 77, 85, 86, 93
 Рубакин Н. 195
 Руде Ф. 101, 108
 Руммель В.В. 266
 Румянцев Н.П. 75
 Румянцев П.А. см. Румянцев-Заду-
 найский П.А.
 Румянцева Лидия, мать Н.А.Быч-
 ковой 428
 Румянцев-Задунайский П.А. 322-
 324, 372
 Руссо Ж.Ж. 172, 175
 Рыбушкин М.С. 514
 Рябошапка И. 286

 С. см. Солоницын В.А.
 Сабуров А.А. 67
 Сабуров Д.Н. 350, 351, 357, 377

- Сабурова (урожд. Загряжская) Е.И. 377
 Сабурова Е.М. 357
 Сабуровы, семья 350, 351, 356
 Савельев П.Ф. 98, 107
 Сазонов И. 457
 Сазонова (в 1-м браке Евдокимова) Г.С. 457
 Сазоновы, семья 457
 Сайтов В.И. 8
 Саксен-Веймар-Эйзенах Кар-Александр, вел. герцог 154
 Салиас Е.А. 195, 197, 199–209, 211, 216, 220, 232, 233
 Салиас-де-Турнемир А. 197, 198, 205
 Салиас-де-Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина) Е.В. 195, 197, 199, 202, 204, 205, 210, 217, 218, 221
 Салиас-де-Турнемир Е.А. см. Салиас Е.А.
 Салиас-де-Турнемир (в замуж. Гуркоромейко) М.Е. 212
 Салтыков-Щедрин М.Е. 21
 Сальванди Н.А. де 64, 70
 Сальви 77, 80, 85
 Самарин Ю.Ф. 326, 373
 Самойлова В.В. 110
 Самсонова Т.П. 371
 Санглен Я.И. 348, 349, 377
 Санд Жорж 19, 87
 Сватиков С. 152
 Свенске Е.И. 155, 156
 Свиньин П.П. 26
 Святополк-Четвертинский В.Б. 365, 377
 Севостьянов П.Н. 465, 478
 Семевский М.И. 5, 138, 140, 163, 164
 Семевская Е.М. 140
 Семенов А.А. 300
 Семенов Д.Д. 138, 158–160, 163, 167
 Семенова Е.С. 269
 Сенковский Н.А. 217, 221
 Сенковский О.И. 5–7, 11, 12, 17, 22–24, 28, 30–33, 49, 87, 91, 120, 516
 Сент-Илер К.К. 155
 Серафимов В 62, 108
 Сервантес 109
 Сергеев М.Л. 146–148, 153, 154
 Сергеева А.М. 147, 148, 153, 178
 Серов А.Н. 95
 Сеченов И.М. 303
 Силич М.М. 75
 Симберг А. 192, 194
 Скабичевский А.М. 14, 136, 137
 Скавронская В.В. см. Юрьева
 Скавронский В.С. 474
 Скворода Г.С. 274
 Скотт В. 255, 281, 334, 366, 373
 Скотти М.И. 298
 Скриб Э. 57, 80, 89, 129
 Слепцов В.А. 199
 Смирдин А.Ф. 11
 Смирнов, товарищ Н.С. Кошелевского 338
 Снегирев В.Л. 374
 Сныток Н. 95
 Собко Н.П. 109, 297
 Сокова Е.М. 379
 Соколов В. 367, 374
 Солик см. Солоницын В.Ап.
 Соллогуб В.А. 35
 Соловьев Вс. 195
 Соловьев С.М. 300, 303
 Сологубы, семья 245
 Солоницын А.В. 9
 Солоницын В.А. 5–12, 15–20, 22–24, 26, 28–48, 53–55, 57–69, 71–85, 89–107, 110, 112–133, 483, 501, 516
 Солоницын В.Ап. 21, 25, 26, 32, 34, 36, 44, 62, 72, 74, 82, 84, 92, 95, 99, 100, 114, 116, 117, 127–131
 Сомов В.П. 24, 25
 Сорин, булочник 464
 Сорокин В.М. 139
 Сорокин М.М. 71
 Сорокина С.Е. 8
 Сперанский А. 108
 Спилер де, семья 439
 Спиноза Б. 311
 Ставассер П.А. 101, 109
 Сталь Ж. де 28
 Станкевич А.В. 299
 Стародумовы, семья 440

- Старчевский А.В. 6, 7, 9, 12–14
 Стасов В.В. 95
 Стасюлевич М.М. 224, 226
 Стахийев А.С. 371
 Степан Яковлевич, врач, муж
 Трубниковой А.А. 474
 Степанов А.П. 28
 Степанов С., поэт 348, 502, 516
 Стерн Л. 109
 Стефанович П.К. 155, 156, 163, 188–
 190
 Стой К. 140, 184
 Столповская А.А. 448
 Стоюнин В.Я. 148, 150
 Строев В.М. 87, 107–109
 Суворов А.В. 98, 107, 256, 282
 Суворов Ал-др Арк. 256, 282–284
 Суворов Арк. Александрович 256,
 282–284
 Суворов К.А. 283
 Суворова (в зам. Молостцова) Л.А.
 284
 Суворова (урожд. Нарышкина)
 Е.А. 281
 Суковкин М.А. 288
 Сулье Ф. 87
 Сумароков Д.И. 304, 354, 358–366,
 377
 Сумарокова, мать Д.И. Сумарокова
 365
 Сухово-Кобылин В.А. 196
 Сухово-Кобылина С.В. 196, 197
 Сухозанет И.О. 361, 377
 Сухомлинов М.И. 137
 Сушков А. 266
 Сушков В.В. 266, 267
 Сушков Д. 266
 Сушков Д.П. 278
 Сушков И.В. 242, 267, 278
 Сушков М.В. 278
 Сушков Н.В. 242, 244, 253, 267, 268,
 278
 Сушков П.В. 278
 Сушков С.П. 278
 Сушков Сергей 253
 Сушков Т.В. 266
 Сушков Я. 266
 Сушкова (в зам. Щербачева) М.В.
 278
 Сушкова (в замужестве Белявце-
 ва) В.В. 278
 Сушкова (урожд. Москова) А.И.
 266–270
 Сушкова (урожд. Москова) Е.Ф.
 241–243, 253, 265, 267, 268, 278
 Сушкова (урожд. Храпови-
 цкая) М.В. 278
 Сушкова Е.А. 278
 Сушковы, род 266, 267, 278
 Сушковы, семья 241, 253, 266
 Сцевола К.М. 210, 211
 Сцевола П.М. 210, 211
 Сю Э. 6, 78, 79, 84, 86–88, 104, 105,
 109, 113, 119, 120
 Тальони М. 128, 129
 Тамбурины А. 68, 86
 Таннер Ф. 101, 108
 Тарапыгин Ф.А. 367
 Тассо Т. 255, 281
 Татищев С.С. 110
 Таухниц Х.Б. фон 244, 270
 Теккерей У.М. 366, 378
 Темпест Р. 113
 Тепляков А.Г. 65, 71, 84, 91
 Тепляков В.Г. 71
 Терещенко, сахарозаводчик 452
 Терлецкий Г. 237
 Тернер Ф.Г. 286
 Тимаев М.М. 159
 Тимаев Н.М. 158, 159
 Тимошук В.В. 140, 275
 Тишкин Г.А. 141
 Толстая М.Л. 239
 Толстой Д.А. 205, 293
 Толстой Л.Н. 35, 239, 276, 300
 Толстой Ф.И. («Американец») 251,
 277
 Толстой Я.Н. 111
 Томиловский, обер-секретарь
 Сената 323
 Торопов, художник 364
 Траверсе И.И. де 198
 Тропинин В.А. 319, 339, 371
 Троицкий И.М. 304, 367–370

- Трубецкие, семья 245
Трубников А.А. 443, 444, 448, 452, 454, 455, 459, 460, 466, 467, 469, 478
Трубников А.В. 448, 449, 469, 477
Трубников И.А. 448
Трубников Н.А. 474
Трубникова (урожд. Евдокимова) Н.Д. 426, 444, 445, 447–452, 454–456, 459, 464, 465, 467, 469, 470, 473, 474
Трубникова А.А. 444, 448–456, 458, 460, 462, 463, 466–470, 474
Трубникова М.А. 448
Трубникова С.А. 444, 448, 451, 452, 454, 455, 466, 467
Тур Е. см. Салиас-де-Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина) Е.В.
Тургенев А.И. 25, 33, 45, 46, 63, 66, 67, 69, 70, 111, 112, 123, 199
Тургенев И.С. 13, 199, 200, 217
Тынянов Ю.Н. 31
Тьер Л.-А. 105, 113, 124
Тютчев Н.Н. 299
Тютчев Ф.И. 299
- Убри П. см. Губо П.
Убри П.П. 111
Убри С.П. 111
Уваров С.С. 73, 75, 91, 111
Улитин Н.Н. 373
Умикян А.Д. 373
Урусова Е.Е. 199
Успенский С. 471
Ушаков А.С. 477
Ушаков Д.А. 458, 477
Ушаков, майор 313
Ушакова (урожд. Москова) П.Ф. 267
Ушакова Е.С. 458, 459
Ушакова Ф.И. 477
Ушаковы, семья 458
Ушинский К.Д. 138, 139, 141, 142, 146, 149, 153, 155, 159, 160, 162–165, 182
- Фаворский В.А.** 298
Фаларис 501, 513
- Фасмер М.** 264, 265
Федор Иоаннович, царь 266
Федоров И. 154
Феликс Э.Р. см. Рашель
Фелленберг Ф.Э. 283
Феокиста, тетка Н.А.Бычковой 428
Феокистов Е.М. 197, 198, 201, 202, 221
Феокистова С.А. 198
Фердинанд II Арагонский 243
Фердинанд V Арагонский 269
Фидлер, владелец училища 478
Фиеза (Фиезва) см. Фиозва
Филарет (Дроздов В.М.), митр. 339, 374
Филд Дж. 316, 370
Филипп Платонович, лакей Евдокимовых 467
Филипп II, король 515
Фильд см. Филд Дж.
Фильден Дж. 306
Фиозва, тетка Н.А.Бычковой 428, 437, 438, 453
Фирдоуси А.К. 510, 511, 513, 518, 519
Фишер К. 140
Фомин М. 62, 108
Фомин Н.И. 502, 516
Фомичев С.А. 518
Фребель Ф. 192, 193
Фредерик-Леметр 79, 88
Фрелих Г. 149, 150
Френ Х.Д. 502, 516
Фридрих Вильгельм II, император 270
Фриче М.А. 254, 280
Фролов П.И. 197
Фролова Р.И. 87
Фурнье М. 55
- Хвостов Д.И.** 98, 107
Хвостова (урожд. Горчакова) А.И. 107
Хилтон Г. 284
Ходж Т. 26
Хомутов, кузен 248, 249, 274

- Хомутова (урожд. Щербинина) А.А. 274
 Хомяков А.С. 199, 286
- Цветков А.А.** 474
 Цветков А.Д. 460–463, 466, 467, 473
 Цветков В.А. 467
 Цветков Д.А. 467
 Цветков Н.А. 451, 463–465, 467, 468, 473, 479
 Цветков Н.Н. 474
 Цветков С.А. 451, 460, 462, 463
 Цветков С.Н. 467, 469, 474
 Цветкова (урожд. Трубникова) Л.А. 426, 444, 448–450, 452, 453, 459, 463, 465, 467–469, 473, 474
 Цветкова А.А. 462
 Цветкова В.Н. 474
 Цветкова Г.А. 467
 Цветкова Е.А. 462
 Цветкова Е.В. 461, 463
 Цветкова М.Н. 473
 Цветковы, семья 461, 462
 Цейдлер П.М. 14
 Цейтлин А.Г. 18, 44
 Целлариус, танцмейстер 103, 110
 Цявловский М.А. 272
- Чаадаев П.Я.** 374
 Чарыков Н.В. 288
 Чемена О.А. 24
 Ченчи Б. 116, 117
 Черейский Л.А. 272, 282, 370, 371
 Черкасский В.А. 307, 367
 Чернышев-Кругликов И.Г. 290
 Чернышевский Н.Г. 172, 223, 224
 Черрито Ф. 128, 129
 Чертков В.Г. 237, 239
 Черткова Е.Г. 285
 Черткова Е.И. 237, 238, 290, 294
 Четвертинский см. Святополк-Четвертинский
 Чинизелли Г. 288
 Чинизелли, семья 264, 288
 Чистяков А.И. 149, 150
 Чичерин Б.Н. 299, 347, 376
 Чичерин С.П. 222
- Шамбо М.П.** 451
 Шамбо П. 451
 Шамбо С.М. 451
 Шамбор де, граф 70
 Шатилов Н.А. 26
 Шатобриан Ф.-Р. 28, 64, 70
 Шафонская Н.Ф. 24
 Шафонский А.А. 24
 Шаховская В.Ф. 96, 97, 116
 Шаховские, семья 96, 127
 Шаховской Н.М. 97
 Шевырев С.П. 8, 46, 90, 199
 Шедо-Ферротти 159
 Шекспир В. 90, 229, 315, 507, 517
 Шеллапутин П.Г. 479
 Шелехова 2-я, актр. 110
 Шеллер А. 89
 Шелли П.-Б. 117
 Шениг Н.И. 251, 277
 Шенье Ж.-М. 70
 Шеньян, фотограф 177, 178, 182, 193
 Шель Ю; 212
 Шепелев Д.А. 212
 Шепелев Е.Д. 233
 Шепелева М.Е. 212
 Шепелев П.А. 212
 Шепелевы, род 212
 Шепель П.Ю. 212
 Шервуд (в зам. Фаворская) О.В. 298
 Шервуд (урожд. Кошелевская) Е.Н. 340, 341, 349
 Шервуд В.В. 314
 Шервуд В.О. 297
 Шервуд В.Я. 298, 305–307, 313, 316, 349, 350, 366, 367
 Шервуд Е.О. 356, 358, 365
 Шервуд Елиз.В. 315, 316, 370
 Шервуд И.В. 298, 314
 Шервуд Л.В. 297, 298, 367
 Шервуд М.Ф. 306, 314
 Шервуд Н.О. 353, 354, 356, 358
 Шервуд О.В. 350
 Шервуд Софья Иосифовна 334, 344, 356, 358
 Шервуд Т. 306, 367
 Шервуд Я.В. 314, 315

- Шервуд, семья 311
 Шервуд-Верная (урожд. Кирмиссон, в 1-м браке Струтинская) Ф. 312, 370
 Шервуд-Верная (урожд. Ушакова) Е.А. 312, 313, 369
 Шервуд-Верная (урожд. фон Парфенек) Е.А. 370
 Шервуд-Верная О.И. 369
 Шервуд-Верная С.И. 369, 370
 Шервуд-Верный А.И. 370
 Шервуд-Верный В.И. 370
 Шервуд-Верный Е.И. 370
 Шервуд-Верный И.В. 298, 304, 307–314, 349, 354, 357, 366–370
 Шервуд-Верный К.И. 369
 Шервуд-Верный Н.И. 369
 Шервуд-Верный Э.-И.Г. 370
 Шервуды, род 367
 Шервуды, семья 367
 Шереметев Д.Н. 374
 Шереметева В.П. 369
 Шереметевы, род 269
 Шереметьев, гр. 339
 Шерр Т. 149, 150
 Шидловский А.В. 515
 Шиллер Ф. 376
 Шилов 466
 Шильдер Н.К. 111, 276, 366, 367
 Шиховской И.И. 144, 146, 155, 158
 Шлегель Ф. 519
 Шлейер И. 281
 Шляпников А.И. 514
 Шод-Эг Ж. 103, 111
 Шопенгауэр А. 300
 Штакельберг Г.Э. 288
 Штакельберг Э.Г. 288
 Штакельберги, семья 288
 Штакеншнейдер А.И. 97
 Штакеншнейдер Е.А. 12, 97
 Штейбен Ш. 101, 108
 Штейнпресс Б.С. 26, 95
 Штрайх С.Я. 140
 Шубин 466
 Шубинский С.Н. 197, 206, 207
 Шувалов П.А. 283
 Шувалова Е.И. 238
 Щедрин М.Е. 218, 219, 223
 Щепкин М.С. 269
 Щербатов А. 228, 230
 Щербачев А. дядя см. Щербачев А.Н.
 Щербачев А.Н. 245, 246, 252, 253, 271, 272
 Щербачев А.Ю. 247
 Щербачев Н.А. 245, 270
 Щербачев Н.Ю. 272
 Щербачев О.А. 246, 271
 Щербачев С.Н. 277
 Щербачев Ю.Н. 246, 247, 252, 272, 273, 276, 277
 Щербачева (в зам. Дмитриева) Т.Ю. 272
 Щербачева (урожд. Каверина) М.А. 272
 Щербачева (урожд. Щербинина) Е.М. 245, 270, 271
 Щербачева Е.Н. 272
 Щербачева Е.Н. см. Олив Е.Н.
 Щербачева З.А. 272
 Щербачева К.А. 272
 Щербина Василий 247
 Щербинин А.А. 250, 275
 Щербинин А.Е. 274
 Щербинин А.М. 240, 241, 245, 252, 264, 265
 Щербинин А.П. 247–249, 274, 275
 Щербинин Ал.-др.Г. 283
 Щербинин Алексей Андр. 282
 Щербинин Андр.Андр. 282
 Щербинин Андр.Г. 283
 Щербинин Андрей 278
 Щербинин Г.А. 283
 Щербинин Д.Л. 274
 Щербинин Д.П. 247–249, 274
 Щербинин Е.А. 248, 274
 Щербинин Е.П. 274
 Щербинин М.А. 237
 Щербинин М.А., дед 250, 251, 270
 Щербинин Н.П. 247, 249, 274, 275
 Щербинин П.А. 247–249, 274
 Щербинин П.М. 245, 265, 270
 Щербинин П.П. 252, 253, 277, 278
 Щербинин Петр Андр. 250, 275, 277
 Щербинин Самуэль 278

- Щербинин Ф.А. 282
 Щербинин Эрик 278
 Щербинина (в 1-м бр. Бедряга, во 2-м браке Лаптева) М.А. 276
 Щербинина (урожд. Барц) Е.П. 249, 275
 Щербинина (урожд. Даддиано-ва) О.П. 283
 Щербинина (урожд. Дашкова) А.М. 274
 Щербинина (урожд. Каверина) Елиз.П. 250, 251, 276, 277
 Щербинина (урожд. Кропоткина) Т.Я. 247, 248
 Щербинина (урожд. Лаггар) Б. 239
 Щербинина (урожд. Рупперт) В.И. 282
 Щербинина (урожд. Скваер) М. 277
 Щербинина (урожд. Сушкова) В.Н. 270
 Щербинина (урожд. Сушкова, во 2-м браке Башмакова) В.Н. 241, 243, 244, 253, 265, 281
 Щербинина В.П. см. Рамбург В.П.
 Щербинина Е.А. 254, 280
 Щербинина Е.М. см. Щербачева Е.М.
 Щербинина Е.П. 274, 275
 Щербинина М.А. см. Лаптева М.А.
 Щербинина М.П. см. Калачева М.П.
 Щербинина С.М. см. Мезенкамф С.М. фон
 Щербинины, род 247, 249, 272, 273
 Щербинины, семья 249
 Щеткин Я.А. 14, 26, 36
 Щипачев, купец 466
 Щипачевы, купцы 466
 Шукин П.И. 478
- Эдвардс Г.С. 366, 378
 Эйдельман Н.Я. 475
 Эйхенбаум Б.М. 31
 Эльслер Ф. 64, 69, 128, 129
 Энгельгардт О.М. 95
 Энгр Ж.-О.-Д. 101, 108
 Эпикур 48
- Эрнст Иоганн, герцог Курляндский, 266
- Ю-ъ К-въ 517
 Юрьева (в зам. Скавронская) В.В. 425
- Языков А.П. 144, 145
 Языков Д.Д. 5, 91, 97
 Языков Д.С. 10
 Яков, камердинер Шервуда-Верного 312-314
 Яковлев Жак 111
 Ямпольский И.Г. 34, 47, 48
 Яновский С.Д. 12, 13
 Янышев И.Л. 238
 Яхонтов А.Н. 68, 86, 94
- Amburger E. 275, 371
 Aubry см. Губо П.
 Arnould см. Арну О.-Ж.-Ф.
 Baedeker F.W. см. Бедекер Ф.В.
 Baedeker см. Бедекер К.Ф.
 Beudin см. Беден Ж.
 Bunyan см. Беньян Дж.
 Cadot M. 111, 112
 Cellarius см. Целлариус
 Chaudes-Aigues см. Шод-Эг Ж.
 Cinielli см. Чинизелли Г.
 Couder 102, 109
 Court 102, 109
 Croû (Croix) de la, квартирные хозяйева 46, 62, 66, 76, 81, 99, 118, 132, 133
 Custine см. Кюстин А. де
 D'Ennery (Denner) см. Денри А.
 Devéria см. Девериа Э.
 Diderot см. Дидро Д.
 Duret см. Дюре Ф.-Ж.
 Edwards см. Эдвардс Г.С.
 Field см. Филд Дж.
 Fournier см. Фурнье М.
 Fröhlich см. Фрелих Г.
 Frähn см. Френ Х.Д.
 Gigoux см. Гигу Ж.Ф.
 Gosselin см. Госилен
 Goubaux см. Губо П.
 Gover J.E.V 367

Grangé см. Гранже Э.
Gudin см. Гуден
Guyon см. Гюйон Ж.
Halévy см. Галеви Ф.
Heim F.J. 367
Helwerth frau, владелица
 кондитерской 152
Ingres см. Энгр Ж.О.Д.
Isabey 102, 109
Janin J. см. Жанен Ж.
Johannot см. Йоганно Т.
Kelly C. 375
Kock Paul de см. Кок Поль де
Kolkovsky M. 375
Lacroix см. Кро́у (Croix) de la
Lametrie см. Ламетри Ж.О.
Latimer R.S. 239
Lefebvre см. Лефевр Р.
Lacroix см. Кро́у
Lokroy см. Локруа
Mandeville см. Мандевиль
Martin 46, 133
Mawer A. 367
Mavor см. Мавор Дж.

Mazon A. см. Мазон А.
Monier M. 46, 106, 121
Noailles см. Ноай П. де
Nodier см. Нодье Ш.
Perry см. Перри Дж.
Piat F. см. Пиа Ф.
Rousseau см. Руссо Ж.Ж.
Rude см. Руде Ф.
Scott R. 239
Sherwood T. см. Шервуд Т.
Stadler J.E. 367
Stenton F.M. 367
Stoy см. Стой К.
Sue E. см. Сю Э.
Tanneur см. Таннер Ф.
Tarn J.-F. 111
Vernet W. см. Верне В.
Vernet O. см. Верне О.
Viardo Garcia см. Виардо-Гар-
 сия П.
Villemain см. Вильмен
Wickenberg см. Викенберг
Winterhalter см. Винтергальтер

СОДЕРЖАНИЕ

Портреты

- А.Г.Гродецкая.** Чувствительные и холодный (В.А.Солоницын и семья Майковых) 5

Письма

- Из переписки В.А.Солоницына и Е.П.Майковой 1843–1844 гг.
Подготовка текста и примечания А.Г.Гродецкой 53
- Л.Н.Модзалевский.** Письма к родным и близким. *Подгот. текста, вступительная статья и комментарий И.В.Осиповой* 135
- Е.А.Саднас.** Письма к матери. *Подготовка текста Л.В.Маньковой. Комментарии А.А.Кононова и Т.В.Мисникович* 195

Воспоминания

- Майкл де Щербинин** (Михаил Андреевич Щербинин). Пять веков семейной истории. *Подготовка текста О.Р. Демидовой. Вступительная статья и комментарий Т.В.Мисникович* 237
- В.О.Шервуд.** Воспоминания. *Вступительная статья А.Л.Дмитренко. Подготовка текста В.А.Воропаева и Т.М.Марсаковой. Комментарии А.А.Кононова* 297
- Елена Визенталь.** Александр Ольхин. Воспоминания об отце. *Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.В.Абрамова* 379
- Н.А.Бычкова.** Как жили ваши бабушки и прабабушки. *Литературная запись В.В.Юрьевой. Публикация В.М.Божковой* 425

Сочинения

В.А.Солоницын. Так они наняли дачу! <i>Подготовка текста А.Г.Гродецкой</i>	483
В.А.Солоницын. Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи. <i>Публикация и комментарии А.Ю.Балакина</i>	501
Указатель имен	520

ЛИЦА
Биографический альманах

8

Редактор-составитель О.Р.Демидова
Серия выходит под общим наблюдением Б.Л.Бессонова

Редактор Е.В.Русакова
Корректор М.А.Ахметова

Биографический институт:
199134, С.-Петербург, наб. Макарова, 4, ИРЛИ

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 09.02.2001.
Формат 60×88/16. Объем 34 п. л. вкл. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 400. Заказ № 3992

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina @nevsky.net

ISBN 5-86007-246-5

9 785860 072466

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
ПРЕДЛАГАЕТ:**

Дiasпора: Новые материалы. Вып.1 / Под ред. В. Аллоя СПб.: Atheneum, Феникс, 2001, 752 стр., ил., пер., тир. 1100. Среди материалов читатель найдет воспоминания парижского таксиста, актрисы МХАТа и поэта-переводчика; дневниковые записи ученого-востоковеда Никитина и писателя Бориса Лазаревского; статьи о русской колонии Парижа начала века, о позиции эмигрантов во время и после Второй мировой войны; о пребывании в Париже М. Волошина и о биографических источниках романа Ю. Анненкова; переписку Горького, Бунина, Тэффи, Набокова, Осоргина, Вишнякова и др.

Дiasпора: Новые материалы. Вып. 2 / Под ред. О. Коростылева. СПб.: Феникс, 2001. В печати.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
ВЫШЛА КНИГА:**

Деятели русской науки XIX—XX вв. В 2-х вып. Вып. 1—2. СПб., 2000, 416+416 стр., илл., переплет.

Книги, подготовленные в С.-Петербургском филиале Института российской истории РАН и С.-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН под редакцией И. П. Медведева, включают работы, посвященные научной, научно-организационной и общественной деятельности отечественных ученых XIX—XX вв. Большая часть статей основана на архивных материалах, предлагаются публикации ранее неизвестных статей, записок и писем, которые хранятся в библиотеках и архивах С.-Петербурга, а также в личных архивах ученых. Сборники состоят из разделов: «История науки и техники», «История исторической науки», «Люди и судьбы», «Публицистика». В числе героев книг — П. И. Кеппен, П. П. Пекарский, Ф. И. Успенский, А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов, С. А. Жебелев.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
ВЫШЛА КНИГА:**

Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбах России СПб., 2001, 218 стр., переплет.

В книге рассматриваются взгляды российской эмиграции первых послереволюционных десятилетий на проблемы наций и евразийства. Анализируется содержание организованных в эмиграции дискуссий по национальному вопросу и задачам, связанным с сохранением в Русском Зарубежье русской ментальности, выявляется отношение эмигрантов к защите покинутого отечества и перспективам распада СССР.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
ВЫШЛА КНИГА:**

Мир искусств: Альманах. <Вып. 4>. СПб., 2001. Сост. М. А. Бусев, 552 стр., илл., переплет.

Альманах «Мир искусств» готовится в Государственном институте искусствознания, он включает статьи, публикации архивных материалов, переводы и интервью. Альманах посвящен различным видам искусства, памятникам, созданным в разные эпохи и в разных странах, в нем публикуются также труды по теории искусства и фольклору.

Очередной выпуск альманаха включает серию исследований по истории и теории музыки, в частности, о творчестве А. Шнитке, специальная подборка статей посвящена наследию А. П. Чехова.